

230

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. А. РОВИНСКІЙ

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

ПЕЧАТАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

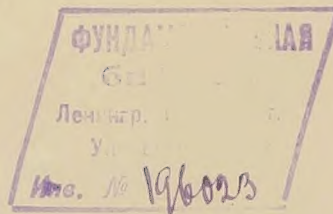
Н. П. СОВКО

І.

✱

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Р. Голике
1900

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ПЕЧАТНІЯ Р. ГОЛІКЕ, СПАСКАЯ УЛ., Д. 17.
1900.

Ф16906. 1183/1

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ.

I.

І.

Народныя картинкі, рѣзанныя на деревѣ. Начало этого способа гравированія въ Европѣ; дешевыя картинкі для народа: апокалипсисы, библіи для бѣдныхъ, космографіи. Начало гравированія на деревѣ въ Россіи въ 1564 г.; первыя летучія картинкі: «темница святыхъ осужденныхъ» 1629 г. и преподобная Акилина; цѣлыя гравированныя изданія: библія и картинкі изъ Печерскаго патерика монаха Ильи (1646—61 г.г.), библія и апокалипсисъ іерея Прокопія (1646—62), апокалипсисъ Кореня 1696 г.; картинкі большаго размѣра. **Гравированіе на мѣди**—въ Европѣ и у насъ. Граверы-серебряники: Трухменскій, Андреевъ и Л. Бушпінъ. Иконописецъ Симонъ Ушаковъ (1663 г.). Букварь Каріона Истомина. Кіевскіе граверы. Гравюра при Петрѣ І. Голландскіе мастера: Адріанъ Шхонебекъ и Петръ Пикаръ; ученики ихъ: Алексѣй и Иванъ Зубовы, Матвѣевъ, Мякишевъ, Любецкій, Ростовцевъ; бібліотекарь Василій Кипріяновъ. Уничтоженіе Петербургской типографіи; русскіе граверы обращаются къ производству народныхъ картинокъ, ради хлѣба. Мартынь Нехорошевскій, Скобелкинъ, Тихоміровъ и Пастуховъ, работавшіе въ половинѣ XVIII вѣка; мастеръ Чуваевъ. Ахметьевская фабрика народныхъ картинокъ; фабрики Логинава и другихъ мелкихъ торговцевъ; фабрика Голышева. Картинкі, печатавшіяся въ Почаевѣ, Кіевѣ и Соловецкомъ монастырѣ.

Народныя картинкі наши производились двумя способами: или рѣзались оброчно на липовыхъ и оловянныхъ доскахъ, для печатанія съ простаго типографскаго станка, или же гравировались на мѣдныхъ доскахъ вглубь, посредствомъ грабштихеля (рѣзца) и крѣпкой водки.

Печатаніе картинокъ деревянными досками было извѣстно въ Европѣ съ давняго времени: есть ученые, которые возводятъ попытки этого гравированія къ XII вѣку; старѣйшая же гравюра на деревѣ, изображающая св. Христофора, несущаго младенца Спасителя черезъ рѣку, помѣчена 1423 годомъ (1).

Въ первые вѣка своего существованія, гравюра оставалась на степени простаго ремесла: все вниманіе граверовъ было обращено не на художественное исполненіе картинокъ, а на ихъ содержаніе; гравюра служила прежде всего общественнымъ нуждамъ и потребностямъ. Слѣдя за религіозными требованіями народа, она доставляла ему дешевыя изображенія почитаемыхъ имъ святыхъ: цѣлыя изданія Апокалипсиса (шесть изданій, отъ 48 до 50 листовъ въ каждомъ) и Библіи (Кельнская 1470 г. и такъ назыв. «для бѣдныхъ»,

1475 г.), разныя легенды о крестѣ, страшномъ судѣ, антихристѣ, лицевыя изобра-

1. Св. Христофоръ, старинная картинка 1423-го года.

женія молитвъ, страстей Спасителя и Апостоловъ. Отзываясь на нравственные по-

требности народа, и преимущественно неученыхъ людей, гравированіе выполняло: пляски смерти, десять заповѣдей для неученыхъ людей, зеркало человѣческаго спасенія, *ars moriendi*... Для удовлетворенія житейскимъ потребностямъ народа, гравированіе на деревѣ производило—дешевыя игральныя карты, дешевыя сатирическія сочиненія, каковы: книга о восьми плутовствахъ, басня о больномъ львѣ, жалоба противъ смерти, тяжба человѣка со смертію. Наконецъ, для удовлетворенія научнымъ потребностямъ народа, гравированіе сдѣлало для него: разные виды городовъ, описаніе столицы католическаго міра Рима, хиромантію и первую космографію Птолемея. Словомъ, гравюра на деревѣ старалась замѣнить для народа, и въ особенности для бѣдныхъ (*Biblia pauperum*) и неученыхъ,—тѣ манускрипты и миниатюры, которые, по своей дороговизнѣ, были доступны для однихъ богатыхъ, и дѣлали изъ науки и знанія—достояніе немногихъ избранныхъ.

Въ концѣ XV-го вѣка гравюра на деревѣ переходитъ мало-по-малу въ область искусства. Рисунки на деревянныхъ доскахъ дѣлаются знаменитыми живописцами того времени—Дюреромъ, Гольбейномъ и др.; прежніе же граверы-ремесленники употребляются только для самого процесса гравированія, т. е. для вырѣзки сдѣланныхъ на доскахъ рисунковъ.

Въ Россіи гравированіе на деревѣ появилось въ одно время съ книгопечатаніемъ—во второй половинѣ XVI-го вѣка, т. е. въ то время, когда оно уже находилось въ Европѣ на высокой степени своего развитія; но здѣсь гравированіе явилось въ видѣ чисто-прикладнаго искусства, и получило совершенно другой ходъ, чѣмъ на Западѣ.

На Западѣ оно началось, какъ уже было сказано, въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ разными изображеніями духовнаго содержанія и, вслѣдъ за тѣмъ, въ видѣ цѣлыхъ книгъ, отпечатанныхъ деревянными досками и назначенныхъ преимущественно для народнаго употребленія. Въ Россіи первая гравюра на деревѣ, изображающая Евангелиста Луку, появилась въ видѣ приложенія къ первой, напечатанной по

царскому повелѣнію въ Москвѣ, книгѣ Апостолъ 1564 года (2); за ней слѣдо-

2. Евангелистъ Лука, изъ первопечатнаго Московскаго Апостола 1564 года.

вали тѣ же изображенія Евангелиста Луки при изданіяхъ Апостола, сдѣланныхъ въ Львовѣ (3) и въ Вильнѣ (4); Отдѣльные же гравированные листки появляются гораздо позже—во второй четверти XVII-го столѣтія, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ; здѣсь прилагаются изъ числа ихъ: «Темница святыхъ осужденныхъ»—большая гравюра въ листъ, въ ширину, вырѣзанная на оловянной доскѣ и помѣченная 1629 годомъ (5), «Преподобная Акилина» такой же работы, помѣченная 1627 годомъ (6),—обѣ Кіевскаго мастерства; небольшія картинки 1626 года: «Смерть на блѣдномъ конѣ» (7) и «Странствованія св. Антонія» (8), назначенныя для вклеиванья въ книги; Антиминсъ, вырѣзанный на оловянной доскѣ казначеемъ Московскаго Знаменскаго монастыря іеромонахомъ Іосифомъ, въ 1678 году (9). Наконецъ, за этими картинками слѣдуютъ цѣлыя книги, гравированныя на деревѣ, какъ «Апокалипсисъ» іерея Про-

3. Евангелистъ Лука изъ Львовскаго Апостола 1574 года.

4. Евангелистъ Лука изъ Виленьскаго Апостола 1591 года.

5. «Темница святыхъ осужденныхъ», отдѣльная гравюра Кіевской работы 1629 года

6. Св. Акиппна, Кіевской работы 1627 года.

7. Смерть на блѣдномъ конѣ, той-же раб. 1626 г.

9. Аптимписъ Московской работы 1678 г. на оловянной доскѣ.

8. Препол. Антоній и Павелъ Флвейскій, Сатпры и Инокентавръ, раб. Л. М. 1626 года.

копія, изъ котораго здѣсь помѣщается 6 картинокъ (10—15), «Библия» монаха Иліи, изъ которой здѣсь помѣщается одна картинка (16) и тетрадка съ отдѣльными отпечатками: изображеніе Києвопечерскихъ святыхъ, невошедшихъ въ изданіе «Патерика» 1661 г.,—тоже монаха Иліи. Изъ этой послѣдней здѣсь прилагается любопытное изображеніе преподобнаго Иліи Муромскаго (17).

Но всѣ вышепоименованныя картинки гравированы такъ называемымъ книжнымъ манеромъ, т. е. тѣми самыми приѣмами, которые употреблялись граверами при исполненіи картинокъ для книгъ *). За тѣмъ къ наиболѣе раннимъ, чисто народнымъ картинкамъ, какъ по большому формату своему, такъ и по топорной работѣ, весьма схожей съ старыми народными

19—13. Четыре картинки изъ „Апокалипсиса“, іерей Прокопія 1644—62 гг.

*) По свидѣтельству Кильбургера (1674 года), въ типографіяхъ Московской и Кіевской, кромѣ церковныхъ книгъ, печаталось много образовъ и эстамповъ на деревѣ (Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ... въ 1674 году, Спб. 1820, стр. 183); однакоже, въ дѣлахъ Московской типографіи о печатаніи какихъ-либо отдѣльных картинокъ, кромѣ антикисовъ, до начала прошедшаго вѣка не упоминается, и вообще до насъ дошло самое незначительное число гравюръ на деревѣ, которыя можно съ нѣкоторою вѣроятностію отнести къ концу XVII вѣка (20—21).

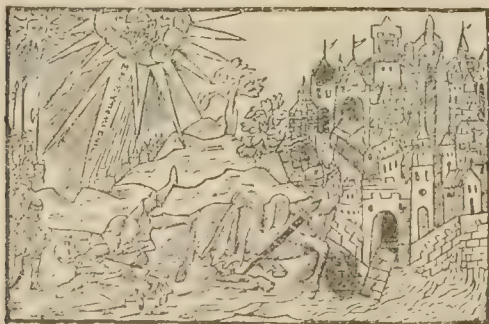
14—15. Пятая картинка изъ „Апокалипсиса“ и „Отче нашъ“, іерей Прокопія 1646—1662 гг.

картинками, гравированными на деревѣ въ XVIII вѣкѣ, должны быть отнесены лицевыя изображенія изъ Библии и Апокалипсиса, рѣзанныя въ 1696 году граверомъ Коренемъ по рисункамъ мастера Григорія (18—19). Съ этого времени, въ продолженіе всего XVIII вѣка, тянется непрерывный рядъ народныхъ картинокъ на деревѣ, такой же топорной работы.

Да и въ картинкахъ, прилагавшихся къ церковнымъ книгамъ того времени, гравированіе на деревѣ, въ художественномъ отношеніи, не представляло значительной разницы отъ народныхъ картинокъ. Для примѣра прилагаются здѣсь: „Успеніе“ изъ Кіевского Апоологіона 1619 г. (22), заглавный листъ книги „Мечъ духовный“, Черниговъ 1666 г. (23) и Варлаамъ и Іосифъ Царевнчъ“ изъ Клиновскаго изданія ихъ Житія XVIII в. (24). Въ болѣе позднее время народныя картинки рѣдко гравировались на деревѣ,

такъ какъ при длинныхъ текстахъ, которые требовались тогдашними покупателями, несравненно удобнѣе было производить ихъ на мѣдныхъ доскахъ, при посредствѣ рѣзца и крѣпкой водки.

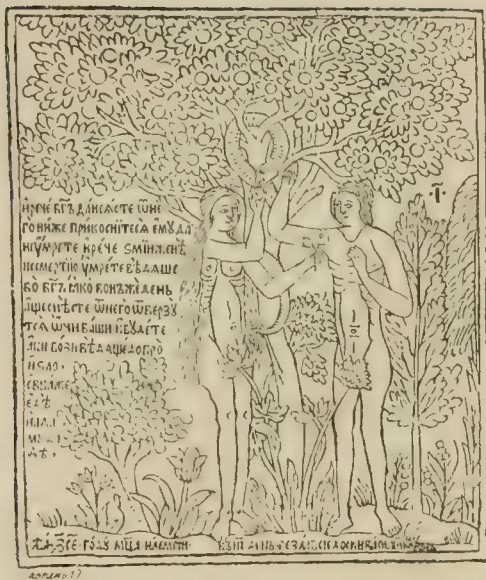
Гравированіе на мѣди, въ противоположность гравированію на деревѣ, съ самаго начала своего сдѣлалось достояніемъ художества, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка оно стало, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ, на высокую степень совершенства, такъ какъ въ то время не

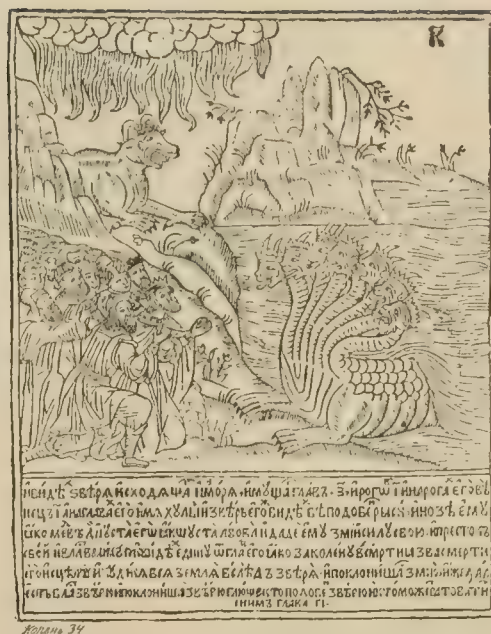
16. Обращеніе Павла, изъ „Библии“ монаха Іліи, 1645—49 г.

17. Препод. Ілья Муромскій, гравюра Іллы для Печерскаго Патерика 1661 г.

18. Картинка изъ Библіи, работы Кореня 1696 г.

19. Изъ Апокалипсеа, работы Кореня 1696 г.

только граверы по ремеслу, но и почти все знаменитые живописцы занимались гравированіемъ на мѣди, — одни крѣпкой водкой, а другіе и рѣзцемъ. Первый памятникъ этого искусства у насъ — доска для красиваго заглавнаго листа къ «Ученію о ратномъ строѣ» сдѣлана по царскому

заказу въ Голландіи, въ 1647 году (25); нѣсколько лѣтъ спустя появляются образцы и русскаго художества по этой части.

Первыми русскими граверами были знаменщики или рисовальщики Серебряной Палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной Палаты въ Москвѣ. Эти знамен-

20. Ярославскіе святые: князья Осодортъ, Давидъ и Константинъ. Образчикъ народныхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ въ концѣ XVII вѣка.

22. Успение изъ Киевскаго „Апокалипсеа“ 1619 г.

21. Михаил Архангелъ. пародная картинка конца XVII в

23. Заглавный листъ изъ книги „Мечъ духовный“, Черниговъ 1666 г.

24. Варлаамъ Пустыинникъ и Иосифъ Царевичъ, Клищовная гравюра XVIII в.

25. Заглавный листъ изъ книги о ратномъ строѣ (М. 1617 г.), гравир. въ Голландіи съ рис. иконописца Благушина.

25. Св. Троица, образчикъ работы Царскаго иконописца Симона Ушакова 1666 г.

щики дѣлали рисунки для травъ (украшений), фигуръ и подписей, которые вызывались на всѣхъ предметахъ тогдашняго царскаго обихода; нѣкоторые изъ нихъ и сами были граверами. Въ то время для управления работами, а равно и для обученія русскихъ учениковъ разнымъ искусствамъ, — въ томъ числѣ, вѣроятно, и граверному, — постоянно вызывались къ намъ иностранные мастера. Въ числѣ первыхъ русскихъ, Московскихъ, граверовъ встрѣчаются имена: Аѳанасія Трухменскаго и ученика его Василия Андреева, работавшихъ въ тонкой манерѣ Садлеровъ; знаменщика Серебряной Палаты Леонтія Бунина и, наконецъ, знаменитаго царскаго изографа, живописца-гравера Симона Ушакова, награвировавшаго собственноручно двѣ доски крѣпкой водкой. Плодовитый граверъ Леонтій Бунинъ, кромѣ множества отдѣльных листковъ, награвировалъ цѣлыя книги: „Букварь“ Каріона Истомина и Синодикъ.

Изъ числа ихъ произведеній прилагается здѣсь шесть картинокъ, которыя

могутъ быть отнесены къ народнымъ (25—30).

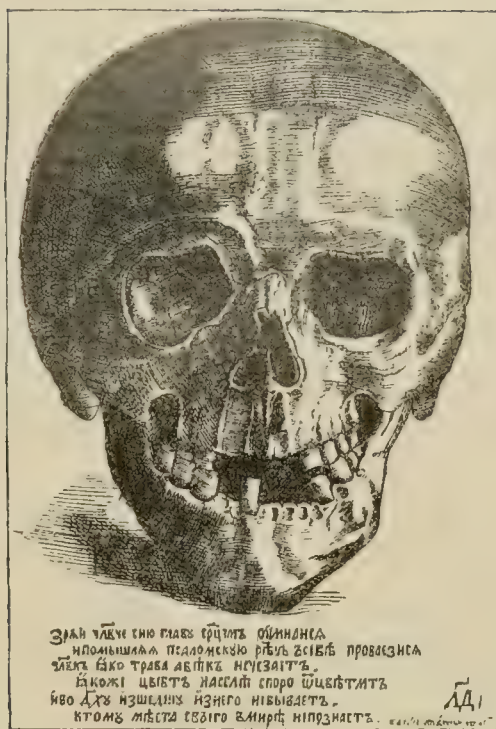
Изъ числа Черниговскихъ и Кіевскихъ граверовъ въ наше описаніе попали: Леонтій Тарасевичъ, извѣстный по гравированнымъ имъ портретамъ Царевны Софьи, съ Царскимъ титуломъ, и Федора Шакловитаго, надѣлавшимъ столько шуму въ Петровское время (см. „Русскіе граверы“, стр. 27), Инокентій Щирскій, и плохіе мастера: Галаховскій, Стржлбицкій, Самуйловичъ и двое Гошемскихъ. Здѣсь приложены, для образца, работы Тарасевича и А. Гошемскаго, четыре картинки (32—34).

При вступленіи на престолъ Петра Великаго гравированіе на мѣди находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ: хорошій граверъ Аѳанасій Трухменскій состарѣлся, ученикъ его Василій Андреевъ гравировалъ въ небольшихъ размѣрахъ, да съ 1690 года имени его мы вовсе и не встрѣчаемъ.

Между тѣмъ Петръ I былъ страстный любитель праздниковъ и триумфовъ всякаго рода: выигрывалась ли баталія, — онъ дѣлалъ торжественные вѣзды, выбивалъ

26. Св. Великомученикъ Георгій, работы гравера-серебряника Аѳанасія Трухменскаго.

28. Заглавный листъ къ Суподику; образчикъ работы гравера-серебряника В. Андреева.

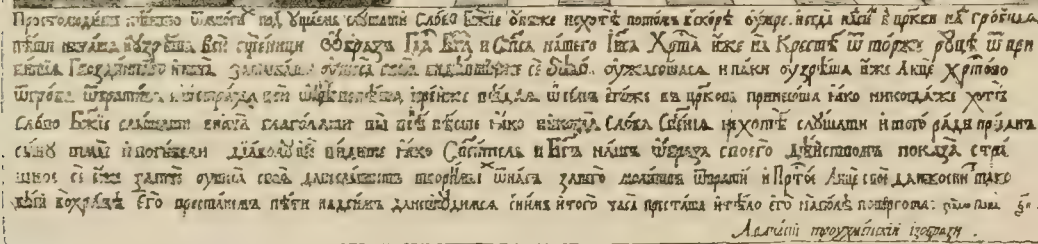
29. Картинка изъ «букваря» Каріона Истомина, работы Л. Бунина 1692 г.

30. Плачъ грѣшника, изъ Синодика 1702 г. Образчикъ работы гравера-серебряника Л. Бунина.

31. Преподобный Несторъ, картинка изъ Патерики печерекаго, работы Л. Тарасевича. 1702 г.

27. Притча о чловѣкѣ, не хотѣвшемъ ходить въ церковь, раб. А. Трухмелскаго.

медали; заключался ли миръ, — имъ спу-
скались фейерверки и строились триум-
фальныя ворота; въ мирное время онъ при-
думывалъ освѣщенія крѣпостей и шутов-
скія свадьбы, и т. д. Очень естественно,
что Петру хотѣлось, чтобы и въ Европѣ
знали о его славныхъ подвигахъ, а также
и о его забавахъ. Для этого ему необхо-
димы были граверы *). Вотъ почему Петръ,
еще во время перваго путешествія своего
за-границу, пригласилъ въ Россію нахо-
дившихся въ то время въ Амстердамѣ
граверовъ Адріана Шхонебека и Петра
Пикара.

^{*)} Онъ самъ писалъ объ этомъ Сенату въ указѣ объ учрежденіи Университета и Академіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «безъ живописца и гравероваго мастера обойтись невозможно будетъ, понеже издавія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (еще и оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и граверованы быть». (Полное Собраніе Законовъ, VII. № 4143).

Шхонебекъ зналь много языковъ, былъ довольно образованный, но очень хвастливый человекъ; въ просьбѣ, подданной имъ въ Амстердамъ русскому послу Головину (въ декабрѣ 1697 года), онъ описываетъ познанія свои въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „азъ отъ юности своея обученіе имѣлъ ознаменительному художеству и рѣзанію на мѣди научитися, и въ томъ до того пришелъ, что мнѣ все, что азъ вижу или въ мысль беру, безъ образца назнаменовать и на мѣди рѣзать возможно; азъ искусенъ болши, нежели другой кто рѣзатель на мѣди когда былъ“, и т. д.— все въ томъ же тонѣ. Описавъ такими красками свою „доброту“, Шхонебекъ соглашался ѣхать въ Москву „грядоровать для Царя гисторіи, персоны, ландшафты, города, строенія, земныя и морскія карты, знаменить улицы, крѣпости и дома, печатать“.

32. Феодоръ Шакловитый въ образѣ Велико-мученика Феодора Стратилата, работы Л. Тарасевича.

тать указы, сочинять рисунки для огнестрѣльных потѣхъ, огородныхъ рядовъ, украшенія кораблей, каретъ и саней, и что еще къ назnamenительному художеству принадлежитъ и къ украшенію надлежитъ и иные дѣла, которые по власти случая приключиться могутъ“. За все за это Шхонебекъ просилъ, по примѣру только что умершаго въ Стокгольмѣ его товарища, пожаловать его жалованьемъ, 1000 эфимками въ годъ, и по обѣщанію „нарочитымъ домомъ, въ которомъ бы съ женою своею возмогъ жить, купно съ хлѣбомъ и иными прибутками“, выговаривая при этомъ, чтобы ему въ свободное время отъ царскихъ дѣлъ „книжки печатать и доски гравировать на себя, и къ прибыли своей продавать“. Въ заключеніе Шхонебекъ просилъ дать ему „частная титула, которая ни во что не станетъ, сирѣчь библиотекариусъ и надворный рѣзчикъ Его Царскаго Величества“.

13 мая 1698 г. Шхонебекъ принятъ на царскую службу, а 10 октября явился въ Оружейную Палату съ указомъ боярина Головина, по которому велѣно давать ему въ годъ жалованья по 600 эфимковъ, да хлѣба по 20 четвертей, да постоянный

33. Апостолы Петръ и Павелъ съ Почаевской обителью въ рукахъ, раб. А. Гошемскаго.

дворъ, и отдать ему для обученія трехъ или четырехъ учениковъ.

Вслѣдствіе чего отданы ему въ 1699 г.: Петръ Бунинъ, иконописецъ, состоявшій у печатанія гербовой бумаги, и Алексѣй Зубовъ; а въ 1701 году — иконописецъ Василій Ильинъ Томиловъ.

Другой голландскій граверъ Петръ Пикарь работалъ въ Россіи уже съ 1697 г.; Штелинь увѣряетъ, что Петръ Великій обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ и ѣздилъ съ нимъ въ однихъ саняхъ во время прогулокъ. До 1708 года Пикарь находился въ вѣдѣніи Оружейной Палаты въ Москвѣ, въ которой въ то же время состоялъ „первымъ въ мѣдн изографомъ“ Адрианъ Шхонебекъ. Съ 1708 г. Пикарю велѣно быть, съ учениками его Томиловымъ и Ив. Зубовымъ (прежде учениками Шхонебека), „грыдорованнаго дѣла мастеромъ“ на печатномъ дворѣ въ Московской

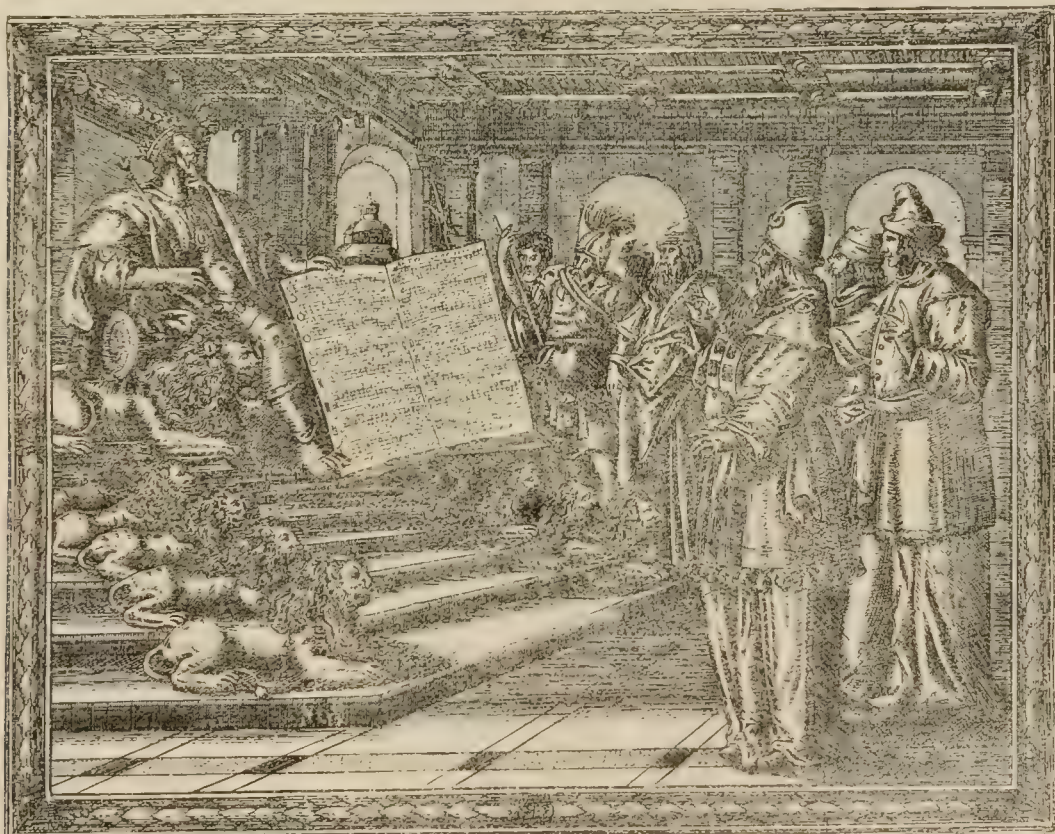
34. Іоаннъ Креститель, грав. О. Стрѣлбицкаго.

типографіи. При немъ же состоялъ и бывшій ученикъ Шхонебека—Петръ Бунинъ. Здѣсь Пикарь заваленъ былъ графированіемъ мелочныхъ чертежей къ разнымъ книгамъ. Въ 1714 году Пикарь высланъ во вновь учрежденную типографію въ Петербургъ, гдѣ при немъ работали: Алексѣй Зубовъ (называвшійся тоже мастеромъ) и А. Ростовцевъ, съ которыми Пикарь награвировалъ въ 1718 г. книги: Кунсты садовъ на 26 листахъ и Кунсты корабельныя на 10 листахъ; а также и менѣе извѣстные ученики: Мякишевъ, Матвѣевъ и Любецкій. Въ 1727 году Петербургская типографія закрыта, Пикарь отъ должности мастера грыдорованнаго дѣла уволенъ и кончилъ жизнь въ крайней бѣдности, около 1732 года.

Оба эти мастера были плохіе рисовальщики и плохіе граверы; Шхонебекъ учился своему мастерству у голландца Ромейна до Хогхе (Romyn de Hooghe) и вполне

усвоилъ его манерность въ сочиненіи; Пикарь подражалъ Шхонебеку и изготовлялъ свои гравюры съ чрезвычайною неряшливостью. При такихъ учителяхъ недалеко ушли и русскіе ученики ихъ. Изъ учениковъ Шхонебека заслуженную извѣстность приобрѣли одни братья Зубовы.

Алексѣй Зубовъ, котораго Шхонебекъ брался съ самаго начала выучить въ три года всему, что самъ зналъ, сдѣлался въ скоромъ времени замѣчательнымъ (относительно) граверомъ, помогалъ Шхонебеку во всѣхъ его работахъ, и самъ награвировалъ множество большихъ листовъ, въ которыхъ, въ техническомъ отношеніи, почти сравнялся съ своимъ учителемъ. Лучшія изъ его произведеній—это: огромный видъ Петербурга, гравированный имъ въ 1727 г. на восьми доскахъ, въ пару огромному виду Москвы, награвированному около 1714 года Петромъ Пикаромъ. Видъ этотъ гравированъ съ большою силою и

Соломонъ иже сынъ Сѣлау богатѣишимъ
и ни то же бо его бысть прасибишнъ.
мудростію же и многи дѣлаишествомъ
и великии дѣлаишествомъ благодарствомъ.

Ѣбо честию дароу препочтеннымъ.
имѣти престолъ за прехищеннымъ.
многи едопомощи и мушъ чини.
небудеть же на кий доннѣ поппи.

Сен пѣсни пѣсенъ сладко поппише.
таинственныя Сѣлау составише.
хота сѣниха и дѣлаишествомъ.
и шарути другу и любовь поппише.

А. А. П.
пѣсни пѣсенъ
таи а. ст. а.

35. Образчикъ работы А. Зубова, картинка изъ Соломоновыхъ «Пѣсенъ пѣсеней», скопированная изъ «Вибліи» Пискарева.

36. Терповская митрополія, работы А. Зубова.

свободою; вода, воздухъ и строения выполнены въ немъ весьма удовлетворительно, но въ рисунокѣ фигуръ А. Зубовъ далеко ниже Шхонебека и даже самого Пикара (35, 36).

Другой Зубовъ, Иванъ, начавшій свое обученіе тоже въ мастерской Шхонебека и продолжавшій оное подъ надзоромъ Пикара, награвировалъ множество довольно хорошихъ досокъ: портретовъ, видовъ и тезисовъ, — въ томъ числѣ чрезвычайно рѣдкіе листы: видъ села Измайлова (37) и портреты Петра I и Екатерины I, съ К. Моора. Остальные граверы, состоявшіе при Пикарѣ: Матвѣевъ, Мякишевъ и Любецкій, не произвели ничего замѣчательнаго. Монограммы ихъ находятся на отвратительно вырѣзанныхъ картинкахъ къ «Овидіевымъ Превращеніямъ», изданнымъ въ Петербургѣ въ 1722 году. Именъ Томилова и П. Бунина на гравюрахъ начала XVIII вѣка мы не встречаемъ

37. Село Измайлово, работы И. Зубова.

38. Образчикъ работы ученика Шхонебекова—
В. Томилова, копія съ иностранной гравюры.

вовсе (ср. 38). Несравненно замѣчательнѣе сихъ послѣднихъ, по огромному числу выполненныхъ имъ чертежей и картъ, былъ—Алексѣй Ростовцевъ, учившійся гравировкѣ въ Москвѣ, у бібліотекаря Василія Кипріянова, и гравировавшій, вмѣстѣ съ нимъ, доски стѣнного Брюсова календаря. Ростовцевъ въ 1726 г. прекрасно скопировалъ двѣ баталіи съ гравюръ Лармеса и участвовалъ почти во всѣхъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ надзоромъ Пикара.

Кромѣ того, при Пикарѣ гравировали: въ бытность его въ Москвѣ—Михайло Карновскій, а въ бытность его въ Петербургской типографіи—Григорій Павловичъ Тепчегорскій. Оба они извѣстны гравированіемъ богословскихъ тезисовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Карновскій гравировалъ довольно бойко, подражая Шхонебеку; Тепчегорскій держался ближе манеры Пикара; имъ выгравированы: Святцы (12 листовъ) и житіе Алексѣя человека Божія—послѣднее по работѣ имѣетъ большое сходство съ вещами Пикара. Въ одно время съ ними работалъ Иванъ Стекловскій, бывшій живописецъ ландшафтного дѣла при Оружейной Палатѣ. Его листы

рисованы и гравированы довольно плохо, непривычнымъ и нечистымъ рѣзцомъ (39).

Съ уничтоженіемъ Петербургской типографіи въ 1727 году и съ прекращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ казенныхъ работъ и казеннаго содержанія, лучшіе тогдашніе граверы, старикъ Пикаръ и Алексѣй Зубовъ, были уволены. Въ томъ же году уволенъ изъ Московской типографіи и Иванъ Зубовъ, съ тѣмъ, что, если въ немъ и въ другихъ граверахъ будетъ надобность, то нанимать ихъ временно, а не держать на постоянномъ жалованьи (Пекарскій, Наука и Литература при Петрѣ В., II. 652). Съ тѣхъ поръ Зубовы, не имѣя возможности производить за свой счетъ, безъ вѣрной надежды на сбытъ, большія и цѣнныя доски, принялись работать для дневного пропитанія. Въ 1732 году Алексѣй Зубовъ работаетъ уже въ Москвѣ, и копируетъ картинки изъ Голландской Библии 1674 года, изъ которой онъ копировалъ уже 1-й листъ, Сочестіе Св. Духа, принесенный имъ еще въ 1701

39. Спасъ Вседержитель, образчикъ работы живописца-гравера XVII в. Ив. Стеклова.

году въ Оружейную Палату, въ доказательство успѣховъ своихъ въ гравированіи у Шхонебека. Послѣднія произведенія его (1732—41 г.), а равно и Ивана Зубова, — ниже всякой посредственности («Русскіе граверы», 29—35).

Собственно изъ трудовъ Пикара и Шхонебека въ число народныхъ картинокъ попало немного, и то случайно, вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ выгравированныхъ ими досокъ попали на фабрики, издававшія лубочныя картинки. За то произведенія учениковъ ихъ, въ особенности двухъ Зубовыхъ, составляютъ въ этихъ картинкахъ цѣлый особый отдѣлъ плохихъ копій съ голландскихъ образцовъ и преимущественно изъ привезенной Шхонебекомъ во многихъ экземплярахъ «Библин» Пискатора (Фишера). Такимъ образомъ, первая народная картинка на мѣди вышла изъ рукъ типографскихъ учениковъ, и

печатались съ тѣхъ же типографскихъ станковъ, которые перешли въ ихъ собственность послѣ упраздненія типографіи *); при чемъ самый переходъ типографскихъ учениковъ отъ большихъ досокъ, гравированныхъ по заказу прави-

41. Батракъ у пѣмца, образецъ работы гравера В. Чуваева.

40. Зерцало грѣшника, какъ образецъ работы Нехоросhevскаго.

тельства, къ мелкимъ доскамъ, съ изображеніями народныхъ картинокъ, не представляется особенно рѣзкимъ: и тамъ, и тутъ, происходитъ копировка съ иностранныхъ образцовъ; и тамъ, и тутъ, — плохой рисунокъ и грязное, неряшливое травленіе крѣпкой водкой.

Достойными подражателями типографскихъ учениковъ являются граверы второй половины XVIII вѣка: Мартинъ Не-

*) Первая произведенія граверовъ-серебряниковъ печатались въ Оружейной Палатѣ. Въ концѣ XVIII в. фряжскій станъ, для печатанія гравюръ на мѣди, заведень былъ на царскомъ дворѣ при Верхней, т. е. Придворной, типографіи. Въ 1677 г. органистъ Гутовскій сдѣлалъ деревянные станки, печатать фряжскіе листы, къ государю въ хоромы, гдѣ уже въ 1680 году рѣзчикъ Аѳанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя на мѣдныхъ доскахъ «всякіе фряжскіе рѣзы» (Забѣлинь, «Быть царей», 169). Изъ числа граверовъ-серебряниковъ, у мастера Леоптія Бушпа былъ свой печатный станъ, на которомъ, по всей вѣроятности, производилось печатаніе его Страстей и Синодика. Произведенія мастеровъ времени Петра I-го печатались въ казенной типографіи у бібліотекаря Книріинова, который и самъ гравировалъ доски, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Никитинымъ, и издавалъ ихъ въ свѣтъ за свой счетъ. Въ дѣлахъ Московскаго Печатнаго двора фигурный цилиндрическій станокъ упоминается въ первый разъ въ 1708 году (Румянцевъ, въ моей книгѣ: «Русскіе граверы», стр. 378).

хорошевскій, представляющій одинъ—цѣлую фабрику гравировъ, и менѣе плодотворные граверы: Пастуховъ, Скобелкинъ, Тихоміровъ; наконецъ, Чуваевъ—граверъ, работавшій преимущественно для Ахметьевской фабрики. Всѣ эти граверы сильно травили свои доски крѣпкой водкой, не изъ художественной цѣли конечно, но съ тѣмъ, чтобы получить съ нихъ какъ можно больше отпечатковъ. Позднѣе доски для народныхъ картинокъ рѣзались прямо грабштихелемъ и очень глубоко, для долговѣчности въ печати.

Во второй половинѣ XVIII вѣка доски для народныхъ картинокъ по большей части рѣзали серебряники, жившіе въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, а печатали съ нихъ—на фигурныхъ станкахъ въ Москвѣ, у Спаса во Спасской, на большой фигурной фабрикѣ купца Ахметьева, которая славилась своими произведеніями болѣе 50-ти лѣтъ. На этой фабрикѣ, кромѣ новыхъ картинокъ, печаталось много старыхъ досокъ, въ томъ числѣ: четыре доски изъ шестилистового Брюсова календаря, глобусы и другія доски Петровскаго времени, а равнымъ образомъ и доски Зубовыхъ и Нехорошевскаго; печатаніе производилось у Ахметьева на 20-ти станкахъ *). Кромѣ Ахметьевской фабрики, печатавшей съ мѣдныхъ досокъ, въ Москвѣ существовала съ XVIII вѣка еще другая фабрика, специально печатавшая народныя

*) Замѣчу здѣсь, что печатаніе картинокъ цѣлыми тетрадками (сказокъ и пр.) всегда производилось въ первую голову, т. е. картинка отпечатывалась только на одной, правой, сторонѣ листа, лѣвая же, или задняя, сторона его оставалась чистою.

картинки, рѣзанныя на деревѣ,— имя владельца этой фабрики неизвѣстно.

Въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ перешло въ руки мелкихъ фабричныхъ торговцевъ, имѣвшихъ свои типографіи: въ Москвѣ, напр., славился печатаніемъ простонародныхъ изданій и картинокъ купецъ Ив. Логиновъ, наслѣдникъ Ахметьева. Строились печатни даже въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губерніи: такъ, въ деревнѣ Богдановкѣ, Ковровскаго уѣзда, завелъ свою металлографію офеня Игнатій Акимовъ-Сорокинъ, а въ селѣ Мстерѣ—извѣстный своими археологическими трудами и дешевизною народныхъ картинокъ И. А. Голышевъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи *).

Монастыри: Кіевскій, Печерскій, Почаевскій и Соловецкій, печатали находившіяся у нихъ доски въ своихъ типографіяхъ. Въ настоящее время, во всѣхъ этихъ мѣстахъ, съ мѣдныхъ досокъ—отпечатковъ не дѣлается, такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ для этого дѣла нѣтъ ни гравернаго станка, ни знающаго, какъ дѣлать такіе отпечатки, мастера. Затѣмъ виды монастырей и образа угодниковъ дѣлаются и печатаются по заказу монастырей въ Москвѣ и Петербургѣ, литографическимъ способомъ.

*) И. А. Голышевъ, трудолюбивый изслѣдователь русской старины, извѣстенъ археологическими статьями своими о древностяхъ, въ томъ числѣ и о дубочныхъ картинкахъ; онъ жилъ въ слободѣ Мстерахъ, гдѣ съ 1858 года имѣлъ свою литографію, въ которой печаталъ до 530.000 народныхъ картинокъ въ годъ, цѣною отъ 55 копѣекъ до 5 руб. за сто; раскрашиваніемъ (цвѣченіемъ) ихъ занимались болѣе 200 женщинъ.

II.

Откуда наши граверы заимствовали переводы (сочиненія) для своих картинокъ. Церковныя иконы и стѣнописи; церковныя паперти. Голландская «Библія» Пискаatora. Картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, передѣланныя на русскіе нравы.—Народныя картинки, гравированныя черной манерой: фабрика Михайлы Артемьева; граверы Штегглицъ, Тихановъ, Дружининъ и Лебедевъ.—Пошибъ или стиль рисунка и сочиненія въ народныхъ картинкахъ: сперва фряжскій—у граверовъ-серебрянниковъ, потомъ голландскій—живописный и, наконецъ, иконный—въ нынѣшнемъ вѣкѣ.—Раскраска старинныхъ народныхъ картинокъ была весьма тщательная: «Библія» Кореня, Штеллиновскія картинки. Новѣйшая раскраска по н о с а м ъ, по описанію Голышева. Раскраска карикатуръ 1812 года.—Замѣтки о народныхъ картинкахъ на Западѣ и у народовъ восточныхъ: въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ.

Рисунки или переводы для своихъ картинокъ наши мастера заимствовали изъ разныхъ источниковъ: духовныя листы

фическія повѣсти. Съ паперти Симонова монастыря, напр., перешла въ наши картинки—исторія о нѣкоемъ немилости-

42. Успеніе Богородицы, Аѳонской работы XVIII в., помѣщается здѣсь для сравненія съ картинками русской работы.

43. Казнь лихонмца, сочиненіе заимствованное съ церковной паперти въ Симоновомъ монастырѣ.

иконнаго разряда, замѣнявшіе образа (изображенія Спасителя, разныхъ явленій Богородицы, святыхъ съ житіями, праздниковъ и святцевъ),—копировались съ миниатюръ при книгахъ или же прямо съ церковныхъ иконъ (42); по части лицевыхъ легендъ и притчей богатый матеріалъ для народной картинки—представляли церковныя паперти, по стѣнамъ которыхъ расписывались разныя исторіи и апокри-

вомъ челоуѣкъ, любитель міра сего, въ которой представлено, какъ онъ умеръ и какъ сатана приказалъ чертямъ парить его въ банѣ огненными вѣниками за то, что онъ любилъ при жизни «часто въ банѣ мыться»; ему же черти трубятъ въ уши—«въ трубы огненныя» за то, что онъ «любилъ въ мірѣ различныя игры и потѣхи», и т. д. Оттуда же заимствованы: видѣніе нѣкоего святаго,—какъ, изъ

тридцати тысячъ умершихъ, только двѣ души въ рай вошли, три на мытарствахъ удержаны, остальные же все въ адъ отправлены, и видѣніе нѣкоего монаха о казни лихоимцамъ, гдѣ главный лихоимецъ (должно быть, Іуда) лежитъ внизу, а изъ чрева его выросло древо, на которомъ развѣшены за ноги мужской и женскій полъ «въ пламени непрестанно горящемъ» (43). Съ паперти Чудова монастыря взята картинка, изображающая архангела

44. Монашеская чистота, сочиненіе гравюры заимствовано съ церковной паперти Соловецкаго монаст. или обратно.

Михаила и молящагося ему человека *). Множество картинокъ заимствовано со стѣнописи: Успенскаго собора въ Москвѣ, собора въ городѣ Суздалѣ, и другихъ соборовъ и церквей, а также съ разныхъ металлическихъ клеймъ или дробницъ, набитыхъ на древнихъ ризахъ или вѣланныхъ въ иконные оклады (45—56), и, наконецъ, съ мѣдныхъ гравированныхъ досокъ, изготовлявшихся для наколачиванія ихъ на церковныя двери.

*) На паперти Соловецкаго монастырскаго собора изображены: похождения св. Θεодоры по мытарствамъ и монашеская чистота, гдѣ представленъ монахъ, распятый на крестѣ; губы его замкнуты большимъ височнымъ замкомъ; по сторонамъ соблазняютъ его—міръ, въ видѣ всадника, и два чертенка, изъ которыхъ одинъ тормозитъ его крючкомъ, а другой пускаетъ въ него стрѣлу; впрочемъ, это послѣднее изображеніе монашеской чистоты—позднѣйшаго производства, и наша картинка, по всей вѣроятности, служила для него оригиналомъ (44).

45—54. Десять серебрян. дробницъ, съ гравиров. изображеніями святыхъ,

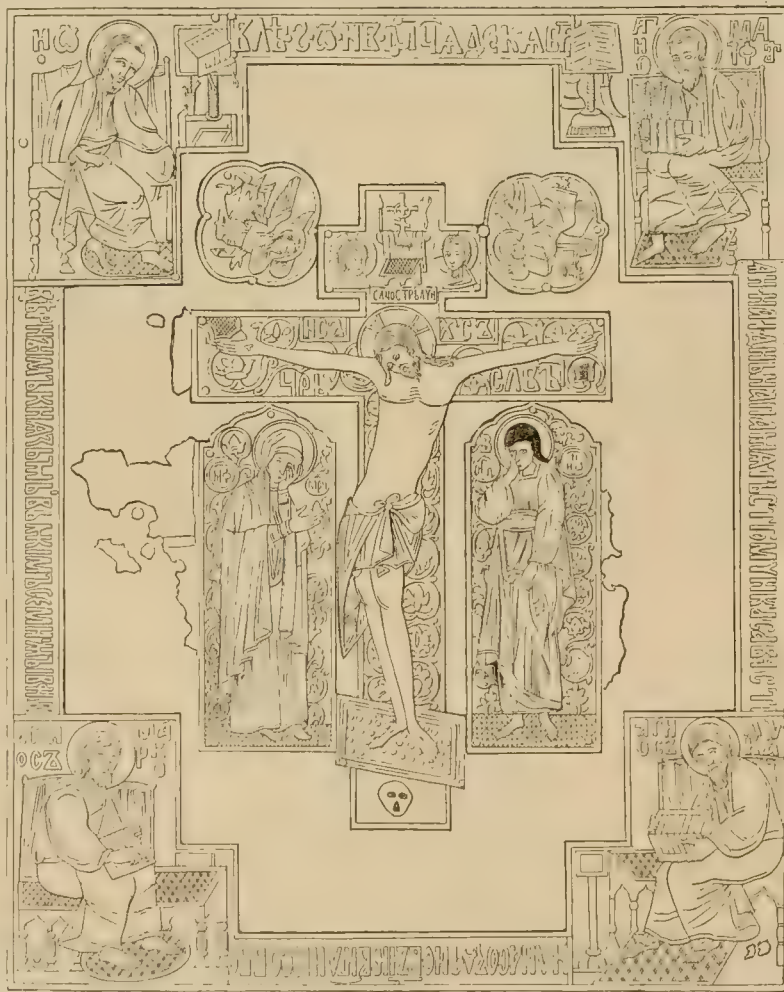
наколоч. на окладѣ Евангелія 1393 г. (въ Троице-Сергіевской лаврѣ).

Изображенія двѣнадцати Сивиллъ заимствованы, напр., со входныхъ дверей Велико-Устюжскаго монастырскаго собора; онѣ (57—65) награвированы тамъ на мѣдныхъ дощечкахъ, которыя наколочены на деревянныхъ дверяхъ. Подобныя изображенія Сивиллъ можно видѣть въ Москвѣ въ церкви Словущаго Воскресенія и въ соборахъ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ, въ Суздальскомъ соборѣ и въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Изъ рукописныхъ славянскихъ книгъ народная картинка заимствовала немного.

Появленіе большой Библии Пискатора въ половинѣ XVII вѣка составляетъ эпоху въ нашемъ гравированіи на деревѣ.

Изъ нея (или ея прототипа) заимствовали: Кіевскій монахъ Илья — картинки для своей Библии, іерей Прокопій — картинки своего Апокалипсиса и лицеваго «Отче нашъ» (1646—1662), а мастеръ Григорій — рисунки для Апокалипсиса, вырѣзаннаго Коренемъ (1696). Изъ этихъ гравировъ Прокопій копировалъ картинки почти въ ту же мѣру, какъ у Пискатора; Илья — уменьшалъ ихъ вчетверо, а Григорій вчетверо уве-

55. Распятіе и Евангелисты съ оклада Евангелія 1343 г. (въ Троице-Сергіевской лаврѣ).

Корень 20.

Корень 19.

Корень 16.

Корень 4.

Л. 810.

I-IV. ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ ИЗЪ БИБЛИИ, РАБОТЫ МАСТЕРА КОРЕНЯ.

56. Съ серебр. панагін, раб. мастера Ариша 1463 г.

личивалъ, при чемъ придавалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ, одѣвалъ ихъ въ польскіе кафтаны и дѣлалъ въ сочиненіи Пискаatora столько измѣненій, что трудъ его можно назвать почти оригинальнымъ. Подъ наблюдениемъ этого же Григорія выгравирована, въ первой половинѣ XVIII вѣка, маленькая Библия, тоже съ нѣмецкаго ори-

гинала, съ виршами подъ каждой картинкой, въ которыхъ зачастую попадаются польскія выраженія; вирши эти сочинены тѣмъ же Григоріемъ, который былъ въ одно и то же время гридеромъ, куперштыхаторомъ, знаменщикомъ (рисовальщикомъ), маляромъ (живописцемъ) и стихотворцемъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія ввезено было въ Россію множество экземпляровъ вто-

рого изданія той же Библии Пискарева (1674) вызваннымъ тогда въ Москву Амстердамскимъ граверомъ Адрианомъ Шхонебекомъ. Шхонебекъ заставлялъ копировать изъ нея своихъ учениковъ: Зубовыхъ, Букина и Томилова, — не уменьшая и не измѣняя переводовъ, а точь въ точь и въ ту же мѣру. Вместе съ тѣмъ, изъ этой же Библии заимствовали сюжеты, для своихъ духовныхъ картинъ, во все продолженіе XVIII вѣка, и наши иконописцы и живописцы *).

Народныя картинки брали свои переводы и съ живописныхъ картинъ, укра-

шавшихъ царскія палаты. Чрезвычайно замѣчательна въ этомъ отношеніи огромная картина «Солнце съ зодіаками», за-

имствованная съ плафона царской столовой деревяннаго Коломенскаго дворца. Наши народныя картинки, изображающія Александра Македонскаго и Пира царя Персидскаго, а также и «чистота душевная» (66), — заимствованы, по всей вѣроятности, изъ того же источника.

Въ XVIII вѣкѣ переводы народныхъ картинокъ забавнаго содержанія копировались, въ большинствѣ случаевъ, прямо съ иностранныхъ образ-

57—65. Девять изъ числа 12-ти Сивиллъ, работы М. Нехорошевскаго.

*) Въ 1676 году такая Библия была куплена для Оружейной Палаты у живописца Ивана Безмина за пять рублей; въ Троицкой лаврѣ до сихъ поръ расписываются стѣны по экземпляру этой Библии, принадлежавшему патриарху Адриану. Употреблялись для копирования и другія лицевыя книги: въ 1679 году, напримеръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныя притчи царей Давида и Соломона изъ Библии и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Салтановъ училъ по такой Библии своихъ учениковъ. Какъ на образецъ живописи этого рода можно указать на картину, изображающую мученія Апостоловъ и находящуюся на паперти Чудова монастыря (Забѣлинь, Быть царей, 143).

66. Чистота, яко дѣвпца преукрашена.

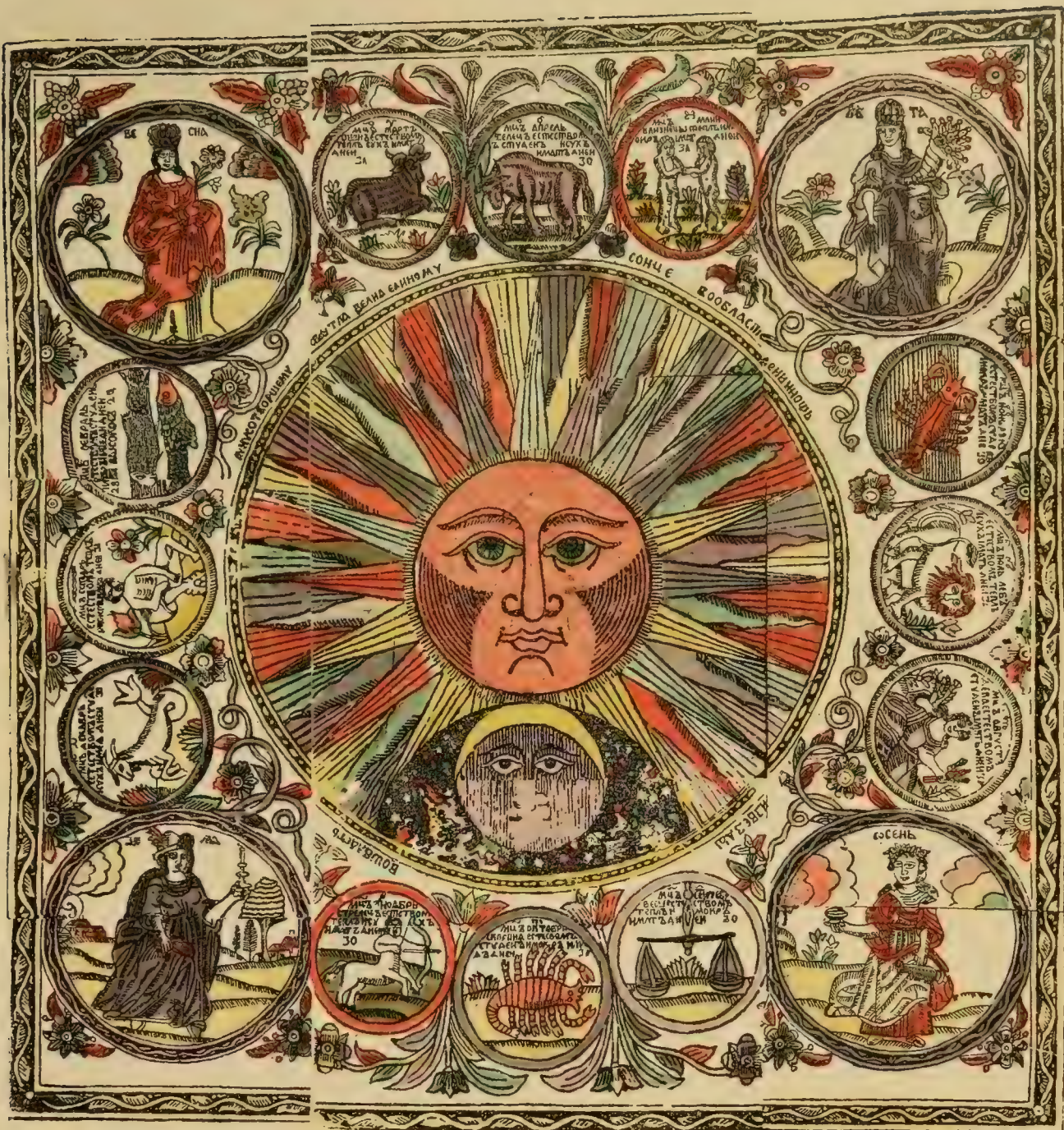
68. Картинка изъ «комедіи о блудномъ сынѣ», копія съ голландской гравюры (?).

67. Притча житія человѣческаго—картинка, прямо переведенная съ иностраннаго образца, какъ это сказано въ ея текстѣ.

цовъ, изъ которыхъ многіе скалькированы въ русскія картинки безъ всякихъ измѣненій (67). Изъ числа Вѣнскихъ изданій попали къ намъ, напри- мѣръ: цѣлое описаніе Іерусалима, рука св. Анны, судъ Іудеевъ надъ Христомъ и образъ Нерукотвореннаго Спаса. Изъ Голландіи получили мы: Тессингово «Зерцало», огромное количество разныхъ копій изъ Библии Пискатора и нѣсколько календарей (ср. 68). Изъ Франціи попали въ народныя картинки: знаменитый «Гаргантюа» Рабле, передѣланный въ русскаго славнаго ^иобѣдалу и веселаго подпивалу (68—69 *); молочница (71), денежный дья-

*) Старинная картинка „Гаргантюа“ была, въ концѣ прошедшаго столѣтія, передѣлана нѣ карикатуру на Лудовика XVI, славившагося своимъ обжорствомъ; замѣчательно, что русская картинка скопирована прямо и въ ту же мѣру съ древняго Гаргантюа (о чемъ уже было сдѣлано предположеніе В. В. Стасовымъ), а не съ позднѣйшей картины на Лудовика XVI.

590 А.

V. солнце съ зодіанами, написанное на плафонѣ коломенскаго дворца.

1650.

VI-XI. пять сивиллъ изъ числа 12-ти, работы нехорошевскаго.

69. Оригиналъ французской карикатуры Гаргантюа, Рабле.

70. Славный обьѣдало—картинка, скопировавшая съ французскаго Гаргантюа.

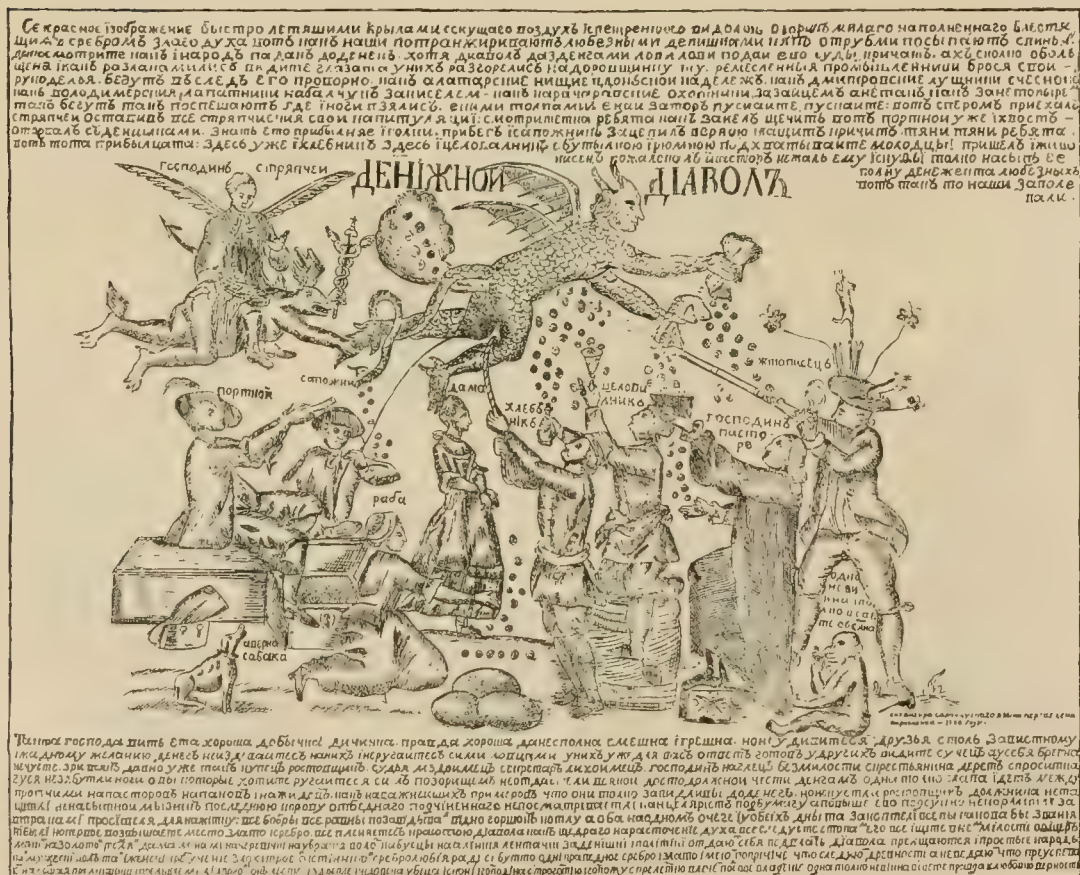
воль (72, 73) и дивная птица, прилетавшая въ 1776 году въ Парижъ. Отъ Нѣмцевъ перешли къ намъ: рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ (74, 75), точильщикъ носовъ (76, 77), воръ пришелъ на дворъ (78), и мн. др.

71. Молочницы,—народная картинка, запимствованная съ французскаго оригинала.

72. Денежный дьяволъ, французская народная картинка изъ Champfleury, l'Imagerie populaire, P. 1869, 208. Позднѣйшій переводъ этого сюжета.

73. Денежный дьяволъ, скопированъ съ французской гравюры 1776 года, какъ сказано въ самомъ текстѣ.

74 и 75. Рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курницѣ; оригинальные пѣмецкія доски, на которыхъ пѣмецкія подписи счищены и замѣнены русскими.

76. Точильщикъ носовъ, русская народная картинка, и 77. Нѣмецкій оригиналъ ея, прототипомъ которому послужила англійская карикатура, изображающая пресвитеріанскаго епископа, обрѣзывающаго носъ Карлу II.

вершенно другого содержанія и нисколько не относящійся къ изображенію (81, 82).

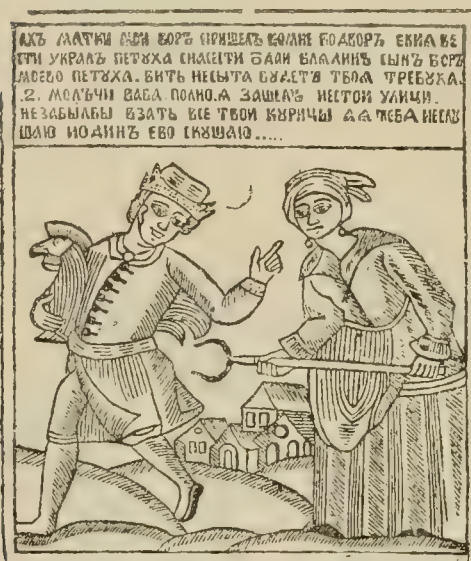
Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, граверъ Чуваевъ скопировалъ, довольно удачно, множество картинокъ съ французскихъ оригиналовъ (въ числѣ ихъ многія весьма скоромнаго содержанія), при чемъ всѣ онѣ снабжены виршами, тоже передѣланными на русскіе нравы.

Что же касается до пошиба или характера рисунка народныхъ картинокъ, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ шесть отдѣловъ, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Къ первому

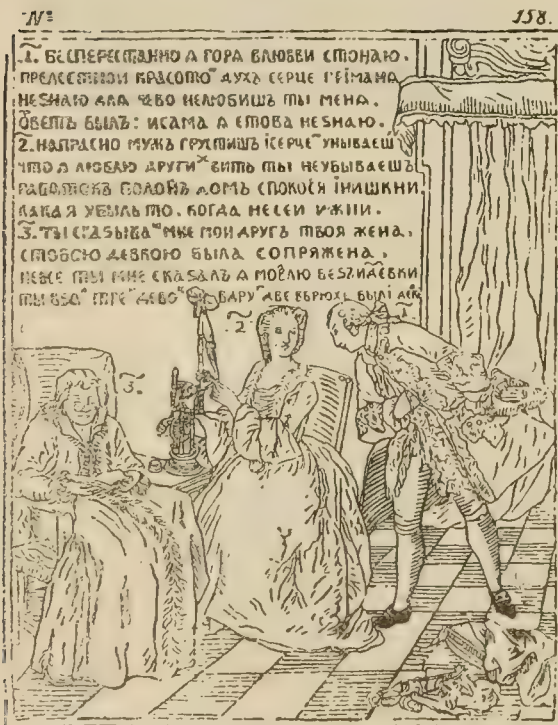
отдѣлу относятся гравюры на деревѣ Киевскихъ мастеровъ — монаха Ильи, Прокопія и другихъ, болѣе раннихъ, — которые, хотя и заимствовали свои сочиненія съ иностранныхъ образцовъ, но въ то же время придавали имъ своеобразный иконный характеръ *); ими же произведены первыя летучія картинки: темница святыхъ осужденникъ (см. №№ 5, 6) и препод. Акилина. Ко второму отдѣлу принадлежатъ: Библія съ Апокалипсисомъ Кореня, 1698 года, рѣзко отличающіеся по рисунку и грубой работѣ, а также по большому размѣру картинокъ, — отъ всего, что было издано до

*) Подъ икононымъ стилемъ я разумѣю здѣсь икононое письмо, называвшееся въ XVII вѣкѣ греческимъ, съ длинными фигурами и бумажными драпировками, — въ отличіе отъ фряжскаго, подходившаго подъ живопись.

нихъ и такіа, которыя представляютъ даже нѣкоторое художественное достоинство: такъ, напримѣръ, въ картинкѣ «баба яга дерется съ крокодиломъ» (см. ниже)—въ фигурахъ видно много движенія и юмора, и рисунокъ для нея несомнѣнно сдѣланъ хорошимъ иконописцемъ. Къ третьему от-

78. «Отдай пѣтуха» Русская народная картинка съ нѣмецкаго образца.

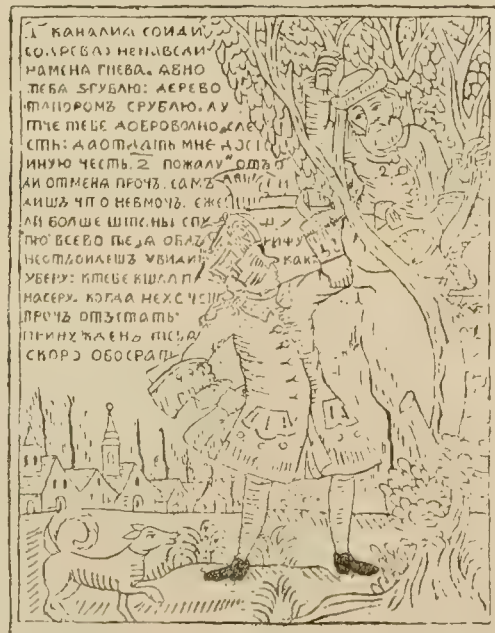

80. Французская картинка «Лиза и Колепъ», переделанная въ русскія народныя картинки, съ неподходящею къ сюжету подписью.

дѣлу я отношу небольшое число картинокъ, тоже гравированныхъ на деревѣ и скальпированныхъ съ большихъ французскихъ гравюръ (съ картинъ Буше и Ланкре); работа этихъ картинокъ отличается большею умѣlostью, рисунокъ изобилуетъ закругленными очертаніями, которыя въ

79. Пастухъ и пастушка, съ оригинала Буше.

81. Картинка «Каналия сойди съ дерева», передѣланная изъ французскаго «bonhomme misère».

картинкахъ предыдущаго разряда почти не встрѣчаются. Къ четвертому разряду принадлежать работы на мѣди гравировъ-серебрянниковъ Московской Оружейной Палаты, которыя по своей художественности выходятъ изъ ряда прочихъ народныхъ

картинокъ (см. выше №№ 26 и слѣд.). Пятый отдѣлъ составляютъ фабричныя и нереяшливыя работы Матвѣева, Зубовыхъ, Любецкаго, Ростовцева, Никитина и др. учениковъ голландскихъ гравировъ Шхонебека и Пикара *); къ этому же отдѣлу

82. Французскій «bonhomme misère», послужившій образцомъ нашей картинки (Champfleury, Imagerie populaire).

83.

должны быть отнесены и работы ихъ продолжателей—плодовитыхъ гравировъ: Пастухова, Тихомирова, родоначальника ихъ Мартина Нехорошевскаго, и, наконецъ,

84. Три картинки мастера Чуваева: 83. «Хитрый лакомка», 84. «Безстыдный въ трактиръ зашелъ», 85. «Добрый молодецъ купи съ меня чепецъ», 85 bis. «Семь бабъ про штаны дерутся»,—всѣ съ иностран. оригиналовъ.

*) Грндеръ Тепчегорскій составляетъ какъ бы переходъ отъ гравировъ-серебрянниковъ къ Шхонебековскимъ ученикамъ.

на, она употребляетъ всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную; въ малиновый цвѣтъ употребляется сандалъ, вареный въ водѣ съ примѣсью малаго количества квасцовъ; въ зеленый — ярь мѣдянка, которая употребляется для окраски крышъ, разведенная на водѣ съ медомъ; въ желтый — крукомея, вареная съ молокомъ; въ красный — сурикъ, разведенный на яичномъ желткѣ съ квасомъ; изъ этихъ 4 красокъ состоитъ вся иллюминировка простовика; гдѣ перешло за контуръ рисунка, гдѣ не дошло, или краска легла на лицо, — не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такія картинки раскрашивались скоро и притомъ щетинными кистями. Въ 1840 годахъ раскраска картинокъ въ большомъ количествѣ развилась въ селѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, и сдѣлалась господствующею промышленностію бѣдныхъ дѣвицъ и женщинъ, съ малолѣтняго возраста, — теперь болѣе 300 чел. занимаются этою работою; нѣкоторыя изъ женщинъ занимаются раскраскою не только въ мѣстѣ своего жительства на разныхъ оптовыхъ картиноторговцевъ, но и въ Москвѣ» (Голышевъ, «Лубочн. карт.», стр. 14). Относительно раскраски карикатуръ 1812 года слѣдуетъ замѣтить, что, изъ числа ихъ, плохія картинки, которыя издавались разными лубочными мастерами, раскрашены обыкновенными плохими красками, на манеръ простонародныхъ картинокъ того времени; въ раскраскѣ же картинокъ, издававшихся Ив. Теребеневымъ и нѣкоторыми другими художниками, встрѣчается большая разница: однѣ изъ нихъ раскрашены хорошими красками и съ большою тщательностію — онѣ назначались для богатыхъ покупателей и продавались по 1-му и по 2 руб. за листъ. Въ моемъ собраніи есть

полная коллекція Теребеневскихъ карикатуръ такой раскраски, а въ собраніи П. А. Ефремова есть такая же азбука 1812 года, за раскраску которой въ настоящее время мастеръ не возьметъ менѣе 5 рублей. Затѣмъ картинки, назначавшіяся для менѣе зажиточныхъ классовъ, раскрашивались проще и болѣе дешевыми красками; на этотъ послѣдній манеръ раскрашены карикатуры 1812 года, помѣщенные въ моемъ атласѣ народныхъ картинокъ.

По формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, — ближе всего подходятъ къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ (изданія Ганса Сакса и др.); по мастерству и по раскраскѣ, онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ индѣйскими народными картинками, изображающими разныхъ боговъ, и продающимися до настоящаго времени въ Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи, а также со старинными картинками на деревѣ, китайскими и японскими *).

*) Въ 1874 году я купилъ коллекцію такихъ картинокъ (листового размѣра) въ Калькуттѣ и Бомбей. Въ Танджорѣ и Трихинаполи я нашелъ такіе же картинки, но гораздо большаго формата и литографированныя въ однихъ контурахъ, для раскраски, а не рѣзанныя на деревѣ; въ Китаѣ и Японіи я не могъ отыскать новыхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ, кромѣ тѣхъ, которыя печатались для чайныхъ ящиковъ. Затѣмъ въ Калькуттѣ, такъ же какъ и на Явѣ и въ Китаѣ (въ Кантонѣ), въ настоящее время въ большомъ ходу изображенія боговъ, сдѣланныя отъ руки, чрезвычайно яркими красками, съ золотомъ и серебромъ; цѣна такихъ картинокъ листового размѣра: въ Калькуттѣ — по 6 руб. за сотню листовъ, въ Китаѣ же большія картины цѣнятся отъ 1 до 3-хъ руб. за штуку. Въ Бенаресѣ англичане печатаютъ красками обои, на которыхъ изображены всѣ Индійскіе боги; бѣдный человекъ можетъ купить себѣ кусокъ этихъ обоевъ аршина въ полтора длиною и получить за бездѣлицу цѣлую коллекцію боговъ для своего обихода. Въ Японіи повѣйшія народныя картинки печатаются красками, однѣ посредствомъ хромолитографіи, а другія посредствомъ деревянныхъ дощечекъ, замѣняющихъ хромолитографическіе камни (какъ въ старинныхъ итальянскихъ гравюрахъ на деревѣ въ два тона), — это лучшія народныя картинки въ цѣломъ мірѣ.

III.

Продажа народных картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ Овощномъ ряду и въ другихъ мѣстахъ; офени; цѣна картинокъ.—**Назначеніе и употребленіе ихъ:** картинки, вклеиваемыя въ рукописи вмѣсто рисунковъ; бумажные образа и святцы въ церквахъ; картинки, какъ украшеніе во дворцахъ и у бояръ и въ простыхъ избахъ.—**Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ и цензура ихъ:** запретительный указъ патриарха Іоакима 1674 г.; запрещеніе Синода (1766 г.) продавать картинки духовнаго содержания, гравированныя на деревѣ; учрежденіе Изуграфской Палаты при Петрѣ I; представленіе картинокъ на разрѣшеніе архіереевъ; секвестрованіе «неапробованныхъ» чудесъ св. Димитрія Ростовскаго въ 1760 году; полицейская цензура для народныхъ картинокъ въ концѣ прошедшаго столѣтія; назначеніе особаго цензора при Управѣ Благочинія въ 1790 году; учрежденіе духовныхъ цензоровъ въ 1799 году; Шишковскій цензурный уставъ 1826 года. Народныя картинки продолжаютъ выходить безъ просмотра цензуры. Бутурлинъ и 1311 статья Уложенія о наказаніяхъ. Истребленіе старыхъ мѣдныхъ досокъ въ Москвѣ по приказу гр. Закревскаго въ 1851 году и окончательное уничтоженіе оригинальнаго народнаго буффа.—**Цензура царскихъ портретовъ** при Петрѣ I; указъ Суперъ-Интенданту Зарудневу 1721 года. Безобразные портреты императрицы Елисаветы Петровны и вел. кн. Петра Ѳеодоровича; указы, вышедшіе по этому случаю въ 1742 и 1745 годахъ. Позднѣйшія распоряженія.

Продажа лубочныхъ картинокъ въ Москвѣ производилась въ городѣ въ Овощномъ ряду, откуда онѣ покупались неоднократно и для царскаго обихода, главное

же—у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ подѣ чистымъ небомъ, гдѣ глашатаи выкрикивали объявленія, а въ извѣстные дни производились

87. Видъ Спасскихъ воротъ, заимствованный изъ путешествія Олеарія XVII в.; о казняхъ, изображенныхъ на картинкѣ, подробно говорится въ главѣ XIV-й.

90. Изъ Кіев. Акаѳста, 1614 г.

91. Смерть Апанія и Салппры, изъ «Бесѣдъ І. Златоустаго», К. 1614 г., раб. Т. П. (Гимое. Петровича).

каждой почти церкви и до настоящего времени.

Гравюры на мѣди и на деревѣ въ XVII вѣкѣ носили названіе фряжскихъ листовъ или потѣшныхъ нѣмецкихъ ли-

92. Изъ Кіев. Акаѳста, 1674 г.
(раб. мастера J. G.).

стовъ ***). Ими украшались постельныя палаты, въ которыхъ не вѣшали картинъ; малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ. Такъ,

93. Притча о блудницѣ, изъ кн. «Вѣнецъ Христовъ», К. 1688, раб. маст. Іоанна.

***). Эти листы были извѣстны у насъ несомнѣнно и ранѣе: еще въ 1565 году Венеціанскій посолъ Барберини предлагалъ въ Москвѣ тетрадь рисунковъ съ арабесками, листьями и тому подобнымъ (Забѣлинь, Бытъ царей, 169); Англійскій же посолъ Коллинсъ, бывшій въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, видѣлъ въ Москвѣ голландскія карикатуры, въ которыхъ Англія была изображена въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами, а вокругъ множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами (Спегпревъ, Лубочн. карт., 10).

94. Изъ «Цветной Тріодѣ», М. 1664 г.

95. Изъ «Цветной Тріодѣ», М. 1664 г.

96. Изъ «Бесѣдъ Іоанна Златоустаго», М. 1664 г. (раб. мастера А. Р.).

98. Св. Варвара, гравпр. мастеръ Софроніи (XVIII в.).

97. Изъ «Бесѣдъ Іоанна Златоустаго», М. 1664 г. (раб. мастеровъ Н. З.—А. Р.).

напримѣръ, въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 году, висѣло пятьдесятъ рамокъ съ листами фряжскими (Забѣлинъ, Быть царей, 169). Въ хоромахъ царевны Софьи Алексѣевны, въ 1686 году, висѣли на стѣнахъ, въ рамкахъ: образъ Спасителя въ терновомъ вѣницѣ, нѣмецкой печати на бумагѣ, — ризы и поля наклеены байберекомъ *); образъ Распятія — въ подножии наклеены градъ Иерусалимъ; образъ Богородицы Ченстоховской — печатанъ на желтой тафтѣ (Забѣлинъ, Быть царей, 170). Такимъ же листами были увѣшаны стѣны въ палатахъ царевича Петра Алексѣевича; по нимъ наставникъ царевича Зотовъ **) преподавалъ ему первоначальныя свѣдѣнія о наукахъ. Немалое число фряжскихъ листовъ находилось и въ домахъ частныхъ лицъ: изъ описей XVII вѣка извѣстно, что въ домовою казніи патриарха Никона находилось 270 листовъ фряжскихъ и въ числѣ ихъ — два большіе листа съ изображеніемъ Космографіи (Временникъ Истор. Общ., XV. 114); въ описи имущества кн. В. В. Голицына упоминаются 12 персонъ нѣмецкихъ печатныхъ и четырнадцать листовъ землемѣрныхъ; а въ домѣ Артамона Матвѣева найдены гравюры: одна личина нѣмецкая, портретъ голландскаго князя Виллима, садовые чертежи, чертежъ Свейской и Датской земель, да три чертежа печатныхъ — Московской, Польской и Азіатской (Забѣлинъ, Быть царей, 171). Кромѣ царскихъ палатъ и боярскихъ хоромахъ, летучія картинки составляли необходимую принадлежность почти каждой деревенской избы ***).

Картинки духовнаго содержанія наклеивались преимущественно въ избахъ по

стѣнамъ, вслѣдъ за образами, и дополняли, въ нѣкоторой степени, обиходный крестьянскій иконостасъ. Для этой потребности онѣ издавна заготовлялись въ монастыряхъ и на фабрикахъ; онѣ и до сихъ поръ разносятся офенями по селамъ и деревнямъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ преимущественно расходятся изображенія тѣхъ святыхъ, которые «избавляютъ отъ разныхъ бѣдъ и болѣзней» (см. ниже, въ главѣ IV-й).

Въ XVIII вѣкѣ гравированныя картинки употреблялись еще въ видѣ поздравительныхъ листовъ, которые граверы подносили своимъ патронамъ въ дни ихъ тезоименитства *), снабжая при этомъ картинку приличными къ данному случаю виршами (99), — точно такъ, какъ простые

99. «Рожденіе тятеньки»,
поздравительная картинка.

смертные, въ извѣстные дни, дарили другъ друга чашками, ложками и яйцами съ выписанными на нихъ вспезелями, эмблемами и надписями **); парни дарили дѣвокъ леденцами съ билетиками, а тѣ отдавали ихъ печатными пряниками съ разными пожеланіями (100—102).

Многіе изъ этихъ подносныхъ листовъ гравированы довольно художественно и

*) Изъ числа народныхъ картинокъ къ этому разряду относится Тессингово Зерцало, названное такъ, какъ видно изъ паходящейся на немъ надписи, для подарка прекрасному полу.

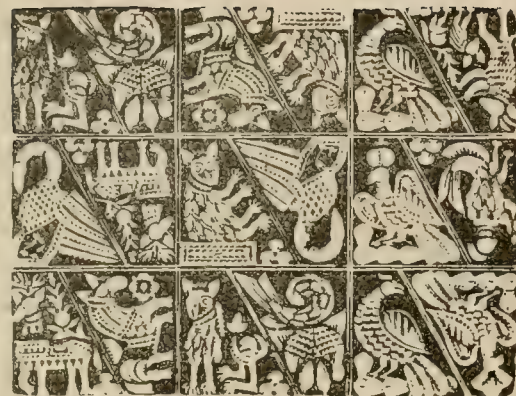
**) Ложки для подарковъ и до сихъ поръ въ ходу въ Сибирскомъ обиходѣ, съ такими, напримѣръ, надписями: «Сядишь за мѣся не зевай, ложку языкомъ до суха обтирай», или: «налемъши мѣся густо не будетъ въ брюхе пусто», или еще: «наефши язмена до сыта помой и меня до чиста». Надписи на печатныхъ пряникахъ можно прочесть въ превосходномъ изданіи по этой части — Голышева.

*) Въ собраніи автора было нѣсколько картинокъ, въ которыхъ костюмы, здавія и другія okolichnosti выклеены разными матеріями.

**) Впоследствии «Князь папа и Презбургскій патриархъ Залузя и всего Кукуя».

***) Картинки эти горѣли вмѣстѣ съ избыю, уничтожались при перестройкахъ и пропадали отъ сырости и гнили, такъ что, несмотря на громадное число экземпляровъ, въ которомъ онѣ выходили, почти каждый старинный листъ лубочнаго производства составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный, дошедшій до нашего времени, экземпляръ извѣстнаго изданія картинокъ, и только благодаря нѣсколькимъ любителямъ, обратившимъ вниманіе на эту отрасль народнаго обихода, мы имѣемъ богатые и полныя собранія народныхъ картинокъ, по которымъ можемъ судить о прежнемъ производствѣ ихъ въ Россіи.

включены въ число народныхъ картинокъ потому только, что доски, на которыхъ они были награвированы, попали впослѣдствіи на Ахметьевскую и другія лубочныя фабрики, гдѣ посвятительныя подписи были затерты и затѣмъ отпечатки съ досокъ въ

100, 101 и 102. Старинные печатные приклады, назначенные для подарковъ.

этомъ измѣненномъ видѣ (а иногда и съ оставленіемъ прежнихъ подписей) пускались въ продажу на ряду съ лубочными картинками.

Обычай подносить поздравительныя картинки идетъ изъ Кіева, гдѣ архидіаконъ (а потомъ игуменъ) Иларіонъ Мигура, уже съ 1705 года, посвящалъ листы свои, въ дни ангела и въ дни новаго года, — гетману Мазепѣ, генеральному судѣ Василю Кочубею, генеральному писарю Симеону Скаргѣ, генеральному есаулу Ломиковскому, архимандриту Жураховскому и отцу Корниловичу. Около того же времени граверъ Тепчегорскій поднесъ царевичу Алексѣю Петровичу свою большую гравюру съ изображеніемъ Алексѣя человека Божія, гдѣ, между прочимъ, были представлены: кн. Меньшиковъ, Лефортъ и другіе царедворцы (103).

Поздравительные листы подносились не только граверами, но и отъ имени цѣлыхъ учреждений. Такимъ образомъ, гетману Мазепѣ была поднесена большая аллегориче-

МОЛИТБА ПОКАДИТЪ.

СПАСИ БИГЪХЪ ШЕЕДЪ.
МРАЛЪХЪХЪ ТИ
ЦРІА ЖЕ РУССІИ
ВЛАДЪХЪ МЕРЗЪХЪ
ДАТА БІА
КАТЪСАРИТЪННО.

ОУ ПРАВОБЪРНИКЪ,
КО ГЛАСЪХЪ УСЕРДНЫХЪ.
ТЪНІА ПОМОЩІА ДА ТИ
БРАГЪХЪ ВЛАСТЬ ПОПРАТИ
СЛАВНА ЧЛЪКА.
БОГЪ ПОМИЛЪ ДА БЪКА.

103. Подносная картинка царевичу Алексѣю Петровичу отъ гравера Тепчегорскаго.

ская гравюра, работы Галаховскаго, «отъ Киевской Духовной Академіи»; въ 1717 году Петру I-му поднесенъ портретный листъ служителями Санктъ-Петербургской типографіи; а въ 1725 году Екатеринѣ I-й поднесенъ ея собственный портретъ, работы А. Зубова, съ подписью: «сіе приносится отъ Синода». Въ первой половинѣ XVIII вѣка граверы Карновскій и Зубовы подносили поздравительные листы своей гравировки, съ виршами,—какъ знаменитымъ особамъ, такъ и ихъ управителямъ, при чемъ однѣ и тѣ же вирши перепечатывались иногда подъ разными картинками. Послѣдній извѣстный поздравительный листъ относится къ 1741-му году (104).

104. Добрый пастырь.
Поздравительная картинка, поднесенная
А. Зубовымъ епископу Тверскому Митрофану
Слотовицкому, въ 1741 году.

Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ велся издавна, какъ со стороны духовнаго, такъ и со стороны свѣтскаго начальства; особенное же вниманіе сего послѣдняго обращали на себя портреты царской фамиліи.

Цензура за ними была учреждена съ 1723 года; въ томъ году было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны Государя и Государыни писались искусными мастерами, и затѣмъ продаваемые въ Москвѣ, по разнымъ мѣстамъ, безобразные царскіе портреты—от-

бирать и отсылать въ Синодъ. По смерти Заруднева объ этомъ указѣ позабыли; но осенью 1742 года императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, во время прогулки, были представлены два портрета—ея и в. кн. Петра Теодоровича—необыкновенно безобразной гравировки; тутъ вспомнили указъ 1723 года: безобразные портреты предписано отобрать и сдать въ Сенатъ, Магистрату указано было — выбрать для наблюденія за этимъ дѣломъ на будущее время искуснаго мастера, вмѣсто умершаго Заруднева, а впредь до выбора—наблюденіе это поручить живописцу Вешнякову. Не ранѣе какъ черезъ три года послѣ этого переполоха изданъ портретъ Елизаветы, гравированный мастеромъ Ив. Соколовымъ съ оригинала Каравака, при Высочайшемъ указѣ, чтобы прочіе мастера «дѣлали и писали портреты Ея Величества на подобіе онаго Высочайше апробованнаго», который, впрочемъ, вышелъ немногимъ лучше прежней лубочной персоны. Восемьдесятъ лѣтъ спустя (въ 1826 году) цензура уже требовала, чтобы портреты Особъ Августѣйшей Фамиліи «имѣли художественное достоинство, приличествующее изображенію Особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство». Это желательное сходство и художественное достоинство относились, впрочемъ, къ однимъ доморощеннымъ произведеніямъ; заграничныя же произведенія этого разряда дозволено было пропускать, хотя бы они и не имѣли «совершеннаго сходства и изящества въ отдѣлкѣ» (указъ 1856 года).

Для народныхъ картинокъ до Петра I-го цензуры, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, не существовало. Мастера серебряники и монастырскіе граверы рѣзали свои доски, печатали ихъ и продавали въ народъ оттиски,—никого не спрашиваясь. Ввозились массами и произведенія иностранныхъ фабрикацій.

Со стороны духовнаго начальства въ первый разъ обращено вниманіе на этотъ промыселъ патриархомъ Іоакимомъ, который нашелъ неприличнымъ, что «всякіе невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и Святыхъ; другіе же поку-

паютъ такіе печатные листы, дѣланные Лютерами и Кальвинами, на подобіе лицъ своея стороны». Находя, что все это нарушаетъ чистоту народной нравственности и ведетъ къ небреженію иконъ, писанныхъ на доскахъ, патріархъ указалъ (около 1674 года)—печатаніе и продажу

стахъ—листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненные людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства; листы эти приказано обобратъ и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, «запретивъ впредь таковыя, подь страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго

штрафованія». Для разсмотрѣнія такихъ изданій учреждена Петромъ I-мъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить (Снегиревъ, Лубочныя картинки, 25); но грозный указъ его былъ вскорѣ забытъ, и въ Москвѣ попрежнему самовольно печатались и продавались изображенія Спаса и святыхъ, такъ что указомъ 18-го октября 1744 года пришлось снова запретить рѣзать такіа изображенія и приказано, чтобы всѣ рисунки были представляемы предварительно на апробацію епархіальныхъ архіереевъ и чтобы послѣ апробаціи, до выпуска въ свѣтъ изданія, первый оттискъ съ доски былъ представляемъ снова архіерею на утвержденіе («Странникъ» 1876, 177) *). Такимъ образомъ, до изданія цензурнаго устава всѣ картинки духовнаго содержанія разрѣшались въ печать, по порученію Синода, мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ.

Именнымъ указомъ 13 января 1783 года (Полн.

105. Портретъ императрицы Елизаветы Петровны, работы Конона Тимофеева, который запрещено продавать въ виду его безобразія.

такихъ листовъ воспретить, подь страхомъ жестокаго наказанія, самые же листы отобратъ и истребить. Указъ этотъ не имѣлъ, однакоже, надлежащаго дѣйствія, и въ 1721 году Синоду пришлось подтвердить прежнее запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и въ другихъ мѣ-

*) Указомъ 1760 года запрещено продавать изображенія появившагося святителя Димитрія Ростовскаго, печатанныя своевольно деревянными досками, съ его чудесами, которыя св. Синодомъ еще не апробованы; въ силу указовъ 1744 и 1745 годовъ, всѣ оттиски этихъ изображеній и самыя доски у продавцовъ отобраны, причемъ объявлено, что ежели кто впредь пожелаетъ что подобное печатать, то не иначе какъ съ апробаціей св. Синода.

Собранія Законовъ 15.654) дозволено въ городахъ и станицахъ заводить типографіи и печатать книги, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ «ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемые въ печать книги свидѣлствовать». Это правило примѣнялось всецѣло и къ народнымъ картинкамъ; въ моемъ собраніи находится цѣлая книга съ картинками, печатавшимися на Ахметьевской фабрикѣ, вся скрѣпленная по листамъ полицеймейстеромъ Московской Управы Благочинія,—послѣдняя помѣта его сдѣлана около 1770 года. Именнымъ указомъ 15 мая 1790 года (Полн. Собр. Зак., 16.868) назначенъ особый цензоръ для разсмотрѣнія книгъ при Управѣ Благочинія, съ тѣмъ, однакоже, чтобы Управа отвѣчала за все сама. Привозимыя изъ-за границы картинки проходили черезъ ту же цензуру; но 18-го апрѣля 1800 года (Полн. Собр. Зак., 19.387) неожиданно вышелъ указъ, въ которомъ было объявлено, что «... такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ Государство Наше, равномѣрно и музыку» *). Впрочемъ, такое огульное запрещеніе было скорѣ уничтожено (31 марта 1801 г.). Около того же времени (указомъ 1799 года) учреждены духовные цензоры при Московскомъ Донскомъ монастырѣ и при Лаврахъ: Александро-Невской въ Петербургѣ и Печерской въ Кіевѣ, къ которымъ стали обращаться за пропускомъ картинокъ духовнаго содержанія.

Затѣмъ началось дѣйствіе знаменитаго Шишковаго цензурнаго устава 1826 года,

которымъ дозволялось печатаніе однѣхъ «нравственныхъ и полезныхъ или по крайней мѣрѣ безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если они только не касаются личности». На введеніе этого устава потребовался громадный, по тогдашнему времени, расходъ въ 84.800 рублей. «Сколько ни значительна», замѣчаетъ сочинитель устава, «сама по себѣ таковая издержка, но какъ она послужитъ въ огражденіе вѣры отцевъ нашихъ, преданности къ Престолу, любви къ отечеству и чистоты нравовъ народныхъ,—сего священнаго наслѣдія предковъ нашихъ, то я... не колеблось... и прочее». — Вслѣдъ затѣмъ утвержденъ и уставъ духовной цензуры (22 апрѣля 1828 года). Несмотря на то, что Шишковскій уставъ говорилъ положительно, что прописи, рисунки, чертежи, картины, портреты... подлежатъ вѣдѣнію цензуры (§ 2-ой),—народныя картинки свѣтскаго содержанія незамѣтно исключили себя изъ этого вѣдѣнія, и стали по-прежнему распродаваться въ народѣ безъ участія новой цензуры, и только, въ 1839 году, вслѣдствіе частныхъ цензурныхъ распоряженій, были вытребованы въ комитеты и процензурованы всѣ народныя изданія сказокъ, а также портреты особъ Императорской Фамиліи и разныхъ героевъ, начиная съ героевъ 1812 года.

Въ 1850 году председателемъ Комитета, учрежденнаго для провѣрки: «нѣтъ ли чего вреднаго въ сочиненіяхъ, пропущенныхъ цензурными комитетами», дѣйств. тайн. совѣтникомъ Бутурлинымъ, былъ поднятъ вопросъ о лубочныхъ картинкахъ и произведеніяхъ печати, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Вопросъ этотъ разсматривался разными вѣдомствами, которыя пришли къ тому убѣжденію, что новаго по этому предмету издавать ничего не слѣдуетъ, а просто надо-де предписать, чтобы впредь приготовляемыя къ изданію народныя картинки представлялись въ цензуру на общемъ основаніи; что же касается до старыхъ картинокъ, издававшихся безъ цензуры, то обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрены 1311 статьей

*) Цѣль запрещенія музыкальных произведеній объясняется слѣдующимъ опредѣленіемъ, составленнымъ въ Главномъ Управленіи Цензуры, пятьдесятъ лѣтъ спустя (15 марта 1851 г.): «имѣя въ виду опасеніе, что подъ знаками потными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу.... и т. д.». Въ моемъ собраніи есть достойный замѣчанія купшъ по этой части: простой, линованный, безсловесный транспарантъ того времени, съ помѣтою цензора: «печатать позволяется».

Уложенія о наказаніяхъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ рассказываетъ И. И. Голышевъ, Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго; въ исполненіе этого приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали въ ломъ, въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ, прекратило свое существованіе наше безцензурное народное балагурство (Голышевъ, О лубочн. картин., 16).

Во многихъ мѣстахъ, однакоже, старинныя мѣдныя доски были представлены въ цензуру, пропущены ею и печатаніе съ нихъ продолжалось даже до настоящаго времени у гг. Морозова, Голышева и другихъ издателей, при чемъ картинки печатались не съ оригинальныхъ досокъ, а съ переводовъ на камень.

Наши картинки 6-го отдѣла, рѣзанныя на мѣди въ нынѣшнемъ столѣтіи, ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ плохихъ картинокъ французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ. Въ настоящее время, въ Европѣ, простонародныхъ картинокъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ: картинки для народа дѣлаютъ хорошіе мастера (въ Германіи они дѣлали ихъ и въ древнее время), и отличаются онѣ отъ барскихъ художественныхъ произведеній только упрощеніемъ способа ихъ выдѣлки, печатаніемъ на бумагѣ невысокаго разбора и крайней дешевизной своей, которая, несмотря на ихъ художественное достоинство, дѣлаетъ ихъ общедоступными. Только въ католическихъ земляхъ (Франціи и Италиі) еще можно найти на рынкахъ и ярмаркахъ отвратительно плохія картинки духовнаго содержанія, которыми снабжается до сихъ поръ ихъ религіозное простонародье.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нашимъ народ-

нымъ картинкамъ-простовикамъ предстоитъ та же участь. Въ настоящее время большая половина ихъ уже получила художественную окраску. Несмотря на ихъ сравнительно высокую цѣну, эти новыя картины бойко требуются въ народѣ и сбытъ прежняго дешеваго простовика ограничивается все болѣе и болѣе; простовикъ этотъ идетъ уже въ одни самые заглушныя углы нашего многомилліоннаго населенія въ которыхъ еще несовсѣмъ понятны художественныя приемы и литературные тексты новыхъ картинокъ, и въ которыхъ покуда предпочитаютъ еще доморощенные измышленія собственныхъ полубезграмотныхъ грамотѣевъ.

Надо ожидать, что это кровное народное дѣло перейдетъ въ недалекомъ будущемъ въ руки даровитыхъ нашихъ художниковъ, которые отзовутся на требованія и нужды простого человѣка и создадутъ для него, рядомъ съ народной литературой, истинно народную, но художественную русскую картину.

Кромѣ литературнаго и художественнаго интереса, наши старыя народныя картинки представляютъ еще значительный историческій матеріалъ для изученія народнаго обихода. Изъ нихъ мы узнаемъ, чему и какъ учился русскій человѣкъ недавняго времени и что читалъ; какое мѣсто занимала въ домѣ его женщина, чему онъ вѣрилъ и гдѣ молился; какъ веселился и пировалъ.

Въ слѣдующихъ главахъ заключаются замѣтки о содержаніи и текстѣ народныхъ картинокъ. Замѣтки эти раздѣлены по предметамъ: гл. IV, притчи о женщинѣ и женскихъ злобахъ,—женитьба; V, ученіе и учебныя пособія; VI, календари и альманахи; VII, книги и листки для легкаго чтенія; VIII, легенды; IX, народныя увеселенія; X, театральныя представленія,—музыка и пляска; XI, шутовство и сатиры; XII, карикатуры 1812 года; XIII, народное богомолье — и, наконецъ, XIV, картинки, дѣланныя для народнаго назиданія, по заказу Правительства.

IV.

Женщина по взглядамъ Пчелы и духовныхъ бесѣдъ. Женскія злобы. Виргилій и Аристотель. Завава Путятична и Апраксѣвна. Пьяная баба всякому жена. Картинки, представляющія любовное волокитство за женщинами и ихъ невѣрность. Повѣсть о купцовой жепѣ и о прикащикѣ. Дамскія персоны легкаго поведенія: Херсоня, пастушки, продажныя пѣмки; помѣха въ любви. **Женитьба**. Разговоръ дѣвицы съ похотливымъ старикомъ. Женихъ и сваха. Разсужденіе о женитьбѣ и о невѣстахъ. Роспись приданому. Невѣста въ банѣ. Доброе и худое домоправительство. Мужъ жену бьетъ, зачѣмъ пегодная дома не живетъ. Разженитьбы нѣтъ.

Картинки, изображающія любовное волокитство, женскую хитрость и злобу, невѣрность и увертки женщины въ любовныхъ дѣлахъ, составляютъ въ ряду народныхъ картинокъ—особый, довольно крупный отдѣлъ. Содержаніе ихъ заимствовано изъ двухъ совершенно несходныхъ источниковъ: духовнаго—изъ книги Пчелы и словъ Василия Великаго и Іоанна Златоуста, и свѣтскаго—изъ повѣстей и забавныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ почти всегда изъ западной литературы.

Картинки перваго рода составлены по взглядамъ духовныхъ отцовъ, сочинителей Пчелы. Надобно отдать справедливость, отцы эти преслѣдовали женщину съ особеннымъ упорствомъ и относились къ ней съ какою-то аскетическою злобою: во всемъ и вездѣ она виновата. Если, на примѣръ, старецъ или мнихъ увидитъ дѣвицу, то непременно бѣсѣ вложитъ въ него «злый помыселъ», при чемъ мнихъ всегда всю вину и собственное свое «окаянство» сваливаетъ на жену—«орудіе дьявола», и, въ видѣ особеннаго подвига, предаетъ смерти жертву своего сластолюбія *). «Что такое злая жена?»—спрашиваетъ самъ себя авторъ Пчелы,—и самъ себѣ отвѣчаетъ: «око дьявола, торгъ адовъ, подобна есть перечесу, всюду болитъ и всюду свербитъ; воевода неправедный, стрѣла сатанина,

уязвляетъ сердца юныхъ и старыхъ въ несытное блужденіе». Въ бесѣдѣ отца съ сыномъ, передѣланной изъ той же Пчелы, описывается, на примѣръ, какъ кокетка XVIII вѣка отправляется «устрѣлять» человѣческія сердца. Сперва она «прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандалии обуваетъ, и вѣжды свои оциплетъ, и духами учинитъ, и лице и выю вапами повапитъ (покраситъ), и черности въ очесѣхъ себѣ украсить *); когда идетъ, — ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ, а зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкой отверзаетъ и всѣ составы къ прелести ухищряетъ, и многія души огненными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ зловоннымъ видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ». Не лучше того описывается жена льстивая, которая обманываетъ мужа своими ласками, а только мужъ за дверь,—она принимается за молодыхъ любовниковъ, «въ оконце часто призираетъ, скачетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою киваетъ». Поученія Пчелы заканчиваются наборомъ всякой брани противъ женщины: она-то и ехидна, и скорпія, и левъ, и медвѣдь **), и аспидъ, и василискъ, и похоть насытая, и не-

*) Это пышнѣйшее велюте.

*) Въ церкви Саввы освященнаго, въ Москвѣ, подобный эпизодъ написанъ на сѣверной двери.

**) Въ одной рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлнну, противъ этихъ названій рукою одного озлобленнаго супруга отмѣчено: «подобіе оной заповѣди, моя жена Целагія во всемъ сходство имѣетъ»; а противъ слова «скорпія»—такая же отмѣтка: «п сія подобна во всемъ».

правдамъ кузнецъ, и грѣхамъ пастухъ и вапыкательница *), — и, въ заключеніе «б... словія гостинница». Въ той же бесѣдѣ разсказываются и разныя исторіи по этой части: «Нѣкому умре жена зла; онъ же по многихъ днехъ нача дѣти своя продавати; люди же его кленяху, онъ же рече имъ: боюся, егда како въ мать будутъ, аще возростутъ, то они меня продадутъ». — Другая исторія: «Нѣкто плачася по женѣ и глаголя: не сего ради плачу, зане умре ми жена; но сего плачу, аще будетъ и другая ей подобная». — Третья исторія: Нѣкогого звали на дворъ посмотриѣть на представленіе съ обезьянами, «а онъ отвѣтилъ: нейду, братъ, дома имамъ обезьяну жену злообразну».

Въ одномъ словѣ Іоанна Златоуста, «о злыхъ женахъ», ехидство женскаго пола доказывается разными примѣрами изъ Священнаго Писанія и древней исторіи: въ Ветхомъ Завѣтѣ — «жены ради, Адамъ былъ изгнанъ изъ рая; царей Давида и Соломона жены погубили; Ной праведный отъ жены напоенъ виннымъ квасомъ; жена хотѣла погубить Іосифа; китъ Іону во чревѣ сохрани, Далила же мужа своего Самсона, остригши, иноплеменникомъ предаде»; въ Новомъ Завѣтѣ — Иродіада усѣкла Іоанна Крестителя, а Евдокія заточила Іоанна Златоуста въ Армены.

Въ средніе вѣка подобныя обвиненія женщины были въ общемъ ходу, какъ у писателей, такъ и у художниковъ. Въ французскомъ монастырѣ въ Перигѣ, напри-
мѣръ, на одной изъ колонокъ внутренней галереи художникъ представилъ, рядомъ съ грѣхопадениемъ первыхъ человѣкъ, извѣстныя любовныя продѣлки съ поэтомъ Вергиліемъ и мудрецомъ Аристотелемъ. Вергилій влюбился безъ памяти въ одну принцессу, — она назначила ему свиданіе; но красавица жила въ высокой башнѣ, добраться до нея надобно было воздушнымъ путемъ въ корзинкѣ; корзинка была спущена изъ верхняго окна на веревкѣ, Вергилій усѣлся въ нее, былъ поднятъ до половины и, по приказанію красавицы, оставленъ въ такомъ положеніи между небомъ и землей, на общее посмѣяніе. Мудрецъ Ари-

стотель попался еще хуже: пожаловался онъ однажды царю Филиппу, что сынъ его Александръ, вмѣсто науки, занимается волокитствомъ за фрейлиною Филидою; любовныя похождения были, конечно, пріостановлены, но Филида задумала, какъ бы отомстить разлучнику. Разъ какъ-то утромъ пошла она за водой; идетъ мимо окна Аристотеля, да и подняла юбочку повыше колѣна, — залюбовался сѣдой лхотѣй красавицей; Филида бросила ему горсть цвѣтовъ, да нѣсколько любовныхъ взглядовъ, — потерялъ голову Аристотель, побѣжалъ вслѣдъ за соблазнительницей и началъ уговаривать ее на любовь, предлагая деньги, алмазы, все, чего только пожелаетъ. Чтобы помучить сѣдого умника, Филида заставила его стать на карачки, сѣла на него верхомъ и погнала на четверенькахъ по садовымъ дорожкамъ, къ немалому удовольствію зрителей, сбѣжавшихся посмотриѣть на такое потѣшное зрѣлище. Этотъ забавный эпизодъ съ Аристотелемъ представленъ и на одной изъ нашихъ народныхъ картинокъ, въ передѣлкѣ на русскіе нравы Петровскаго времени; онъ озаглавленъ такъ: «Нѣмка ѣдитъ на старикѣ, на старомъ д.....е, на большой бородѣ, посулила ему сткляницу вина, да курганъ пива, да съ ногъ его спибла», при чемъ нѣмка представлена въ чухонскомъ платьѣ, съ чалмой на головѣ; она сидитъ верхомъ на борода-

*) Т. е. покрывающая себя красками.

томъ старикѣ, который плетется, опираясь на клюку, а сзади насыпаетъ опеки-шамы; въ рукахъ у нѣмки штофъ съ виномъ и кувшинъ съ пивомъ (106).

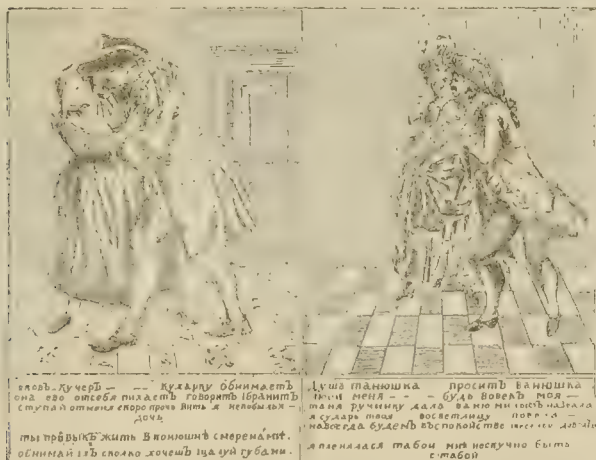
Конечно, проповѣдное озлобленіе Пчелы и Бесѣдъ противъ женщины не имѣло никакого значенія въ народномъ быту: народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ — гораздо проще и трезвѣе. По его глупому разуму: родился человекъ мужикомъ на свѣтъ, — значитъ и слѣдуетъ ему бабу достать, да дѣтишекъ завести, чтобы кормить кому подѣ старость было, и не умерщвленіемъ плоти заниматься, а просто работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ посѣлъ, — значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да кому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе у составителя Пчелы — не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ злобный отшельникъ далеко не прочь залучить въ свою келію «повапленнаго аспида въ пріятныхъ сандаляхъ».

Что касается до женскаго ехидства и увертокъ, то нельзя сказать, чтобы и старину женскій полъ отличался особенною нравственностью, — на любовныя продѣлки его, однакоже, народъ смотрѣлъ не глазами Пчелы, а почти такъ же снисходительно, какъ и на продѣлки мужской братіи. Всѣ знаютъ, напримѣръ, что Чурило Пленковичъ ходитъ по ночамъ къ прекрасной Катеринѣ, женѣ стараго Бермяты, — знаютъ, «да только посмѣиваются» (Русск. Народн. Карт., изд. I-е, IV. 97). А какова знаменитая Апраксѣвна, которую Алеша Поповичъ въ сердцахъ «чуть не назвалъ сухой волочайкой»? — Татарскій рыцарь, «идолище», безъ зазору при всѣхъ у ней въ пазухѣ руки грѣетъ. Раззадорившись на молодого Касьяна, она подсылаетъ Алешу Поповича звать его къ себѣ «на долгіе вечера посидѣть» и, когда Касьянъ, какъ новый Іосифъ, отъ такой чести отказывается, — ненасытная княгиня приказываетъ подложить ему въ сумку серебряную чарку и обвиняетъ его въ воровствѣ; затѣмъ, сама отъ неудовлетворенной похоти заболѣваетъ проказою и, когда Касьянъ излѣчиваетъ ее отъ недуга, она «безъ

стыда и безъ сору», будто ни въ чемъ не бывало, выходитъ къ князю и къ гостямъ на поклонъ, причемъ терпѣливый Владиміръ даже никакого ей наставленія на этотъ конецъ не дѣлаетъ. На Чурилу Пленковича похотливая Апраксѣвна зарится еще безстыднѣе*). Былины эти сложились, конечно, не ранѣе XVII вѣка, когда, по словамъ Олеарія, между женскимъ поломъ развилось сильное пьянство и разгулъ: пили и боярскія жены, и купчихи, и мѣщанки, всѣ напивались до пьяна, а «баба цыана, — говоритъ пословица, — вся чужа», т. е. всякому жена. Въ этомъ отношеніи просвѣщеніе двигалось у насъ впередъ гигантскими шагами. Съ легкой руки Петра, женщина выведена была разомъ изъ всякой опеки: асамблеи, постоянныя попойки и своеобразныя придворныя обычаи привели дѣло къ тому, что въ XVIII столѣтіи пословицу о пьяныхъ женахъ можно было примѣнить безъ особой натяжки и къ большинству трезвыхъ женщинъ. Въ народныхъ картинкахъ того времени представлены въ лицахъ любовныя продѣлки персонъ всѣхъ сословій и состояній и при разныхъ условіяхъ. Впереди идутъ обиходныя любезничанья, по большей части промежъ барской дворни: душа Танюшка, — проситъ (лакей) Ванюшка, — люби меня, будь во вѣкъ моя, ну и Таня «рученьку дала, Ваню милымъ назвала» (107); «Яковъ кучеръ кухарку обнимаетъ, а она его отъ себя пихаетъ, — пожалуй, поди прочь, я вѣдь не кобылья дочь» (108); «отдай мнѣ ведра», — кричитъ дворнику судомойка (109); «черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ», — шепчетъ франтъ барышнѣ, — «тебя не убудетъ, а мнѣ радости прибудетъ» (110). Другой франтъ неотступно пристаётъ къ блинщицѣ, которая показала ему «очень миленька за тѣмъ, что сзади ужъ больно крутенька»; блинная печка стоитъ на трехъ ножкахъ, вверху сидитъ преумори-

*) Въ то время и дѣвицы были не трусливѣе замужнихъ: пришла, напримѣръ, княжеская племянница Завава Путятична къ Соловью Будиміровичу въ палаты, — сама за него свататься; тотчасъ Соловей ее за бѣлыя ручки, да и па перныя пуховыя: «чего-де ты, Завава, испужалася? мы-де оба на возрастѣ». — «А и я, отвѣчаетъ Завава, дѣвица на выданѣ, пришла сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвили (см. «Русск. Нар. Карт.», IV. 88. 89).

тельный котъ съ растопыренными ушами, дымъ валитъ коромысломъ; въ текстѣ картинки подробно объяснено, чего доби-

108. Яковъ кучеръ съ кухаркой.

107. Танюшка и Вальюшка.

вается этотъ франтъ отъ блинницы. На другой картинкѣ приказчикъ угощаетъ сосѣдку яблоками, которая, соглашаясь ихъ кушать, замѣчаетъ своему ферлакуру: «вижу веѣ ваши догадки и давно о томъ мушу (смѣкаю), что хочешь повалить меня подъ грушу».

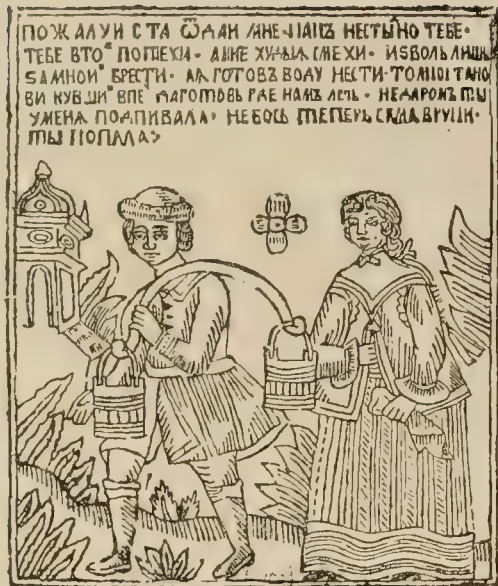
На ряду съ этими картинками, представляющими обиходныя, случайныя любовныя приключенія и при- ставанія, встрѣчаются приключенія и такихъ господъ, кото- рыхъ любовь обра- тили въ ремесло. Еще Олеарій замѣтилъ, что по гостинному двору взадъ и впередъ шныряли съ раз- ными печеньями и овощами жен- щины, которыя вмѣстѣ съ пе- ченьями предла- гали и секретный сырой товаръ. Въ «Комедии о блуд-

110. Черный глазъ, поцѣлуй хотъ разъ.

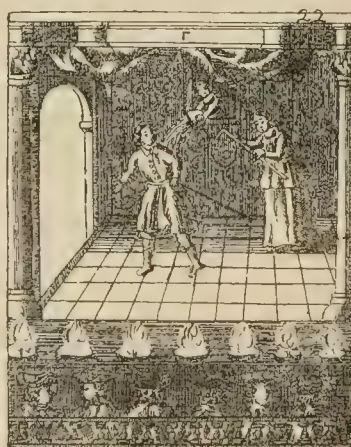

111. Блудный сынъ съ наемной прелюбодѣйкой.

109. Отдай мнѣ ведра.

номъ сынѣ» находимъ двѣ кар- тинки, изъ которыхъ въ одной, подлѣ кровати блуднаго, — сто- ить наемная блудница (111), а въ другой представлень цѣлый домъ прелюбодѣицъ: одна блуд- ница гонится за блуднымъ съ кочергою, а другая выливаетъ на него горшокъ съ уливой (112). При большемъ знакомствѣ съ Европою, и съ наплывомъ къ намъ нѣмокъ, полекъ и францу- женокъ, — тор- говля этимъ то- варомъ сдѣла- лась еще откры- тѣе, и смѣлыя авантюристки часто заднимъ крыльцомъ доби- рались до выс- шихъ почестей. На одной картин- кѣ представлены по этой части: солдатъ пригла- шаетъ франти- ху, (113), панъ Трыкъ (полна па- зуха лыкъ, — три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковы-

Тогда и прелюбодѣицы дуга хѣса ему ѡваа гнаше коче ргоу ѡвааже воду лиаше нанего ѡнѣже и ѡвааже увы глаголетъ

112. Прелюбодѣицы прогоняютъ блуднаго сына.

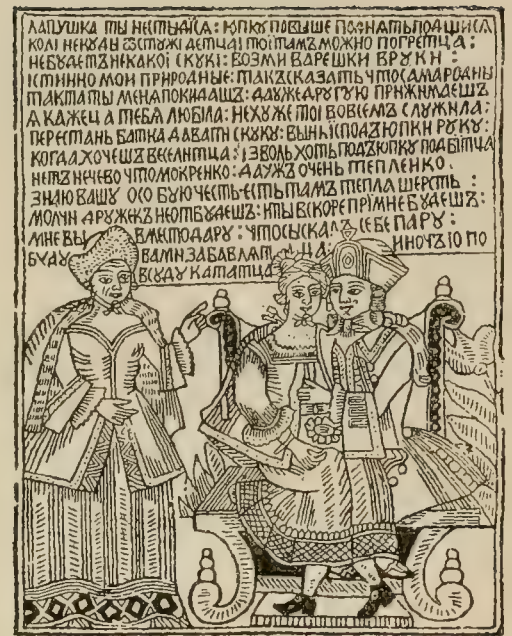
обществѣ кокотокъ, притомъ съ преглупыми виршами, въ стилѣ второй половины XVIII вѣка (116). Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе доморощенные измышления, какъ, напр.: «хоть и старенекъ, да съ деньгами миленекъ»,—говоритъ красавица, усадивъ на свои колѣни сѣдого старика; «а ты»,—замѣчаетъ она молодому человѣку,—«хоть и въ хорошемъ кафтанѣ, да ничего нѣтъ въ карманѣ, что и сидѣть тебѣ болѣ, отойди, когда голи». На дру-

117. Хоть и старенекъ, да съ деньгами миленекъ.

гой картинкѣ сѣдой пострѣлъ просить красавицу полюбить его—«хоть изъ милости»; «не дури старый песъ»,—грозитъ ему прелестница. Такого же рода картинки: двѣ молодки на одного молодца (118); ералашъ съ молодницей; любовное предложеніе, и еще двѣ картинки, скопированныя съ французскихъ образцовъ: горюетъ дѣвушка (№ 156) и помѣха въ любви. Последняя очень забавна: она представляет господина, которому любопытный прохожій помѣшалъ въ любовной забавѣ съ нѣкоей госпожей».

Что касается до картинокъ, въ которыхъ описаны увертки и любовныя приключенія замужнихъ женщинъ, то почти всѣ онѣ заимствованы или скопированы съ иностранныхъ образцовъ. Разговоръ мужа съ женою, которая наивно отвѣчаетъ

118. Двѣ молодки на одного молодца.

119. Невѣрная жена.

ему: «что я люблю другихъ,—вѣдь ты не убываешь»; неvěрная жена, которая «перемѣнки пожелала, волокита къ ней присталь» (119); еще жена, которой мужъ «другихъ любить не возбраняетъ,—онъ отъ того доходъ великій получаетъ», и, наконецъ, женская разсѣянность, всѣ скопированы съ французскихъ гравюръ въ ту же мѣру. Принужденное терпѣніе нѣкоего терпѣливаго отца, которому жена родитъ ребятъ безъ его вѣдома,—скопировано въ ту же

мѣру съ нѣмецкой картинки, а рейтаръ ро-
гоносецъ на пѣтухѣ и рейтарша, жена его,
на курицѣ (№№ 74 и 75)—печатаны прямо
съ нѣмецкихъ досокъ, при чемъ русскія
надписи сдѣланы вмѣсто соскобленныхъ
нѣмецкихъ. Остальныя картинки заимство-
ваны изъ книжной литературы XVIII вѣка,
а именно: повѣсть о старомъ мужѣ и мо-
лодой женѣ—переведена съ сокращеніями
изъ Декамерона Боккачіо; о женатомъ во-
локитѣ—перепечатана изъ сочиненій Абле-
симова. Съ западныхъ оригиналовъ заим-
ствованы: повѣсть о шутѣ и трактирщицѣ
и лукавая жена, «которая замужемъ два-
дцать недѣль была и въ то время ребенка
родила; мужъ пришелъ отъ того въ вели-
кое сумлѣніе», но жена пашлась въ от-
вѣтъ: «вѣдь я, мужъ, двадцать недѣль за-
тобою, да двадцать недѣль, какъ ты жи-
вешь со мною, и того будетъ сорокъ!»—
простакъ такъ и не спохватился, а еще
себя обвинилъ въ недогадкѣ; наконецъ,
повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ
(120), которая, очевидно, переведена съ
французскаго языка, такъ какъ и самое
дѣйствіе происходитъ во Франціи. Эта
последняя повѣсть заключаетъ въ себѣ
подражаніе весьма древнимъ рассказамъ о
женскихъ уверткахъ. У стараго богатаго
купца была молодая жена; понравился ей
сильно хозяйскій прикащикъ, — вотъ и
спрашиваетъ она его разъ, что онъ такое
пишетъ. Прикащику въ то время было
недосужно, да и не предполагалъ онъ за
ней любовнаго дѣла, потому и отвѣтилъ
грубо: «пишу, сударыня, о бабьихъ уверт-
кахъ». «Хорошо же, покажу я тебѣ бабьи
увертки», — подумала купчиха. Черезъ нѣ-
сколько времени, когда уѣхалъ ея мужъ,
приказала она позвать прикащика къ себѣ
въ спальню. Тары-бары, — смотритъ, мужъ
на дворѣ; только успѣла спрятать прика-
щика за картину, — мужъ входитъ въ ком-
нату. «Попадешь ли ты въ эту картину,
старый?» — спрашиваетъ его жена; «отчего
не попасть». Беретъ старикъ ружье, — цѣ-
лится; прикащикъ со страху за картиной
обмираетъ; раздается выстрѣлъ, — купецъ
промахнулся: жена отшибла у него ружье
въ сторону. «А каковы, прикащикъ, ка-
жутся тебѣ бабьи увертки?» — спрашиваетъ
его купчиха, когда мужъ ушелъ изъ спаль-

ни. Затѣмъ, изобрѣтаются двѣ новыя уверт-
ки: купчиха, чтобы мужъ не засталъ при-
кащика у нея въ спальнѣ, — въ первый
разъ запираетъ прикащика въ шкапъ, а
въ другой ведетъ его съ собою париться
въ баню; оба раза она смѣло выручаетъ
прикащика изъ бѣды своими увертками,
и, наконецъ, объявляетъ ему, что теперь
можетъ онъ любиться съ нею безъ опаски,
и что отъ мужа она можетъ всячески от-
говориться. Впослѣдствіи, старикъ померъ;
купчиха вышла за прикащика, который
«сколько ни обращался, а какъ
присмотрѣлъ, — увертокъ боялся,
мнилъ: аще и его не будетъ лю-
бить, не можно ее ни въ чемъ уло-
вить».

Пришедши въ совершенныя лѣта, добрый
молодецъ (я говорю о городскомъ сословіи,
ибо наши картинки преимущественно до
него относятся) задумываетъ завести свой
уголъ, — свою жену, надъ которой бы
можно свой идравъ показать; свою семью,
въ которой одному хозяиномъ быть. На-
чинаетъ онъ разсуждать о женитьбѣ. Вста-
рину дѣвокъ выдавали на Руси, не спра-
шивая на это ихъ согласія. «Во всемъ
свѣтѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки,
яко въ Московскомъ государствѣ», — го-
воритъ Котошихинъ: «здѣсь нѣтъ обычая
видѣться жениху съ невестой и угова-
риваться съ нею самому». Конечно, это
велось больше въ боярскомъ и зажиточ-
номъ классѣ, гдѣ дѣвицъ держали до
свадьбы взаперти, да и потомъ съ жен-
щинами обращались по-восточному. Цари
тоже разсматривали своихъ невестъ до
свадьбы. Для Ивана Грознаго было собрано,
напр., 2000 дѣвицъ: по свидѣтельству
Гейденштейна, царь долго сравнивалъ
ихъ въ красотѣ, пріятностяхъ и умѣ,
и выбралъ изъ числа ихъ—24 дѣвицы, а
затѣмъ всего 12. Тишайшему царю Алексѣю
было представлено только 200 невестъ.

Въ нижнемъ и среднемъ классахъ народа
дѣвушка всегда могла видѣться съ пар-
немъ—и на работѣ, и во время гулянья,
и очень коротко познакомиться съ нимъ
до свадьбы и безъ свадьбы. Но и здѣсь
свадьба всего чаще игралась безъ согласія
молодыхъ, по одному произволу родителей.
Уже въ 1675 году архіепископъ Муром-

скій и Рязанскій обращалъ вниманіе своей паствы на это зло, и указывалъ, чтобы ранѣе 15-ти лѣтъ жениха и 12-ти лѣтъ невѣсту не вѣнчать, и чтобъ при этомъ было обоихъ изволеніе не нужное (согласіе не вынужденное) на сожителство (Пискаревъ, Древн. Грам., СПб. 1854, 131). Указомъ Петра I повелѣвалось жениху и невѣстѣ прежде вѣнца нѣсколько разъ видѣться, и безъ согласія ихъ на бракъ не вѣнчать. Распоряженія эти имѣли свое дѣйствіе: по крайней мѣрѣ, до насъ дошли пѣсни—и на выборъ невѣстою жениха, и на согласіе невѣсты на замужество. Въ «Памятникахъ старинной русской литературы» графа Кушелева (II. 453) встрѣчаемъ очень куріозный рассказъ о томъ, какъ молодая дѣвица давала отвѣтъ старому мужу, хотѣвшему взять ее замужъ, — рассказъ, который прямо наводитъ на мысль, что дѣвицы наши не всегда безропотно выходили замужъ, за кого прикажутъ родители. Сватается къ молодой дѣвицѣ мужъ—«весьма старъ, но еще костью храбръ и плотію встанливъ»; общается онъ ей всякія блага, но ничто не дѣйствуетъ. «Не хочу идти за тебя стараго смерда, понурую свинью», — говоритъ дѣвица, — «если же ты возьмешь меня неволей, и скоро уды твои ослабнутъ, и волосъ пожелтѣетъ, и плотскому моему естеству не утѣха будешь. Тогда азъ дѣвица отъ распленія вниду въ преступленіе съ молодымъ отрокомъ, и ему будетъ во всемъ почетъ, и любовь, и обиліе: здобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да мягкія перины; а тебѣ, кислой просквашѣ, спать на голыхъ доскахъ, подъ соломенной рогожей, съ собаками, пить тебѣ болотную воду, ѣсть тебѣ черствый хлѣбъ». Такъ и не вышла молодца за стараго, а вышла за молодца хорошаго; а старина бѣгалъ, бѣгалъ со своимъ сватовствомъ, да и удавился. «Молодой дѣвицѣ честь и слава», — прибавлено въ концѣ рассказа, «а старому мужу—каравай сала!»

Съ согласія ли, безъ согласія ли молодыхъ, играется свадьба, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней являлась сваха, безсовѣстная привираха. Она расписывала передъ женихомъ красоту невѣсты, присутствовала при рукобитіи, справляла

переговоры о приданомъ, и заправляла свадебными приготовленіями. На одной изъ нашихъ картинокъ (121) представленъ разговоръ по этой части молодого жениха со свахою,—оба они въ шутовскихъ костюмахъ. сваха предлагаетъ жениху раз-

121. Женихъ и сваха въ шутовскихъ костюмахъ.

ныхъ невѣсть — богатую, разумную, красивую; «хочу имѣть покой», — говоритъ женихъ; «такъ не бери никакой», — кончаетъ сваха. На другой картинкѣ (122)

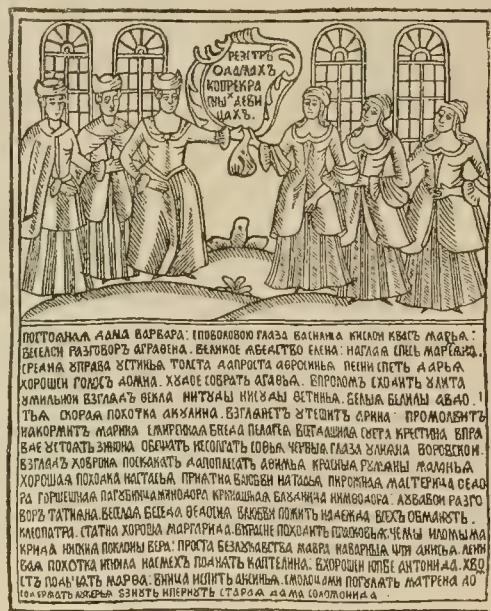

122. Женихъ и сваха.

приведенъ смѣхотворный разговоръ глупаго жениха съ дурою свахою: «Уже пришли мои совершенныя лѣта», — говоритъ женихъ, — «хочется мнѣ жениться и съ любезной повеселиться, а я, какъ видишь, чѣмъ не молодецъ, и носъ у себя имѣю съ немалый огурецъ, копѣчка водится у меня, такъ надѣюсь, что и въ кокошничкѣ полюбить меня. Изрѣдка напиваюсь, щегольски наряжаюсь; трость, штаны и шляпа — дана не малая плата, а объ чулкахъ и башмакахъ — что ужъ калякать; постарайся поскорѣе свадебку сляпать, а то еще вчерашняго числа гулялъ по улицѣ, и усмотрѣлъ, что пѣтухъ топталъ курицу». На эти просьбы сваха отвѣчаетъ ему: «надѣйся на меня — будешь доволенъ, я имѣю приворотный корень; видя твою дурацкую рожу, приведу съ рогами тебѣ козу». За этимъ разговоромъ слѣдуетъ разсужденіе самого жениха о женитбѣ и невѣстахъ, очень напоминающее разсужденія Панюржа у Рабле. На какой изъ нихъ жениться, — разговариваетъ онъ самъ съ собою: богатую взять, — будутъ попрекать; убогую взять, — нечѣмъ содержать; умную взять, — не дастъ слова сказать; хорошую взять, — много будутъ люди знать; худую взять, — стыдно въ люди показывать; старую взять, — часто съ нею хлопотать. Изъ крестьянства взять, — отъ компаніи отстать; изъ холопства взять, — стануть пересмѣхивать; солдатку взять, — много стануть люди знать; съ фабричной, — дома не собрать; изъ посадскихъ взять, — много надобно вина содержать; церковнаго чину взять, — кутейникомъ стануть звать; изъ дворянства взять, — много убору содержать; иноземку взять, — не умѣетъ крестьянскихъ работъ работать. Въ концѣ приложено наставленіе разсуждающему: «аще кто хочетъ по нраву выбирать, то вѣкъ ему женатому не бывать; надобно спроситься у добрыхъ людей, какъ будутъ выбирать, и что разсуждать, и намъ о томъ пожаловать сказать».

Въ другой картинкѣ: «реестръ о дамахъ и прекрасныхъ дѣвицахъ» — предлагаются жениху имена невѣстъ съ краткимъ обозначеніемъ однихъ личныхъ ихъ качествъ: толста да проста Афросинья; ни туда ни

сюда Оитинья; взглянеть — утѣшитъ Арина; промолвить — накормить Марина; красныя румяны Маланья; бѣлыя бѣлилы Авдотья; пріятна въ любви Наталья; хвостъ поднять — Марья; винца непитъ Аонимья; съ молодцами погулять Матрена, и т. д. Наконецъ женихъ выбираетъ себѣ, изъ всего этого товара, невѣсту, — конечно, только не старую даму Соломонида, по своимъ привычкамъ похожую на кота Алабрыса (123).

123. Выборъ невѣсты.

Для свахи опять настаетъ горячая пора: не мало приходится ей бѣгать отъ невѣстныхъ родныхъ къ жениховымъ, повѣрять и добавлять «росписъ приданому», объяснять, переписывать и расхваливать, какія тамъ вещи переписаны. Росписъ приданому ведутся у насъ и въ настоящее время въ мѣщанскомъ, купеческомъ и духовномъ сословіи. Въ нихъ, самымъ подробнымъ манеромъ, росписываются: платья, салопы, бѣлье, башмаки, сапоги, шапочки, всякая дрянь и мелочь, иногда не стоящая ни гроша. Переговоры по росписи идутъ жаркіе; случается часто, что изъ-за какого-нибудь дрянного капота или шапочки, разстраивается свадьба, — сваху взашен, и реестръ возвращается роднымъ невѣсты. Встарину такіе реестры, тоже весьма подробные, включались въ рядныя записи. Двѣ такія записи, одна 1712, другая 1730 г., напечатаны П. И. Саввантовымъ, въ «Запискахъ Русскаго Отдѣленія Археологическаго общества».

СЛУШАЙ ЖЕНИ ЧИТАЙ НЕВЕРТИСЬ АУТО НАПИСАНО НЕСЕРДИСЬ

[illegible][illegible]

ПЕСОШКОМ ПАЛТА З ДИМІДКОМ РОІЗ.
СВЕРХНО БРАГОМ, ПУШКО ДИМІДКА МУШКА
ПАЛЬСІВІНІ ПІСЧУНІС ДИПІЛІВІНІ ГІМНО ХОЛІВІНІ
ДЕСЯТ ДІВІНІ БІСНОДІ ПІРІ. СПІЛОННО ГІРІ.
ДІСІС МУШІВІНІ-ДИПІЛІВІНІ.
ІГОТІВІНІ ДІМІДКІВІНІ БУДІВІНІ ДІВІРІДІВІНІ,
ОНЕ ДІВІМІНІ.

[illegible][illegible]

набьими беспопыта ита да за дамы разбиты.
 юны гнетъ ашерсти нане не передо-uche азатъ олоучетъ
 Ололо постел
 полагаъ браном весь разбраном

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ПИСЬМЕННО ДОЗНАВШЕГОСЯ МУЖИЧКОМ
ПЕРВЫЙ НАПЕВОВА. АНДРОПОВ ЕВГЕНИЙ
ЗЕЛЕНОВСКИЙ ЛЮБОВ, АЛЕРСКИЙ ЛЮБОВ
ПОДПИСАВШИЙ МЫСЛИМЫЙ ПОДПИСАВШИЙ СЛУХЪ ВНИХЪ МОЩНОСТИ
ОДЕЖДОЮ ОТВЕТНО АДОДА ПОСЛУ. АНДРОПОВ СЛАТЬ ТЫ ЕГО НЕГУ
УГОДНОМ ТАКО ДОПОЛНИТЕЛЬНО БЕЗПАС

ПОСЛЕДНЯЯ БАНДОРА ДОСТУПНАЯ ГОСТИННАЯ СБОРА.
ХОЛСТИННОЕ СУДАТЬЕ. ДВА ПЕРЫХ ДВА ПЕРЫХ ДВА ПЕРЫХ
СТЕНКА РАМОНЬЕ ЧЕРН. ДВА ПЕРЫХ ДВА ПЕРЫХ ДВА ПЕРЫХ

Некото много брза машина погребен е с половинна
воту машина едно: дързаста машини в чужбина на обекта.
Губи най-малко азури на машини. Уруп, норт полцов
дее досици, безмалко четирихъ полцов. Недостига

наши интересы могут быть защищены только тогда, когда мы будем бороться за свободу слова и свободу мысли. Мы должны бороться за то, чтобы каждый человек мог свободно выражать свои мысли и чувства, не боясь преследований со стороны государства или общества.

113.
113.

124. Роспись приданому.

логического Общества (XI. 596); текст двух наших картинок представляет забавную пародию на эти записи (124). В наших росписях, также как и в настоящих рядных записях, подробно

перечислены: платья, бѣлье, посуда, серьги, ароматики, и другія туалетныя принадлежности; даже названія тамъ и тутъ встрѣчаются одни и тѣ же: серьги двойчатки, ожерелье, фантажъ, нахца, колпакъ.

къ постелѣ и туфлейка, чепчикъ съ брызжамы, бастрокъ, самара, лабронтъ, плафрокъ, корнетъ, корсетъ; ларчикъ съ ароматическими коробочками, ножечки и всякая мелочь; тазы, кувшины, котлы, лохани и пр. рухлядь.

Конечно, описаніе вещей въ народных картинкахъ сдѣлано въ дурацкомъ пошлѣ; напимѣръ: изъ платья, — «ежова шуба Петербургскаго манеру, и та сдѣлана не въ мѣру; бастрокъ печальный изъ материн мочальной; парусинный лабронтъ, да танцелеровой балахонъ, и тотъ въ торговой банѣ унесенъ; праздничный уборъ, въ которомъ лаять красть куръ черезъ заборъ; шлафоръ гулевой—изъ рогожи соленой; жениху дюжина рубахъ моржовыхъ, да для танцевъ двѣ пары портковъ ежовыхъ; маленькій ларчикъ, а въ ларчикѣ ароматикъ съ клопами, да табакерка съ блохами; рогъ съ чеснокомъ, да пузырь съ табакомъ,... да мертвая мушка, да еще мушечки, да коклюшечки, иголки, да ножечки, булабочки, да бородавочки, да куриныя нагавочки». Въ концѣ росписи, точно такъ, какъ и въ рядной записи 1712 года, помѣщено перечисленіе недвижимаго имущества, поступающаго въ приданое за невѣстой: «два лукошка земли въ Ломовѣ, на гнилое болото въ Уколовѣ; деревня межъ Кашина и Ростова, позади Козьмы Толстова; въ той же деревнѣ запасу скотины и дичины — у старосты Елизара ржавыхъ куликовъ пара, да По-рамошка казначей содержитъ полдюжины грачей; заяцъ косой, да ежъ борзой; ко-рова бура, да и та дура; кобыла безъ копыта, да и та вся (задомъ) разбита; конь гнѣдъ, а шерсти на немъ пѣтъ,—передомъ сѣчетъ, а задъ волочетъ. И всего приданого на столько, да жениху табаку на-пойка, и оное все на лицо, какъ выѣдено яйцо». Въ заключеніе прибавлено дурацкое описаніе о красотѣ невѣсты, которая «пригожа и румяна, какъ обезьяна; во рту растеть калина, а въ носу рябина; свиной лобъ, а взоръ какъ рыжій котъ; разнообразные глаза, будто дикая коза; ходитъ по-нѣмецки, а говоритъ по-шведски; да при томъ всѣмъ досужа, что никогда не просыхаетъ подъ ней лужа». Картинка эта, какъ видно, была въ боль-

шомъ ходу въ свое время; издавалась въ двухъ переводахъ, полномъ и сокращенномъ, и печаталась съ девяти разныхъ досокъ. Текстъ ея представляетъ не мало интереса для изслѣдователей женской моды XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими картинками по этой части, относящимися ко времени Екатерины II-й и представляющими необычайно высокія прически и громадные роброны и фижмы того времени *). Когда рядная подписана и сто-

125. Значеніе мушекъ.

роны ударили по рукамъ,—дѣло считается слаженнымъ, невѣсту ведутъ въ баню. На этотъ случай встарину пѣлись особыя пѣсни,—въ банѣ же невѣстѣ дарился де-

*) Моды эти въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ модою облѣпляться мушками и «обмахиваться» вѣерами, распространялись изъ высшихъ слоевъ общества на семью купеческія и мѣщанскія, а мушками лѣпились даже раскольницы. Эти мушки представляли прекрасному полу возможность вести безмолвные разговоры съ своими обожателями; въ прошедшемъ столѣтіи существовала цѣлая наука, на какомъ мѣстѣ слѣдовало наклеивать мушку въ такихъ переговорахъ: мушка подъ лѣвой щекой, напимѣръ, означала горячность; промежутокъ бровей—соединеніе въ любви; на концѣ носа—одному отказъ; среди лба—знакъ любви и т. д. (125). Для той же цѣли употреблялись и различные цвѣта въ одеждѣ и лентахъ: черный—означалъ печаль, темно-зеленый—вѣрность, свѣтло-зеленый—падежду, алый—любовь, рудо-желтый свиданіе и цѣлованіе (126). Искусныя кокетки умѣли переговариваться съ своими фелакрами еще и посредствомъ махапія вѣеромъ въ разные стороны и на разные темпы (въ наше время этимъ славятся непанки); отъ этого махапія произошло и слово махаться, часто употреблявшееся самою Екатериною II-ю, какъ синонимъ слова — амуричься или любиться (См. также табатерки).

ревянный гребень, на которомъ были вырѣзаны, въ лицахъ, ожидавшія ея супружескія ласки *). Обыкновенно свадьбы игрались сотнями, передъ масляной; въ эти послѣдніе дни, въ торговыхъ баняхъ Московскихъ, ради невѣстъ, — въ женскія бани мужчинъ не пускали **). Существуютъ двѣ народныя картинки съ изображеніемъ бани, въ которой, согласно съ запретительными указами, моются одиѣ женщины; на одной изъ нихъ три бабушки моютъ трехъ дѣвушекъ, — двухъ на скамейкѣ, а третью «бабушка за ноги такъ встряхнула, что та насилу отдохнула»: это три невѣсты. Тутъ же рядомъ бабушка Арина «правитъ животъ» беременной дамѣ; впереди моются три молодницы, «чтобъ бѣлыми къ другу появиться». Въ банѣ, должно быть, стоитъ сильный паръ: двѣ парилщицы уже свалились съ

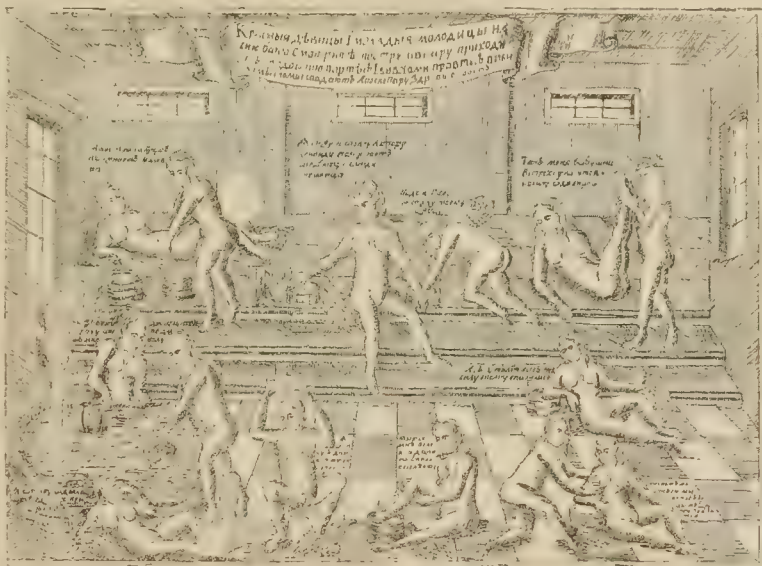
полкѣ — «насилу отдохнули», но третья, позаднѣе, все еще кричитъ: «подай пару, животу моему отраду» (127).

* *) Такой гребень подаренъ въ 1873 году, Московскимъ старожиломъ В. О. Щербаковымъ, въ Московскій Музей.

** *) Въ прочее же время мужчины мылись съ женщинами въ общихъ баняхъ, — обычай этотъ, несмотря на неоднократныя запрещенія, велся и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, въ крестьянствѣ же, гдѣ православные моются въ печкѣ одинъ за другимъ по очереди, цѣлыми семьями, а потомъ выходятъ на морозъ окачиваться, — такую патриархальность можно еще встрѣтить и теперь въ любой деревнѣ.

126. Значеніе цвѣтовъ.

127. Женская баня.

подбираетъ своихъ-чужихъ дѣтей, — «поспѣваетъ скорѣе домой, не родился ли еще какой». Дѣтей своихъ, цѣлыхъ пятнадцать, онъ таскаетъ съ собой, — которыхъ въ корзины, которыхъ за поясомъ, которыхъ за пазухой; онъ давно ужъ примирился съ тѣмъ, что «съ рогами родился, чтобъ всякъ тому дивился». Представлена и другая порода мужей: нагулявшись до сыта съ разными херсонями, пастушками и чужими женами, и пришедши въ тотъ возрастъ,

Народныхъ картинокъ, въ которыхъ были бы изображены свадебные обряды и обычаи, — нѣтъ, и слѣдующіе затѣмъ, по принятому нами порядку, забавные листы переводятъ насъ прямо въ домашній обиходъ или «домосодержаніе» супруговъ. «Доброе домосодержаніе» представлено только на одной картинкѣ, и то съ иностраннаго образца: на плечахъ своихъ супруги держатъ большое коромысло, къ которому привѣшена тяжелая гиря, вверху же вирши:

«Несу сіе бремя и тягость охотно, зря мужне со мною союзство угодно и понеже онъ во мнѣ свое довольство имѣетъ.....» (ф. 128—129).

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ картинокъ, представляющихъ худое домоправительство: драка жены съ мужемъ (131); невѣрность жены и разныя ея продѣлки; «терпѣливый отецъ»

128. Мужъ лапти плететь, а жена птчки придеть, обогатѣть хотятъ: огня не гасятъ.

129.

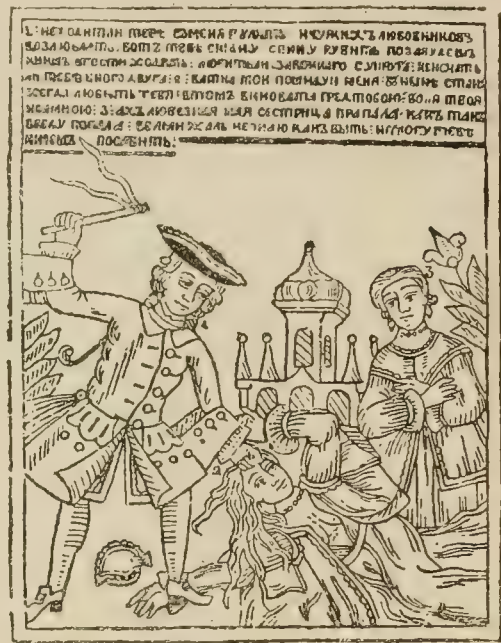
130.

когда храбрость ихъ уже достаточно укротилась и стали они «женскому полу не въ утѣху», они берутъ себѣ молодыхъ, здоровыхъ женъ и сплятятся поставить «домосодержаніе» свое по правиламъ Пчелы

131. Худое домоправительство.

и Домостроя. Провинится жена,—надо ее поучить; да если и не виновата,—поучить тоже не худо: «жену злую учить жезломъ, чтобъ исправилась, а добрую—чтобъ не испортилась» *). И вотъ глава дома, всеспильный мужъ, слѣдуя наставленію Домостроя, задумываетъ: какъ бы «снявъ рубашку да за руки державъ, жену—въжливенько плеткою побить». Хорошо, если жена

132. Мужъ жену плеткою бьетъ.

попадется смирная, да станетъ молиться Гурію, Самону и Авиву, чтобы укротили гнѣвъ его, или такая, съ веселымъ нравомъ, которой, какъ говорится въ пословицѣ, все трынть-трава: была подъ вѣнцомъ, да и дѣло съ концомъ,—или, если еще она и въ самомъ дѣлѣ виновата, какъ, на примѣръ, на картинкѣ «мужъ жену бьетъ, (132), зачѣмъ она негодная дома не живетъ **),—такія, говорятъ, встарину даже въ потасовкѣ мужниною любовь къ себѣ видѣли («не бьетъ мужъ, значить не любитъ»,—говорила тогдашняя женская поговорка). Но случилось и то, что коса находила на камень: «покуда мужъ не перечить—жена еще терпитъ; но, если

*) Или, какъ говоритъ старинная французская поговорка: qu'il n'y a cheval mauvais ni bon auquel ne faille l'esperon, et qu'il n'y a femme mauvaise ni bonne qui ne mérite qu'on la bastonne (Marconville, De la bonté et mauvaistie des femmes. Lyon 1571).

**) Да и тамъ полюбившикъ въ окошко глядѣть и мужу грозить.

погрозить, побъетъ жезломъ, или пиханіемъ, или за власы рваніемъ, — то кознима бѣсится», и еще пуще прежняго на зло мужу дѣлаетъ; проходитъ день за днемъ,—побои не дѣйствуютъ, а жить все-таки приходится вмѣстѣ, врозь идти некуда: «женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ»,—по византійскимъ прави-

ламъ; накапливаютъ взаимное раздраженіе и злоба, и, если только мужъ не успѣетъ загнать нелюбую въ гробъ «кроткими исправительными мѣрами», — дѣло кончается тѣмъ, что безсильная половина усѣкнетъ мужа своего въ сердце (Забѣлинъ, Опыты, I. 168).

V.

Ученъе въ старыя годы. Строгость учителя, всегда вооруженнаго розгой. Похвала розгѣ. Боевое свойство русскаго языка. Чему учились наши прадѣды. Букварь и Арифметика 1703 года.—Отреченныя книги. Библія Кореня.—Лицевая космографія. Космографическія извѣстія о разныхъ народахъ; о Россіи и Русскихъ. Александръ Македонскій и люди дивні. Битва его съ Поромъ.—Картинки изъ Русской исторіи: Осада Бѣлгорода и Мамаево побоище.—Лицевыя объявленія изъ газетъ о разныхъ чудахъ; о прибытіи слона.—Военныя извѣстія. Наши побѣды въ Пруссіи въ 1759—60 гг. Русскіе казаки. Войны съ Турками. Побѣды гр. Румянцева. Ходынский праздникъ. Взятіе Очакова. Война съ Финляндіей.—Портреты царей и историческихъ людей. Дмитріевъ-Мамоновъ. Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша. Портреты иностранныхъ личностей.—Астрономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ.

Встарину большимъ почетомъ пользовалась книга, называемая «Домострой», въ которой преподаются совѣты: какъ жить домомъ и вести хозяйство и какъ учить жену, дѣтей и домочадцевъ. Народятся дѣти,—надо подумать, что съ ними дѣлать. Съ дѣвками—еще не такъ трудно: смотри одно, «чтобы непрокудили своего дѣвства», да учи «вѣжливенько», чтобы были «покорливы, да домовиты». Съ парнишками выходило помудренѣе; положимъ, покуда растутъ,—не велика еще забота: тоже достаточно было ихъ учить вѣжливости и покорливости, ну, а вырастутъ,—надо наукѣ учить. Въ доброе старое время ученъе это давалось не такъ легко: «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ рукѣ, и розгою въ другой» (Забѣлинъ, Опыты, I. 54). Наказаніе въ старинной педагогикѣ у насъ признавалось неразлучнымъ спутникомъ науки. Въ одномъ изъ первыхъ букварей нашихъ (Бурцева, Москва 1634) впереди помѣщена картинка,

изображающая школѣ*): одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ передъ учителемъ, который держитъ надъ нимъ розгу (№ 133). Въ другомъ букварѣ (Москва, 1679 г.) помѣщено цѣлое увѣщаніе о пользѣ розги; это увѣщаніе повторено на отдѣльной картинкѣ (№ 134): «Духъ святой лозою дѣти бить велитъ»,—говорится въ ней,—«лоза здорова, не вредитъ имъ, а еще привлекаетъ разумъ въ главу; она не ломитъ имъ кости, не допускаетъ ихъ до злости и правымъ путемъ ведетъ до неба». Прославленіе заканчивается умильнымъ воззваніемъ: «о вразуми, Боже, учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били; благослови, Боже, оныя лѣса и на долгіе времена, гдѣ родится лоза! Лоза малымъ дѣтямъ ко вра-

*) Подобное изображеніе находимъ въ одной западной рукописи XIII вѣка; только тамъ представлена школа, состоящая изъ обезьянъ, въ которой обезьяна-учитель сѣчетъ своихъ учениковъ розгой (Champfleury, Caricat. au moyen âge, 185).

Въ регламентѣ Его Цесарскаго Всероссійскаго Величества, како содержать себя чинно и послушно всегда въ Академіи (Спб. 1716), предписывается (п. 8): быть по одному гвардейскому солдату во всякой камерѣ во время ученія «и имѣть хлыстъ въ рукахъ и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать,—онимъ бити, пемотря, какой бы онъ фамиліи небылъ», и, какъ сказано въ концѣ регламента, «безъ всякаго похлѣбства» (Пекарскій, II. 362).

зумленію, а старымъ мужемъ подкрѣпленіе». Такая же картина находится въ Виленскомъ букварѣ 1621 г. И не однихъ только ребятъ въ школѣ были въ то время: господа подчивали свою крѣпостную прислугу «березовой лапшей съ ременнымъ масломъ»; мужья были своихъ женъ — для дѣтей, а дѣтей были — «для людей»; мастера были учениковъ, хозяева — рабочихъ; сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинь, были придворныхъ, и все это по тому правилу, что за битаго двухъ

133. Картинка, изображающая школу; изъ «Букваря» Поликарпова, Москва 1701 г.

небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битѣ, въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждого существительнаго имени — боевой глаголъ можно выдѣлать *):

«Ты что тамъ уронилъ?» — спрашиваетъ буфетчикъ.

«Стаканъ», — отвѣчаетъ половой мальчикъ.

«Ужъ я-те отстаканю», — грозитъ буфетчикъ.

«Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику», — приказываетъ артельный староста.

*) Даже покойный Пушкинъ коначій глаголъ царствовать въ этомъ же стилѣ придумалъ (Полн. собр. сочин. его, 1869 г., IV. 419).

«Нутка, припонтійстимъ его, братцы», — кричитъ артель, и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій, языкъ совершенно понятенъ **).

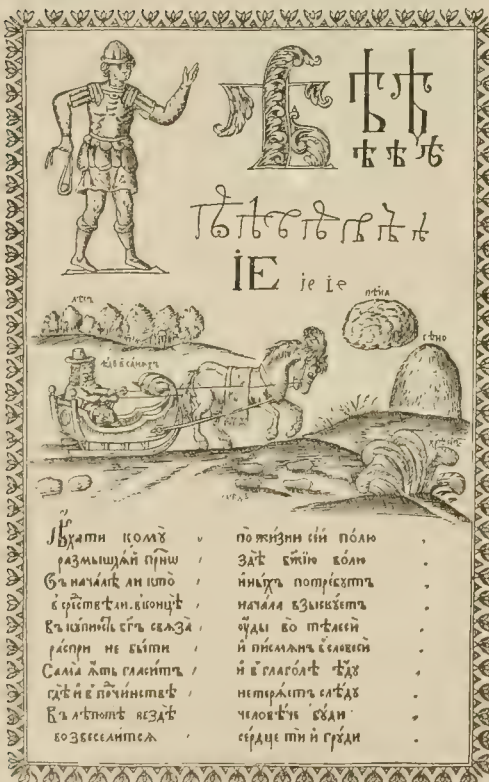
Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, а боевой глаголъ все еще остался, и не скоро должно быть выведется: «насъ тоже были, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье, — безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку не добьешься» ***).

134. Похвалы розгѣ; картина 2-й половины XVII в.

**) Эти глаголы мнѣ доводилось самому слышать, во время неоднократныхъ странствованій по Волгѣ; кому бы это вздумалось: изъ Понтійскаго Пилата и изъ Егорья храброго — глаголы выдѣлать!

***). Ну, а какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрѣпки, головомойки или подзатыльника; не выпрыснуть лѣнливаго, не отхлестать или не отстегать его за испорченную вещь; воронка надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами, — высѣчь, отпороть, отодрать. Въ военномъ быту и въ крѣпостномъ за такую провинность «шкуру съ ногъ до головы сдирали». Въ домашнемъ обиходѣ тоже долго разговаривать нечего, — за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду; за виски, да въ ухо; въ усь, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незнапаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить, какъ не накласть ему киселя, да не пакостылять шею, — и на Западѣ такого человѣка въ шею выгонять, а по нашему, по-русски, если ужъ гнать, такъ гони его въ три шею. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ спехъ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальныя: благословить, вздрючить, припандорить и взьефантулить (Лѣсковъ: Истор. Вѣстникъ, июль 1880, 261).

135—138. Четыре картинки пиз Букваря, составленного мастером Каріономъ Истоминнымъ для паревича Алексѣя Петровича и гравированного мастеромъ Серебряной Пататы Леонтіемъ Буинымъ, 1694 г.

Что касается до ученія, то учить и бить встарину—значило одно и то же, не только у насъ, но и на Западѣ (*castigatio*). Въ народныхъ картинкахъ (въ Эмблематѣ духовномъ, 43 карт.), отецъ, давая наставленіе маленькому сыну, грозитъ ему розгой; а на томъ свѣтѣ, въ раю, сынъ благодаритъ отца за то, что «тотъ всегда казнилъ его», въ чемъ провинился, почему-де онъ и въ рай попалъ. Въ «Бытѣ Русскихъ Царей» и въ «Очеркахъ» Забѣлина (Опыты, I. 51) подробно изложено, въ чемъ состояло ученіе въ старинные годы и чему и какъ учились наши праѣды. Въ тогдашнее время, «ежели священникъ умѣлъ кстати прочесть одну главу изъ Библии или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человѣка, а кто умѣлъ читать и писать,—отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія» (Пекарскій, Наука и Литература, I. 135); женщинъ даже и грамотѣ не учили. Такъ велось и въ продолженіе всего XVIII вѣка; книги, даже для самаго первоначальнаго обученія, — раскупались туго*). Понятно, что и число народныхъ картинокъ научнаго содержанія было весьма ограничено: нѣсколько букварей, ариметика и средневѣковая баснословная космографія,—вотъ и все, что было издано въ пользу народнаго образованія. Съ небольшою натяжкой къ этому же разряду можно отнести и календари, заключавшіе въ себѣ нѣкоторыя научныя свѣдѣнія.

Изъ лицевыхъ букварей, самый замѣчательный составленъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ для царевича Алексѣя Петровича (въ 1692 году) и выгравированъ Леонтіемъ Буинымъ, по его собственнымъ рисункамъ въ 1694 г. (№№ 135—138). Онъ состоитъ изъ 43-хъ страницъ въ листъ, на которыхъ награвированы греческія, славянскія и латинскія буквы уставнаго и скорописнаго почерка; въ нижней части помѣщены изображенія различныхъ предметовъ, названія которыхъ начинаются изображенною на страницѣ буквою, и верши, въ такомъ, напримѣръ, стилѣ:

*) О плохомъ сбытѣ въ Россіи русско-амстердамскихъ изданій писалъ царю и Вутерсъ въ 1703 году: читателей на Руси на книги серьезныя было въ то время такъ мало, что залежавшіяся книги обращались на уничтоженіе.

«Человѣкомъ есть брада совершенство,
Младымъ слушати старыхъ людей —
денство,

Ткати поставъ добръ, юныхъ наказати,
Бичемъ не умрутъ, имутъ успѣвати».

Или:

«Въ колесницу сядь, копіемъ борися,
Конемъ поѣзжай, ключемъ отоприся,
Корабль на водѣ, а въ дому корова,
И кокошь въ трябу и людямъ здорово»
и т. д.

Въ этомъ же букварѣ, на первой страницѣ, представленъ Спаситель съ отверстой книгой въ рукѣ, а въ ней читается: «азъ премудрость вселихъ и совѣтъ...»; по бокамъ же его стоятъ по три ученика со свитками, въ которыхъ написаны имена наукъ: «астрономія, ѳеологія, риторика, философія, грамматика и геометрія». Въ концѣ помѣщено посвященіе букваря: «господину пречестнѣйшему» Симеону Полоцкому. Картинки вырѣзаны весьма тщательно и красиво; въ этомъ отношеніи буквари позднѣйшаго времени далеко не представляютъ такого изящества. За то въ этихъ послѣднихъ включенъ особый отдѣлъ — наставленіе, какъ писать разнымъ лицамъ письма: игумену, напримѣръ, рекомендуется надписывать «молитвою своею, аки копіемъ дьявола побѣдивши»; игуменьѣ: «Божественная, Богомъ снабдивая, равноангельская небеса (?)»; старцу: «горняго Іерусалима и пустыннаго житія подражателю, ангельскихъ силъ ревнителю», и т. д.; жена мужу, въ концѣ письма, пишетъ: «желаю я тебѣ... всякаго благополучія и щастія навѣки твоя нерушима»; мужъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же: «навѣки твой нерушимъ» и т. д.

Огромный листъ «Ариметики», сочиненный и выгравированный библіотекаремъ Васи́ліемъ Кипріяновымъ съ ученикомъ его Маркомъ Петровымъ въ 1703 году и посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу,—составляетъ большую библиографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ очень хлопоталъ относительно обученія средняго сословія ариметикѣ, и, съ этою цѣлью, учредилъ въ маѣ 1714 г. ариметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. Школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ

знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего Петръ запрещалъ имъ даже вступать въ бракъ (Полн. Собр. Закон. 1714 г., 2762.—Голиковъ, Дѣян. Петра В., IV. 316).

Главными сборниками свѣдѣній по части библейской и общей исторіи и космографіи были: Косма Индикопловъ, хронографы разныхъ редакцій, въ началѣ которыхъ всегда почти помѣщались Палея или Толковое бытіе, съ лицевыми изображеніями, и разныя отрывочныя статьи, такъ называемыя отреченныя, апокрифическаго содержанія. Большая часть изъ нихъ, сохранившаяся въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, перешла къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи. Въ XVI вѣкѣ они уже были извѣстны у насъ подъ именемъ болгарскихъ басней; паденіе Болгаріи и Сербіи было причиною тому, что апокрифы эти сохранились, главнымъ образомъ, не въ этихъ странахъ, а въ Россіи, куда они были занесены вмѣстѣ съ другими памятниками. Еще въ XIV вѣкѣ прибылъ въ Москву съ огромнымъ запасомъ рукописей ученый Сербъ св. Кипріянь, впоследствии митрополитъ всея Русіи *), который имѣлъ такое огромное вліяніе на обученіе русскаго юношества, что еще въ XVIII и даже XIX вѣкѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находятся его мощи, ставили ему свѣчи—«о успѣхѣхъ въ наученіи дѣтей грамотѣ». Такимъ образомъ апокрифическое слово Меѳодія Патарскаго (Памятники отреч. литературы) взято изъ Болгарской рукописи 1345 г.; хожденіе Богородицы по мукамъ, Ипатьево мученіе и сказаніе о 12-ти пятницахъ (тамъ же) заимствованы изъ Сербскихъ рукописей; въ послѣднее время Ягичъ отыскалъ и напечаталъ, по глаголической рукописи 1468 г. и по Киприловской 1520 г.,—сказаніе о смерти Адамовой, откровеніе Авраама, бесѣду

*) Кипріянь Сербянинъ поставленъ Киевскимъ митрополитомъ въ Константинополь въ 1376 г. (по патерику Сильвестра Косова въ 1378 г.), и въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ, при чемъ привезъ съ собою большое собраніе духовныхъ книгъ, греческихъ и славянскихъ. Въ 1380 году онъ былъ вызванъ въ Москву; черезъ пять лѣтъ, по pseudовольствіямъ, вернулся въ Кіевъ, а въ 1390 снова уѣхалъ въ Москву, гдѣ и померъ въ 1406 г. сент. 16. Сочиненія его перечислены въ Словарѣ митрополита Евгенія (изд. 1827 г., I. 323).

трехъ святителей, хожденіе Богородицы по мукамъ, сказаніе о 12-ти пятницахъ, повѣсть о главѣ Адамовой и о древѣ крестномъ; сказанія о томъ, какъ Провъ Иисуса Христа братомъ назвалъ, какъ Иисусъ плугомъ оралъ и какъ Иисуса въ попы ставили **). Любопытно отмѣтить здѣсь и то обстоятельство, что вскорѣ послѣ Сербскаго погрома, Россія сама стала поставлять для нея изводы или русскіе оригиналы, которые переводились сербскими монахами на сербскій языкъ ***). Г. Порфирьевъ замѣчаетъ, что, кромѣ того, Апокрифы переносились къ намъ изъ Византіи греческими митрополитами и аѳонскими монахами, часто приходившими въ Россію, и самими русскими, которые частую странствовали на Аѳонъ и занимались тамъ безразборчивою перепискою и переводомъ рукописей. Переводились такія книги съ греческаго языка на славянскій, по свидѣтельству лѣтописи, еще по приказанію в. к. Ярослава (1019—1054; Лѣтоп., I. 65); нашъ Святославовъ сборникъ тоже переписанъ съ греческаго сборника, переведеннаго въ Болгаріи для царя Симеона 1073 г. (Порфирьевъ, 156) ****). Въ византійской письменности апокрифическія сказанія помѣщались преимущественно въ историческихъ хроникахъ, которыя всегда начинались съ сотворенія міра,—они-то и перешли въ безконечные списки нашихъ хронографовъ и Пален. Въ наши народныя картинки попали изъ этой Пален 20 изображеній изъ Бытія, рѣзанныя на деревѣ въ концѣ XVII вѣка мастеромъ Коренемъ, по рисункамъ зна-

**) Изъ числа пхъ, по показанію Индексовъ апокрифическихъ книгъ, сочиненіе послѣднихъ четырехъ апокрифовъ, а также и сказаніе о св. Троицѣ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, и живыя молитвы о трясавицахъ и нежитяхъ,—приписываются Болгарскому попу Іереміи изъ секты Богумиловъ. Князь Курбскій, рассказывая о томъ, какъ одинъ старецъ припесъ ему для прочтенія Никодимово Евангеліе,—прибавляетъ, что онъ это лжеплетеніе и прежде видѣлъ, по лѣтскому языкомъ написанное (Порфирьевъ, 131. 133).

***) Г. Дмитріевъ-Петковичъ упоминаетъ объ одномъ сербскомъ спискѣ Іосифа Флавія «отъ роускаго извода», о которомъ говоритъ переписчикъ: «незнаю, есть ли въ Болгарской землѣ»,—а припесетъ «ѿ роуския земли» (Обзоръ Аѳонск. древн.: Зап. Акад. Наукъ, VI. кн. II).

****) Не малое число такихъ книгъ привезено къ намъ, по всей вѣроятности, и греками, сопровождавшими греческую царевну Софію Палеологъ, впоследствии супругу царя Ивана III.

меника Григорія. Въ числѣ ихъ, на картинкѣ № 4-й изображено, какъ въ четвертый день помысли сатана: «сотворю себѣ престолъ и буду равенъ Богу, и обретя въ безднѣ», на № 16 — представленъ Адамъ, сидящій въ вѣнкѣ изъ райскаго дерева, которое принесъ ему сынъ его Сноѣ для излѣченія Адама отъ болѣзни: по апокрифическому сказанію, Адамъ былъ погребенъ въ этомъ вѣнкѣ и изъ него произросло то дерево, на которомъ впоследствии былъ распятъ Спаситель *); убіеніе Авеля на картинкѣ 18-й изображено тоже, согласно съ сказаніями Пален; а на 19-й картинкѣ представлено, какъ Адамъ и Ева плакали надъ тѣломъ Авеля и не знали, какъ скрыть его, и явилъ Богъ чудо: «уби птица птицу» и закопала ее въ песокъ и сдѣлали Адамъ и Ева то же съ Авелемъ: сказаніе это заимствовано тоже изъ Пален, — оно занесено было оттуда и въ наши древнія лѣтописи. Съ XVI вѣка появляются первые слѣды перенесенія въ наши рукописи западныхъ апокрифовъ: въ это время переведенъ съ нѣмецкаго языка на славянской такъ называемый Луцидаріусъ, — сборникъ богословскаго характера, но заимствованный изъ средневѣковыхъ повѣстей, бестиаріевъ, рафлей и т. п. (Тихонравовъ, Лѣтоп. рук. литерат., I. 37).

При заимствованіи апокрифовъ Болгарскихъ, Сербскихъ, Византійскихъ, а также и западныхъ, наши книжники не просто переводили ихъ, а по болѣе части передѣлывали по-своему, — иногда сокращали, иногда дополняли подробностями изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ получилось въ нашихъ рукопи-

*) О различныхъ сказаніяхъ объ этомъ деревѣ Порфирьевъ замѣчаетъ, что за апокрифы, ни въ древности, ни у насъ, вовсе не налагалось какого-либо отлученія. Оригенъ въ апокрифахъ видитъ слѣды древнихъ преданій, — этого мнѣнія держались и другіе церковные писатели; по замѣчанію Оригена, апокрифами пользовались даже сами апостолы, а Тертуліанъ и даже блажен. Августинъ оправдывали подлинность книги Епоха. У г. Порфирьева подробно изложено, какъ еврейскіе апокрифы переходили въ христіанскія легенды и въ труды христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ, получая при этомъ совершенно новый, христіанскій отбѣнокъ. Изъ византійской литературы апокрифы скоро перешли и въ западную литературу; въ средніе вѣка они помѣщались въ богословскихъ экзегетическихъ и историческихъ книгахъ, входили въ мистеріи или духовныя драмы и присоединялись даже къ тексту священныхъ библейскихъ книгъ (Порфирьевъ, 125).

сяхъ множество разныхъ редакцій Меодія Патарскаго, бесѣды трехъ святителей и хожденія Богородицы по мукамъ. Множество другихъ легендъ, извлеченныхъ изъ католическихъ источниковъ, представляютъ въ русской обработкѣ тоже значительную разницу противъ оригиналовъ, изъ которыхъ онѣ позаимствованы.

Изъ тѣхъ же источниковъ, а также изъ греческихъ хронографовъ и твореній Амартыла и Малалы, переведенныхъ на славянской языкъ въ X вѣкѣ, съ присоединеніемъ выписокъ изъ западныхъ космографій, — почерпались свѣдѣнія по части космографіи. Знаніе хронографовъ дало возможность первому нашему лѣтописцу представить въ началѣ своего труда короткій, но точный, космографическій очеркъ (Пыпинъ, 23). До насъ дошло множество списковъ XVI вѣка Космы Индикоплова съ такими свѣдѣніями по части космографіи и физической географіи, съ присоединеніемъ къ нимъ лицевыхъ изображеній разныхъ баснословныхъ народовъ. Въ 1584 году у насъ уже былъ переводъ хроники Мартина Бѣльскаго, въ которой находился особый отдѣлъ подъ названіемъ: «космографія сирѣчь размѣрная всей земли», а въ 1630 году сдѣланъ переводъ космографіи Меркатора въ 76 главахъ и нѣсколькихъ другихъ космографій, вошедшихъ въ составъ разныхъ рукописныхъ хронографовъ XVII вѣка. Г. Поповъ, въ подробномъ изслѣдованіи своемъ о хронографахъ, приводитъ три различныхъ редакціи такихъ космографій; всѣ онѣ заимствованы изъ Меркаторовой, съ добавленіемъ разныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ.

Составленіе нашей лицевой космографіи, изображенной здѣсь подъ № 139, должно быть отнесено къ тому же времени; оно представляетъ значительное, а во многихъ мѣстахъ и дословное, сходство съ текстами 1-й и 3-й редакцій, напечатанныхъ г. Поповымъ. Относительно европейскихъ народовъ въ нашей космографіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

«Королевство французское: прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ же заблудились; люди въ немъ воинскіе храбрые»; «храбрѣе ихъ силою не обрѣ-

тается», — прибавлено въ космографіи первой редакціи, «и биться нанимаются по многимъ королевствамъ»; а въ 3-й редакціи добавлено, что они «пьютъ много и зѣло невѣрны и въ обѣтахъ своихъ перѣлки» (Поповъ, Сборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы. М. 1869).

«Земля прусская: пространствомъ не велика, но богата; нѣмцы купеческіе и воинскіе; родима хлѣбомъ и овощемъ». «Прежде того Пруссакъ жили на Дону», — прибавляетъ 2-я редакція, но отсюда «ищуще плодovitой земли, и прошли до прусской земли, и тамо засѣли».

«Королевство агленское: нѣмцы купеческіе и богатые, ѣздятъ отъ нихъ корабли въ многія земли; много обрѣтается олова». Во второй редакціи рассказывается, будто бы «старый нѣкій мудрецъ» написалъ, что прежде сего въ томъ государствѣ «былъ сицевой нравъ: егда кто изъ друзей въ домъ своего друга придетъ званый и онъ бы прежде всего съ женою друга своего, къ которому въ домъ придетъ, приженное совокупленіе сотворилъ, чтобы былъ любовно въ дому принятый; тако же въ дорогѣ сообща требуютъ жену друзей своихъ и не бывало то у нихъ безчестно, егда жены и дочери ихъ отъ того обременѣютъ» *). Въ третьей редакціи повторено то же самое, но съ оговоркой: «нынѣ же зѣло стыдятся прежнихъ обычаевъ, сбаче и до нынѣ обладаемы мужи отъ женъ и востязати ихъ не могутъ. Пьютъ же много».

«Королевство польское: пространное многолюдно; были крещены и благочестіемъ сіяли, нынѣ обрѣтается вѣра папѣ; родимо хлѣбомъ и скотомъ и овощемъ; люди величавы и обманчивы». Въ третьей редакціи прибавлено: «пьютъ зѣло много и всякимъ слабостямъ покорны; вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель, и вся творятъ по своей волѣ, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ».

Изъ русскихъ городовъ означены: «царствующій градъ Москва — благочестіемъ

*) То же самое рассказывается и въ другомъ источникѣ: въ Вретапѣ мнози мужи съ единою женою спятъ, и многы жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ (Сухомлиновъ, О русск. лѣтоп., СПб. 1856, 90).

сіяетъ», Новгородъ, Нижній Новгородъ, Санктпетербургъ — въ видѣ пяти елочекъ, и нѣкоторые изъ уѣздныхъ **). Въ первой редакціи сказано, что «россіяне подобіемъ сановиты и брадаты, а нравомъ не постоянны». Во второй редакціи сдѣланы выписки изъ Герберштейна, что народъ русскій «хитеръ и обманчивъ, который любитъ больше неволю, чѣмъ волю, всѣ сказываются невольниками и холопами великаго князя ***); они же николи въ покоѣ не живутъ, потому что князь великій, либо противъ Литвы, либо противъ татаръ воюетъ». Третья редакція говоритъ, что они «по чужимъ государствамъ не ѣздятъ, точію въ посольствахъ, боясь перенять въ нихъ и впасть въ ересь. На бранѣхъ же Россійскіе люди терпѣливи и мужественни, и нужду великую терпятъ, многи дни пребывающе безъ пищи. Цари же ихъ зѣло самовластни и вся творятъ по воли ихъ» (Поповъ, III. 519) ****).

Относительно государствъ другихъ частей свѣта, свѣдѣнія несравненно короче. Въ числѣ ихъ помѣщены и чисто баснословныя, напримѣръ: «Мазическое царство дѣвичье, а совокупаются они съ Еюіопами съ году на годъ; мужской полъ отдають Еюіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляють». Далѣе поминаются три острова: на одномъ изъ нихъ живутъ люди — великаны, — главы у нихъ песьи;

**) Географическія извѣстія о русскихъ городахъ, даже и на картинкахъ позднѣйшаго времени, отличаются такою же краткостію: «бохранимый славный градъ Кіевъ намѣстничество, первопрестольная руссіи столица, внемже множество честныхъ монастырей и стыхъ црквей отъ негоже благодать бжія воссияла вроссіискую землю чрезъ стаго апстла андрея и стаго равноапостольнаго князя владимера пже руссіи народъ стымъ крщениемъ просветившихъ и отъ тмы ідолослуженія къ христіанской вере обратившихъ». При другихъ городахъ и намѣстничествахъ замѣтки еще короче, а при многихъ онѣ ограничиваются такими Щерпинскими примѣтами: «градъ Каргополь, — прекрасный; Сибирское намѣстничество — похвальное; Брлское — похвальное и благополучное, и т. д.».

***) Король Сигизмундъ около того же времени, въ 1568 году, въ письмѣ къ королевѣ Елизаветѣ называлъ русскаго царя не только врагомъ Польши, но и наслѣдственнымъ врагомъ всѣхъ свободныхъ народовъ (Брикперъ въ «Историч. Вѣстникъ» 1880 г., июль, 104).

****) Своего рода космографическія свѣдѣнія находимъ мы въ знаменитомъ писемникѣ Курганова; напримѣръ: «Голландцы — народъ глупый, жены у нихъ госпожи; Голландія есть такая страна, гдѣ четыре стихіи ни къ чему годны, и тамъ золотой демонъ сидитъ на сырпомъ тропѣ въ табачной коровѣ и т. д.» (I. 353).

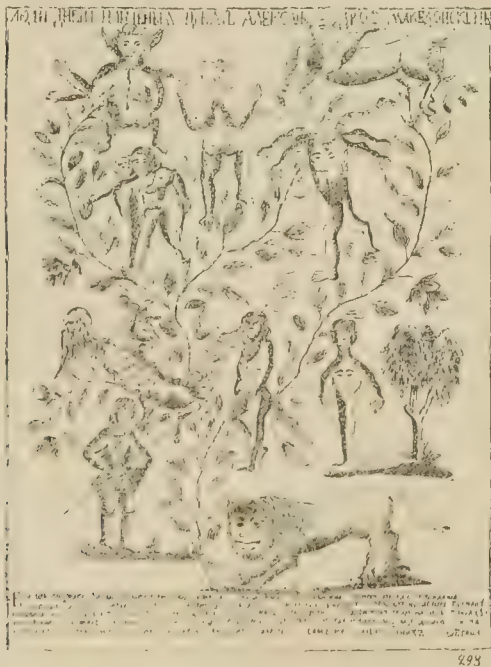

139. Космографія,—пародная картинка, составленная въ XVIII вѣкѣ по редакціи сборниковъ XVII вѣка.

на другомъ—«людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе»; а на третьемъ живутъ змѣи, «лице у нихъ дѣвическое, до пупа человекъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ змievъ, крылати, а зовомы василиски». Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ «корбаты и змѣи», до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій.

Подъ № 140-мъ описана особая картинка, на которой изображены эти самые люди дивні, найденные царемъ Александромъ Македонскимъ. Свѣдѣнія о нихъ заимствованы изъ слова Меѳодія Патарскаго, который рассказываетъ, какъ Александръ Македонскій загналъ эти нечистые роды, а съ ними и двадцать чetyре царя ихъ,—за горы, затворилъ ихъ мѣд-

ными вратами, и замазалъ асигнитомъ, котораго не беретъ ни огонь, ни желѣзо. Выходъ имъ будетъ въ 7920 году, — тогда они опустошатъ землю; имена же тѣмъ родамъ: Гогъ, Магогъ, Инаоазъ, Дафафоль, Дивъ, Аристоль, Наоаръ, Деокомъ, Хартинъ, Хохомъ, Арзомій, Годъядъ, Оареолия и Сатиррій. Гогъ крылатъ, его держатъ 29 человекъ на четырехъ цѣпяхъ. У иныхъ изъ тѣхъ родовъ скотскія ноги, у иныхъ песьи головы и по семи рукъ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. литературы, II. 233). Въ Нюрнбергской хроникѣ помѣщены изображенія этихъ народовъ; о нихъ говорятъ: и Марко Поло, и Монтевилла, и хроника Бѣльскаго, и всѣ почти западныя сочиненія XV и XVI вѣка. Въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ рассказано, что въ числѣ ихъ: «Alexandre trouva femmes, qui tant font gesir les hommes avec elles, que l'âme leur part du corps» (Dunlop, 184). О дивныхъ людяхъ говорится и въ посланіи царя Ивана Индѣйскаго Греческому императору Мануилу: «Есть у меня, пишетъ онъ, въ одной странѣ живутъ люди немые, а въ другой люди рогатые (въ другомъ спискѣ *ропатые*), а иные люди травоядцы, а иные люди десяти сажень высота ихъ; а иные люди половина человекъ, а другая пса; а иные

140. Люди дивія, пайденыи Александромъ Македонскимъ.

люди шесть рукъ имѣютъ; а иные люди въ волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единъ ударитца въ полкъ на 1000 человекъ; да родятся въ моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры (по др. сп.: *драмадаре*, т. е. дромадеры?); водятся у насъ велбуды і коркодилы звѣри лютые, і киторасы звѣри: головы человекъ, власы женскія, і зверки скамалдры, которы во огни скачють, а не згорають, а на что онѣ прогнѣваются, на человекъ или на древо, помочится по сердцу і згоритъ от мочи его тотъ час. Есть у меня птица, имя ей нагавинъ, свиваетъ гнѣздо на пятнадцати деревесахъ. Есть у меня птица чара-ѳитъ...» (Тихонравовъ, Лѣтописи литерат., т. II, отд. III, стр. 100).

Что касается до самого Александра Македонскаго, нашедшаго людей дивныхъ, то, несмотря на все уваженіе, которое питали къ нему славянскіе писатели, какъ къ царю, давшему будто бы славянамъ грамоту на свободу, — въ народной галлерей мы находимъ только одну картинку, посвященную его памяти: это битва его съ Поромъ, царемъ Индѣйскимъ, гдѣ Александръ побѣждаетъ Пору посредствомъ очень неблагоприятной хитрости (141—142). Уговоръ у нихъ былъ битъ одинъ на одинъ; когда они сѣхались, то Александръ закричалъ своему противнику: «О Поре, царю, такова ли есть вѣра индѣйская и правда, — войско твое идетъ на помощь тебѣ». «Поръ же озрѣвся назадъ, хотя войску запретить». Александръ въ это время подлетѣлъ къ нему на конѣ и ударилъ копьемъ въ правую пазуху. Въ заключеніе замѣчу, что это одна изъ самыхъ

141. Царь Александръ Македонскій.

142. Царь Поръ Индѣйскій.

большихъ и самыхъ эффектныхъ народныхъ картинокъ.

Болѣе научныя свѣдѣнія по части всеобщей исторіи, заключающіяся, впрочемъ, въ одномъ перечисленіи именъ древнихъ монархій и царей, да годовъ ихъ царствованія, — встрѣчаются въ такъ называемомъ Монархическомъ колоссѣ, переведенномъ цѣлкомъ съ латинскаго оригинала надворнымъ совѣтникомъ Волковымъ и гравированномъ въ 1761 году ландкартнымъ мастеромъ Михаиломъ Махаевымъ. Колоссъ этотъ расходился въ значительномъ количествѣ, судя по тому, что съ оригинала Махаева была сдѣлана копія и что съ обѣихъ досокъ печаталось по нѣскольку изданій.

Русская исторія представлена въ народныхъ картинкахъ также бѣдно; не считая Афанасьевской книжки, изданной въ новѣйшее время, — объ этомъ предметѣ находимъ только нѣкоторые незначительныя свѣдѣнія на картѣ съ описаніемъ Россійской имперіи *), и два отдѣльныя сказанія: объ осадѣ Бѣлграда и о Мамаевомъ побоищѣ.

Текстъ этихъ двухъ картинокъ заимствованъ изъ Синописа Гизеля, передѣланнаго изъ хроники Софоновича и напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1674 году. Этотъ Синописъ, по словамъ митрополита Евгенія, до изданія лѣтописца Ломоносова, — былъ у насъ единственнымъ учебникомъ по русской исторіи. Освобожденіе Бѣлграда отъ осады Печенѣговъ совершилось, по Синопису, очень просто: въ отсутствіе

*) „Градъ казань намѣстничество; страна татарская построена прѣ татарскаго сайна; егда приде на место сіе и возлюбилъ его, понеже хлебородно и лесисто, внемже великій змѣи живяще; прѣскорбенъ бысть и обрете некоего волхва і возвести ему о змѣи; тотже волхвъ хитростію своею уморі змѣи і тако сайнъ поставі юртъ і часто іскараковъ прѣезжаше і зело любляше і парече градъ казань, пдеже показашася место ему река казань совокупляется сволгою“; „.....первый собиратель московской кнзъ поанъ васильевичъ великій и поистинне великій, не словомъ, но деломъ, ибо рассыпанное отечество вразделеніе детей владімеровыхъ воедино собралъ и пакы утвердѣлъ честь имени своему и славу роспской имперіи“.

„Градъ Угличъ, въ немъ же убиенъ святой благовѣрный Дмитрій Царевичъ отъ боярина Борпса Годупова, мужа великаго коварства и дальныхъ замысловъ и безмѣрной албиціи, который, видя слабость своего государя Царя Феодора Іоанновича, восхотѣлъ самъ похитить роспскій престолъ и тако коварнымъ своимъ умысломъ Царя Феодора Іоанновича отравой уморилъ и Московской престолъ силою и властолюбіемъ самъ воспріять“.

в. к. Владиміра, печенѣги обложили кіевскій городокъ Бѣлгородъ, гдѣ проживали Владиміровы наложницы. Голодные жители уже рѣшились сдать городъ. Тогда выискался челоуѣкъ, по совѣту котораго придумали такую хитрость: развели двѣ кади киселя и одну кадъ медовой сыты, и усталили ихъ въ три колодца; потомъ пригласили печенѣжскихъ начальниковъ, при нихъ стали черпать кисель изъ колодцевъ и сытитъ ихъ сытою, угостили печенѣговъ до сыта и даже наклали имъ еще киселя на дорогу. Печенѣги, удивленные такимъ изобиліемъ киселя въ Бѣлгородѣ, — говоритъ Синописъ, — сняли осаду, а находчиваго изобрѣтателя кисельной хитрости благодарные жители прозвали Киселемъ.

Другое событіе, покончившееся для насъ не такъ легко, — это знаменитое Мамаево побоище, которое, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ и въ разныхъ редакціяхъ и никогда не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не заурядная удѣльная рѣзня, изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть, — за родную землю, за русскую свободу (отъ татаръ, конечно), за женъ и дѣтей, за все, что было рускому челоуѣку и свято, и дорого. Вотъ почему Слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокой интересъ и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ переводахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя Слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно, — отчасти это и правда. Нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда

понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный и полный кровнаго интереса и Берещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого побоища въ простонародьи. Читаетъ полуграмотный паренъ чуть не по складамъ: «брат-цы, пос-то-имъ за зем-лю рус-скую...—ря-домъ ле-жать кня-зья Бѣло-зерскіе...—у-бить... у-бить...», — кажется, что тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ, какъ одинъ, — и старый, и малый, — навзрыдъ плачутъ. Основа повѣсти не сложная: безбожный Мамай идетъ разорять русскую землю; великій князь хочетъ умиловить его дарами, — онъ и даровъ не принимаетъ. Что дѣлать? И вотъ сѣзжаются къ Дмитрію Ивановичу князья русскіе, одинъ за другимъ; собирается войско, — рѣшаютъ идти Мамаю на встрѣчу. По совѣту Ольгердовичей, переходятъ Донъ: лучше-де будутъ драться войска, когда обратный путь имъ отрѣзать. Но силы Мамаево несчетны; надежда на побѣду сомнительная. Ужъ и несмѣтное число волковъ и вороновъ собирается кругомъ войска, чуя поживу. «Братья милые!» — говоритъ великій князь своимъ воинамъ накануне битвы, — «приближается день грозный, всю ночь бодрствуйте и мужайтесь; станемъ крѣпко противъ непріятеля». Не спитъ эту ночь и самъ Дмитрій, — онъ отправляется съ воеводой Волинцемъ добывать примѣтъ (не ворожить, — оговаривается составитель слова); Волинецъ ложится на землю и слушаетъ: примѣты на руку, побѣда будетъ за русскимъ воинствомъ, но цѣной великой крови она будетъ куплена. Наконецъ, приходитъ грозный часъ, — битва завязывается единоборствомъ татарскаго Голіаѳа Челубея съ Троицкимъ инокомъ Пересвѣтомъ; крѣпко ударились они другъ съ другомъ, и оба упали за смертью. Тогда началась сплошная рѣзня: потекла кровь во всѣ стороны; бьются отъ третьяго часа до шестого, — и вотъ, послѣ шестого часа, стали одолевать татары; дрогнуло русское воинство, уже много князей и воеводъ было побито, и самъ великій князь раненъ. Тогда вы-

шли изъ приготовленной засады князь Владиміръ съ хитрымъ воеводой Волинцемъ и со свѣжими силами, дружно ворвались въ Мамаево полчища и разстроили ихъ. Татары въ ужасѣ ударились въ бѣгство, — рѣзня началась безпощадная и только немного спаслось ихъ, съ своимъ Мамаемъ, на добрыхъ коняхъ.

Велика была радость русская, но и не дешево обошлась намъ побѣда: однихъ бояръ и князей побито до 400, да пятьдесятъ три тысячи простыхъ воиновъ. Татаръ, конечно, легло вдесятеро. Не скоро отыскивали самого великаго князя, отдыхавшаго подъ деревомъ и раненаго. Съ глубокою скорбію поѣхалъ онъ по полю, разсматривая убитыхъ, и не могъ удержаться отъ рыданій, наѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали князья Бѣлозерскіе, до 20 человекъ въ одной кучѣ: вмѣстѣ крѣпко дрались они съ татаринѣмъ и положили головы свои «одинъ за другого», — какъ говоритъ сказаніе. Но, если дорого стоила сама эта побѣда, за то и послѣдствія ея для земли нашей были неисчислимы: мы навсегда смяли исконнаго врага своего, и съ той поры стали постепенно и настойчиво, шагъ за шагомъ, тѣснить его изъ земли славянской.

Въ обиходной жизни малограмотнаго населенія, картинки замѣняли и газеты, и нынѣшнія афиши: народъ находилъ въ нихъ извѣстія о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ на небѣ и на землѣ, о рожденіи необыкновенныхъ уродовъ и т. д. Въ прежнее время такія событія записывались въ хроники; наши лѣтописцы тоже заносили ихъ въ свои лѣтописи, наприкладъ: извѣстіе о рожденіи въ Новгородѣ урода о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ (Ростов. лѣтоп. подъ 7047 г.), извѣстіе о рожденіи шестонога съ львиной головой и дѣвки съ рыбимъ хвостомъ (у Нестора). Извѣстія о чудесныхъ рожденіяхъ встрѣчаются во множествѣ и въ западныхъ источникахъ. Въ хроникѣ Шеделя помѣщены извѣстія, съ рисунками, о рожденіи собаки съ человѣчьей головой, ребенка съ двумя головами (стр. 247); въ хронографѣ Іогана Вольфганга (*Lectio-num memorabilium tomus primus et secundus*, 1600), разсказывается о рожденіи

въ Бельгii, въ 1544 году, ребенка съ змѣинымъ хвостомъ, съ лапами вмѣсто ногъ и шестью собачьими мордами на тѣлѣ (стр. 510); о рожденiи въ 1494 году поросенка съ человѣчьимъ лицомъ (с. 903) и медвѣженка съ человѣчьей головой (с. 906); о рожденiи въ 1492 г. ребенка съ нижней частью, до пояса, собачьей—«semicapo» (стр. 911), который родился отъ кобели и отъ женщины. Такому происхожденiю отъ связи животныхъ съ женщинами, а также людей съ демонами, вѣрили не только простой народъ, но даже люди образованные и ученые, какъ, напримеръ, Лютеръ, о которомъ въ *Promptuarium exemplorum* 1574 г. разсказывается анекдотъ, какъ онъ призналъ одного безобразнаго мальчика за бѣсовскаго подкидыша и требовалъ даже его уничтоженiя. Въ нашихъ картинкахъ встрѣчаемъ лицевыя извѣстiя о знаменiяхъ, бывшихъ въ 1736 г. подъ градомъ Шлонскимъ (143),

143. Знаменiе подъ городомъ Шлонскимъ 1736 г.

въ 1744 г. въ Картагенѣ, потомъ въ 1765 г. въ Вейсенбургѣ; изображенiя: кометы 16 августа 1769 года и дивной птицы, которая прилетала въ Парижъ 6-го апрѣля 1776 года (№ 144); явленiе, бывшее въ 1768 г. въ Турци и представлявшее мѣсяцъ, окруженный звѣздами, между ними—восемь крестовъ, песочные часы, по обѣимъ сторонамъ ихъ—сабли

144. Дивная птица, которая прилетала въ Парижъ 6 апрѣля 1776 г.

на-крестъ, а «подъ тѣми четырьмя саблями мертвыя головы, столбъ, обвитый змѣею, изпущающе жало изъ себя, по одну сторону столба—гробъ и въ немъ воткнуть мечъ, изъ котораго будто бы кровь истекала, а по другую сторону пушка на станку стояща».

Въ картинкахъ есть тоже цѣлый рядъ описанiй разныхъ чудищъ, какъ: мужикъ съ

145—146. Мужикъ съ птичьей головой, пойманный въ лѣсу въ 1721 г. и Чудо морское, пойманное въ 1739 г., оба въ Испанiи.

птичьей головой, пойманный въ 1721 г., въ лѣсу, въ Испанiи, и окрещенный тамъ въ католическую вѣру (№ 145); два чуда: морское и лѣсное, пойманныя тамъ же въ 1739 г. (№ 146); сатиръ, показывавшiйся въ Испанiи въ 1760 году (№ 147)—у него голова, лобъ, глаза и брови человѣчьи, уши тигровы, усы кошачьи, борода козья

и ротъ львиный, въ которомъ, вмѣсто зубовъ, костяной ободъ, ѣсть только хлѣбъ и молоко; животное, найденное тамъ же въ 1775 году (№ 148),—главныя чудища

147. Сатиръ, котораго показывали въ Испаніи въ 1760 году.

148. Явленіе, бывшее въ Гвипаніи въ 1776 году.

урода (№ 149), «имущаго мужское естество, четыре руки и двѣ головы»,—уродъ этотъ отосланъ въ Москву, въ декабрѣ того-же года, въ двойномъ винѣ, согласно указу 13-го февраля 1718 года о присылкѣ всѣхъ монстровъ въ Петербургскую кунсткамеру *). Извѣстій о разныхъ бѣдствіяхъ и землетрясеніяхъ и изверженіи Везувія—всего шесть, да два объявленія о приводѣ Персидскаго слона въ Москву въ 1796 г.,

*) За то была обѣщана въ то время плата: за человѣческую монстру, за мертвую 10, а за живую по 100 рублей; за скотскую и звѣрщную отъ 5 до 15, за птичью отъ 3 до 7: «ежели же очень чудное,—сказано въ указѣ,—то дадутъ и болѣе».

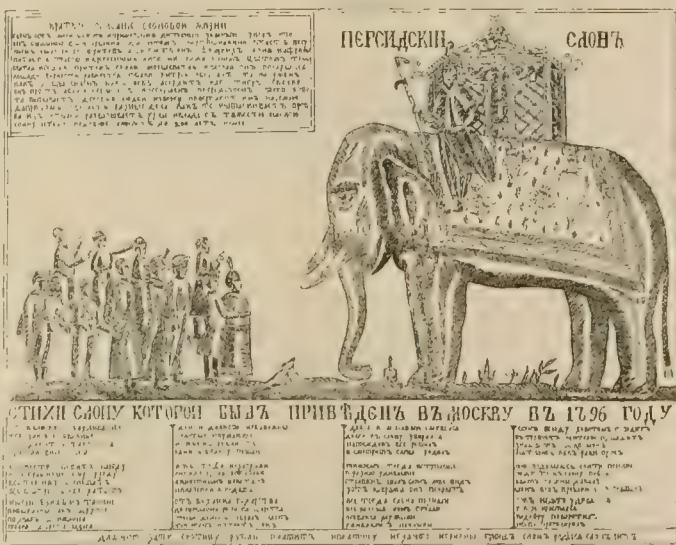

Урожденіи сѣудѣ которой родилса
внѣшнѣи новѣ городѣ
въ 1730.

дѣкабра въ 15 день.
Синцевымъ бѣхромъ родилса уроженецъ сѣ
дори котанниковъ имѣющъ мужское естество
дичетыре руки двѣ головы больша перѣднѣ
нѣ была мертвѣ сменила пѣтноту и бѣла
дѣхання величѣстнѣ сѣной младенцѣ не
мѣе сѣ быкновенно рождающѣмъ. послѣмъ в
москвѣ тогожѣ дѣкабра въ 10. днѣ бѣ дво
нномъ внѣ

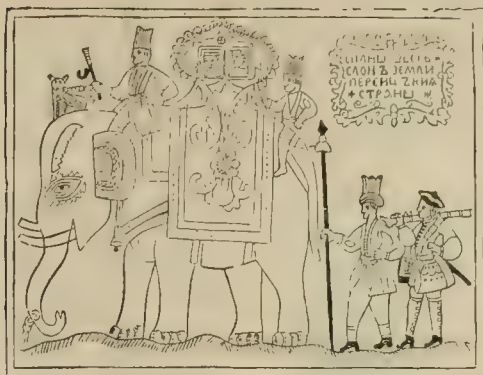
149. Извѣстіе о рожденіи урода въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1730 году.

съ длинными виршами, которыя такъ заканчиваются:.... «...яблокъ калачей давалъ, слонъ какъ крошки ихъ глоталъ; я-жъ не долго удивлялся, вскорѣ и разстался, ко двору поворотилъ, и себѣ проговорилъ: для чего за ту скотину рубли платить и полтину, не за что и гривны при-

ПЕРСИДСКІЙ СЛОНЪ
ТИХИ СЛОНУ КОТОРОГО БЫЛЪ ПРИВЪДЕНЪ ВЪ МОСКВУ ВЪ 1796 ГОДУ

150. Слонъ, присланный изъ Персіи въ 1796 году.

151. Спѣльный звѣрь слонъ.

несть; слонъ родился, слонъ и есть» (№№ 150—151).

Въ числѣ народныхъ картинокъ, на Ахметьевской фабрикѣ сохранились, между прочимъ, афиши о прїѣздѣ англійской компаніи жонглеровъ (№ 152) и о

152. Афиша о представленіи англійской компаніи скомороховъ.

тридцати - пудовомъ мясникѣ Бернадѣ, который показывался за деньги (№ 153 *).

Наравнѣ съ этими лицевыми извѣстіями, появляются съ половины прошедшаго вѣка лицевыя объявленія о военныхъ кампаніяхъ и побѣдахъ нашего войска; текстъ въ нихъ заимствованъ всегда цѣликомъ изъ вѣдомостей. Вмѣстѣ съ карикатурами на 1759 и 1812 года, небольшимъ листкомъ на взятіе Бѣлграда и огромною кар-

*) Великанъ показывался у насъ, въ Россіи, въ первый разъ при Петрѣ Первомъ, а слона до 1796 года приводили два раза: при Петрѣ I въ 1688 г. и при Аниѣ Ивановнѣ въ 1737 г. (Снегиревъ, 72).

153. Тридцатипудовый англійскій мясникъ Бернадѣ, показывавшійся за деньги.

тиною, изображающею Мамаево побоище, объявленія эти составляютъ особый отдѣлъ военныхъ картинокъ, посредствомъ которыхъ народъ знакомился со своей исторіей и узнавалъ о томъ, что дѣлалось въ его отечествѣ. Слѣдуя хронологическому порядку, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ войнахъ съ Пруссимъ королемъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Послѣ Мамаева побоища, нѣтъ ни одной народной картинки вплоть до кампаній 1757—1762 гг. Кампаніи эти были рядомъ побѣдъ для русской арміи, которая, въ началѣ 1760 года, заняла всю Восточную Пруссію. Древняя столица Кенигсбергъ была обращена русскими въ губернский городъ, а жители приведены къ присягѣ на подданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; въ городѣ чеканилась русская монета, и даже появилась духовная миссія съ архимандритомъ.

Въ томъ же году былъ составленъ проектъ о совершенномъ присоединеніи завоеванной части Пруссіи къ Россійской Имперіи, — проектъ, утвержденный подписью Елизаветы: «быть по сему» (30 апрѣля 1760 года); при чемъ Ея Величество оставляла за собою право «получа въ свое владѣніе Пруссію, удобнаго сред-

ства искать: не возможно ли будетъ съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обоимъ сторонамъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Но переговоры по этому предмету съ союзными государями, Маріей-Терезіей и Людовикомъ XV, затянулись, а война шла своимъ чередомъ; вслѣдъ за тѣмъ, въ 1761 году, императрица Елизавета умерла, наследникъ же ея, Петръ III, внезапно перевернулъ политику Русскаго Двора и, изъ смертельнаго врага, Россія вдругъ сдѣлалась самымъ великодушнымъ, самоотверженнымъ другомъ короля Фридриха II (Русск. Стар. 1873, май, 713).

Особенно важна была для насъ побѣда, одержанная фельдмаршаломъ гр. Салтыковымъ и гр. Лоудономъ, при рѣкѣ Одерѣ, надъ прусскими войсками, сражавшимися подъ командою самого короля и его фельдмаршала Ведела. Извѣстіе объ этой побѣдѣ послужило предметомъ для двухъ народныхъ картинокъ, подъ названіемъ: «разговоръ Прусскаго короля съ фельдмаршаломъ Веделемъ 30 іюля 1759 г.» *). Другихъ сатирическихъ листовъ на эту кампанію издано не было, по крайней мѣрѣ, нельзя дать этого названія дошедшимъ до насъ четыремъ народнымъ картинкамъ (№ 154), на которыхъ изобра-

154. Прусскій драгунъ 1759 года.

*) Баталія при Пальцигѣ и другія побѣды наши были выгравированы и академическими мастерами.

жены прусскіе драгуны и ненавистные пруссакамъ русскіе казаки (№ 155),—изъ нихъ одна съ подписью: «пруссаки говорятъ худо попасть въ руки русскимъ казакамъ» **). За это же, славное для рус-

155. Русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгунъ.

скаго воинства, время сохранилось намъ девять народныхъ картинокъ, сдѣланныхъ, какъ это сказано въ подписяхъ на нихъ, «во славу и честь ко отечеству вѣрнымъ воинамъ», и представляющихъ одного коннаго и восемь пѣшихъ гренадеръ (№№ 156—157).

Войны наши съ татарами и турками въ первой половинѣ XVIII вѣка не перешли въ народныя картинки. По случаю взятія Азова Петромъ I, награвирована была большая картина Шхонебекомъ и другая — поменьше, на которой представлены торжество по поводу взятія крѣпости и веденіе на казнь измѣнника Якушки; но, ни та, ни другая, — ни по цѣнѣ, ни по работѣ, — не могутъ быть отнесены къ народнымъ изданіямъ.

Съ 1768 года отношенія блистательной Порты къ Россіи становятся крайне на-

158. Гербъ имп. Елизаветы Петровны, вырѣзанъ по поводу войны съ пруссаками.

**) Въ особенности ненавидѣлъ казацкое войско самъ Фридрихъ: «эти разбойники», говаривалъ онъ, «оставляютъ за собою голую пустыню» — какъ будто онъ самъ, съ своими рыцарскими войнами, вносилъ въ страну не то же самое разореніе.

156—157. Русскіе гренадеры 1759 года.

тянутыми и переходят вскорѣ въ открытую вражду *). Въ то время, въ умахъ русскихъ государственныхъ людей и самой Екатерины, зародилась мысль покорить Турцію и сдѣлать изъ нея Христіанское государство, подъ управленіемъ вел. кн. Константина Павловича, который на этотъ конецъ уже обучался по-гречески. Въ 1769 году на Монетномъ Дворѣ приказано выбить 390 медалей съ изображеніемъ разрушающагося Константинополя**); Евгеній Булгаръ издавалъ портреты Екатерины съ греческими подписями; Екатерина приглашала даже Вольтера погостить въ новой ея столицѣ, Константинополѣ.

*) Съ 1812 года появилось въ свѣтъ, такъ называемое, завѣщаніе Петра Перваго, по которому предполагалось покорить не только Турцію, но и всю Европу съ Азіей на придачу. О подложности этого завѣщанія, составленнаго, по всей вѣроятности, по приказанію Наполеона I, передъ походомъ 1812 года, — смотри статью С. Н. Шубинскаго въ «Древн. и Нов. Россіи», январь 1877 года. — Проектъ покоренія Турецкой имперіи былъ составленъ еще ранѣе, Людовикомъ XIV, при чемъ первымъ условіемъ полагалось перебить все турецкое войско, до послѣдняго солдата; Константинополь и земли турецкія присоединить къ Франціи; покорить Грецію и Палестину, а Турокъ загнать въ Аравію; Русскимъ предоставлялось взять себѣ Крымъ (!) (*Revue de géographie*, Juin 448. *Le grand dessein secret de Louis XIV contre l'Empire Ottoman en 1638*).

**) Медали эти, шести разныхъ величинъ, подробно описаны г. Иверсеномъ, въ его книгѣ: «Неизданныя и рѣдкія русскія медали» (С.-Петербург., 1874 г., стр. 7, №№ 42—47).

Но греческому проекту не суждено было осуществиться и война, разорившая Турцію въ конецъ, кончилась миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, въ 1775 году.

Событія этой славной, для русскаго воинства и флота, войны перешли въ цѣлый рядъ народныхъ картинокъ, въ которыхъ текстъ заимствованъ изъ тогдашнихъ Московскихъ Вѣдомостей, съ передѣлками въ народномъ стилѣ. Первая, слѣдующая хронологическому порядку, представляетъ явленіе на небѣ, бывшее въ Турціи въ 1768 г. и о которомъ уже говорено выше: мѣсяцъ, окруженный крестами, саблями, мертвыми головами и т. д., предвѣщавшими, конечно, войну. Во второй рассказывается, какъ султанъ Мустафа III предложилъ Дивану объявить Россіи войну: «Ваше Величество», — отвѣчаетъ Диванъ, — «Россія издревле въ воинскихъ дѣлахъ по всему свѣту славою сіяетъ, на сухомъ пути и на морѣ вездѣ побѣждаетъ, а многочисленное собраніе войска и храбрыхъ янычаръ російскому оружію не страхъ; но они обратятъ всѣхъ ихъ въ прахъ!» — 16-го августа 1769 года явилась на небѣ комета, а 9-го іюня 1770 года состоялась въ Константинополѣ торжественная религиозная процессія, въ которой несли гробъ Магометовъ и болѣе ста человекъ фана-

тиковъ немилосердно бичевали себя и рѣзали свое тѣло саблями. Затѣмъ начались военныя дѣйствія 1770 года: «конечное истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ», при чемъ сожжено около ста судовъ и въ числѣ ихъ 15 линейныхъ кораблей; взяты Бендеры и получено извѣстіе о буйствѣ янычаръ, требовавшихъ мира.

Въ 1771 году изданы картинки: взятіе крѣпостей Журжи и Перекопской и большая картина, представляющая побѣды, одержанныя гр. Румянцевымъ во все продолженіе кампаніи, со стихами Его Сіятельству.

Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи 1775 года и въѣздъ въ Москву турецкаго посла Беглербея были представлены на особыхъ картинкахъ.

Реляціи обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, какъ было сказано выше, заимствованы изъ Московскихъ Вѣдомостей; потери Турокъ, какъ водится, въ нихъ преувеличены до-нельзя. Сама Императрица Екатерина въ свое время замѣтила кн. Безбородко, что въ реляціи о Кинбурнской побѣдѣ вранье по этой части доведено до того, что даже непонятно стало, сколько на самомъ дѣлѣ Турокъ убито; она приказала при этомъ увѣдомить Рейс-эффендія, что потерянныхъ нами людей въ этой побѣдѣ несравненно болѣе того, которое показано въ реляціи, и поручила Безбородкѣ «употребить впередъ способъ къ прекращенію таковыхъ переписокъ» («Русская Старина» 1876 г., мартъ, стр. 474). Это, какъ мѣтко выразился раешникъ, показывая свою картину, — война Русскихъ съ Турками: «слѣва, — изволите видѣть, — Турки валятся какъ чурки, а справа Русскихъ помиловалъ Богъ, — цѣлы стоятъ, только безъ головъ».

Изъ народныхъ картинокъ того же порядка очень любопытно описаніе народнаго праздника, даннаго на Ходынкѣ 21-го іюля 1775 года, по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. На обширномъ Ходынскомъ полѣ устроены были Черное и Азовское моря съ примѣрными кораблями, а по берегамъ ихъ построены декоратіонныя крѣпости: Кинбурнь, Азовъ, Керчь и Тагапрогъ. Въ одной изъ построекъ накрыто было пять столовъ, за кото-

рыми кушала сама Императрица съ гр. Румянцевымъ и съ ними 319 персонъ. Для народа выставлены были жареные быки и фонтаны съ виномъ; устроены воздушные театры съ канатными плясунами, бухарцами, балансерами и разными увеселеніями; вечеромъ сожженъ большой фейерверкъ, на который Мелиссино и Челяевъ истощили все свое фейерверочное искусство.

Война съ Турками, веденная двадцать лѣтъ спустя Потемкинымъ, не была такъ народна, какъ Румянцевская, — мы имѣемъ изъ нея только одну картину: взятіе Очакова. То же самое приходится сказать и о Финляндской войнѣ, изъ которой въ картинки перешли: взятіе крѣпости Свеаборга, битва при Либштадтѣ и нѣсколько изображеній частныхъ героическихъ подвиговъ. Затѣмъ мы вступаемъ въ 1812 годъ, который прославился карикатурами на французовъ, поименованными ниже, въ особомъ отдѣлѣ сатирическихъ картинокъ.

Отдѣлъ портретовъ, которые тоже должны быть отнесены къ историческимъ картинкамъ, — очень невеликъ (для примѣра см. №№ 159—161). Въ моемъ большемъ изданіи «Русскихъ Народныхъ Кар-

159—161. Изъ впршей на Сагайдачнаго, К. 1622 г.

тинокъ» 1881 г. въ этотъ отдѣлъ были включены, какъ простионародныя изданія по этой части, такъ и тѣ листы, которые помѣщены, въ числѣ лубочныхъ картинокъ, въ собраніяхъ Олсуфьева и Даля и въ цензурной книгѣ Ахметьевской фабрики. Впередъ всего, изъ числа ихъ, должна быть

поименована картинка, гравированная — Киевским мастером Захаріей Самуїловичемъ, изображающая поклонение царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевича Алексѣя поворожденному Спасителю (162),

ванныхъ портретовъ уже было указано на отсутствіе портретовъ многихъ замѣчательныхъ личностей, — это и не могло быть иначе, при условіяхъ стараго времени: что бы ни дѣлалось въ государствѣ, — дур-

162. Поклопеніе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей поворожденному Спасителю.
Работы Захарія Самуїловича.

хотя изображенія этихъ царей и не представляютъ портретовъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

Въ моемъ Словарѣ русскихъ гравиро-

но ли, хорошо ли, — все приписывалось главѣ государства; отдѣльныя личности ступшевывались при этомъ; народу и недосугъ было разузнавать объ нихъ; исклю-

ченіе изъ общаго правила составляли люди военнаго чина, прославившіеся своими боевыми подвигами, имѣвшими для народа осязательное значеніе.

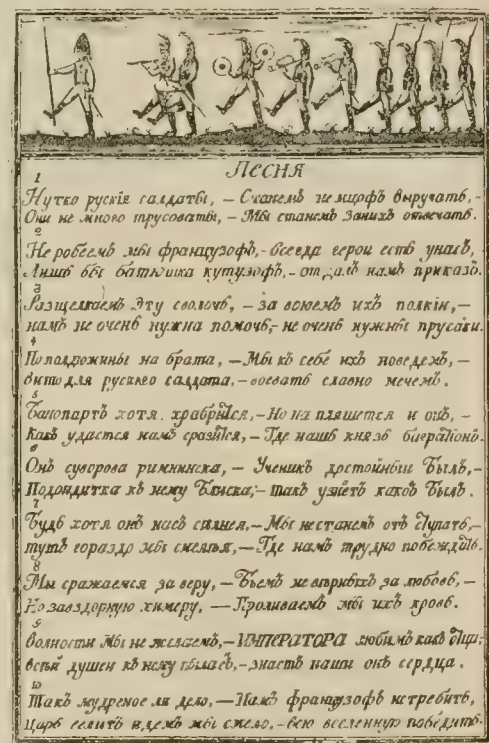
Первыя попытки изданія народныхъ картинокъ этого рода сдѣланы были А. Зубовымъ, который награвировалъ, въ 1734 и 1735 годахъ,—плохіе, но дешевые портреты Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны; всѣ они скопированы съ оригиналовъ, писанныхъ извѣстными въ то время мастерами. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны, который, какъ это видно изъ подписи на единственномъ, дошедшемъ до насъ, экземплярѣ его,—подвергся Высочайшему запрещенію, вмѣстѣ съ портретомъ наследника престола, за ихъ несходство и крайнее безобразіе (см. № 105); большой портретъ Екатерины II съ вел. княземъ Павломъ Петровичемъ, которые окружены портретами великихъ князей, царей и императоровъ русскихъ, скопированными съ большого портрета Петра I съ баталіями, поднесеннаго граверомъ Шикаромъ Петру I въ 1717 году (съ крайне льстивою надписью); другіе портреты Екатерины II, Павла I и, наконецъ, многочисленные портреты Александра Благословеннаго и героевъ 1812 г., которыми серія народныхъ портретовъ лубочнаго произведенія почти и заканчивается.

Изъ нашихъ военачальниковъ XVIII в. въ лубочной иконографіи особымъ почетомъ пользуются портреты свѣтлѣйшаго генералиссимуса Суворова (ср. № 163).

По справедливому замѣчанію Н. Ф. Дубровина и А. Θ. Петрушевскаго, Суворовъ въ народѣ, особенно въ солдатскомъ кругу,—самый любимый и самый народный богатырь, про котораго не перестаютъ рассказывать разную небывальщину, и которому приписываются даже битвы, происходившія много лѣтъ послѣ его смерти. Солдатъ любитъ Суворова за то, что онъ всю жизнь свою велъ по-солдатски и каждое повышение и награду заслужилъ безъ фальши, тяжелымъ военнымъ трудомъ. Сорока лѣтъ онъ былъ еще простымъ бригадиромъ, и только на 65 году получилъ званіе фельдмаршала. Несмотря на природную свою хилость,

163. Суворовъ и Багратионъ.

164. Солдатская пѣсня на походы 1807 и слѣдующихъ годовъ.

Суворовъ, при помощи желѣзной воли, до того закалилъ себя, что могъ перенести усталость и невзгоды, наравнѣ съ самымъ крѣпкимъ и сильнымъ солдатомъ. Ызилъ онъ постоянно на казацкой клячѣ,

носилъ платье изъ солдатскаго сукна или холщевый китель; ѣлъ изъ солдатскаго котла и, видя изнуреніе солдатъ, изнурялся наравнѣ съ ними и не хотѣлъ пользоваться исключительными удобствами. Нельзя было солдату не любить такого начальника и не привязаться къ нему всей душой. Имъ нравились и языкъ его, короткій, съ недоговорками, съ лубочными прибаутками,—и его наука побѣждать, въ которой въ высшей степени дѣльныя и серьезныя наставленія приправлены были тѣмъ же лубочнымъ буфомъ: «Ты всегда будь готовъ къ выступленію въ походъ»,—говорилъ онъ солдату; «не бойся большихъ переходовъ; приучайся къ мѣткой стрѣльбѣ и береги пулю».—«А ты, главнокомандующій, читай и учишься въ мирное время, учи и своихъ подчиненныхъ; но не думай, чтобы одними маневрами и перетасовкой кабинетныхъ плановъ можно было выиграть битву; одно мгновеніе въ битвѣ можетъ измѣнить весь планъ твой, со всеѣмъ его подробностями; осмотри мѣстность на глазомѣръ; минута рѣшаетъ побѣду, не упускай ее, и кончай дѣло общимъ натискомъ. Атакуй непріятеля самъ, не дожидаясь его нападенія; быстрота, внезапность пугаютъ его; непріятель думаетъ, что ты за 100 верстъ, а ты нагрянь на него внезапно... бей, гони, коли его; не давай опомниться; кто испугался, тотъ побѣжденъ вполонину; у страха глаза велики, одинъ за десятерыхъ покажется. Ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ». Солдаты хорошо понимали краткія и полновѣсныя наставленія своего полководца; они вѣрили въ него безгранично, знали его безавѣтную храбрость, знали и то, что онъ самъ былъ первый изъ самыхъ отчаянныхъ, и бодро шли за нимъ на невозможные подвиги. Одно присутствіе этого чрезвычайнаго человѣка неизмѣримо поднимало духъ войска; Екатерина II хорошо знала это и, посылая Суворова, безъ всякаго преувеличенія могла сказать: «посылаю на помощь Суворова, а въ немъ цѣлую армію».

Наполеонъ находилъ, что у Суворова была душа великаго полководца, но не голова; что онъ не умѣлъ двигать большихъ армій, а потому и не лю-

билъ плановъ,—точно такъ, какъ и Юлій Кесарь, котораго Суворовъ выбралъ себѣ за образецъ.—Но вѣдь Суворовъ никогда и не былъ распорядителемъ цѣлой кампаніи и диктаторомъ цѣлой арміи, какимъ являлся Наполеонъ въ войнѣ, а дѣйствовалъ, въ большинствѣ случаевъ, въ качествѣ второстепеннаго военачальника; однако, и при этихъ условіяхъ, всякое отдѣльное дѣло, въ которомъ онъ являлся хозяиномъ, выходило у него «дѣломъ необычнымъ».

Да и въ отсутствіи всякаго плана его тоже обвинять нельзя; въ нужныхъ случаяхъ у Суворова были глубоко обдуманые, хотя и весьма краткіе планы; развѣ безъ плана былъ разбитъ Визирь при Рымникѣ? Только этотъ планъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, былъ составленъ не на бумагѣ, а въ головѣ Суворова *).

Передъ штурмомъ Измаила тоже была составлена подробная и очень обстоятельная диспозиція. Какой же другой, болѣе подробный планъ могъ быть составленъ для такого невозможнаго дѣла: сидитъ въ первоклассной крѣпости около сорока тысячъ жирныхъ турокъ, которые такъ храбро защищаются за крѣпостными стѣнами. Осаждаютъ ихъ 27.000 русскихъ, голодныхъ, больныхъ, оборванныхъ, безъ обуви, безъ пушекъ и даже безъ ружей; всѣ поникли головами, осаду положено снять;

*) Великій Визирь съ 100 тысячнымъ войскомъ наступалъ на Кобурга; въ виду неминуемаго разгрома, Кобургъ обратился за помощью къ Суворову. Суворовъ подослалъ, форсированнымъ маршемъ, въ самое время, 10 сентября къ ночи. Онъ тотчасъ же легъ на сѣно отдыхать и отказался приять Кобурга, несмотря на его усиленныя требованія. Утромъ онъ прямо объявилъ Кобургу, что будетъ атаковать Визиря съ однимъ русскими войсками, если бы даже австрійцы отказались помогать ему. Кобургъ поневолѣ долженъ былъ приступить къ его плану. Къ вечеру, 11 сентября, Визирь, съ своимъ 100 тысячнымъ войскомъ, былъ разбитъ наголову, а союзники, съ войскомъ вчетверо меньшимъ, торжествовали полную побѣду. Уже послѣ битвы Суворовъ объяснилъ Кобургу, что потому не принялъ его паканунъ,—что Кобургъ никакъ не согласился бы на немедленную атаку Турецкаго лагеря, «пошли бы пренія тактическія, энигматическія...», а Турки тѣмъ временемъ почти бы разбили умныхъ тактиковъ.

За это дѣло Суворовъ сдѣланъ графомъ Римникскимъ, получилъ Георгія I-го класса, шпагу и брилліантовые эполеты и перстень; Іосифъ I сдѣлалъ его графомъ Римской Имперіи. Суворовъ предлагалъ тотчасъ же идти, черезъ Балканы, на Константинополь и окончить кампанію рѣшительнымъ ударомъ; но у завистливаго Потемкина не достало на это пужной рѣшительности.

войска уже начали отступать, да еще боится, чтобы турки за ними в погоню не бросились.

Но вотъ призываетъ Суворовъ и все встрепенулось; объѣхалъ онъ кругомъ земляныя работы, поздоровался съ солдатами,—и все поняли, что, вмѣсто предполагавшейся благоразумной ретирады, будетъ штурмъ,—кровавый, безумный, бѣшеный. Каждая рота вчерашнихъ оборванцевъ сдѣлалась бравымъ Суворовскимъ полкомъ, каждый солдатъ почувалъ себя богатыремъ, и дѣло, едва ли гдѣ видѣнное въ исторіи (слова Екатерины), было сдѣлано,—Измаилъ былъ взятъ. Впрочемъ, и по словамъ самого Суворова, на такой штурмъ «можно ходить только разъ въ жизни».

Какіе же могутъ быть болѣе подробные и отчетливые планы для такихъ отчаянныхъ дѣлъ; въ нихъ впереди всего умѣнье пользоваться мѣстностью, наэлектризовать войско, которое знаетъ, что генераль-Впередъ *) никогда не былъ битъ; затѣмъ отчаянная, сумасшедшая храбрость,—та храбрость, съ которою простое деревянное суденышко отбивается по цѣлымъ часамъ отъ стальныхъ броненосцевъ, съ которою безшабашные моряки отправляются на лодочкахъ взрывать и топить мониторы...

Да развѣ самъ Наполеонъ не представляетъ повтореніе того же Суворова: его обращеніе съ солдатами, умѣнье говорить съ ними, любовь къ нему войска; убѣжденіе, что съ этимъ войскомъ для него нѣтъ ничего невозможнаго; всегда и вездѣ наступленіе и внезапныя нападенія, быстрота и натискъ,—все это правила великаго Суворова. Наполеонъ съ своею «la Garde meurt, mais ne se rend pas»—не зналъ слова «impossible». Въ солдатскомъ сло-

*) Эту кличку дали Суворову Австрійцы послѣ Рымникской битвы; онъ гордился этимъ названіемъ, но прибавлялъ: «Генераль-впередъ, но я оглядываюсь и назадъ,—только не для того, чтобы бѣжать (намекая на австрійскаго ретираднаго генерала Мелласа), а для того, чтобы ловчѣе напасть».

Суворовъ предлагалъ идти прямо на Константинополь: «при уныніи Турокъ, это стоило бы нѣсколькихъ успешныхъ переходовъ»,—и Суворову можно было повѣрить въ этомъ на слово; но дипломаты усумнились въ возможности такого смѣлаго плана.

варъ Суворова тоже не было слова «ретирады» *).

Слава Богу, что имъ не суждено было столкнуться на полѣ брани,—много солдатскихъ костей они уложили бы на немъ.

Суворовъ очень искусно билъ турокъ и татаръ. Это, впрочемъ, сволочь, говорятъ военные критики,—да; но эта сволочь колотила-таки исправно австрійскихъ тактиковъ, одинъ на одинъ, а Суворовъ билъ ее одинъ на шестерыхъ. Билъ Суворовъ и поляковъ,—это тоже, говорятъ, войско недисциплинированное. Но вотъ 70-лѣтній Суворовъ является въ Италиі на помощь австрійцамъ и бьетъ дисциплинированныя французскія войска и храбрыхъ французскихъ генераловъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ очищаетъ Италию. Съ какимъ удовольствіемъ поколотилъ бы онъ своихъ друзей-пріятелей австрійцевъ, которые такъ предательски дѣйствовали противъ него и настояли-таки на томъ, чтобы онъ одинъ шелъ съ русскими очищать Швейцарію отъ французовъ.

Этотъ послѣдній замѣчательный швейцарскій походъ Суворова, или, точнѣе сказать, Суворовская наступательная ретирада черезъ Прагелъ и Пракснеръ пассъ **), представляетъ тоже дѣло, «едва ли видѣнное въ Исторіи».

Рядомъ съ Суворовымъ, по времени,—стоитъ князь Багратіонъ, помощникъ и любимецъ его: твердый и хладнокровный въ бою; всегда тамъ, гдѣ была опасность,—солдаты обожали его за его радушіе. Точно такъ же, какъ и Суворовъ, Багратіонъ не любилъ заранѣе обдуманныхъ плановъ и слушался только своего вдохновенія. Гравированныхъ портретовъ его издано было въ 1808—1813 годахъ огромное количество.

Изъ статскихъ лицъ, въ число народныхъ картинокъ, попали: во-1-хъ, курьезный портретъ дворянина философа Дмитріева-Мамонова, сочинившаго самоучкой

*) По словамъ Моро, «онъ готовъ былъ погибнуть самъ и уложить свою армію, но не отступить».

**) Оба прохода, въ видѣ простыхъ тропинокъ, находятся въ томъ же положеніи и въ настоящее время; я прошелъ ихъ пѣшкомъ въ 1882 году, ради прогулки; это было въ концѣ августа: во многихъ мѣстахъ лежалъ уже снѣгъ и была гололедица; идти было довольно трудно; а каково было тащить по этимъ скользкимъ подъемамъ и спускамъ пушки и зарядные ящики?

новую систему міра, съ такимъ къ самому себѣ воззваніемъ:

«О ты, который столь въ свѣтъ родился
честенъ,
Что свѣтъ тебѣ со всей корыстью не
прелестенъ»;

во 2-хъ, знаменитаго Московскаго про- рока, или, какъ онъ самъ себя называлъ,— студента холодныхъ водъ Московскаго сумасшедшаго дома, Ивана Яковлевича Курейши (№ 165). Житіе его наглядно представляетъ тогдашнее религіозное на- строеніе Московскихъ дамъ не только сред- няго и низшаго, но и высшаго круга. Иванъ

165. Студентъ холодныхъ водъ,
Ив. Яковл. Курейша.

Яковлевичъ, уроженецъ Смоленской губер- нии, въ юности своей скитался по дебрямъ семинаріи, изъ которыхъ, однакоже, бѣ- жалъ въ лѣсъ, и сталъ юродствовать. Здѣсь какъ-то случилось ему изобрѣсти несовсѣмъ ловкое прорицаніе одной знатной особѣ, по ходатайству которой онъ былъ переселенъ изъ лѣса въ Московскій сумасшедшій домъ. Тамъ лѣчили его сперва холодною водою, отъ которой онъ самъ себя и прозвалъ студентомъ холодныхъ водъ, а потомъ, съ прибытіемъ славы объ его прозорливости изъ Смоленска въ Москву, устроили для него особую комнату, куда пускали жажду-

щихъ его прорицаній, по 20 коп. сер. съ человѣка.

Вотъ описаніе этой комнаты, сдѣланное около 1858 года: «стѣны уставлены мно- жествомъ иконъ, словно часовня. На полу передъ образами стоитъ большой, высе- ребренный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей; въ подсвѣчникѣ ставятъ свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами; направо, въ углу, еще ниже, мо- лится баба; прямо на диванѣ сидитъ моло- денъкая дѣвушка, а на полу возлѣ Ивана Яковлевича, извѣстная купчиха Заливская. Увидавъ новыхъ посѣтителей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобы не замарать его на полу, подвела къ нему подъ благословленіе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла».

«Направо, въ углу, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ уже предпочитаетъ лежать. Рубашка, одѣяло и наволочка у него—изъ темнаго ситца; лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ; лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Ъстъ онъ руками, ку- шанья скоромныя и постныя перемѣши- ваетъ вмѣстѣ, самъ ѣстъ и другихъ кормитъ, производя при этомъ разныя эксцентрично- сти». Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Иванъ Яковлевичъ намѣшаетъ въ чайникѣ съ чаемъ табаку, помакиваетъ въ этомъ сна- добьи ручку отъ калача, и заставляетъ ѣсть не только купчихъ, но и дворянскихъ дамъ,—это, какъ объяснялъ мнѣ его дья- конъ, за то, что ужъ онѣ ему очень сильно надоѣли. И что же, наши дамы!—плачутъ, а ѣдятъ.

Прибѣгающимъ къ его прозорливости, Иванъ Яковлевичъ провозглашаетъ отры- вочные, перепутанные съ смѣхотворною латынью и никому не понятные отвѣты, которые могутъ быть истолкованы только однимъ, приставленнымъ къ нему снотол- кователемъ, богадѣленнымъ дьякономъ,— или же даетъ письменные отвѣты; напри- мѣръ, на вопросъ: «женится ли такой-то?» — отвѣтъ: «безъ працы не бенды колозацы»; «Выйдутъ ли я замужъ?» — «Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили». Иногда

прорицанія Ивана Яковлевича посятъ эмблематическій характеръ. Приѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Шестова, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ поднялъ ей подолъ, да и говоритъ: «все растрясла, поди прочь!» Другая купчиха К—а спрашиваетъ его: «скажи, Иванъ Яковлевичъ, что будетъ съ моимъ сыномъ?» — «Смотри въ окошко», говоритъ ей Иванъ Яковлевичъ; нагнулась купчиха, смотритъ въ окошко; вскочилъ Иванъ Яковлевичъ на нее, сѣлъ верхомъ, и ну колотить по спинѣ. «Это значитъ», — объяснилъ потомъ богадѣленный дьяконъ, — «что сынъ вашъ поступитъ скоро въ кавалерію».

По прежней службѣ моей въ 1850—54 годахъ, мнѣ приходилось посѣщать Московскій сумасшедшій домъ почти ежемѣсячно. Чрезвычайная грязь и злобонная обстановка, окружавшія Ивана Яковлевича, производили, дѣйствительно, впечатлѣніе отталкивающее; но дѣтское добродушіе Московскаго прорицателя и необыкновенная его безсребренность, — онъ ничего себѣ не выпрашиваетъ, ничего себѣ не оставляетъ, — при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, способны были даже возбудить нѣкоторое сочувствіе въ бѣдномъ страдальцу. Въ этомъ отношеніи Иванъ Яковлевичъ представлялъ настоящій типъ блаженнаго XVI вѣка, и нисколько не походилъ на тѣхъ лживыхъ пророковъ и шпыней, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло для выманиванія денегъ у довѣрчивыхъ православныхъ. Ошибка Ивана Яковлевича заключалась единственно въ томъ, что опоздалъ онъ явленіемъ своимъ на цѣлыя 300 лѣтъ. Замѣчательно, что въ Ивана Яковлевича вѣрили не только Московскія мѣщанки, купчихи и дамы высшаго круга, но даже государственные сановники, извѣстные ученые и высшія духовныя лица.

Иностранныхъ портретовъ, въ числѣ народныхъ картинокъ, тоже немного, — больше все царскіе, по есть, впрочемъ, и богатыри: Позорскій и Пеше Шпырь, Турецкіе паши Ага и Муралей, Янычарскій бантырь Амуратъ (№ 166), пресловутая вонительница греческая Бобелина — женская персона капитальнаго размѣра, которая, какъ сказано въ картинкѣ,

166. Спѣлый богатырь Амуратъ.

«храбростію и силою своею многихъ мужицъ превосходитъ»; да неизвѣстно какими путями пошла сюда же «Доротея Гамбургская вольнодо(у)мка».

Кромѣ этихъ портретовъ, у раскольниковъ сохранились изображенія ихъ родоначальниковъ: князя Андрея Денисова Мышецкаго и Андрея Викулова; учредителя Преображенской богадѣльни въ Москвѣ Ильи Кавылина и старообрядческихъ начетчиковъ — Филиппа Косцева и Андрея Ларіонова Скачкова. Но эти портреты — не лубочной гравировки и въ народъ не выходили: при сильномъ гоненіи на раскольниковъ, они могли проникать только въ богатые раскольниковыя дома, и ставились тамъ въ молельняхъ, наравнѣ съ иконами. Находимые во множествѣ у скопцевъ профильные (съ сіяніемъ) портреты Петра III, котораго они считаютъ своимъ сочленомъ, а равно и картинки, представляющія Павла, изводящаго изъ гробницы Петра III, — тоже не могутъ быть отнесены къ числу народныхъ картинокъ, такъ какъ они гравированы хорошими художниками.

Астрономическія и физическія свѣдѣнія заимствовались нашими предками изъ апокрифическихъ книгъ и твореній средневѣковыхъ писателей, переполненныхъ всевозможными баснями, которыя были въ ходу въ Европѣ почти до XVI вѣка. По этимъ сказаніямъ, небесъ надъ землею три: первое небо идетъ до луны, — въ немъ посе-

лены лукавые демоны, ищущіе погибели челоуѣка; небо второе в воздухъ огненный отъ луны до звѣздъ,—оно наполнено ангелами на охрану челоуѣка; въ третьемъ небѣ, тоже огненномъ, надъ твердою находится Богъ со всеми святыми (Луси-

не опалятъ ихъ, и какъ огромнымъ коломъ тоже 300 ангеловъ воротятъ, и пр. и пр. По Болгарскому сборнику Григоровича, ангелы отъ престола Божія выносятъ солнце на небо, а по сказанію Меодія Патарскаго, въ морѣ—тридцать оконцевъ, и тѣ

176. Псаломъ 103, въ 32 картин. съ изображеніемъ планетной системы, работы Андрея Тихомірова.

даріусъ: Тихонравовъ, Лѣтоп. I. 45). Въ Соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка разсказывается, какъ 300 ангеловъ воротятъ солнце, а птицы грипусы (грифы), финиксы и халедры, окуная крылья свои въ океанъ-морѣ, кропятъ ими на солнце, да

оконцы тридцать китовъ своими головами заткнули; во время потопа Богъ повелѣлъ китамъ отойти отъ оконцевъ и море затопило землю (Памятн. Кушелева, III. 18). То же повторяется и въ Голубиной книгѣ: кить-рыба—всѣмъ рыбамъ мать,—на пей-бо

стоитъ земля; кигъ-рыба потронется, вся земля восколеблется. Въ Иерусалимской бесѣдѣ система еще сложнѣе: тамъ говорится, что земля стоитъ на 80 китахъ-рыбахъ меньшихъ и трехъ рыбахъ большихъ (Кушелевъ, Памятн., II, 308), а по Болгарскому сборнику Григоровича, земля плаваетъ на водѣ, подъ водой же камень; камень держатъ 4 золотые кита, плавающіе на огненной рѣкѣ; подъ нею другой огонь, подъ огнемъ—дубъ желѣзный, первосадный, корни же его на силѣ Божіей стоятъ (Архивъ Калачева, кн. 1). Но рядомъ съ этими небылицами, въ сборникахъ того же времени, содержатся и свѣдѣнія, вполне научныя—о планетной

системѣ, о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ. Свѣдѣнія эти перешли и въ наши народныя картинки; такимъ образомъ, въ лицевомъ изображеніи 163 псалма помѣщены отдѣльные рисунки, въ которыхъ представлены: Птолемева планетная система, фазы луны, полнолуніе, затменіе, первая и послѣдняя четверть, и новолуніе, затменіе солнца, съ указаніемъ научныхъ причинъ такихъ явленій. При составленіи этихъ изображеній рисовальщикъ, видимо, пользовался рисунками Брюсова календаря, который у насъ замѣнялъ, въ свое время, западные альманахи и для народа составлялъ единственный доступный сборникъ свѣдѣній по астрономической части.

VI.

Календари и альманахи. Новый 1699 годъ. Календаръ Фосбейна 1706 года. Пятилпстовой Брюсовъ календаръ и его предсказанія. Монополія на календари въ пользу Академіи Наукъ. — Гадательныя книжки: Рафли, Коло и Соломонова голова; печать царя Соломона.

На Западѣ печатные альманахи-календари появились почти одновременно съ лицевыми библіями: первый и самый народный изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ «*le grand Compost de bergers*», вышелъ въ Парижѣ въ 1493 г.; вскорѣ послѣ того Провансальскій еврей изъ Сент-Реми, Михаилъ Нострадамусъ (род. 1503 г.), началъ сочинять альманахи съ предсказаніями и, кромѣ того, издавать предсказанія центуріями. Изъ него черпали полною рукою слѣдовавшіе за нимъ составители альманаховъ: Іосифъ Мультъ и Матѣе Ленсбергъ, добавляя ихъ—разсказами о явленіи драконовъ, звѣздъ и кометъ, и разными забавными анекдотами. Такой альманахъ, представлявшій, какъ замѣчаетъ Низаръ, за 50 сантимовъ цѣлую энциклопедію, считался предметомъ первой необходимости въ каждомъ крестьянскомъ домѣ (*Hist. des livres popul.*, I. 1). Въ нашей литературѣ первый полный рукописный альманахъ-календаръ появился въ 1664 году; за нимъ слѣдуютъ еще два календаря: календаръ Фохта на 1670 годъ, переведенный съ нѣмецкаго и посвященный царю Алексѣю Михайловичу, и календаръ Словаковскаго на 1696 годъ, переведенный съ польскаго. До этого времени всѣ свѣдѣнія, помѣщавшіяся въ западныхъ календаряхъ-альманахахъ, разбросаны были у насъ по разнымъ рукописямъ, а именно: святцы составляли от-

дѣльную книгу, съ присоединеніемъ иногда лицевого подлинника; для опредѣленія переходящихъ праздниковъ и пасхи руководствовались сперва великимъ индиктіономъ, составленнымъ на 7000 лѣтъ, а послѣ того—міротворнымъ кругомъ, составленнымъ священникомъ Агаеономъ, по порученію митрополита Макарія. Первыя наставленія о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать въ извѣстные дни, мы находимъ въ Святославовомъ сборникѣ 1075 года, гдѣ, напримѣръ, подъ 30 апрѣлемъ указано: «рѣпы не яждь»; «маія 31, поросяте не яждь», а іюля 31: «воздержися отъ афродисіи». Впослѣдствіи такія наставленія составляли предметъ отдѣльныхъ рукописей, извѣстныхъ въ литературѣ нашей подъ именемъ отреченныхъ книгъ: о часахъ и дняхъ добрыхъ и злыхъ, о дняхъ лунныхъ, Мартолой или астрологія и пр. По части предузнаванія погоды изъ той же литературы назовемъ: громникъ, собранный царемъ Иракліемъ, или молніяникъ, и колядникъ пророка Ездры. Цѣлый устный календаръ предсказаній этого рода можно отыскать въ народныхъ пословицахъ.

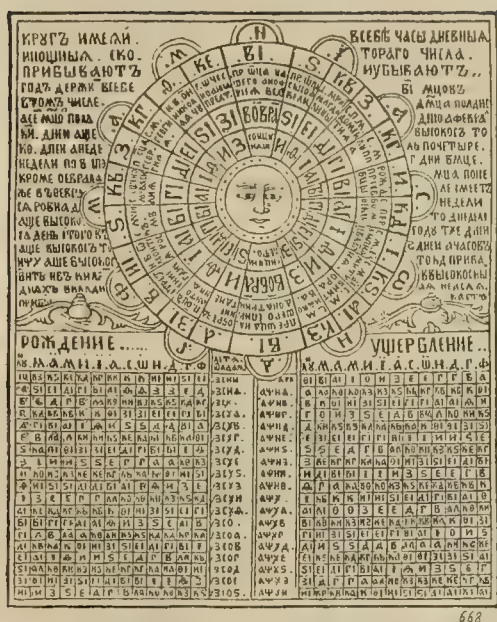
Въ 1699 году, какъ извѣстно, Петръ I-й повелѣлъ новый годъ считать, не по-прежнему съ 1-го сентября, а по-новому, — съ 1-го января; изданъ былъ торжественный указъ, по которому приказано было въ этотъ день всѣмъ радоваться и, какъ зажгутъ огненные потѣхи на Красной

площади, поздравлять другъ друга съ праздникомъ и съ концомъ протекшаго вѣка. Кромѣ того, приказано было всѣмъ безъ исключенія украсить дома свои сосновыми вѣтниками, по выставленному образцу; скудные люди могли втыкать подъ своими жилищами по одной вѣткѣ, и затѣмъ всѣмъ приказывалось, въ знакъ особой радости, цѣлые шесть дней до 7-го января жечь соломѣ, костры изъ хвороста и дровъ, смоляныя бочки, палить изъ пушечекъ (у кого онѣ есть) и пускать ракеты. Черезъ два года послѣ этого праздника напечатанъ первый январскій календарь, въ Амстердамѣ, Ильею Копіевскимъ. Въ чемъ заключался онъ, мы не знаемъ, такъ какъ отъ него уцѣлѣли одни святцы. Настоящая же серія печатныхъ календарей началась Московскимъ календаремъ на 1709-й годъ и Петербургскимъ на 1713-й годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и рядъ народныхъ календарей, отпечатанныхъ гравированными досками. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ поставить стѣнной календарь Фосбейна на 1706 годъ, доска котораго печаталась въ Москвѣ на Ахметьевской фабрикѣ; второй и самый полный изъ всѣхъ стѣнныхъ календарей, доска изъ вѣстныхъ,—это такъ-называемый Брюсовъ календарь, пятилистовой, изданный В. Кипріяновымъ на 1711-й годъ. Календарь этотъ содержитъ въ себѣ: святцы, показаніе долготы дней въ Москвѣ, положенія луны; таблицу съ «предсказаніемъ дѣйствъ» по теченію луны, переведенную изъ астрономіи Вольфганга Гильдебрандта, и таблицу съ предсказаніемъ времени по теченію планетъ, переведенную съ латинскаго изъ «книги Іоанна Заганъ». Въ лунной таблицѣ, на примѣръ, есть наставленія, подъ какимъ знакомъ слѣдуетъ: «бракъ имѣти.. мытися в'мылне и платьѣ кроить... брады брить, чтобы не скоро выросали... строить храмы, чтобы огонь не пришелъ туду... въ тавлен играть безъ спору... власы с'главы стричъ, чтобы мозгъ укрѣпляло... дѣтей въ училище отдать, чтобы были зѣло учены... преніе пачати и к нему причины искати». Въ таблицѣ о погодѣ можно отыскать: какое въ каждомъ году будетъ лѣто, весна, осень и зима; какой

чему будетъ урожай, въ овощахъ и животныхъ, а также и какія будутъ когда ходить болѣзни, на примѣръ: «вино зѣло хорошее, орѣховъ обиліе; громы тяжкіе съ пожарами, будутъ вредить вихри; зѣло много яко змій, саранчи, лягушки великіе, черные, лягушки водныя, ящирицы и мыши; болѣзни утробы, стомаха, прирожденныхъ удовъ, болѣзнъ французская, диссентерія сирѣчь поносная болѣзнъ», и т. д.—Этотъ пятилистовой календарь составленъ Кипріяновымъ, по указаніямъ знаменитаго астролога своего времени, генераль-фельдцейгмейстера Якова Вилимовича Брюса, котораго народъ, за его математическія познанія и постоянныя занятія астрономіей, прозвалъ колдуномъ *).

Вслѣдъ за пятилистовымъ календаремъ Брюса, тѣмъ же Кипріяновымъ изданъ однолистовой календарь на 1715 годъ, представляющій сокращенную компиляцію изъ пятилистоваго календаря. Затѣмъ слѣдуютъ стѣнные календари: одинъ, гравированный Ростовцевымъ; другой, печатанный деревянною доскою въ первой половинѣ прошедшаго вѣка (№ 168); календари 1749-го и 1774-го годовъ, и всегдашній календарь, конца прошедшаго столѣтія. Изъ календарей, отпечатанныхъ мѣдными досками въ видѣ цѣлыхъ книжекъ,—извѣстны: весьма распространенный въ западныхъ губерніяхъ календарь Корвина Квасовскаго и Брюсовскій календарь на 47 листахъ, который издавался во все продолженіе прошедшаго и даже въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Этотъ послѣдній—еще полнѣе пятилистоваго Брюсова календаря. Кромѣ предсказаній о погодѣ и о дѣйствіяхъ по теченію луны, въ немъ помѣщены: свѣдѣнія о библейскихъ праотцахъ, исчис-

*) Старикъ камердинеръ его находился еще въ живыхъ въ тридцатыхъ годахъ, и о немъ ходили тогда такіе слухи, что Брюсъ приказалъ ему изрубить тѣло его послѣ смерти на куски и поливать оставленною имъ, Брюсомъ, живою водою. Камердинеръ изрубилъ тѣло, началъ поливать его водою; уже куски срослись вмѣстѣ, въ лицѣ заиграли румянецъ; но узнавъ объ этомъ Петръ I и приказалъ остановить операцію и зарыть колдуна въ землю (Русская Старина 1871, 170). У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 289) легенда рассказана нѣсколько иначе.—Съ тѣхъ поръ и Сухарева башня слыветъ въ народѣ мѣстомъ нечистымъ. О ней существуетъ преданіе, что на свѣтѣ была черная книжка, въ которой описана вся житейская мудрость; книжка эта была потоплена въ морѣ, но оттуда выловлена колдуномъ и замурована въ Сухаревою башню на десять тысячъ лѣтъ.

168. Народный календарь, рѣзанный на деревѣ (1750), 1-й днепсходный.

леніе главнѣйшихъ звѣздъ на небѣ, таблица разстояній различныхъ городовъ русскихъ и иностранныхъ отъ Петербурга, перечисленіе дворцовъ, монастырей и церквей русскихъ, положеніе, въ градусахъ, знатнѣйшихъ городовъ европейскихъ, и карты губерній Московской и С.-Петербургской; кромѣ того, при каждомъ мѣсяцѣ приложены подробныя описанія «дѣйствъ въ рожденіи человѣкомъ», т. е. описаніе права и тѣлосложенія, а также житейскихъ похожденій, болѣзней, печалей и радостей, предстоящихъ человѣку, родившемуся подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «Отроча, родившійся между 9-мъ февраля и 12-го марта, флегматикъ, студень, мокръ...; въ Овнѣ имѣетъ счастье во всѣхъ плодахъ земли; во Львѣ имѣетъ болѣзнь, чудень будетъ въ сіи времена. Аще въ Вѣсахъ, болѣнь будетъ, смерти себѣ да ожидаетъ. И въ Скорпіи имѣетъ счастье шествовати; въ Стрѣльцѣ будетъ богатъ, и въ Козерогѣ имѣетъ счастье купляти и продавати. Въ Водоливѣ ничего да не начнетъ, зане сіе время супротивность ему... Лучшія его краски суть: бѣлая, зеленая, прочія суть злы. Отроча, родившійся между 14 сентября и 13 октября... младъ, нецѣломудръ и склоненъ ко блуду,

отраву приемень чрезъ злыя жены. Отрковица-же, родившаяся за это время, «не можетъ спсцаго изъясненнаго наклоненія удалитися: пригожа будетъ, бѣла съ краснымъ смѣшана; благо ей... танцовати, скакати, пѣти, забавлятися..., любовь и блудъ до скончанія вѣка своего творити будетъ; покажется супружникъ, онаго едва любить». «Родившійся между 11 января и 8 февраля многихъ женъ растлитъ». — Прогностики эти очень сходны съ западными предвѣщаніями, въ томъ числѣ съ нѣмецкимъ календаремъ: «Das ist der teutsch kalender mit der Figuren, Gedruckt zu Augsburg von Hansen Troschauer, 1510,4». Въ прежнія времена имъ вѣрили; каково же было отрковицѣ, родившейся, напримѣръ, между 14 сентября и 13 октября, предвкусить прогнозику относительно тѣлесной похоти и блуда до скончанія вѣка, отъ котораго наклоненія она, по календарному увѣренію, даже никакимъ средствомъ и удалитися не можетъ!

На Западѣ число разныхъ календарей-альманаховъ громадно, — они составляютъ тамъ цѣлую особую литературу. У насъ отдѣлъ этотъ очень бѣденъ: причиной тому было то обстоятельство, что изданіе календарей было предоставлено Академіи Наукъ въ видѣ монополіи *). Особыми указами 1739 и 1780 гг. приказано было покупать только календари академическіе; въ 1800 и 1830 гг. запрещено было частнымъ лицамъ издавать календари во все. Запрещеніе это уничтожено только въ 1865 г., т. е. въ то время, когда народныя картинки, въ прежнемъ, настоящемъ смыслѣ этого слова, прекратили свое существованіе. Академическіе календари, судя по неоднократнымъ жалобамъ по этому предмету со стороны президентовъ, расходились въ народѣ очень туго, такъ какъ каждый по-прежнему искалъ раздобыть Брюсовъ календарь хотя и стараго изданія, но въ которомъ онъ могъ бы найти всѣ нужныя для себя обиходныя свѣдѣнія и заманчивыя прогнозики и предсказанія. Въ этихъ-то свѣдѣніяхъ и заключалась необыкновенная популярность этого календаря: Ки-

*) Календарная выручка шла на покупку спирта и камфоры, для сохраненія академическихъ звѣрей и уродовъ отъ моли и червей.

пріяновъ, подъ руководствомъ Брюса, свелъ въ немъ все то, что содержалось по этой части въ древнихъ нашихъ планидникахъ, звѣздохетцѣ, стодневцѣ, громникѣ, мартолоѣ, путникѣ и другихъ отреченныхъ книгахъ. Новый календарь совершенно замѣнилъ ихъ: оставалось дополнить его тѣми отреченными статьями о гаданьяхъ, которые для народа, а въ особенности для женской половины, были такъ же необходимы, какъ и самый календарь.

Разныя примѣты: заломы березокъ, плетение вѣнковъ, гаданье по полету птицъ, по мышинному писку, навязываніе деревянныхъ крестовъ на воронъ, — о которыхъ упоминаетъ Новгородскій архіепископъ Геннадій, — существовали у насъ, какъ и въ другихъ, гораздо болѣе образованныхъ странахъ, съ глубокой древности; въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года дошелъ до насъ весьма полный перечень такихъ гаданій по примѣтамъ (Востоковъ, Румянцевск. Музей, 550). Изъ Стоглава мы узнаемъ, что предки наши смотрѣли, загадавъ, въ Аристотелевы врата, т. е. въ книгу Аристотеля: «тайны тайныхъ», подобно тому, какъ смотрѣли въ эту книгу, равно какъ и въ Виргилія, на Западѣ, — а также гадали по рафлямъ. Образцы такихъ рафлей дошли до нашего времени въ видѣ народныхъ картинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Кола (колесо фортуны, № 169, работы Трухменскаго) и случаевъ описанія (№ 170). На такой гадательный листъ бросается пшеничное или ячменное зерно; на какомъ изображеніи или притчѣ оно остановится, — то съ гадающимъ и сбудется въ жизни. Позднѣе листы эти замѣнены цензурною гадательною книжкою царя Соломона (№ 171), содержащею въ себѣ сотню изреченій туманно-нравственнаго направленія, преподаваемыхъ по большей части отъ имени неизвѣстнаго пророка, на манеръ прори-

цаній знаменитаго Ивана Яковлевича, въ родѣ слѣдующихъ: «20. Молни Господа Бога твоего, будетъ тебѣ человѣче хотѣніе твое, о томъ Пророкъ рече, кипитъ сердце по первой жизни, добро будетъ тебѣ и радость; 28. Будетъ тебѣ человѣче якоже хочещи по желанію твоему имѣть животное, но не вскорѣ узриши, о томъ Пророкъ рече»... и т. д. Въ такомъ видѣ гадательная книжка получила какой-то духовный характеръ и, вмѣстѣ съ печатными сонни-

169. Коло, гадательное колесо.

камн, составляла необходимую принадлежность каждаго домашняго обихода, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и въ городскомъ, — у купцовъ и мѣщанъ. Въ былое время по вечерамъ собиралась за столъ семья, съ домочадцами; дѣвки, парни, молодцы и старухи бросали, по очереди, пшеничное зерно или горошину на солнечную голову, а какой-нибудь грамотей

170. Случаевъ описаніе и дѣйствъ сказаніе.

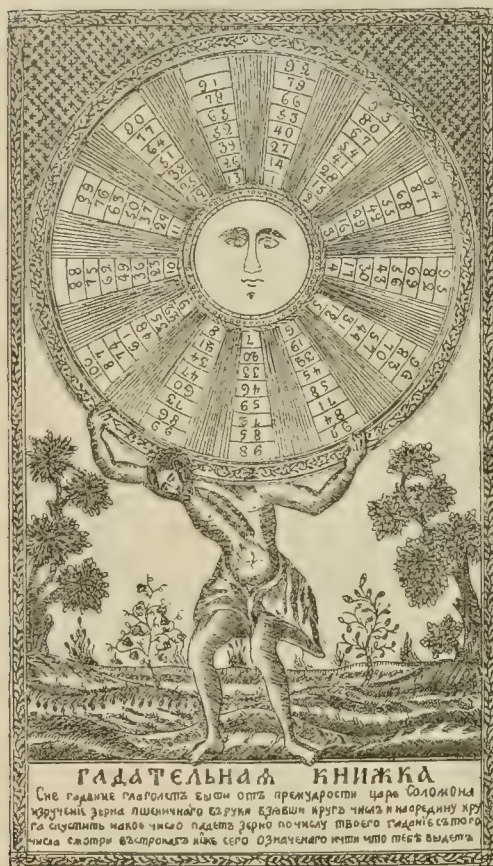
Парамошка читалъ вслухъ и на церков-
ный ладъ выпавшее изреченіе съ проро-
комъ на концѣ.

Въ числѣ народныхъ картинокъ есть еще
одна «гадательный способъ для увесе-
ленія», съ картинками Екатерининскаго
времени, черезчуръ игриваго характера.
Въ молодости моей, помню, игрушечники
и офени продавали маленькія дѣтскія гада-
тельные карты, въ которыхъ изображенія

напоминали нашу народную картинку
случаевъ описанія и дѣйствъ
сказаніе.

Чтобы покончить съ гаданіями, упомяну
царя Соломона (172), о которой говорится
и въ сказкахъ 1001-й ночи, и у Іосифа
Флавія, и которая была въ большомъ ходу
въ Западной Европѣ. Печать эта была дана
Соломону (въ перстнѣ) самимъ Богомъ, въ
то время, когда Соломонъ задумалъ по-

строить Ему храмъ; черезъ нее Соломонъ получилъ власть надъ злыми духами заставлялъ ихъ на себя

171. Гадательная картинка царя Соломона.

172. Печать царя Соломона

работать всякое дѣло. Въ книгѣ «Vinculum Spiritus» разсказывается даже, что Соломонъ, по окончаніи работъ, изловилъ трехъ главныхъ бѣсовскихъ князей: Асмодея, Белеа и Беліара, а съ ними 72 меньшихъ князей и три милліона малыхъ чертей, закупо-рилъ ихъ въ стекляницу изъ чернаго стекла и бросилъ въ глубокій колодезь подлѣ Вавилона. Много времени спустя Вавилоняне, отыскивая кладъ, разбили эту бутылку и выпустили такимъ образомъ чертей на свободу (Dunlop. 399) *).

*) Въ западной литературѣ встрѣчаемъ еще ключицу дая Соломона; это волшебная кость, о которой упоминается и въ нашихъ отечественныхъ книгахъ и посредствомъ которой можно вызывать злыхъ духовъ и командовать ими, какъ простыми телятами. Всѣмъ этимъ бреднямъ западное простонародье усердно вѣрило еще

въ прошедшемъ вѣкъ; у Шейбле приведены цѣлыя сочиненія о заговорахъ чертей, условіяхъ съ демонами Муфферомъ и Узіеоломъ, у которыхъ подъ начальствомъ состоятъ 28 мелкихъ духовъ; тамъ же приложенъ цѣлый рядъ кабалистическихъ печатей, съ которыми можно разыскать украденное и отыскать кладъ; есть даже факсимиле контракта, заключеннаго рыцаремъ Урбабомъ Градье съ чертями (Scheible, Das Kloster, III 928 п 876). У Низара тоже поименована книга 1521 г., съ заголовкомъ: „красный драконъ и черная курица, которая излагаетъ правила, какъ повелѣвать духамъ“ (1. 141). Кромѣ Соломоновой печати, Соломоновой гадальной книги, да лицевыхъ изображеній его „пѣсней пѣсней“, въ народныхъ картинкахъ имя Соломона упоминается только мелькомъ. Сказанія о сношеніяхъ его съ Китоврасомъ въ лицевыя изображенія не вошли; изъ многочисленныхъ судовъ его, въ картинкѣ (XVII в.) попалъ только одинъ—слѣдующій: „нѣкій вельможа во слѣ дадѣ нищему сто рублевъ денегъ взаймы, и поставъ отъ сна бѣгъ челомъ царю на того нищаго въ тѣхъ деньгахъ“. По приказанію Соломона нищій собралъ Христа ради его сто рублевъ и принесъ ему; тогда Соломонъ приказалъ повѣсить деньги надъ колодеземъ, а вельможѣ повелѣлъ взять пзъ воды тѣнь (отраженіе) тѣхъ денегъ; вельможа попалъ свою неправду „и неспроси прощеніе“, а Соломонъ повелѣлъ нищему взять деньги.

VII.

Легкое чтеніе: переводные романы; Великое Зерцало. Наши заимствованія изъ западной и югославян-ской литературы и съ Востока; своеобразная обработка ихъ.—Устная литература. Сказатели былинъ; обработка и искаженіе былинъ. Сказки и сказочники. Переписка сказокъ; сказки печатныя и лицевыя. Кіевскіе Калики.—Русскіе богатыри въ народныхъ картинкахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Добрыня Никитичъ. Изображенія другихъ богатырей.—Сказки переводныя: Бова, Петръ Златыя ключи, Ерусланъ Лазаревичъ; сходство ихъ съ былинами. Другія сказки, составленныя изъ отдѣльных эпизодовъ, заимствованныхъ изъ иноземныхъ повѣстей. Отдѣльныя лица изъ западныхъ романовъ. Сходство героевъ нашихъ сказокъ и всей обстановки въ нихъ съ западными повѣстями. Богатырь, его конь и оружіе. Волшебницы и волшебныя вещи. Умные и дураки.—Повѣсти изъ животнаго эпоса. Коллекція звѣрей и птицъ. Птицы: Сиринъ и Алконостъ. Житіе баснописца Езопа.—Сатирическія повѣсти и картинки. Просьба монаховъ Колязинскаго монастыря. Вятская баталія. Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ. Повѣсть о пѣтухѣ и о курахъ. Сатиры на Петра I: Мыши kota погребаютъ,—оригинальная народная картинка, пародія на погребальную процессію Петра I. Ее сочинили раскольники. Составъ похороннаго поѣзда: мыши представительницы новопокоренныхъ Петромъ областей; вдова-чухонка Маланья; Стефанъ Яворскій; Савва Рагузинскій; рязанскіе Макарки.—Другіе сатирическіе листы того же времени: Баба Яга дерется съ крокодиломъ и пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Нѣмка верхомъ на старикѣ. Паденіе антихриста. Цирюльникъ и раскольникъ. О томъ, какъ Петръ I допмалъ старообрядцевъ. Пошлина съ бороды и записка раскольниковъ въ двойной окладъ. Увѣщаніе о бородѣ св. Дмитрія Ростовскаго. Указъ 20 января 1763 года и возвращеніе русской бороды изъ-за границы. Прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ.—Разсказы скоромнаго содержанія. Повѣсти и забавныя листы. Сатиры на стариковъ: Тарасъ плѣшивый, Херсони и Пастушки. Гадательная книжка и пр. Письмовникъ профессора Курганова, какъ сборникъ макароническихъ произведеній.

Въ «Очеркѣ литературы старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», А. Н. Пыпина *), представленъ полный обзоръ рукописнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ нашего народа по части легкаго чтенія. Изъ этого очерка видно, что у насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній средневѣковой литературы, которыя были въ ходу въ западной Европѣ. Въ XVII вѣкѣ, особенно же въ XVIII, когда потребность на легкое чтеніе стала проявляться все болѣе и болѣе, въ русской литературѣ появилось большое число переводовъ съ

разныхъ европейскихъ языковъ: повѣстей, сказокъ и рыцарскихъ романовъ *). Отдѣлъ лицевыхъ романовъ и сказокъ въ народныхъ картинкахъ представляетъ мало новаго: большая часть изъ нихъ была уже напечатана въ сборникахъ и періодиче-

*) Впрочемъ, и въ Европѣ заппмались въ то время такимъ же чтеніемъ. Графъ Каплюсъ говоритъ, что еще въ 1768 году волшебныя сказки были въ большомъ ходу, и что во время его молодости только ихъ и читали въ обществѣ (Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen, mit Anmerk. v. F. Liebrecht, Berlin 1851, S. 411). Странно, почему не встрѣчается переводовъ на русскій языкъ такихъ разсказовъ, какъ Poléandre, Le jeune Alcidiene, Гомбровія и Кальпрепедовы Клеопатра и Кассандра; между тѣмъ какъ эти романы пользовались въ Европѣ огромной извѣстностью. Руссо, въ своихъ «Confessions», разсказываетъ, какъ онъ цѣлыя ночи просиживалъ съ отцомъ надъ Кассандрою Кальпрепеда.

*) Ученыя Записки II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. IV, СПб. 1858 г.

скихъ изданійхъ, и всѣ почти, безъ исключенія, сказки и романы, а также и легенды, или переведены, или заимствованы съ западныхъ оригиналовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ «Великое Зерцало» — громадный сборникъ разсказовъ, латинскій подлинникъ которыхъ напечатанъ въ первый разъ въ 1492 году. Нашъ переводъ, судя по экземпляру Синодальной Библиотеки, принадлежавшему патриарху Адриану, сдѣланъ въ 1667 году, по желанію и повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и притомъ съ польскаго языка; изъ этого Зерцала, какъ будетъ сказано ниже, заимствовано большое количество легендъ и мелкихъ разсказовъ. Изъ другихъ западныхъ оригиналовъ вошли въ наши народныя картинки разсказы: изъ «Золотой Легенды» Іакова де Ворегине и изъ отдѣльныхъ повѣстей, жартовъ или факцій и сказокъ.

Изъ нѣмецкихъ источниковъ заимствованы: отдѣльные эпизоды въ сказкахъ объ Иванѣ Царевичѣ и Жарь-Птицѣ, объ уткѣ съ золотыми яичками, Диво дивное, и басня Ганса Сакса о крестьянинѣ, его сынѣ и ихъ ослѣ. Изъ французской литературы, кромѣ провансальскаго романа «Петръ златые ключи», который въ лицевой сказкѣ сильно сокращенъ, — заимствованы: вѣтреная молочница Мелннта (№ 71), повѣсть о купцовой женѣ и приказчикѣ (№ 120), о ворѣ и бурой коровѣ, о шутѣ и трактирщикѣ, и безстыдный въ трактирѣ (№ 84 *).

Съ Востока перешла къ намъ, какъ это положительно доказано В. Стасовымъ, сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ *); затѣмъ

*) При этомъ большинство текстовъ нашихъ лицевыхъ картинокъ и сказокъ перепечатаны дословно съ печатныхъ изданій. Такимъ образомъ перепечатаны изъ «Лекарства отъ задумчивости» (М. 1786) сказки: объ Иванѣ Царевичѣ и Царь-дѣвицѣ, о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ, объ Емельянѣ дурачкѣ; изъ «Дѣдушкиныхъ прогулокъ» (1790) — сказки: о Булатѣ молодцѣ, объ Иванѣ Царевичѣ и Жарь-птицѣ; изъ «Старика весельчака»: повѣсть о купцовой женѣ и приказчикѣ, о ворѣ и бурой коровѣ, о шутѣ и трактирщикѣ, лукавая жена, о курѣ и лѣстливой лисицѣ. Текстъ картинокъ: о жепатомъ волокитѣ — дословная перепечатка басни Аблесимова, а свѣжпый ребенокъ — повѣсти Измайлова; Диво дивное — вырѣзано съ печатнаго изданія 1788 года. Сказки: о Бовѣ королевичѣ (полная), о Петрѣ златыхъ ключахъ и о тридцати-трехъ-лѣтнемъ крестьянскомъ сидѣѣ (Иванѣ крестьянскомъ сынѣ) — вырѣзаны тоже съ печатныхъ изданій.

немало заимствованій сдѣлано въ нашихъ повѣстяхъ изъ 1001-й ночи, откуда почти цѣликомъ переведены: сказка «о чемъ ты смѣялся» и повѣсть (слово) о душѣ и тѣлѣ человѣческомъ *). Изъ другихъ восточныхъ источниковъ заимствованы: Шемякинъ судъ, передѣланный на русскіе нравы, притчи Езоповы и его житіе **).

Но самое большое число русскихъ сказокъ заимствовано изъ итальянскихъ источниковъ. Отсюда, изъ *Reali di Francia*, перешелъ къ намъ Бова королевичъ, въ полной и сокращенной редакціяхъ, и съ отдѣльными изображеніями боя Бовы съ Полканомъ и героевъ этого романа: царя Салтана Салтановича, короля Гвидона, самого Бовы королевича и супруги его Дружневны. Изъ Пентамероне Базили заимствованы цѣлая повѣсть и отдѣльные эпизоды для сказокъ: Иванъ Царевичъ и Царь-Дѣвица, семь Симеоновъ, Емельянъ дурачекъ, смиренный мужикъ и драчливая жена. Повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ — заимствована изъ Декамерона Бокаччо (а симъ послѣднимъ изъ французскаго фавлю: *de celui, qui enferma sa femme en une tour*); повѣсть объ Адольфѣ Лапландійскомъ, судя по нѣкоторымъ итальянизированнымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, — должно быть тоже переведена съ итальянскаго языка.

Рядомъ съ рукописной и книжной литературой, въ виду огульной неграмотности нашего народа, всегда существовала литература устная, составлявшаяся изъ духовныхъ стиховъ, былинъ и сказокъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, съ живого голоса. — Пѣніемъ духовныхъ стиховъ занимаются издавна такъ-называемые каллики переходящіе — слѣпцы и въ самомъ дѣлѣ люди искалѣченные самымъ страшнымъ образомъ съ ранней молодости, для возбужденія состраданія въ набожныхъ богомольцахъ; ихъ можно видѣть до настоящаго времени въ безконечныхъ пере-

*) Хотя она и переведена не съ восточнаго оригинала, а скорѣе съ южнотславянскаго, болгарскаго или сербскаго, на что отчасти намекаетъ и одна изъ картинокъ, на которой супруга Еруслана названа красною Миленою.

**) Любопытно и то, что былины о Святогорѣ, его ларцѣ и красавицѣ, блудлившей съ Ильею Муромцемъ, тоже цѣликомъ заимствованы изъ 1001-й ночи.

ходахъ въ дальнія пещеры Кіевопечерской Лавры. Въ наши картинки каличьи пѣсни не вошли вовсе. Самая обиходная притча ихъ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ, изъ которой даже народная пословица составила: «что ты Лазаря-то поешь», — въ нашихъ картинкахъ появилась почти безъ всякаго текста, съ одними краткими надписями; житіе Іосифа прекраснаго, распѣваемое каликами на разные лады, въ картинки наши тоже занесено въ совершенно другой, не сходной съ Кіевокалексіями, редакціи *).

Другой разрядъ пѣвцовъ рассказчиковъ — это сказатели богатырскихъ былинъ. Былина удержалась по преимуществу у старообрядцевъ на крайнемъ Сѣверѣ, въ Сибири и у Поморовъ. Здѣсь съ давняго времени засѣли въ скитахъ своихъ закоренѣлые старообрядцы, при помощи которыхъ выстроились на Бѣломъ морѣ знаменитые Соловки, отстаивавшіе свою независимость и старую вѣру съ оружіемъ въ рукахъ, даже противъ царскихъ войскъ. Путь въ Соловки на Онегу, Сумы и Кемь, по лѣсамъ, озерамъ и порожистымъ рѣчкамъ, и въ заключеніе по бурному морю, въ плохихъ баркасахъ, а изъ Кемь даже и на простыхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками, — путь полный опасности, — уже самъ по себѣ представлялъ много темъ для героической поэзіи и напоминалъ проходящимъ его многочисленнымъ богомольцамъ другое еще болѣе опасное и далекое паломничество — въ Іерусалимъ. Конечно, такихъ богомольцевъ не могло удовлетворить какое-нибудь жалостное пѣніе Лазаря, на манеръ кievскихъ каликъ: имъ нужны были другіе пѣвцы, другіе рассказы, болѣе осмысленные, яркіе, богатырскіе, которые напоминали бы имъ и перенесенныя въ пути опасности, и народный вѣковой отпоръ противъ несправедливой власти. На дальнемъ Сѣверѣ нашемъ и образовался издавна такой разрядъ пѣвцовъ и рассказчиковъ совершенно особаго характера, которые пѣли и поютъ въ своихъ былинахъ про

*) Въ превосходной книгѣ Безсопова (Калики перекрестные) собраны духовные стихи (по народному названію Кіевокалексіи), которые поются этими каликами съ древнѣйшаго времени.

то время, когда на Руси была еще одна вѣра крещеная, и крестъ клали человеку по писаному; когда богатырь крестьянинъ брался съ княземъ, и впереди его шелъ защищать родную землю отъ басурманина. Объ этихъ сказателяхъ и о текстѣ распѣваемыхъ ими былинъ говорится подробно на 1—133 стр. IV-й книги моего перваго большого изданія Русскихъ Народныхъ Картинокъ.

Въ Московскомъ мірѣ такіе сказатели, конечно, не могли быть терпимы *): здѣсь нужны были или слѣпцы калики, которые могли бы до указанной степени размягчить сердце царское въ ненастные дни, или же наконецъ шуты — сказочники, которые умѣли бы поддерживать сердце его въ постоянномъ веселіи. Встарину на такихъ сказочниковъ или бахарей, точно такъ какъ и на слѣпыхъ, воспѣвавшихъ гласы, было огромное требованіе, — какъ въ простомъ народѣ, такъ и при царскихъ и боярскихъ дворахъ **). Хорошій сказочникъ и въ недавнее еще время зарабатывалъ изрядныя деньги. Онъ умѣлъ пересыпать сказку разными прибаутками, и во время остановиться на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Сдѣлавъ рѣзкій перерывъ рассказу, сказочникъ обыкновенно начинаетъ вершить безконечныя присказки, вовсе не идущія къ дѣлу и представляющія наборъ всякой чепухи въ риѣму: цѣль такихъ перерывовъ — дать отдыхъ своему воображенію, возбудить любопытство слушателей, а главное расшевелить въ ихъ мошнѣ денежку; посыплется въ шапку денежка и пойдетъ сказываться сказка далѣе, какъ по писанному. Тѣ же самыя приемы, но уже единственно съ цѣлю дать себѣ отдыхъ и возобновить въ памяти слѣдующія строфы, употребляются, впрочемъ, и сказателями былинъ;

*) Хотя былина и сказка во многихъ случаяхъ шли рука объ руку и дѣлали заимствованія другъ отъ друга, а пѣкоторые изъ нашихъ сказокъ, какъ справедливо замѣтилъ Котляревскій, даже ни что иное, какъ переделанныя былины (Старина и Народность, СПб. 1861, стр. 50).

**) Изъ расходной книги Оружейной палаты за 1617 г. видно, что царь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ въ этомъ году, сукномъ, — бахарей Петрушку Сопотова, Климъ Орефьева да Путятина (Снегиревъ, Лубоч. карт., 80). Алексѣй Михайловичъ держалъ столѣтнихъ стариковъ, которые рассказывали ему про старину (Буслаевъ, Очерки, I. 506). Императрица Елизавета Петровна тоже любила слушать сказки.

только у них смѣхотворныя при сказки сказочниковъ замѣняются безконечнымъ и чрезвычайно скучнымъ повтореніемъ одного и того же: приходитъ, напримѣръ, описаніе замка, все равно у Соловья ли разбойника, или у какой Королевичны или у Маринки,—все тотъ же тынъ «на семь верстъ, да на каждой тычинкѣ по маковкѣ, да на каждой маковкѣ по богатырской голушкѣ»; начинается ли сѣдлать богатырь своего коня, и вы должны прослушать каждый разъ одну и ту же длинную исторію: какъ онъ «накладываетъ на него сѣделечко черкасское, подтягиваетъ 12 подпругъ шелковыхъ, а 13-ю булатную, не для красоты, а для крѣпости» и т. д.

Встарину при царскихъ сказочникахъ бывали такъ-называемыя понукалки *), въ родѣ помощниковъ, которые «побуждали» сказочниковъ продолжать сказку; точно такихъ понукалокъ случалось мнѣ не разъ видѣть при бродячихъ пѣвицахъ-импровизаторшахъ въ Андалузін, Египтѣ и Индіи: онѣ помогаютъ пѣвицѣ, подсказываютъ ей, обращаются къ ней съ вопросами, словомъ, не даютъ остановиться въ ней духу импровизаторства,—точь въ точь какъ въ нашей кукольной комедіи шарманщикъ подзадориваетъ своими вопросами Петрушку.

Хорошіе сказочники и прежде были рѣдки: при огромной памяти, имъ необходимо имѣть и большую начитанность, и искусство крошить и перемѣшивать сказки и выдѣлывать изъ этой смѣси нескончаемый заводъ новыхъ сказокъ,—и все это такъ, чтобы слушателю было не вдомекъ—новую ли онъ слышитъ сказку, или только старую погудку на новый ладь **). Въ долгіе зимніе вечера наши,

*) Въ котовомъ погребеніи этимъ именемъ («мышка понукайка») называли мышъ-кучеръ, погоищающую мышей, впряженныхъ въ котовыя дровни.

**) У насъ въ домѣ была такая сказочница Марья Максимовна: у нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, пѣзъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, пѣмѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки. Такой же процессъ происходилъ и при передачѣ былины: опытные сказатели не только включаютъ въ былины свои, повые, слышанные ими, рассказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы.

на бойкомъ постояломъ дворѣ, за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ царскомъ кабацкѣ, на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленого винца, такихъ сказочниковъ и нынче еще найти можно. Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины прошедшаго вѣка стали переходить въ печать *).

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ встрѣчаются имена только трехъ старѣйшихъ русскихъ богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Самый народный, самый извѣстный изъ нихъ—это богатырь Илья Муромецъ: сказка о немъ попадаетъ уже въ рукописныхъ сборникахъ первой четверти XVIII вѣка; по языку ее можно отнести и къ XVII-му.—Въ лицевомъ изданіи она приведена въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ (№ 173): въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимофѣевичъ, и было у него чадо Илья Муромецъ, которое сиднемъ сидѣло до 30-ти лѣтъ.

Въ 30 лѣтъ Илья всталъ на ноги **), взялъ благословеніе родителей и отправился въ Кіевъ, обѣщая имъ не проливать на пути крови христіанской. По дорогѣ Илья встрѣтилъ разбойниковъ, которые собрались было ограбить его, но

*) Сказки стали издаваться въ числѣ лицевыхъ народныхъ картинокъ около второй половины XVIII вѣка; печатать начали ихъ еще позднѣе, а до того времени—Бова, Ерусалѣ, Петръ-златые ключи и прочіе романы-сказки переписывались подъячими въ свободное время и продавались у Спасскихъ воротъ и на другихъ Московскихъ рынкахъ, какъ подмѣшивается по этому поводу одинъ сатирической журналъ 1769 года „И то и сіо“. Дошедшія до насъ рукописныя сказки по большей части сохранились въ рукописныхъ сборникахъ отдѣльными статьями; дошли до насъ и цѣлые сборники отдѣльныхъ сказокъ, какъ, напримѣръ: сборникъ Бѣльскаго XVIII в., по которому напечатать свои сказки Сахаровъ; сборникъ Ундольскаго № 930 и сборникъ монаха Каріона Истоминна, подаренный имъ монаху Вознесенскаго дѣвчьяго монастыря Любому Степановой.

**) При этомъ пѣзъ нашей сказки выпущенъ эпизодъ, какъ въ избу къ Ильѣ пришли три старца и попросили у него пить; сидѣвъ Илья, по приказу ихъ, всталъ на ноги и принесъ имъ ещову пива, а старцы приказали ему выпить то пиво самому, и почувствовалъ съ того Илья въ себѣ силу великую,—это сказаніе, въ пѣмѣнномъ видѣ, помѣщено у насъ въ другой лицевой сказкѣ: «объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ»

Илья разогналъ ихъ. Затѣмъ Илья освободилъ городъ Черниговъ отъ обложившихъ его басурманъ; оттуда поѣхалъ на Киевъ прямою дорогою, которую заложилъ Соловей — разбойникъ, засѣвши въ гнѣздѣ на 12-ти дубахъ, и никого не пропуская мимо, ни коннаго, ни пѣшаго: всѣхъ убивалъ онъ разбойничьимъ своимъ свистомъ. Илья всадилъ ему стрѣлу въ правый глазъ; свалился Соловей изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ, привязалъ его Илья къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру. Здѣсь Соловей показывалъ свое искусство передъ великимъ княземъ и княгиней и за то, что свистнулъ во весь свистъ и оглушилъ богатырей, былъ преданъ отъ Ильи смерти.

Затѣмъ Илья побратался съ Добрынею Никитичемъ и уѣхалъ съ нимъ изъ Киева погулять въ чистое поле. Черезъ три мѣсяца встрѣчаютъ они калѣчище Ивануше, который разсказалъ имъ, что при дворѣ кievскаго князя не ладно: прѣхалъ невѣрный богатырь Идолуше, который непомѣрно жретъ и опиваетъ князя, а у великой княгини за пазухой руки грѣтъ (прибавлено въ былинахъ). Илья ѣдетъ въ Киевъ, входитъ въ платьѣ калѣчища прямо во дворецъ князя, заводитъ съ Идолушею ссору, и убиваетъ его, ударивъ его въ голову своей шляпой: «тихонь-

ко, только прошибъ стѣну», — и за то князь «почтилъ его великою похвалою и при-

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

Илья вступилъ въ дѣло съ Соловьемъ, и тотъ, видя, что Илья не боится его, началъ свистѣть. Илья же, не обращая на это вниманія, всадилъ стрѣлу въ его глазъ. Соловей свалился изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ. Илья привязалъ его къ стременю и привезъ въ Киевъ къ князю Владимиру.

173. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, въ 8 картинкахъ.

чель въ сильные могучіе богатыри», — заканчивается сказка.

Описанные въ сказкѣ подвиги Ильи Муромца, несмотря на встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсказа историческія и географическія названія, — трудно приурочить къ какимъ-либо дѣйствительнымъ событіямъ. За всѣмъ тѣмъ, сказка наша, со всѣми ея подробностями, носитъ на себѣ характеръ несомнѣнной оригинальности и русскаго склада, и до сихъ поръ не открыто еще такого иностраннаго источника, изъ котораго бы она могла быть прямо заимствована или передѣлана.

Въ былинахъ богатырскіе подвиги Ильи Муромца противъ басурманскаго Идолица и басурманскихъ царей: Батыя, Калина и Мамаю, разсказаны гораздо подробнѣе. Въ нихъ же разсказываются: отдѣльные эпизоды о встрѣчахъ Ильи съ Святогоромъ богатыремъ и о томъ, какъ онъ блудилъ съ его женой, а также — ссора Ильи съ великимъ княземъ Владиміромъ, въ которой Илья такъ расходился, что сталъ сшибать стрѣлой съ церкви золотые кресты, а съ дворца княжескаго золотыя маковки, на выпивку, богатырей же отхлесталъ всѣхъ плетью, такъ что самъ князь едва успѣлъ отъ него за печку спрятаться, соболей шубкой прикрыться; наконецъ, разсказъ о томъ, какъ въ бою съ Калиномъ царемъ, богатыри прирубили всѣхъ татаръ, и подумалъ старый казакъ Илья Муромецъ: «если бы была вся сила небесная, прирубили бы и всю силу небесную». И не прошла эта похвальба мимо, разгорѣлись сердца богатырскія, — разрубить татарина одного, сдѣлается изъ него два, разрубить двухъ, сдѣлается четыре: умножилось въ полѣ войско поганого. И рубилъ его Илья Муромецъ и пересѣлся (надорвался) и закаменѣлъ конь его богатырскій на этомъ полѣ и сдѣлались мощи святыя со стараго» («Р. Н. К.» 1881, — IV. 1—64).

Въ лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря (№ 173); на отдѣльной картинкѣ (№ 174) Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ, — фигуры и лошади несо-

мнѣнно скопированы съ французской картинки.

174. Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

Несравненно замѣчательнѣе изображеніе Соловья-разбойника (№ 175), гдѣ онъ представленъ верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафѣ) съ перомъ.

175. Сильный богатырь Соловей-разбойникъ.

Лицевая сказка о Добрынь Никитичѣ не имѣетъ въ себѣ почти ничего общаго съ былинами и старинными сказками объ этомъ богатырѣ: она перепечатана дословно изъ сказокъ Чулкова, а этимъ послѣднимъ составлена изъ разныхъ волшебныхъ сказокъ французскаго издѣлія; только въ концѣ ея присоединено, — ни къ стати, ни къ ладу, — описаніе боя Добрыни Никитича съ Тугариномъ Змѣвичемъ, на-

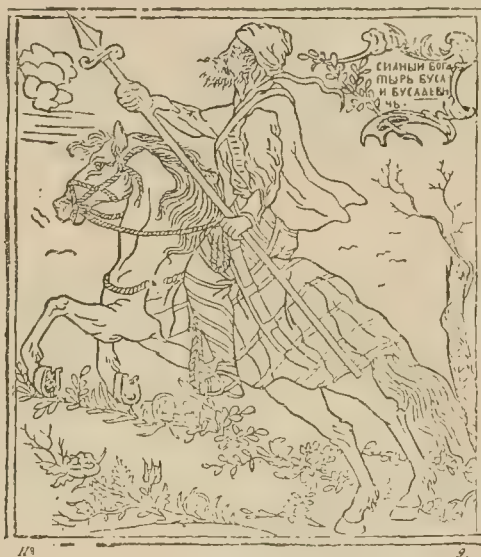
поминающее поморскія былины. Добрыня является въ былинахъ то дядею, то племянникомъ великаго князя Владимира, то Филаретомъ Никитичемъ, любовникомъ Маринки Мнишекъ, жены Гришки Отрепьева.—Что же касается до третьяго богатыря нашего, Алеши Поповича, о которомъ въ былинахъ говорится, что онъ «рода поповскаго, поповскіе глаза завидушіе, поповскія руки загребушія»,—то объ немъ лицевой сказки не имѣется вовсе, а есть только одна лицевая картинка, на которой онъ изображенъ верхомъ на конѣ, въ латахъ и въ шапкѣ, отороченной мѣхомъ и украшенной кистями и перьями (№ 176).

176. Семинарскій богатырь Алеша Поповичъ.

Кромѣ Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, въ народныхъ картинкахъ представленъ еще богатырь Буслай Буслаевичъ, бывший посадникомъ въ Новгородѣ,—отецъ Васьки Буслаева, знаменитаго борьбой своей съ Новгородскимъ вѣчемъ, о которой сложена едва ли не лучшая русская сказка, изъ всѣхъ доселѣ сохранившихся. Нѣтъ сомнѣнія, что составитель картинки № 177 хотѣлъ изобразить именно этого Ваську Буслаева, а не отца его, ничѣмъ не извѣстнаго,—ни въ былинахъ, ни въ сказкахъ,—и только по ошибкѣ, или незнанію, выставилъ на ней имя Буслая.

Отрокъ Василій Буслаевъ,—разсказывается въ сказкѣ о немъ,—оставшись сиротою послѣ смерти отца своего, для препровожденія времени началъ рвать руки и головы посадскимъ ребятамъ, а потомъ подобралъ себѣ двухъ товарищей Оому да хромого Потаню. Описаніе выбора этихъ богатырей очень характерно. Василій Буслаевъ поставилъ чанъ водки, приказалъ спустить въ вино чарки, въ 30 пудъ каждую, и кликнуть кличъ: «кто хочетъ въ холѣ пожить, пусть придетъ на дворъ, не обысаяючи, спросаясь только съ своей силою». И пришелъ на дворъ Оома Ременниковъ, взялъ себѣ чарку въ 30 пудъ въ руки, зачерпнулъ изъ чана вина, и напился. Увидавъ такую силу, Буслаевъ

177. Богатырь Буслай Буслаевичъ.

бѣжить внизъ съ вязовою дубиною, налитую свинцомъ, и прямо грохъ Оому въ правое ухо. На Оомѣ головушка и не тряхнулася! И назвалъ его Василій Буслаевичъ себѣ братомъ и товарищемъ. Точно такимъ же манеромъ посвященъ въ товарищи и хромоу Потаню,—только его уже колотилъ дубьемъ по уху не одинъ Буслаевичъ, а вдвоемъ съ Оомою; за то Потаня и силою былъ выше Оомы: онъ просто-напросто взялъ себѣ чанъ съ водкою за ушки, да и выпилъ все вино залпомъ, не прибѣгая къ чаркѣ. Затѣмъ въ сказкѣ разсказывается, какъ Новгородцы хитростію заманили Буслаева къ

себѣ на пирь и напоили его; какъ Буслаевъ сталъ похваляться, что быть ему княземъ надъ всею Русью новгородскою, и какъ Новгородцы, обидѣвшись на это, послали на Буслаева рать изъ посадскихъ. Рать эту побилъ сперва, находившаяся въ услуженіи у Буслаева, дѣвка чернавка чугуннымъ коромысломъ въ триста пудъ, а потомъ доколотилъ самъ Буслаевъ дубовою осью. Тогда Новгородцы уже покорились подъ его власть.

Очень характеренъ при этомъ рассказъ, какъ Новгородцы, видя гибель посадскихъ отъ Буслаева, прислали на помощь къ нимъ богатыря-старчище (Андрониче—Рыбн. III. 239), который уже много лѣтъ передъ тѣмъ въ кельѣ сидѣлъ, никуда не выходилъ. Старчище снялъ съ колокольни вѣчевой колоколъ въ 600 пудъ, надѣлъ его себѣ на голову, вмѣсто шапки, и выступилъ противъ Буслаева; но Буслаевъ однимъ ударомъ разбилъ колоколъ въ дребезги, а старчище поставилъ на колѣна. Тѣмъ и покончилась вѣчность Новгородская.

Судя по числу дошедшихъ до насъ картинокъ, нельзя сказать, чтобы сказки о русскихъ богатыряхъ особенно нравились народу и ходко шли въ продажѣ: сказка объ Ильѣ Муромцѣ сохранилась только въ четырехъ изданіяхъ, — и то краткая, а сказка о Добрынѣ Никитичѣ полная, въ двухъ изданіяхъ, — и то новѣйшихъ, нынѣшняго столѣтія. Несравненно болѣею извѣстностью пользовались сказки, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ: повѣсть о Петрѣ златыхъ ключахъ, извѣстная въ 16 лицевыхъ изданіяхъ и 6-ти картинкахъ, и знаменитая повѣсть о Бовѣ Королевичѣ (№ 178), дошедшая до насъ въ десяти изданіяхъ (7—въ краткой редакціи и 3—въ пространной), съ 17-ю отдѣльными изображеніями—Бовы (№№ 180—181), Дружневны (№ 179), Салтана Салтановича (№№ 182—183), короля Гвидона (№ 184) и боя Бовы съ богатыремъ Полканомъ.

Повѣсть о Бовѣ Королевичѣ читается и въ наше время повсемѣстно, расходуется въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и составляетъ необходимую принадлежность и мѣщанской, и солдатской би-

бліотеки *). Повѣсть эта появляется въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ уже въ XVII и XVIII вѣкѣ **); она заимствована съ итальянскаго оригинала ***)) и занесена къ намъ заѣзжими итальянцами въ болѣе раннее время, на что указываетъ, между прочимъ, и та родственная связь, которая давно уже установилась между сказкою Бовы и нашими былинами въ пересказѣ подробностей. Изъ этой же сказки вышелъ богатырь Владимірова цикла Полканъ, а также и былинное старчище Пилигримище. Основа повѣсти о Бовѣ королевичѣ заключается въ слѣдующемъ: царь Гвидонъ (Guidone) женился на королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ (Meltris), которая родила ему сына Бову (Buovo); черезъ три года Милитриса послала слугу своего Личарду (Riziardo) къ прежнему своему любовнику, — королю Додону (Duodo), вызвала его къ себѣ, помогла ему погубить Гвидона и вышла за Додона замужъ. Бову хотѣла она отравить, но Бова, при помощи дѣвки чернавки, успѣлъ убѣжать на кораблѣ въ царство Арменскаго короля Зензевея Андроновича (Re d'Erminia), которому корабельщики его и продали. Здѣсь дочь Зензевея—Дружневна (Drusiana), плѣняясь Бовиною красотой, выпросила его у отца себѣ въ услуженіе, и крѣпко полюбила его. Между тѣмъ къ Арменскому царству подступилъ король Маркабрунъ (Mascabruno), требуя руки Дружневны, а вслѣдъ за тѣмъ подступилъ къ нему и Салтанъ Салтановичъ (Soldan di Sadonia), съ сыномъ своимъ Лукаперомъ (Lucaperro), который тоже потребовалъ Дружневну себѣ

*) Въ прошедшую Турецкую войну кто-то упрекнулъ нашего солдата, у котораго въ ранцѣ пашли кпикку о Бовѣ королевичѣ. А что же дѣлать ему, когда образованные авторы пашп не издають ничего новаго и пригоднаго для легкаго чтенія простаго человѣка, — не все же ему священнымъ писаніемъ да полезнымъ свѣдѣніямъ пробавляться, предоставивъ область романовъ и сказокъ на привилегированное потребленіе высшаго сословія; да къ тому же повѣсть о Бовѣ королевичѣ и романъ Петръ златые ключи представляютъ и до сихъ поръ много живого интереса, какъ по живности разсказа, такъ и по занимательности фабулы и искусному сочетанію сказки съ дѣйствительностью.

**) У царевича Алексея Петровича въ 1695 году была рукописная книга о Бовѣ королевичѣ въ лицахъ.

***)) На стр. 142—151, т. IV, перваго большаго изданія „Русс. Нар. Карт.“ (1881) приведены по этому предмету подробныя свѣдѣнія.

179. Королева Дружневна.

180. Славный витязь Бова Королевичъ.

въ жены. Произошло сраженіе, въ которомъ Лукаперъ побилъ войска Зензевея и Маркабруна и обоихъ взялъ въ плѣнъ; но тутъ снарядился въ бой Бова, — сама Дружневна отпускала его, цѣловала и ногу въ стремя ставила. И побилъ Бова Салтанову рать, самого Лукапера убилъ, а Зензевея съ Маркабруномъ освободилъ и домой привезъ. По нѣкоторомъ времени поѣхали оба короля на охоту, а дворецкій Зензевея, котораго Бова сильно оскорбилъ передъ тѣмъ, вознамѣрился извести Бову, принявъ на себя видъ короля Зензевея и послалъ

Бову съ письмомъ къ Салтану Салтановичу, написавъ въ немъ, что отдаетъ ему въ руки убійцу сына его Лукапера. По дорогѣ Бова встрѣтилъ старца пилигрима, который наполнилъ его забывущимъ зельемъ и у соннаго укралъ мечъ и коня увелъ. Отправился Бова къ Салтану Салтановичу пѣшъ; хотѣлъ было его Салтанъ сперва повѣсить, да дочь его королева Мильчигрія (Malgaria) уго-

181. Храбрый витязь Бова Королевичъ.

ворила отца выдать ее за Бову замужъ, если Бова согласится перейти въ ихъ вѣру. Не согласился на это Бова, и приказалъ царь Салтанъ Бову повѣсить. Спустились къ Бовѣ въ темницу тридцать богатырей, да еще тридцать, — Бова всѣхъ ихъ порубилъ, тѣла ихъ лѣстницею склалъ, вышелъ на свѣтъ Божій и ушелъ изъ темницы. На берегу встрѣтилъ онъ корабль, перебилъ на немъ всѣхъ гостей, которые хотѣли было выдать его царю Салтану, и приплылъ въ Маркабруново царство. Здѣсь онъ встрѣтилъ пилигрима, который когда-то обокралъ его, от-

колотилъ его, отнял у него коня и мечъ, и вдобавокъ получилъ отъ него три зелья. Переодѣвшись въ каличье платье и умывшись чернымъ зельемъ, Бова явился къ Дружневнѣ, которая узнала его только тогда, когда онъ умылся бѣлымъ зельемъ. Затѣмъ Дружневна, по совѣту Бовы, наполнила Маркабруна забывущимъ зельемъ и убѣжала съ Бовою. Черезъ девять дней

проснулся Маркабрунъ и послалъ за Бовою триста тысячъ войска; Бова всѣхъ перебилъ, только троихъ для вѣсти оставилъ. Тогда Маркабрунъ послалъ противъ него сильнаго богатыря своего Полкана (Pulicano), который въ каждый скокъ по семи верстѣ дѣлалъ *). Скоро догналъ

182. Царь Салтанъ.

183. Царь Салтанъ Салтановичъ.

*) Пуликанъ былъ на половину человѣкъ, на половину собака. Родился онъ отъ знатной христіанской снѣноры, съ которою долго воевалъ одинъ турокъ и, не могши побѣдить ее, предложилъ ей жепиться на пей, обѣщая перейти въ христіанскую вѣру. Получивъ ся согласіе, турокъ приказалъ ее раздѣть до нага, привязать къ скамейкѣ и случить съ огромнымъ кобелемъ; потомъ отправилъ ее къ королю Ерминіону, гдѣ она и родила Пуликана. Ерминіонъ сперва приказалъ было съечь чудище, но Друзіана выпросила ему помилованіе и воспитала его. Когда же Пуликанъ сталъ подростать, то Ерминіонъ, опасаясь чудища, приказалъ посадить его въ темницу на цѣпь.

184. Король Гвидонъ.

Полканъ Бову, и начали они драться; совсѣмъ было оплошалъ Бова, даже и съ коня упалъ, да конь его напалъ на Полкана и такъ сильно началъ бить его, что Полканъ сталъ просить у Бовы мира, и побратался Бова съ Полканомъ **). Вскорѣ родила Дружневна двухъ сыновей и назвалъ ихъ Бова: одного Личардой (Riziaro), а другого Симбалдой (Sinibaldo). Въ это же время услыхалъ Бова, что отъ царя Додона идетъ великая рать, чтобы схватить Бову и привести къ королю, и оставилъ Бова Полкана сторожить Дружневну, а самъ отправился противъ Додонova войска. Между тѣмъ на Дружневну напали два льва; сталъ съ ними биться Полканъ, одного убилъ, а другой его до смерти закусалъ, и убѣжала Дружневна съ дѣтьми въ Задонское царство Мильчигринъ, умылась чернымъ зельемъ, поселилась на подворьѣ у вдовы, и стала платье на людей мыть и тѣмъ себя прокармливать. Бова же, побивъ Додонova войска, возвратился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Дружневну, и, увидавъ мертваго Полкана и львовъ, подумалъ, что и Дружневна съ дѣтьми погибла; отправился онъ въ городъ Сумниъ къ дядькѣ своему Симбалдѣ (Sinibaldo), помышляя отплатить Додону

**) Прочтите оригинальный рассказъ о происхожденіи богатыря Полкана на стр. 149 кн. IV перваго изд. «Русск. Нар. Карт.» 1881, а также и различныя мнѣнія нашихъ ученыхъ о происхожденіи былиннаго богатыря Полкана.

187. Королева Магилена.

186. Храбрый рыцарь Петръ златые ключи.

за смерть отца. Здѣсь собралъ Бова съ Симбалдой войско, и сразился съ Додоновыми людьми, при чемъ зашибъ Додону голову. Легъ Додонъ въ постель и началъ отъ раны лѣчиться и лѣкарей вездѣ искать; тогда Бова, переодѣвшись лѣкаремъ, пришелъ къ Додону, отрубилъ ему голову и принесъ ее къ своей матери на блюдѣ. Потомъ и мать свою приговорилъ къ смерти: закупоривъ въ бочку, на море пустить; но она отъ страха сама умерла. Оставшись одинъ, Бова послалъ Симбалду къ царю Салтану просить руки его дочери Мильчигрии. Мильчигрия съ превеликой радостью согласилась выйти за Бову, но въ то время, когда шелъ у Бовы свадебный пиръ, пришли въ палатку его сыновья и объявили ему, кто они. Возрадовался Бова и послалъ за Дружневной, и сталъ съ ней по прежнему жить, а царевну Мильчигрию отослалъ во свояси къ отцу ея. Дворецкаго же Орлопа, который посылалъ его съ фальшивымъ письмомъ къ Салтану Салтановичу, на смерть Бова приказалъ разстрѣлять.

Другая повѣсть, о князѣ Петрѣ златыхъ ключахъ *) (у нѣмцевъ — серебряныхъ ключахъ), заимствована изъ провансальскаго романа XIV вѣка; въ свое время она была переведена на всѣ иностранные языки и имѣла болѣе 24-хъ изданій.

*) Названіемъ такъ по двумъ золотымъ ключамъ, которые были вдѣланы у него въ шлемъ.

183. Храбрый рыцарь Петръ златые ключи.

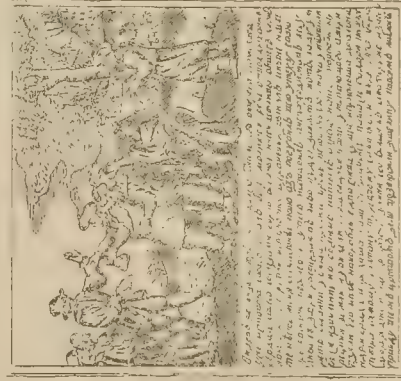
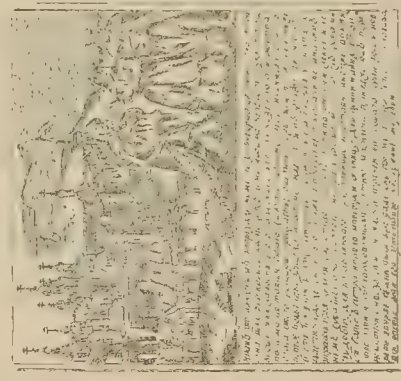
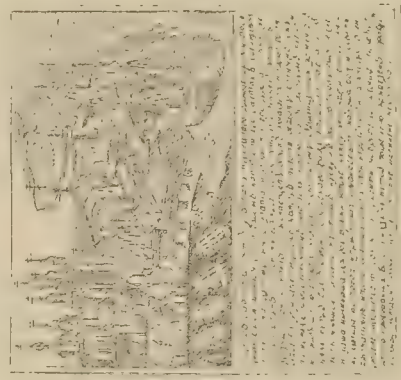
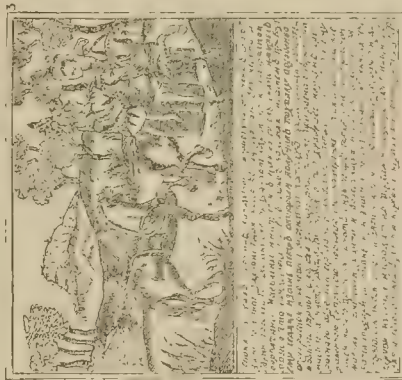
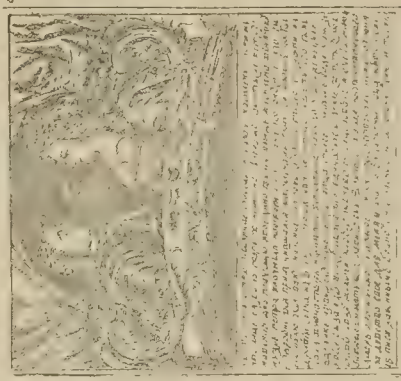
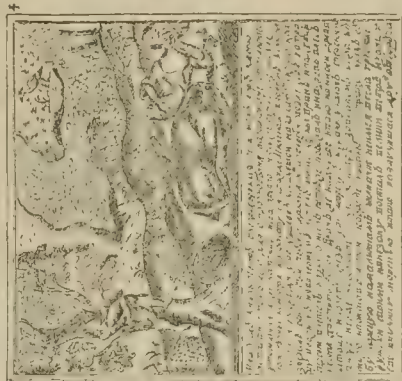

Королева Магилена.

Наша лицевая сказка, въ 8 картинкахъ (№ 185), представляетъ весьма сокращенное извлеченіе изъ повѣсти: князь Петръ (№ 186) въ молодости своей отпросился у родителей къ Неаполитанскому королю на турниръ; на этомъ турнирѣ Петръ сшибъ съ коня и убилъ рыцаря Ландыота и сталъ у короля первымъ рыцаремъ; дочь же короля Магилена (№ 187), влюбившись въ Петра, зазвала его къ себѣ черезъ свою няньку и сговорила бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Во время побѣга остановились они въ лѣсу, Магилена заснула отъ усталости, а Петръ, разстегнувъ ей платье, съ «вождемъ и нѣйшимъ взоромъ смотрѣлъ на красоту ея»; онъ увидалъ у нея на шеѣ узелокъ, а въ немъ три перстня, которые самъ подарилъ ей и которые были даны ему его матерью въ благословеніе. Только-что Петръ положилъ узелокъ на траву, какъ спустился

воронъ, схватилъ узелокъ и взлетѣлъ на дерево; Петръ побѣжалъ за нимъ, воронъ перелетѣлъ на другое дерево, потомъ дальше, потомъ полетѣлъ на островъ, а перстни уронишь въ море; вслѣдъ за нимъ поплылъ и Петръ. И сдѣлалась въ то время большая буря, и сталъ Петръ тонуть; спасли его турецкіе корабельщики: они приняли Петра на свой корабль, довели до Александріи и тамъ продали пашѣ, а паша подарилъ его самому султану, у котораго Петръ вскорѣ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ. Между тѣмъ Магплена, проснувшись отъ сна и не находя въ лѣсу Петра, въ великой горести переодѣлась въ черное платье и, нанявши корабль, поѣхала въ ту землю, гдѣ царствовалъ отецъ Петра, князь Волхванъ; тамъ она устроила у морской пристани монастырь. Въ то же время поваръ Волхвановъ купилъ у рыбаковъ рыбу, и нашелъ въ желудкѣ у ней Петровы перстни, и подумалъ Волхванъ, что сынъ его утонулъ въ морѣ. Петръ же, прослуживъ у султана долгое время, выпросился у него домой, получилъ много золота и нанялъ для переѣзда французскій корабль. Купилъ онъ четырнадцать бочекъ и наполнилъ ихъ золотомъ, а сверху насыпалъ солью. Во время переѣзда Петръ вышелъ разъ на берегъ, легъ отдохнуть; пождали его корабельщики и уѣхали одни, бочки же

съ солью отдали въ монастырь Магплены, гдѣ при высыпкѣ соли были най-

185. Повѣсть о Петрѣ златыхъ ключахъ, въ 8 картнахъ.

дены находившіяся подъ нею несмѣтныя сокровища. Между тѣмъ Петра нашли на островѣ и привезли больного, въ тотъ

же монастырь Магилены: Магилена узнает его, вызывает его родителей и открывается Петру, чѣмъ повѣсть и заканчивается.

Не меньшею извѣстностію въ прошедшемъ столѣтіи пользовалась сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, представляющая несомнѣнное сходство, какъ по своей основѣ, такъ и по встрѣчающимся въ ней именамъ собственнымъ *), съ персидскою поэмой Шахъ Наме, хотя иноземная основа поэмы подверглась при этомъ чисто русской переработкѣ. Судя по иностраннымъ именамъ Продоры, Поликарин, Епистимин, Назарин, Легин и т. д., можно однакоже съ достовѣрностію предпо-

189. Спѣлый богатырь Ерусланъ Лазаревичъ.

жить, что русскій составитель сказки заимствовалъ ее не изъ персидской поэмы, а прямо перевелъ или передѣлалъ ее съ западнаго или югославянскаго оригинала.

Наша лицевая сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ въ 32-хъ картинкахъ издана

*) Передѣланнымъ, какъ и всегда, на русскій ладъ, причемъ изъ Зальзера, Зальзерова сына, вышелъ Залазаръ Залазаревичъ, изъ Ракша—Аранъ, изъ Кейкоуса—Картаусъ и т. д. Еруслану Лазаревичу приданъ въ сказкѣ характеръ былиннаго Ильи Муромца. Царь Картаусъ говоритъ, напимѣръ, Еруслану—то же, что князь Владиміръ Ильѣ Муромцу: „бери себѣ что тебѣ угодно, мѣсто тебѣ противъ меня, другое подлѣ меня, а третье, гдѣ самъ хочешь»; описаніе Ивашки, бѣлой Поляницы, котораго Ерусланъ спитъ съ копя и который упалъ на землю какъ овсяный снопокъ, напоминаетъ Соловья разбойника.

только въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1810—1820 годахъ; но, несмотря на это, имѣла до 1839 года—четыре изданія. Въ ней разсказывается, что у царя Картауса былъ дядя Лазаръ Лазаревичъ, а у него сынъ Ерусланъ. И какъ исполнилось Еруслану 15 лѣтъ, сталъ онъ ходить на царскій дворъ, играть съ княжескими дѣтьми, шутки шутить: кого за голову ухватить—у того голова прочъ, кого за руку—у того рука прочъ; и стали князья и бояре на Еруслана царю жаловаться, и приказалъ Картаусъ Еруслану изъ земли своей вонъ выѣхать. Простился Ерусланъ съ родителями, добылъ себѣ коня Араша и поѣхалъ въ поле. Наѣхалъ онъ на шатеръ, въ шатрѣ Иванъ богатырь лежитъ, крѣпко спитъ; легъ Ерусланъ подлѣ него и самъ заснулъ. Когда проснулся Иванъ богатырь и увидѣлъ Еруслана, то въ свою очередь не захотѣлъ убить его, а разбудилъ. Потѣшились богатыри, поспорили: кто кого старше и сильнѣе, подрались; одолѣлъ Ерусланъ Ивана богатыря, и призналъ его Иванъ богатырь отцомъ, и побратались богатыри между собою. На утро Иванъ богатырь побилъ рать Θεодула Змѣя и увезъ у него дочь Кандаулу Θεодуловну себѣ въ жены. Ночью подслушалъ Ерусланъ разговоръ Ивана богатыря съ Кандаулой: спрашиваетъ ее Иванъ, есть ли де на семъ свѣтѣ тебя краше, а моего брата Еруслана храбрѣе? И отвѣчаетъ ему Кандаула Θεодуловна: «что моя за красота, въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ, а въ томъ шатрѣ три сестры живутъ, и тѣ краше меня вдесятеро; и подъ Индѣйскимъ царствомъ Ивашка, бѣлая поляница, сторожъ стоитъ, мимо него тридцать три года человѣкъ не проѣзживалъ; а что ты противъ Еруслана храбрѣе и сильнѣе ли, я не знаю». Услыхавъ эту рѣчь, простился Ерусланъ съ Иваномъ и его женою и отправился въ путь; наѣхалъ онъ въ полѣ на бѣлы шатеръ, и въ томъ шатрѣ три прекрасныя дѣвицы, дочери царя Бугригора, сидятъ: Продора, Тибубрига и Легія. Разгорѣлось Ерусланово сердце, взялъ онъ старшую дочь Продору за руку, а другимъ двумъ велѣлъ изъ шатра вонъ выдти, сталъ ее миловать и спрашивать: есть ли де ея на свѣтѣ прекраснѣе, а его Еруслана храбрѣе. И отвѣчаетъ ему Продора:

«есть у царя Вахрамея дочь, и не только она, но и тѣ, которыя при ней стоятъ, прекраснѣ меня вдесятеро; и есть на свѣтѣ сильный человѣкъ у царя Далмата—Ивашка, бѣлая поляница, а какая твоя храбрость,—что ты насъ дѣвокъ разогналъ». Не понравилась эта рѣчь Еруслану, отрубилъ онъ Продорѣ голову и позвалъ вторую сестру Тибубригу, и съ этой случилось то же. Только третья, Легія, сумѣла выпутаться: про себя то же сказала, что и сестры, объ Ивашкѣ же прибавила, что «кто изъ васъ сильнѣе,—Ивашка ли или ты Ерусланъ,—не знаю». Оставилъ ее такъ въ живыхъ Ерусланъ и поѣхалъ въ поле; и наѣхалъ на Ивашку, бѣлую поляницу, вызвалъ его на бой, вышибъ съ сѣдла какъ овсяный снопокъ и, не смотря на мольбы Ивашки, убилъ его,—за то де: «что многія дѣвицы его въ полѣ да по царствамъ знаютъ». Передъ тѣмъ, чтобы ѣхать добывать царевну Вахрамеевну, Еруслану захотѣлось побывать у родителей; приѣзжаетъ онъ въ Картаусово царство, а оно травой поросло: выжегъ, вырубилъ его князь Данило Бѣлый. И поѣхалъ Ерусланъ въ царство Данилы Бѣлаго; указали ему тамъ темницу, въ которой Картаусъ съ Лазаремъ, съ выколотыми глазами, сидѣли. Перебилъ Ерусланъ богатырей, сторожившихъ темницу, вошелъ въ нее и объявился царю и родителю, и говоритъ ему Картаусъ: если ты Ерусланъ, то поѣзжай, убей царя Пламеннаго Щита, достань его печень и тою печенью помажь намъ глаза и мы опять станемъ видѣть. Поѣхалъ Ерусланъ въ поле, и наѣхалъ на великую рать—вся побитая лежитъ и посреди огромная голова Росланея богатыря на мечѣ стоитъ. И объявила голова Еруслану, что рать та побита царемъ Пламеннымъ Щитомъ, да и ему Росланею тотъ царь голову срубилъ за то, что онъ его дочери помогалъ; что подъ головой мечъ лежитъ, котораго царь никакими средствами достать не можетъ, а только тѣмъ мечемъ и можно того царя смерти предать, ибо Пламенный Щитъ никого къ себѣ близко не подпускаетъ, всѣхъ огнемъ палить. Ерусланъ съ покорностью явился къ Пламенному Щиту, поступилъ къ нему на службу, и по маломъ времени вызвался добыть ему изъ-подъ головы Росланеевой

волшебный мечъ. Отдала ему голова мечъ свой и научила какъ съ царемъ поступить; выбѣжалъ Пламенный Щитъ въ радости на встрѣчу къ Еруслану, общается за него дочь Назарію замужъ отдать, да рубнулъ его Ерусланъ мечемъ и разсѣкъ на двое, порубилъ богатырей, которые было за царя вступились. Потомъ вынулъ изъ царя желчь, простилъ ею Росланею голову, отдалъ ему царевну Назарію, а самъ отправился въ темницу къ Картаусу; помазалъ глаза самому Картаусу, отцу своему Лазарю и двѣнадцати богатырямъ его, излѣчилъ ихъ, разбилъ князя Данилу Бѣлаго, выкололъ ему глаза, вмѣсто него поставилъ на царство Картауса, а самъ отправился добывать царевну Анастасію Вахрамеевну.

Черезъ шесть мѣсяцевъ доѣхалъ онъ до Вахрамеева царства, града Дерби, гдѣ было большое озеро, а въ томъ озерѣ чудо, трехглавый змѣй жилъ, который на берегъ выходилъ и много людей пожиралъ. И схватился Ерусланъ съ тѣмъ чудомъ, отсѣкъ ему двѣ головы, отнял у него самоцвѣтный камень, а потомъ и остальную голову срубилъ. И приѣхалъ Ерусланъ къ царю Вахрамею, и выдалъ за него Вахрамееву свою дочь, прекрасную царевну Анастасію. И сталъ Ерусланъ въ первую же ночь жену свою спрашивать: «скажи мнѣ, любезная царевна, есть ли на свѣтѣ тебя прекраснѣе и меня храбрѣе». «Храбрѣе тебя Ерусланъ, отвѣчаетъ Анастасія, нѣтъ на свѣтѣ; а я что за прекрасная: есть въ Солнечномъ градѣ царевна Поликарія, сама царствомъ править, и прекраснѣе ея нигдѣ нѣтъ». Задумался Ерусланъ о царевнѣ Поликаріи; въ одно утро отдаетъ онъ женѣ самоцвѣтный камень: «я поѣду въ нѣкоторый градъ», говоритъ онъ ей,—«если у тебя родится дочь, то этотъ камень ты за нею въ приданое отдай, если же сынъ, то сдѣлай ему изъ него перстень». Черезъ семь мѣсяцевъ приѣхалъ онъ въ дѣвичье солнечное царство и, увидавъ тамъ царевну Поликарію, плѣнился ея красотою, и сталъ съ нею жить, какъ съ женою. А межъ тѣмъ у Анастасіи Вахрамеевны родился сынъ Ерусланъ Еруслановичъ и, когда достигъ онъ шести лѣтъ, стали его сверстники дразнить, что у него отца нѣтъ. Разсказала ему мать про отца его

Еруслана, и выпросился у ней Ерусланъ Еруслановичъ ѣхать отца отыскивать. Вскорѣ приѣхалъ онъ въ дѣвичье царство, и услышалъ Ерусланъ Лазаревичъ, что молодой богатырь его требуетъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ нему на бой. Ударилъ отца копьемъ, тупымъ концомъ, Ерусланъ Еруслановичъ—чуть было его изъ сѣдла не вышибъ; тогда ударилъ молодого богатыря Ерусланъ Лазаревичъ, сшибъ его на землю и уже хотѣлъ приколоть, какъ увидалъ на рукѣ его перстенъ и призналъ въ немъ своего сына. Въ великой радости сѣли они оба на своихъ коней и поѣхали въ Вахrameeво царство, гдѣ Ерусланъ нашелъ свою жену Анастасію. За смертью Вахрамея онъ сѣлъ на престолъ управлять народомъ, а сынъ его Ерусланъ Еруслановичъ сталъ сильный и храбрый богатырь.—Кромѣ лицевой сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, въ 32-хъ картинкахъ, до насъ дошли: картинка съ отдѣльнымъ изображеніемъ сильнаго богатыря Еруслана Лазаревича (№ 189) и три картинки, изображающія бой Еруслана съ морскимъ змѣемъ (№ 190).

Изъ сказокъ, заимствованныхъ съ западныхъ образцовъ, но замѣчательныхъ по удачной передѣлкѣ на русскіе нравы, въ народныхъ картинкахъ находимъ: сказку объ Иванѣ царевичѣ и жарѣ птицъ (8 изданій), объ Иванѣ царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ (3 изданія), о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ (4 изданія) и о смирномъ мужѣ и драчливой женѣ (5 изданій).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ рассказывается, что у царя Архидея было двѣ дочери—Луна и Звѣзда, красоты невообразимой. Разъ, когда онѣ вышли въ садъ гулять, поднялся великій вихрь и унесъ ихъ неизвѣстно куда. Долго тужилъ Архидей, и далъ ему Богъ утѣшеніе, родился у него сынъ Иванъ царевичъ. Когда Иванъ царевичъ пришелъ въ лѣта и узналъ о пропажѣ двухъ сестеръ своихъ, то выпросился у отца и отправился разыскивать ихъ. Зашелъ онъ въ густой лѣсъ, смотреть—тамъ двое лѣшихъ дерутся: нашли они шапку невидимку, сапоги самоходы и скатерть

190. Бой Еруслана Лазаревича съ морскимъ змѣемъ.

самобранку, и не знаютъ, какъ подѣлать находку. Разсудилъ ихъ царевичъ, чтобы они пустились бѣжать взапуски и кто кого на трехъ верстахъ перегонитъ, тому и вся находка пойдетъ. Побѣжали лѣшіе, а царевичъ надѣлъ на себя шапку невидимку и сапоги самоходы, а скатерть взялъ себѣ подъ мышку, и пошелъ своей дорогой. И вотъ на дорогѣ передъ нимъ избушка на курьихъ ножкахъ стоитъ, и говоритъ онъ ей: избушка, избушка, встань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; перевернулась избушка къ нему передомъ, и видитъ царевичъ въ избушкѣ Баба-Яга, костяная нога, жилиная ж...а, стриженный передъ, лежитъ изъ угла въ уголь, ноги въ потолокъ уперла, зубы на полку положила, уши по землѣ волочатся,—шерсть прядетъ. Закричала она на царевича зычнымъ голосомъ: «русского духу доселѣ не слыхала, а теперь воочию вижу, кто ты таковъ и зачѣмъ сюда зашелъ?»—«Что ты старая сука разфукалась», говоритъ ей царевичъ, «не напоила, не накормила, а ужъ спрашиваешь, кто пришелъ». Тогда Яга собрала на столъ, накормила, напоила царевича, разспросила: куда идетъ и зачѣмъ, и уложила спать, утро-де вечера мудренѣе. Всталъ поутру царевичъ, умылся, Богу помолвился, и по указанію Яги пошелъ въ путь отыскивать царевну Луну, которая жила съ оборотнемъ медвѣдемъ. Отыскалъ онъ царевну Луну, побратался съ ея мужемъ, медвѣдемъ, прожилъ у нихъ три мѣсяца, и отправился дальше

отыскивать другую сестру, царевну Звѣзду. Звѣзда жила въ мѣдномъ замкѣ и сторожили ее водяные черти; полѣзъ царевичъ къ ней черезъ стѣну, за стѣной были натянуты все струны; задѣлъ за нихъ царевичъ и пошелъ гремѣть громъ, и вылѣзло изъ воды чудовище—въ замокъ приходитъ. А Иванъ царевичъ въ то время уже сестрѣ своей Звѣздѣ объявился и сидитъ у ней въ шапкѣ невидимкѣ. Послѣ переговоровъ со Звѣздой, водяной звѣрь обѣщаетъ, что будетъ другомъ Ивану царевичу, а не врагомъ; ударился онъ объ землю, и сталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Прожилъ царевичъ у сестры близъ года, а потомъ сковалъ себѣ палицу въ 40 пудъ, и отправился за тридевять земель, въ тридесятое государство, которыми Царь-Дѣвица владѣетъ.

Пришелъ онъ на калиновый мостъ, и вышелъ противъ него драться двѣнадцатиглавый змѣй; убилъ его царевичъ и сжегъ. Смотритъ: двѣнадцать голубицъ къ рѣкѣ прилетѣли, ударились о землю и сдѣлались красными дѣвицами; раздѣлись, выкупались и опять одѣлись; и снялъ шляпу царевичъ и объявилъ имъ, кто онъ и какъ убилъ змѣя ихъ сторожа. Подхватили его дѣвицы за руки и повели къ Царь-Дѣвицѣ, которая принимала царевницу за руки бѣлая и цѣловала въ уста сахарныя и въ тотъ же день вышла за него замужъ. Потомъ, по просьбѣ царевича, Царь-Дѣвица послала духа своего Страмца, приказавъ ему освободить царевенъ Луну и Звѣзду изъ рукъ медвѣдя и морского чудовища и отнести ихъ къ царю Архидею *).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жаръ-птицѣ, у царя Выслава Андроновича было три сына: Димитрій, Василій и Иванъ царевичи; у него же былъ такой богатый садъ, какого ни въ одномъ государствѣ

не было, и росла въ томъ саду яблоня съ золотыми яблоками. И повадилась въ тотъ садъ Жаръ-птица летать, золотыя яблоки обрывать. Посылаетъ царь Выславъ своихъ сыновей садъ сторожить; старшій и средній царевичи свою сторожбу проспали, Иванъ же царевичъ дождался Жаръ-птицы, подкрался къ ней и схватилъ ее за хвостъ; улетѣла-таки Жаръ-птица, въ рукахъ царевича осталось одно золотое перышко изъ ея хвоста. Тогда позвалъ царь Выславъ своихъ двухъ старшихъ сыновей и посылаетъ ихъ добыть Жаръ-птицу; выпросился за ними и Иванъ царевичъ. Приѣхалъ онъ въ чистое поле, а тамъ столбъ съ такою надписью стоитъ: поѣдешь прямо, будешь голоденъ и холоденъ, поѣдешь вправо — коня потеряешь, а влево — самъ будешь убитъ; и поѣхалъ Иванъ царевичъ вправо. Нагналъ здѣсь его сѣрый волкъ и разорвалъ коня его; заплакалъ по коню царевичъ, пошелъ пѣшъ, и къ вечеру въ тотъ день сильно усталъ. А тутъ его опять сѣрый волкъ нагналъ: «садись-ка на меня, царевичъ», — говоритъ, — «довезу тебя куда надо»; и довезъ его до царя Далмата, и говоритъ ему: «полѣзай, царевичъ, черезъ стѣну, на той сторонѣ Жаръ-птица въ золотой клѣткѣ сидитъ; Жаръ-птицу ты возьми, а клѣтки не тронь». Добылъ Иванъ царевичъ Жаръ-птицу, да и клѣтку захватилъ, и пошелъ великій громъ по саду; поймали царевича слуги, привели къ царю Далмату, а тотъ и говоритъ ему: «нечестно такъ поступать рыцарю, а ты ступай, достань мнѣ у царя Афрона коня златогриваго, — тогда я тебѣ Жаръ-птицу отдамъ, а не достанешь, то о воровствѣ твоёмъ во всѣ земли оповѣщу». Поѣхалъ Иванъ царевичъ на сѣромъ волкѣ въ царство царя Афрона; «иди» — говоритъ ему сѣрый волкъ — «въ царскую конюшню, бери златогриваго коня, только узды золотой не тронь». Не послушался-таки царевичъ, взялъ коня, снялъ и узду, и пошелъ громъ по конюшнѣ; схватили его конюхи, привели къ Афрону; сталъ упрекать его Афронъ въ нечестности и говоритъ ему: «ты мнѣ достань въ жены королевну Елену прекрасную, тогда я тебѣ коня и съ уздою подарю, а не достанешь — всѣхъ о твоёмъ воровствѣ оповѣщу». Сѣлъ царевичъ на

*) Точно такая сказка, только съ другимъ концомъ, разсказана въ Пентамеронѣ Базилл: три брата оборотни похитили трехъ царевенъ въ жены; братъ царевенъ отправляется отыскивать ихъ, точно такъ же какъ и нашъ Иванъ Царевичъ; пахотитъ ихъ, дружитъ съ мужьями оборотнями, которые помогаютъ ему освободить дѣвицу-красавицу изъ рукъ страшнаго дракона. Сказка кончается общимъ благополучіемъ четырехъ паръ: царевича съ женою и царевенъ съ мужьями оборотнями, которые обернулись навсегда добрыми молодцами.

своего сѣраго волка, и привезъ его волкъ въ царство Елены прекрасной; когда Елена вышла погулять въ садъ, то волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку, схватилъ Елену и примчался къ Ивану царевичу. Сѣли потомъ они, Иванъ царевичъ и Елена прекрасная, на сѣраго волка, и влюбились они дорогой другъ въ друга,—не хочется царевичу съ королевной разстаться. Вотъ и сослужилъ ему сѣрый волкъ службу: самъ оборотился въ Елену; эту Елену царевичъ и отдалъ царю Афрону, а отъ него коня златогриваго получилъ съ уздою. Не успѣлъ онъ съ настоящей Еленой версты отѣхать отъ Афронова царства, смотритъ—сѣрый волкъ опять къ нимъ бѣжитъ. Такимъ же обманомъ царевичъ у царя Далмата Жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ добылъ, отдавъ ему въ промѣнъ сѣраго волка, обратившагося на ту пору въ златогриваго коня. Затѣмъ довелъ сѣрый волкъ царевича до того мѣста, гдѣ онъ коня его разорвалъ, и разстался съ нимъ, а царевичъ съ Еленой легли опочивать. Въ это время наѣхали на нихъ старшіе братья Димитрій и Василій съ пустыми руками; увидали спящихъ, изрубили Ивана царевича на мелкія части, схватили Жаръ-птицу и коня златогриваго, а Елену прекрасную взяли себѣ по жребію. Василій царевичъ и подъ смертнымъ страхомъ наказалъ ей ничего о смерти Ивана царевича королю Выславу не говорить. Черезъ тридцать дней набѣжалъ сѣрый волкъ на то мѣсто, гдѣ Иванъ царевичъ лежалъ, и видитъ—спускаются воронята поѣсть трупнаго мяса; схватилъ волкъ вороненка, хочетъ его разорвать на двое, и взмолился ему старый воронъ, чтобы отпустилъ его дѣтище, обѣщая принести за то живой и мертвой воды. Отпустилъ волкъ вороненка, принесъ воронъ обѣщанной воды; вспрыснулъ волкъ Ивана царевича мертвой водой—срослось его тѣло, вспрыснулъ живой—и всталъ царевичъ живой по-прежнему; разсказалъ ему волкъ обо всемъ, что съ нимъ случилось, и поспѣшно отправилъ царевича въ царство Выслава. Пришелъ туда Иванъ царевичъ, а тамъ пиръ на весь міръ идетъ: Василій царевичъ за себя Елену прекрасную беретъ. Только что

явился Иванъ царевичъ на пиръ, увидала его Елена прекрасная, вскочила изъ-за стола: «вотъ мой женихъ, кто меня добылъ»,—говоритъ,—«а это злодѣи убійцы», и разсказала обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Приказалъ царь Выславъ посадить старшихъ сыновей своихъ въ темницу, а Ивана царевича женилъ на Еленѣ прекрасной.

Въ сказкѣ о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ, царь Адоръ встрѣчаетъ въ полѣ семь Симеоновъ—спроть, родныхъ братьевъ. На спросъ его: какія могутъ они дѣлать работы, первый Симеонъ сказалъ, что, если поставятъ ему кузницу, то онъ скуетъ столбъ до небесъ; второй Симеонъ вызвался по тому столбу до верху влѣзть и, что въ какомъ государствѣ дѣлается, высмотрѣть и сказывать; третій Симеонъ объявилъ, что онъ можетъ живо, тяпъ да ляпъ, сдѣлать корабль; четвертый обѣщаль—если тотъ корабль будетъ преслѣдовать непріятель, взять корабль за носъ и отвести его въ подземное царство; пятый Симеонъ похвалился, что онъ стрѣлять птицу на лету, безъ промаху, умѣетъ; шестой сказалъ, что онъ стрѣляную птицу до земли не допустить, на лету подхватить; а седьмой объявилъ, что онъ отлично воровать умѣетъ; хотѣлъ было царь Адоръ Симеона вора смертію казнить, да придворные отсовѣтовали: «въ случаѣ можетъ быть и памъ понадобится». Въ то время царь Адоръ былъ сильно влюбленъ въ Елену царевну. Приказалъ онъ первому Симеону сковать столбъ, а второму влѣзть, да посмотрѣть въ ея царство; влѣзъ Симеонъ, говоритъ Адору: «сидитъ де Елена прекрасная у окошечка, а у нея мозжечекъ изъ косточки въ косточку такъ и переливается». Разобрало Адора пуще прежняго: «друзья мои»,—кричитъ Симеономъ,—«сейчасъ же поѣзжайте, доставьте мнѣ царевну, жить не могу безъ Елены прекрасной».

Отправились Симеоны въ путь, а Симеонъ-воръ взялъ съ собою ручную кошку, которая за нимъ всюду, какъ собака, бѣгала и передъ нимъ на заднихъ лапахъ ходила. Пришли они къ морю; взялъ третій Симеонъ топоръ, срубилъ большой дубъ подъ корень, тяпъ да ляпъ, да и сдѣлалъ изъ него корабль. И пріѣхали Симеоны на этомъ кораблѣ въ Еленино

царство; выходитъ Симеонъ-воръ прямо ко дворцу со своею ручною кошкою, выдѣлываетъ она у него всякія штуки. Подивилась Елена царица, высылаетъ къ нему спросить: не продастъ ли онъ ей своего звѣрька (а въ томъ царствѣ кошекъ никто и не видывалъ), а Симеонъ ей и безъ денегъ подарилъ кошку. И сталъ онъ къ царицѣ каждый день ходить, чтобы кошку свою къ ней приручить; да разъ какъ-то и зоветъ царицу: «не соблаговолите ли, ваше высочество, ко мнѣ на корабль прогуляться, разныхъ драгоценныхъ товаровъ для себя посмотреть». Выпросилась Елена у отца своего и пришла на корабль къ Симеону съ своими нянюшками и мамушками; показывалъ ей Симеонъ-воръ разные товары, и вдругъ говорить: «я де такой товаръ имѣю показать вашему высочеству, что мамкамъ вашимъ не слѣды смотрѣть на него»,—и приказала имъ царица съ корабля сойти. А у Симеоновъ все уже было наготовѣ, отчалили они корабль и поплыли въ море; увидала это Елена прекрасная, ударила себя въ грудь, обратилась лебедемъ и взлетѣла къ облакамъ; да подстрѣлили ее пятой Симеонъ изъ ружья, а шестой подхватилъ на лету и назадъ на корабль доставилъ. Послалъ было царь Саргъ въ погоню за ними цѣлый флотъ, да шестой Симеонъ взялъ свой корабль за носъ и вывелъ его въ подземное государство. Привезли Симеоны Елену прекрасную къ царю Адору; далъ имъ Адоръ за то волю, а самъ женился на Еленѣ.

Въ четвертой сказкѣ, у смирнаго мужика вѣтеръ разнесъ муку изъ рѣшета; прогнала его драчливая жена къ вѣтру, чтобы муку ему отдалъ; и подарилъ мужику полуденный вѣтеръ волшебную коробочку, изъ которой можно было всякія кушанья и всякій товаръ добыть. Узналъ объ этомъ одинъ дворянинъ, заказалъ точно такую же коробочку поддѣльную, да и подмѣнилъ ею у мужика настоящую коробочку. Пошелъ мужикъ опять съ горю къ вѣтру, и далъ ему вѣтеръ волшебную бочку и научилъ какъ съ нею дѣйствовать; какъ сказалъ мужикъ: «семеро изъ бочки»,—такъ вышли изъ нея семь молодцовъ и такъ отгузили драчливую жену его, что она надолго

потеряла охоту драться съ мужемъ. Зазвалъ къ себѣ мужикъ дворянина, и такъ его своими семью молодцами отпотчивалъ, что тотъ и коробочку краденую отдалъ.

Далѣе слѣдуютъ шесть сказокъ, переведенныхъ почти безъ передѣлокъ съ западныхъ оригиналовъ: 1) Принцъ Адольфъ Лапландійскій, который, гуляя по лѣсамъ, забрелъ въ пещеру бога вѣтровъ, гдѣ подружился съ Зефиромъ. Зефиръ подарилъ ему епанчу невидимку и доставилъ его на островъ вѣчнаго веселья. Здѣсь Адольфъ, покрывшись своею епанчею и сѣвъ въ корзинку съ цвѣтами, былъ поднятъ въ великолѣпный дворецъ, гдѣ нашелъ множество прекрасныхъ дѣвицъ, «и не было въ числѣ ихъ старѣе 15 лѣтъ, а тѣло у нихъ было чрезвычайной бѣлизны и деликатности». Далѣе сидѣла на тронѣ принцесса, имѣвшая при себѣ маленькихъ купидончиковъ, непрестанно цѣлующихъ ея руки. Въ изумленіи Адольфъ уронилъ епанчу и объявился принцессѣ. Вскорѣ они полюбили другъ друга и жили такъ счастливо, что незамѣтно прожили 300 лѣтъ. Когда Адольфъ сталъ проситься у принцессы побывать въ своей землѣ, то принцесса дала ему лошадь Бешаръ, наказавъ ему, чтобы онъ во время пути съ нею ни въ какомъ случаѣ не слѣзалъ. Ъдетъ Адольфъ черезъ рощи и поля, переплываетъ озера, и попалась ему на пути коляска, лежавшая поперекъ дороги, а подъ той коляской старый человѣкъ, который сталъ просить его о помощи; только что слѣзъ Адольфъ съ коня своего, чтобы помочь старцу, какъ тотъ бодро вскочилъ на ноги и объявилъ Адольфу, что онъ называется Временемъ и всюду ищетъ его уже 300 лѣтъ, и что Адольфу пришелъ конецъ. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что пролетавшій мимо Зефиръ перенесъ тѣло Адольфа на островъ вѣчнаго веселья и похоронилъ его тамъ въ гротѣ. Картинка, да и самъ курьезный переводъ, сдѣланы въ первой четверти XVIII вѣка; послѣдній, судя по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, сдѣланъ съ итальянскаго языка.

2) О томъ, какъ воръ у мужика корову свелъ, да его же самого попросилъ ту корову на рынкѣ продать. Продавъ ее

мужичекъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь, и отдалъ вору деньги; а какъ пришелъ назадъ, слышитъ, что дома нездорово,—пропала бурая корова. Тутъ только спохватился крестьянинъ, какъ ловко его воръ обманулъ, и о своей буренушкѣ вздохнулъ.

3) О томъ, какъ работникъ надъ своимъ хозяиномъ потѣшался: съѣлъ у него всѣ яйца,—все пробовалъ, хорошо ли сварены, заставилъ его вмѣсто ужина жевать сѣно и одурачилъ его, когда хозяинъ захотѣлъ похвастаться передъ сестрой своею ученостью.

4) О томъ, какъ купилъ купецъ женѣ своей волшебнаго гуся, который самъ на сковородку ложился и жарился, а какъ его съѣдятъ,—опять изъ косточекъ встаетъ и прежнимъ видомъ на дворъ гулять идетъ. Пришелъ къ хозяйкѣ какъ-то любовникъ, захотѣлось ей гусемъ его поподчивать, говоритъ гусю: лягъ на сковороду,—не слушается гусь; она и ударъ его сковородникомъ, и присталъ сковородникъ одной стороною къ гусю, а другой къ хозяйкиной рукѣ—не можетъ отодрать его никакъ; сталъ помогать любовникъ, да и самъ тутъ же къ сковороднику присталъ; и привелъ ихъ гусь обоихъ къ купцу—только онъ и могъ отнять ихъ отъ сковородника.

5) Сказка о трехъ королевнахъ родныхъ сестрахъ, представляющая довольно безсвязную передѣлку изъ исторіи Женеви́вы. Королевна Катерина родила Буржацкому королю, въ то время, когда онъ былъ на войнѣ, двухъ молодцовъ, по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ; сестры же ея, завидуя ея счастью, написали королю, что жена его родила двухъ уродовъ; и приказалъ король, немедля, Катерину съ дѣтьми въ бочку посадить и на море спустить. Долго плавала Катерина въ своей бочкѣ; наконецъ вынесло ее на островъ; между тѣмъ сыновья подросли, сломали бочку и построили на островѣ пречудный теремъ. Въ одинъ день Буржацкій король, охотясь за дичью, заѣхалъ на островъ, встрѣтилъ тамъ сыновей своихъ и жену,—все объяснилось къ общему благополучію, а сестеръ обѣихъ приказано было повѣсить на воротахъ.

6) Сказка о золотой горѣ—она же и подъ другимъ названіемъ сказки о трехъ

царствахъ,—представляющая еще болѣе безсвязную компиляцію: въ ней Иванъ царевичъ и два брата его, царевичи Василий и Феодоръ, отправляются отыскивать свою мать, которую унесъ злой духъ. Иванъ царевичъ отыскиваетъ сперва царицу мѣднаго царства, потомъ серебрянаго и золотого, и наконецъ свою мать; освобождаетъ всѣхъ ихъ отъ разныхъ драконовъ и спускаетъ съ превысокой горы на полотнахъ къ своимъ братьямъ. Послѣ спуска послѣдней царевны, братья обрѣзываютъ полотна, а Ивана царевича оставляютъ на горѣ одного. Вскорѣ какой-то духъ доставляетъ Ивана царевича въ его государство, здѣсь онъ прикидывается башмачникомъ; царица золотого царства узнаетъ его по работѣ и дѣло разъясняется: братьевъ царевичъ женитъ на царевнахъ мѣднаго и серебрянаго царства, а самъ беретъ за себя царицу золотого царства.

Привожу содержаніе еще пяти сказокъ, которыя представляютъ довольно безсвязную выборку отдѣльных эпизодовъ изъ иностранныхъ сказокъ:

1) Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ,—богатырь этотъ сидѣлъ сиднемъ цѣлыхъ пять лѣтъ отъ рожденія; пришелъ къ нему разъ (какъ и къ Ильѣ Муромцу) нищій, напоилъ его пивомъ, да и далъ Ивану такую черезъ это питье силу, что онъ въ огородѣ у себя воткнулъ колъ, да коломъ всю деревню и повернулъ кругомъ; тогда Иванъ ушелъ изъ дома погулять по свѣту. Приходитъ онъ въ одно царство, и только что вошелъ въ городъ, какъ поднялся великій шумъ и гамъ; взялся Иванъ этотъ гамъ укротить и въ царствѣ тишину произвести, съ тѣмъ, чтобы царь ему тотъ гамъ отдалъ; затѣмъ велѣлъ онъ копать землю, а тамъ въ глуби богатырскій конь оказался; на колѣна палъ онъ передъ Иваномъ и человѣческимъ голосомъ заговорилъ съ нимъ. Поѣхалъ Иванъ на этомъ конѣ въ Китайское царство; здѣсь онъ коня отпустилъ, а самъ надѣлъ себѣ на голову пузырь и сказался Незнайкой; кто о чемъ его спроситъ, всякому одинъ отвѣтъ: «не знаю». Нанялся Незнайка къ садовнику во дворцѣ; приказали ему садъ чистить,—онъ всѣ деревья

въ немъ и повывломалъ. Пожаловался садовникъ на Незнайку царевнѣ, а Незнайка въ ту же ночь натаскалъ воды, полилъ деревья, и садъ сталъ лучше прежняго. Такому происшествію очень удивилась меньшая царевна Лаота и почувствовала сильную любовь къ Незнайкѣ, а когда отецъ позвалъ дочерей своихъ выбрать себѣ жениховъ, то Лаота выбрала себѣ Незнайку, и вышла за него замужъ. Сестры съ своими знатными мужьями много смѣялись ей. Но вотъ подступаетъ подъ Китайское царство Полканъ-богатырь съ несмѣтнымъ войскомъ и побиваетъ Китайское войско, предводимое царевичами; три раза выручаетъ царство Незнайка, и наконецъ Лаота объявляетъ царю, отцу своему,—кто его спаситель, и царь, въ благодарность, сажаетъ Незнайку на свое царство.

2) Въ сказкѣ о Булатѣ молодцѣ, Иванъ царевичъ выпрашивается у царя Ходора, отца своего, погулять по бѣлу свѣту и, на первыхъ же порахъ, теряетъ свою «калену стрѣлу». Въ раздумьѣ подошелъ онъ къ темницѣ, гдѣ сидѣлъ 33 года разбойникъ Булатъ молодецъ, а Булатъ обѣщаетъ ему и коня, и стрѣлу воротить, если онъ только его изъ темницы выпуститъ. Добылъ Иванъ царевичъ, по совѣту Булата, коня изъ-подъ земли и выпустилъ Булата изъ темницы; отдалъ ему Булатъ стрѣлу и обѣщалъ послужить царевичу, когда въ немъ надобность встрѣтится. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своимъ дядькой въ лѣсъ; захотѣлось ему сильно пить, а тутъ и колодезь нашелся: «полѣзай, говоритъ дядькѣ, достань мнѣ воды». «Лучше ты полѣзай, отвѣчаетъ дядька, я тебя сверху на веревкѣ туда спущу». Такъ и сдѣлали: спустился Иванъ царевичъ по веревкѣ внизъ, напился воды и кричитъ дядькѣ, чтобы подымалъ его; но дядька объявилъ ему, что до тѣхъ поръ не подыметъ его, пока онъ не дастъ обѣщанія помѣняться съ нимъ именами и платьемъ. Нечего дѣлать, согласился царевичъ, далъ обѣщаніе; поднялъ его дядька на свѣтъ Божій, помѣнялись они именами, и сталъ дядька—Иваномъ царевичемъ, а царевичъ его слугою. Въ такомъ видѣ пришли они къ царю Пантую, и сталъ

дядька тамъ за царевну Церію свататься, а царевича на кухню въ черную работу отдалъ. Подступило въ то время къ городу большое войско противъ Пантуй; проситъ Пантуй дядьку помочь ему, вызвалъ дядька царевича и ту же просьбу ему въ приказъ передалъ. Вызвалъ къ себѣ царевичъ Булата молодца и вдвоемъ порубили они все войско. Такая продѣлка повторялась два раза; но оба раза царевна Церія слышала, какъ Иванъ царевичъ съ дядькою и съ Булатомъ молодцомъ переговаривались, и узнала,—кто изъ нихъ былъ настоящій царевичъ. Царь Пантуй въ награду за службу выдалъ за дядьку свою дочь Церію. Пришелъ посмотреть на свадебный столъ Иванъ царевичъ въ поварскомъ платьѣ; увидала его Церія, выскочила изъ-за стола: «вотъ мой женихъ»,—кричитъ,—«а не этотъ, что подлѣ меня сидитъ», и рассказала, все какъ было, Пантую. Приказалъ Пантуй дядьку разстрѣлять, а Ивана царевича женилъ на прекрасной Церіи.

3) Въ сказкѣ о Силѣ царевичѣ, у царя Хотя было три сына—царевичи Асиръ, Адамъ и Сила; выпросились они у отца погулять по свѣту и поѣхали въ море, каждый на своемъ кораблѣ. Вотъ плыветъ мимо нихъ гробница съ желѣзными обручами: старшіе царевичи пропустили ее безъ вниманія, а Сила царевичъ принялъ ее къ себѣ на корабль и потомъ, вышедъ на неизвѣстный островъ, похоронилъ ее въ землю. Затѣмъ приказалъ Сила царевичъ своему корабельщику, чтобы дождался его три года (а тамъ можетъ-де домой ѣхать) и пошелъ въ глубь острова. Тутъ догналъ его человекъ въ бѣлой одеждѣ—Ивашка бѣлая рубашка, и объявилъ ему великую благодарность за то, что онъ гробницу его похоронилъ: въ этой-де гробницѣ его мать затворила и въ море бросила и безъ Силы царевича плавать бы ему въ ней вѣчно. Вызвался Ивашка Силѣ царевичу въ благодарность невѣсту добыть, Труду королевичну, дочь царя Солома. Пришли они въ Соломово царство, а кругомъ тынь стоитъ, на каждой тычинкѣ по головѣ торчитъ: это все были головы жениховъ Трудиныхъ, которыхъ она съ помощью своего любовника—

змѣя душегубила. Женился—таки Сила царевичъ на Трудѣ королевичнѣ; Ивашка и говоритъ ему, чтобы онъ въ первую ночь жены своей не трогалъ, а какъ только станетъ она его просить о любовномъ дѣлѣ, да наложить на него свою руку, чтобы онъ вскочилъ да отколотилъ ее дубиной до смерти. Такъ и сдѣлалъ Сила царевичъ, а покуда онъ колотилъ жену, прилетѣлъ змѣй шестиглавый, сталъ съ нимъ драться Ивашка бѣлая рубашка и срубилъ ему двѣ головы. Вторую и третью ночь молодые провели такъ же, какъ и первую; только Ивашка въ эти двѣ ночи срубилъ змѣю еще четыре головы и убилъ его. Потомъ разрубилъ Ивашка самоѣ Трудѣ на двое, вычистилъ изъ нея змѣиныхъ зародышей, поджегъ ихъ, попрыскалъ и заростилъ Трудино тѣло наговорной водой, и отдалъ ее Силѣ царевичу на вѣчное житье: теперь дѣлай съ ней, что хочешь, опасаться-де нечего.

4) Въ сказкѣ объ уткѣ съ золотыми яичками, жили были бѣдняга крестьянинъ Абросимъ съ женой своей Фетиньей и сыномъ Иванушкой. Разъ какъ-то досталъ Абросимъ краюху хлѣба съ семьей поужинать, да и ту у него Кручина утащилъ; сталъ онъ Кручинѣ жалобиться, и далъ ему Кручина утку, которая несла каждый день по золотому яичку. Разбогатѣлъ Абросимъ, а жена его Фетинья завела себѣ полюбовничка, который сталъ обирать ее. Разъ этотъ полюбовничекъ увидалъ у утки подъ перьями надпись: кто-де ее съѣстъ, тотъ царемъ будетъ, и уговорилъ онъ Фетинью ту утку, изъ любви къ нему, зажарить. Приходитъ къ вечеру Иванушка, посмотрѣлъ въ печь, а тамъ жареная утка стоитъ; выпулъ онъ ее, да и съѣлъ. Узналъ обо всемъ отецъ, сильно побилъ Фетинью, а Иванушку со двора согналъ. Пошелъ Иванушка, куда глаза глядятъ; приходитъ въ нѣкое царство, и какъ только въ городскія ворота вошелъ, радость великая вездѣ пошла: недавно въ царствѣ томъ царь померъ и приговорили старшіе люди того царемъ поставить, кто первый въ ворота въ ихъ городъ войдетъ; ну, и поставили царемъ Иванушку. Вытребовалъ онъ къ себѣ своихъ родителей, самъ 30 лѣтъ сидѣлъ

на престолѣ, и все подданные его «любили неллицемѣрно».

5) Въ сказкѣ объ Емельянѣ дурачкѣ рассказывается, какъ Емельяновы братья уѣхали въ городъ, а Емельянъ остался одинъ дома съ невѣстками хозяйничать: все лежить на боку, лѣнится, ничего не дѣлаетъ. Пошелъ онъ какъ-то за водою, вырубилъ прорубь, опустилъ ведра, да и поймалъ щуку; взмолилась ему щука: «отпусти меня на волю, все, что ни захочешь, все сдѣлаю». Сталъ приказывать Емеля: «по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью идите ведра съ водою въ гору, прямо въ избу»,—смотреть и пошли ведра, да такъ-таки прямо въ избу и пришли; подивился Емеля чуду и отпустилъ щуку. Съ тѣхъ поръ еще пуще прежняго сталъ онъ на печи лежать: по щучьему велѣнью ему и дрова въ избу сами летятъ, и сами безъ лошадей за нимъ ѣздятъ, и дубинка народъ съ дороги расчищаетъ. Захотѣлось королю на него взглянуть; Емеля и къ нему на своей печкѣ, по щучьему велѣнью, пріѣхалъ; по щучьему же велѣнью королева влюбилась въ него, и, никогда съ нимъ не спавши, попоѣ отъ него понесла и сына родила. Приказалъ король посадить Емелю съ королевной въ бочку и пустить въ море; по щучьему велѣнью, Емеля приказалъ бочкѣ на островъ выйти, сломалъ ее, и такой дворецъ на островѣ построилъ, что самъ король пришелъ къ нему въ гости и, узнавъ Емелю, обвинчалъ его со своей дочерью и посадилъ вмѣсто себя на царство.

Кромѣ повѣстей, рассказовъ и сказокъ, въ народныя картинки попали отдѣльныя изображенія разныхъ личностей изъ западныхъ романовъ, которые были переведены въ XVII и XVIII вѣкахъ на русскій языкъ и встрѣчаются въ тогдашнихъ рукописныхъ сборникахъ, какъ, напр.: Евдонъ и Бероа (№№ 191—194)—дѣйствующія лица изъ «курьозной исторіи» о нихъ, переведенной съ нѣмецкаго языка; славный рыцарь Ипполитъ (№ 195)—герой повѣсти «исторія объ Ипполитѣ графѣ Англинскомъ и о Жуліи, графинѣ Англинской же, любезная и всему свѣту курьозная инвентура»; храбрый витязь Велиціанъ Францель—изъ романа его же име-

ни, и рыцарь Людовикъ Колеандръ—герой романа «гисторія о Колеандрѣ цесаревичѣ Греческомъ и о прекрасной Неонидѣ, цесаревнѣ Трапезонтской».

Какъ видно изъ этого перечня сказокъ—произведеній русскаго-оригинальнаго измышления, въ числѣ ихъ,—весьма немного; но зато почти каждое иноземное произведение, при переносѣ его на русскую почву, подвергалось русской, иногда весьма оригинальной обработкѣ, изъ-за которой часто нѣтъ воз-

191. Рыцарь Евдопъ.

192. Береа Прекрасная.

194. Рыцарь Евдопъ.

195. Рыцарь Иннолтъ.

можности добраться до самого оригинала: во многихъ картинкахъ текстъ совершенно измѣненъ, въ другихъ—отъ запада заимствованъ одинъ рисунокъ картинки, а текстъ придѣланъ свой, русскій, и совершенно не сходный съ западнымъ.

Въ общихъ чертахъ наши сказки и дѣйствующія въ нихъ лица очень сходны съ западными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей. Сказочные принцы и

цари отличаются особенною глупостію: влюбляются за глаза, по рассказамъ, даже во снѣ. Богатырь русскій растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто пухнетъ; но въ 6—7 лѣтъ у него уже такая сила, что ко- го за голову возъ-

съ равнымъ оружіемъ; побѣдивъ врага, онъ не станетъ обирать его, считая корысть дѣломъ для богатыря нечестнымъ.

Западный рыцарь питаетъ притворное уваженіе къ женщинѣ, особенно къ дамѣ своего сердца, покуда она не сдѣлается его женою. У насъ восточный Ерусланъ перерѣзалъ царевенъ, за то только, что отвѣты ихъ ему не по праву пришлись **).

*) Индѣйскій отшельникъ Аршигъ цѣлое море до суха выпилъ; паша Баба-Яга на такую же штуку вызывалась, но только половину моря выпила и лопнула.

**) Эти похождения Еруслана напоминаютъ съ одной стороны легенду объ Іаковѣ, который убилъ дѣвицу за то, что самъ соблазнилъ ее, а съ другой—дѣвицу полоняпочку, съ которой такъ жестоко расправился молодецъ-богатырь; напоминаютъ они и русскаго молодца изъ пѣснѣ Кириѣ Данилова: стоитъ этотъ молодецъ съ дѣвцей, своей любовницей, у воротъ, цѣлуетъ ее и обнимаетъ. «Надежда моя», говоритъ ему дѣвица, «что ты такъ сильно и безъ числа упиваешься, мною, красной дѣвицей, похваляешься и будто надо мною насмѣхаешься».—Не понравился эти слова доброму молодцу; ни съ того ни съ сего ударилъ онъ красную дѣвицу,—расшибъ онъ ей лицо бѣлое, пролилъ кровь горячую, измаралъ платье цвѣтное. Расплакалась дѣвица: «отпусти, говоритъ, меня въ монастырь, коли не любя тебѣ» (Кириѣ Даниловъ, 306).

193. Евдопъ и Береа.

Впрочемъ самый честный западный рыцарь не только ни за что ни про что убьетъ чело-вѣка, но даже не пощадитъ жены своего благодѣтеля (Dunlop, 114)—черта, кото-рой въ нашихъ сказкахъ не встрѣ-чается *).

Прежде всего добываетъ себѣ богатырь коня и оружіе; коня онъ находитъ—или готового подъ землею, подъ тридевятью замками, или же достаетъ его изъ стада; пробуетъ онъ его, наложя руку на шею: не подается конь, — стало-быть лошадь добрая. Конь—первый помощникъ бога-тыря, дѣлитъ съ нимъ счастье и неудачи, защищаетъ своего хозяина, дерется за него (какъ, напримѣръ, конь Бовы съ Полканомъ), и разговариваетъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ. Въ сказкѣ суще-ствуетъ даже особая присказка, которою богатырь призываетъ къ себѣ своего коня: «Эй, Сивка Бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой», и конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ нозд-рей пламя пышетъ, изъ ушей дымъ ва-лится; летитъ онъ пониже облака ходячаго, повыше лѣсу стоячаго; рѣки, озера пере-плываетъ, горы перескакиваетъ, и доли про-межъ ногъ пускаетъ, да хвостомъ усти-ляетъ.

Оружіе у богатыря: копьѣ долгомѣрное, мечъ кладенецъ, иногда лукъ со стрѣлами, да палица въ 15, 40 и даже въ 300 пудъ.

Богатырскій бой начинается обыкновенно турниромъ: противники стараются сперва сбить другъ друга съ сѣдла тупымъ кон-цомъ копья; затѣмъ уже побѣдитель—или убиваетъ врага своего, или же, если въ этомъ нѣтъ надобности и бой шелъ изъ одного молодечества, оставляетъ ему жизнь и называетъ его младшимъ братомъ. Силь-ны удары богатырскаго меча: съ маху на полы до сѣдла онъ всадника разрубаетъ и два раза одного и того же удара не повто-ряетъ.

Убитаго богатыря можно оживить наго-ворными водами: сперва надо изрубленное тѣло его попрыскать мертвой водою, чтобы

*) Желница пользуется въ сказкахъ достаточною свободою и, въ образѣ богатырини, сама дерется съ богатырями, водится съ чудами и оборотнями и сама оборачивается въ разныхъ звѣрей.

оно срослось, а потомъ полить живой водою, чтобы богатырь по-прежнему ожилъ. Кромѣ этихъ водъ, въ сказкахъ упоминается о зельяхъ: забыдушемъ, которое въ глубокой сонъ повергаетъ, зельѣ черномъ и зельѣ бѣломъ, — умывшись которыми, чело-вѣкъ бѣлѣетъ или чернѣетъ, смотря по зелью.

Помощь богатырямъ оказываютъ раз-ныя волшебницы и Бабы-Яги; онѣ надѣ-ляютъ ихъ разными волшебными вещами, изъ числа которыхъ въ нашихъ сказкахъ упоминаются: коверъ самолетъ, сапоги самоходы, скатерть самобранка, шапка (или епанча) невидимка, гусли самогуды (отъ которыхъ все поютъ), волшебное зеркальце, которое правду показываетъ; гребешокъ и полотенце, превращающіеся въ темный лѣсъ и широкую рѣку, чтобы загородить дорогу Бабѣ-Ягѣ или какому другому чудищу, преслѣдующему богатыря. Въ обиходной сказкѣ встрѣчается еще плетка живилка, для исправленія упря-мой жены, и волшебная бочка, изъ кото-рой выходятъ семеро молодцевъ и проми-наютъ бока, кому будетъ приказано. Вол-шебницы помогаютъ однимъ богатырямъ, преслѣдуютъ другихъ, и оборачиваютъ ихъ звѣрьми на разные сроки. Богатырь, Впрочемъ, сохраняетъ при этомъ способ-ность удариться о землю и стать изъ звѣря молодцомъ на время, а потомъ опять влѣзаетъ въ звѣриную шкуру.

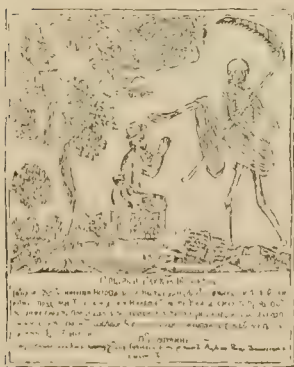
Въ нашихъ сказкахъ есть еще типы богатырей — дурачковъ, обработанные съ особенною любовью русскими сказателями. Въ сказкѣ эти дураки себѣ на умѣ; да у русскаго чело-вѣка и вообще не разбе-решь: кто у него дуракъ, кто умникъ, — даже и въ картахъ у него одну и ту же игру, кто въ дураки, а кто въ умные иг-раетъ. «Гдѣ намъ», говоритъ мужичокъ, «мы люди темные, простые, ѣдимъ пряники не писанные; вѣдь отъ большого ума дается сума; да и наши отцы и дѣды жили про-сто, а прожили лѣтъ со сто. Вотъ и нашъ Наумъ простота!» — хотя эта простота, по пословицѣ, зачастую хуже воров-ства *).

*) По другой еще болѣе энергичной пословицѣ. изъ временъ крѣпостного права: «мужикъ дуракъ — ты его кулакомъ, а онъ тебя топоромъ».

Въ сказкѣ дураку, съ его глупымъ разумомъ,—во всемъ удача: умные всегда проспятъ свое дѣло или слишкомъ хитро за него примутся; дуракъ возьмется за все просто, а чаще всего ни за что и не берется,—лежитъ себѣ на печи,—сами къ нему въ избу, «по щучьему велѣнью», и дрова скачутъ, и ведра съ водой бредутъ; если же пойдетъ себѣ, куда глаза глядятъ, да въ пезнаемое царство зайдетъ,—смотришь,—сейчасъ его и въ царя выберутъ, и сидитъ себѣ на престолѣ по 30 лѣтъ, да еще какъ довольны всѣ подданные,—не нахвалятся. По нашимъ сказкамъ даже составленъ особенный рецептъ, по которому сиволापый дуракъ богатыремъ дѣлается: влѣзъ, напрімѣръ, Незнайка коню своему въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Таковы дураки-умники въ нашихъ сказкахъ.

Изъ такъ называемаго животного эпоса въ народныя картинки наши попали пять басенъ Езопа (ср. №№ 196—198), до ко-

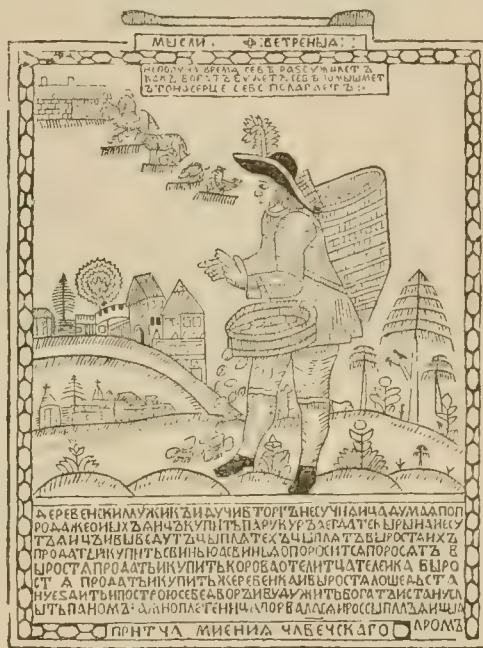
въ постѣ пожить куриномъ и слезнымъ покаяніемъ приготовиться къ смерти. На ту бѣду подошла къ дереву лиса Патрекевна, и стала его уговаривать: «о курушко, моя сладость, сниди со древа, тутъ-де орлы летаютъ и могутъ растерзать тебя». Сначала курушко усумнился въ лисьемъ къ себѣ расположеніи и сталъ было ей перечить; но тутъ лисица напрямикъ объявила ему, что будетъ стеречь его хоть три дня и три ночи, — «мы де васъ кушать охочи». Слыша такую похвальную рѣчь, курушко слезно заплакалъ и сталъ спускаться съ вѣтки, хотѣлъ соскочить на траву, а лисица ему «подставила и голову», захватила его въ свои когти, ощи-

196. Старикъ и смерть (басня).

197. Лисица и винограды (басня).

198. Мысли вѣтренныя (притча).

торыхъ былъ такой охотникъ Петръ Великій, пропагандировавшій ихъ даже въ видѣ свинцовыхъ фигуръ. Въ народныхъ картинкахъ есть цѣлая звѣриная повѣсти. Въ одной изъ нихъ (№ 199), заимствованной изъ рукописнаго сборника конца XV вѣка, рассказывается, какъ пѣтухъ, «ниже со многими женами живяше», былъ потрясенъ смертію одной изъ своихъ женъ курицы, которую другія курицы неосторожно столкнули наземъ съ на шести, и какъ онъ залѣзъ на дерево, чтобы тамъ

пала, съѣла, да на пень сѣла,—«стала отдыхать да его поминать».

Другая повѣсть: «о чемъ ты смѣялся»—заимствована цѣликомъ изъ 1001 ночи. Одному человѣку открыто было понимать разговоръ звѣриный, но съ тѣмъ, чтобы онъ никому того не объявлялъ, подѣ смертнымъ страхомъ. Разъ какъ-то, услышавши разговоры, которые велъ осель съ воломъ, человѣкъ этотъ разсмѣялся; пристала къ нему жена,—скажи да скажи ей: «о чемъ ты смѣялся». Сильно призаду-

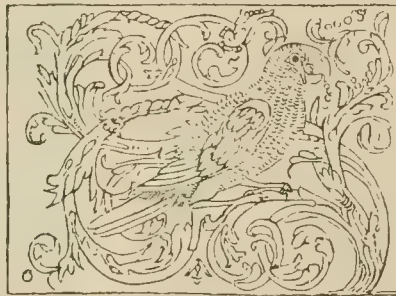

199. Повѣсть о пѣтухѣ и лисѣцѣ.

мался мужъ, что ему дѣлать, чтобы и жену удовлетворить, и смерти избѣжать, да прислушался онъ къ разсказу пѣтуха о томъ, что онъ 50 женъ своихъ въ повиновеніи держитъ, а хозяинъ и съ одной своей справиться не можетъ, — взялъ онъ палку, да и поколотилъ жену, да такъ, что она закаялась и спрашивать, о чемъ онъ смѣялся.

Двѣ повѣсти, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя: о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, и о бѣломъ пѣтухѣ, бѣжавшемъ отъ своихъ куръ, приведены ниже—въ отдѣлѣ сатирическихъ листовъ; туда же отнесены и аллегорическія изображенія погребенія кота мышами и быка, который сдѣлался мясникомъ; изображенія медвѣдя, танцующаго съ козою и блудящаго съ бабой. Въ числѣ народныхъ картинокъ есть цѣлая коллекція звѣрей и птицъ, начиная отъ попугая (№ 200), хамелеона (№ 201), калкуна пѣтуха курячьяго топтуна (202—203), и куръ (204—205), и кончая обезьянами — шарманщиками, морскими чудовищами Гарпией и Медузой и райскими птицами Сириномъ и Алконостомъ. Всѣ они снабжены очень куріозными бьясеніями, напимѣръ: индѣйскій пѣ-

тухъ(202),сбраспу-
ценнымъ хвостомъ,

200. Птица попугай.

201. Звѣрь хамелеонъ.

«сеи калкунъ, воспеваніемъ бормотунъ, курячіи топтунъ; онже хваленои кусъ на пирушку, а на носу имѣетъ какъ витушку»;

203. Пѣтухъ-топтунъ.

202. Калкунъ-бормотунъ.

204. Курочка хохлушка.

205. Курица доброголасная.

простой пѣтухъ (203), съ подписью:—«я пѣтухъ собою краснолиценъ, хотябъ какую курицу любить приличенъ; где курочку не схватилъ, да поволокъ за черный или белый хохолокъ; а отъ моего топтанія труды не велички: лишь несетъ яички и мне радость наводитъ, детей выводитъ». Еще курица (№ 204) съ такими виршами:

«я курочка хохлушечка:
сперва была глупошечка.
а ныне по двору хожу:
цыплятъ вывожу.
хозяину прибыль ношу».

По увѣренію картинки «Гарпія», это чудовище имѣетъ: 10 футовъ въ длину, лицо, подобное человѣческому, широкій ротъ, два воловьи рога, ослиныя уши, и долгую гриву, подобную львиной; двѣ тѣтѣнки, похожія на женскія, и крылья летучей мыши. Она ползаетъ на двухъ толстыхъ и короткихъ лапахъ, вооруженныхъ пятью когтями; у ней два хвоста, изъ которыхъ одинъ подобенъ змѣиному и кажется приспособленъ для ловленія добычи, а другой имѣетъ небольшое «копьеце» и т. д. Затѣмъ идетъ Медуза (№ 206). О птицѣ

206. Медуза.

Сиринъ (№ 207) говорится, что это «птица райская Сиринъ, гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ; на востоцѣ въ раю пребываетъ, непрестанно пѣніе красное воспѣваетъ; праведнымъ будущую радость

возвѣщаетъ,—которую Богъ святымъ своимъ общаетъ. Временемъ вылетаетъ и

на землю къ намъ, сладкопѣсиво поетъ, якоже и тамъ всякъ человѣкъ въ плоти живя не можетъ слышати пѣсни ея; аще и услышитъ—то себя забываетъ и, слушая пѣнія, такъ умираетъ». Другая птица Алконостъ (№ 208), по сказанію картинки, «близъ рая пребываетъ, нѣкогда и на Ефратѣ рѣкѣ бываетъ. Егдаже въ пѣніи гласъ испускаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ. А кто въ близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ; тогда умъ отъ него отходитъ и душа его изъ тѣла выходитъ; таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ и будущую имъ радость возвѣщаетъ, многая благая тѣмъ сказуетъ, то и въ явѣ указываетъ».

Въ хронографахъ о птицѣ Сиринѣ находитъ еще такое сказаніе, что «въ царство Маврикіево... солнцу возсіявшу, въ явившася рѣцѣ Нилѣ два животна человѣкообразна, до пупа мужъ и жена, а отъ пупа птица. Мужъ красенъ персами и власы над-черменъ; женѣ же лице и власы черны:

207. Райская птица Сиринъ.

208. Райская птица Алконостъ.

имяхужь оба сосца безъ власть; ихъ же наричуть сладкопѣспивые *сирины*. Слышавъ же сихъ челоѡкъ пѣспн, аще не престають поюще, весь плѣняется мыслию и, вслѣдъ шествуя, умираше. И до девятаго часа эпархъ и все людіе зряще чудяхуся; и пакн въ рѣку внндоша» (Забѣлинь, Бытъ русск. царей, 153). Это тотъ самый *птиицъ*, который увлекъ монаха изъ монастыря своимъ пѣніемъ и котораго монахъ, не замѣтивъ того, прослушалъ цѣлыхъ тысячу лѣтъ.

Птица Сиринъ изображена на наружной стѣнѣ церкви Вознесенія на дебрѣ въ Костромѣ: она вырѣзана тамъ на кругломъ клеймѣ изъ бѣлаго камня. Птицы Сиринъ были написаны на столахъ въ хоромахъ царя Алексѣя Михайловича.

Лицевое житіе славнаго баснописца Езопа, имѣвшее въ народныхъ картинкахъ четыре изданія, заимствовано прямо изъ печатнаго изданія 1717 года, съ нѣкоторыми урѣзками въ слишкомъ скоромныхъ мѣстахъ *).

Въ нашихъ сказкахъ и картинкахъ—птицы, животныя и даже растенія; и помимо басенъ, говорятъ челоѡческимъ языкомъ. По мнѣнію приверженцевъ миоической теоріи, «такой поэтической взглядъ на природу» обусловливался въ древнія времена характеромъ доисторическаго развитія народовъ **), — разговоръ животныхъ имѣетъ де, въ большинствѣ случаевъ, значеніе миоическое, и что въ самыхъ похожденияхъ сказочныхъ богатырей и борьбахъ ихъ слѣдуетъ понимать борьбу стихійныхъ божествъ, — на примѣръ, свѣта съ тьмой, весны съ зимой и т. д. Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ и забавныхъ листахъ не видно и тѣни такихъ миоическихъ и стихійныхъ значеній; наши картинки — поздняго происхожденія и герои, изображенные въ нихъ, — вполне реальны: ходитъ ли, на примѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уносить ли ее драконъ, — сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дра-

*) Какъ, на примѣръ, рассказъ о томъ, какъ паренъ набивалъ глупой дѣвкѣ разумъ. Замѣчательно, что такіе рассказы печатались въ изданіи, назначенномъ для употребленія юношества.

**) Асепасьева, Сказки, IV. 4; см. также его: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу.

кона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмѣль. У челоѡка, постоянно обращающагося съ природой, все, составляющее его обиходъ, — живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, на примѣръ, — и привычный хозяинъ понимаетъ, что сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли сорока воронка и воронъ вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Ивановичъ и домашняя коза его Машка: онъ олицетворяетъ ихъ, какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей, и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой челоѡческій языкъ. Простой челоѡкъ и видитъ, и думаетъ цѣлыми картинами: гребнемъ стоитъ передъ нимъ лѣсъ, полотенцемъ растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ *), и все это, и вчера, и сегодня, помимо всякаго доисторическаго развитія, а потому единственно, что онъ чутьемъ чувствуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Багрова, — вѣдь у него лѣсъ какъ живой челоѡкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ.

Повѣстей и картинокъ сатирическихъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у насъ на Руси не было, да и не могло быть: достаточно вспомнить слова Петра Великаго о томъ, что «за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ»; да и цензурныя правила, по которымъ дозволялось печатаніе «однѣхъ нравственныхъ и полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если только они не касаются до личности», — чтобы понять, почему не только наши лицевыя картинки,

*) Этотъ приемъ употребленъ и знаменитымъ Рембрандтомъ въ его превосходной гравюрѣ: *paysage aux trois arbres*.

но и печатная литература представляют въ этомъ разрядѣ одни беззубые, безжелчные и, въ большинствѣ случаевъ, крайне пезатѣйливые тексты. Тѣ же самая причины устранили всякую серьезность по части сатиры и въ рукописной литературѣ, и въ народномъ обиходѣ, въ которомъ, съ давняго времени, поселились зависть и злоба и нескончаемыя кляузы, съ огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ и каждаго въ самыхъ дрянныхъ и безчестныхъ поступкахъ, на манеръ старинныхъ доносовъ о словѣ и дѣлѣ. «Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ, мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ» — говаривалъ по этой части умный юродивый Архипычъ *). На завистливаго даже есть особая картинка (№ 209) съ такимъ текстомъ: «нѣкоторый че-

209. Притча о завистливомъ.

ловѣкъ бѣ зѣло завистенъ, лжесловець, непрестанно опухуждающе всякаго человѣка, и на всякъ день осуждая ближнихъ. Егда же заболѣ и не успе исповѣдаться, но вскорѣ умре; по трехъ же днѣхъ явился нѣкоторому человѣку, испустя языкъ огнен-

*) Знаменитый Волинскій часто помпаетъ эту поговорку юродиваго Тимофея Архипыча, который, за свою правду, пользовался большимъ почетомъ у царицы Прасковьи Феодоровны и императрицы Анны Ивановны и былъ вхожъ въ дома московской знати; онъ даже похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ (въ 1731 г.).

ный даже до земли, и рече: азъ стражду языка своего ради имже непрестанно людей осуждалъ; и, сія изрекъ, невидимъ бысть». «Завидливый сохнетъ о томъ, егда видить счастье въ комъ» — сказано на двухъ другихъ картинкахъ (ср. № 210).

Русскій человѣкъ, надо отдать ему справедливость, — большой охотникъ облаять ближняго, такъ себѣ, по добру по здорову и, какъ говорить пословица, «для крѣпкаго словца не пощадить ни матери, ни отца». Особенные мастера по этой части — «москалн»: послушайте только, какихъ они глупыхъ присказокъ на хохла не понасочиняли, а вѣдь не глупѣе ихъ хохоль, можетъ и поумнѣе. Про Пошехонцевъ цѣлая книжка составлена: и слѣпороды они, и въ трехъ соснахъ заблудились, за семь верстъ комара видѣли, а комаръ у нихъ на носу сидѣлъ *). По мо-

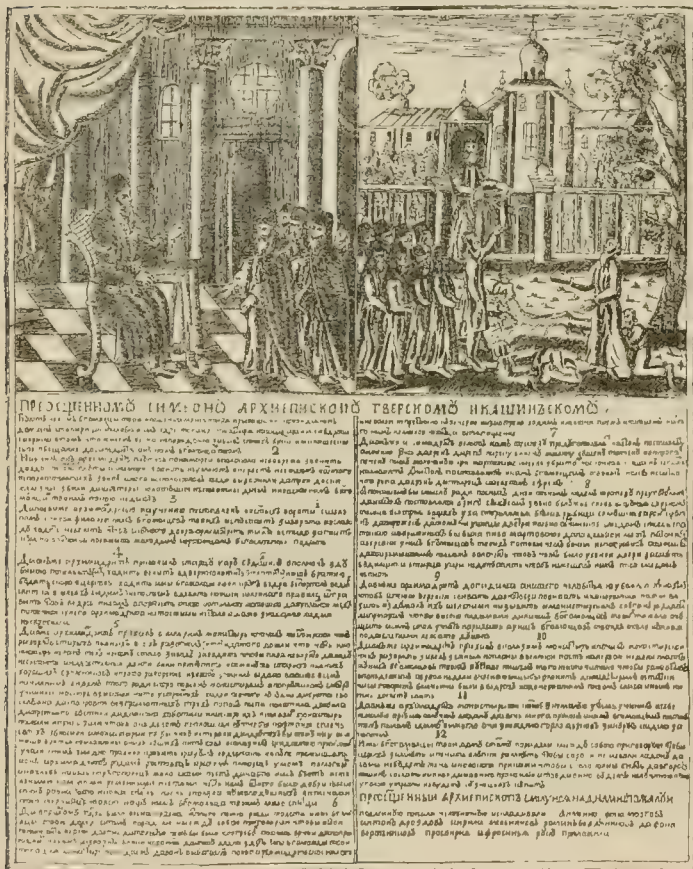
210. Картинка, представляющая гордеца, который, ходя журавлемъ, щиплетъ самъ себя за пось.

сковскимъ присказкамъ: Калязинцы свинью за бобра купили, собаку за волка убили; чухломской рукосуй своихъ рукавицъ въ чужомъ карманѣ ищетъ; Угличане толокномъ Волгу замѣсили; Ярославцы — бѣлотѣльцы пудъ мыла истратили, хотѣли у родной сестры родимое пятно смыть, — и мало ли что еще ими набрехано. За исключеніемъ этихъ перебранокъ, сатирическій элементъ въ нашихъ картинкахъ, повто-

*) Эту остроту вклеилъ Петръ Первый въ приглашенія своего всешутѣйшаго собора.

ряю, весьма слабъ; исключеніе изъ этого, «до нѣкоторой степени», составляютъ: извѣстная челобитная Калязинскихъ монаховъ, картинка — быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, карикатуры на Петра I и карикатуры 1812 года.

Челобитная Калязинскихъ монаховъ была пущена въ народъ, въ видѣ забавной картинки (№ 211), съ цѣлю подорвать въ народѣ предполагавшееся со стороны его особое уваженіе къ монастырямъ и подготовить его къ знаменитому указу объ отобрании монастырскихъ земель и иму-

211. Челобитная Калязинскихъ монаховъ.

щество. Текст этой забавной пародіи заимствованъ изъ рукописи XV вѣка (IV.280); имена архіепископа Симеона и архимандрита Гавріила, упоминаемыхъ въ ней, не вымышлены: оба эти лица состояли въ указанныхъ въ картинкѣ должностяхъ въ 1676—82 гг.

Калязинскій монастырь основанъ въ половинѣ XV вѣка; въ 1609—1610 г. онъ былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ,

подъ начальствомъ князя Михаила Скопина Шуйскаго, а въ 1654 году, во время моровой язвы, въ немъ проживала царская семья. Монастырь этотъ не пользовался въ народѣ доброй славой, и въ этомъ отношеніи даже упоминается въ народныхъ пѣсняхъ.

Чернецы жили вмѣстѣ съ черницами, въ общихъ обителяхъ, и только при Иванѣ Грозномъ было строго запрещено такое наивное сожительство (Соборн. грам.: Акты Археогр. Экспед., I. 486).

Въ 1633 г. въ Смоленскій походъ монастырь выставлялъ 300 человекъ въ латахъ съ лошадьми, ружьями и всякими съѣстными запасами.

Во время моровой язвы 1654 г. царица Марья Ильинишна, съ царевичемъ, скрылась въ монастырь, за что настоятель его въ 1655 г. возведенъ въ санъ архимандрита.

Петръ I, не обращая вниманія на старинные уставы, которые грозили отлученіемъ отъ церкви и вѣчною гибелью тому, кто вздумалъ бы отнять у церкви «села и озера» или другую какую собственность, — составилъ цѣлый планъ окончательнаго уничтоженія монастырей и обращенія ихъ доходовъ на дѣла, въ самомъ дѣлѣ богоугодныя. Указъ объ этомъ (31 января 1724 г.) былъ уже составленъ Теофаномъ Прокоповичемъ, но остался безъ исполненія за смертію Петра *).

Но не всегда такими были монастыри: въ древности монахи были первыми просвѣтителями народа, учеными и врачами; больной и убогий находили вѣрный пріютъ въ ихъ обителяхъ.

*) Въ этомъ указѣ, описавъ при какихъ условіяхъ монашество основалось и расплодилось, авторъ продолжаетъ: «что же потомъ произошло, когда къ Греческимъ Императорамъ нѣкоторые ханяки подошли, а паче къ ихъ женамъ, и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городахъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежныя помощи требовали для сей мнимой святини; еще же горше, яко и труднѣе, по трудамъ другихъ туне питаніе восхотѣли. Сіе и у насъ зѣло было распространяться начало, подъ защитою единовластниковъ церковныхъ. Что же прибыль обществу отъ сего? Вопетину токмо старая пословица: «ни Богу, ни людямъ», понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ есть. Находятся же оной способъ житія правд-

Въ большихъ городахъ они уже закончили свое дѣла; но въ дальнихъ окраинахъ, гдѣ жизнь представляетъ дѣйствительное подвижничество, — скромная обитель можетъ еще сослужить не одну службу народу и государству.

Наша калязинская картинка была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила свой планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и, безъ сомнѣнія, — съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ.

Калязинскіе крылошане жалуются архіепископу на то, что архимандритъ Гавріиль сталъ у нихъ въ монастырѣ новые, безобразные порядки заводить: всѣхъ старыхъ и пьяныхъ разогналъ, такъ что въ монастырѣ некому ни пива сварить, ни меду насытить, ни винца купить.

«Притомъ же онъ, архимандритъ», продолжаютъ они, «мало съ нами пьетъ, да часто насъ бьетъ ремennыми плетьюми; честь отъ него была добра и всю спину ровна, что и кожа съ плечъ сползла, а у малодушныхъ за плечами кожа свербится и во всю ночь богомольцамъ твоимъ мало спится. Кормить онъ насъ плохо: посконная каша пучеглазая, малина въ пирогахъ сушена да толчена, да парена рѣпа, да хрѣнъ, да старецъ съ шелепомъ Ефремъ. И бьетъ онъ насъ, твоихъ богомольцевъ, шелепами пеньковыми больно, а у насъ, богомольцевъ твоихъ, тѣло нужно, а подъ шелепами лежатъ душно».

нимъ снмъ не праздноу, но богоугодноу, и не заворной, еже служити прамымъ ницимъ, престарѣлымъ и младенцемъ». Вслѣдствіе чего указомъ этимъ опредѣляется, чтобы монастыри были не паче, какъ въ пустыняхъ, и чтобы монахи жили уединенно, не домогаясь «прочихъ трудамъ тупе насыщатися». «Поселить въ монастыри отставныхъ солдатъ, инвалидовъ и нищихъ, монаховъ же опредѣлить къ нимъ для служенія, одного на двухъ или трехъ, залившихъ же монаховъ посадить на землю. Крылошанъ не имѣть, старцевъ по селамъ не держать, а для надзираія посылать за служками старыхъ и не часто. Исходъ изъ монастыря крѣпче положить: свободный выѣздъ намѣстнику, келарю, казначею — для нуждъ монастырскихъ; а по селамъ для надзираія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе четырехъ человекъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь, ибо когда оставили міръ, уже возвращаться въ опый не подлежатъ».

«И поставленъ отъ него ко святымъ воротамъ, съ шелепомъ, кривой Фалалей, и онъ насъ, богомольцевъ твоихъ, не пускаетъ за ворота, и въ слободу сходить не велитъ, чтобы скотнаго двора присмотрѣть, курятъ въ подполье посадить, телятъ въ стадо загнать, да молодымъ коровницамъ благословеніе подать. Да онъ же, архимандритъ, приказалъ будильщику Увару насъ въ полночь къ заутрени будить, и мы, богомольцы твои, вкругъ ведра безъ портокъ сидимъ, не поспѣемъ келейнаго правила, ковшей въ девять, править, и не малое отъ того намъ чинится отягощеніе. А по нашему бы, богомольцевъ твоихъ, разумѣнію слѣдовало бы въ монастырь добрыхъ питуховъ изъ Калязина города пригласить: пѣвчаго Лукьяна, да брата его Селуяна, да трехъ поповъ съ Покровки безграмотныхъ: попа Колотила, Долбила да Сустила, да дьякона Хоботила. А изъ пеньки веревки свить, было бы чѣмъ бочки съ виномъ да съ пивомъ изъ погребовъ таскать, да по крылошанскимъ кельямъ развозить. А на трапезу-бы готовить, въ постные дни, — визигу съ уксу-сомъ, звено бѣлужье, тешку осетровую во щахъ, уху стерляжью, пшено сорочинское съ медомъ, кисель съ патокою; да въ братинахъ бы было пиво мартовское да медъ паточный».

Челобитная кончается доносомъ на то, что неразумными распоряженіями своими архимандритъ много убытковъ монастырской казнѣ сдѣлалъ: изъ колоколовъ довольно мѣди вызвонилъ, ладана и свѣчъ много прижегъ, церковь закурилъ, и кадило закоптилъ; и что лучше бы было церковь замкнуть, и колокола снять, да въ городъ Кашинъ послать, на вино да на пиво промѣнять. Подлинную челобитную, какъ значится, складывали и подписали: «Фока Мозговъ, Антонъ Дроздовъ, Кирила Мельниковъ, Романъ Бездѣльниковъ, да Тока Веретенниковъ; просвирня Афросинья руку приложила». Судя по работѣ, картинка эта гравирована тѣмъ же мастеромъ, который рѣзалъ картинку Жуковыхъ — П. Н. Чуваевымъ, работавшимъ на Ахметьевской фабрикѣ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Къ одному разряду съ этой просьбой

можно отнести еще два листка: очень замысловатую картинку «быкъ нехотѣлъ быть быкомъ, да издѣлался мясникомъ» (№ 214), и довольно глупую картинку подъ названіемъ «Вятская баталія» (№ 212)—о томъ, «какъ вятское гражданство противъ серпа воевало». На этой картинкѣ представлена комическая баталія, которую имѣли Варты противъ выброшеннаго моремъ чудища. Всѣ граждане собрались уничтожить этого невиданнаго звѣря, но сильно трусятъ его, прячутся другъ за друга: Оедька попускаетъ Оомку, Оомка Ивашку, — ни у

Въ народныхъ картинкахъ встрѣчается еще особый родъ дурацкой сатиры, въ родѣ «нелюбо не слушай, или свѣтъ на изворотъ», — какъ, напримѣръ: адресъ невѣсты, которая живетъ за Яззой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ близъ Вшивой горки, на Покровкѣ, т. е. въ урочищахъ, находящихся въ совершенно противоположныхъ мѣстахъ города; или, затѣмъ, въ приданомъ реестрѣ той же невѣсты: холстинный гудокъ, да для танцевъ двѣ пары ежовыхъ портокъ; или, наконецъ, въ описаніи о *безмыслии*

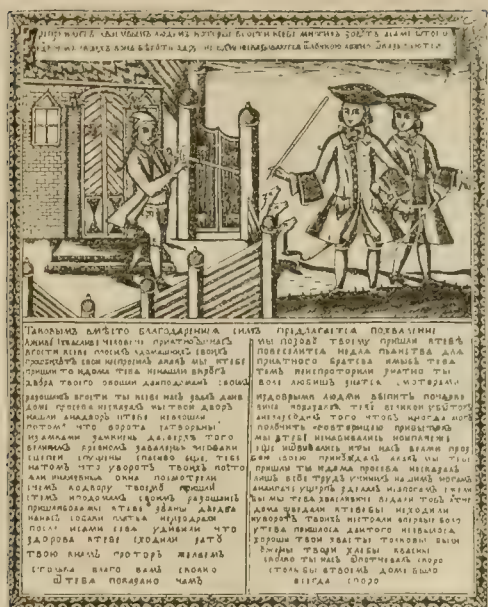

212. Вятская баталія.

кого дѣло не кленется, и всякій назадъ пятится. Въ концѣ картинки помѣщенъ и неизмѣнный доморощенный стрѣлокъ: «сей мой порохъ внутренній легко стрѣляетъ, а отъ пуль моихъ раненъ никто не бываетъ, но токмо близко ко мнѣ кто приближается, и тотъ скоро, онаго понохавъ, вспять возвращается»; безъ этого егара и тутъ никакъ нельзя было обойтись.

дворъ (№ 213)—такого рода несообразности: крыльцо въ ямѣ, окно въ крышѣ, въ заходѣ печь, на потолкѣ погребъ, въ кузницѣ молоты глиняные, а кузнецы схожая братья, карманные тяглецы—Оома Мозговъ, Антонъ Дроздовъ, Шелкатей блинникъ, да Ерема мыльникъ.

Отдѣльные эпизоды такого свѣта наизворотъ собраны въ картинкѣ: «быкъ не хотѣлъ быть быкомъ», — о которой упомя-

213. На безмѣстномъ дворѣ.

пучо выше—очень забавно и удачно (№ 214). Главный сюжетъ въ серединѣ: «быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ; когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился,—то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубивши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами». За это среднее отдѣленіе вся картинка подверглась строгому запрещенію со стороны полиціи еще въ сороковыхъ годахъ: господа цензоры видѣли въ ней аллегорическую расправу крѣпостныхъ крестьянъ со своими господами «за жестокое обращеніе», а въ отдѣленіи «попугай мужика въ клѣтку посадилъ, чтобъ онъ говорилъ» — намекъ на сельскихъ засѣдателей, въ судахъ и комиссіяхъ. Изъ маленькихъ отдѣленій кругомъ особенно забавны и остроумны по своимъ намекамъ: «овца некусная мастерица, велитъ всѣмъ

пастухамъ стричься; осель мужика погоняетъ, за то, что не скоро онъ выступаетъ; бабы осла забавляли,—посадивъ въ карету, по улицамъ катали; нищій богатому милостыню даетъ, а онъ отъ него и беретъ (дворянскія складчины на балы по копѣйкамъ съ души); ученикъ мастеру ж.у за то бьетъ, что его науки долго не перейметъ; осель мужика брилъ, да по неосторожности ему копытомъ голову разбилъ».

Народныхъ картинокъ, относящихся до стараго судопроизводства и подъячнхъ,— всего пять: Шемякинъ судъ, Повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, Подъячій п смерть, Судъ дворянина съ крестьянниномъ, и Дѣло о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкарской улицы отъ своихъ куриць.

Въ первыхъ двухъ картинкахъ трактуется о взяточничествѣ судей, столь про-

214. Какъ быкъ не захотѣлъ быть быкомъ.

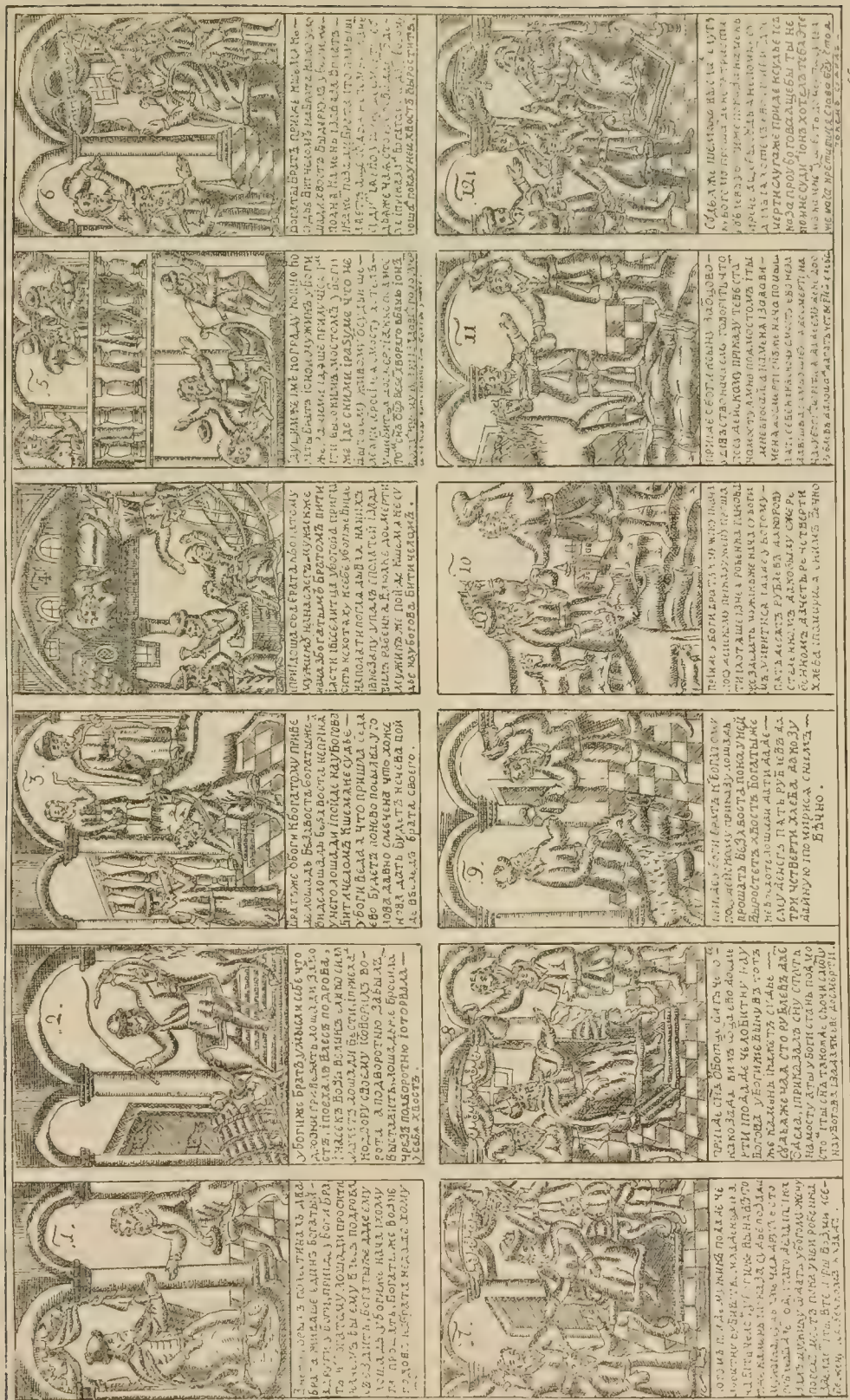
славленномъ въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ. Въ старое время чиновничье взяточничество было на Руси открытое и повсемѣстное. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ разрядѣ даже велись книги, сколько съ какого города или полка можетъ нажить воевода, и, если онъ не грабилъ народъ, а бралъ одни поминки, то его считали человѣкомъ вполне благонадежнымъ и къ повышенію достойнымъ. Цари наши не разъ пытались прекратить взяточничество: крутой царь Иванъ Васильевичъ публично казнилъ одного дьяка, который принялъ въ посулъ жаренаго гуся, начиненнаго червонцами, приказавъ при этомъ разрубить его на пять частей, какъ рѣжутъ гуся; другой крутой царь Петръ Алексѣевичъ казнилъ, вѣшалъ и билъ дубиной взяточниковъ; Екатерина II, въ тѣхъ же видахъ, замѣнила воеводъ—губернскими учрежденіями; но либеральныя декораціи не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностію, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія мѣткой пословицей: «прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками» *).

Страшны были старинныя суды для народа, при безграничной власти, предоставленной имъ произволомъ, — страшнѣе много нынѣшнихъ генералъ-губернаторовъ: cadaго могли они схватить и обобрать подъ страхомъ пытки, запытать и сгноить въ тюрьмѣ. Кому было жаловаться на нихъ: до царя далеко, а до Бога высоко,—и сидитъ себѣ Важскій воевода, прославленный на всю землю за свое взяточничество и кривосудъ, и нѣтъ никакой возможности избавиться отъ него ограбленному и разоренному имъ населенію.

Къ числу такихъ судовъ принадлежитъ и нашъ Шемякинъ судъ (№ 215), названный такъ по имени Галицкаго князя Дмитрія Шемяки, прославившагося въ XV вѣкѣ своею неправдою и ослѣпленіемъ в. кн. Василія Темнаго. Основа этого суда заимствована изъ еврейскихъ и восточныхъ сказаній, но съ прибавленіемъ чисто русскихъ подробностей. Весь судъ осно-

*) Эта же пословица въ подновленномъ видѣ повторилась и лѣтъ семьдесятъ спустя, когда для государственныхъ крестьянъ былъ устроенъ «улучшенный бытъ въ уменьшенномъ видѣ» (Слова кн. Мельшикова).

ванъ на библейскомъ ветхозавѣтномъ правилѣ: «око за око, зубъ за зубъ». Въ нѣкоторыхъ Палестинахъ жили два брата: одинъ богатый, другой бѣдный; и пришелъ бѣдный къ богатому просить лошади по дрова съѣздить; и далъ ему богатый лошадь, а хомута не далъ. Привязалъ бѣдный братъ лошадь за хвостъ къ дровнямъ и повезъ на ней дрова; на бѣду оторвался хвостъ у лошади, не беретъ ее богатый назадъ—пойдемъ-де къ судѣ судиться. На перепутьи остановились братья въ избѣ у мужика переночевать; легъ бѣдный на полатни, смотритъ себѣ какъ пируетъ богатый братъ съ хозяиномъ; смотрѣлъ, смотрѣлъ, да нечаянно и свалился внизъ, прямо въ люльку, гдѣ хозяйскій ребенокъ спалъ, и задавилъ его, «Пойдемъ къ судѣ судиться»,—говоритъ ему хозяинъ,—и пошли втроемъ. Вотъ идутъ они по мосту: «не быть мнѣ живому отъ суда Шемяки», думаетъ бѣдный братъ, «брошусь я лучше въ рѣку», да и бросился; а въ это время внизу подъ мостомъ какой-то парень больного отца на салазкахъ въ баню везъ;—угодилъ бѣдный прямо на больного, да и пришибъ его до смерти. Пошелъ съ ними и парень судиться, и стали всѣ они передъ судьей Шемякой, а убогій положилъ въ платокъ камень, да и показываетъ ему издали; Шемякѣ же вздумалось, что должно быть въ платкѣ ему сто рублей судить, и сталъ онъ въ пользу бѣднаго судить. «Ты», говоритъ богатому, «отдай лошадь бѣдному, пусть держитъ, пока у нея хвостъ отстетъ, — тогда назадъ возьмешь; а ты, мужичекъ, отдай ему жену свою,—пусть онъ сдѣлаетъ ей ребенка взаменъ задавленнаго; а ты, парень, ступай на мостъ, бѣдному брату я прикажу стать подъ мостомъ,—ты и бросься на него и дави его до смерти». Челобитчики не знали, какъ и отдѣлаться отъ такого праваго суда, и поспѣшили откупиться отъ бѣднаго брата, кто деньгами, кто коровой, кто козой да хлѣбомъ. Дошла очередь и до подсудимаго,—посылаетъ судья требовать у него сто рублей, что посулилъ въ платкѣ. «Это я не сто рублей, а камень въ платкѣ показывалъ», говоритъ бѣдный судейскому слугѣ, «и, если бы Шемяка не по мнѣ судилъ, я бы его

тѣмъ камнемъ до смерти зашибѣ». Повѣсть кончается словами Шемяки, который, узнавъ о такомъ намѣреніи бѣднаго брата, перекрестившись, говоритъ: «слава Богу, что я по немъ судилъ!»

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, представляетъ пародію на древнее наше судопроизводство. Въ народныхъ картинкахъ она появляется поздно, только въ первой половинѣ XVIII вѣка, и то въ самой сокращенной редакціи. Въ полномъ видѣ фабриканты народныхъ картинокъ не выпускали ее въ народъ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы судьямъ не вздумалось охранить дѣвственную чистоту свою на ихъ спинахъ. За то въ рукописной литературѣ нашей за XVIII вѣкъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ встрѣчается во множествѣ списковъ и въ семи разныхъ редакціяхъ. Въ одной изъ нихъ, напечатанной Сахаровымъ, формы словеснаго дѣлопроизводства XVI вѣка воспроизведены съ замѣчательными подробностями и съ перечисленіемъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ то время въ дѣлѣ правосудія.

Дѣло начинается съ челобитной Леща, который жалуется господамъ «отъ рыбъ», великому Осетру и Бѣлугѣ, на Ерша Щетинникова, что онъ-де владѣетъ насильствомъ «нашими вотчинами» (Ростовскимъ озеромъ); собою онъ малъ, а щетины у него какъ острия рогатины, и гдѣ онъ ни попросится ночевать, и кто его невѣдаючи пустить, и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить, и мы хотимъ быть оправлены вами, праведными судьями». Въ Сахаровской сказкѣ дѣло происходитъ въ лѣто 7110-е: на судѣ, въ губной избѣ, сидятъ: судья Осетръ-бояринъ, Сомъ-воевода отъ моря Хвалынского, и выборные мужики отъ Волги и Дона, Судакъ и Щука. Прежде всего судьи посылаютъ за Ершомъ пристава Окуня, который и поставилъ Ерша на судъ; доводчикъ Карась*) прочелъ че-

*) По объясненію Татищева (Судебникъ Ц. Іоанна Васильевича, М. 1786, 8), это губной староста, разбиравшій дѣла, какъ областной судья: онъ состоялъ при воеводахъ въ качествѣ педѣльщика или пристава (Спигревъ, Губ. карт., 1861, 64). Впрочемъ объясненіе это не подтверждается текстомъ сказки: губнымъ старостой Ростовскаго озера состоитъ здѣсь большая рыба Северюга, доводчикъ же—рыба малая, всего Карась. Доводчикъ, судя по самому названію его, на судѣ доводилъ дѣло до рѣшенія. Такіе доводчики существуютъ

лобитную. На извороты Ерша, который началъ съ своей стороны обвинять встрѣчно Леща съ товарищами въ клеветаніи его,—съ истцовъ взять отзывъ, что они «ручаются за большое безчестье животомъ и жизнью», и затѣмъ Ершу указано «безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ».

Все это въ текстѣ картинки выпущено, и судья прямо переходитъ къ разспросамъ: чѣмъ Лещъ Ерша уличаетъ. На это Лещъ сперва ссылается на свидѣтелей Сига и Ладогу, но такъ какъ Ершъ представилъ отводъ, что Сигъ и Ладога рыбы большія, а мы рыбы малыя, да и съ Лещемъ онѣ хлѣбъ соль вмѣстѣ водятъ и потому правды не скажутъ,—то Лещъ сослался на Сельдь; противъ этой и Ершъ не имѣлъ что сказать и прибавилъ: «то общая правда, на ту и я шлюся». Вслѣдствіе чего судьи послали за Сельдью пристава Окуня, который взялъ въ понятые Сому; но Сомъ, съ большимъ усомъ, сталъ отговариваться, «что-де я въ понятые не гожусь,—имѣю брюхо велико, ходить не смогу, глазами вдоль не вижу»,—и Окунь отпустилъ Сому, и взялъ въ понятые Язя, и поставили они Сельдь передъ судьями*).

Когда Сельдь была поставлена передъ судьями, судьи спросили ее: «чье Ростовское озеро изстари,—Ершово ли? и знаютъ ли Ерша на Москвѣ всѣ богатые покупатели (какъ на это ссылается Ершъ въ рукописныхъ сказкахъ), и покупаютъ ли его для похмеля дорогою цѣною и съ похмеля имъ оправляются ли?»

до настоящаго времени въ Китаѣ. Въ Кантонѣ мнѣ случилось присутствовать въ засѣданіи суда по одному важному дѣлу о грабѣжѣ; судья сидѣлъ почти все время молча и предлагалъ обвиняемымъ сторонамъ только первые вопросы, затѣмъ уже разъяснялъ дѣло дальнѣйшими распросами и чтеніемъ актовъ другой китаецъ—чина неважнаго (потому что онъ все время передъ судьей стоялъ), но въ которомъ заключалась вся суть дѣла: онъ представлялъ собою прокурора и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдователя, который всѣхъ распрашивалъ и говорилъ во все время безъ умолку, защитника же на судѣ не полагалось; въ промежуткахъ слѣдствія обвиняемые подвергались пыткамъ и батогамъ,—одинъ изъ нихъ былъ запытанъ почти на смерть, а въ заключеніе этого праваго и скорого суда всѣ привлеченныя къ дѣлу лица и даже свидѣтели и полицейскіе чины, оказавшіеся несправными по должности, были перепороты бамбукомъ.

*) Въ одной изъ рукописныхъ сказокъ есть прибавка о томъ, какъ Окунь взялъ сперва въ понятые Налима и какъ тотъ сулилъ ему посулы великіе, и выпросился изъ понятыхъ; въ другомъ спискѣ Налимъ вызывается въ судъ въ качествѣ свидѣтеля: онъ даритъ пристава гривну «на волокиты» и тѣмъ избавляется отъ явки (см. примѣч. IV, 274 въ „Русс. Нар. Карт.“ 1881 г.).

повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ-бы еси намъ записку безъ мотчанья».

Снегиревъ, въ своемъ описаніи народныхъ картинокъ, замѣчаетъ, что Ростовскіе князья продали великому московскому князю сперва одну часть своей отчины, а потомъ и другую, и что сказка о Ершѣ Москвитинѣ (ссылавшемся между прочимъ и на Московскія крѣпости) и о коренномъ владѣльцѣ озера Ростовцѣ-Лещѣ могла быть сочинена по поводу этихъ продажъ.

Въ заключеніе припомнимъ, что Ершъ отъ исполненія приговора улизнулъ; но затѣмъ онъ все-таки попался въ вершу, поставитъ которую мѣръ послалъ крестьянина Першу: Устинъ Ерша было упустилъ, но Иванъ опять его поймалъ; потомъ Назаръ понесъ было Ерша продавать на базаръ, но Аносъ Ерша даромъ унесъ; затѣмъ Ерша сварили мѣромъ въ котлѣ, съ перцомъ, лукомъ и саломъ, причемъ произошла неизбежная драка: Мина мякнулъ, ни съ того ни съ сего, Демида върыло, а Андрей Тита поплѣши огрѣлъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, „Яковъ одинъ ерша смякалъ, а самъ убѣжалъ, одинъ ножки показавъ. Елизаръ только котла полизалъ, а Данила и сестра его Ненила только по Ершѣ повыли, память ему сотворили“.

О третьей и четвертой картинкѣ: „подъячій и смерть“ и „судъ дворянина съ мужикомъ“ (№ 217) распространяться нечего,—это простыя перепечатки басней; на пятой же, въ 8 фигурахъ, передано цѣлое слѣдствіе о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха, изъ Пушкарской улицы, отъ своихъ курицъ (№ 218). Дѣло начинается жалобою куръ по пунктамъ о томъ, что убѣжалъ де отъ нихъ ихъ мужъ «пѣтухъ бѣлый, который въ топтаніи ихъ былъ смѣлый, и отъ него были онѣ одолжены, такъ какъ послушныя его жены, и послѣ топтанія хвостомъ трясли, а хозяину оттого часто яйца несли».—«Изъ насъ пѣ-

которыя въ домѣ старыя куры», заканчиваютъ онѣ свою жалобу, «присмотрѣли за нимъ немалые амурь».

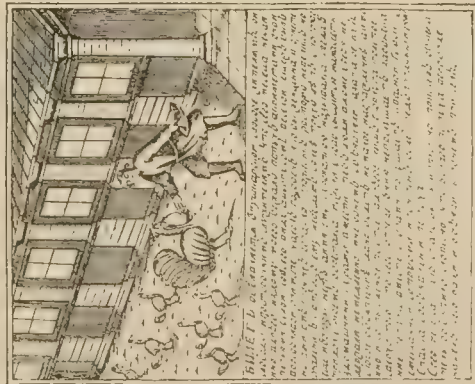
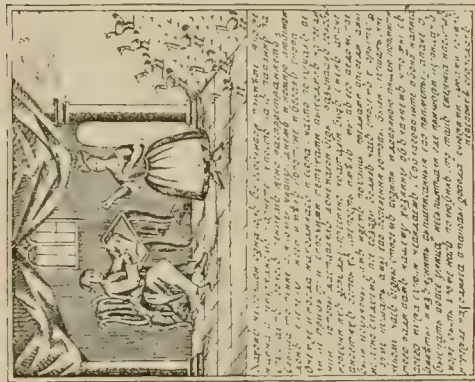
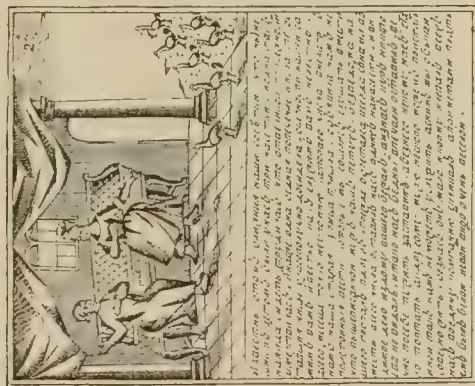
За отысканіемъ невѣрнаго мужа посылаются, съ билетомъ, индѣйскій пѣтухъ, и съ нимъ цѣлое капральство куръ; бѣглецъ найденъ ими, приведенъ въ судъ и допрошенъ: «противъ отлучки не имѣли амуръ, не топтали-ли чужихъ куръ, и ежели топтали, то какихъ примѣтомъ, и много-ли ихъ было счетомъ». На это пѣтухъ объяснилъ, что домашнія куры стали ему противны, затѣмъ, что во время ему не присѣдаютъ и прочь отбѣгаютъ. «А я», продолжаетъ онъ, «на короткихъ ногахъ, не могу догнать, того ради принужденъ чужихъ топтать. и оныхъ я не

217. Судъ дворянина съ мужикомъ.

считалъ, гдѣ которую поймалъ,—тутъ и топтали; чужія вѣрно любить меня обязались, старыя и молодыя часто попадались». Сказка заканчивается судебнымъ приговоромъ: за отлучку отъ своихъ куръ и за имѣніе съ чужими амуръ, посадить пѣтуха въ колодки на три дня, а потомъ бить вѣвникомъ — «при собраніи куръ въ строй»,—и объявить: ежели впередъ будетъ такъ поступать, «то никакихъ опредѣленіевъ не послушаютъ, пріятно въ пироги скушаютъ».

Несравненно интереснѣе и оригинальнѣе сатирическія картинки, составленныя

218. Сказка о пѣтухѣ и о курахъ.

нашими раскольниками на Петра I и на его преобразованія. Изъ числа ихъ ни одна картинка не пользовалась такимъ успѣхомъ въ народѣ, какъ погребеніе кота мышами (№№ 219 и 220) и самый котъ Казанскій, «умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усь-съ-уса-стерскій» (№ 221).

I-я картинка раздѣлена на нѣсколько продольныхъ полосъ; въ самомъ верху надпись: «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпичахъ, — какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніей отдавали; былъ престарѣлый котъ казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій, а усь сусастерскій. Жилъ, славно ѣлъ-пилъ, плелъ лапти, носилъ сапоги; сладко ѣлъ и слабо б..ѣлъ; умеръ въ сѣрый четвергъ, вшесто пятое число, въ жидовскій шабашъ».

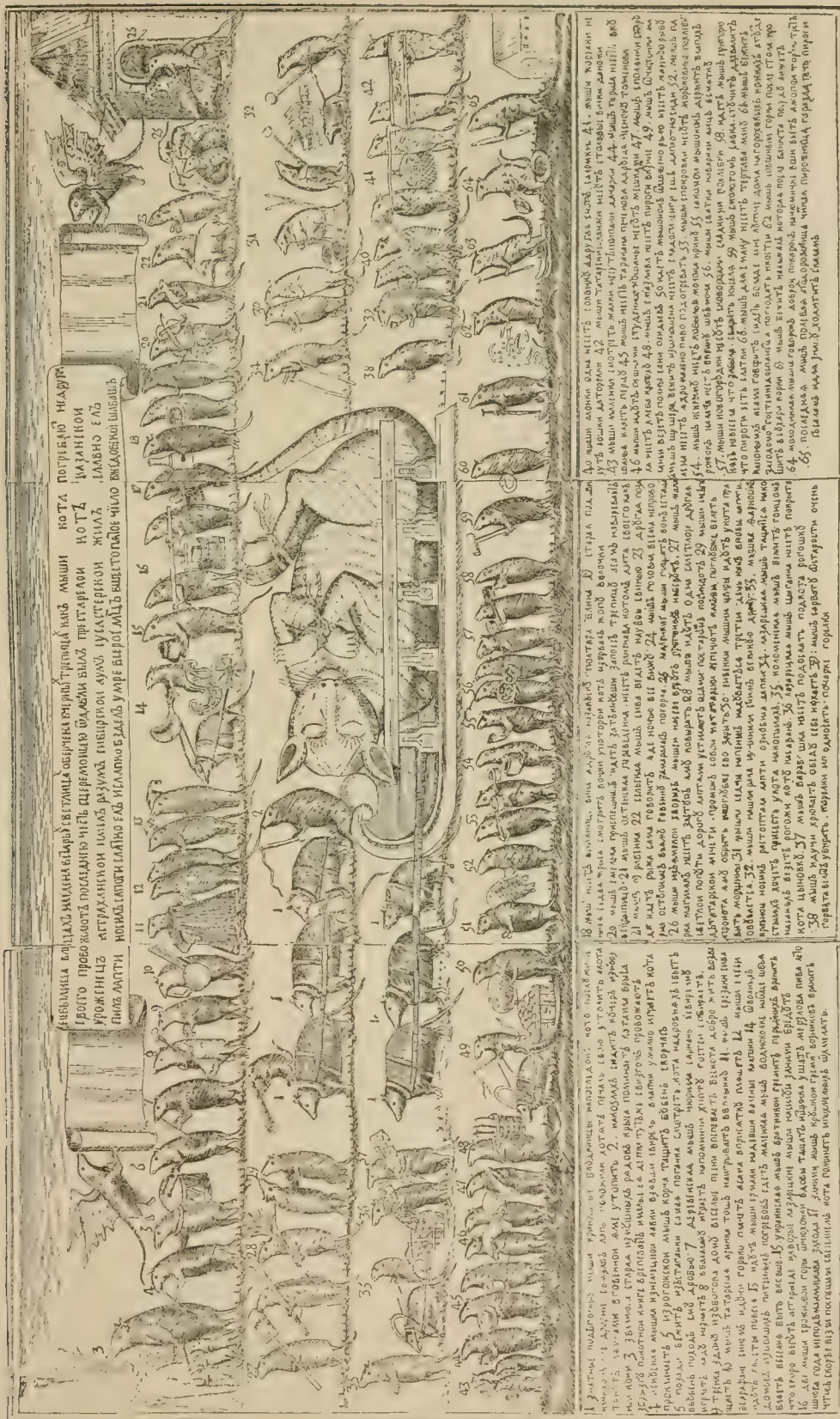
Въ средней полосѣ: большой котъ Казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усь съ уса стерскій, перевязанный накрестъ веревками, лежитъ на чухонскихъ дровняхъ, которыя тянутъ восемь мышей — Макарокъ; процессію составляетъ цѣлая вереница мышей и крысъ изъ разныхъ областей Россійской Имперіи: мыши-пѣвчіе, мыши-музыканты, Охтенки, Корелка, Шушера изъ Шлошнна, мыши Татарскія (въ четырехъ мѣстахъ) и множество мышей лазаретскихъ. Отъ вдовы покойника, Чухонки Маланьи, везутъ на поминки кота пиво изъ Маймистекаго захода (шутовское чухонское урочище), а также и блины и оладьи

До насъ дошло шесть совершенно различныхъ переводовъ этой картинки: изъ нихъ — три двухлистовые на деревѣ, одно — трехлистовое на мѣди и два — двухлистовые тоже на мѣди (одно зимнее, другое лѣтнее). Работа двухлистовыхъ картинокъ, гравированныхъ на деревѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Стасовъ, имѣетъ много общаго съ гравюрой лицевой библии мастера Кореня 1696 года: «и здѣсь шерсть мышей и кота выражена посредствомъ параллельныхъ, правильныхъ чертъ, которыми усеяно тѣло животнаго; сверхъ того, глаза мышей и кота имѣютъ точъ въ точъ такое очертаніе, какъ у всѣхъ людей и животныхъ въ лицевой библии Кореня, —

очень продолговатая миндалина со зрачкомъ, прикрѣпленнымъ къ верхней вѣкѣ» (разборъ моей книги: Русскіе граверы, стр. 67). Разница въ томъ, что картинки лицевой библии вырѣзаны съ большой тщательностію и съ хорошихъ рисунковъ мастера Григорія, которые граверъ Корень, несмотря на всю неумѣлость свою, не могъ до конца обезобразить своимъ грубымъ и толстымъ рѣзцомъ. Судя по этому, можно заключить, что дошедшіе до насъ отпечатки на бумагѣ второй половины XVIII вѣка сдѣланы съ досокъ болѣе древняго времени, въ особенности (въ большомъ атласѣ моего изданія 1881 года), погребеніе, отпечатанное доскою сильно попорченною, потертою и съ обколотившимися буквами въ текстѣ.

Вопросъ о томъ, откуда взялась эта картинка въ нашемъ лубочномъ мірѣ и съ какого времени, — уже давно занималъ нашихъ археологовъ. Макаровъ, въ одной изъ своихъ статей (Вѣстн. Европы 1821 г., № 9, стр. 53), говоритъ, что въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую Лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва Лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ, и что затѣмъ сатира эта перенесена на личность Ивана Грознаго. Снегиревъ, замѣчая, что такое мнѣніе подтверждается нѣсколько изображеніемъ любимаго кота Ивана Грознаго, которое, по свидѣтельству г. Чицова, хранится въ Дрезденской галлерей, отвергаетъ, однакоже, возможность появленія подобной картинки въ то время, когда книгопечатаніе и гравированіе были еще впервые заведены въ Россію и посвящены единственно религіознымъ предметамъ (Лубочн. карт., М. 1861, стр. 130).

Стасовъ, просматривавшій Чешскую хронику Гайка, не нашелъ въ ней приписки, указываемой Макаровымъ. Съ сво-

219. Мыши kota погребаютъ—зною; трехпестовое; самое полное, изд. XVIII вѣка.

ей стороны замѣчу, что ни въ Дрезденскомъ музеумѣ, ни въ другихъ собраніяхъ,

нѣтъ гравюры, изображающей kota царя Ивана Васильевича: въ Дрезденѣ, въ гал-

лереѣ, выставлена довольно рѣдкая гравюра работы съ Hollar'a съ подписью «Le vray portrait du Chat du grand Duc de Moskouie 1661»; такіе же экземпляры ея находятся въ Петербургской Публичной Библіотекѣ и въ моемъ собраніи. Такимъ образомъ родословіе кота нашего отъ Лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными; еще менѣе представляется данныхъ къ производству того же кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индійскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индійскимъ богомазомъ въ повѣйшее время. Тамъ сидитъ котъ Видало, рыжій, съ черными пятнами и съ чернымъ хвостомъ. По обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши: одна впереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копьѣ. Кромѣ того, на спинѣ у кота сидятъ маленькія мышки и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на престолѣ (въ видѣ табурета), сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ.

Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбеѣ, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи: въ числѣ ихъ есть двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками. Въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ, на остаткѣ древняго египетскаго папируса, — на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышинными войсками; въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, — кошки подносятъ ей разные дары (Champfleury, Hist. de la Caricat. antique, p. 24); въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камей, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, — передъ нею пляшетъ мышь (тамъ же, 81); въ Парижской библіотекѣ, въ «collection Hennin» (XVIII.

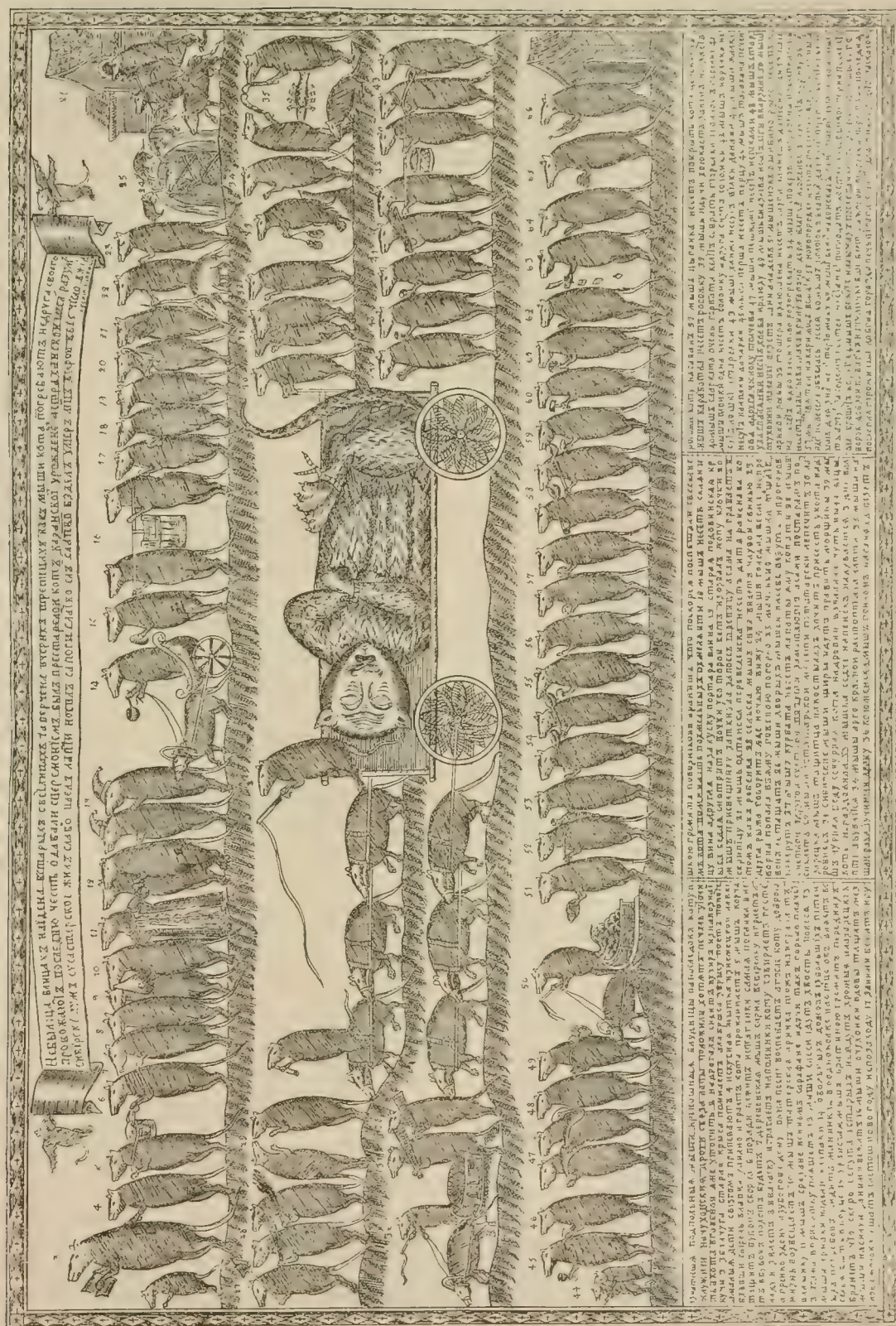
21), есть народная картинка — война мышей съ кошками, съ подписью: «A Lyon par Leonard Odet, au coin de rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits», а внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ ни одна изъ этихъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ погребеніемъ: съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индійскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ, нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего Казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка — чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ Нюрнбергскими похоронами охотника, — на которые указываетъ Снегиревъ, — ни съ другими западными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта, — это вполне оригинальное произведеніе русскаго народного буффа.

Что касается вопроса о томъ, на кого могла быть сдѣлана наша сатира, то внимательное разсмотрѣніе текста ея приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нашъ котъ *брысъ*, онъ же *Алабрысъ*, — не простой смертный, а знатная особа; титулы его: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій.... прямо указываютъ на царское его происхожденіе.

2) По многимъ признакамъ можно заключить, что покойникъ былъ *знатный подпивало и веселый обжорло*, любилъ сладко поѣсть (съ добрыми послѣдствіями такой ѣды) и выпить *).

*) По разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ, наши прадѣды были большіе зпатоки по этой части и издавали надстольные звуки и подстольные выстрѣлы не только у себя въ домѣ и въ церкви, но даже и во время царскаго стола, безъ всякаго *камфуса*; всѣ бояре, напротивъ того, привѣтствовали каждый такой откровенный выстрѣлъ *лекаго порога*, съ большою радостію и смѣхомъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, что разъ какъ-то, во время торжественнаго пріема пословъ, человекъ нагнулся самъ царь Алексѣй Михайловичъ; бояре тотчасъ же напались при этомъ почтительно встали со своихъ мѣстъ и пожелали ему здравствовать. Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ г. Феттерлейпомъ (1).

ЭЭ0. Мышии кота погребаютъ—лѣтомъ; двухлистовое пад.

221. Котъ Алабрысъ.

на тризну къ нему со всѣхъ сторонъ, *отъ вольныхъ домовъ* *), *изъ большихъ питейныхъ и погребовъ*, везутъ несутъ: горѣлку, вино и пиво въ ушатахъ, бочкахъ и скляницахъ.

3) Покойникъ, хотя и былъ русскій, но состоялъ въ близкомъ родствѣ съ *чухнами*: тѣло его везется на чухонскихъ дровняхъ, да и *чухонка* вдова Маланья, о которой говорится въ картинкѣ, повидимому, самое близкое къ нему лицо—это его собственная вдова, такъ какъ отъ нея несутъ главные предметы поминанья—пиво и оладьи: «двѣ мыши съ рожновой горы отъ *чухонки* вдовы тащатъ изъ шинка ушатъ мерзкаго пива летошняго года изъ-подъ *Маймистскаго* захода», и далѣе: «мышь отъ *чухонки* *Маланьи* везетъ полны сани оладьевъ».

4) Покойникъ былъ нрава крутого: «когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ», и много избидѣлъ онъ въ жизни своей народа; за то эти обиженные и собрались посмотреть на своего недруга и съ радостію привѣтствуютъ старого *лиходѣя*: здѣсь и тренка (Гренко) изъ убогаго дома веселыя пѣсни воспѣваетъ, безъ кота добро жить возвѣщаетъ (9),

*) Вольными домами назывались трактиры (Полное Собрание Зак. № 6566, 1734 г.), въ которыхъ, однакоже, запрещено было держать непотребныхъ дѣвокъ вольнаго обращенія (№ 6947, 1736 г.). Иноземцу Милле дозволено было завести трактиръ на Васильевскомъ Островѣ въ 1718 г. (№ 3299).

и охтенская переведенка несетъ раненаго котомъ мышенка (21); тутъ же и мышенокъ *отшибено* рыло (50), и старая подовинная мышь смотритъ въ очки *),—у нейкотъ изорвалъ ж... въ клочки; въ двухъ мѣстахъ бредутъ *лазарецкія* и *хворыя* мыши, а въ третьемъ *лазарецкая* мышь тащится на *костыляхъ* (34),—вѣроятно, тоже вслѣдствіе котовой баталіи; мыши изъ ямской *хворыхъ* мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ (26). *Татарскимъ* мышамъ покойникъ пришелся особенно солонъ,—онѣ участвуютъ въ церемоніи въ четырехъ мѣстахъ: мышь татарская Оринка наигрываетъ въ волынку (10); мыши татарскіе ханжи (т. е. хаджи) **) несутъ вилки да ножи (42); мышь татарская изъ Криму ***) несетъ кобыльяго молока крину (54) и, наконецъ, мыши изъ-подъ татарской мечети промежъ собою по-татарски лепечутъ—какъ бы поглубже велѣтъ про кота яму обрыть и поглубже его зарыть (29). Изъ другихъ русскихъ мышей участвуютъ въ процессіи представительницы вновь пріобрѣтенныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: *Олонки*, *Корелки*, *Охтенка*, *Шушера изъ Шлюшина* (несетъ съ Ладоги сяги,—ѣшь да плотно сиди, 51), а также и представительницы нѣкот. друг. областей русскихъ: мышь *Украинская*, *Новгородская* и мыши съ *Рязани*, по прозванію *Макары*. Прочія мыши собрались на погребеніе кота съ разныхъ Московскихъ улицъ и урочищъ: всѣ онѣ въ большой радости по случаю кончины державнаго Алабрыса, поютъ, скачутъ, играютъ на разныхъ инструментахъ ****) и бранятъ возниковъ, чтобъ скорѣе везли, поспѣшали съ веселіемъ кота

*) Снегиревъ читаетъ: «Подовинская», по бывшему у него въ рукахъ испорченному повому тексту, и предполагаетъ, что въ этомъ названіи заключается намекъ на кн. В. В. Голицына, жившаго подъ Новинскимъ монастыремъ.

**) Хаджи, богомольцы-паломники,—преимущественно мусульманскіе богомольцы, побывавшіе въ Меккѣ у Магометова гроба.

***) Въ новыхъ изданіяхъ ошибочно поставлено іеріуму, какъ и прочетъ И. М. Снегиревъ въ своихъ комментаріяхъ по поводу Римскаго Панаи.

****) Въ числѣ ихъ на древнѣйшемъ переводѣ (деревенская мышь) Чюрилка Сурначъ (т. е. зурначъ, отъ зурны) въ сопель играетъ, мышь Арипка играетъ въ волынку и еще одна мышь въ балалайку играетъ, гостей созываетъ. Сопель, сопелка, спновка, — деревянная дудка, которая, дѣйствительно, издаетъ сопеловые звуки, сопить (см.

поминать и похмельных охмелять (17). Даже мышь съ Рязани, Сива въ сарафанѣ (въ другихъ изданіяхъ въ синемъ сарафанѣ), которая, судя по наряду, вмѣстѣ съ мышами Ермаками (13), мышами Елесьями (12) *) и мышами пѣвчими, шествующими впереди, представляетъ въ процессіи духовный элементъ, — и та горько плачетъ, а сама въ прислѣдку пляшетъ.

5) Въ текстѣ, въ четырехъ мѣстахъ, упоминается о *лаптяхъ*: должно быть, покойникъ особенно интересовался этой отраслью народного богатства. Въ самомъ началѣ картинки, не безъ ироніи замѣчено, что онъ, хотя и *плелъ лапти*, но самъ *носилъ сапоги*; въ самой процессіи: шутъ-мышка Фарносику красный носикъ

№№ 167, 168 и 170 изд. 1881 г. «Р. Н. К.»); въ одной изъ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 34), упоминается спивочка серебряна. Сурна или зурна—труба, которая и до сихъ поръ въ ходу въ Грузіи; сурны и сопелы въ древности употреблялись въ войскахъ и не разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ другомъ переводѣ поставлено: Чурилка сарна чъ въ свирѣлку играетъ. Свирѣль, флейта съ тремя дырочками,—инструментъ, бывшій въ большомъ употребленіи въ шутовскихъ Петровскихъ процессіяхъ. Изъ другихъ музыкальных инструментовъ въ погребеніи упоминается Волинка: это духовой инструментъ,—цѣльный мѣхъ, содранный съ козла или барана, шерстью вверхъ; въ него вставляются четыре трубки: двѣ изъ нихъ вишу, басовыя, составляютъ гармоническій однообразный аккомпаниментъ, — онѣ постоянно открыты, какъ и третья дискантовая, пѣющая равно видъ флейты; на дырочкахъ этой послѣдней волинщикъ перебираетъ пальцами мелодію. Всѣ три трубки двухъ-составныя и настраиваются въ тонъ на каждую пѣсню, посредствомъ ихъ удлинненія или укорачиванія; въ трубкѣ, въ самомъ соединеніи ея съ мѣхомъ, помѣщены язычки, какъ въ кларнетѣ. Въ четвертую трубку волинщикъ постоянно падуваетъ свою волинуку, т. е. наполняетъ ее воздухомъ: волинуку держитъ онъ подъ мышкой, а звуки производятъ, подавливая ее локтемъ, при чемъ воздухъ, проходя въ первыя три трубки, даетъ мелодію и аккомпаниментъ. Въ Малороссіи волинка носитъ названіе Кобзы, а волинщикъ зовется Кобзаремъ. Волинка — національный инструментъ у Шотландцевъ, на югѣ во Франціи, у Итальянцевъ, у которыхъ она устроена сложнѣе нашей; въ настоящее время волинка вывелась изъ употребленія почти повсемѣстно. Балалайка или домра (итальянская Calascione), самая простая, — склеена изъ четырехъ треугольных дощечекъ, съ приделаннымъ къ нимъ грифомъ и ладами; струнъ на русской балалайкѣ три,—бываетъ и двѣ, но рѣдко. Балалаечникъ или мажетъ пальцами взадъ и впередъ по всѣмъ струнамъ разомъ, безъ перемежки, производя (тремя пальцами лѣвой руки) рядъ быстро сдвигующихъ одинъ за другимъ аккордовъ, или же переключиваетъ по струнамъ свою мелодію. На этомъ, до крайности простомъ и незатѣйливомъ, инструментѣ московскій любитель Радвиловъ (въ пятидесятыхъ годахъ) давалъ публичные концерты и извлекалъ изъ трехъ струнъ его—очень полные и пріятные звуки; Радвиловъ игралъ и на однострунной балалайкѣ. Вубецъ или барабанъ упоминается въ карт. № 169.

*) Ссылки на карт. № 170 по изд. 1881 г. «Р. Н. К.».

растоптала *лапти*, ознобила лапки (33); другая мышка, сѣвши на пенёкъ, надувается третій день, *въ новы лапти* обдувается (31); мыши идутъ: одна съ метлой, другая съ ветлой, по пути дорогу *лаптями* устилаютъ, а сами по сторонамъ посикаютъ *).

6) Изъ картинки видно, что похороны были *зимною* и съ музыкой; погребальныя дровни везутъ *восемь мышей*, впереди идутъ пѣвчіе: «съ балчуга старая изъ мучныхъ рядовъ крыса поминаетъ кота Алабрыса, съ Збрысу по *ночной книгѣ* выпѣваютъ и малыя ея дѣти тутъ же съ визгомъ провожаютъ».

7) Наконецъ, изъ заголовка древнѣйшаго экземпляра Котова погребенія видно, что казанскій уроженецъ умеръ въ *сырый* (т. е. зимній) *четвергъ*, въ *шестопятое* число, въ жиловскій шабашъ (№ 219).

Петръ I скончался въ четвергъ сѣраго—зимняго мѣсяца января, съ пятого часа на шестой (въ первой четверти 6-го) или, какъ сказано на картинкѣ, въ шестопятое число. Кромѣ того, мы знаемъ, что въ первый разъ въ Россіи музыка была допущена на похоронахъ Лефортова въ 1698 году; что на похоронахъ Петра I была тоже музыка, и что тѣло его было перевезено на погребальныхъ саняхъ на восьми лошадахъ. (Описаніе порядка, держаннаго при погребеніи Петра Великаго, М. 1726, стр. 24).

Эти существенные признаки, кажется намъ, достаточно указываютъ, что державный покойникъ нашъ—никто иной, какъ славный протоіакоу всешутѣйшаго и всепѣянійшаго собора Пахомъ Михайловъ, — и что самая процессія его погребенія представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью сладко поѣсть, попить и повеселиться. Не онъ ли приходился лютымъ звѣремъ и крокодиломъ, какъ его называютъ рас-

*** Встарину, впереди духовныхъ процессій, шли метельщики и прометали дорогу метлами. Такое метаніе изображено и у Олеарія на картинкѣ: «Eine moscovitische Procession» (Viel-vermehrte moscov. Reis-beschr. Schlesswig 1656, стр. 46). Въ пѣснѣ о Дюкѣ Степанычѣ разсказывается, что когда идетъ его мать, то передъ нею расчищаютъ дорогу сперва лопатники, потомъ метельщики, а затѣмъ уже постельщики постилаютъ сукно (Рыбниковъ, III. 161. 173).

колынки, и — Охтенкѣ, насильно переведенной изъ родного края на Питерское болото, и бѣдному Гренкѣ съ Дона, и Шушерѣ изъ Шлюшина, которыхъ онъ переводилъ, переселялъ, обкладывалъ разными тяжелыми работами и повинностями? Худо пришлось отъ него татарамъ; но зато и дома у него развелось много лазарецкихъ мышей — калѣкъ на костыляхъ, вернувшихся домой съ разныхъ баталій: даже и на похоронахъ одна мышь бьетъ дробь въ будень, — походъ-де будетъ! калѣченныхъ лазарецкихъ мышей ямскія на себѣ везутъ *и прогоновъ не берутъ*, — конечно, потому, что прогоновъ имъ и не платятъ*).

Относительно плетения лаптей мы знаемъ отъ Голикова и Штелина, какую заботу прилагалъ Петръ о распространеніи этого художества у чухонцевъ. «Примѣтя на чухонскихъ мужикахъ весьма худую обувь, спросилъ онъ у одного изъ нихъ: для чего они не столько же хорошо плетутъ лапти, какъ русскіе мужики. И получа отвѣтъ, что они лучше не умѣютъ, приказалъ Монархъ изъ Нижегородской или Казанской губерніи, откуда лучшіе привозятся на продажу лапти, привезть въ Петербургъ шестерыхъ наилучшихъ лапотниковъ, и отправилъ оныхъ въ Выборгскую губернію, повелѣвъ ихъ раздѣлить по уѣздамъ, чтобъ они подъ надзоромъ сельскихъ пасторовъ обучали мужиковъ плести лапти по русскому образцу, и не были бы прежде отпущены, пока чухонцы не выучатся плести оныхъ такъ чисто и прочно, какъ и они; а пасторы должны были всякій мѣсяцъ подавать въ Выборгское правленіе извѣстіе, сколь далеко простерлось тамъ обученіе, и русскіе оные лапотники получали по указу его отъ правленія денежную сумму, изъ коей каждому изъ нихъ давалось по рублю въ

недѣлю кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Штелинъ, мужики во всей Россійской Финляндіи научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошіе лапти, какъ изъ ивы, такъ и изъ липы и другихъ годныхъ лыкъ, и попечительный отецъ отечества достигъ своего намѣренія, научивъ новыхъ своихъ подданныхъ сохранять свои ноги, и предостерегъ тѣмъ жителей сей земли отъ разныхъ, и обыкновенно дотолѣ случавшихся, болѣзней, кои прежде сего всегда происходили отъ худой, яко не защищавшей отъ мокроты ногъ, обуви» (Голиковъ, Дѣянія Петра I, III. 322.—Штелинъ, Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ, 215 и 216) *).

На тождественность Алабрыса со всешутѣйшимъ протодіакономъ указываютъ и другія подробности, разбросанныя въ текстѣ картинки:

8) Дровни тянутъ мыши съ Рязани, а *прозваніемъ они Макары*; Снегиревъ объясняетъ это мѣсто встрѣчей, сдѣланною Петру I въ Рязани: онъ спросилъ одного изъ подававшихъ хлѣбъ-соль — «какъ тебя зовутъ?» — «Макаромъ, надежа Государь», отвѣчалъ тотъ. «Очень хорошо», промолвилъ Петръ; а прочіе, услыхавъ такой отзывъ, подумали, что имя Макарь ему очень понравилось, и на вопросъ его объ ихъ именахъ, всѣ оказались Макарами. — «Будьте же вы всѣ Макарами», приказалъ Петръ; съ того времени Рязанцевъ и стали прозывать Макарами (Луб. карт., стр. 127).

9) Въ процессіи, въ верхнемъ ряду, одна мышь везетъ боченокъ; верхомъ на ней сидитъ другая, маленькая мышь, и куритъ изъ коротенькой голландской трубки, — надъ нею поставлена надпись:

*) Мыши изъ ямской хворыхъ мышей на себѣ везутъ, прогоновъ не берутъ» (26) — указываетъ на недавно еще практиковавшуюся перевозку больныхъ солдатъ и арестантовъ: часовой, сопровождающій больного, завидѣвъ извозчика, останавливаетъ его за воротъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, садится на него съ своимъ больнымъ и ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не попадетъ по дорогѣ другой порожній извозчикъ; такимъ простымъ и бесплатнымъ способомъ оба доставляютъ до мѣста назначенія, конечно, при помощи городскихъ и будочниковъ, помогающихъ часовому придерживать извозчиковъ, которые, завидѣвъ лазарецкую мышь, толпой улепетываютъ въ переулки.

*) Рядомъ съ этими лаптями слѣдуетъ поставить и другое распоряженіе Петра о томъ, чтобы юфть изготовлялась не съ дегтемъ, а съ ворванымъ саломъ; кто же будетъ готовить по-прежнему, того ссылатъ на каторгу (впрочемъ, по истеченіи годового срока). Существуетъ легенда, что Петръ и самъ учился плести лапти, и что сплетенный имъ форменный лапотъ хранился въ числѣ его вещей въ Эрмитажѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — Лапти плетутся, или ковыряются въ порядкѣ: или простой плетейкой, чисто-ковыромъ, или же съ подковыркой, при чемъ подошвы и посокъ подковыриваютъ, т. е. проплетаютъ въ другой разъ; такіе лапти прочнѣе и дороже. На передкѣ или личкѣ, подковырка дѣлается иногда и узорчатая (Кирѣевскій II. 71).

«мышка тянетъ табачишка». Курение табаку въ Россіи было запрещено подъ страхомъ смертной казни указомъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 1634 году, а по Уложенію о наказаніяхъ царя Алексѣя Михайловича курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы (Улож. XXV, гл. 11 и 16). Несмотря на это, *пипухи* и *пропойщики*, занимавшіеся куреніемъ табака, встрѣчались въ народѣ въ людяхъ *всякихъ чиновъ* и, по свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ русскіе были охотники употреблять табакъ, въ особенности курительный, и упивались дымомъ его до обморока. Дозволеніе ввозить (по десяти тысячъ бочекъ въ годъ) травы никоціаны—дано было въ первый разъ Петромъ англійскому маркизу Кармартену въ 1698 году на семь лѣтъ, при чемъ дозволено ему привозить и нѣмецкія никоціанныя трубки, коробочки и другія мелочи къ никоціанскому куренію (Полн. Собр. Зак. № 1628). Затѣмъ указами 1723 и 1727 г. (Полн. Собр. Зак. № 4381, п. 3, и 5164) объявлено было о *вольной продажѣ* табака и даже приказано разводить его въ Россіи повсемѣстно. Раскольники, однакоже, продолжали по-прежнему чуждаться табачнаго зелья, посаженнаго сатаною.

10) Составитель картинки не забылъ прибавить, что у Алабрыса усъ сусастерскій: котовскій усъ (усъ съ уса стерскій, т. е. торчкомъ къ верху стоящій) такой точно, какой носилъ отецъ протодіаконъ, и что одинъ мышенокъ ѣдетъ въ любимой Петромъ одноколкѣ (двухколесной телѣжкѣ), которая до него была запрещена указомъ царя Ѳеодора Алексѣевича (28 декабря 1681 г.).

11) Въ процессіи мыши несутъ, въ мѣшкахъ, студеное кушанье, которое по указу Князя Папы приказано было имѣть всегда готовѣ для всешутѣйшаго собора*).

12) Изъ мышей и крысъ, участвую-

**) Относительно студенаго кушанья, которое мыши несутъ мѣшками, надо припомнить, что всеподающій, всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра I разѣзжалъ постоянно по знатымъ и богатымъ домамъ для пированья; есть указъ князя папы, чтобы для пріема собора хозяева въ убытокъ не входили и ядей никакихъ не готовили, подъ опасеніемъ большаго орла, а держали бы наготовѣ холодныя закуски: хлѣбъ, соль, калачи, пкру, сельдей, окорока,

щихъ въ процессіи, самая высокая по росту изъ всѣхъ, рязанская мышь Сива въ сарафанѣ синемъ,—безспорно представляетъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Мышь съ молотомъ Савка, которая «стучить да хвалить, что пироги ѣсть сладки» (59),—напоминаетъ Савву Рагузинскаго, который на свадьбѣ Зотова былъ одѣтъ въ веницейскомъ платьѣ и игралъ на свирѣлкѣ*). Кого-нибудь да представляютъ и Емелька **) приспѣшникъ (онъ же и могилякъ) и Гренко съ Дону, старая крыса съ Арбата, мышь татарская Оринка, старая мышь Брудия, Дорошка Ерошка ***). Мышь съ шутовскимъ прозваніемъ Оарнось красный носъ, вѣроятно, означаетъ одного изъ шутовъ, до которыхъ Петръ I былъ такой охотникъ. Въ процессіи участвуетъ еще мышь палена, напоминающая старинный обычай выводить мышей: вымазывали мышь саломъ и, подпаливъ ее затѣмъ, выпускали на свободу; говорятъ, что такая паленая мышь выгоняла своимъ запахомъ остальныхъ мышей изъ подполья.

13) Цензура съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія и въ этомъ отношеніи, чутьемъ своимъ, опередила нашихъ изслѣдователей: сперва было исключено ею означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнѣйшемъ переводѣ его погребенія; затѣмъ въ позднѣйшихъ изда-

сухихъ куръ или зайцевъ, сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капусту, яйца и шабашъ (т. е. довольно). «И надъ всѣмъ же симъ превозлюбленные наши вппы, пиво, и медъ, сего что вяще, то намъ угоднѣе будетъ, ибо въ томъ живемъ и не движемся и есть ли или нѣтъ, не вѣдаемъ» (Русская Старина 1872, VIII, 878).

*) Савва Рагузинскій, выходецъ изъ Турціи, былъ сперва тайнымъ агентомъ Россіи въ Константинополѣ; послѣ окончательнаго перешелъ въ Россію, хотя Турки требовали выдачи его. За вѣрное служеніе ему была дана привилегія торговать въ Россіи (Полное Собр. Законовъ IV, 20441), а въ 1712 г. ему отдана на откупъ пристань корабельнаго лѣса въ Архангельскѣ; онъ велъ заграничную торговлю, отправлялъ корабли, имѣлъ конторы, отличался чрезвычайной скупостью и безобразіемъ; былъ старъ, сѣдъ и безъ зубовъ; занимался литературой и переводами (Пекарскій, I, 253).

**) По пѣснямъ, Емелька пошъ ѣхалъ въ потѣдѣ въ пятыхъ саняхъ за Гришкой да Маринкой, гдѣ онъ «крестомъ благословляетъ, а самъ восклицаетъ: ступайте вы, дѣти, въ чужія клятты; если Богъ поможетъ, попа не забудете, если чортъ обрушитъ, попа не клеплетъ» (Кирѣевскій, VIII, 31).

***) Св. Іерофей, епископъ Аѳинскій, извѣстенъ въ народѣ подъ пменемъ Ерофея Офени (Мельниковъ, Вѣстникъ, I, 267). Дорошка-Ерошка напоминаетъ и гетмана Петра Дорофеевича Дорошенку.

ніяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, устроено лѣтнее — на телѣгѣ, и выпущены всѣ мѣста — о вдовѣ чухонкѣ, о Маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ, — которыми переполнена трехлистная картинка *).

Замѣтки наши о котѣ и его погребеніи закончимъ здѣсь однимъ смѣхотворнымъ объявленіемъ, хотя и не относящимся прямо къ нашему предмету, но трактующимъ о Казанскихъ котахъ, которые и въ половинѣ XVIII вѣка пользовались еще особою извѣстностію. Въ 1745 году, Высочайшимъ указомъ приказано было сыскать въ Казани здѣшнихъ породъ кладеныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ для ловленія мышей, и прислать въ Петербургъ. Объ этомъ было сдѣлано объявленіе, съ тѣмъ, что у кого есть такіе коты, чтобъ донести, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, штрафа (Русск. Стар. 1871, 643).

Составитель котова погребенія былъ, навѣрное, раскольникъ, врагъ Петровскихъ нововведеній: въ поѣздѣ, какъ видимъ мы, онъ помѣстилъ и богопротивную Петрову одноколку, запрещенную указомъ 1668 года (ср. № 222), и мышку съ табачишкомъ — за куреніе котораго, еще такъ недавно, рвали ноздри и били кнутомъ, — и чухонскіе лапти, и незачѣмъ придѣлалъ коту богомерзкіе, подбривые котскіе усы. Раскольники имѣли полное право радоваться котову погребенію, потому что этотъ котъ особенно преслѣдовалъ ихъ и ихъ борода; они звали его антихристомъ и лютымъ звѣремъ крокодиломъ, а на картинкѣ «отъ Христа паденіе

222. Веселое гулянье на мышахъ; картина повѣйшаго измышленія, не пьющая никакого отношенія къ Котову погребенію.

антихриста» даже нарисовали этого послѣдняго въ образѣ Петра (№ 223).

223. Отъ Христа паденіе Антихриста.

*) Въ заголовкѣ нашей картинки сказано, что она «небылица въ лицахъ, пайдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обернута въ черныхъ тряпичахъ». Указывая на эту присказку, Снегиревъ замѣчаетъ, что такая оговорка сочинителя не означаетъ ли, со стороны его, опасенія огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда

подобная картинка легко могла довести до застѣнка въ Преображенскомъ или въ ссыльномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него вымучивать па дыбѣ, подѣ ударами кнута, кого именно онъ разумѣлъ подѣ изображеніемъ кота и мышей и съ какимъ умысломъ выдалъ такой пасквиль?» (Дуб. карт., 129).

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть еще нѣсколько такихъ, которыя, безъ всякой натяжки, могутъ быть отнесены къ раскольничьимъ изобрѣтеніямъ того же рода. На двухъ изъ нихъ представлена драка Бабы Яги съ Крокодиломъ (№№ 224—225); драка ихъ, повидимому, происходитъ изъ-за стекляницы вина, которая стоитъ подъ кустомъ. Баба Яга въ чухонскомъ костюмѣ, съ чухонскими вышивками и въ чухонскомъ головномъ уборѣ, а подъ Крокодиломъ представлено любимое дѣтище Петрово — корабликъ; Баба-Яга на 2-й картинкѣ даже нѣсколько напоминаетъ портретъ Екатерины въ обезображенномъ типѣ Моора (въ гравюрѣ Ив.

224. Драка Бабы Яги съ крокодиломъ.

Зубова). На третьей картинкѣ та же Баба Яга пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Четвертая, наконецъ, представляетъ извѣстный эпизодъ Македонской красавицы, которая осѣдлала мудреца и заставила его скакать на четверенькахъ; только въ нашей картинкѣ верхомъ на старикѣ сидитъ не Македонская красавица, а опять — таки — Чухонка въ своемъ народномъ костюмѣ, хотя и съ чалмой на головѣ, да и надпись гласитъ, что это «нѣмка ѣдетъ на старикѣ». Этими-то картинками раскольники отвѣчали Петру на всѣ его шутовскія надѣшныя потѣхи, на безцѣльное преслѣдованіе бороды и установленныя при этомъ пошлину и медаль, которую раскольники

прозвали печатью антихриста *), да на картинку, представляющую цирюльника, собирающагося остричь раскольнику бороду, — эта послѣдняя картинка была сочинена и пущена въ народъ несомнѣнно по приказанію самого «шутѣйшаго прото-діакона».

Побывавъ за границей и насмотрѣвшись на тамошніе порядки, онъ задумалъ завести и у себя Европу, и немедленно приступилъ къ постановкѣ декораций; самъ онъ выбрился еще прежде того, оставивъ одни усы, подобранные снизу, — «усы котцки»

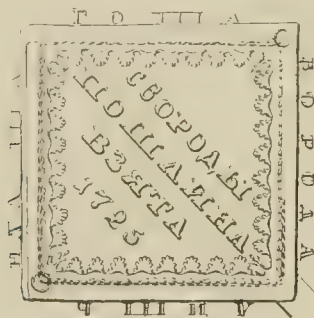

225. Драка Бабы Яги съ крокодиломъ.

(копачи), какъ выражаются старообрядцы. Затѣмъ въ 1705 году вышелъ указъ: всѣмъ въ Москвѣ, кромѣ людей церковнаго чина, носить, съ 1-го января до Пасхи, верхнее платье саксонское, а исподнее, — камзолы, башмаки, и прочее, — нѣмецкое; лѣтомъ же всѣмъ, даже крестьянамъ, носить одежду французскую. Торговцамъ запрещено было дѣлать и продавать русское платье и сапоги и черкес-

*) Этимъ именемъ называлось также въ народѣ клеймо, которымъ въ 1718 г. клеймили въ руку, пакаленнымъ до красна желѣзомъ, рекрутовъ-новобранцевъ, для предупрежденія побѣговъ (Русск. Архивъ 1873, 2296). Такое же клейменіе существовало нѣкоторое время въ арміи Наполеона, а въ новѣйшее время предлагалось въ Англійскомъ парламентѣ для вербуемыхъ въ войска англійскихъ патріотовъ.

скіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно всѣмъ сбрить бороду и усы, при чемъ, однакоже, дозволено отъ этой обязанности откупаться, уплачивая въ казну пошлину отъ 30 до 100 руб. въ годъ, смотря по званію и состоянію (Пекарскій, I. 448). Откупившіе свою бороду обязаны были носить на шеѣ медаль съ изображеніемъ бороды *) (№№ 226—230).

226. Знакъ въ уплатѣ пошлины за бороду.

Простой народъ, а въ особенности раскольники, которымъ при этомъ приказано было записываться въ двойной подушный окладъ, сильно возстали противъ этого нововведенія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывалось оно? — Стоглавъ запрещаетъ брить усы и бороду; бритому покойнику не положено ни пѣть панихидъ, ни хоронить его по христіанскому обряду. По старинному православію, бритье есть ересь, введенная греческимъ царемъ Константиномъ Ковалиномъ (39 и 40 глава Стоглава): ересь эту перенялъ безбожный папа съ своими епископами, въ угодность женщинѣ. Въ словѣ о брадобритіи, приписываемомъ патріарху Адріану, даже упоминается, что въ Вильнѣ новокрестившіеся Антоній, Іоаннъ и Евстафій пострадали за брадобритіе отъ невѣрнаго

*) Изъ памяти 1705 года видно, что Государь указалъ: «впредь усы и бороду брить» на Москвѣ и во всѣхъ городахъ: царедворцамъ, приказнымъ, дворовымъ, гостянымъ, гостинной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ; если же брить усы и бороды не захотятъ, то брать съ нихъ въ годъ: съ царедворцовъ и дворовыхъ приказныхъ—по шестидесяти рублей съ человѣка, съ гостинной сотни отъ 60-ти до 100 рублей, съ посадскихъ, Московскихъ городскихъ жителей и съ перковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, по 30-ти рублей съ человѣка, въ годъ, и давать имъ изъ приказа земскихъ дѣлъ знаки и тѣ знаки имъ на себѣ носить; изъ другихъ городовъ за тѣми знаками прѣзжать въ Москву, а въ Сибирскіе дальніе города и Поморскіе—знаки послать изъ Москвы (Полевой, Русск. Вивлюпка, М. 1833, I. 381).

князя Ольгерда и причтены за это къ лику святыхъ. «Безбородому невозможно и въ царствіе небесное внити!» Борода есть Богомъ данная мужскому полу красота!

И вдругъ, ни съ того ни съ сего, вышелъ указъ, что борода-де лишняя тягота.

227—230. Медали на право пошенія бороды.

Зашевелились наши доморощенные торп, стали записываться въ двойной окладъ и покупать себѣ клеймо антихристово: не могли успокоить ихъ и тогдашніе духовные писатели, пользовавшіеся общимъ почетомъ, какъ, напримѣръ, св. Димитрій Ростовскій, который написалъ по этому случаю трактатъ «объ образѣ и подобіи божіемъ въ человѣцѣ». Аргументы его въ этомъ дѣлѣ не представляютъ дѣйствительной силы: онъ наставляетъ народъ, чтобъ никто не сомнѣвался въ спасеніи своемъ, «понеже они не по своему произволенію обрили свои бороды, а по повелѣнію властей»; тѣхъ же, которые заявляли, что они готовы за бороды свои головы положить,—онъ назидаль благопокоривымъ вопросомъ: что скорѣе отростетъ, борода или голова?—на что получалъ не менѣе убѣдительный отвѣтъ, что де голова никогда не отростетъ, развѣ при общемъ воскресеніи (тамъ же).

На нашей картинкѣ: Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь, тотъ упирается съ словами: «слушай, цирюльникъ, я бороды стричь не хочу, вотъ гляди я на тебя скоро караулъ закричу» (№ 231). Картинка эта сдѣлана, вѣроятно, по приказанію Петра, для осмѣянія раскольниковъ упорства. Упорство это, впрочемъ, не ограни-

231. Цырюльникъ стрижетъ раскольнику бороду.

чилось его царствованіемъ, а продолжалось и послѣ него, такъ что еще при Елизаветѣ Петровнѣ понадобились цѣлыя новыя изданія картинокъ, съ назидательными отвѣтами св. Димитрія Ростовскаго, — о пользѣ брадобритія (№ 232) и рядъ притѣснительныхъ для раскольниковъ указовъ.

Наконецъ, указами 11-го октября и 14-го декабря 1762 г. и 20-го января 1763 г., были отмѣнены — и записываніе раскольниковъ въ двойной окладъ, и рас-

232. Разговоръ св. Димитрія Ростовскаго съ раскольниками о брадахъ.

поряженіе о повсемѣстномъ бритѣ бороды. При дворѣ Екатерины, выдрессированномъ на французскій манеръ, борода конечно была въ полномъ омерзѣніи: всѣ брились гладко; гладко брились и служащіе; въ бородахъ ходили только священники, простонародіе, да купцы. Потомъ, мало по малу, борода стала вторгаться и въ высшія сферы, въ видѣ бакеновъ, эспаньолокъ, маленькой бородки à la française, а въ послѣднее время — и въ видѣ простой окладистой древне-русской бороды лопатой, которую завели на своихъ физиономіяхъ солидные нѣмцы и практическіе англичане, прозвавши ее à la moujik; ну, и мы съ нихъ переняли и очутились съ прежней своей собственной бородой, которую выслали было въ дверь, но которая вернулась къ намъ въ окно изъ-за тридцати земель, и съ заграничнымъ патентомъ.

«А сколько народу перепорчено было за нее попусту!», — говаривалъ старообрядецъ Молошниковъ, знаменитый собиратель древнихъ иконъ въ Москвѣ, — «и гдѣ во всемъ этомъ дѣлѣ виноватый, подумаешь? Вотъ и съ книгами почитай тоже, что съ бородой было; хуже еще гораздо было: были у насъ книги старыя, выправили ихъ при Никонѣ, — немного лучше, немного хуже, что-ли онѣ отъ того стали. — «Молись», говорятъ, по новымъ, — «не хочу по новымъ, отцы по старымъ молились и я тоже». — «Ей, молись! слушай начальство», — «не хочу». — «Молись, не то плохо будетъ», — «готовы пострадать за вѣру», говорятъ Соловецкіе старцы. И вотъ начинается исторія, кто кого перепрямить: осада, кнутъ, пытки, казни, колья, висѣлицы, мученичество; — трудно повѣрить, какіе ужасы и злодѣйства. Но то было при Никонѣ, — урокъ ему былъ хорошій: расколъ только усилился; Петръ не рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ сомнительнымъ мѣрамъ и удовольствовался двойнымъ окладомъ и позорными медалями *). Съ радостію записывались

*) Любопытно, что многіе депутаты Екатерининской комиссіи, выслушавъ жалобу Императрицы на то, что «духовенство пропѣнуто духомъ гоненія на раскольниковъ», предложили очень простое средство: всѣхъ зломыслящихъ раскольниковъ «петрѣбить, а явочныхъ немедленно обратить въ православіе».

раскольники въ двойной окладъ и покупали себѣ антихристово клеймо, которое избавляло ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. Петровская картинка съ цирюльникомъ—въ ходъ не пошла и повтореній не имѣла, а время показало, насколько онъ былъ не правъ въ этомъ дѣлѣ, даже смотря на него съ современной ему точки зрѣнія. Мы можемъ смѣло говорить объ этомъ несчастномъ прошедшемъ для нашихъ братьевъ старообрядцевъ. Въ наше время уже признано, что старообрядцы представляютъ коренной русскій народъ, чистый и крѣпко сплоченный матеріалъ для обрусѣнія нашихъ окраинъ. Уже новые порядки перестали насиловать ихъ совѣсть и, можетъ быть, недалеко то время, когда и своимъ, русскимъ отщепенцамъ, будетъ дозволено, наравнѣ съ иностраннымъ сектаторами Турками и Евреями, молиться, какъ кому Богъ положить на сердце—по старому или по новому,—всѣ, вѣдь, одной родины дѣти, всѣ одного Царя подданные *).

За то, какъ и ненавидѣлъ народъ старой вѣры своего преслѣдователя, называя его антихристомъ и крокодиломъ; съ какою радостію проводилъ онъ его на вѣчный покой, и, несмотря на страхъ кнута и пытки, сочинилъ ему шутовскую литію съ мышами, которая держалась въ народѣ полтора ста лѣтъ пользовалась какъ мы уже замѣтили выше, особеннымъ почетомъ и любовью его, и выдержала безчисленное множество изданій.

Въ народныхъ картинкахъ есть довольно большое число повѣстей и рассказовъ скоромнаго содержанія. Макароническіе сюжеты были всегда въ большомъ ходу въ нашей рукописной литературѣ, въ видѣ жартовъ и фацецій, по большей части переводныхъ; отсюда они перешли и въ наши народныя картинки. По этой части, есть въ нихъ: рассказы Боккачьевскаго Декамерона о томъ, какъ жена отъ мужа къ любовнику бѣгала и мертвой притворялась, когда онъ ее назадъ въ домъ не пускалъ. Другіе подобные же рассказы, о женатомъ волокитѣ и о женской развѣянности; о томъ, какъ одинъ шутъ доста-

* Это было писано въ 1881 году: съ тѣхъ поръ въ дѣлѣ этомъ многое измѣнилось.

вилъ возможность нѣкому купцу, влюбившемуся въ трактирщику жену, облюбить ее въ присутствіи мужа,—онъ подержалъ съ трактирщикомъ пари на 25 червонцевъ, что тотъ не проглядитъ въ окно полчаса, не обернувшись назадъ; трактирщикъ выигралъ пари, несмотря на то, что шутъ ему кричалъ, что жена обманываетъ его, а купецъ покончилъ между тѣмъ свое дѣло съ трактирщицей. Затѣмъ—сатиры на женскую невѣрность: терпѣливый отецъ, который «съ рогами родился, чтобы всякъ тому дивился, умножившемуся его плоду чудился» (№ 223); высо-

233. Терпѣливый отецъ.

кая прическа жены, которой мужъ позволяетъ гулять съ посторонними, и тѣмъ домъ свой въ порядкѣ содержать; рогоносцы—рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ; снѣжный ребенокъ, лукавая жена, невѣрная жена и, наконецъ, повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Далѣе—сатиры на похотливыхъ стариковъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, старикъ на колѣнахъ у молодой, молодая нѣмка кормитъ стараго нѣмца соской. Макароническія картинки, трактующія о женскомъ распутствѣ: охотникъ и пастушка, которая «за деньги со всѣми не дика,—любить готова хоть быка»; панъ Трыкъ—полна пазуха лыкъ, и неусыпаю-

XXI. ТАРАСЪ ПЛЪШИВЫЙ.

37.

XX. БАБА ЯГА СЪ ПЛЪШИВЫМЪ МУНИКОМЪ.

39.

XX. ЖЕНСКАЯ БАНЯ.

47.

ица дама Херсоня; двѣ молодки на одного молодца, угощеніе яблоками, блинница. Французскія скандальныя картинки: «мужъ спрашивалъ жену» и «горюетъ дѣвушка»; съ виршами Сумарокова (№№ 234—235).

Мужъ слышася жѣны. Женое дѣлать дѣло:
каждо ужиныте сперва. Жѣны ево займать,
женѣ ему нато — ты самъ изъполъ изъбравъ,
носу ево еще идишь, жѣны ево неслело,
ишюльки кѣму сѣла. —

Литовско-сумароковъ

234.

Потомъ — дурачкія персоны Фарноса и Говноса, упражняющихся въ стрѣляніи легкимъ пороховъ; женская баня, Еремушка и бабушка, точильщикъ носовъ, медвѣдь и баба: помѣха въ любви нѣко-

Некій человекъ ухаживалъ любовною похвалою. Желаніе прѣла
бещая драгой презентъ подарить. Алкоголемъ всегда ее благодѣ
которая склонилась къ его воли. Жѣны ево желаніе учить дозвол
Что онъ слышася вѣсно благодарилъ. Испочтенъ любовію ево посл
Дѣла ево было дѣло изъ рѣшати: сѣя же Завѣдѣти. ижно вѣ
Зату являшеся человекъ подлинно: учивъ прѣло, сѣя волю. Дѣла
волю крепко заступилъ. ишюльки ево то заступилъ, чѣво
онъ испушася сѣло отпущилъ. Итого бориню сѣло стѣлну
которая капалъ вѣло. Подлинно хвору носѣ стѣла. чѣво онъ нем
люди вѣла ишюльки спали. Ишюльки сѣла.

236—237. Помѣха въ любви нѣкому господину, который расположился было забавлять свою даму.

торому господину, который расположился было забавлять свою даму и былъ прерванъ въ своемъ занятіи нахаломъ, посту- чавшимъ ему въ окошко (№№ 236—237); Тарасъ плѣшивый, которому три молодыя

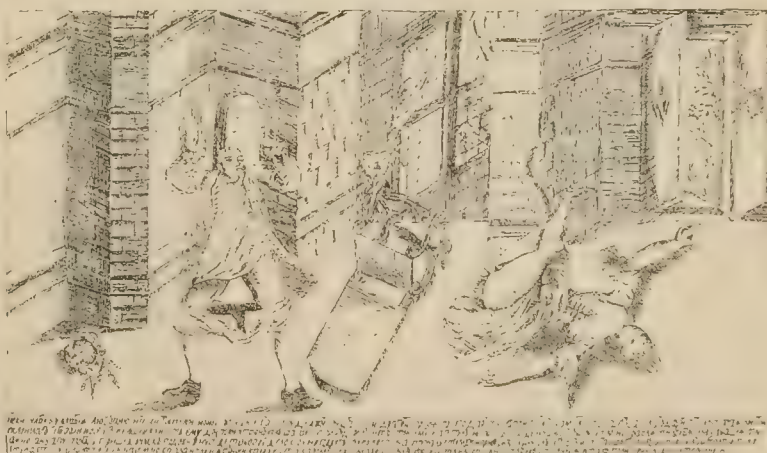

Горюетъ девушка: горюетъ донъ иноу, —
жаноа горя сѣя: жроду небѣло! —
дѣа другини нѣлутъ еѣ одного тѣя жѣло.
жѣрой сѣя мой лѣны, однимъ будѣ добока.
Утѣшало еѣ мѣла дѣцѣ.

Литовско-сумароковъ

235.

жены совѣтовали для нарощенія волосъ помачивать плѣшь женскою уливою, и который остроумно отвѣчалъ имъ: «се уже сорокъ лѣтъ свою плѣшь уливою женскою полощу, а волосовъ на ней не нарощу»; рассказъ о томъ, какъ безстыдный пришелъ въ трактиръ и всякими нахальствами отбилъ другихъ — и отъ ужина, и отъ мягкой постели, а вдобавокъ еще на-

Некій человекъ ухаживалъ любовною похвалою. Желаніе прѣла
бещая драгой презентъ подарить. Алкоголемъ всегда ее благодѣ
которая склонилась къ его воли. Жѣны ево желаніе учить дозвол
Что онъ слышася вѣсно благодарилъ. Испочтенъ любовію ево посл
Дѣла ево было дѣло изъ рѣшати: сѣя же Завѣдѣти. ижно вѣ
Зату являшеся человекъ подлинно: учивъ прѣло, сѣя волю. Дѣла
волю крепко заступилъ. ишюльки ево то заступилъ, чѣво
онъ испушася сѣло отпущилъ. Итого бориню сѣло стѣлну
которая капалъ вѣло. Подлинно хвору носѣ стѣла. чѣво онъ нем
люди вѣла ишюльки спали. Ишюльки сѣла.

дѣлалъ тамъ всякихъ пакостей, и, наконецъ, 12 циническихъ картинокъ, подъ названіемъ: «гадательный способъ для увеселенія».

Разсказы и вирши для этихъ картинокъ заимствованы не только изъ иностранныхъ жарновъ и факцій, но и изъ твореній русскихъ писателей: Измайлова, Сумарокова и пресловутаго письмовника нашего доморощоннаго Вольтера, профессора Курганова. Первое изданіе этого письмовника было выпущено въ 1769 г. подъ названіемъ Энциклопедическаго сборника по части науки и литературы. Книга Курганова имѣла такой успѣхъ, что изданія ея слѣдовали одно за другимъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ и, подобно народнымъ картинкамъ, исчезали въ народѣ отъ употребленія и времени. Въ первой части этого письмовника помѣщены: граматика, сборъ пословицъ, разные анекдоты, шутки, повѣсти, апофеизмы, свѣдѣнія о навигаціи, геральдикѣ и міѳологіи; во второй: собранія разныхъ стихотвореній и идиллій; сонеты, рондо, мадригалы, притчи; всеобщій чертежъ наукъ и художествъ; свѣдѣнія объ исторіи священной, свѣтской и естественной, о философіи; правоученія, историческіе анекдоты, словарь разноречивый, мелкія статьи и «забавное веществословіе». Это забавное веществословіе письмовника весьма скоромнаго приготовленія, и цѣликомъ перешло во многія народныя картинки.

Перечисляя картинки макароническаго содержанія, прибавлю, что макароническими присказками и прибавками приправлены и посолены тексты почти всѣхъ старыхъ картинокъ,—встрѣтишь ихъ подчасъ и тамъ, гдѣ совершенно не ожидаешь, какъ, напримѣръ: въ реэстрѣ о дамахъ, въ погребеніи кота мышами, въ портретѣ самого кота и несчетномъ множествѣ другихъ листовъ. Въ большинствѣ случаевъ это ни что иное, какъ прибаутки или присказки, которыми приправленъ текстъ народныхъ картинокъ, точно также, какъ и текстъ народныхъ былинъ,—для возбужденія большаго вниманія со стороны слушателя. Въ этихъ прибаут-

кахъ нѣтъ ничего такого, что бы могло оскорбить народную нравственность: онѣ только возбуждаютъ въ зрителѣ добродушный и здоровый смѣхъ, и въ сущности никогда не достигаютъ смѣлости французскаго буффа, въ которомъ выводятся тѣ же Фарносы и Говносы, только въ бѣлыхъ перчаткахъ, и говорятъ на сценѣ вещи почище и попоικантнѣе нашихъ дураковъ; конечно, они говорятъ ихъ на своемъ иностранномъ языкѣ, а не на нашемъ простонародномъ.

Замѣчу еще, мимоходомъ, что все это, простонародное, издавна въ высшемъ служиломъ обществѣ нашемъ считалось подлымъ, точно такъ, какъ и простой народъ въ документахъ XVIII вѣка постоянно назывался подлымъ. Тредьяковскій и Сумароковъ считали подлыми даже всѣ народныя пѣсни, а Кантемиръ и Барковъ признавали народныя картинки негодными и гнусными. Сатирикъ Кантемиръ, не безъ нѣкотораго самоуваженія, замѣчаетъ, что твореніе его: «гнусно не будетъ лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или Ершемъ», а Сумароковъ, въ эпистолѣ о русскомъ языкѣ, обращается къ бездарнымъ писателямъ съ такими словами:

«Лишь только ты склады немножко получи:
Изволь писать Бову, Петра златы ключи».

Эти чопорные господа, въ большинствѣ сами вышедшіе изъ «подлаго» народа, никакъ не могли вообразить, что Ершъ, Бова и Петръ златыя ключи переживутъ ихъ безсмертныя творенія.

Иначе взглянулъ на это дѣло нашъ первый народный поэтъ Пушкинъ: въ одномъ изъ путешествій пришлось ему увидѣть на стѣнахъ станціонной комнаты картинки погребенія кота и споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ; онъ тотчасъ же замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что «картинки эти заслуживаютъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, вниманія образованнаго чело-вѣка» (Собр. сочин., СПб., 1871, V. 114 *).

*) Лермонтовъ тоже думалъ отыскать образцы русской поэзіи въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ (Сочин., СПб. 1873, I. XL).

Подъ этимъ впечатлѣніемъ написано было имъ нѣсколько русскихъ сказокъ и цѣлая поэма «Русланъ и Людмила». Можно представить себѣ, какой переполохъ сдѣлало появленіе этой поэмы и сказокъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. — «Возможно ли просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу», голосилъ въ ужасѣ фешенебельный критикъ «Вѣстника Европы». «Картинка достойная Кириши-Данилова... Если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: «здорово ребята!»... и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ *) (№ 11, 1820 г.). Такихъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, — члены ученыхъ обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ Общество любителей россійской словесности свою

*) Это не въ бровь, а въ глазъ тогдашнимъ Славянофиламъ, которые парякались въ псевдо-народные костюмы, и въ противоположность Западнякамъ ставили все народное на ходули.

статью о лубочныхъ картинкахъ, то «нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались», можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ Обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней, — вмѣсто лубочныхъ картинъ, сказать, просто народные изображенія. Такъ и напечатано было въ Трудахъ Общества (Снегиревъ, Лубочн. карт., стр. 1).

Въ послѣднее время, по примѣру Западной Европы, «жизнь и наука стали вводить народность — въ ея законныя права и у насъ: теперь къ произведеніямъ народнаго слова начинаютъ у насъ относиться, какъ къ богатому матеріалу для изученія прошедшаго и настоящаго русскаго народа, безъ страха оскорбить принятыя приличія уясненіемъ его истинныхъ міровоззрѣній или потревожить религіозное чувство образованнаго читателя смѣшеніемъ духовныхъ вещей съ простонародными». **)

**) Тихомировъ, 33-е присужденіе Демидовскихъ наградъ, СПб. 1865

Заканчивая печатаніемъ I-й выпускъ посмертнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго, переработанный имъ въ послѣдній годъ жизни изъ V и отчасти IV тома его перваго изданія „Русскихъ Народныхъ Картинокъ“ 1881 г., считаю необходимымъ оговорить здѣсь, что, по смерти моего незабвеннаго друга, въ его письменномъ столѣ нашлась записка, уполномочивавшая меня выдать это изданіе въ свѣтъ, окончивъ въ немъ то, чего тамъ недоставало.

Сентябрь 1900 г.

Н. Собко.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. А. РОВИНСКІЙ

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

ПЕЧАТАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Н. П. СОБКО

II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Р. Голике
1900

С ПЕТЕРБУРГЪ

ОПЧАДЪ Т. ГОУНЕР СПАСКАЯ УЛ., 17.

1901

Русскія Народныя Картинки.

II.

VIII.

Легенды. Страшный судъ и адскія мученія. Сказанія о борьбѣ жизни съ смертію: зеркало грѣшника; возрастъ человѣческой; борьба жизни съ смертію.—Синодики и поминальце мертвыхъ.—Страсти Господни; крестное древо.—Образъ нерукотвореннаго Спаса.—Легенды о Богородицѣ. Иконы различныхъ явленій ея: Троеручица, Иверская и нѣк. др.—Житія святыхъ. Крайняя простота и краткость ихъ. Чудеса. Легенды о св. Герасимѣ, Петрѣ Афонскомъ, Минѣ мученикѣ, Петрѣ мытарѣ, Евстафіѣ Плакидѣ и Маріи Египетской. Сказанія о дьяволѣ. Покаяніе нѣкоего князя въ церкви. О бѣсѣ Зереферѣ. Совокупленіе бѣсовъ съ женщинами. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи.—Легенды разнаго содержанія

Отдѣлъ легендъ въ народныхъ картинахъ нашихъ несравненно любопытнѣе и полнѣе отдѣла сказокъ и повѣстей. Въ настоящемъ обзорѣ легенды раздѣлены на восемь разрядовъ, по предметамъ: 1-й легенды о страшномъ судѣ, о борьбѣ жизни со смертію, о мукахъ въ будущемъ мірѣ и о тѣхъ средствахъ, которыми можно отъ нихъ избавиться; 2-й — Страсти Господни; 3-й — легенды о Богородицѣ, какъ заступницѣ рода человѣческаго; 4-й — житія святыхъ; 5-й — цѣлый сборникъ сказаній о дьяволѣ; 6-й — не менѣе многочисленныя сборники сочиненій о женскихъ злобахъ; 7-й — легенды о пьянствѣ, и 8-й — легенды разнаго содержанія.

По словамъ лѣтописца, образъ страшнаго суда занесенъ къ намъ еще въ X вѣкѣ: когда великій князь Владиміръ испытывалъ разныя вѣры, и греческій философъ *) старался отвратить его отъ болгарской вѣры, говоря, что Болгары

«уподобились Содому и Гоморѣ и омывають оводы своя, въ ротъ вливають и по брадѣ мажутся..., что жены ихъ творятъ ту же скверность и оною пище, отъ совокупленія мужьска и женьска вкушаютъ» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 36), — то при этомъ философъ показывалъ Владиміру «запону, на ней же бѣ написано судище Господне» (Полн. Собр. Лѣтоп., Лавр., 45.—Русск. Времен. I, 31) *).

Мысль о близости второго пришествія Христова и о кончинѣ міра, бывшая въ ходу еще въ концѣ IX-го вѣка, возобновилась съ особенною силою въ исходѣ XIII вѣка Индиктіона и въ началѣ осьмой тысячи отъ сотворенія міра, въ 1492 году. Полтора вѣка спустя, въ 1666 году, суевѣры стали ждать конца міра, въ которомъ они видѣли звѣриное число 666 и мнимое явленіе Антихриста въ

*) По словамъ Строгановскаго подлинника, это былъ Меодій Моравскій, братъ Константина Философа (Буслаевъ, Очерки, II. 57); икона же, которую онъ показывалъ в. к. Владиміру, была написана имъ самимъ.

*) Въ концѣ XII вѣка св. Авраамій Смоленскій, духовный писатель и иконописецъ, написалъ образъ страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ (Четьи Минеи, Августъ); а въ 1399 году подобный же образъ былъ присланъ Тверскому велик. князю Мхлану Александровичу отъ Царьградскаго патріарха (Софійск. Времен. II. 42).

Иерусалимъ (Снегиревъ, Лубоч. Картинки, 40) *).

Въ это смутное время составлено множество различныхъ переводовъ и цѣлыхъ книгъ съ миниатюрными изображеніями страшнаго суда по видѣніямъ Григорія, ученика Василия Новаго; изображенія мытарствъ по сказанію св. Θεодоры; хожденіе Богородицы по мукамъ; слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христа, со множествомъ миниатюръ; толковый Апокалипсисъ въ лицахъ и притчи для Синодика, относящіяся тоже къ мытарствамъ **). Въ особенности же рукописи этого рода размножились въ XVIII и XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ уни, въ которой принято католическое ученіе о мытарствахъ души человѣческой послѣ смерти. Лицевые Апокалипсисы въ нашихъ народныхъ картинкахъ, — одинъ работы Прокопія, половины XVII вѣка, другой работы Кореня, конца того же вѣка, — заимствованы уже прямо изъ голландской Библии Пискатора.

По правиламъ иконописнаго подлинника, Страшный Судъ писался въ церквахъ на западной стѣнѣ; особенно полные переводы его можно видѣть въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Успенскомъ соборѣ. Переводы эти почти вполне сходны съ переводомъ народныхъ из-

*) Развѣтіе ученія о концѣ міра замѣтно еще у Евреевъ со времени плѣна Вавилонскаго; самое же начало этого ученія находится въ канонической книгѣ пророка Даниїла, написанной во время плѣненія Вавилонскаго. Книга эта и сдѣлалась петочникомъ апокалипсическихъ плей; подъ вліяніемъ ея составлена была другая подобная же книга Эноха. Конецъ міра предсказывается тоже и по индійскимъ источникамъ. Признаки индійскаго послѣдняго времени будутъ слѣдующіе: между людьми, одни будутъ исполнять святыя законы единственно изъ послушанія, въ той апатіи, которая ставитъ всѣхъ въ одинъ уровень; другіе, одержимые духомъ пылливости, будутъ съ жаромъ предаваться размышленіямъ; третьи, въ самообольщеніи отъ своей мудрости, станутъ отвергать все, что не можетъ быть доказано путемъ философіи и анализа...; будутъ такіе, которые съ гордостью скажутъ, что они ничему не вѣрятъ и не признаютъ никакихъ обязанностей. Тогда увидимъ мы глупцовъ и безумцевъ, одѣтыхъ въ докторскія мантии (Harivansa, trad. par M. Langlois. Paris 1835, II. 281). По увѣренію нашихъ раскольниковъ, предпослѣдніе дни міра сего ознаменуются тѣмъ, что въ каждомъ домѣ будетъ кипящій змѣй, спрыснутъ самоваръ (Гильтебрандтъ, Древн. и Нов. Россія 1877, Іюль, 181).

**) Къ этому же разряду относится и такъ называемый Іерусалимскій свитокъ, заключающій въ себѣ разныя угрозы противъ грѣшниковъ. По преданію, въ церкви Іерусалимской упалъ съ неба камень, который раскололся при этомъ на двое: изъ него и вывалился означенный свитокъ (Кушелевъ, Памяти, III. 150).

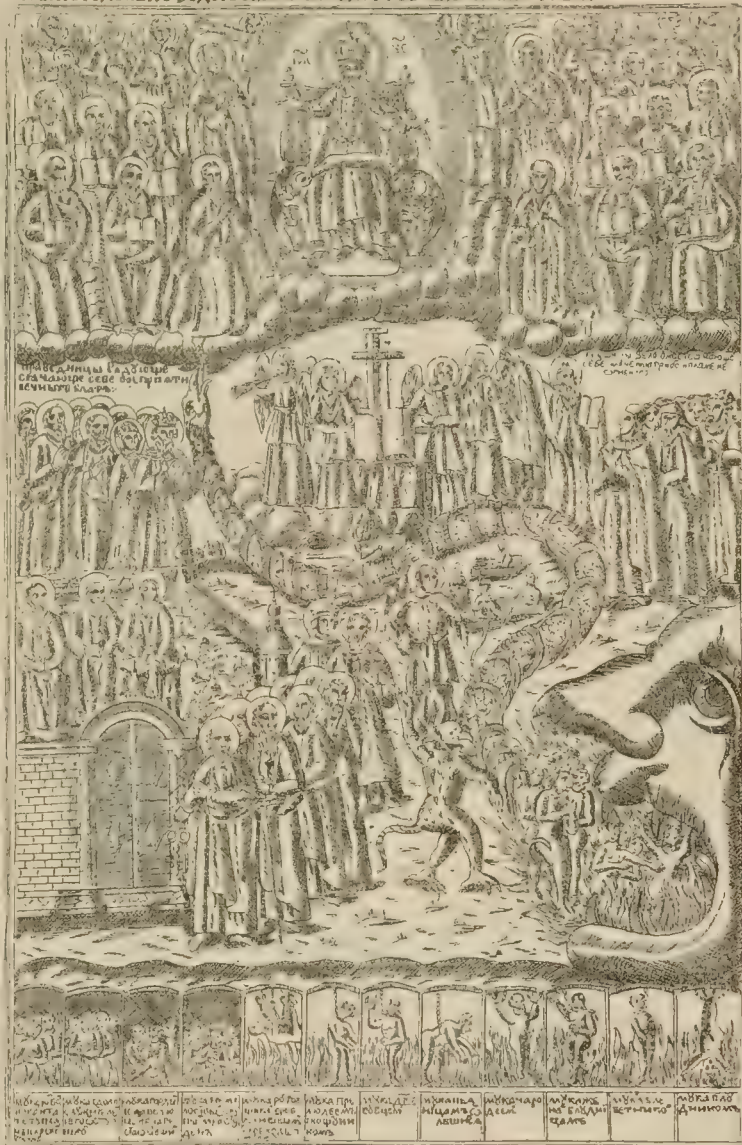
даній Страшнаго Суда (№ 238). Въ верхней части картины представленъ Господь Саваоѣ, окруженный херувимами; слѣва — городъ Іерусалимъ, а справа — Св. Троица. Страшный Судъ происходитъ въ средней части картины. Здѣсь стоитъ на землѣ грозный судья Христосъ и ходатаи за челоуѣковъ: Богоматерь и Іоаннъ Предтеча; изъ облака вышла рука, держащая вѣсы; около нихъ стоитъ душа праведнаго — дѣла ея взвѣшиваются; два чертенка силятся перетянуть правую чашу вѣсовъ, но ангелъ отгоняетъ ихъ копьемъ. Слева — ликъ праведныхъ; въ срединѣ — рыбы, птицы, вода и земля отдають съѣденныя ими тѣлеса челоуѣческія; тутъ же представлены четыре проклятыя царства: Вавилонское, Перское и Мидійское, въ видѣ звѣрей, и Римское, въ видѣ крылатаго звѣря антихриста; тутъ же стоитъ, привязанный къ столбу, блудникъ, который представляетъ олицетвореніе католическаго чистилища: «милостыни ради онъ избавленъ вѣчныя муки, а блуда ради лишенъ вѣчныя жизни». Слева (отъ Спасителя по правую руку) представленъ рай съ праотцами, а всю нижнюю часть занимаетъ адъ; въ огненной пасти его сплдитъ самъ сатана, а на колѣняхъ у него Іуда предатель, съ кошелькомъ въ рукахъ. Сатана волочитъ въ адъ цѣлый рои грѣшниковъ: здѣсь и земледѣльцы, которые воскресные дни не почитали и всякую работу работали, и женскіи полъ за чары и за безчиное убѣленіе лицъ; цари и князья, которые неправо господствовали надъ своими подданными; судьи неправые, Жидаы и Агаряне, Литва, несъи главы, Турцы, Нѣмцы, Ляхи, Русь и т. д. Чрезъ всѣхъ ихъ, изъ трубы ангела, изливается въ адову пасть огненная рѣка; изъ этой же пасти исходитъ громадный змѣй, извивающійся по всей картинкѣ; на кольцахъ этого змѣя написаны названія разныхъ грѣховъ: ярость, чревоуѣсіе, блудъ, малакія, плясаніе и т. д. Въ самомъ низу картинки — полоса, въ которой, въ четырнадцати отдѣленіяхъ, представлены спеціальныя мученія разныхъ грѣшниковъ въ аду: согласно съ подлинникомъ XVII вѣка, клеветники повѣшены за языки, а плясуны за пупъ; лихоимцамъ бѣсы серебро въ гор-

ло лютуютъ, а они «нехотятъ пити и бѣсы ихъ шелепами быють; а который человекъ блудъ творить съ попадьями и сестрами и съ старницами и съ просвирницами и съ кумами, и не покается, — и того человека бѣсы за хребетъ повѣсили» *). По этому же подлиннику, на иконѣ Страшнаго Суда изображаются — убіеніе Авеля и мохнатый бѣсъ, раскидывающій на людей красные цвѣты: на которомъ цвѣтъ прилипнетъ, тотъ «стоючи въ церкви о зломъ дѣлѣ мыслить». Далѣе и правда кривду стрѣляетъ, «и кривда паде со страхомъ», да два круга: въ одномъ Христосъ въ видѣ единорога, а въ другомъ — Христосъ убилъ царство «Антихристово». Всѣхъ этихъ прибавленій въ народномъ изданіи Страшнаго Суда не включено, а послѣдній эпизодъ объ антихристѣ послужилъ къ составленію отдѣльной картинки, носящей названіе: «отъ Христа паденіе антихриста» **).

Древнее сказаніе о борьбѣ жизни съ смертію было въ большомъ ходу на Западѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ, подъ новымъ названіемъ «пляски смерти». Скульпторы и живописцы помѣщали изображенія изъ этой пляски на стѣнахъ кладбищъ и въ церквахъ. Въ XVI вѣкѣ различныя пляски смерти были неоднократно гравированы на деревянныхъ доскахъ, и распространялись въ народѣ въ большомъ числѣ изданій. Са-

мая замѣчательная изъ нихъ была выгравирована Лютцербюргеромъ съ 53 ри-

СВѢТСТАШНАГО СЪДЛАБОЖНА ВТОРАГО ХЕТОКА ПИШЕСТВНА

238. Страшный судъ, картинка XVIII вѣка.

*) Въ хожденіи Богородицы по мукамъ, не вошедшемъ въ народныя картинки, помѣщены описанія другихъ специальныхъ мученій: «въ огненномъ облакѣ, на пламенныхъ одрахъ лежали мужи и жены, которые въ святую недѣлю не ходили къ заутрени, а лѣпились и спали; тутъ же на столахъ огненныхъ горѣло множество людей, которые не почитали поповъ; на крюкахъ повѣшены были клеветники и сводники и мужъ, который людей евангелію училъ, а самъ блудно жилъ; далѣе висѣли попы, которые продавали утварь церковную, которые при совершеніи литургій роняли на землю крупицы отъ просвиръ, и мучились огнемъ попадьи, которые не почитали своихъ поповъ; черницы, которые продавали тѣлеса свои на блудъ». На эту же тему есть картинка «изображеніе и описаніе того, какъ св. Феодора проходила 20 воздушныхъ мытарствъ».

**) Объ этомъ антихристѣ существуетъ у старовѣровъ большой отдѣлъ литературы; о собенно полное собраніе книгъ по этой части находится въ бібліотекахъ Хлудова

и Барсова. Старовѣры считают наше муропомазаніе паломніемъ антихристовой печати, а Петра I-го антихристомъ. Впрочемъ, каждая вѣра видитъ всѣ совершенства въ себѣ одной, и себѣ только бережетъ мѣсто въ раю, а всѣмъ прочимъ сулитъ адское некло. Затѣмъ каждая вѣра отыскиваетъ себѣ и своего антихриста: протестанты видятъ антихриста въ Папѣ римской церкви, католики въ Лютерѣ и Кальвинѣ, а наши безпоповцы — въ православномъ духовенствѣ и въ своемъ преслѣдователѣ Петрѣ I-мъ; іудеи сперва сочли Магомета за Мессію, а потомъ, за преслѣдованіе христіанъ, возвели его въ антихриста; покорители Константинополя, въ свою очередь, считали христіанъ идолопоклонниками. По древнимъ сказаніямъ, антихристъ будетъ человекъ чистоты необыкновенной, словомъ 2-й Христосъ, такъ что его изберутъ (какъ и Папу Сикста V) царемъ; но тутъ-то онъ и покажетъ себя тѣмъ, что начнетъ все жесть и преслѣдовать и возстановитъ Римъ. Число антихристово 666 (Певоструевъ, Слово св. Ипполита).

сунковъ знаменитаго нѣмецкаго живописца Гольбейна. Смерть представлена здѣсь, въ каждомъ рисункѣ, попарно съ людьми разнаго пола и состоянія, — всѣхъ тащить она безжалостно на тотъ свѣтъ: молодую дѣвушку отъ жениха, ребенка отъ матери, — и полуживого старика, и полную жизни юность; обжорѣ смерть наливаетъ въ горло вино, у богача вытаскиваетъ мѣшокъ съ деньгами; дерется съ воиномъ и разбойникомъ, топить корабли и, весело, съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками, забираетъ въ свое царство царей, нищихъ, монаховъ и монахинь, неправедныхъ судей, глупыхъ и мудрецовъ, уродовъ и красавицъ, пона и епископа, — никому нѣтъ отъ нея пощады.

Въ нашей старинной литературѣ сказанія о «преніи живота съ смертію» встрѣ-

ЧЛОВѢКЪ СМЕРТИ ПОДЪВЕРЖЕНЪ			
ОУСЕНЬ	ЩА	ПРЯМА	МАТОН
ГРѢХЪ	ПОЖЕЛЪ	БѢСА	САШЪ
БРАКА	БЕЗЪ	ЛЮБИ	БЛИНЦЪ
ЖЕЛАН	БЛАДА	ЖЕНЪ	НИНАША
ТѢЛЕСНОЕ	СНАБДЪ	ЛЮБИ	ВЛАСНОЕ
ЩЕПЪ	БАЛГА	МАТИНЪ	ВЛАШЕВО
ЧЛОВѢКЪ АФЕОА ДВАДЦАТЬ ЗАПОВѢДЕЙ ІОХАННІШ ТО Й... БЫТІЮДА ЦИТЪ ВСНБНОЕ ПОЛѢЧШИ.			

239. О преніи «живота со смертію».

которая пришла звать на тотъ свѣтъ богача, съ виршами:

«О, смерти, нѣсть отъ обороны,
Яко отъемлешь у царей короны.
Скрыта бо твоя труба и коса,
Ты же бо ходишь нага и боса».

Кромѣ этихъ двухъ картинокъ, съ мудрецомъ и богачемъ, есть много другихъ, въ которыхъ смерть приходитъ за грѣшникомъ, безъ обозначенія при этомъ кто онъ: богачъ или бѣднякъ, царь или нищій, — и, наконецъ, представлена въ видѣ угрозы, напримѣръ, на одной изъ карти-

нокъ Синодика и на большой картинѣ, гравированной Нехорошевымъ, гдѣ говорится о суетѣ мірской въ слѣдующихъ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ четверостишіямъ Гольбейновской пляски смерти: «гдѣ нынѣ князи играющіе съ небесными птицами, звѣрьми и зайцами; гдѣ славные цари и мучители, горделивые гетманы; гдѣ сластолюбцы, гдѣ роскошники и богатые; гдѣ красота и сила... гдѣ дозрѣлая старость и цвѣтъ прекрасной юности?.. — всѣхъ подѣла ты, безжалостная смерть; всѣхъ посѣкла мечемъ своимъ. Смерть мудрая власть и гордость сломляетъ и славу и богатство нищетою понируетъ».

Къ этому же разряду принадлежатъ картинки, изображающія — Возрастъ человѣческой (№ 240), Зерцало грѣшнаго и, наконецъ, Аннику воина и смерть; всѣ онѣ пользовались въ народѣ большимъ почетомъ и расходились въ безчисленномъ множествѣ. Въ Возрастѣ человеческомъ представлены въ лицахъ разныя ступени человѣческой жизни, раздѣленныя на семь періодовъ жизни: новорожденный, юноша, мужъ совершенъ, средовѣченъ, сѣдина, старость и окончаніе жизни; а въ другой — на десять седмицъ, — отъ рожденія до 70 лѣтъ, съ указаніемъ: «и нынче вспомнимъ аилы пророки и царя Давыда, что вѣкъ человѣку 70 летъ и вселу 80 летъ и будетъ ему трудъ и болезнь и накажется».

Зерцало грѣшнаго имѣло множество совершенно различныхъ переводовъ, начиная отъ картинки, вошедшей въ составъ Синодика (1746 и 1799, л. 38), и до картинки, изданной Амстердамскимъ типографомъ Иваномъ Тессингомъ, около 1700 года (№ 241). Эта послѣдняя картинка, перегнутая въ нѣсколько полосъ, заключаетъ въ себѣ рядъ изображеній изъ жизни человѣка, — отъ его младенчества и до смерти. Тутъ представлены: и ребенокъ, сидящій подъ яблонею, и грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ, и распятый Искупитель, — «Симъ молитву дѣетъ, Хамъ пшеницу сѣетъ, Аfetъ власть имѣетъ, смерть всѣмъ владѣетъ». Въ самой срединѣ представлены кавалеръ въ кафтанѣ и дама въ богатомъ уборѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Дама говоритъ кавалеру: «аще

151 (a)

XXIV. АНИКА ВОИНЪ И СМЕРТЬ. — ПРИТЧА О БОГАТОМЪ И УБОГОМЪ ЛАЗАРЬ, XXV И XXVI.

240. «Возрасть челоѣческій».

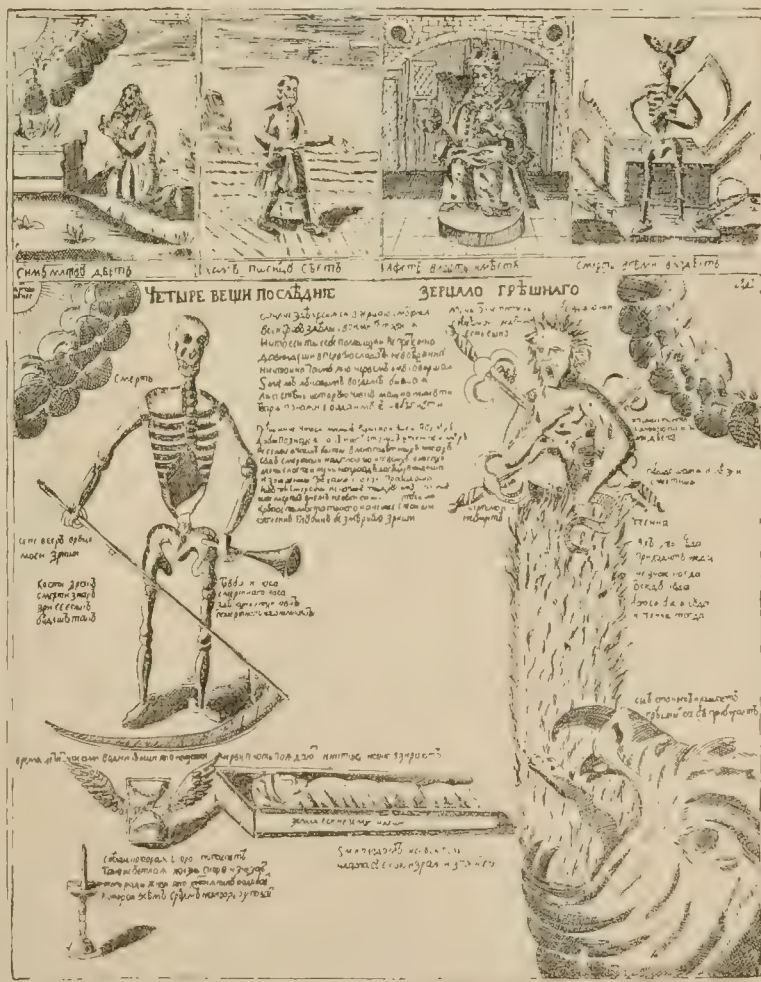
хощеши, то сотворимъ пынѣ тайно со мною»; кавалеръ отвѣчаетъ на это: «ахъ, ахъ, не вѣмъ, что сотворити съ тобою» *). На другой сторонѣ представлены: смерть и грѣшникъ въ адскомъ пламени. Картинка сложена на трое: если загнуть нижнюю полоску,—то смерть очутится въ богатомъ платьѣ дамы, а грѣшникъ въ нарядѣ кавалера; подобное же превращеніе, но наоборотъ, получится и при загибаніи верхней полоски. Картинка Тессинга, судя по виршамъ, помещеннымъ подъ его вензелемъ: «тебѣ и мнѣ скоро да вручится, пунктъ невеликъ прими съ желаніемъ...», назначалась для подарка; она была въ ходу долгое время: по крайней мѣрѣ, еще въ 1800 году потребовалось повтореніе ея точь въ точь, для чего и была вырѣзана новая доска.

Текстъ картинки: Аннка воинъ и смерть вполне сходень съ рукописнымъ преніемъ живота съ смер-

*) Старообрядцы увѣряютъ, что въ этихъ двухъ фигурахъ изображены Анна Ивановна и Биронъ.

тію, причемъ прибавлено имя Аннки, вмѣсто котораго въ рукописяхъ упоминается просто воинъ. Объ Аннкѣ воинѣ сохранилось много народныхъ преданій и пѣсенъ. Въ пѣсняхъ говорится, что Аннка жилъ 220 и даже 390 лѣтъ, въ славномъ городѣ Евлесѣ (Едесѣ?), разорялъ монастыри, грабилъ церкви, много покорилъ царей и богатырей и много пролилъ русской крови (Кирѣевскій, IV. 115—130). Собрался онъ развѣ въ путь разорять Іерусалимъ градъ и вотъ на встрѣчу ему вызываетъ смерть, въ видѣ ка-кого-то Полкана: голова чело-

вѣчья, туловище звѣриноное, а копыта лошадиныя (Кирѣевскій, тамъ же; Рыбниковъ,

241. «Кладное зеркало, изд. голландцемъ Нв. Тессингомъ при Петрѣ I.

1. 465). Аника начинает ругать ее и похвалиться своею силою, — точно такъ, какъ и въ преніи живота и въ народной картинкѣ; но смерть объявляетъ ему, что часть его пришелъ, — «что жили на землѣ сильные и могучіе богатыри Молоферъ (Олофернъ) и Святогоръ и Самсонъ, и тѣмъ смерти покорились, былъ — сотворилъ небо и землю богъ, и то меня смерти не миновалъ» (Кирѣевскій, IV. 136). Увидавъ, что дѣло плохо, Аника началъ передъ смертью принижаться, просить ее дать ему сроку на три года, три мѣсяца, три часа... «Въ чемъ ты застану, въ томъ и сужу», — сказала смерть Аникѣ (въ рукописномъ сборникѣ XVII в.) и подкосила его. Тогда Господь послалъ двухъ ангеловъ, которые вынули душу Аники «сквозь реберъ, взоткнули ее нечестно на конь и низринули въ тьму кромѣшную» (Кирѣевскій, IV. 135) *).

Что же касается до народныхъ преданій объ Аникѣ, то верстахъ въ восьми отъ г. Вологды и до сихъ поръ существуютъ Аникіевскій лѣсъ и Заоникіевская пустынь; въ лѣсу даже показываютъ могилу Аники (Русс. Архивъ 1864, стр. 71). Погодинъ приводитъ народное преданіе, по которому разбойникъ Аника жилъ въ лѣсу, въ избушкѣ безъ оконъ. Разъ встрѣтилъ онъ прохожаго старика-богомольца; въ котомкѣ его не нашлось ничего, кромѣ узелочковъ съ мощами да разными святыми вещами. Аника разбросалъ все это по землѣ, несмотря на мольбы старика, который въ концѣ пригрозилъ ему Божіимъ гнѣвомъ. Аника выхватилъ было ножъ, чтобы зарѣзать его, но старикъ исчезъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и Аника.

*) Кромѣ легенды и пѣсенъ, сказаніе объ Аникѣ послужило сюжетомъ для одной интермедіи, которая, по словамъ г. Котляревскаго, разыгрывалась фабричными (Русскій Архивъ 1864 г., 78). Интермедія эта начинается задорнымъ разговоромъ Аники съ нѣкимъ рыцаремъ Морицомъ (ужь не Саксонскимъ ли?); по окончаніи разговора дѣйствующія лица дерутся. Аника убиваетъ Морица и произноситъ самъ себя лубочно-хвалебную рѣчь: онъ и воппъ славный, и царей побивалъ, и смерти не боится, и если она явится «шлюха, мякишное брюхо», то «такъ ударитъ ее въ високъ, что посыпется у нее изъ ж...ы песокъ». На эту похвальбу выходитъ смерть и сразу осаживаетъ его; Аника начинаетъ упрямиться, ее обождать, какъ и въ нашей картинкѣ, — смерть непреклонна. Тогда Аника торжественно прощается съ востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ, съ царями, богатырями и красивыми дѣвками; смерть подкашиваетъ его и онъ падаетъ.

кина избушка. Оставшись безъ крова, Аника сѣлъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу; здѣсь встрѣтилась ему смерть, и произошелъ между ними разговоръ, который переданъ на нашей картинкѣ. Кромѣ того, въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о разбойникѣ Аникѣ, казненномъ при Петрѣ Первомъ и доставившемъ любопытный матеріалъ для Академической кунсткамеры. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ старожиловъ, этотъ Аника — одно лицо съ Вологодскимъ разбойникомъ.

Главная цѣль всѣхъ разсказовъ о Страшномъ Судѣ и неминуемой смерти, конечно, состояла прежде всего въ томъ, чтобы

242. Смерть грѣшника. Изъ «Суподника» 1702 г.

устрашить человѣка насчетъ участи умершихъ его родственниковъ и его самого въ будущей жизни. Всѣмъ грѣшникамъ, конечно, предстоялъ страшный судъ и вѣчныя муки, отъ которыхъ можно было избавиться только посредствомъ поминовенія и мѣшечковъ (съ деньгами) св. Θεодоры. Съ этою цѣлію стали вводиться между православными, еще съ древ-

нихъ временъ, поминальнички или синодики о пособіи мертвымъ, въ когорые вписывались имена умершихъ родственниковъ и знакомыхъ для поминовения ихъ *).

Въ прежнее время богатыхъ погребали при церквахъ, бѣдныхъ же свозили въ убогіе дома, гдѣ они лѣтомъ тотчасъ же погребались въ общія могилы, а зимой оставались непогребенными до весны. Съ наступленіемъ теплаго времени, ихъ погребали въ родительскія субботы и въ эти же субботы производились и общія поминки, въ огромныхъ размѣрахъ **).

Впослѣдствіи составители синодиковъ начали включать въ нихъ, вслѣдъ за поминаньемъ,—разныя сказанія о загробной жизни и о силѣ поминовения, а въ 1702 году Синодикъ былъ въ первый разъ отпечатанъ гравированными досками, со множествомъ картинокъ и легендъ, извлеченныхъ изъ Великаго Зеркала и другихъ источниковъ. Въ предисловіи или увѣщаніи составитель синодика прежде всего упоминаетъ о душеспасительныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ издревле при погребеніи: омываніе тѣла умершаго, облеченіе въ новыя одежды, провозженіе съ пѣніемъ, свѣчами и кадиломъ, поливаніе елеемъ, послѣднее цѣлованіе его, погребеніе на святыхъ мѣстахъ, въ церкви или при церкви, съ положеніемъ лицомъ на востокъ солнца; о поставленіи надъ умершимъ столбовъ и досокъ, о парастасѣ или ходатайствѣ, о коливѣ или кутіи, устраиваемой изъ пшеницы съ медомъ, съ украшеніями изъ сладкихъ овощей. Затѣмъ слѣдуютъ сказанія въ лицахъ объ исходѣ души изъ тѣла (№ 242): душа

умершаго человѣка принимается ангелами; въ первые девять дней она свободно посѣщаетъ прежнее свое тѣло и родительскій домъ *); только въ концѣ этого срока относится она въ райскія мѣста или въ адскія муки, для католическаго предвкушенія будущихъ вѣчныхъ страданій **) — «да тѣло видитъ томительство адскихъ слугъ» ***); только поминовениемъ въ церкви можно избавить грѣшную душу отъ этихъ вѣчныхъ мукъ (№ 243), — «жертвуйте православные на церкви и на ея

243. «Поминъ смерть». Изъ «Синодика» 1702 г.

служителей и будете спасены, и вы и все ваши сродники, даже некрещенные младенцы, если не въ этой, такъ въ будущей жизни; служите по нихъ въ третій день послѣ смерти третины, въ девятый — девятины, въ двадцатый — полусоро-

*) Въ XII вѣкѣ укоренился обычай даже самого себя заживо помянуть заупокой (Памятнички русской словесности, 194).

**) Обычай совершать поминки остался до послѣдняго времени, несмотря на упраздненіе убогихъ домовъ. Хотя убогіе дома и было приказано уничтожить еще въ 1753 году, однако приказаніе это оставалось неисполненнымъ до 1771 года, когда начали отводить для погребенія умершихъ особыя кладбища (Труды Общест. Ист. и Древ. 1816. III. 245). Кромѣ родительскихъ субботъ установились издавна и другіе дни для поминовения умершихъ и побитыхъ въ брани, а въ 1548 г. 21 іюня, на память мученика Іудіана Торсянина, царь Иванъ Васильевичъ установилъ служить общую память по всемъ православнымъ христіанамъ, какъ на войнѣ убитымъ, такъ и своею смертію умершимъ. Объ этомъ записано въ Синодикѣ Костромскаго Платьевскаго монастыря и въ Синодикѣ Публич. Библиотеки (Каталогъ рукописей гр. Толстаго, I. № 286. — Акты Археограф. Экспед., I. 208).

*) Въ Шотландіи существуетъ тоже повѣрье, что душа до погребенія тѣла витаетъ около него и что если въ комнату, гдѣ лежитъ убитый, вдругъ открыть дверь и спросить его, кто его убилъ, то покойникъ отвѣтитъ (W. Scott, Chants d'Ecclesie, Paris 1826, III. 230).

**) См. тамъ же Sheible, Das Kloster, XII. 245.

***). Сюда относится отдѣльная картинка: Отецъ съ сыномъ, лихо жившіе въ мірѣ, взаимно проклинаютъ другъ друга, сидя въ чистилищѣ въ мукахъ, и старинная притча о богатомъ и убогомъ Лазарѣ.

чины, въ сороковой — сорочины, а, кромѣ того, ежегодно — въ день именинъ и въ день смерти покойника панихиды. Всѣ эти разряды панихидъ были въ древности такъ же необходимы, какъ и причитанья и плачи по усопшемъ на его могилѣ. (Строевъ, Выходы царей. Алфав., 67; Калики, Безсонова, IV. 60 и Плачи и причитанья, Барсова). Въ Синодикѣ по этому предмету помѣщено множество виршей:

«егда въ церкви поминаемой души
быти,
оныхъ вѣчныхъ мукъ можетъ тѣло
избыти.

Великій архіерей Іоаннъ Златоустъ
велѣлъ по усопшимъ творить сороко-
устъ».

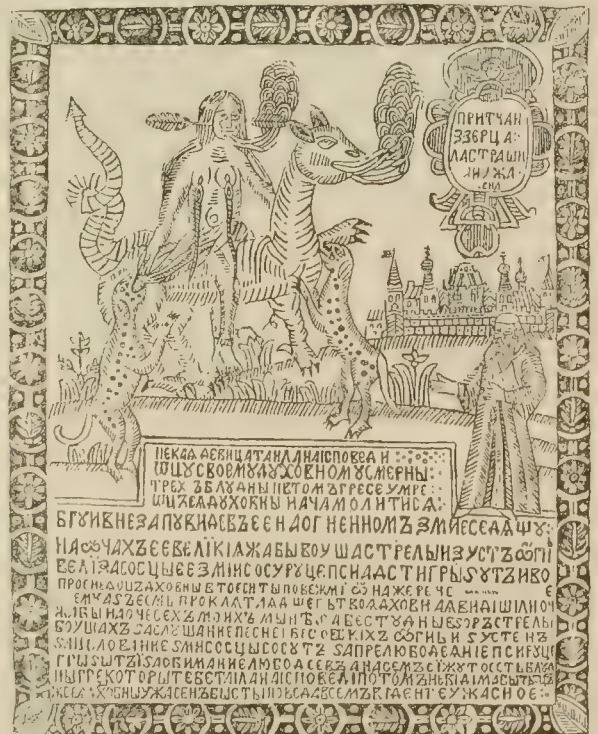
Въ удостовѣреніе этого разсказана и помѣщена повѣсть объ игуменѣ Θεодосіи, которая, умирая, заказала сестрамъ править по себѣ сорочины; сестры же правили одни девятины, а послѣ девятиныхъ трапезы нищимъ не устраивали; тогда Θεодосія явилась къ нимъ съ выговоромъ, и объявила, что «нищихъ насыщеніе и поминовеніе усопшимъ до 40 дней — грѣшному дастъ прощеніе грѣховъ отъ Бога, праведные же отъ того обогатятся»; при этомъ она воткнула жезлъ свой въ землю «и жезлъ ея процвѣте» (ср. № 244). Рядомъ съ этою повѣстію разсказывается по тому же поводу: 1) какъ нѣкій человекъ заупокойными молитвами избавилъ отъ ада мать свою, умершую въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія *) (№ 245); 2) какъ сухой лобъ (костья голова) отвѣтилъ пренедобному Макарію, что «большая бываетъ польза усопшимъ, когда ихъ поминаютъ»; 3) какъ разорилась и пошла по міру жена и дѣти нѣкоего роскошника за то, что не исполнили его заповѣди, не поминали его и не роздали

*) У насъ есть три пародіи картинки на этотъ предметъ: 1) О грѣшной матери, которая явилась своему сыну шпоку, вся пагая, верхомъ на змѣѣ; спереди два демона бьютъ её камнями по зубамъ, а сзади два демона же терзаютъ её трезубцами; въ ухахъ ея двѣ мыши, сосущія мозгъ; въ глазахъ двѣ ящерицы, и за сосцы сосетъ её ужъ великій; всѣ эти зѣвры, по объясненію самой матери, означали мученія за различные, содѣянные ею, грѣхи; 2) подобное же изображеніе и текстъ «притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія» и 3) «О женѣ прелюбодѣйцѣ», которая представлена въ огненной колесницѣ.

его имѣнія нищимъ; 4) какъ родители по нѣкоемъ юношѣ, попавшемъ въ плѣнъ въ Персію, полагая его умершимъ, творили

244. Явленіе препод. игуменѣ Іоанніну монахиномъ. Изъ «Синодика» 1702 г.

245. Притча зеркала страшнаго и ужаснаго.

поминувеніе, и какъ въ дни такихъ поминовеній къ юношѣ тому приходилъ ангелъ и освобождалъ его изъ темницы.

Къ тому же разряду картинокъ принадлежитъ и небольшая книжка «Духовный эмблематъ», состоящая изъ сорока картинокъ, плохо выгравированныхъ Иваномъ Любецкимъ въ 1743 году, съ западнаго, католическаго, образца. Этотъ Эмблематъ содержитъ въ себѣ различныя наставленія, какъ должно жить въ свѣтѣ, чтобы спастись въ будущей жизни, при чемъ самыя наставленія уснащены аллегоріями и эмблемами и испещрены сносками на книги царя Соломона, Сираха, разныхъ пророковъ, книгу Іова, Евангеліе и писанія Апостольскія: «Молись Богу, распинай свою плоть, терпи, борись со страстями, помни смерть и страшный судъ; не ходи на пиры и презирай мірскія удовольствія; надѣйся на Бога: Христосъ милосердъ и призываетъ къ себѣ грѣшниковъ»,—учить Эмблематъ *).

Повѣствованія о страстяхъ Господа и о всемъ, что относится до Его распятія и смерти, собраны съ большою тщательностью и отличаются особенною подробностію. Многія изъ нихъ заимствованы прямо изъ готовыхъ католическихъ источниковъ, какъ, напримѣръ: Судъ Іудеевъ надъ Іисусомъ Христомъ, который, какъ сказано въ его текстѣ, найденъ въ городѣ Вѣнѣ, вырѣзаннымъ на камнѣ, и «крестное знаменіе узломъ положися» (№ 246), и гдѣ, съ мельчайшею подробностію, исчислены всѣ, понесенныя Спасителемъ, страданія: воздыханій испустилъ Онъ 109; слезныхъ капель излилъ 67.200; кровныхъ капель источилъ 100.000; 8225 разъ торганъ за власы и браду, при чемъ 78 разъ падалъ на землю; удареній по ланитамъ потерпѣлъ 102, въ томъ числѣ такъ крѣпко ударилъ Его Малхъ, которому Петръ отсѣкъ ухо, что слышенъ былъ ударъ тотъ по всему архіерейскому дому,—Господь палъ на землю

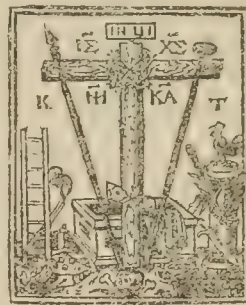
*) Аллегорическія изображенія сильно напоминаютъ «Монашескую чистоту» и другія картинки католическаго пошпа, переселившіяся въ народную литературу нашу чрезъ Кіевъ. Въ послѣдней части Эмблемата (карт. 42) помѣщены выборки изъ Сираха о томъ, что «жена домовита, смирена и молчалива, есть вѣнецъ и богатство своего мужа, а жена цѣломудренна безцѣпное есть сокровище» (Сирахъ, гл. 26, ст. 2).

и изобразились на лицѣ Его персты руки Малховой; о столпъ каменный ударился Спаситель смертоносно одинъ разъ, о землю смертоносно же три раза; при столпѣ биенъ розгами терновыми, остистыми, бичами узлатыми и ужами желѣзными 6666 разъ; синихъ удареній понесъ 1199; въ главу ранъ отъ терній получилъ 1000, ибо вѣнецъ терновый налагаемъ и низлагаемъ съ Него былъ 8 разъ; три терновыя ости проникли въ самый мозгъ Спасителя; при шествіи на Голгоѳу Онъ падалъ пять разъ; распятый на крестѣ перетерпѣлъ 73 терзанія. Всѣхъ же ранъ большихъ, — заканчиваетъ сказаніе, — удареній и знаменій на тѣлѣ Господнемъ было столько, сколько дней въ 15-ти годахъ (5480).

Текстъ этого листа заимствованъ изъ католическаго Райскаго ключа, но съ измѣненіемъ въ цифрахъ и подробностяхъ.

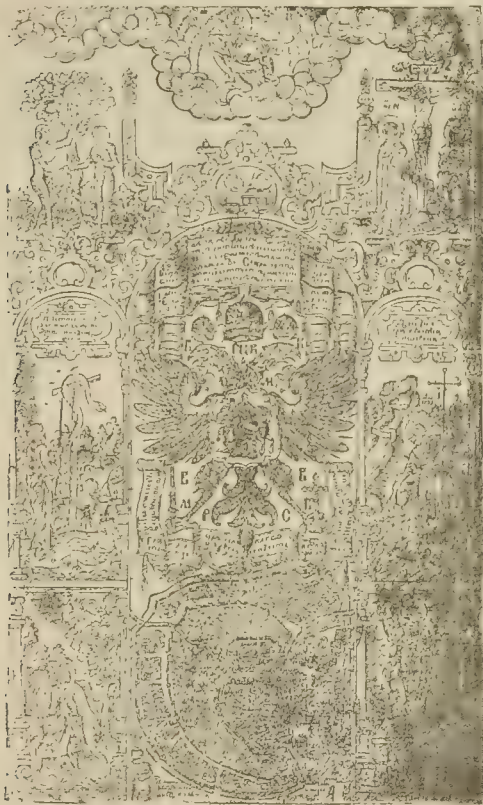
Въ числѣ нашихъ картинокъ есть замѣчательныя трехлистовыя Страсти съ множествомъ монограммъ, столь любимыхъ нашими старообрядцами. Рисунки въ нихъ заимствованы съ западныхъ образцовъ, съ которыхъ скопированы и всѣ остальные картинки, изображающія страданія Спасителя и Его смерть (ср. № 247), а также и цѣлыя послѣдованія на этотъ предметъ, гравированныя А. Бунинымъ А. Гоштемскимъ, М. Нехорошевскимъ и другими, неизвѣстными граверами.

Въ апокрифическихъ книгахъ нашихъ есть похожія сказанія о происхожденіи райскаго древа, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя, а также и двухъ другихъ деревьевъ, послужившихъ крестами для казни двухъ разбойниковъ. По этому сказанію, когда Богъ насаждалъ рай, Сатанаилъ укралъ у него дерево и посадилъ среди рая. Когда Сатанаилъ пошелъ посмотреть на свое дерево, то дерево выгнало его изъ рая,—онъ почернѣлъ и сталъ дьяволомъ. И выросло его дерево на три части: середняя—Божья, а по бокамъ—части Адамова и Евины,

246. «Крестное знаменіе узломъ положися».

Когда заболѣлъ Адамъ, то Симъ ходилъ въ рай за лекарствами и получилъ отъ ангела середній сукъ того дерева; Адамъ свилъ изъ него вѣнокъ и въ этомъ вѣнкѣ былъ погребенъ. Изъ этого сучка выросло то дерево, на которомъ впоследствии былъ распятъ Спаситель. Евино дерево, во время потопа, уплыло въ пустыню, гдѣ Моисей срубилъ его и вѣтви посадилъ на берегу рѣки съ горькою водою, отъ чего тѣ воды усладились; изъ этихъ вѣтей произросло то дерево, изъ котораго былъ срубленъ крестъ для невѣрнаго разбойника. Адамова же часть была вынесена потопомъ на песокъ; здѣсь Сиѡъ,

247. Заголовокъ изъ московской Библіи, раб. старца Зосимы.

желая почтить память Адама жертвоприношеніемъ, по совѣту ангела, зажегъ это дерево и поручилъ стеречь огонь лѣснымъ звѣрямъ. Когда Лотъ, послѣ грѣха своего съ дочерьми, пришелъ просить совѣта Авраама, то Авраамъ велѣлъ ему принести три головы изъ того огня, посадить ихъ и поливать, — «если онѣ проростутъ, сказалъ онъ, то Господь

простишь твой грѣхъ». Такъ и сдѣлалъ Лотъ; головы проросли и изъ выросшаго изъ нихъ дерева впоследствии былъ сдѣланъ крестъ, на которомъ распятъ благородный разбойникъ.

Всѣ эти легенды существуютъ и въ западной литературѣ; живописецъ XIV вѣка Анѣоло Гадди написалъ въ своихъ фрескахъ, въ церкви св. Креста во Флоренціи, всю эту апокрифическую исторію креста въ лицахъ. Другія католическія легенды о св. чашѣ, изъ которой Спаситель приобщалъ апостоловъ во время Тайной вечери и въ которую, во время распятія, Іосифъ собралъ кровь Спасителя *), и о другихъ предметахъ, освященныхъ Его страданіями, — въ нашу апокрифическую народную литературу не вошли.

Къ числу легендъ, относящихся до страстей Господнихъ, принадлежатъ и легенды о происхожденіи иконы нерукотвореннаго Спаса. Въ одномъ изъ нашихъ подлинниковъ XVIII вѣка (Клиновскомъ, гр. Строганова) упоминается о четырехъ нерукотворенныхъ образахъ. Первый изъ нихъ былъ подаренъ семилѣтнимъ Христомъ Египетскому царю Евфрадізію, пришедшему поклониться ему, — этотъ образъ названъ: «Еммануэль, еже есть сказано съ нами Богъ». Второй образъ посланъ Христомъ Едесскому князю Авгарю, который послалъ живописца своего Ананію звать Христа исцѣлить его; если же Христосъ откажется идти за нимъ, то списать съ него портретъ. Ананія засталъ Христа на проповѣди, и началъ списывать съ Него портретъ; но дѣло не ладилось, такъ какъ Христосъ «пременяше себя подобіемъ». Видя вѣру и заботу Ананія, Христосъ взялъ у него полотно, попросилъ

*) Въ романѣ Мерлина сказано, что эта чаша была принесена Іосифомъ въ Англію (такъ называемая Saint Graal) и, по приказанію короля Артура, вдѣлана въ Мерлиномъ, въ круглый столъ; затѣмъ она была потеряна и рыцари круглаго стола Артура долгое время разыскивали еѣ; нашелъ еѣ рыцарь Персиваль, по смерти котораго чаша Христова, а также и копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и серебряное блюдо (съ Тайной вечери) взяты на небо (Le roman du Saint-Graal, publié pour la première fois... par Er. Michel, Bordeaux 1847). Впрочемъ, Генуезцы показывали такую же чашу Людовіку XII-му, разсказывая, что получили еѣ прямо изъ Іерусалима (Grässe. 138 ff.). Въ нашихъ иконахъ распятія (Строгановскихъ писемъ) въ чашу эту ангелъ собираетъ кровь, выходящую изъ реберъ Спасителя.

у апостола Петра воды, умылся, отерся полотномъ, и отпечатлѣлъ на немъ Свой ликъ. Этому образу дана надпись: «Божіе видѣніе, божественное чудо», — имъ исцѣленъ Авгарь отъ болѣзни. Въ третій разъ Христосъ «отре потъ», когда несъ Свой крестъ; нерукотворенный ликъ, который произошелъ при этомъ, — Онъ далъ апостолу Томѣ. Наконецъ, уже послѣ вознесенія, Христосъ приходилъ въ домъ мученицы Акиліаны (въ Камиліаксѣхъ); здѣсь онъ умылся и отеръ лице свое убрисомъ, отъ чего произошелъ четвертый нерукотворенный образъ. Легенды эти повторяются и въ другихъ отреченныхъ рукописяхъ (Тихонравовъ, Памятники отречен. литературы, II *).

Въ нашихъ картинкахъ изображенъ нерукотворенный Спасъ Едесскій, при чемъ въ текстѣ — на одной изъ нихъ помѣщенъ рассказъ писателя Кедрина о судьбѣ самаго образа, какъ онъ былъ заложенъ въ стѣну Едесскимъ епископомъ, укрывшимъ его отъ иконоборцевъ, и какъ вмѣстѣ съ нимъ была заложена горящая свѣча; когда Персидскій царь Хоздрей взялъ Едессъ, стѣна была разломана, образъ найденъ въ цѣлости, а предъ нимъ и горящая свѣча **).

На другой картинкѣ сказано, что представленный на ней нерукотворенный Спасъ есть точная копія съ образа, находящагося въ Римѣ, писанная извѣстнымъ Московскимъ изографомъ Владиміровымъ; самое изданіе картинки сдѣлано въ Вѣнѣ въ 1711—1663 году ***).

Изображенія разныхъ явленій Богородицы и легенды объ ея заступничествѣ за человѣческій родъ составляютъ въ народ-

ныхъ картинкахъ особый отдѣлъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 листовъ. Самое большое число этихъ «явленій» образовалось у насъ въ XVII вѣкѣ, когда занесено объ этомъ предметѣ много легендъ — чисто западнаго происхожденія, не только въ наши рукописныя сочиненія, но и въ печатныя книги, составленныя духовными лицами, какъ, на примѣръ, ректоромъ Кіевопечерской Академіи Галатовскимъ, въ его книгу: Прибавленіе къ ключу разумѣнія (Кіевъ 1670 г.), съ собраніемъ чудесъ Богородицы, и въ книгу: Небо новое (1665 г.), гдѣ собраны самыя любопытныя легенды о Богородицѣ, западныя и русскія. Примѣру Галатовскаго послѣдовали: Дмитрій Ростовскій въ своемъ Руцѣ орошенномъ (1683 г.) и Іоаннъ Максимовичъ въ книгѣ Богородице Дѣво (1707 г.).

«Самыя поэтическія легенды средневѣковаго Запада», замѣчаетъ О. И. Буслаевъ (Католич. направл., стр. 273), «посвящены Мадонѣ. Разказы о чудесахъ Богородицы начинаются съ V вѣка, — съ тѣхъ поръ, какъ вѣрующіе стали признавать ее царицею небесною и заступницею за христіанъ передъ Спасителемъ». Общій смыслъ легендъ, составлявшихся по этому предмету въ средніе вѣка, заключается въ томъ, что каждый человекъ, исправно читающій молитву Богородицѣ по утрамъ или передъ началомъ дѣла, какой бы онъ ни былъ злодѣй или убійца, непременно получалъ мѣсто въ царствѣ небесномъ вслѣдствіе ея предстательства (Gödecke, Das Mittelalter Christus und Maria, 132). Въ книгѣ Генте (Genthe, Die Jungfrau Maria, Halle 1859, f. VI) перечислено множество такихъ легендъ о чудесахъ Богородицы. Убѣжденіе это перешло и въ наши народныя картинки XVII-го вѣка: на первой изъ нихъ, помѣченной 1687 годомъ, помѣщена молитва Богородицѣ, съ такимъ присловіемъ: «Сія похвала пресвятѣй Богородицѣ въ книгѣ новаго неба чуда седьмаго. Явися пресвятая Богородица Томѣ, архіепископу Контуарійскому, и научи его сію похвалу предъ образомъ своимъ повся дни глаголати и рече ему: Аще кто сію похвалу предъ образомъ моимъ повся дни глаго-

*) Въ западныхъ источникахъ, кромѣ того, существуетъ легенда о нерукотворенномъ образѣ, который данъ Христомъ св. Вероникѣ (отъ Vera icon), подавшей Ему, во время несенія креста, убрисъ, которымъ Онъ отерся.

**) По однимъ преданіямъ, образъ этотъ былъ подаренъ Венеціанскому дожу Даодоло, но потонулъ въ морѣ во время перевозки; по другому преданію, онъ подаренъ Іоанномъ Палеологомъ дожу Монтальто въ XIV вѣкѣ, хранится въ Генуѣ за 11-ю замками и выставляется на поклоненіе богомольцамъ одинъ разъ въ году. При освидѣтельствованіи комиссарами, посланными Наполеономъ I въ 1810 году (для оцѣнки и вывоза сокровищъ), Генуэзскій образъ оказался однако же «не древней живописи и малоцѣнный».

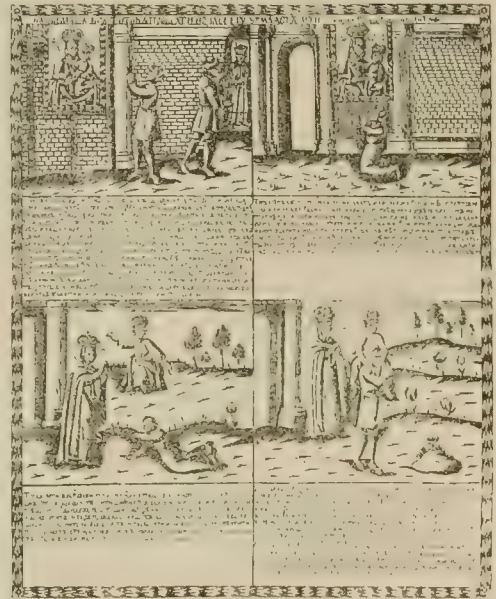
***) Въ Римѣ до настоящаго времени въ соборѣ св. Петра хранится нерукотворенный Спасъ, который выдается за Едесскій подлинникъ.

летъ,—во время смерти его сама предста-
ну и уи́шу его и отъ муки избавлю». Похвала эта повторена и на многихъ дру-
гихъ картинкахъ *).

На другой картинкѣ помѣщена исторія о явленіи Богородицы нѣкому священ-
нику. Священникъ этотъ безпрестанно молилъ Богородицу, чтобъ она явилась ему во всей славѣ своей; ангелъ объ-
явилъ ему, что, увидавъ однажды Пречи-
стую, онъ долженъ потерять зрѣніе; но онъ рѣшился и на это, лишь бы испол-
нилось его желаніе. Когда началось явле-
ніе, священникъ зажмурилъ одинъ глазъ, полагая, что однимъ-де все увижу, а дру-
гой отъ гибели сохраню; но, немного по-
года, захотѣлось ему разглядѣть получ-
ше, открылъ онъ зажмуренный глазъ, «и абіе свѣтъ ока того погibe», а то око, которымъ онъ глядѣлъ наперво,—осталось цѣло, явленіе же исчезло.

На третьей картинкѣ рассказано, какъ Богородица явилась къ нѣкому клирику, имѣвшему обычай поздравлять её на всякъ часть, и избавила его отъ смерт-
ной болѣзни: «стиснувъ сосцу свою, воз-
дох и окропи устне болящаго». На чет-
вертой (№ 248) рассказано, какъ нѣкій разбойникъ, имѣвшій обычай, передъ ухо-
домъ на разбой, молиться образу Богоро-
дицы, увидѣлъ разъ, что икона движется и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь. Тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить её, чтобы заступилась за него передъ своимъ Сыномъ. Тогда Богородица начала просить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради бо-
лѣзней, которыя она претерпѣла, видя Его страданія на крестѣ, и т. д.; на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ и хотѣла припасть къ ногамъ Его съ молитвой; но сего не допу-
стилъ Христосъ и далъ свое прощенье грѣшнику, который послѣ такого чуда, ко-

нечно, исправился и «поживе бого-
угодно» *).

248. Богородица упрощиваетъ Спасителя помило-
вать беззаконника, который имѣлъ обычай каждо-
дневно ей молиться.

Легенда изъ «Руна орошеннаго».

Въ Синодикѣ рассказана подобная же исторія, заимствованная изъ Новаго неба, о разбойникѣ Домицеллѣ, который всегда «поздравлялъ» Богородицу, наконецъ, его схватили на разбоѣ и отсѣкли ему голо-
ву. «Глава-же не престала глаголати, дондеже ко іерею грѣхи свои исповѣда». «Сіе бысть», прибавлено на картинкѣ, «помощію и предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, яко отсѣченная глава ясно проглаголати можаше» (№ 249).

Въ Великое Зерцало наше занесе-
на еще болѣе католическая повѣсть о монахинѣ Астрикин (Apostratrix), кото-
рая, разжегшись тѣлесною похотію, бѣ-
жала изъ монастыря съ нѣкимъ клири-
комъ и, поживъ блудно немало лѣтъ, по-
желала возвратиться назадъ въ монастырь свой, но не дерзала сего сдѣлать. И вотъ у вратъ монастыря ее встрѣтила сама Бо-
городица и объявила ей, чтобъ она шла по-прежнему въ свою келію, ибо никто о побѣгѣ ея въ монастырь не знаетъ. Оказалось, что, во все время походовъ Астрикин, Богородица, принявъ ея тѣлес-

*) Въ старинныхъ отреченныхъ рукописяхъ часто встрѣчается такъ называемый «сонъ Богородицы», которому приписывается чудесное свойство избавлять отъ бури, грома, пожара, напрасныя смерти, неправеднаго судьи, тяжкихъ родовъ, дьявольскаго навожденія и отъ всего прочаго („Р. Н. К.“, изд. 1881 г., IV. 710).

*) Съ такой же пастойчивостью выпрашиваетъ Бого-
родица помилованіе грѣшникамъ и на страшномъ судѣ

ный обликъ, отправляла за нее всѣ послушанія, и все это за то, что Астрикія имѣла обыкновеніе каждый день мо-

249. Казнь разбойника Домницелла, который всегда поздравлялъ Богородицу.

литься передъ ея иконою. Въ другомъ мѣстѣ Богородица, въ видѣ повивальной бабки, принимаетъ ребенка у беременной игуменьи (*de l'Abbesse, qui devint enceinte*, — Dunlop, 306).

Въ народныя наши картинки перешла одна подобная легенда о Богородицѣ изъ Золотой легенды Іакова де Ворagine. Одинъ благородный человѣкъ сильно обѣднѣлъ и вошелъ въ великую печаль; въ одинъ день явился ему дьяволъ, въ видѣ воина на черномъ конѣ; разспросивъ о его горѣ, дьяволъ указалъ ему въ одномъ мѣстѣ несмѣтныя сокровища, подъ клятвою, чтобы онъ привелъ ему на это мѣсто въ назначенный срокъ свою жену. Разбогатѣлъ благородный человѣкъ и женился лучше всѣхъ вельможъ; когда же насталъ срокъ исполненія клятвы, то ночью повелъ онъ жену свою на условленное мѣсто. Жена же его была очень благочестивая, и каждый день имѣла обычай молиться Пресвятой Богородицѣ; повинуясь со страхомъ мужу своему, она и въ этотъ разъ просила его позволить ей зайти въ церковь, которая была имъ по

пути. Пришла въ церковь благочестивая жена и распростерлась предъ дверьми церковными въ молитвѣ къ Богородицѣ; и наслала на нее Богородица сонъ, сама же, принявъ ея образъ, пришла къ ожидавшему ея мужу и съ нимъ отправилась къ дьяволу. Только что увидѣлъ ихъ князь тьмы, какъ завопилъ: «о клятвопреступниче, ты обѣщалъ мнѣ привести жену свою, да я отмщу ей многія пакости, которыя она творила мнѣ своими молитвами, а вмѣсто нея ты привелъ мнѣ Матерь Божию, которая посылаетъ меня огнемъ своимъ»; и вринуть былъ дьяволъ силою Богородицы въ адову пропасть, благородный же человѣкъ, пролежавъ нѣкоторое время въ страхѣ на мѣстѣ томъ, пошелъ обратно домой и на пути нашелъ подлѣ церкви жену свою, лежащую въ крѣпкомъ снѣ, разбудилъ ее и рассказалъ все, что случилось. Въ большомъ страхѣ возвратились они домой, роздали бѣсовскія богатства нищимъ и стали вести богоугодную жизнь, прославляя заступничество Пресвятой Богородицы *).

Въ средніе вѣка образовались легенды о написаніи нѣкоторыхъ иконъ Богородицы св. Никодимомъ и ангелами ***) и, наконецъ, евангелистомъ Лукою; уже съ давняго времени святые отцы приписывали кисти сего послѣдняго семь иконъ Богородицы, которыя Емерикъ Давидъ относитъ къ живописцу Лукѣ, жившему въ 11 или 12-мъ вѣкѣ въ Италіи ***).

По справкамъ, собраннымъ изъ разныхъ источниковъ, въ настоящее время числится уже болѣе 20 Богородичныхъ иконъ письма евангелиста Луки, и изъ

*) О. И. Буслаевъ упоминаетъ еще объ одномъ сочиненіи XVI вѣка, самаго крайняго католическаго направленія, извѣстномъ подъ именемъ «Звѣзды пресвѣтлой». Эта звѣзда была переведена на русскій языкъ въ 1688 году какимъ-то простолюдиномъ Никитою, сохранилась въ большомъ количествѣ списковъ и была въ большомъ ходу на Руси; она вся состоитъ изъ легендъ и извѣстій о чудесахъ Богородицы. Въ другихъ рукописяхъ записаны чудеса иконъ тоже чисто католическаго пошиба: поименована, напримѣръ, икона Богородицы, которую Лютеръ укололъ мечемъ и потекла изъ нея кровь; иконы:—Вѣиская, Вплеская, Лоретская и мн. др.

**) Во Флоренціи, въ церкви Космы и Даміана, и въ Римѣ; у насъ ангелы писали иконы св. Аліпію (См. въ Патерикѣ Печерск. его житіе).

***) Во всякомъ случаѣ онѣ не могли быть написаны ранѣе этого времени, такъ какъ до того времени Богородицу писали одну, безъ Спасителя.

числа ихъ 6—находятся въ Русской землѣ и получены нами изъ Византіи, которая вообще такъ щедро награждала насъ разною духовною святынею и благословеніями, взявъ звонкаго серебра и чистаго золота, собираемаго пройдошливыми греческими монахами съ легковѣрной Руси, «милостыни ради» (ср. № 250).

250. Икона письма Евангелиста Луки. Гравироваль Г. Тепчегорскій.

Самая замѣчательная изъ русскихъ иконъ этого разряда это икона Богородицы Владимірской, которую князь Андрей Боголюбскій унесъ изъ Вышгорода во Владиміръ и которая перенесена въ 1395 г. въ Московскій Успенскій соборъ (№ 251). За нею слѣдуютъ: Тихвинская, которая сама пришла по воздуху изъ Рима въ Царьградъ, а оттуда къ намъ на рѣку Тихвинку; Корсунская (Ефесская), поставленная въ Торопецкомъ соборѣ; Ченстоховская, принесенная изъ Ченстоховской крѣпости въ 1813 г., и Филермская,—эта послѣдняя поднесена императору Павлу Мальтійскими рыцарями, послѣ того какъ островъ Мальта былъ взятъ французами и рыцари, не зная какъ имъ быть, обратились за русской помощью.

Кромѣ этихъ иконъ, получено нами несчетное число ихъ со знаменитаго Аѳона; особенною извѣстностію изъ нихъ

пользуются иконы Богородицы Иверской и Троеручицы, находящіяся въ числѣ народныхъ картинокъ во множествѣ переводовъ. Списокъ съ иконы Иверской Богородицы принесенъ къ намъ въ 1648 году Аѳонскими монахами, приходившими въ Россію милостыни ради; въ 1669 году она

251. Икона Владимірской Богородицы, написанія Ев. Луки. Гравироваль Нехорошевскій.

поставлена въ особой часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ. Необыкновенную извѣстность ея, не объяснимую ни историческими воспоминаніями, ни древностію, ни особенными чудесами,—слѣдуетъ приписать торности мѣста, на которомъ она находится: съ одной стороны—близъ торговыхъ рядовъ и отличающагося издревле исключительною своею религіозностію купечества, а съ другой—подлѣ присутственныхъ мѣстъ, собиравшихъ повседневно въ нѣдра свои—толпы алчущихъ и жаждущихъ судейской правды. Икону эту и нынѣ постоянно возятъ по богомольцамъ, въ дома; монахамъ, приставленнымъ къ часовнѣ, и Московскому митрополиту она доставляетъ громадную прибыль. Списокъ съ иконы Троеручицы принесенъ Никону изъ Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря. О происхожденіи третьей руки на этой иконѣ есть такая легенда, что Іоанну

Дамаскину была отсѣчена рука по приказу князя Амира; послѣ долгой молитвы Богородицѣ святой уснулъ; во снѣ явилась ему Пресвятая и исцѣлила его; въ память же этого событія Дамаскинъ, по древнему обычаю, привѣсилъ къ образу Богородицы серебряную ручку. Въ текстѣ картинки разсказывается этотъ случай иначе: третья рука будто бы сама написалась на иконѣ; гласъ съ неба запретилъ изографу уничтожать ее, и, какъ замѣчается въ концѣ текста Аѳонскій архимандритъ Никаноръ, «икона сія по дѣйству чудотворенія имѣетъ три руки, а не по естеству рожденія».

Въ XVII вѣкѣ, кромѣ особаго чествованія иконъ Богородицы, установленъ папами особый обрядъ коронованія ихъ или украшенія иконъ коронами; у насъ была коронована такимъ образомъ въ 1773 году икона Богоматери Почаевской.

По замѣчанію Буслаева, «вліяніе католической поэзіи на русскихъ людей XVII вѣка составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ историческомъ развитіи не только литературы нашей, но и самыхъ идей и убѣжденій нравственныхъ и религіозныхъ. Русскія повѣствованія религіознаго содержанія, предшествовавшія той эпохѣ, не смотря на нѣкоторыя любопытныя черты для исторіи нравовъ, отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ и бѣдностью характеровъ, событій и всякихъ жизненныхъ подробностей». Всего замѣтнѣе такая бѣдность и однообразіе въ житіяхъ русскихъ святыхъ. «Повѣствованіе обыкновенно начинается напыщенною похвалою герою разсказа, въ которой обиліе риторическихъ фразъ обличаетъ пустоту воображенія и тупость фальшиваго чувства. Затѣмъ, въ общихъ мѣстахъ, восхваляется добродѣтельное житіе родителей героя, очень часто приводится обычный мотивъ о ихъ брачномъ безплодіи, которое, по особенному, сверхъестественному случаю, разрѣшается рожденіемъ героя,—въ чемъ обыкновенно полагаетъ наивный описатель главную ихъ заслугу въ глазахъ благочестиваго читателя. Дѣйство и отрочество героя описывается особенно безцвѣтно, безъ сомнѣнія—по недостатку въ идеяхъ о воспитаніи. Онъ

учится грамотѣ, иногда прилежно и съ успѣхомъ, иногда лѣнится или не понимаетъ; но, вслѣдствіе какого-нибудь чудеснаго явленія, вдругъ пріобрѣтаетъ всю книжную мудрость. Въ юныхъ лѣтахъ предается аскетизму; иногда успѣваетъ предупредить женитьбу, иногда уже отъ жены бѣжитъ въ монастырь, постригается въ немъ...; затѣмъ основываетъ свой монастырь, слава о подвижничествѣ его разносится въ окрестностяхъ и монастырь богатѣетъ. Заслышавъ о богатствѣ монастырскихъ старцевъ, неоднократно ихъ грабятъ то разбойники, то мѣстные начальники и воеводы. Герой повѣствованія, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, обыкновенно не отличается никакими особенными индивидуальными качествами. Вотъ общая программа большей части назидательныхъ повѣствованій, предшествующихъ на Руси вліянію католической поэзіи. Герои этихъ повѣствованій не могли быть разнообразны уже и потому, что у всѣхъ у нихъ было одно стремленіе аскетическими подвигами отрѣшиться отъ соблазновъ дѣйствительности, стать выше ея, такъ сказать—отвлечь свою личность отъ всего окружающаго. Историкъ русскаго народа, въ дѣятельности многихъ изъ этихъ аскетовъ, можетъ усмотрѣть практическіе замыслы: борьбу съ невѣжествомъ поселянъ и съ своекорыстіемъ князей, даже иногда желаніе господствовать и пріобрѣтать; но описатель житія, часто писавшій по заказу, и обыкновенно пристрастный къ своему герою, а всего чаще недогадливый, только по наивности кое-гдѣ обмолвится не въ его пользу; вообще же остается вѣренъ своей программѣ общихъ мѣстъ, и вмѣсто живой личности, руководимой обстоятельствами жизни, рисуетъ туманный очеркъ благочестиваго подвижника,—вѣчное повтореніе одного и того же отвлеченнаго идеала, сквозь сіяющій ореолъ котораго простому глазу не видно индивидуальнаго облика человѣческаго».

«Впрочемъ духовныя повѣствованія, предназначавшіяся для людей грамотныхъ, мало были извѣстны въ массахъ народа, которыя относились къ святынь только практически, то-есть прибѣгали къ ней

за пособіемъ въ своихъ нуждахъ и несчастіяхъ, преимущественно въ болѣзняхъ. Чудеса, которыя цѣлыми сотнями приисковываются въ концѣ русскихъ житій, — такъ же однообразны, какъ была однообразна древняя русская жизнь, и такъ же безцвѣтны, какъ отвлеченны были самыя повѣствованія. Практическое отношеніе къ святынь сильно поддерживалось и на Западѣ католичествомъ; но тамъ оно уравновѣшивалось теоретическими интересами, которые съ ранней эпохи среднихъ вѣковъ воспитывались въ народѣ множествомъ поэтическихъ передѣлокъ житій и другихъ церковныхъ сюжетовъ, въ формѣ поэмы или мистерій, въ которыхъ свѣтская поэзія расширила замкнутый кругъ клерикальных идей. Напротивъ того, на Руси свѣтскій элементъ не могъ пересилить церковнаго, и народныя массы, прибавляясь самымъ ограниченнымъ выборомъ легендарныхъ темъ въ своихъ, такъ называемыхъ, Духовныхъ стихахъ, не могли усвоить себѣ всего богатаго содержанія религіозныхъ преданій и легендъ, относились къ нимъ только съ своими практическими видами. Для удовлетворенія этой цѣли распространялись въ народѣ листы, которыми набожные люди руководствовались въ своемъ домашнемъ обиходѣ» *). Въ этихъ листахъ сообщаются донельзя краткія свѣдѣнія о жизни изображенныхъ на нихъ святыхъ. Изъ нихъ вѣрующій узнаетъ, напримѣръ, объ Артеміѣ Веркольскомъ, что преподобный Артемій былъ убитъ молніей въ то время, когда пахалъ пашню; тѣло его, не зарывая въ землю, прикрыли хворостомъ; вскорѣ одинъ клирикъ, собиравшій въ полѣ ягоды, увидѣлъ надъ хворостяной кучей сіяніе и объявилъ о томъ своимъ прихожанамъ, которые нашли тѣло Артемія нетлѣннымъ и перенесли его въ церковь: и начали отъ того чуда происходить и исцѣленія отъ трясавичной болѣзни. О Василиѣ Блаженномъ сказано только, что онъ жилъ въ царствованіе Ивана Грознаго, «всегда нагъ хождаше» зиму и лѣто, и что погребалъ его самъ митрополитъ Мака-

*) Вуслаевъ, «Примѣсы католическаго папства къ византійскому въ русскихъ народныхъ книгахъ и гравюрахъ XVII вѣка», 277.

рій (ср. 253). О Дмитріѣ царевичѣ сообщено свѣдѣніе о его убійствѣ *). Объ архіепископѣ Іоаннѣ Новгородскомъ рассказано, какъ онъ услышалъ однажды въ сосудѣ, въ которомъ держалъ воду, «нѣкоего боробрющъ въ водѣ, и закрестилъ сосудъ. Этотъ боробрющій оказался бѣсомъ, на которомъ Іоаннъ съѣздилъ въ Іерусалимъ, приложился къ Гробу Господню и вернулся въ Новгородъ (Кушелевъ, Памяти., I. 246).

Для набожнаго человѣка главный интересъ сосредоточивался не въ житіи святаго, а въ его чудесахъ, которыя съ давняго времени и составляли всю суть народныхъ листовъ. Чудеса эти записывались въ старину домашнимъ порядкомъ; въ житіи преподобнаго Терапонта, напримѣръ, упоминается, что нѣкая жена пришла въ монастырь и спрашивала: гдѣ записываютъ чудеса преподобнаго Терапонта чудотворца — «есть ми повѣдати исцѣленіе сына моего». Во многихъ росписяхъ чудесъ встрѣчаются такія ссылки: „въ нѣкоторое время повѣда намъ такой-то“ (Рукоп. Соловецк. монаст. № 182, л. 67 об.), или: «мы же слышавше отъ самого исцѣлителя» (тамъ же № 79, л. об.), или: «азъ сія слышахъ отъ усту его и написахъ» (тамъ же № 288, л. 9 об. **). Чудеса вносились въ росписи и послѣ открытія мощей, такъ что въ росписяхъ XVI в. дѣлались приписки о чудесахъ, бывшихъ въ XVIII и даже XIX вв.

Признаніе угодника святымъ дѣлалось старину — само собою, по безмолвному народному приговору, и затѣмъ укрѣплялось за нимъ давностію. Но уже въ началѣ XVII вѣка, для такого признанія, требовалась, повидимому, своего рода канонизація: такимъ образомъ составлены были росписи чудесамъ новоявленныхъ

*) Въ одномъ сказаніи говорится, что царевичъ убитъ по приказанію Бориса Годунова въ городѣ Угличѣ, 15 мая, Никитой Качаловымъ и Данилой Битяговскимъ, которые были посланы имъ для того въ Угличъ; здѣсь, когда нянька царевича вывела его изъ палаты на нижнее крыльцо, убійцы закололи его, тогда пономарь, увидѣвъ убійство, побѣжалъ на колокольню и началъ звонить; убійцы же выбили бревномъ дверь, сѣли на коней и усаkali. Мощи царевича перенесены въ Московскій Архангельскій соборъ 3 іюня 1606 года.

**) Владиміровъ, «Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго парфчія въ XVI и XVII вв.», Казань 1878, стр. 6.

святыхъ Ивана и Логина Яренскихъ, въ видѣ сыскныхъ сказокъ, собранныхъ дяками съ разныхъ людей Двинскихъ и Поморскихъ, ставшихъ въ роспросѣ, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси крестному цѣлованію *). При открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго въ январѣ 1757 года «ниже явленные люди», — какъ сказано на одной картинѣ, — «являсь, сами собою показали по самой сущей правдѣ и христіанской совѣсти» о различныхъ, бывшихъ съ ними чудесахъ; затѣмъ чудеса эти были рассмотрѣны коммиссіею изъ духовныхъ лицъ; сохранились даже извѣстія, что одна картинка съ изображеніемъ чудесъ св. Димитрія, вышедшая до такого рассмотрѣнія, была конфискована и уничтожена: «понеже оныя чудеса Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ еще не были апробованы» **). Въ числѣ лицъ, «явившихъ» объ этихъ 36 чудесахъ, названы: два канцеляриста, сынъ майора, вдова полковница, дячиха, пономариха, два попа, дяконъ, пономарскій сынъ, нѣсколько купцовъ и фабричный, — остальные крестьяне; самыя чудеса состояли въ обычномъ исцѣленіи отъ разслабленія, каменной болѣзни, безумія, икоты и лихорадки. Одна жена слышала гласъ: «отыде противниче, — заклинаетъ тя Димитрій Митрополитъ...» и почувствовала себя отъ болѣзни свободно; другой привидѣлось во снѣ, что въ Москвѣ пожаръ и св. Димитрій идетъ тушить его, — и на самомъ дѣлѣ былъ въ Москвѣ пожаръ на другой день.

Краткія извлеченія изъ житій и легендъ встрѣчаются только подъ немногими изображеніями святыхъ византійскаго происхожденія, при чемъ извлеченія эти всегда заимствованы изъ тамошнихъ и западныхъ источниковъ, съ большими сокращеніями. Такимъ образомъ объ Андреѣ юродивомъ Цареградскомъ сказано только, что онъ съ отроческихъ лѣтъ началъ юродствовать: пилъ воду изъ кальной лужи, при чемъ проходившіе кричали на него — «како піеши похабе»; а жена нѣкая Варвара узрѣла

Андрея, который будто столпъ пламенный ходилъ въ народѣ, блистая искрами.

О Ѳеодорѣ Стратилатѣ говорится, что онъ былъ мученъ по приказу царя разными муками и затѣмъ усѣченъ въ голову. Объ Ипатіи чудотворцѣ рассказана цѣлая финансовая аллегорія, — о томъ, какъ при восшествіи на царство Константина, сына Константина Великаго, къ чертогамъ царскимъ, гдѣ находились всѣ сокровища, приползъ громадный змѣй и, оцѣпивъ чертоги, положилъ голову свою у входа, никому не дозволяя войти въ казнохранилище; Ипатій же взялъ жезлъ, всунулъ его змѣю въ зубы, сказавъ: «во имя Господа моего Іисуса Христа послѣдуй за мною», и послѣдовалъ за нимъ змѣй, и открылось казнохранилище на общее расхищеніе *).

*) Такія же краткія свѣдѣнія помѣщены о мученикѣ Мины и преподобномъ Петрѣ Аѳонскомъ. Одинъ купецъ отправился на поклоненіе мощамъ мученика Мины; дорогою случилось ему ночевать въ одномъ домѣ; хозяева этого дома запримѣтили у купца деньги, убили его и похитили деньги; въ ночь явился хозяину св. мученикъ Мина, въ видѣ воина, обличилъ его, а купца воскресилъ и отдалъ ему похищенные у него деньги. Другой человекъ, Евтропій, заказалъ два блюда: одно для себя, а другое въ церковь св. Мины; послѣднее блюдо вышло красивѣе, и умыслилъ Евтропій удержать его, свое же отослалъ въ церковь; и вотъ, однажды, когда Евтропій ѣхалъ на кораблѣ, послѣ обѣда рабъ его понесъ на край корабля блюдо св. Мины, чтобы обмытъ его, и внезапно вышелъ изъ моря нѣкій человекъ, выхватилъ у него блюдо и скрылся. — Преподобный Петръ Аѳонскій былъ сперва воеводою, потомъ постриженъ Папою въ монахи и ушелъ на Аѳонъ, — сперва въ монастырь, а потомъ въ пещеру. Дьяволъ, ненавидя спасенія человѣческаго, употреблялъ всѣ козни, чтобы выжить святаго изъ той пещеры: наполнилъ ее сонмомъ звѣрей и гадовъ и даже преобразился въ одного изъ отроковъ Петровыхъ, которые служили ему въ мірѣ, «и притомъ припаде усердно къ преподобному и хотѣше его прельстити, исполненъ сый мерзости»; потомъ преобразился онъ въ архангела; но все было тщетно, и святой устоялъ въ своей вѣрѣ, продолжалъ подвизаться въ той пещерѣ и въ ней кончилъ свою жизнь. Въ болѣе полномъ извлеченіи встрѣчаемъ мы въ народныхъ картинкахъ слѣдующія четыре житія святыхъ: преподобнаго Герасима, Петра мытаря, мученика Евстафія Плакиды и преподобной Маріи Египетской.

1) Легенда о преподобномъ Герасимѣ и его левѣ заимствована изъ Кіевского Лимонаря 1624 г., въ которой она перешла изъ западныхъ источниковъ. Герасимъ, гуляя разъ по берегу Іордана, встрѣтилъ раненаго льва, выпулъ запозу изъ ноги его, обмылъ его рану и обвязалъ платкомъ, — левъ сталъ ходить вездѣ за нимъ; и приказалъ преподобный леву пасти осла, на которомъ возили въ монастырь воду. Однажды левъ уснулъ на сторожбѣ, а Аравитяне увели у него осла; Герасимъ же, думая, что левъ съѣлъ осла, — приказалъ ему самому возить въ монастырь воду. Черезъ годъ тѣ же Аравитяне проѣзжали мимо и опознали левъ у нихъ монастырскаго осла, отняли у нихъ осла и верблюдовъ и привели въ монастырь. Затѣмъ, пробывъ въ монастырѣ 15 лѣтъ, левъ ушелъ въ пустыню; по нѣкоторомъ времени вернулся онъ въ монастырь и принесъ преподобнаго Герасима въ живыхъ; монахи по-

*) Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871, стр. 423.

**) Указъ Сенатскій 6 ноября 1769 г. (Полное собраніе законовъ, № 11140).

Интересна также легенда о св. мученикѣ Христофорѣ (№ 254).

Легенды о Георгіѣ побѣдоносцѣ, столь распространенныхъ въ калличихъ пѣсняхъ и рукописныхъ сборникахъ,—въ народныхъ картинкахъ не встрѣчается: въ нихъ находимъ мы одни изображенія святаго съ разныхъ иконъ его, въ томъ числѣ и съ иконы, находящейся въ Георгіевскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ, извѣстной въ

казали ему гробъ преподобнаго; и уразумѣлъ левъ, и, рыкнувъ, ударился о гробъ его до смерти; и погребли монахи льва рядомъ съ преподобнымъ.

2) Во Фригіи жилъ пѣкто Петръ мытарь, человекъ богатый, но зѣло немилостивый къ нищимъ, и никогда не подававшій имъ милостыни. И поспорилъ одинъ нищій со своею братією, что Петръ подастъ ему милостыню, и сталъ у воротъ дома его; въ это время пріѣхалъ Петръ съ цѣлою корзиною хлѣбовъ, пагуженою на осля; сталъ у него просить тотъ нищій милостыни; и Петръ, съ досады, схватилъ одианъ хлѣбъ, вмѣсто камня, и пустилъ имъ въ лицо нищему; нищій же, пришедъ къ братіи, сказалъ, что этотъ хлѣбъ подавъ ему Петромъ въ милостыню. Черезъ два дня Петръ заболѣлъ и умеръ; и стали ангелы вѣнчать дѣла его, и не нашли ни одного добраго дѣла, чтобы положить противъ злыхъ, кромѣ только того хлѣба, который былъ данъ имъ нищему; и сказали ему ангелы: иди, убогий Петръ и приложи къ хлѣбу сему, да не похитятъ тебя демоны въ адъ. Тогда душа опять вошла въ тѣло Петрово, и сталъ онъ милостивъ, роздалъ имѣніе свое нищимъ, и рабовъ освободилъ; самъ же съ однимъ слугою отправился въ Іерусалимъ ко гробу Господню. Тамъ, по его приказанію, слуга продалъ его въ рабство, а вырученныя деньги роздалъ нищимъ; и сталъ служить Петръ господину своему, работая и мучая тѣло свое. Однажды пришли къ тому господину изъ Фригіи гости, узнали Петра мытаря и объявили хозяину; Петръ же, услышавъ ихъ объявленіе, тайно ушелъ изъ дома. Былъ же вратарь того дома глухъ и нѣмъ, и, подошедъ къ нему, Петръ сказалъ: «во имя Господа нашего Іисуса Христа отверзи мнѣ», и отвѣтилъ ему нѣмой: «се азъ, Господи, отверзну», и отвернулъ ворота. И удивился хозяинъ чуду тому; Петръ же мытарь скрылся изъ дому.

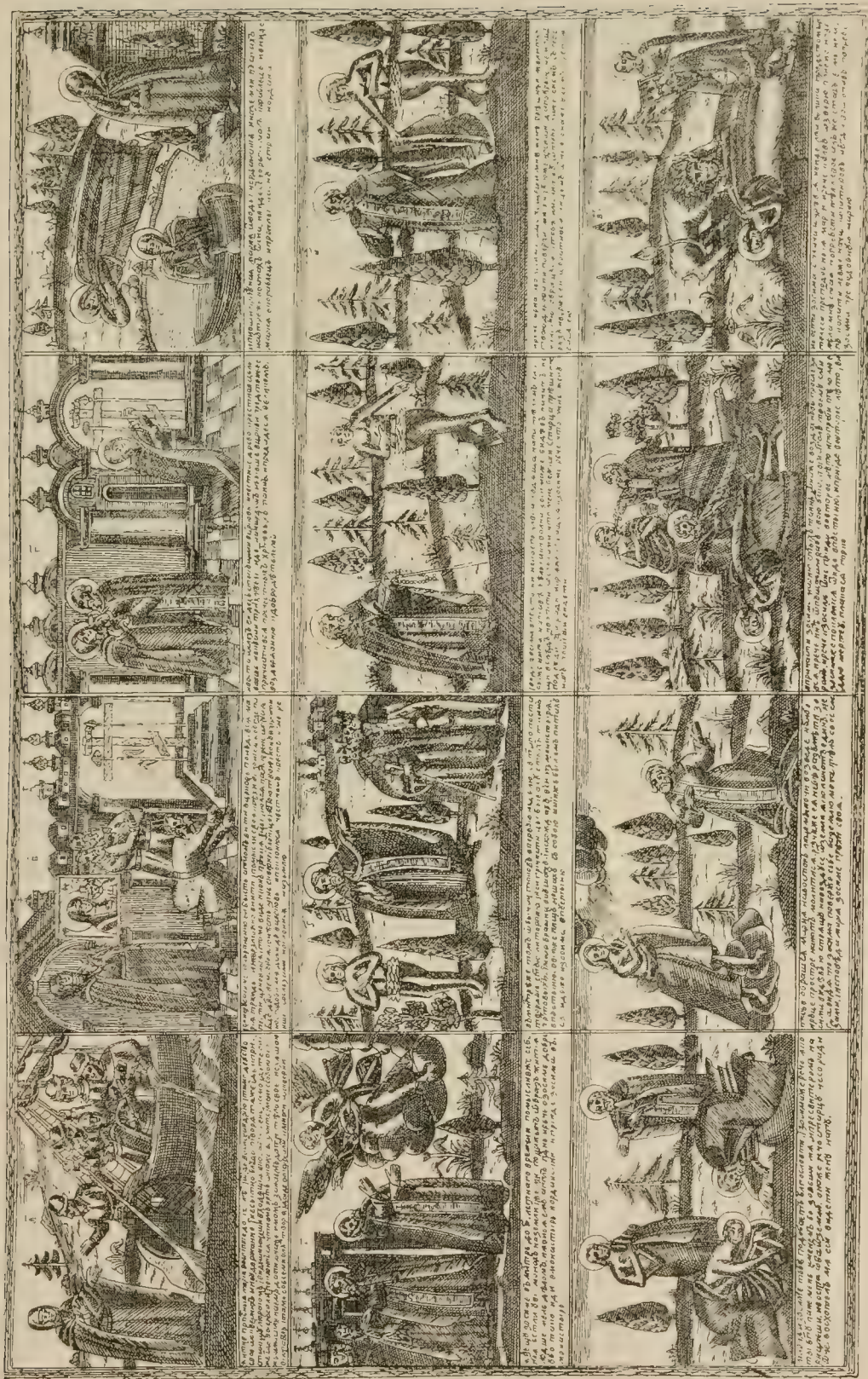
3) Изычникъ Плакида, бывши однажды на охотѣ, преслѣдовалъ оленя, который, не допустивъ его до себя, возопилъ человѣческимъ голосомъ: «что мя гониши, азъ есмь Христосъ»—причемъ на головѣ оленя возсіялъ крестъ Господень. Вернувшись въ городъ, Плакида крестился у іерея и принялъ имя Евстафій. Отсюда начинаются искушенія его: во 1-хъ, Евстафій скоро послѣ того обнищалъ; во 2-хъ, корабельники отняли у него жепу за перевозъ, такъ какъ у него не было денегъ расплатиться съ ними. Въ 3-ю бѣду Евстафій потерялъ обоихъ дѣтей своихъ: случилась ему надобность перейти черезъ быструю рѣку; и не могъ онъ перенести черезъ нее обоихъ чадъ своихъ разомъ, а перенесъ сперва одного, когда же отправился за другимъ и былъ уже на половинѣ рѣки, пришли левъ и волкъ и унесли дѣтей его. Съ горя Евстафій нанялся въ работники; но здѣсь посланные отъ царя узнали его и отвезли къ царю. Евстафій освободилъ царство отъ нашествія варваровъ и былъ взысканъ отъ царя милостями; вскорѣ послѣ того отыскался жена его и дѣти, и Евстафій возвратился съ ними въ Римъ. Здѣсь царь Адрианъ, пежавидѣвшій христіанъ, приказалъ Евстафію отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, а такъ какъ Евстафій отказался исполнить это приказаніе, то, по царскому приказу, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми былъ истязуемъ и, наконецъ, сожженъ въ мѣдномъ быкѣ.

средѣ богомольцевъ по своимъ куріознымъ чудесамъ *).

Сказанія о дьяволѣ составляютъ въ нашихъ народныхъ картинкахъ довольно значительный отдѣлъ; прежде всего дьяволъ является въ нихъ, какъ врагъ рода человѣческаго, готовый пакостить человеку при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ рисункахъ библии Кореня, заимствованныхъ изъ Палеи, онъ является три раза: самое происхожденіе его отнесено къ четвертому дню творенія, въ который, какъ сказано въ текстѣ 4-й картинки библии,—«помысли сатана: сотворю себѣ престолъ, и буду равенъ Богу,—и обрѣтется въ безднѣ»; затѣмъ онъ, въ образѣ змѣя, соблазняетъ Еву вкусить запрещеннаго плода, и, наконецъ, подучаетъ Каина убить Авеля. Въ легендахъ дьяволъ является непрощеннымъ при всякомъ произношеніи его

4) Житіе Маріи Египетской (№ 252) заимствовано изъ Золотой Легенды Іакова де Воррагине. По картинкѣ Марія прожила въ Египтѣ до 12 лѣтъ; потомъ она «отыде въ Александрію и тамо дѣвство свое оскверни и неудержанно и песьно блудъ творя; тоже иде къ пристанищу морскому и видѣша юноши входящія въ корабль, и рече: камо идете? Они же: идемъ въ Іерусалимъ поклониться честному кресту; она-же: возьмите и меня съ собою. Они-же: имаша ли наемъ дати? Она-же: имамъ за наемъ дати тѣло свое. И взяша ее въ корабль и тамо со всѣми блудъ творя, и донде въ Іерусалимъ, и многихъ оскверни». Въ Іерусалимѣ ангелъ три раза возбранялъ ей входить во храмъ; но Марія припесла покаяніе и тогда была допущена къ святыни. Затѣмъ ходила она на Іорданъ, а оттуда удалась въ пустыню, гдѣ и жила въ постѣ и молитвѣ. Здѣсь встрѣтилъ ее преподобный Зосима и, увидавъ пагого человека съ головою покрытою бѣлыми волосами, пошелъ за нею; но она не допустила его до себя, говоря со слезами: «что мене жену пагу хочещи видети; дай мнѣ ризу да покрою немощъ женскую». Получивъ ризу отъ Зосимы, Марія покрылась ею и начала молиться Богу; и увидѣвъ ее Зосима стоящею на воздухѣ, и поклонился ей. Тогда Марія исповѣдалась Зосимѣ и причастилась; и разошлись они въ разныя стороны. На другой годъ Зосима вернулся въ пустыню, но уже нашель Марію Египетскую мертвою,—левъ сторожилъ ея тѣло. И приказалъ Зосима льву выкопать могилу и похоронилъ Марію.

*) Имя Великому мученику Георгію пользуется особеннымъ уваженіемъ въ народѣ; про Егорья храбраго поютъ каллики множество духовныхъ стиховъ: какъ онъ родился,—поги по колѣна въ серебрѣ, руки пѣлокотъ въ золотѣ, голова вся жемчужная (Безсоповъ, Каллики, I. 393),—и какъ онъ избавлялъ царевну Олесафію (въ другихъ пѣсняхъ Лизавету) отъ чудища. Уже привели Олесафію къ мѣсту на сожреніе, но явился ея избавитель св. Георгій: передъ подвигомъ легъ онъ отдохнуть и, положивъ къ ней на колѣна голову, приказалъ царевнѣ поискать пороха (т. е. випей), покуда не восколеблется море; потомъ, послѣ боя съ чудищемъ, Георгій, побѣдивъ его, привязываетъ чудище на шелковый поводъ царевны и приводитъ къ царю, ея отцу (Каллики, I, 393—524, 744). Въ деревняхъ на Егорья выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле.

253. История Маріи Египетской въ 12 картинкахъ XVIII вѣка.

253. Московскіе святые—блаженные Василиій и Максимъ.

имени *) и присутствуетъ при всѣхъ обиходныхъ занятіяхъ человѣка. Сидитъ ли человѣкъ за трапезой,—черти тутъ, какъ тутъ: одинъ пакоститъ въ кушанье, другой играетъ на гудкѣ, третій выплясываетъ трепака; при жизни, дьяволъ научаетъ человѣка не ходить въ церковь, не раздавать милостыни,—на этотъ послѣдній предметъ есть даже особый специальный дьяволъ: «замкни калита», который научаетъ грѣшника закрывать кошелекъ свой при видѣ нищаго. Ангелъ Хранитель принужденъ днемъ и ночью охранять человѣка отъ козней дьявола, который употребляетъ всѣ возможные ухищренія, чтобы не упустить своей жертвы и не дать покаяться грѣшнику. По этому предмету въ народныхъ картинкахъ помѣщена слѣ-

*) Въ нашей народной картинкѣ, заимствованной изъ Великаго Зеркала, рассказана по этому предмету слѣдующая исторія: одинъ мужъ добродѣтельный, вернувшись домой, крикнулъ слугѣ своему—«пришедъ чертъ изуй мя»; и тотчасъ же сапоги стали сами собою сниматься съ превеликимъ трещаніемъ и прыткостію, и перепеслись въ непотребное мѣсто; и уразумѣлъ добродѣтельный мужъ, что то было дѣло дьявола. Повѣрье о томъ, что дьяволъ является на всякій призывъ и проиводитъ человѣку всякія пакости, существовало и на Западѣ.

дующая легенда, заимствованная изъ Великаго Зеркала и напоминающая, до нѣкоторой степени, Гоголевскаго Вія: од-

254. Мученикъ Христофоръ.

ного князя, который желалъ скорого прощенія грѣховъ, священникъ поставилъ на одну ночь въ пустую церковь за городомъ. И собрались демоны, чтобы соблазнить его: одинъ изъ нихъ принялъ на себя видъ любимой его сестры, и сталъ вызывать изъ храма, но не успѣлъ въ этомъ. Другой демонъ, принявъ на себя видъ княжеской жены, пришелъ съ его ребенкомъ, и, бросивъ ребенка о полъ, сталъ говорить: «вернись въ домъ твой, безъ тебя напали на насъ разбойники, и все имущество твое пограбили», но и его князь не послушалъ. Тогда началась страшная буря, громъ и молнія, церковь загорѣлась, и демоны, принявъ видъ жителей города, наполнили церковь съ криками: «спасайся князь, пожаръ»,—не оставилъ-таки князь церкви. И принялъ одинъ изъ демоновъ на себя образъ попа, который, приказавъ ударить къ заутрени, вошелъ въ церковь и началъ высылать князя вонъ, яко беззаконника; но и тутъ устоялъ князь. Вскорѣ затѣмъ возсіяла заря и вышелъ князь изъ церкви, очищенный отъ грѣховъ своихъ.

XXVII. ТРАПЕЗА БЛАГОЧЕСТИВЫХЪ И НЕЧЕСТИВЫХЪ.

Дьяволъ старается совратить съ пути добродѣтели не только простыхъ смертныхъ, но и святыхъ подвижниковъ, какъ, напримѣръ, преподобнаго Макарія (№ 255) и преподобнаго Антонія (№ 257 *).

255. Преподобный Макарій и бѣсъ.

Такіе соблазны не всегда, однакоже, сходили ему съ рукъ благополучно. Разъ какъ-то Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, услышалъ въ сосудѣ, въ которомъ

*) Сюда же относится и замѣчательная повѣсть о бѣсѣ Зереферѣ, извѣстная въ рукописной литературѣ подъ названіемъ повѣсти о дьяволѣ. Былъ нѣкій старецъ, великій подвижникъ и прозорливецъ, — даже бѣсы хвалили его другъ другу и не смѣли къ нему приближаться; однажды бѣсъ, по имени Зереферъ, разсуждалъ съ своимъ товарищемъ: приметъ ли Богъ дьявола, если покается, и проститъ ли ему, и рѣшилъ спросить о томъ старца. Для сего Зереферъ принялъ на себя человѣческій образъ и, пришедъ къ старцу, плача и рыдая, спрашивалъ его: вопроси Господа, приметъ ли Онъ покаяніе отъ дьявола; если приметъ, то и мое приметъ, ибо я не менѣе дьявола грѣшенъ. Старецъ же приказалъ Зереферу придти на утро, а въ ночь вопросилъ Господа. И прислалъ ему Господь ангела, который повѣдалъ ему, что приходилъ къ нему за совѣтомъ не человѣкъ, а дьяволъ; но что милостивый Богъ, который никому не желаетъ преградить пути ко спасенію, приказалъ сказать ему, что и дьяволъ будетъ прощенъ Имъ, если согласится простоять три года на одномъ мѣстѣ и, обратившись на востокъ, проговорить сто разъ — помилуй мя древнюю злобу и сто разъ — Боже, помилуй мя мерзость и запустѣніе, и еще сто разъ — Боже, спаси мя помраченную прелесть. И объявилъ старецъ дьяволу на другой день повелѣніе Божіе; но не согласился на такое для себя безчестіе Зереферъ и, наругавшись старцу, скрылся, — «яко древнее зло новымъ добромъ быти не можетъ» прибавляетъ легенда. Въ повѣсти о водвореніи христіанской вѣры въ Ростовѣ упоминается бѣсъ Зереоусъ; не пѣзъ него ли передѣланъ нашъ Зереферъ? (см. № 256).

онъ держалъ воду, «бѣса боробрюща въ водѣ», — онъ закрестилъ сосудъ, вытащилъ оттуда бѣса, сѣлъ на него верхомъ, съѣздилъ въ Іерусалимъ, гдѣ приложился къ гробу и кресту Господню, и вернулся назадъ въ Новгородъ. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ врагъ побѣждаетъ человѣка и окончательно покупаетъ у него душу. Такимъ образомъ въ народныхъ картинкахъ бѣсъ неотступно преслѣдуетъ пьяницу-мастерового, который, пропивши съ себя все до нага, продалъ наконецъ бѣсу свою душу; а у нѣкотораго дворянина онъ купилъ жену (См. выше въ отдѣлѣ Божородичныхъ легендъ *).

Что касается до сношенія бѣсовъ съ женщинами, то повѣрье о томъ, что злые и добрые духи, сходя на землю, принимаютъ человѣческіе образы, смѣшиваются съ земными женами и производятъ потомство, — существовало съ глубокой древности. Одно мѣсто въ книгѣ Бытія, въ которомъ говорится о прихожденіи сыновъ Божіихъ къ дочерямъ человѣческимъ, въ первые вѣка христіанства толкователи объясняли смѣшеніемъ духовъ съ человѣческими женами. Мученикъ Іустинъ (105—166 гг.) въ Апологіи своей говоритъ, что ангелы, поставляемые Богомъ для охраненія людей, впали въ совокупленіе съ женами человѣческими и родили сыновей, такъ называемыхъ демоновъ. Въ Еврейской легендѣ разсказывается, что первая жена Адама, Лиллитъ, измѣнивъ ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, которые жили и умирали, какъ простые смертные. Въ сектахъ Манихейскаго склада **) господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною, отъ котораго произошла половина рода человѣческаго въ лицѣ Каина. Въ средніе вѣка смѣшенію бѣсовъ съ женщинами не только вѣрили, но и производили отъ такихъ смѣшеній извѣстныя личности; у насъ отъ такого смѣшенія производили Полоцкаго князя Всеслава

*) См. тоже русскую повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ и польскій романъ о Панѣ Твардовскомъ, заключавшими условіе съ дьяволомъ на свою душу.

**) Приписывавшихъ сотвореніе матери злему духу; къ нимъ принадлежатъ: Павликіане, Катарры и Альбигойцы.

(въ XI в.) *). Въ горячей Испаніи, въ половинѣ XVI вѣка, одна игуменья, Магдалина Крусса, покаялась самому папѣ въ томъ, что, будучи еще 12-ти лѣтней дѣвочкой, совокупилась съ дьяволомъ, и затѣмъ 30 лѣтъ жила съ нимъ въ связи; другая монахиня, Гертруда, въ продолженіе 14 лѣтъ, вела любовную переписку съ самимъ сатаною. Пикъ де Мирандола называетъ двухъ огнеупорныхъ монаховъ, — одного 75, другого 80 лѣтъ, — которые по сорока лѣтъ жили въ совокупленіи съ демонами женскаго пола; у одного такой демонъ назывался Гермелиною, а у дру-

ронъ, бѣсы насильовали женщинъ и все-лялись въ нихъ противъ ихъ воли; въ этихъ случаяхъ женщины обращались въ бѣсноватыхъ и кликушъ, которыхъ можно еще встрѣтить, хотя и довольно рѣдко въ святыхъ мѣстахъ, прославленныхъ исцѣленіями, и не только въ Россіи, но и на католическомъ Западѣ. Въ числѣ нашихъ народныхъ картинокъ есть одна, представляющая женитьбу дьявола, — впрочемъ, иносказательнаго свойства; затѣмъ есть другая — о пономарской дочери Соломоніи, гдѣ отношенія бѣсовъ къ женщинѣ представлены въ болѣе реальныхъ фор-

256. Притча о бѣсѣ Зереферѣ, картинка XVII в.

гого Пигнетой. У Шейбле приведенъ лентучій листокъ о томъ, какъ жена Гаутмана родила трехъ злыхъ духовъ **). Самъ Лютеръ вѣрилъ подобнымъ баснямъ. Кромѣ такихъ связей бѣсовъ съ женщинами, происходившихъ по обоюдному согласію сто-

махъ. Текстъ картинки заимствованъ изъ рукописной повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи, написанной, какъ сказано въ предисловіи, со словъ двухъ пресвитеровъ, и представляетъ полную картину бѣсноватой, какою только она могла представиться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ *).

*) На Западѣ существовали такая-же легенда о Робертѣ и о многихъ другихъ лицахъ (Scheible, Das Kloster, 197 ff; Dunlop, 468). Цѣлое поколѣніе Гунновъ, по мнѣнію Иорнанды, произошло отъ связи волшебницъ съ злыми духами.

**) Scheible, Das Schaltjahr, IV. 25.

*) Она напечатана въ книгѣ гр. Кушелева-Безбо-родко: Памятники старин. русск. литературы, I. 153; IV. 639.

Дмитрія и жены его Улиты, была выдана родителями замужъ за земледѣльца Матоея. Въ первую ночь брака этотъ Матоей вышелъ «на предверіе храмины, телѣсныя ради нужды»; этимъ временемъ воспользовался дьяволъ, подошелъ къ двери «невѣстина чертога», и сказалъ человѣческимъ голосомъ: «Соломоніе! отверзи!» — Соломонія, подумавъ, что это вернулся ея мужъ, отворила дверь, «і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихорь велій, і явился аки пламя нѣкое огненно і сине». Всю ночь эту Соломонія не смыкала глазъ, а на третій день почувствовала у себя въ утробѣ дьявола. На девятый день явился къ ней демонъ «звѣрскимъ образомъ, мохнатая имуща когти *), и ляже къ ней на одръ... и оскверни еѣ... и съ того дня окаяннии демони начаша къ ней приходить, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести человѣческимъ зракомъ, якоже нѣкоториі прекрасніи юноши, и тако нападоху на нея, і скверняху еѣ».

Мужъ Соломоніи, со страху, отвелъ еѣ къ отцу; но и тамъ «окаянни демони хождяху и скверняху еѣ». Наконецъ на неѣ стали нападать и сквернить демоны водяные, которые похищали ее, уносили въ воду; держали тамъ по три дня, и всяческими истязаніями принуждали перейти въ ихъ вѣру и остаться у нихъ жить навсегда. У водяныхъ чертей Соломонія встрѣтила дѣвку Ярославну, которая научила еѣ не поддаваться бѣсамъ. Въ легендѣ рассказывается, какъ Соломонія рожала чертей: носила она плодъ свой полтора года; въ первый разъ родила

шестерыхъ чертенятъ, которые засосали еѣ почти на смерть; потомъ еѣ «демони паки съ собою унесеша и сквернили еѣ. І паки зачаша», и родила двухъ демоновъ. «Въ ино же время родила единаго демона, и паки родила двоихъ демоновъ», — послѣ чего демоны снова унесли ее въ воду сквернить; здѣсь дѣвка Ярославна назвала

257. Бѣсы искушаютъ св. Антонія, картинка XVIII в.

ей имена главныхъ бѣсовъ и научила ее, когда вернется на землю, проклясть тѣ имена въ святомъ алтарѣ. Это средство подѣйствовало, — бѣсы на время оставили ее. Въ ночномъ видѣніи явилась ей преп. муч. Θεодора и объявила, что всѣ ея страданія происходятъ отъ того, что ее «попъ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполнилъ». Вслѣдъ за тѣмъ, въ 179 году, Соломонія снова почувствовала въ себѣ бѣса, который началъ «въ утробѣ ея рватися і прогрызе у нея лѣвый бокъ насквозь». Соломонію стали водить по церквамъ, въ когорыхъ она вопила, видѣла разныя видѣнія, имѣла разговоръ съ Богородицей, и получила наконецъ, въ два пріема, исцѣленіе отъ Устюжскихъ чудотворцевъ Проконія и Іоанна. Въ первый разъ, какъ рассказываетъ она, святые явились ей наединѣ: «Проконій перекрестилъ рукою своею утробу мою, а святой Іоаннъ, держа копейцо въ рукѣ малое, і той приступи ко

*) Въ нашихъ старинныхъ миниатюрахъ и на образахъ дьяволъ представляется, точно такъ, какъ и на Западѣ, въ полу-человѣческомъ и полу-скотскомъ видѣ, въ шерсти, съ хвостомъ, съ рогами на головѣ и съ когтями на рукахъ и ногахъ (Dunlop 309); въ этомъ-же видѣ онъ рисуется въ нашихъ народныхъ картинкахъ; въ лицевыхъ апокалипсисахъ черти изображаются въ болѣе разнообразныхъ формахъ, а въ искушеніи св. Антонія помещено цѣлое собраніе демоновъ, въ видѣ разныхъ фантастическихъ звѣрей, заимствованныхъ впрочемъ съ западныхъ оригиналовъ Калло и Теньера.

мнѣ; і разрѣза утробу мою, і взя изъ меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і вѣсти въ руцѣ его; і святыи Прокопій показа ми демона и рече: Соломоніе! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣніемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помость і закла его кочергами. Святыи же Іоаннъ паки нача изимати изъ утробы моея по единому и давати святому Прокопію; онъ же закалаше ихъ по единому. І рекоша святыи: Соломоніе! нынѣ мы у тебя ізяли половину демонскія силы вражѣя, а совершение исцѣленіе пріемеше в дому моемъ, у гроба святого Прокопія», — гдѣ и произошло послѣднее исцѣленіе Соломоніи; послѣ молитвы святому Прокопію, говоритъ она: «въ утробѣ моей не почуяхъ силы вражѣя, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и язва, иже отъ дьявольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ».

Въ заключеніе отдѣла легендъ привожу, въ сокращеніи, нѣсколько легендъ разнаго содержанія. Слѣдующія девять изъ нихъ заимствованы изъ Великаго Зерцала:

1. О нѣкоемъ простолюдинѣ, нехотѣвшемъ слушать слова Божія и не ходившемъ въ церковь; когда его стали отпѣвать, то священники увидѣли, что на образѣ распятаго Христа Спасителя, отторгнувъ руки свои, сталъ зажимать ими уши свои. Тогда прекратили отпѣваніе грѣшника, и тѣло его бросили въ полѣ.

2. Какъ одинъ священникъ назвалъ къ себѣ гостей къ обѣду и накупилъ всякой провизіи, а самъ пошелъ служить обѣдню; и сталъ служить еѣ съ великимъ поспѣшеніемъ, — все думалъ, не испортилась бы дома его провизія. Тогда приходитъ къ нему дьяволъ въ алтарь, въ кухарской испачканной одеждѣ, и приносить купленную провизію, чтобы попъ самъ разсказалъ ему, какъ что сготовить и посолить; затѣмъ, наругавшись надъ попомъ, дьяволъ разметалъ всю провизію въ скверныя мѣста «и бысть невидимъ».

3. Какъ воинъ далъ прощеніе убійцѣ брата своего; Христосъ явился ему во снѣ и объявилъ, что за такое прощеніе ему будетъ дано царствіе небесное.

4. Какъ жена брата Генриха, князя Брабантскаго, будучи 42-хъ лѣтъ, родила 364 ребенка; изъ нихъ всѣмъ младенцамъ женскаго пола дали имя Маргариты, а мужского — Іоаннъ (№ 258).

В. ГОЛАНД
Въписана изъ Великаго Зерцала Глава 520 А

258. О жепѣ князя Брабантскаго, которая родила 364 ребенка.

5. Какъ одинъ монахъ увлекся пѣніемъ нѣкоей райской птицы и послѣдовалъ за нею изъ монастыря въ поле; часа черезъ три, по его расчету, возвратился онъ въ монастырь свой, но тамъ его никто не узналъ; оказалось, что онъ не три часа, а триста лѣтъ слушалъ птичье пѣніе и жилъ внѣ монастыря.

6. О двухъ юношахъ: одинъ шелъ отъ литургіи, а другой посмѣялся ему въ томъ, говоря, что онъ никогда къ литургіи не ходитъ. «И бысть громъ и уби того юношу».

7. О нѣкоемъ роскошникѣ — любителѣ міра сего, котораго, по приказу сатаны, черти парили въ банѣ огненными вѣниками.

8. О томъ, какъ, по видѣнію нѣкоего святаго, изъ тридцати тысячъ умершихъ, всего двѣ души въ рай попали, три вступили въ чистилище, а остальные отправлены въ адъ.

9. Видѣніе нѣкоего святаго о казни, ожидающей лихоимцевъ *).

Далѣе приведу еще притчи, заимствованныя изъ другихъ западныхъ источниковъ, — числомъ 10. Притча св. Варлаама

*) Послѣднія три притчи, какъ сказано въ ихъ текстѣ, были написаны на папертяхъ Симонова и Чудова монастырей.

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть еще притча (12-я), заимствованная изъ Тысячи одной ночи и попавшая оттуда въ рукописное слово Кирила Туровскаго, писателя XII вѣка, а затѣмъ въ рукописные сборники XVII вѣка и въ нашу народную картинку. Притча эта заключается въ себѣ нравоучительный рассказъ о слѣпцѣ и хромцѣ. Оба они нанялись стеречь садъ у одного господина; но запахъ плодовъ соблазнилъ ихъ, и они не выдержали искушенія; хромецъ сѣлъ на слѣпца и вдвоемъ обломали вѣтки съ деревьевъ и навали

слѣпецъ душу. За грѣхи человека тѣло осуждено на смерть; душа же переносится къ Богу, и такъ какъ она всю вину свою сваливаетъ на тѣло, то и будетъ берегаться безъ мученія до второго пришествія; когда же придетъ Господь судить во славу, тогда все души умершихъ соединятся съ тѣлами ихъ, и каждый получитъ должное за поступки свои воздаяніе.

Въ арабскихъ сказкахъ, въ концѣ нравоученія иѣтъ указанія на второе пришествіе; кромѣ того, въ нихъ введено въ рассказъ третье лицо—сторожъ сада, который научаетъ хромца и слѣпца, какъ обворовать садъ; въ концѣ рассказа хозяинъ приказываетъ посадить преступниковъ въ темницу (а не бить нещадно, какъ въ нашей редакціи), гдѣ они и погибаютъ.

Многочисленныя легенды объ Іосифѣ прекрасномъ, столь распространенныя на Западѣ, не вошли въ наши народные картинки, въ которыхъ лицевое житіе Іосифа изображено по библейскому тексту. Отдѣльные эпизоды изъ апокрифическихъ сказаній объ Іосифѣ, о томъ, какъ княжна Апраксѣвна (вмѣсто жены Пентефрія) рушала лебедь и обрѣзала себѣ руку, глядя на Тугарина (вмѣсто Іосифа); какъ та же Апраксѣвна, влюбившись въ паломника Касьяна, старалась соблаз-

260. Притча о немилостивомъ господинѣ.

себѣ плодовъ. Когда вернулся господинъ сада и началъ уличать ихъ, а слѣпецъ и хромецъ стали оправдываться, сваливая бѣду одинъ на другого: «Если бы слѣпой не донесъ меня до дерева,—могъ ли я нарвать плодовъ съ него», говорилъ хромой; «Если бы хромой не указалъ мнѣ плоды, могъ ли я добыть ихъ», возражалъ слѣпой; тогда господинъ сада началъ судить ихъ, приказавъ хромцу сѣсть на слѣпца, точно такъ, какъ это было сдѣлано ими во время воровства плодовъ, и повелѣлъ: «бити ихъ немилостиво». Въ концѣ слѣдуетъ нравоученіе, въ которомъ толкуется, что подъ именемъ хозяина разумѣется въ притчѣ Христосъ, садъ—это земля, хромецъ знаменуетъ тѣло человеческое, а

нѣтъ его и, не успѣвъ въ этомъ, оклеветала его, и какъ этому Касьяну (вмѣсто Венямина) была подвохомъ подложена въ сумку серебряная чарка,—занесены нашими сказателями въ былины. Затѣмъ, въ числѣ народныхъ картинокъ есть одна, напоминающая извѣстные апокрифическіе завѣты патріарховъ, о которыхъ говорится подробно въ примѣчаніи къ этой картинкѣ. Въ заключеніе привожу крайне замысловатый и курьезный текстъ картинки, напоминающій по своему семинарскому краснорѣчію Щербининскіе аттестаты педоучившемуся и переучившемуся студенту богословія. Картинка называется духовной аптекой. — «Старецъ иѣкій вниде во врачебницу и рече ему врачъ: кую

потребу ѿче имѣя вшелъ еси сѣмо (.) ѿвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующее грѣхъ (.) глаголетъ ему врачъ: аще требуеши покажу ти его: возліи корень нищеты духовныя на немъ же вѣтви молитвенныя процвѣтають цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри ѿ терпеливымъ безмолвіемъ, просѣи ситомъ чистой совѣсти, посыпь вкотель послушанія, налей водою слезною ѿ накрої покровомъ любви и подпали теплотою сердечною и разжегши огонь молитвы подымѣи капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ и часто прикладаи на раны сердечныя, и тако уврачуеши болѣзнь душевныя ѿ множества грѣховъ».

Изъ раскольниковъ литературы въ наши картинки вошли: «изъявление» о триперстномъ сложеніи и двѣ картинки хлыстовскаго пошиба. Наше изъявление представляетъ извлечение изъ книжки: «извѣщеніе чудесе... о сложеніи трехъ перстовъ», изданной въ Москвѣ въ 1677 году и составленной въ обличеніе Выговскихъ старовѣровъ, которые защищали древнее двуперстное сложеніе. Позднѣе, почти черезъ полвѣка, къ этимъ старовѣрамъ, или, какъ они сами называли себя, «жителямъ Выговской пустыни», былъ посланъ «отъ императора и синода» іеромонахъ Неофитъ—«имѣти съ ними о происшедшемъ несогласіи такое краткое и безогласное разглаголство, яко принужденія нетворити насильно впроизвольной вѣрѣ», для котораго они составили оправданія своего ученія, извѣстныя въ раскольниковъ литературу подъ названіемъ поморскихъ отвѣтовъ.

Въ этихъ отвѣтахъ, написанныхъ прямо, здраво и логично, и обнаруживающихъ въ составителяхъ большую начитанность и знаніе, Выговцы, защищая двуперстное сложеніе, ссылаются на древнія рукописи и книги, на древнія иконы, которыя положительно говорятъ въ ихъ пользу, а наконецъ на руки Кіевопечерскихъ преподобныхъ Іосифа и Ильи Муромца, у которыхъ «десныя руки были сложены

на двуперстное знаменіе» *). Тогдашнимъ духовнымъ отцамъ было не под силу разобрать ихъ доводы, да и до сихъ поръ многіе изъ нихъ остались не только неопровергнутыми, но даже и ненапечатанными, хотя поморскіе отвѣты представляютъ едва ли не самый замѣчательный и самый толковый памятникъ въ нашей раскольниковъ литературѣ. На обвиненіе Неофита: «что вашимъ де ложнымъ ученіемъ народъ волнуется»,—Выговцы отвѣчали: не нашимъ ученіемъ волнуется народъ, ибо всѣ знаютъ, какъ изстари молились и какія повизны Никономъ введены, «и паче вѣдять, яко за тое древнецерковное содержаніе колицы замучени, колицы народи огнемъ сожжени, быша не въ иныхъ градѣхъ токмо, но и во всемъ Олонецкомъ уѣздѣ, мнози тако пострадаши. Кія гонительныя случаи зѣло разширяють народное вѣдѣніе. И есть ли вопросиши младенцы, есть ли жены истязиши, за кія вины сѣи замучени быша, за что толицы народи огнемъ сожгошася,—всяко услышиши, яко за двуперстное сложеніе, за древнецерковныя книги, за неприманіе новодѣйствуемаго причащенія, всѣ сѣи замучишася или сожгошася. И аще сѣе новопремѣненіе съ гоненіемъ женъ и младенцевъ наполни ушеса,—како можетъ мужей утаитися» (Поморскіе отвѣты, Рукоп. собр. Ундольскаго, № 503, Москов. Публ. Муз.). Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ поморскіе законоучители дѣлають слѣдующее, весьма толковое и вѣское замѣчаніе: «яко въ различности вѣръ во Христа вѣрующіе каждый свою лучшую мнятъ,—обаже древнецерковное благочестіе всѣхъ есть надежнѣйшее» (отв. 98).

Подъ очевиднымъ вліяніемъ хлыстовщины сдѣланы народныя картинки: «Изображеніе благовременнаго покаянія»,

*) Любопытно, что въ то время относительно рукъ Ильи Муромца и препод. Іосифа наши духовные отцы ничего не отвѣтили, а въ 1745 году Теофилактъ Лопатинскій приводилъ тѣ же руки въ своемъ «обличеніи неправды раскольниковъ», но уже въ доказательство правоты триперстнаго сложенія. Выправщики, посланные старообрядцами въ Кіевъ въ новѣйшее время, разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца, объявивъ, «что персты у него растянуты, такъ что невидно, какъ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи».

которое есть ничто иное, какъ извѣстное хлыстовское ликостованіе, о коемъ упоминаетъ А. Печерскій въ своей повѣсти

ангелы съ человѣками, ведущіе между собою разговоры о Господнихъ страстяхъ, въ такомъ родѣ:

261. Корабль, знаменующій церковь, воинствующую противъ еретиковъ.

«На горахъ» (Русск. Вѣстн., СXXXVI); другая картинка: «Образомъ разговоровъ устроена лядина» представляетъ «радѣше» или круговое хлыстовское хожденіе. На ней изображенъ вертоградъ, а кругомъ его прогуливающіеся, попарно,

«вопросъ г.—кто тебѣ (Спасителю) смѣетъ бичами за сѣ бити, кіи тебѣ можетъ зло сотворити.

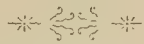
Ѣтвѣтъ—бичомъ за тебе азъ самъ продаюся, аще любити оусердно тя тѣхся», и т. д.

Оба эти листа очень уважаются и

хлыстами, и скопцами; у послѣднихъ они сохраняются вмѣстѣ съ портретомъ Петра III, котораго они считаютъ послѣдователемъ своей секты (См. мой «Словарь русскихъ портретовъ». стр. 134, № 33).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка противъ раскольниковъ была издана огромная трехлистовая народная картинка: «корабль, знаменующій церковь воющую и отъ

еретиковъ гонимую на земли», которая прилагается здѣсь подъ № 261. Впрочемъ еретики на ней помѣщены все иностранные — о нашихъ раскольникахъ и помину нѣтъ. Изображеніе заимствовано изъ огромнаго восьми-листового тезиса, поднесеннаго Іосефовичемъ Епископу Суздальскому Варлааму Ленницкому въ 1720 году.

IX.

Народныя увеселенія: Масляница и Семикъ. Народныя увеселенія на Масляницѣ.—Борцы и кулачныя бойцы. Кулачныя бои у гр. А. Г. Орлова. Бой одинъ на одинъ. Борцы Сцѣплялка-свалка. Трещало и Вотнятъ. Кадыкъ Ермакъ съ Парамошкой Кукольная комедія во времена Олсарія. Петрушка, цыганъ, докторъ и «фатальный офицеръ». Собачка. Варюшка и Петрушкина сватьяба. Устройство куколки, Понукалка. Ракъ. Медвѣдь съ козою. Медвѣжья пляска. Медвѣди, заводимые для потѣхи. Медвѣжья травля. Запрещеніе медвѣдямъ танцовать. **Пьянство.** Вино есть веселіе Руси; да и у другихъ народовъ оно составляетъ такое же веселіе. Горькое положеніе русскаго человѣка. Хмѣль высокая голова. Совѣты Домостроя. Бражникъ въ раю. О числѣ испиваемыхъ чарокъ. Аптека цѣлительная съ похмѣлья, спрѣчь кабакъ. **Болѣзни и лѣкарства противъ нихъ.** Лихорадки, зубная боль. Зелейники. Бая и горшки. Какимъ святымъ отъ чего молиться.

Масляница въ народномъ быту—последній зимній праздникъ, а потому и самый бѣшеный и разгульный, тѣмъ болѣе, что за нимъ слѣдуетъ великій постъ, —этотъ скучный «старый хрѣнъ съ горькой рѣдью, толочномъ и пареной рѣпкой». Катанье съ горъ на санкахъ и ледякахъ, катанье парами и тройками на розвальняхъ и обшивняхъ—(ср. 264—5) продолжаются цѣлую недѣлю; но настоящій разгулъ начинается съ четверга и продолжается четыре дня (ср. 266),—въ субботу порядочные люди уже поминаютъ первымъ блиномъ родителей.

Въ послѣдній день масляницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, устраиваются цѣлые шутовскіе поѣзды съ ряжеными: на дровняхъ возятъ паяца-мужика, который веселитъ народъ своими прибаутками; возятъ гороховаго шута или соломенное чучело, похожее на женщину съ распущенными волосами,—это называютъ «провожать масляницу». Въ полночь чучело сжигаютъ и тѣмъ масляничныя удовольствія заканчиваются.

Въ нашихъ картинкахъ (№ 262) нѣтъ указаній на такіе деревенскіе проводы масляницы: въ нихъ представлена Москов-

ская масляница XVIII вѣка; дѣйствіе происходитъ въ селѣ Покровскомъ и на Разгуляѣ, куда масляничный разгулъ былъ переведенъ еще при Петрѣ Первомъ *).

Масляницу ожидаютъ въ Покровскомъ; для встрѣчи ея готовятъ «варенныя яйца, въ маслѣ жареные пряженцы и хорошіе блинцы-сѣянцы, пиво, медъ и вино». На картинкѣ ѣдетъ она изъ Ямской, въ одноконныхъ дровняхъ, прикрытыхъ рогожей; впереди скачутъ скоморохи на свиньяхъ и музыканты. Кругомъ, въ квадратикахъ, представлены въ лицахъ различные масляничные эпизоды: одни ожидаютъ, что «Масляница такъ будетъ гулять съ нами, что и мужья подерутся съ женами, скакать и плясать будетъ яко коза, а другимъ подбиты будутъ и глаза»; другіе собираются «довольно подпивать, чтобъ и себя не познать, а хоть и съ себя что заложить, а масляницу проводить». Подъ

*) Впослѣдствіи масляничныя горы устраивались на Неглинной, потомъ переведены на Москву рѣку, оттуда подъ Новинское, гдѣ и въ прежнее время устраивались качели и разныя увеселенія во время Пасхи, и наконецъ на Дѣвичье поле. Въ правленіе царевны Софіи, кн. Куракина говоритъ, что всѣ загородныя мѣста московскія, какъ-то Марьяна роща, Дѣвичье поле и др. въ праздникъ были наполнены веселящимся народомъ (Архивъ кн. Куракина, V. 50).

этими послѣдними виршами представленъ парень, подающій цѣловальнику, въ окно, шапку, въ закладъ за вино (ср. 263); позади его стоитъ мужичекъ, котораго рветъ цѣлымъ ручьемъ; сбоку дожидаются своей очереди еще мужикъ съ бабой. Въ главномъ отдѣленіи картинки помѣщены лицевыя изображенія Масляницы и Семика, ея пріятеля, перваго весенняго народнаго праздника. Масляница зоветъ его къ себѣ въ гости, величая «другомъ милымъ, углемъ горящимъ, камнемъ свѣтящимъ среди ночи осенній»; на что Семикъ, поймавши Масляницу въ окошечкѣ, «въ сахарныя уста ее цѣловаль, за бѣлы груди хваталь и такъ величалъ: душа моя, Масляница, перепелныя твои косточки, бумажное твое тѣло, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка»; въ открытыя двери, въ комнатѣ Масляницы, видны березки, напоминающія извѣстный обычай русскихъ дѣвушекъ завивать въ семикъ вѣнки на березкахъ,—чей вѣнокъ до Троицына дня разовьется, той и замужъ въ томъ году выйти.

Въ семикъ въ Москвѣ происходило первое народное гулянье, на волѣ, въ Марьиной рошѣ, подѣ березками *).

Однимъ изъ главныхъ увеселеній на масляницѣ были борьба и кулачные бои. Здѣсь прилагаются двѣ картинки, изображающія борцовъ **) (одна изъ нихъ—борцовъ Калужскихъ); вмѣстѣ борется, тоже «не въ схватку», господинъ въ камзолѣ и треугольной шляпѣ съ простымъ мужикомъ въ лаптяхъ (ср. 268—9). Борьба была разная: простая борьба, въ схватку,—въ которой противники охватываютъ другъ

друга обѣими руками (сграбившись) ***) и возятся въ такомъ положеніи, стараясь сломить одинъ другого на бою и свалить на землю, при чемъ, смотря по условію, допускается и подножка: борецъ подставляетъ противнику ногу и сразу сваливаетъ его на нее ****). Въ другой охотничьей борьбѣ, не въ схватку, противники берутъ другъ друга за плеча, или за воротъ, иногда за поясъ, двумя руками, а больше одной, и каждый старается повалить противника на сторону, ударить о свое бедро и, подкинувъ къверху, бросить о землю. Большіе искусники въ этой борьбѣ были цыгане-лошадники, и на Московской конной площади такую борьбу ихъ можно было видѣть каждое воскресенье. Практиковался и особый способъ борьбы, такъ называемый Московскій, при которомъ борецъ, покосивъ противника на правую сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ, подбивалъ ему носкомъ правой ноги его лѣвую ногу и этимъ способомъ мгновенно сшибалъ его съ ногъ на землю; съ этой борьбы вошла и народная поговорка: «матушка Москва, бьетъ родимая съ носка».

Впрочемъ, борьба одинъ на одинъ не давала народу настоящаго простора, и потому далеко не была въ такомъ ходу, какъ бой на кулачкахъ, который представлялъ возможность принимать участіе въ общей свалкѣ не только взрослымъ, но и малолѣткамъ. Обстоятельное извѣстіе о томъ, до чего доходили старинные кулачные бои наши, мы находимъ въ указѣ 21 іюля 1726 года; въ немъ говорится, что на кулачныхъ бояхъ, происходящихъ на Адмиралтейской сторонѣ, на лугу, позади двора графа Апраксина и на Аптекарскомъ островѣ, многіе бойцы другъ за другомъ гоняются съ ножами, другіе закладываютъ въ рукавицы камень, кистени и ядра, отчего во время тѣхъ боевъ происходятъ убійства, которыя «ничто въмяются». Для устраненія чего прика-

*) Въ Семикъ въ прежнес время всѣ города и деревни, дворцы и лачужки украшались березками; все было зелено и весело. Съ нѣкотораго времени обычай этотъ отмѣненъ и въ видахъ лѣсоохраненія запрещено даже на Семикѣ привозить въ Петербургъ и Москву березки. Гг. лѣсоохранители забыли при этомъ, что деревенская баба сожжетъ у себя въ печи больше березоваго хвороста, чѣмъ его привезутъ бывало на народный праздникъ. У лашей сосѣдки, напримѣръ, въ Семикъ весь Верлинь въ березкахъ изукрашеть, а вѣдь тамъ лѣсъ побольше нашего берегутъ.

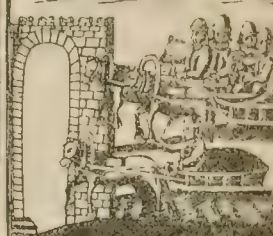
**) Внизу представлены два яйца въ смятку, которыя пазначаются тому, кто «поборетъ кого на схватку».

***). Охватываютъ другъ друга руками на-крестъ, причемъ не позволено брать п о д ѣ с и л к и, т. е. подѣ обѣ мышки разомъ.

****) „На носокъ востеръ“, — говорятъ про такого искусника (Кирѣевскій, Пѣсн., I. 10); о такой борьбѣ упоминается въ пѣсняхъ о шуринѣ царя Ивана Васильевича—Мастрюкѣ.

НЫНѢ ВАМЪ ШБЪАВАЕ ПСА
ШМА СЕНИЦЪ ВОЗРАЩА ПСА

ЕХАТЬ БЪДЕТЪ ВЪГЪХЪ ДО
ДЪ ЗАКРЪШЪ БЛА НАМЪ СЪ
ПОДВОДАХЪ

ШНОИ ВЪСТРЕЧИ ОЧЕНЬ ВЪД ПА
ВРЕЛО УВАЖАГО ДОВОЛНО ВЪ
ДѢТЬ ПИЗА ВІНА НА ПОЛЪ ВНЕШНО

МЫЖЕ ДЛА ІІ СТАНЕМЪ ПОДПИ
ВАТЬ СЛАВА ЧЕТВЕРІКА ПО
ДПИВАТЬ

ШЛИ НИЧЕМЪ ТАКЪ НЕВЪСЛАЙЦА
ТОКИО ЧТО ВПОКРОВІКОЕ
КАТИЦА

ПРИНАКАЛЪ ЗОЖАЛЪ ШИЛА П
ТОВІКОИ СКОРОХОДЪ КТОРОИ
БЪАВІА НАНѢ АЖИВО ДОВОЛЪ

ПОЖИИ ПРИДѢТЬ НАНѢ ТОТЪ
ЗДЕБЪ ЧТО ОНА НЕ ПОЗНАЕТЪ
ИВІЕХЪ НАГЪ

ТОКИО СЕНИЦЫМЪ НЕ НАДОЛГОВО
ДІТЬ ПРОДОЛЖАЦА КРАІКОРЪ
ИВОЛІТЪ АВЪСОИ ПОТЪ ШПРАВЛЯЦА

ДЕСВОЛНО СТАНЕМЪ ПОДПИВАТЬ
ЧТОДЪ НАМЪ НИБА НЕ ПОЗНАЕТЪ

ІНАНАТЬ ИЛАІАТЬ БЪДЕТЪ Д
КОДЪ АЛДРЪГІМЪ ПОДПИТЫ БЪ
ТЪ ИГЛАЗА

зано было бои производить не иначе, какъ съ дозволенія главной полицейской канцеляріи и на указанномъ мѣстѣ, выбравъ напередъ для надзора изъ среды себя сотскихъ, чтобы увѣчнаго бою не было, и кто упадетъ, лежащихъ никого не били бѣ *). Особенною извѣстностію пользовались кулачные бои, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, что въ Нескучномъ; въ этомъ домѣ былъ даже устроенъ особый фонарикъ, изъ котораго Орловъ смотрѣлъ на бои, когда самъ почему-либо на немъ не присутствовалъ. Передъ боемъ привозили цѣлыми возами кожаныя рукавицы; собирались партіями фабричныя съ разныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники; случались охотники и изъ купцовъ, въ лисьихъ шубахъ и даже изъ господъ. Вся орава раздѣлялась на двое и выстраивалась другъ передъ другомъ въ двѣ стѣны; драку начинали, въ небольшихъ бояхъ,—заводные, одинъ на одинъ, потомъ шли всѣ остальные, стѣна на стѣну; запасныя бойцы стояли въ сторонѣ и принимали участіе въ дракѣ только тогда, когда ихъ стѣну начинала тѣснить противная стѣна. Сцѣплялка-свалка, въ которой бой обращался въ беспорядочную свалку и безцѣльное тузеніе по зубамъ, не причислялась къ охотничьимъ боямъ, а представляла переходъ къ простой обиходной дракѣ (ср. 267). Побѣда заканчивалась крикомъ: «наша взяла», «а рыло въ крови» — добавляетъ пословица. Иногда выходили драться, но только одинъ на одинъ, — сынъ графа Алексѣя Григорьевича, отличавшійся необыкновенною силою **), и его любимцы: худенькій, поджарый приказный чиновникъ Ботинъ, такой же плетивый фабричный Соколикъ и огромнаго роста силачъ, фабричный Семень Трещала, который, по сказанію Измайлова, «одинъ валилъ цѣлую стѣну бойцовъ и вышибалъ кулакомъ изразцы изъ печи». Объ этомъ Трещалѣ

баснописецъ Измайловъ говорить, въ сказкѣ своей «Кулачные бойцы», въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Москвѣ фабричный былъ Се-
мень, силачъ, боецъ:

За-разъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятерней;
Когда же, на бою являлся предъ
стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ
собою.

Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А крики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженія,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торже-
ствомъ

Въ питейный домъ
Для угощенія . . . » (Изд. Смирдина,
I. 179).

Объ этомъ послѣднемъ случаѣ я слышалъ отъ Московскаго старожила В. О. Щербакова вотъ что: разъ игралъ Трещала съ чиновникомъ Ботинымъ на билиардѣ въ трактирѣ, да и поссорились; развернулся Трещала его ударить, да тотъ увернулся,—Трещала и попалъ кулакомъ въ печь, да такъ цѣлый изразецъ изъ печи вонъ и вышибъ. Тутъ ударилъ Трещалу Ботинъ, да угодилъ прямо въ високъ и убилъ его сразу; начали было его таскать по судамъ, но графъ Орловъ выручилъ,—онъ и до конца жизни покровительствовалъ ему *). Жихаревъ рассказываетъ, что на бывшемъ, у палатки гр. Орлова (подъ Дѣвичьимъ), кулачномъ бою, соперники предварительно обнимались и цѣловались троекратно. Побѣдителемъ при немъ вышелъ трактирный служака изъ пѣвческаго трактира, Герасимъ Ярославецъ,—мужичекъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками (Зап., 92).

Еще въ недавнее время кулачные бои происходили у насъ почти повсемѣстно: на Окѣ и на Волгѣ собирались партіи

*) Отъ чего и произошла пародная поговорка: лежа-
чаго не бьютъ (Полн. Собр. Зак. VII. 4939).

**) Позже дрался, говорятъ, графъ Ростопчинъ,
который учился этому ремеслу въ 1788 году у
Англичанъ (гр. Комаровскаго: XIX-й вѣкъ, кн. I., 329).

*) Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія сла-
вился необычайной силой морякъ Лукинъ: онъ свер-
тывалъ въ трубку серебряныя тарелки, разгибалъ под-
ковы, втыкалъ до половины въ доску корабельные
гвозди, и производилъ др. невѣроятныя штуки. Въ Ту-
ренскую кампанію ему оторвало ядромъ обѣ ноги. Де-
шчикъ его Илья, тоже большой силачъ, былъ впослед-
ствіи лейбъ-кучеромъ Императора Александра I-го.

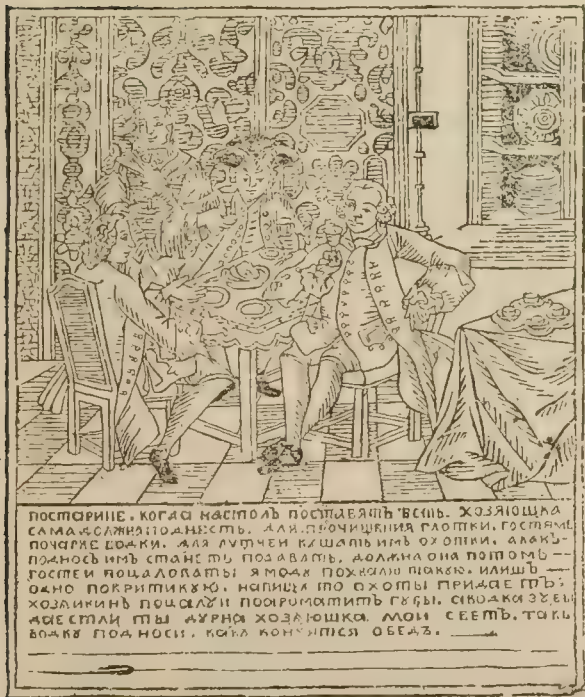
263. Семья и Масляница.

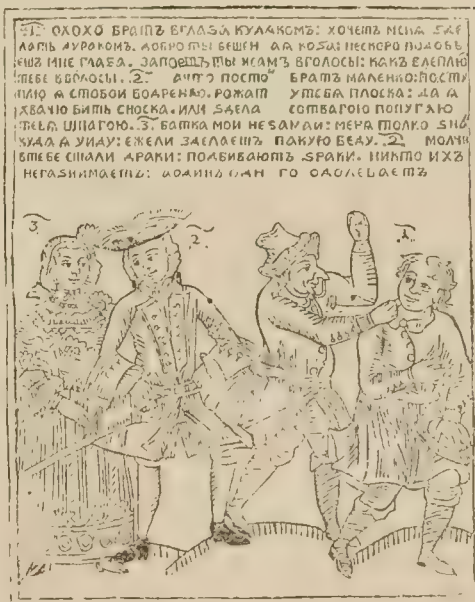
264. Гулянье на маслянице.

265. Гулянье в семье.

266. Пиршество, передъ которой, по старинному обычаю, хозяйка подноситъ гостямъ вино и дѣлается съ ними.

267. Драка.

человѣкъ по пятисотъ и болѣе (Русск. Вѣстн. 1876, Іюль, 80); въ Костромѣ Дебряне ходили стѣна на стѣну противъ Сулянъ (жители двухъ слободъ), а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ цѣплялку-свалку. Сахаровъ называетъ имена Тульскихъ бойцовъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и получившихъ большую извѣстность (Сказки, II. 58). Партии или стѣны для боевъ приготавливались заранѣе; охотники купцы ѣздили, разыскивали голіаѳовъ, поили, кормили ихъ и выхоливали ко дню судному.

Несмотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они все-таки производятся зачастую и въ наше время; да и особенной опасности въ нихъ для народнаго здравія и нравственности, съ деревенской точки зрѣнія, не видится: до смертныхъ случаевъ, при «честныхъ условіяхъ боя», никогда не доходитъ; кому не подъ силу, тотъ подъ ноги, — а лежачаго не бьютъ; и кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы (по народному выраженію), на добромъ морозцѣ, другъ другу бока погрѣютъ, да носы поддурмянятъ.

Въ прошедшемъ вѣкѣ на бойцовъ была вездѣ мода: искусство драться на кулакахъ въ Англіи, напримѣръ, входило въ курсъ джентельменскаго образованія; въ наше же чахлое время бои и борьба почти вывелись, а если гдѣ и случаются, то о нихъ печатаютъ, какъ о явленіи чрезвычайномъ. Въ Англіи, у «этой образованной націи», и въ Америкѣ бои составляютъ по-прежнему одно изъ любимыхъ занятій какъ низшаго, такъ и самаго высшаго сословія: еще недавно въ Лондонѣ Персидскій шахъ былъ свидѣтелемъ англійскаго бокса. «Боксировать — значитъ драться на кулачкахъ», замѣтилъ онъ въ своемъ курьезномъ журналѣ, «что требуетъ большого искусства и ловкости. На руки надѣвается нѣчто въ родѣ большихъ перчатокъ, набитыхъ шерстью и бумагой, — безъ этихъ перчатокъ бойцы убили бы другъ друга. Это было очень смѣшно и забавно»; только не всегда, прибавимъ мы, потому что боксы эти нерѣдко кончаются увѣщемъ и даже смертными случаями.

На нашей картинкѣ, № 270, дерутся на кулачкахъ добрые молодцы Ермакъ или, попросту, Ермошка съ Парамошкой пономаремъ *). Это тотъ самый Ерема, что такъ сладко съ другомъ своимъ Томою ѣдалъ и до слезъ с...лъ. Рожа у нихъ считается дешевле одежды: одежду раздерешь, — придется купить новую, а рожа и сама подживетъ, а не подживетъ, то и такъ сойдетъ.

Во всѣхъ городахъ и деревняхъ устраивались на масляницѣ ледяныя горы и качели, и стекались со всѣхъ краевъ странствующія комедіи для народной потѣхи. Въ числѣ древнѣйшихъ потѣхъ этого рода, о которыхъ мы имѣемъ обстоятельныя извѣстія и которыя оставались въ своемъ первобытномъ видѣ еще очень недавно, впереди стоятъ: кукольный театръ съ Петрушкой и Медвѣдь съ козою.

Въ Шлезвигскомъ изданіи Олеарія 1656 года (*Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung*, Schleswig 1656, стр. 103) помѣщена чрезвычайно любопытная картинка (см. 271) съ изображеніемъ этихъ народныхъ представленій. Впереди кукольная комедія: мужикъ, подвязавъ къ поясу женскую юбку съ обручемъ въ подолѣ, поднималъ ее кверху, — юбка эта закрываетъ его выше головы, онъ можетъ въ ней свободно двигаться руками, выставлятъ куколъ на верхъ и представлятъ цѣлыя комедіи; справа сидитъ гусярь и стоитъ гудочникъ, слѣва паясничаетъ передъ народомъ молодой парень, а вдаль вожакъ заставлятъ танцовать медвѣдя.

По словамъ Олеарія, кукольный комедіантъ всегда находился при медвѣжьемъ вожакѣ; онъ же исправлялъ и должность козы и паяца. Шутовства и самыя комедіи, замѣчаетъ Олеарій, были всегда самаго скоромнаго содержанія.

Въ картинкѣ, на переносной юбочной сценѣ, не трудно различить дошедшую

*) Попомари зачастую отличались необыкновенной силой; «если ужъ изъ семинарія или бурсы, несмотря на всѣ зловложенія, выйдетъ здоровый непорочный человѣкъ, — говоритъ Щаповъ, — то ужъ эта сила необычайная, кулачище страшное; стѣну выбьетъ въ бою, въ обѣдъ краюху хлѣба сѣсть, ведро квасу выпьетъ, да сорока калачами закусить, не крикнетъ» (въ родѣ скоропита подлещи).

до нашего времени, классическую комедию о томъ, какъ цыганъ продавалъ Петрушкѣ лошадь. Справа высунулся цыганъ,—онъ очевидно хвалить лошадь; въ серединѣ длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпакѣ, поднялъ лошадекъ хвостъ, чтобы убѣдиться сколько ей лѣтъ; слѣва должно быть Петрушкина невѣста, Варюшка. Комедія эта игралась въ Москвѣ и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и

на преждевременную кончину добраго молодца. Приходитъ докторъ: гдѣ у тебя болитъ?—вотъ здѣсь! И здѣсь?—и тутъ. Оказывается, что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ доходитъ до нѣжнаго мѣста,—Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которую Петрушка окончательно и успокаиваетъ доктора.

«Какой же ты докторъ»,—кричитъ ему Петрушка,—«коли спрашиваешь, гдѣ бо-

268—269. Храбрые молодцы—удалые борцы.

гнуся въ носъ,—разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нѣбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это дѣлается у французовъ и итальянцевъ. Является цыганъ, предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Петрушка осматриваетъ ее, причемъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія,—они составляютъ самую существенную и самую смѣхотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ,—цыганъ говоритъ безъ машинки, басомъ. Послѣ длинной переторжки, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьетъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убѣгаетъ, оставляя его на сценѣ замертво. Слѣдуютъ жалобный вой Петрушки и причитанья

леть?—на что ты учился?—самъ долженъ знать гдѣ болитъ!» Еще нѣсколько минутъ,—является квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицеръ». Такъ какъ на сценѣ лежитъ мертвое тѣло, то Петрушкѣ производится строгій допросъ (дискантомъ): «зачѣмъ убилъ доктора?—отвѣтъ (въ носъ): «затѣмъ, что свою науку худо знаетъ—битаго смотреть, во что бить не видитъ, да его же еще и спрашиваетъ».

Слово за слово,—видно, допросъ фатальнаго Петрушкѣ не нравится,—онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтоженіемъ и изгнаніемъ фатальнаго, къ общему удовольствію зрителей: этотъ кукольный протестъ противъ полиціи производитъ въ публикѣ обыкновенно настоящій фуроръ.

Пьеса, кажется бы, и кончилась; но что дѣлать съ Петрушкой? И вотъ на сцену вбѣгаетъ деревянная собачка-пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу къ лайкѣ). «Шавочка-душечка», — ласкаетъ ее Петрушка, — «пойдемъ ко мнѣ жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни съ сего, хватъ Петрушку за нось; Петрушка въ сторону,

270. Добрые молодцы, кулачные бойцы.

она его за руку, онъ въ другую, она его опять за нось; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное бѣгство. Тѣмъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедианту, дадутъ на водку, то вслѣдъ затѣмъ представляется особая интеркомедія, подъ названіемъ Петрушкиной свадьбы. Сюжета въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣйствія. Петрушкѣ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ ее на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушкѣ и ждуть свадьбы становится ему не въ терпежъ, почему и начинаетъ онъ ее упрасивать: «Пожертвуй собой, Варюшка!» Затѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это уже настоящій и «самый послѣдній конецъ» представленія; потомъ Петрушка отправляется на наружную

сцену балаганчика вратъ всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представленіе.

Въ промежуткахъ между дѣйствіями пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ арапокъ, — иногда цѣлая интермедія о дамѣ, которую ужалила змѣя (Ева?); тутъ же, наконецъ, показывается игра двухъ паяцовъ мячами и палкой. Послѣдняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно: у куклы корпуса нѣтъ, а только поддѣлана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ — руки, тоже пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки — первый и третій пальцы; обыкновенно напяливаетъ онъ по куклѣ на каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ. При кукольной комедіи бываетъ всегда шарманка, замѣнившая старинную классическую волынку, гусли и гудокъ; шарманщикъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ «понукалкой», т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки *).

Приходъ жоака съ медвѣдемъ еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской заглушной жизни: все бѣжало къ нему на встрѣчу — и старый, и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немогою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ.

— «Куда ты это, старая хрычевка?» — кричитъ ей вслѣдъ баринъ.

— «Ахъ, батюшки», — прихлебываетъ Анофревна: — «такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?» — и сѣменить далѣе.

Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ: жоакъ — коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ — коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и наконецъ главный сюжетъ — Ярославскій медвѣдь Михайло Ивановичъ, съ подпиленными зубами и кольцомъ, продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую жоакъ и водить Михайлу

*) Списано съ патуры.

Иваныча, если же Михайло Ивановичъ очень «дурашливъ», то ему, для опаски, выкалываютъ и глѣзки.

— «Нутка, Мишенька», начинаетъ вожакъ, «поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвцы, молодницы, бѣлятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихорашиваются». — Миша садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ

и попадья его не догонитъ» *). «И какъ старый Терентичъ изъ избы въ сѣни пробирается, къ молодой снохѣ подбирается». — Михайло Ивановичъ сѣменитъ и путается ногами. — «И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яйца собираетъ, складываетъ, а баринъ все на дѣвичью работу посматриваетъ, не чисто-деленъ прядутъ, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается». — Михайло Иванычъ ходитъ кругомъ жоака, и третъ его за гашникъ.

271. Кукольная комедія; картина изъ путешествія Олеарія въ Москву.

кукишъ,—это значить дѣвица въ зеркало смотрится.

— «А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ воровать». — Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

— «А какъ бабушка Ерофѣевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла. Ахъ, блинцы, блины!» —

— «А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не спѣша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается, и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонитъ, что

— «А путе, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, сидитъ, мало говоритъ; черезъ слово... Мишенька садится на землю и стонетъ **).

Затѣмъ вожакъ пристраиваетъ барабанъ, а его мальчикъ устраиваетъ изъ себя козу, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который, вверху, проткнута

*) Или же: «А какъ бабы на барскую работу не спѣша бредутъ?» — Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. «И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?» — Мишенька принимается шагать бѣгомъ въ сторону.

**) Записано на самомъ представленіи, которое въ натурѣ бывало несравненно скромнѣе.

палка съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой приделанъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Вожакъ начинаетъ выбивать дробь *), дергаетъ медвѣдя за

272. Медвѣдь съ козю прохладяются.

кольцо, а коза выплясываетъ около Михайла Иваныча трепака, клонетъ его деревяннымъ языкомъ и дразнить; Михайло Иванычъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около жоака (272),—это значить: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски жоакъ даетъ ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки. Кромѣ того, и Мишѣ и жоаку подносятся по рюмкѣ водки, до которой Миша большой охотникъ; если же хозяева тароватые, то къ представленію прибавляется еще дѣйствіе: жоакъ ослабляетъ Мишину цѣпь, со словами:— „а ну-ка, Миша, давай поборемся“, схватываетъ его подъ силки и происходитъ борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что жоаку иногда приходится и самому представлять, «какъ малыя дѣти горохъ воруютъ»,—и хорошо еще, если онъ отдѣлается при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ.

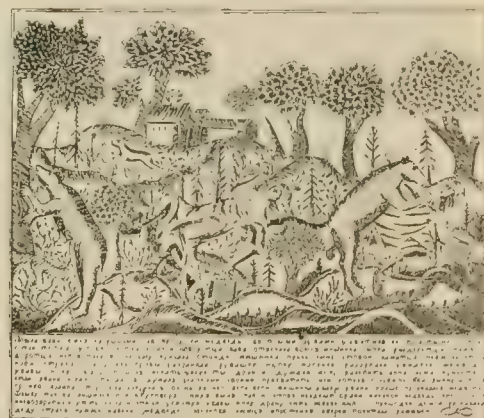
Клеплютъ еще на Михайлу Иваныча,

*) Отсюда произошло и бранное названіе: „ахъ, ты, отставной козы барабанщикъ“.

будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картинка сочинена (273); но бабы говорятъ, что это вздоръ, положительно; а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 г.: «тяжелы де бабы, для примѣты, даютъ изъ своихъ рукъ медвѣдю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то родится дѣвочка, а если возьметъ молча — то будетъ мальчикъ».

Обыкновенно медвѣжья компанія ходитъ только втроемъ: жоакъ, медвѣдь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два жоака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановной (медвѣдицей), и берутъ съ собою только одну козу.

Медвѣжья пляска составляетъ народную забаву съ глубокой древности: о ней упоминаютъ и Домострой, и грамоты 1648 и 1649 гг., изъ которыхъ послѣдняя неуспѣшно пыталась запретить ее, равно какъ и пляску съ собаками. Кромѣ пляски, медвѣдей держали издавна и для травли, и для потѣхи во дворѣ и въ комнатахъ. Малюта Скуратовъ и Ромоданов-

273. Медвѣдь и баба.

скій травилъ медвѣдями людей, а для императрицы Елизаветы Петровны медвѣдей обучали танцованію въ Невской лаврѣ: въ 1754 году послано было туда изъ дворцоваго кабинета два медвѣдя келейнику Карпову, который и доносилъ о нихъ, что одного онъ обучилъ «ходить на заднихъ лапахъ, даже въ платьѣ», а «другой де медвѣденекъ къ наукѣ не понятенъ, весьма сердитъ».

Что касается до травли на самого медвѣдя, то такая травля существовала въ Москвѣ почти до шестидесятыхъ годовъ, за Рогожской заставой *); на эту медвѣжью травлю, каждое воскресенье, собиралось множество народа посмотреть, какъ «коровяго врага» собаки треплютъ. Съ устройствомъ Общества покровительства животнымъ «сія народная потѣха» упразднена; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено и танцовать, какъ медвѣдямъ, такъ и собачкамъ съ обезьянами, — исключеніе сдѣлано для однихъ пріѣзжихъ, и иностранныхъ.

Въ такихъ же видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности, подверглись уничтоженію и старинные раешники. Раекъ — это небольшой, аршинный во всѣ стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными изображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событий. Зрители, «по копѣйкѣ съ рыла», глядятъ въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и рассказываетъ присказки къ каждому новому номеру, часто очень замысловатыя: «а вотъ извольте видѣть,

*) Въ числѣ народныхъ картинокъ есть картины: «Охотникъ медвѣдя колеть», «Охота за зайцами» и «Охота на кабана»; всѣ онѣ относятся къ концу XVIII столѣтія. Охота на звѣрей, по Домострою, поставлена на ряду съ пляской и чародѣйствомъ. Несмотря на это, она составляла любимое занятіе нашихъ князей и бояръ — съ глубокой древности, какъ это можно судить по фрескамъ, сохранившимся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ лѣтописяхъ Никоновской и Новгородской, еще подъ 1135 годомъ, записано извѣстіе, что новгородцы посадили подѣ стражу князя Всеволода Михайловича за то, между прочимъ, что онъ «возлюбилъ ястребовъ и собакъ собора» (Полн. Собр. Лѣтоп., IX. 159, и III. 7). Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенный охотникъ до соколиной охоты: на потѣшномъ дворѣ его, на примѣръ, было до 100 человѣкъ сокольниковъ и до 3000 всякихъ потѣшныхъ птицъ; кромѣ того, устроенъ былъ дворъ для голубей, на которомъ находилось болѣе 100.000 гнѣздъ. Для ловли птицъ на царскую забаву, въ Сибирь и въ Россію поставлено было до 100 кречетниковъ, и палавливалось такихъ птицъ до 200 въ годъ, посыпался онѣ къ Персидскому шаху, который цѣнилъ ихъ очень дорого: по 100, 200, 500 и до 1000 руб. за птицу (Котошихинъ, 2-е изд., 70. 96). См. подробнѣе объ этомъ предметѣ въ статьѣ А. Н. Попова: «Сокола и кречеты царя Алексѣя Михайловича» (Русск. Бесѣда 1856, II. 72—84) и свѣдѣніе о рукописи: Урядникъ соколиного пути царя Алексѣя Михайловича, которымъ, по замѣчанію О. И. Буслаева, нанесенъ былъ ударъ стариннымъ предразсудкамъ противъ охоты (Очерки, I. 497). Въ нашихъ картинкахъ о царскихъ ловахъ и охотахъ не упоминается.

господа, андерманиръ штукъ — хорошій видъ, городъ Кострома горитъ; вонъ у забора мужикъ стоитъ — с...тъ; квартальный его за воротъ хватаетъ, — говорить, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаетъ (намекъ на знаменитые Костромскіе пожары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательствѣ чуть не каждого попавшагося, поголовно). Картинка перемѣняется, выходитъ Петербургскій памятникъ Петра Перваго: «а вотъ андерманиръ штукъ — другой видъ, Петръ первый стоитъ; государь былъ славный, да притомъ же и православный; на болотѣ выстроилъ столицу» и т. д. Еще картинка: «а вотъ андерманиръ штукъ — другой видъ, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ тальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотреть андереманиръ штукъ — другой видъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею бьютъ, ничего не даютъ» и т. д. Въ концѣ происходятъ показки ультраскоронаго пошиба, — о томъ, на примѣръ, какъ: «зять тещу завелъ въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...», и т. д., которыя для печати уже совсѣмъ непригодны.

«Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти!» — отвѣчалъ великій князь Владиміръ татарскимъ посламъ, предлагавшимъ ему обратиться въ магометанскую вѣру; такъ по крайней мѣрѣ рассказываетъ намъ преподобный лѣтописецъ Несторъ *). Съ другой стороны, этими же словами великаго Владиміра обыкновенно начинается огульное обвиненіе Русской земли и русскихъ въ безпросыпномъ пьянствѣ — съ легкой руки Олеарія, который, забывъ пьянство своихъ соотечественниковъ, твердитъ также о томъ, что у русскихъ-де всѣ пьяницы, и мужчины, и женщины, даже въ высшихъ (?) кругахъ.

Полно, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? на одной ли Руси вино составляло веселіе? — взгляните, какъ пьютъ «образованныя на-

*) «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ старинная пословица — хоть и много зла принесло намъ зеленое вино, но безъ него, пожалуй, мы бы и въ настоящіе татары попали.

цин», англичане, напимѣръ,—да и не въ древнее время, а въ наше, теперешнее; сколько крѣпкаго вина истребляютъ эти глотуны-обжоры передъ ѣдою и послѣ стола *). Французъ только потому и не можетъ напиться своимъ виномъ, что пьетъ его замѣсто воды, съ утра до ночи. Про стараго нѣмца въ Европѣ даже поговорка была сложена: «Germanis vivere et bibere», «ivrogne comme un allemand», говоритъ французъ; «пьянъ какъ сапожникъ», добавляетъ русскій, — а извѣстно, что всѣ сапожники у насъ были нѣмцы; только въ послѣднее время нѣмецъ замѣнилъ вино пивомъ, которымъ и пропахли всѣ закоулки его чистенькихъ городковъ. Поляки пьютъ походя; о знатныхъ же полякахъ еще Курбскій писалъ, что: «пьютъ они безъ мѣры, заваливаются въ перины, а проспавшись на другой день къ полудню, со связанными головами, едва живы съ похмѣлья». У сербовъ: «нема лица безъ црвена винца», ни радости «безъ зелена винца». У черногорцевъ на свадьбѣ тоже не мевѣ семи тостовъ распивается (Боричевскій, II. 116).

Почему жъ бы это и русскому человѣку не выпить. По словамъ Космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, «мразы бываютъ великіе и нестерпимые»; ну и «моменты» бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напимѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ, — до калѣчной старости *); или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки воломъ въ бурлаки закабалится; или мужички въ руки достанутся хорошей барынѣ, которая бывало въ конецъ деревню раззоритъ. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмѣлемъ: «пей, забудешь горе», — поетъ пѣсня. «Азъ есмь хмѣль высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ» (274), говоритъ о себѣ хмѣль въ народной картинкѣ, «силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу про-

*) Передъ чѣмъ, для приличія, и женщины изъ столовой выпроваживаютъ.

**) «Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ, да и выслужилъ три сухаря на отставку», говоритъ пословица.

жорливую, а руки мои обдержатъ всю землю», и не усташитъ его, что рядомъ, въ другой картинкѣ, духовными отцами росписываются всѣ ужасы пьянства: «какъ отъ вина развратно руки трясутся, колѣни скорчатся и жилы сволокуются, лицо обрюзгло сотворится и весь человѣкъ непотребенъ явится»; и приводятся такія, напимѣръ, вирши:

«Аще содружится со мною великій вла-
стелинъ

И я учиню его аки глупый поселянинъ,
Аще содружится со мною попъ
И онъ будетъ аки кабацкій котъ.
Аще содружится со мною чернецъ
И онъ будетъ аки верченый жеребецъ»...

И такъ далѣе, въ этомъ же родѣ, — о томъ, что будетъ съ пьянымъ холопомъ, съ пьяной женой и съ поселяниномъ.

«Веселіе души вино: пиемъ во время прилично», — говоритъ премудрый Сирахъ (XXXI. 33); «вино веселитъ сердце человѣка (I. 408. 12); невинно вино, укоризно же піанство». «Если ты званъ на сватьбу», говоритъ Домострой, «не напивайся, гадко, — какъ стелька ляжешь, уснешь, гдѣ свалишься; все на себѣ измараешь, и все съ себя растеряешь. Еще хуже если пойдешь ты домой, да до дому не дойдешь, а на пути уснешь: снимутъ съ тебя и платье и сорочку и обдерутъ начисто». Но тутъ же благочестивый авторъ спѣшитъ оговориться: «я не говорю тебѣ не пить, — не буди то: пей, да не упивайся; пей мало, стомаха ради и частыхъ твоихъ недуговъ»; «пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ» (Домострой, стр. 14). Впрочемъ и эта послѣдняя угроза является несостоятельною, понеже существуетъ легенда, что пьяницѣ не трудно попасть и въ рай, лишь бы онъ въ земной жизни своей, за всякимъ ковшомъ вина, Господа Бога прославлялъ *).

*) Одинъ изъ такихъ бражниковъ, по смерти своей прямо отправился въ рай и ну стучать въ дверь. — «Кто тутъ?» спрашиваетъ апостоль Петръ. — «Я, бражникъ», отвѣчаетъ тотъ. — «Бражникамъ здѣсь не входимо», говоритъ Петръ. — «А ты, Петръ, трижды отъ Христа отрекся, а все ты въ рай попалъ», отвѣчаетъ бражникъ; и отошелъ Петръ посрамленъ. Такимъ же образомъ отошелъ отъ него и апостоль Павелъ, котораго бражникъ упрекнулъ тѣмъ, что онъ въ первомученика Стефана камень кинулъ; и царь Давидъ, котораго бражникъ обвинилъ въ томъ, что онъ слугу своего

Относительно женщин «вождь по жизни» наставлял: на свадьбѣ, старой гостьѣ подносить чару (вина) при всѣхъ—ей та чара не въ укоръ; молодую гостью вызвать послѣ обѣда, будто на совѣтъ, да и тутъ одной подносить чару, съ поклономъ; а то все дѣлать въ утай, чтобъ «было безъ зазора и безъ укора отъ злыхълюдей».

По наставленію Пчелы, первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья въ согласіе, а четвертая въ пьянство; по другому духовному источнику, число чашъ доходитъ до девяти: послѣ девятой человекъ обращается въ свинью и ползаетъ на карачкахъ. Въ свѣтскихъ картинкахъ дѣло толкуется гораздо проще: въ «Аптекѣ цѣлительной съ похмелья» (275) хлѣбное вино рекомендуется разумно употреблять, чтобъ и послѣдняго ума не потерять; а именно по три раза въ сутки:

275. Аптека цѣлительная съ похмелья.

«какъ станетъ свѣтъ, призвать друга къ себѣ въ привѣтъ; вторую передъ обѣдомъ, съ своимъ ближнимъ сосѣдомъ; третью съ молодцами послѣ полудни, — и то не въ праздникъ, а въ будни». «Кто празднику радъ, говоритъ пословица, тотъ до свѣту пьянъ»; «а коли гуляшіе (праздничные)

дни случатся», продолжаетъ Аптека, «пускай въ аптеку проспятся, чѣмъ въ другое мѣсто ходить опохмеляться, или на улицѣ валяться» *).

Эта Аптека цѣлительная, сирѣчь кабакъ **), — очень курьезная картинка; въ ней наглядно представленъ обиходъ нашего народнаго клуба: комната въ два яруса; внизу стоитъ за стойкой цѣловальникъ Ермакъ ***), — онъ перебранивается съ солдатомъ; полѣвѣе, на лѣстницѣ, свѣсившись съ периль, стоитъ старый знакомый Савоська, — его рветъ цѣлымъ ручьемъ на полъ, — онъ «такъ упился, что окастился»; въ верхнемъ ярусѣ представлены три отдѣльныя комнатки, изъ которыхъ въ одной: сидятъ кавалеръ съ дамой, — «любовь другъ другу являютъ, по полной выпиваютъ, а ночи ожидаютъ, въ которой любовь свою окончатъ» ****);

*) О томъ, какъ пилъ самый народный пѣз нашихъ царей, государь Петръ Первый, вмѣстѣ съ своимъ всепьянѣйшимъ и всештѣйшимъ соборомъ, см. ниже въ главѣ XI.

**) Первый кабакъ (по татарски кабакъ — значить постоянный дворъ) построенъ при Грозномъ около 1552 г. въ Москвѣ, на базарѣ, для опричнины; въ XVII вѣкѣ кабаки назывались тоже кружалами (отъ Krug — кружка; въ Остзейскихъ провинціяхъ они и теперь зовутся этимъ именемъ), а дворы, откуда продавалось вино оптомъ, — кружечными дворами; названіе питейныхъ домовъ дано имъ въ 1779 г.; впрочемъ старинное слово кабакъ удержалось и до нашего времени. Встарину кабакъ представлялъ нечто вроде клуба: въ немъ производились игры — кегельные, басковые и въ гусекъ, — не на деньги, а для пріохочиванія питейныхъ и для пріумноженія казеннаго дохода (Мартыновъ, Русск. Архивъ 1875 г., I 283). Въ кабаки водились дѣвки, которыхъ впрочемъ по закону строго запрещалось держать тамъ. Въ 1626 году въ Москвѣ было 25 кабаковъ; въ 1775, на 200,000 жителей, — 151; въ 1866, на 600,000 жителей, — 1248 кабаковъ, и наконецъ въ 1877 г. — 240 питейныхъ домовъ. Старинное крѣпкое зеленое вино, въ рукахъ разсыпавшихъ его откупщиковъ, получало разныя названія, судя по оставшейся въ немъ крѣпости: полугара, пѣнника, сивухи (т. е. жидкости сиваго цвѣта, съ известкой и другими полезными для крестьянскаго желудка снадобьями) и наконецъ, съ 1866 года, — дешевки. Продавалось вино, въ прежнее время, кружками, шкаликами, стекляницами, а теперь продается — на мѣру: ведромъ, четвертью, штофомъ и полуштофомъ.

***) Цѣловальники звались въ народѣ общей кличкой — Ермаками; подъ этимъ именемъ они участвуютъ и въ процессіи котовъ погребенія; кромѣ Ермака-валепаго колпака, встарину за стойкой торговали и бабы; многіе кабаки получили отъ нихъ свои названія, какъ-то: Танька, Мароушка, Катюшка.

****) Постоянную принадлежность кабака, по старымъ пѣснямъ, составляла «бабище курвяжине, станомъ ровна да и лицемъ бѣла; у ней кровь въ лицѣ будто у зайца, ягодицы то цвѣту макова»; она завлекала молодцовъ въ кабаки и подносила имъ зелено вино (Гильфердъ 549). Тутъ же кабацкіе голи обирали пьянаго; а горе горюшко слѣдовало за нимъ по пятамъ, и не оставляло его до могилы (Гильфердъ 549).

АУЛАЗЪ СЪАНТА НАКЛОУЕ
АМОУ БО СЪАНТА
САЛЕЧАМ УНГО БОРОНА
МОУЕ БО ШБОРОНА

АЪ НЪААУ МОЕ
ГО КИПЧУАГО. ТЕ
МЪСА ШЪАМЪА
РОБЪА ЗЪАМЪА
ЧЪАМЪА

УМНА АУРАКА КМА ГОНСА ЧАШО НВЕАМО БОСМА НСА
РАМА ВАСАМАН АПЛЕЗЪ ГУСТА АГОАБЪ МОЗМОМЪ ЧТО АУРА
ДУСТА. ВНАДЪАНЪ АЪ ОВАКА ПОАСАТЫ АЛУГОВНИЧЪ НАЧЕА
УЗАОБАТЫ ШТАНЫ ШИРИГАМЪ КУНО СМАЪНЕ. ПОПЪУГОВНИЧЪ
НАННЪ ВЪРЕЗНЕ. ДУТУ АЪ НОГИ СВОЯ ПЪУТОУТОВАЮ. НАНЪ
ДОЛЪ КОНО СВОМУ ГАЗАЛО. АЪНЫ КОНЫ МОИ БЕСАДЪ НЕПОТЪ
НАСА. ИШМОМЪНЪ ВЪРЕНЪ РЕАРАСА. АЪАЛЕЧАМЪ СВО БОРОНУ
ПОШУ. ЯНКА СЛАТКАГО ШОУАКА ПРОШУ. ЗАНЕ ГЛАСТЪ КЪ СЕО
ПРЕСАТЪНЪ. НОЧОЛАНЪ ПРЕБЪЗАЕТЪ НАТЪНЪ

А ДЕТИНА НЕ БОГ ПОИ ДИ МЕНО НОЗЪ ГОРВОЛЮИ
 СОБОУ ВЕСИМА ВЪЗНЕВЪТОИ ЗОВУТЪЗ МЕНА
 ЯВНОЗЪ КРАСНОИ НОЗЪ ТРИАНИ
 НАУВАЛКА ? НАКЪ ВТАНЦАВ
 АННЫ БАШМАНИ ОБУВАЛКА ?
 АКОЛПАКЪ СПЕРОМЪЗ НААЕЛЪЗ
 ПОЛНЫ ШТАНЫ НАЗЕАЕЛЪЗ ? ОВ
 СЕМЪЗ ОБОЛОКА ? НАВИНОХОА
 НОН СВИНЬЕ ПОБОЛОКА ? АС
 ВИНЬА МОА ХРЮКАЕЪЗ ? М
 АКОМЪСТА СВОЕГО НЮ
 ХАЕТЪЗ ?

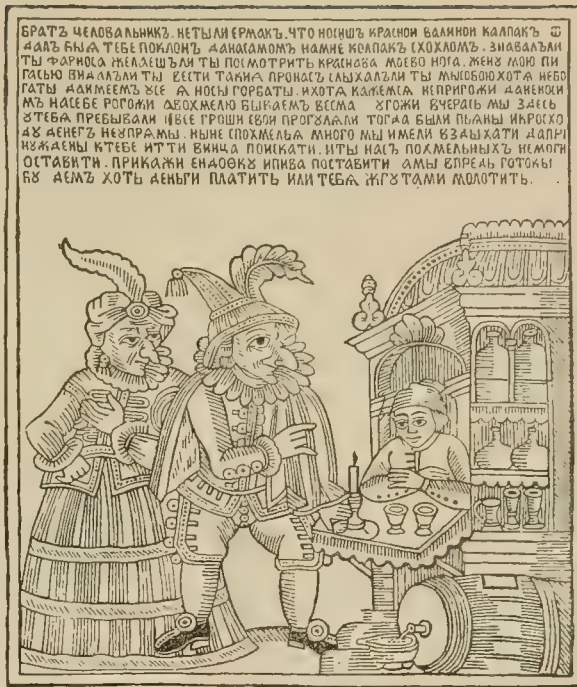
Доза, ценз. Сиб. 21 Февраля 1893 г.

РЕУКАТНОР Р САНКЕ С П 6

во второй: «деревенскій мужикъ Ермиль посадскимъ бабамъ милъ, на кабакъ хорошо вино подносить, да и въ домъ къ себѣ милости просить»; въ третьей: опять старые знакомые Савоська и пономарь Парамошка, съ огромными очками на носу и косичкой,—они «въ карты играютъ, себя забавляютъ»; полѣвъе: «скоморохъ съ Прѣсни наигрываетъ пѣсни».

Здѣсь, какъ видите, соединены всѣ старинныя увеселенія: и музыка и табакъ, и любовь и карты, хотя все это «и зернь и табакъ и распутство» строго воспрещались разными указами (1698 г. Полн. Собр. Закон. № 1651). Сюда зайдетъ и пьяница Фарнось красный-носъ, съ женой своей Пигасей, попытаться, не дастъ-ли имъ Ермакъ на шерамыжку опохмелиться, послѣ вчерашней попойки (№ 276); но казенный Ермакъ въ этомъ случаѣ непреклоненъ: «сегодня на деньги, написано у него на вывѣскѣ, а завтра въ долгъ»,—хоть каждый день приходи, все тоже самое прочитаешь. Сюда же забѣжить и баба навѣдаться о своемъ мужѣ,—что долго домой не идетъ: «Не былъ здѣсь мой мужъ пьяница?» — «Былъ». — «Ахъ подлецъ, ахъ разбойникъ; насколько онъ выпилъ?» — «На пятакъ». — «Ну, такъ давай мнѣ на гривну» (Аѳанас., III. 535). Сюда сносятъ молодцы всякаго чина, что у нихъ есть изъ имущества лишняго, а зачастую и послѣднюю одежонку: все приметъ и размѣняетъ на сивое винцо свое цѣловальникъ Ермакъ. Не страшна въ это время молодцу круговая порука съ круговою общинною поркой: «лишь бы понить винца до смертнаго конца», и не помогутъ въ этомъ дѣлѣ никакіе казенные надзиратели, приставленные за тѣмъ, чтобы народъ пожитковъ своихъ не пропивалъ, а берегъ ихъ «на государевы подати» (Русск. Архивъ 1875, V. 43); и вотъ держится мужикъ,—годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и разомъ все пропьетъ; и станетъ у него, вмѣсто пожитковъ, которые рекомендуется беречь на государевы подати, «въ одномъ карманѣ сочельникъ, а въ другомъ Иванъ постный» *).

*) Барсовъ, въ своемъ Сборникѣ сказаній о древнихъ русскихъ князьяхъ (неиздан.), приводитъ преку-

276. Разговоръ шута Фарноса и его жены Пигасы съ цѣловальникомъ Ермакомъ.

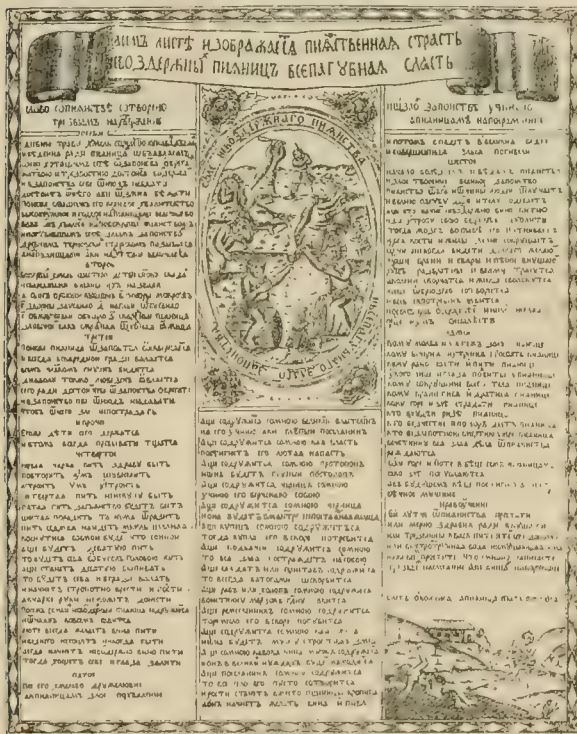
ріозный рассказъ, записанный имъ со словъ сказателя Щеголенкова,—о томъ, какъ смотритъ народъ до настоящаго времени на государевы подати: «Въ старину князьки мѣстами жили. Кто гдѣ расширился и овладѣлъ мѣстомъ, тутъ и княжилъ. И пріѣхалъ Юрикъ-новосель изъ сѣверной стороны, изъ дальней украины, и распоселился жить въ Ладогѣ. Но тутъ ему мѣсто неполюби и пріѣзжаетъ онъ въ Новгородъ-великій и не съ голыми руками, и въ союзъ вступаетъ. И живетъ онъ день ко дню, и недѣля къ недѣли, и годъ къ году, и залюбилъ его Новгородцы, что человекъ онъ веселаго нрава и хорошаго разума и повышаетъ себя житнымъ богатствомъ, а тутъ и побаиваться стали. Вотъ зазвонили на суёмъ (въче) въ колоколъ и выступаютъ этотъ Юрикъ-новосель: «Што, говоритъ, честное общество, возьмете меня въ совѣтъ къ себѣ, и будь я падъ вамъ, какъ домовый хозяинъ? Только можете ли вы за парядъ платить мнѣ половнику бѣличьяго хвоста?» Смиѣли и погадали Новгородцы и сказали: «можемъ и платить будемъ половнику бѣличьяго хвоста». И мало-по-малу платили они, и имъ не въ обиду это. Вотъ опять зазвонилъ колоколъ и на сходъ собрались, и говоритъ Юрикъ: «А што, честное общество-новгородцы, можете ли платить мнѣ и весь бѣличій хвостъ?» Подумали, погадали и опять сказали: «можемъ», и платить стали. Прошло немного, опять въ совѣтъ собрались: «А што, честное общество, можете ли вы платить мнѣ и всю бѣличью шкуру?» Порѣшили платить и всю бѣличью шкуру, и платили долго. Видитъ Юрикъ, что платять, собралъ всѣхъ на сходку и говоритъ: «За бѣличью шкуру хочу я наложить на васъ малыя деньги; можете ли вы поднять ихъ?» И малыя деньги они подняли. И понимѣтъ помятъ этого домового хозяина и въ сѣверной украйнѣ, и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новгородѣ. И послѣ этого Юрика, пуще и пуще повышали дань: съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра I-го, а послѣ Петра платили и съ живою душою, и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять» (Голосъ 1879, 130). Мнѣ довелось слышать подобный же рассказъ относительно нашихъ процентныхъ бумагъ, которыя, по мнѣнію народа, представляютъ новое и болѣе полтичное средство добыть ту же бѣличью шкуру съ народа не мытьемъ такъ катаньемъ».

Въ сущности говоря, русскій человѣкъ пьетъ еще меньше иностраннаго, — по крайней мѣрѣ, такъ ученые таблицы ска- зываютъ, — да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ ино- страннаго *). Обвинять же крестьянъ за то, что они долго сидятъ въ кабакахъ, какъ отмѣчаетъ авторъ замѣтки, приве- денной въ примѣчаніи къ № 277, «поло- жительно дико: это для нихъ—наши клу- бы, и притомъ единственное обществен- ное мѣсто, въ которое каждый приходитъ,

вая: «гдѣ хотите деритесь, а на кабацкѣ по- миритесь»,—говоритъ Аптека; здѣсь и на самомъ дѣлѣ—и мировой судъ, и маклер- ская контора: ударили по рукамъ—запись значитъ дана и дѣло кончено, и стыдно тому, кто отъ своего обѣщанія отопрется. Да и при разставаньи, развѣ можно обой- тись безъ вина? У старыхъ заставъ на- шихъ издревле для такихъ разставаній царскіе кабаки были устроены и въ на- родѣ разстаньями назывались *).

Ну, а у насъ «въ образованномъ клас- сѣ» развѣ не то же дѣлается. Каждый день почитай—то юбилей какой-нибудь, то за- кладка, то освященіе, одного встрѣчаютъ, другого провожаютъ,—цѣлый годъ празд- никъ идетъ; ко всему придерутся, чтобы закусить да выпить, — да еще какъ выпить, тутъ сотни да тысячи летятъ. А то, вишь, крестьянскій кабакъ всему помѣхой; надо крестьянскій бытъ упорядочить, да по- дальше отъ него кабацкѣ отнести. «Ни къ чему все это,—говоритъ высокій хмѣль,— для гулящаго человѣка все близко, ника- кой дядька это не усмотритъ и въ ка- бакѣ свой трудовой грошъ пропьетъ, а въ банкѣ послѣднее имѣнышко «для попра- вленія хозяйства за деньги продать, зало- жить, да въ трубу створожить. Въдь на та- кой аршинъ мѣрить, — придется всякую коммерцію прекратить, да всѣхъ на мо- настырскія правила посадить.

Вслѣдъ за пьянствомъ и обжорствомъ приходится сказать нѣсколько словъ о разныхъ недугахъ и болѣзняхъ русскаго

277. Изображеніе пьянственной страсти.

какъ въ свой собственный домъ». Если въ кабацкѣ съ одной стороны происходятъ всякіе споры и смуты, то съ другой здѣсь же, за шкаликомъ, происходятъ и миро-

*) Въ Современныхъ Извѣстіяхъ 1879 года (№ 172) кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что кре- стьяне, можетъ быть, и пьютъ отъ того, что видятъ себя въ несподобной бедности; другими словами, что слишкомъ тяжелы, непосильны наложенные на нихъ поборы, и что нашему земству, вмѣсто того, чтобы раз- глагольствовать о вредѣ пьянства въ народѣ и необхо- димости сократить его разными мѣрами, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ сохранить пародныя попытки на го судареви и земскія подати, слѣдовало бы прежде всего подумать о сокращеніи расходовъ на земскую администрацію и объ уменьшеніи съ простаго человѣка всякихъ сборовъ.

*) Хотя пьянство и запрещалось народу съ давняго времени царскими указами, однако такіа запрещенія издавались болѣе для очистки казенной совѣсти: уже съ Ивана III право приготовления и продажи вина пе- решло въ руки правительства и составляло самый главный доходъ его; при Иванѣ Грозномъ и при Году- новѣ откупная кабацкая система вошла въ полную силу: головы и цѣловальники выбирались для продажи вина и цѣловали крестъ приумножать кабацкіе до- ходы и собирать кабацкія деньги, «съ прибылью про- тивъ прошлаго лѣта», при чемъ изъ Москвы имъ было разрѣшено «дѣйствовать безстрашно», за прибыль ожи- дать государевой милости и «въ томъ приборѣ ника- кого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять» (Акты Археогр. Эксп., III. IV), что они и исполняли въ точности. Одинъ изъ цѣловальниковъ, Андрей Образцевъ, ожидая себѣ милости за такое «приумноженіе кабацкихъ доходовъ», писалъ царю Ми- хаилу Федоровичу въ 1610 г. такъ: «я государю никому не поронилъ, правилъ твои государевы доходы, питу- ховъ нещадно побивалъ (т. е. опаивалъ на смерть: дѣло, 1877, XI. 413). При Петрѣ и его преемникахъ продол- жался та же откупная система и то же опаиваніе и п- туховъ.

народа и о леченіи и лекарствахъ противъ этихъ болѣзней.

Въ деревняхъ народъ лечится у знахарокъ, которыя зачастую знаютъ цѣлебныя свойства дико-растущихъ травъ и корнейевъ не хуже любого аптекаря. Философскимъ камнемъ отъ всѣхъ болѣзней служить русская баня, въ которой человѣкъ распариваетъ свое тѣло на полкѣ въ невыносимомъ жару и сѣчетъ его до красна горячими вѣниками.

По разсказамъ Снегирева, передбанники, гдѣ раздѣвались въ торговыхъ баняхъ,—были отдѣльные для мужчинъ и для женщинъ, а мылись и парились они вмѣстѣ, въ одной банѣ, размѣщаясь при этомъ на разныхъ стороны (Лубочн. карт., 118). Въ деревняхъ русскихъ крестьяне парятся и моются цѣлой семьей, по очереди въ печахъ, а окачиваться выходятъ на дворъ, на морозъ. Изображеніе этого рода бань можно видѣть въ путешествіи барона Рехберга. Олеарій (стр. 104) разсказываетъ, что, во время его путешествія, женщины не разъ выходили къ нему на встрѣчу изъ избы совсѣмъ голыя. Отличительное свойство русской бани — распариванье тѣла на полкѣ, въ 60-ти градусной жарѣ, и сѣченіе его вѣниками. Для простого народа такая паровая баня, съ каменкой, составляетъ одну изъ первыхъ жизненныхъ потребностей: разъ въ недѣлю идетъ онъ выпариться, вымыться, пережарить расплодившееся на немъ чужеядное звѣрье и облегчить свое тѣло отъ передѣланныхъ за семь дней работъ. Здѣсь бабы правятся животами, старики и старухи выправляютъ кости и выпариваютъ простуду, чемы и ломы. Такъ велось съ глубокой древности.

Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ (XVII в., въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ), въ описаніи путешествія Андрея Первозваннаго, приводится разсказъ о томъ, что онъ былъ въ Новгородѣ у славянъ и видѣлъ, какъ тамошніе люди мылись въ банѣ: «и удивися имъ!»—Бани, разсказывалъ онъ въ Римѣ,—у нихъ деревянные, въ нихъ наваленъ камень, который накаляютъ до красна; тогда они раздѣваются до нага и обливаются «квасомъ кислымъ и возмутъ на ся прутіе младое, и біются сами. И

того ся добіютъ, едва излѣзутъ еле живи, и обліются водою студеною». Такъ дѣлають они каждый день,—прибавляетъ св. Андрей,—«и не мучими никимъ же: но сами ся мучат и то творятъ омовеніе себѣ, а не мученіе» (Сухомлиновъ, О древн. русск. лѣтоп., СПБ. 1856, 18). Такая баня предлагалась каждому путешественнику и гостю: когда древляне прибыли въ Кіевъ съ предложеніемъ сочетаться вел. кн. Ольгѣ бракомъ съ ихъ княземъ, то она «повелѣ уготовати ихъ ради баню велію, и посла къ нимъ, моля ихъ, да первѣе по трудѣ путнемъ измыются въ банѣ и почіють» (Минеи Четьи: Житіе Ольги, стр. 290). Въ Никоновской лѣто-

278. Еремушка и бабушка.

писи тоже упоминается: «строеніе банное» (Русск. лѣтоп. по Никонов. списку. СПБ. 1767 г., I. 192).

Въ болѣе важныхъ случаяхъ зовется деревенская бабушка, которая накидываетъ больному горшки на брюхо. Подъ № 278 помѣщена здѣсь смѣхотворная картинка о томъ, какъ заболѣлъ шутъ Еремушка и какъ ему бабушка на брюхо горшки накидывала. Независимо отъ этихъ простыхъ и дѣйствительныхъ средствъ, народъ прибѣгаетъ, въ болѣзняхъ и недугахъ своихъ, къ разнымъ заговорамъ, симпатическимъ средствамъ и къ помощи разныхъ святыхъ, которымъ на случай каждой болѣзни составлены особыя молитвы. Впереди всего, въ этомъ отношеніи, стоитъ Николай Чудотворецъ, изба-

вляющій отъ всякихъ бѣдъ и напа-стей и въ особенности отъ потопленія; за нимъ слѣдуютъ: Ангелъ хранитель, охраняющій человека во все часы его жизни; священномученикъ Антипій, съ молитвами отъ зубной боли, столь обыкновенной въ нашемъ сѣверномъ климатѣ *); Казанская Богородица, исцѣляющая отъ глазной болѣзни; Іоаннъ Предтеча — отъ головной; Великомученица Варвара — отъ внезапной смерти; великомученица Екатерина — отъ трудныхъ родовъ; Тихвинская Богородица и великомученикъ Никита — отъ болѣзней и родимца у младенцевъ; далѣе Ілья пророкъ, подающій ведро и дождь; Неопалимая купина, избавляющая отъ пожара, и, наконецъ, великомученикъ Егорій, сохраняющій скотъ отъ звѣря, и Флоръ и Лавръ, предохраняющіе отъ конскихъ падежей. Всего больше страдаютъ русскіе люди отъ зубной боли и отъ трясавицы, т. е. лихорадки; по части трясавицы пишутся даже и въ наше время Суздальскія иконы, съ изображеніемъ св. Сисинія, св. Фотиніи и архангела Михаила, поражающаго копьемъ двѣнадцать лихорадокъ, представленныхъ въ видѣ нагихъ женщинъ съ распущенными волосами.

Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи была составлена особая картинка, съ указаніемъ, какимъ святымъ отъ какихъ болѣзней молиться — она была награвирована семь разъ. На этой картинкѣ помѣщены такія, напримѣръ, указанія: молиться преподобному Іурію — аще мужъ возненавидитъ жену свою неповинно; объ избавленіи отъ блудныхъ страсти — молиться преподобному Мартиніану; а также и кому слѣдуетъ молиться о прогнаніи лукавыхъ духовъ, о благополучныхъ родахъ, объ избавленіи младенцевъ отъ оспы, отъ виннаго запойства, отъ пожара и молніи и т. д. **). Кар-

*) Уже въ XVII вѣкѣ существовалъ обычай, въ память исцѣленія отъ зубной боли, привѣшивать къ образу Антипія серебряные зубки. Такихъ привѣсковъ, напоминающихъ католическій обычай, было множество и у другихъ иконъ; напримѣръ: у Московской иконы Владимірской Богородицы, съ которой онѣ были сняты по указу Петра I. Въ церквахъ города Архангельска эти привѣски въ обычаѣ даже и до настоящаго времени; ихъ продаютъ въ монастырѣ, въ мелочныхъ лавочкахъ, и даже на лоткахъ, на рынкахъ.

**) Существуетъ даже такая икона, молясь которой усердно, можно получить имѣніе пазъ казны, — въ-

тинка эта — католическаго происхожденія; у Низара находимъ подобныя же наставленія, какимъ святымъ отъ чего молиться: «Saint Fort — contre fes faiblesses; Saint Mein pour la gafe aux mains и т. д. Еще не очень давно въ Москвѣ служились по поводу благополучныхъ родовъ молебны гвоздю Господню, и предпринимались богомолья въ нѣкоторые монастыри; въ Кіевскихъ пещерахъ беременныя женщины служатъ молебны Виолеемскому младенцу, который былъ присланъ царю Алексѣю Михайловичу какимъ-то греческимъ пройдохой — архимандритомъ, въ обмѣнъ на русское золото. Младенца этого (закупореннаго на-глухо въ гробикѣ) во время молебна родильница держитъ на брюхѣ; часто бываетъ, что, вмѣсто отсутствующей родильницы, молебенъ служить ей товарка, «по довѣренности», съ тою же церемоніею; придя домой, она потрется своимъ брюхомъ о брюхо родильницы, и этого бываетъ достаточно для родильницы: все равно, какъ бы она сама, на молебнѣ, съ младенцемъ на брюхѣ стояла.

Все это съ стороны кажется очень страннымъ, но что же дѣлать бѣдному народу? гдѣ его докторъ? — священнику, всего ближе стоящему около его обихода, лечить его не указано; хорошій докторъ для него не доступенъ, по жидовскимъ своимъ цѣнамъ; да въ захолустѣ хорошій докторъ и не поѣдетъ, а отъ плохого, какъ отъ смерти, упаси Господи. Вотъ и пробавляется народъ заговорами да иконами, и вѣритъ чудесному излѣченію *), — а если вѣритъ, то по вѣрѣ и дается ему; заговоръ остановить его боль и ему «легчаетъ», — особенно въ нервныхъ болѣзняхъ, гдѣ больше значитъ не самое лекарство, а увѣренность въ его дѣйствіи. Ну, и приходится оставить народъ покуда съ его домашними средствами; да и странно кажется, при такой грустной

роятно въ западныхъ губерніяхъ или въ Уфимской, такъ какъ икона эта довольно новаго происхожденія. (см. «Русск. Нар. Карт.» изд. 1881; IV. 700).

*) Вѣрять чудесному въ этомъ дѣлѣ часто и доктора (иноземцы) и образованные люди; такъ, напримѣръ, жабный камень, какъ талисманъ для беременныхъ женщинъ, а также и противъ бѣсовскихъ проказъ, хранился въ весьма образованной семьѣ Вальтеръ-Скотовъ и дорого цѣнился даже ихъ сосѣдямъ, которыми онъ не разъ принимался въ закладъ за большія деньги.

обстановкѣ его обихода, запрещать и уничтожать народный листокъ: «какимъ святымъ и отъ чего молиться», какъ это было сдѣлано въ 1866 году въ Кіевѣ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что листокъ этотъ составленъ подѣ католическимъ вліяніемъ; лучше же отъ разныхъ болѣзней къ помощи святыхъ прибѣгать, чѣмъ пробавляться остроумомъ буйномъ и тому подобными безтолковыми заговорами. Впрочемъ, независимо отъ католическаго вліянія, молитвенныя и чудотворныя средства указывались болящимъ и нашими древними лѣтописями и сборниками, начиная со Святосла-

вова *); во многихъ изъ нихъ толкуется о чудесномъ вліяніи на человека различныхъ камней **); въ другихъ прямо нечисляются имена святыхъ и ангеловъ, которымъ слѣдуетъ молиться и отъ какихъ болѣзней (1-е изд. «Р. Н. К.» IV. прим. къ 1034), а въ нѣкоторыхъ совѣтуется лѣчиться муромъ. Дальнѣйшихъ разсужденій по этой части дѣлать намъ не приходится, такъ какъ относительно медицины, которая считалась въ XVII и даже XVIII вѣкѣ, въ глазахъ простаго народа, чародѣйствомъ ***), кромѣ приведенныхъ картинокъ, да еще Брюсова календаря, нигдѣ не говорится.

*) Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, напримѣръ, преподается слѣдующій вѣрный способъ, какъ лѣчиться отъ любовнаго болѣзней: «Аще-ли прилучится болячка на срамныхъ удѣхъ, аще у мужа или жены, то пусть возьметъ муро и, оставшись въ комнатѣ наединѣ, помажетъ кистицею самъ болячку свою яже на тайныхъ его удѣхъ, — или мужъ или жена, невозбранно есть. Мужъ къ женѣ да не приближается въ той день и ночь, да не приближается и къ пьянству» (Памят. стар. русск. литерат., IV. 316, изъ сборн. Кирпловск. библ. XV в.). Заговоры и ворожба были въ большомъ ходу съ давняго времени: кн. Курбскій разсказываетъ, какъ в. кн. Василій Ивановичъ, бывши старпкомъ, женился на молодой и посылалъ въ Корелы за кудесникомъ Филей, чтобы тотъ наворожилъ ему помощь къ плодотворенію (Сказанія кн. Курбскаго, т. I. стр. 133); см. тоже по этой части о неустаннымъ корнѣ (IV. 240, въ 1-мъ изд. «Русс. Нар. Карт.» 1881 г.).

**) Въ сборникѣ Святослава находятся свѣдѣнія о цѣлительныхъ и симпатическихъ камняхъ, сходныя съ тѣми, которые попадаются въ нѣмецкомъ Kreuterbuch'ѣ (Frankf. am Main 1582, 336).

***). Это зелейники или лечебники, въ которыхъ предлагаются снадобья изъ травъ противъ разныхъ болѣзней (Тихомировъ, Отреч. Литерат., II. 425; рукоп. XVIII в.). Нашъ народъ боялся лѣчиться, по пословицѣ, что и добрая аптека убавитъ вѣка, и что не жива та душа, что по лекарствамъ пошла, а медиковъ считалъ чародѣями. Врачъ Елисей Бомелій, въ Псковской лѣтописи подѣ 1570 годомъ, прямо обзывается лхимъ волхвомъ (Карамз. II. Г. Р., IX. примѣч. 168). Въ прошедшемъ столѣтіи краткія медицинскія свѣдѣнія распространялись въ народѣ по распоряженію правительства, впрочемъ не очень толково, а потому и прошли безслѣдно; см. по этому поводу замѣтку о нашемъ духовенствѣ (IV. 316, въ 1-мъ изд. «Русс. Нар. Карт.» 1881 г.).

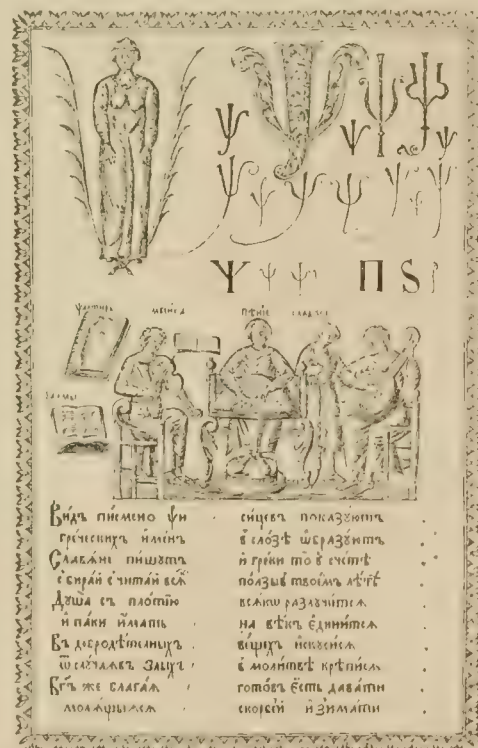

X.

Музыка и пляска. Музыкальные инструменты. Цыганское пѣнье и пляска. Бычекъ или трепадъ. Спири Петровскіе машкерады.—Театральныя представленія въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Пасторъ Грегори и Артаксерксово дѣйство. Комедія пригчи о блудномъ сынѣ, Симеона Полотскаго. Народныя представленія при Петрѣ I. Интерлюдіи. Соломонъ и Маршалка, будочникъ и чортъ.—Пузырные звуки. Точильщикъ носовъ. Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ. Еремушка. Интерлюдіи и разговоры: жениха съ свахою, Фарноса съ Пигасей и разныхъ Вавилъ и Данилъ. Безстыдство въ интерлюдіяхъ и представленіяхъ у западныхъ народовъ въ XVII вѣкѣ.

Музыка, употреблявшаяся въ старое время при народныхъ увеселеніяхъ, и инструменты, которыми она производилась, были очень несложны; въ нашихъ картинкахъ упоминаются: духовые инструменты—волынка, рожокъ, сурна или зурна, свирѣль, труба, сопѣлка, цѣвница; струнные инструменты—гудокъ, скрипка, бала-лайка, гусли, органъ духовой и савоярдское рыле (Leyer); наконецъ, трескучіе инструменты—бубенъ, барабанъ, ложки, колокольчики, клепала и била*) (см. выше стр. 264—265). Органъ и скрипка получили у насъ гражданство съ XVI вѣка; первый органный игрецъ упоминается въ числѣ художниковъ, пріѣхавшихъ къ царю Ивану III; въ теремѣ царя Михаила Ѳеодоровича Олеарій видѣлъ дѣвушку, которая плясала подъ музыку двухъ инструментовъ—арфы и скрипки. Первое подобіе оркестра состояло изъ органа, трубы, флейты, скрипки, барабана и литавръ; управлялъ имъ въ 1675 г. Тимофей Галенкуръ съ Симономъ органистомъ (Пекарскій, I. 389). Въ букварѣ Каріона

Истоминна, подъ заглавіемъ: «музыка пѣніе сладкое»,—представлены четыре музыканта: скрипачъ, гуслиарь, флейтщикъ

Музыка и пѣніе сладкое изъ Букваря Каріона Истоминна.

и торбанистъ. Но такіе оркестры составлялись только при дворѣ, да развѣ у

*) Терещенко (Бытъ, I. 483. 486. 490) упоминаетъ еще о желайкѣ, накрахъ-литаврахъ, тимпанахъ, и мѣдныхъ котлахъ, которыхъ въ нашихъ картинкахъ не встрѣчается. Болѣе подробное описаніе русскихъ музыкальных инструментовъ можно прочесть въ статьѣ знатока этого дѣла, протоіерея Разумовскаго, помѣщенной въ Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда (Москва 1869, стр. 489).

знатныхъ вельможъ: народная музыка, служившая аккомпаниментомъ для пѣнія и пляски, исполнялась посредствомъ самыхъ простыхъ инструментовъ — гудка, волынки, рожка и балалайки, а у цыганъ — гитары; причемъ публичное пѣніе и пляска «за деньги» производились только одними цыганами (не считая пришедшихъ иноземцевъ).

Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши, прозванной Свинынымъ, въ честь ея, русскою Каталани; въ наше время Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали Московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Что увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ,—это рѣзкіе и неожиданные пере-

279. Хоръ московскихъ цыганъ подъ управленіемъ Ильи Соколова, оригинальная литографія кн. Г. Г. Гагарина (нынѣ знаменитаго художника).

Цыгане составляли съ давняго времени необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рошѣ, подъ Новинскимъ, — они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особъ, такъ для «подлыхъ людей». Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора, — приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая

ходы отъ самаго нѣжнаго піаниссимо къ самому разгульному гвалту. Выйдетъ, на примѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, махнетъ разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая нибудь Стеша или Саша въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ, — что всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно вся стройка надъ вами рушится:

взвизгиваетъ косая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ, — въ одно мгновение настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замнранія Стеши.

Въ пляскѣ та же манера: если танцуютъ двое мужчинъ, то одинъ изъ нихъ,

(рассказываетъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ), какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него мятелницей и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ: если пойдеть плясать, напримѣръ, граціозная молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней вскакиваетъ, точно дикій звѣрь, ста-

101

280. Пѣніе и пляска: шуты скопированы съ полшинелей Каллота.

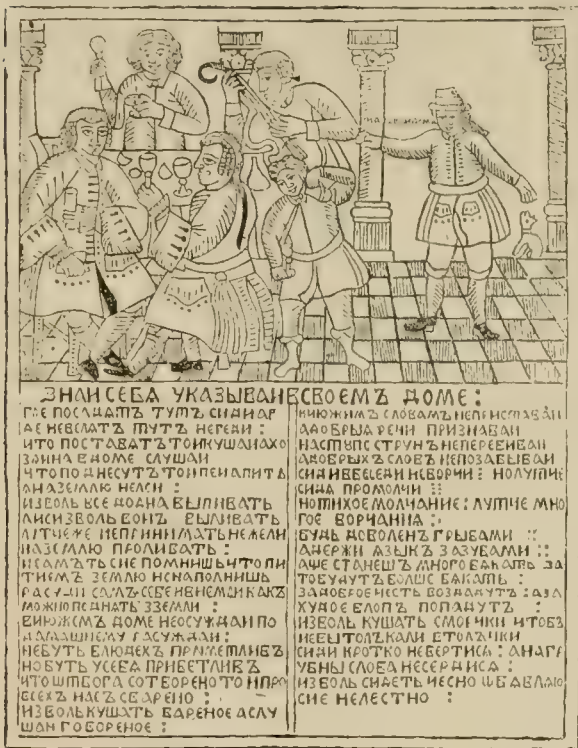

281—282. Полшинели Каллота, скопированные въ русской народной картинкѣ № 280.

обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, «а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка причичкивая и притоптывая по временамъ одною ногою»

рая растрепанная Матрешка; съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срыгаетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопанная, на послѣднемъ взрывѣ табора.

Сочинитель народных картинок №№ 280 и 284 конечно имѣлъ въ виду изобразить цыганскихъ пѣвицъ, хотя и скопировалъ ихъ съ иностранныхъ образцовъ,

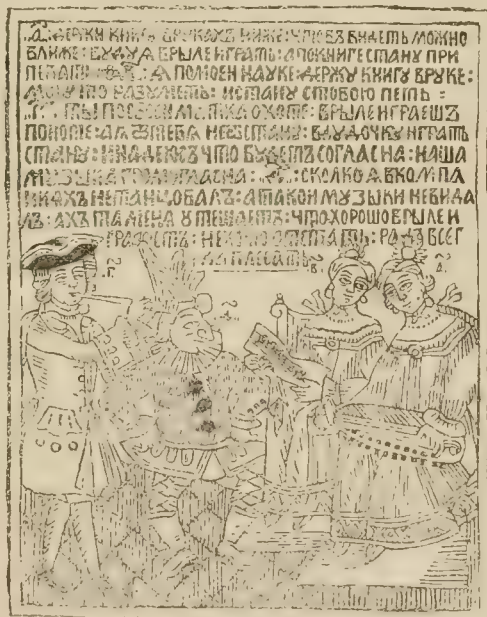
283. Прушка съ музыкой.

причемъ одной изъ пѣвицъ далъ въ руки рыле, а кругомъ ея разставилъ вовсе не идущихъ къ дѣлу Каллотовскихъ паяцовъ (ср. 281—2). Изъ другихъ русскихъ национальных танцевъ, въ народных картинкахъ мы находимъ только одного бычка или трепака, котораго и до сихъ поръ выплясываютъ деревенскіе, а больше того городскіе парни и фабричныя дѣвки. Наши русскія деревенскія барышни разудалой пляски этой не танцуютъ, а плавно ходятъ взадъ и впередъ и кружатся однообразно въ своихъ хороводахъ. Что такое бычекъ или трепакъ—достаточно объясняетъ самое названіе трепака; это не есть танецъ, вылившійся въ какую либо неизмѣнную форму,—это тоже, что итальянская тарантелла, арагонская хота и парижскій канканъ: плясунъ или выплясываетъ общепринятая переборка, разнообразія ихъ по своему усмотрѣнію, или же выдѣлываетъ никѣмъ не виданныя колѣнца своего собственнаго измышле-

нія,—здѣсь все зависитъ отъ личнаго умѣнья и фантазіи танцующаго.

Превосходно описанъ трепакъ водяного царя въ повѣсти гр. А. К. Толстого—купецъ Садко, со всѣми техническими терминами, которыми прозываются въ народѣ «разныя колѣнца», выкидываемыя камаринскимъ мужикомъ: плясунъ-царь разминается сперва на мѣстѣ, уперши руки въ бока; тихо поводитъ онъ по сторонамъ усомъ да бровями, и начинаетъ прохаживаться, изрѣдка подпрыгивая и шевеля плечами; расходившись, принимается онъ выводить вензеля,—закладываетъ ногу за ногу, мѣситъ пятками на вывертъ, ломаетъ колѣнца взадъ и впередъ, валяетъ скокомъ и загребомъ и, наконецъ, пускается ходенемъ въ присядку.

И въ этомъ танцѣ, какъ и въ цыганскомъ, по большей части, попеременно танцуютъ два плясуна: одинъ выдѣлываетъ разныя колѣнца ногами, хладнокровно стоя на одномъ мѣстѣ и пошевеливая плечами; другой же ломается не на животь, а на смерть, вертится, бро-

284. Шутливая персона пляшетъ подъ музыку.

сается на колѣна и на землю и носится въ присядку съ разными вывертами и заковырками, по примѣру Толстовскаго морского царя.

Трепакъ въ народѣ считается собственно не пляской, а скоморошествомъ, и

хорошія дѣвушки и женщины, даже и парни, плясать трепака на показъ не пойдутъ. Есть танецъ еще разгульнѣе трепака,— это спиря: исполняется онъ въ грязныхъ трактирахъ и харчевняхъ. Изъ нашихъ картинокъ бычекъ и трепакъ представлены на № 283 и 285.

285. Пляска бычка подъ волынку.

Наши духовные отцы смотрѣли на пляску и на музыку какъ на дѣло бѣсовское и грозили пляшущимъ, наравнѣ съ играющими въ карты,—проклятіемъ; на картинкѣ страшнаго суда занимающіеся плясаніемъ показаны въ аду даже подъ особымъ мытарствомъ. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ рассказана на устрашеніе плясуньямъ слѣдующая легенда: «Дѣвка нѣкая во дни святыхъ, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче въ играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребывающа, и нѣкоего дни отъ заутра даже и до вечера въ гуменнихъ и в танцѣхъ пребывающе». Возвратившись домой, она уснула и во снѣ была восхищена отъ бѣсовъ, которые опалили ей на головѣ всѣ волосы, покрыли тѣло ея вередями, а одинъ демонъ ей «главню горячую в уста вонзе и рече: имѣй сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы, ризы же ея ни слѣду опаленія пріяша». Когда она проснулась и рассказала всѣмъ бывшее съ нею, былъ призванъ священникъ и на исповѣди «ни

единого смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тѣло имѣ танцевати и пѣсню пѣти» (Памятники старин. руск. литературы, вып. I, стр. 209). Но книжныя угрозы оставались въ безсиліи и жизнь шла своимъ чередомъ, не внимая духовно-спасительнымъ воплямъ. По указу Петра приказано было танцовать всѣмъ російскимъ дѣвицамъ, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста, подъ страхомъ жестокаго наказанія,—а затѣмъ заплясали и наши Императрицы. Особенно отличалась въ танцахъ Елизавета Петровна, которая при этомъ очень любила танцовать за мужчину; рядилась въ мужское платье въ маскарадахъ и Екатерина II-я, а въ 1764 году великій князь Павелъ Петровичъ явился публично въ балетѣ Адисъ и Галатея и, въ роли бога Гименея, «искусными и благородными танцами своими удивилъ всѣхъ зрителей» (Штелинъ, СПбургск. Вѣстн. 1779, сентябрь, 169).

О русскомъ танцѣ своего времени академикъ Штелинъ говоритъ слѣдующее: «простой русскій танецъ хотя есть древняго славянскаго происхожденія, однакоже онъ имѣетъ нѣчто и татарское. Съ танцами прочихъ европейскихъ народовъ оный ни въ чемъ не сходствуетъ, ибо не состоитъ ни въ топаньи, ниже въ прыганьи, но единственно въ нѣжной и тихой, со стороны женщины, походкѣ, а со стороны мужчины въ нѣкихъ наклоненіяхъ и выправленіяхъ, или въ нѣкоей присядкѣ, дѣлающейся посредствомъ скорого выворачиванія и сжиманія колѣнъ. Кто Китайцевъ, Бухарцевъ, Мунгалъ и Татаръ танцующихъ видѣлъ, тотъ легко можетъ примѣтить, что въ русскихъ танцахъ есть нѣчто взятое изъ танцевъ сихъ народовъ... Во время царя Алексѣя Михайловича въ Россіи не знали и не употребляли другихъ никакихъ, кромѣ природныхъ танцевъ; однакоже при его уже дворѣ иногда танцывали веселые украинскіе и важныя польскіе танцы, для которыхъ тогдашнее длинное русское платье весьма хорошо было. Въ 1767 г. балетмейстеръ Анжоллини, который имѣлъ случай, живя въ Москвѣ, узнать всѣ роды русскихъ танцевъ, «дабы показать пріятство ихъ, сочинилъ огромный въ рус-

скомъ вкусѣ балетъ и, въ музыку онаго вмѣ-
 стѣ русскія мелодіи, симъ новымъ ума сво-
 его произведеніемъ удивилъ всѣхъ и прио-
 брѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Уже въ
 началѣ царствованія Петра Великаго пере-
 стали при дворѣ и въ знатныхъ домахъ
 танцовать русскіе танцы и носить долгое
 платье, вмѣсто котораго «сей государь,
 введши иностранное, съ онымъ ввелъ и
 иностранные танцы, яко то: нѣмецкіе,
 англійскіе, а послѣ и французскіе, ко-
 торые удивительно скоро пришли въ
 славу, ибо при немъ уже вмѣняли въ
 стыдъ благороднаго рода женщинамъ и
 мужчинамъ, если они не могли порядочно
 протанцовать минуэта, контретанца или
 польскаго. Во время же царствованія
 императрицы Елизаветы Петровны иску-
 сство танцеванія до такого совершенства
 доведено было, что г. Ланде, одинъ изъ
 первыхъ французскихъ балейтмейстеровъ,
 публично говаривалъ: «кто хочетъ видѣть,
 какъ правильно, нѣжно и непринужденно
 минуэты танцевать надобно, долженъ при-
 ѣхать къ Императорскому Россійскому
 Двору». «Сіе изрѣченіе конечно не про-
 исходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту
 извѣстно, что императрица Елизавета Пет-
 ровна совершеннѣйшая была своего вре-
 мени танцовщица, подававшая собою всему
 двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго
 танцеванія; она также чрезвычайно хоро-
 шо танцевала и природныя русскіе танцы,
 которые, хотя, какъ вышесказано, вообще
 и не употребляются больше при дворѣ и
 въ знатныхъ домахъ, однако же иногда,
 а особливо во время придворныхъ мас-
 керадовъ, ихъ танцуютъ. Всѣ роды евро-
 пейскихъ танцевъ не могутъ сравниться
 съ природнымъ *русскимъ*, когда его пре-
 красная русская дѣвушка въ русскомъ
 своемъ платьѣ танцуетъ и, смѣло сказать
 можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ дру-
 гого танца, который бы въ прелести могъ
 русскій превзойти. Почти всякій годъ
 императрица Анна Іоанновна, во время
 придворныхъ веселостей, бывающихъ о
 масляницѣ, изволила приказывать быть
 при оныхъ гвардейскимъ ундеръ-офице-
 рамъ съ молодыми ихъ женами, между
 которыми бывали совершеннѣйшія танцов-
 щихъ, дабы имѣть удовольствіе видѣть

ихъ танцующихъ русскіе танцы; съ ними
 иногда также танцовали и придворные
 кавалеры» (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ
 1779, октябрь. 243).

Рядомъ съ разными заморскими ново-
 введеніями, появился въ Россіи и балетъ;
 онъ такъ понравился нашимъ предкамъ,
 что они стали обучать балетнымъ танцамъ
 своихъ *крѣпостныхъ дѣвокъ* и устраивать
 изъ нихъ крѣпостные балеты. У Мельни-
 кова «Въ Лѣсахъ» весьма ярко рассказаны
 подвиги тогдашнихъ помѣщиковъ по этой
 части. Впрочемъ и высшія власти пода-
 вали имъ въ этомъ хорошій примѣръ:
 такъ, на примѣръ, императрица Елизавета
 Петровна, услышавъ объ оригинальности
 Камчадалскихъ танцевъ и пѣсенъ, при-
 казала привезти ко двору шесть Камча-
 далскихъ дѣвушекъ; посланъ былъ за
 ними особый фурьеръ, Шахтуровъ; вы-
 брали шесть дѣвицъ самыхъ красивыхъ
 и изъ самыхъ почетныхъ семействъ; везъ
 ихъ Шахтуровъ по Сибири цѣлый годъ,
 и такъ за ними ухаживалъ, что всѣ шесть
 еще въ Сибири *разрѣшились отъ бремени*
 (Древ. и Нов. Россія 1877, II. 224).

Дѣйствующія лица на нашей картинкѣ
 № 280 танцуютъ вѣроятно одинъ изъ
 танцевъ Елизаветинскихъ временъ: матра-
 дуръ, минуэтъ, манимаску или гавоть.

Дама Арина и плясунъ-музыкантъ (на
 гитарѣ)—послѣдній справа—скопированы,
 въ увеличенномъ размѣрѣ, съ Riciulina и
 Mezetin изъ № 8 «Balli di Steffania»,
 гравированныхъ Каллотомъ; полишинель,
 пляшущій между ними, передѣланъ изъ
 Capitano Cardoni тѣхъ же «Balli» № 22;
 арлекинъ, внизу, упрашивающій музы-
 кантшу заиграть бычка, передѣланъ изъ
 Capitano Cerimonia № 3 «Balli». Первая
 нѣмецкая труппа буффъ съ Гельфертин-
 гомъ въ роли Панталона и Сколяри въ
 роли Арлекина и въ костюмахъ, подоб-
 ныхъ тѣмъ, которые мы видимъ на кар-
 тинѣ № 280, появилась въ Петербургѣ
 въ 1757 году (Штелинъ, СПБ. Вѣстникъ
 1779 г., сентябрь, 163). Иностранные
 танцы введены были при дворѣ и въ бар-
 скихъ домахъ еще ранѣе.

Въ высшемъ кругу пляска пошла въ
 ходъ съ Петра Великаго, который учре-
 дилъ машкерады и приказалъ выво-

зить на оныя всѣхъ дворянскихъ дѣвицъ, начиная съ 14-ти-лѣтняго возраста, пригрозивъ, какъ сказано выше, за неисполненіе сего, жестокимъ наказаніемъ; новостъ эта вошла въ моду очень скоро, а лѣтъ черезъ двадцать публика русская заплясала и матрадуры, и минуеты, уже не ради страха жестокаго наказанія, а въ собственное свое удовольствіе. Большая охотница до танцевъ была императрица Елизавета, особенно любившая переодѣваться въ маскарадахъ въ мужское платье и танцевать за кавалера; занималась этимъ и великая Екатерина. Иностраннныя танцы представлены и на нашей картинкѣ № 280, рядомъ съ Каллотовскими шутами. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что ноты въ рукахъ пѣвицы — обыкновенныя, линейныя; крюковыхъ же нотъ, употреблявшихся въ нашемъ церковномъ обиходѣ XVII вѣка, ни въ одной изъ народныхъ картинокъ не встрѣчается *).

Публичныя зрѣлища для народа устраивались издревле въ видѣ дѣйствъ, на разныя темы изъ св. Писанія. Одно изъ такихъ зрѣлищъ, такъ называемое пещное дѣйствіе—было установлено въ память страданія трехъ отроковъ (которымъ посвящена народная картинка № 266). Это пещное дѣйствіе св. отецъ, въ память трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, которые были ввержены въ халдейскую печь и тамо «невредимы пребыша»; въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась и деревянная халдейская печь, въ которой происходило это дѣйствіе **).

*) По замѣчанію Ундольскаго (о русскомъ церковн. пѣніи), уже во второй половинѣ XVII вѣка ноты эти стали переводиться и замѣняться простыми, а въ 1676 г. были отпечатаны двѣнадцать гравированныхъ таблицъ въ четвертку, на которыхъ крюковыя ноты были изображены рядомъ съ линейными, при чемъ подъ каждымъ знакомъ приведены соотвѣтствующія объясненія, напримѣръ: «Знамя параклитъ поется во всѣхъ осмыхъ гласехъ, во единоголасную степень за полъ статіи, а со отсѣкою въ половину» и т. д. (рукопись находится въ Москв. Глав. Архивѣ, подъ № 455).

**) Такія-же печи были и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Русск. Историч. Библ. Тимов. III. 309) и въ Вологодскомъ (Изв. Имп. Археологич. Общ., III. 242). О Новгородской печи въ Новгородѣ въ лѣтописи подъ 1553 годомъ сказано, что архіепископъ Макарій: «постави въ Соборной церкви св. Софій въ великомъ Новгородѣ амбонъ, весьма чуденъ и всякія лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесять». По замѣчанію г. Артлебена, въ описи собора, составленной въ половинѣ XVII вѣка, она названа просто: «пещъ дровяна рѣшетчата» (Изв. Имп. Арх. Общ., III. 377); въ настоящее время она нахо-

Печь эта, окруженная зажженными свѣчами, устанавливалась посреди собора и въ воскресенье, послѣ заутрени, Халдеи вводили въ нее трехъ отроковъ, державшихъ зажженные свѣчи и пальмы въ рукахъ, и бросали на горнъ съ угольями, установленный внизу подъ печью,—плаунъ (ликоподій), отчего происходило полымья. Затѣмъ ключарь спускалъ въ печь, сверху, картоннаго ангела съ трещетками (въ трусѣ велицѣ зело съ громомъ), дьяконы опаляли плауномъ Халдеевъ, а от-

286. Притча о трехъ отрокахъ въ печи.

роки въ это время, взявъ ангела за крылья, кружились съ нимъ трижды въ печи; наконецъ, ангелъ улеталъ «выспрь», и мистерія заканчивалась угощеніемъ отроковъ и Халдеевъ съ ихъ учителемъ въ Патріаршей палатѣ. Кромѣ пещнаго дѣйствія, всенародно разыгрывались еще слѣдующія мистеріи: обрядъ шествія святи-теля на ослати, который совершался съ бѣлымъ противъ пещнаго обряда торжествомъ изъ Успенскаго собора къ лоб-

дится въ Христіанскомъ отд. Русскаго Музея Императора Александра III. (Замѣтка Б. Гильтебрандта въ Древн. и Нов. Россіи 1878, I. 87).

ному мѣсту и обратно, при чемъ весь путь на разстояніи 234-хъ сажень былъ устилаемъ краснымъ сукномъ. Впереди шествія везли на саняхъ огромную вербу, разукрашенную разною разностію, а подъ нею пять пѣвчихъ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ; далѣе двигался крестный ходъ изъ духовенства,—юноши со свѣчами, шесть кадокъ съ вербами и, наконецъ, патріархъ на осли, котораго за поводъ велъ самъ царь. На лобномъ мѣстѣ святитель служилъ молебенъ и раздавалъ всѣмъ вербы; затѣмъ садился на своего осла, и шествовалъ тѣмъ же порядкомъ назадъ въ соборъ, гдѣ передъ южными дверями стрѣльцы бросались на вербу, общипывали съ нея украшенія и обдирали съ саней сукно (Снегиревъ, Памятн. Моск. древн., 55). Другой обрядъ—омовеніе ногъ—производился въ четвергъ на страстной недѣлѣ, послѣ вечерни; въ Іерусалимѣ для этой мистеріи устраивается и понынѣ большое возвышеніе на дворѣ храма. Изъ пещнаго дѣйствія было составлено еще въ XVII вѣкѣ полное комедіальное дѣйствіе, а вслѣдъ за тѣмъ появляется въ рукописной литературѣ почти цѣлый рядъ такихъ же пьесъ-мистерій, по большей части переводныхъ, назначенныхъ для театральнаго зрѣлища; подробный списокъ этихъ пьесъ, составленный въ 1709 г., помѣщенъ въ I-мъ томѣ книги: «Наука и Литература» Пекарскаго (стр. 428).

По поводу лицевой комедіи о блудномъ сынѣ, перешедшей въ народныя картинки и описанной подъ № 287, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о появленіи въ Россіи настоящаго театра, на которомъ дѣйствовали не куклы, а человѣческія персоны. Устройство его должно быть отнесено къ 1672 году: въ этомъ году, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, лютеранскій пасторъ Іоганъ Готфридъ Грегори устроилъ въ Преображенскомъ новую театральную храмину, набралъ дѣтей разныхъ чиновниковъ, всего 64 человѣка, и вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловымъ разучилъ съ ними комедію объ Есоири, или такъ называемое «Артаксерксово дѣйство», которое и было представлено въ первый разъ передъ царемъ въ ноябрѣ 1672 года (Тихонравовъ,

50-лѣтіе театра, 1873, 7). Царь остался очень доволенъ представленіемъ и осыпалъ Грегори своими милостями. Въ 1673 году, подъ наблюденіемъ Грегори, находилась уже цѣлая школа, въ которой обучались «комедійному дѣлу» 26 человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, которыми, вслѣдъ за Есоирью, представлены были комедіи: Юдиовъ, Товій, «малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ», «жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязетъ и Тамерланъ». Театральныя зрѣлища продолжались и послѣ смерти ц. Алексѣя Михайловича. Одна изъ пьесъ, разыгрывавшихся въ 1685 году,—сочиненіе Симеона Полотскаго,—попала, какъ уже сказано выше, въ число народныхъ картинокъ и была издана особой книжкой съ заглавіемъ: «исторія или дѣйствіе евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, бываемое въ лѣто отъ рождества Христова 1685». Книжка эта очень замѣчательна тѣмъ, что представляетъ намъ наглядно особенности тогдашняго театра: полъ сцены возвышенъ; у рамы поставлены зажженные ночники (отъ 5 до 8 штукъ); зрители сидятъ въ шляпахъ. На заглавномъ листкѣ представлены двѣ хари (маски) и полуфигуры двухъ шутовъ. На первой картинкѣ стоитъ актеръ (въ чулкахъ и башмакахъ, шляпѣ и альмавивѣ), говорящій прологъ; на послѣдней картинкѣ онъ же произноситъ заключительную рѣчь. Самая комедія начинается съ разговоровъ отца съ двумя сыновьями: старшій сынъ изъявляетъ любовь свою къ родителю; младшій, блудный, просится вонъ изъ дому; отецъ надѣлаетъ его имѣніемъ. Блудный уходитъ и начинаетъ разгульную жизнь: онъ нанимаетъ множество слугъ, играетъ въ зернь и карты, вяжется съ любовницами и, наконецъ, проматываетъ отцовское имѣніе; тогда наемные слуги расхищаютъ остатки его имущества съ криками: «емлемъ, емлемъ» (что написано и на самой картинкѣ) *) и разбѣгаются. Блудный въ горѣ; даже любовницы и тѣ обливаютъ его, изъ окна, помоями и гонятъ

*) Точно такъ, какъ на картинкѣ, гдѣ блудный смѣется, изо рта его исходятъ слова: „ха, ха, ха!“

ФИГУРА

КОМЕДИЯ ПРИТЧИ
ПРИЛОЖЪ
Батороднѣи Биточестивѣи
Гарѣи Премилостивѣи.
Нѣтъли слово внимати держитса
аюже еще что дѣлоиъ явитса

8

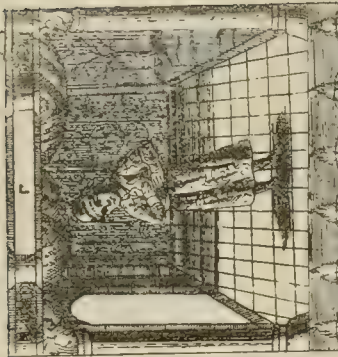
ШЦЬ ПАКИ КЪСНО БЛОННОМЪ ГАТЛАЕ
БЕ ЧОДО МОЕ ТА ШБОТЮЩЮ
ПОТВОРИ ВОЛИ ТВОЕ ШПОЩЮ
ИПОДОБИТИ БИТОСЛОВЕНІЕ
ИМЕИ СЕБѢ ШСБЕ ПОПЕЧЕНІЕ
СНѢ БЛОННЫ КО ШЦЬ ТЯГОТЕТЬ
ШЦЕ ЛЮБЕВНЫ БѢТИ ЧЕЛОМЪ ВІНО
ПЪТЪЗОН МОЗЕ ПРИЛОДНОМУ ВІНО

15

БЛОННЫ РЕЧЕ, ЗЕРНЪЩИ
ДОБРЕ ИТРАШИ СЕ СТО РЪБЛЕВЪ ТЪБѢ
НОЩЕСТІА РАДІСТИ НАПІСА СЕБѢ
ІННОМЪ ПУКШЕ ВИНИ
ЗЕРНЪЩИ БЛАДНОГО СНА ВОПРОШАЕТЪ
ЕЩЕ ТАРЪ МОИ ИЗВОМЪ ИТРАТИ
БАДНЫ СНѢ ВИД ШВЕЩЕТЪ
ПОВАССЕМИ ЕСТЬ СЕБѢ ЛЮБЕ ПОДЪ СПАТИ

35

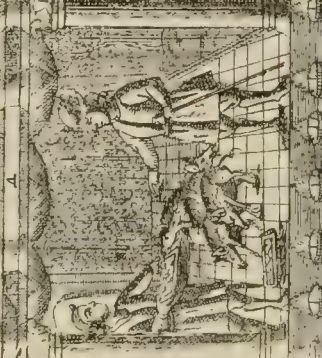
БЛОННЫЖЕ ВОСТАВЪ ІДЕ ГЛАБЛЕ
ЦАРЬ МНѢ ДАВЪ МНѢ ЧТО СЕ СОТВОРИША
ВСА ВЗЕМШЕ ЕДВА ЖИВА ШТОПЕДИША
ЧТО СОТВОРИ ПОМОДЪ ВЕДОМЪ ІМАТИ
ЕЩЕ ЧТО СОПРОВИЩЪ ВОМОДЪ СЫПАТИ
ІШХОДИТЬ ПЛИЧА

34

ЗДѢ БЕСЕЛАТСА ПОЮ ИТРАЮ
ШРЪТЪНИ ПІЮТЬ ИТОРЖЕСТВЮЮТЬ
ЕДИНІ ПОМОДЪ СЛАДА МОДЕСТЪ
ОСТАНОЕТЪ ИТОРОТОЕ ПРІШЕДЪ
СНѢ СТИРЪІШИ ВОПРОШАЕТЪ *

28

ПАСТЪХЪ КОБЛДНОМЪ РЕЧЕ
НЪ АРЪМЕ МЛЫМЪ ПОРЫТА СРОЖОНИ
ПРІНЕСИ СЕМО ПОСТАВЪ ПРІБІВНІАМИ
АБЛАДНЫМЪ ПРІНЕСЕТЪ ИРЕНЕТЪ
ІЗЪ СЕМО ТРАДЕНЪ ВІНЕСТЪ МНІ ЧТОАБІ
РОЖЦЫ МНІ БѢДЕТЪ ЗАВЕСАІІА СЛАСТИ

18

ТЪ ПРИХОДИ ПРІКАШЪЗ ІВПРО
ШІЕТЪ ПАСТЪХАНІБЛАДНО
МІЛЦЫ ЧТОСА ДЕНІСЪ ДОБРОГОСА ДІ
ТРАДЪ ВОШЪ ШТОПЕДИША ДОБРЕПІ
Х ПІСТЪХЪ ТЯГОТЕТЪ ДОБРЕПІ
ГАРЮ МОИ ВІНИ БЕМЪ ПРІКАШЮ
ВРІТЪ СЕИ СІНЕДРЪТЪ ОБІВІНІ СОМЪ
СІМЪ РОЖЦЫ АЛЪБЕТЪ ІВІВІНІ РЕДНО
ІЗЪ НЕВЕЛЪ СТОДО ТАДЪ ПОТІВІШЕ

51

ІЗЫДѢ ШЦЬ БЛОНАТО СНА
ПЕЧИЛАСА ШМѢ ТЯГОТЕТЪ
ТЪТА ВЕЛІКА СРЦЕ МНІ СІМЩЕТЪ
ІЮТКА ПЕЧАЛЪ АШЪ ІСПОДНАЕТЪ
НЕВѢМЪ ТАДѢ СНѢ МОИЮВІШІ ОБРІІ
ІМѢ ШМЕНЕ АРВЕЛЕ БАДІАІЕА

287. Комедія притчи о блудномъ сынѣ, съ изображеніемъ стариннаго театра.

прочъ сковородникомъ. Онъ нанимается въ рабочіе къ «богатому человѣку»; тотъ смотритъ напередъ его руки и, пощупавъ, говоритъ: «о нѣсть мозолей, зѣло мягки длани», и назначаетъ ему пасти свиней. Затѣмъ слѣдуютъ картинки: какъ блудный, съ голоду, ѣстъ «рожцы», приготовленные для свиней, и разгоняетъ этихъ послѣднихъ, и какъ блуднаго, растянувъ на полу, къ вящему удовольствію зрителей, сѣкутъ батогами, онъ же кричитъ «пощади». Въ разгарѣ экзекуціи приказчикъ останавливаетъ сѣкущихъ словами «полно бити, часъ пустити; ищи свиней враже, блюдишь погубити, ибо до смерти велю тя убити». Возвращеніе блуднаго въ отчій домъ, радость отца и неудовольствіе старшаго брата,—все это происходитъ согласно съ текстомъ евангельской притчи; во время пира, происходящаго (за сценой) въ честь блуднаго, актеры «веселятся, поютъ и играютъ въ органы, пьютъ и торжествуютъ». Комедія заканчивается длиннымъ монологомъ, который произноситъ блудный, въ видѣ нравоученія зрителямъ.

Кромѣ этой комедіи, въ народныхъ картинкахъ не сохранилось никакихъ указашій, относящихся къ театральнымъ представленіямъ того времени; оно и понятно: театръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ устроенъ въ 1673 году, составлялъ царскую потѣху, недоступную для народа; народу развѣ еще изрѣдка доводилось присутствовать на представленіяхъ разныхъ мистерій въ театрахъ, устраиваемыхъ семинаристами, учениками разныхъ школъ, а иногда и служителями разныхъ вѣдомствъ *). Объ одномъ изъ такихъ театровъ, устроенномъ на масляницѣ служителями царскихъ конюшенъ, которые разыгрывали комедіи въ рогожныхъ костюмахъ и брали съ зрителей отъ одной до четырехъ копѣекъ за мѣсто, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Штелинь (Haigold, Zur Geschichte des Theaters in Russland. Beilage, I. 397).

У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 372) помѣщены подробныя свѣдѣнія о

*) Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе, что и в. кн. Наталья Алексѣевна допускала всякій народъ, безъ различія, на свои театральныя представленія.

положеніи театральнаго искусства при Петрѣ Первомъ: собственно для народнаго театра за его время ничего не было сдѣлано. Занятый прославленіемъ своихъ побѣдъ, Петръ хотѣлъ и изъ театральныхъ пьесъ сдѣлать какія-то лицевыя вѣдомости; за то онъ, отъ времени до времени, дарилъ народъ великолѣпными представленіями и фейерверками, по случаю разныхъ триумфовъ, и шутовскими процессіями своего всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора.

Въ послѣдующія царствованія въ столицахъ устроились: итальянская опера и балетъ на иностранный манеръ, французскій и нѣмецкій театры, и установилось полное разобщеніе между благородной публикою, съ ея роскошнымъ театромъ, и «подлымъ» народомъ, съ его райкомъ, медвѣдями и куклами *). Одно осталось, впрочемъ, въ нихъ общее: это шутовскія интермедіи, или, какъ называли ихъ встарину,—интерлюдіи. Эти интермедіи были уже введены въ первую комедію «Есѣпръ», игранную передъ царемъ въ 1672 году **); такія же интермедіи въ продолженіе всего XVIII вѣка игрались и въ рогожныхъ балаганахъ. Сюжеты этихъ послѣднихъ, чисто народныхъ пьесъ весьма не замысловаты; вотъ, напримѣръ, одно изъ представленій, которое, по рассказамъ Московскаго старожила В. Θ. Щербакова, игралось фабричными фабрики Таммеса, на Дѣвичьемъ полѣ: сидитъ царь Соломонъ на тронѣ; кругомъ его придворные (288); «Позвать ко мнѣ маршалку»,—кричитъ онъ; приходитъ маршалка, кла-

*) Обстоятельное описаніе театра за это время см. у Забѣлина, въ его Опытахъ, II. 490.

**) Комедія эта составлена на манеръ англійскихъ пьесъ того времени. Въ ней, рядомъ съ развитіемъ драматической фабулы Есѣпри, гдѣ дѣйствующія персонажи говорятъ языкомъ Острожской библии,—помпунтоно является русскій шутъ, солдатъ Сусакимъ, ублюдохъ Гансвурста и Пикельгерпига, чтобы развеселить публику своими площадными шутками. Онъ только и думаетъ о «свиньяхъ жареныхъ и колбасахъ», и возбуждаетъ опасеніе въ своихъ сослуживцахъ, что самъ «скоро превратится въ свиное мясо». Длинная комическая сцена казни шута Сусакима разработана съ особенною подробностію: Сусакима кладутъ на землю и майстеръ Никель, т. е. палачъ, вмѣсто меча, ударяетъ его по шеѣ лисьимъ хвостомъ; шутъ черезъ нѣсколько минутъ поднимается на ноги, и начинаетъ вездѣ искать своей головы, и «покорно безъ шляпы» проситъ зрителей, чтобы ему возвратили голову: «аще ли кто изъ любви и пріятства ее скрываетъ» (Древ. Рос. Вивл. VIII. 310.—Тихомировъ, 16).

няется Соломону и спрашиваетъ: «о царю Соломоне, зачѣмъ меня призываеши, и что творити повелѣваеши?»—и, не дожидаясь отвѣта, поворачивается къ нему задомъ и производитъ нескромный звукъ (сжимая телячьи пузыри, которые у него подвязаны подъ мышками); придворные бросаются на маршалку и задаютъ ему потасовку, къ общему удовольствію публики; тутъ же задается встрепка и царю Соломону,—вотъ и все представленье.

288. Судъ царя Соломона надъ богатыми и пищимъ.

Въ другомъ балаганчикѣ, устроенномъ по почину правительства, вскорѣ послѣ моровой язвы, тоже подъ Дѣвичьимъ, ежедневно давались подобныя же интермедіи: идетъ, напимѣръ, прохожій въ длинной шинели; его останавливаетъ будочникъ крикомъ: «кто идетъ?»—прохожій отвѣчаетъ: „чортъ!“—„А отчего ты безъ фонаря?“ спрашиваетъ хранитель порядка *). — «А оттого, что иду отъ пономаря», отвѣчаетъ прохожій; будочникъ хватается его за полу, прохожій вывертывается изъ шинели и, дѣйствительно, оказывается чортомъ съ предлиннымъ хвостомъ; будочникъ гонится за нимъ, чортъ отъ него,—и этой скачкой съ препятствіями, приправляемой тѣми же пузырьными звуками, заканчивается представленье.

По словамъ И. Е. Забѣлина (Опыты, II. 452), въ Москвѣ школьники и подъячіе нанимали на святкахъ и масляницѣ дома и давали представленья для народа, разыгрывая Александра Македонскаго, Соломона, Евдона и Берту. Давались ин-

термедіи и болѣе многосложныя,—на это прямо указываетъ наша картинка: точильщикъ носовъ. Въ точеніи носовъ, гаеръ кричитъ публикѣ: „гей, гей, вы всѣ народы, ступайте, кто имѣетъ у себя большой носъ, приѣзжайте, хотя бы длинный, широкій и толстый,—призываю, то я ихъ въ скоромъ времени убавляю; еще жъ который и шишекъ много имѣетъ, также и угреватый, мастеръ пособитъ умѣть... а если хочешь носъ твой лучше привести, то подмастерье можетъ глянецъ навести, а сія фигура можетъ и вправду бывала, якобы въ комедіяхъ интермедіи играла». Къ такимъ же интермедіямъ принадлежатъ несомнѣнно: Голландскій лекаръ и добрый аптекаръ, Еремушка и бабушка, Аника воинъ и смерть.

Голландскій лекаръ и добрый аптекаръ устроилъ машину для помолаживанія старухъ (289): стоитъ огромная печь, въ нее вбрасываютъ раздѣтыхъ 90-ти лѣтнихъ старухъ, кипятятъ ихъ и жарятъ, и вынимаютъ снизу «пятнадцатилѣтними и безъ поврежденія въ умѣ»; старики везутъ своихъ старухъ на телѣжкахъ, а мастеръ витиевато объявляетъ публикѣ о своемъ искусствѣ *).

Разсказъ объ Аникѣ воинѣ уже помѣщенъ выше въ VIII главѣ; а разсказъ о томъ, какъ Еремушка заболѣлъ и къ себѣ бабушку привелъ, какъ старушка пришла и мѣшокъ съ горшками принесла, и стала свое дѣло исправлять, а сама приговаривать: «Еремушкино брюшко залечися, а ты Ерема деньги давай, не скупися; у тебя давно брюшко заболѣло и одервенѣло; непременно надобно тебѣ горшковъ двѣсти накиннуть, чтобъ животъ твой на прежнее мѣсто подвинуть», и о томъ, что было, когда она накинула Еремушкѣ на брюшко первый горшокъ,—разыгрывался въ лицахъ, въ солдатскихъ представленьяхъ еще очень недавно, конечно, съ разными улучшеніями и прибавленіями (см. картинку № 278).

*) Мотивъ картинки заимствованъ изъ нѣмецкихъ народныхъ листовъ. Въ Берлинскомъ музеумѣ есть картина Луки Кранаха младшаго (№ 593), на которой представлено, какъ старики везутъ своихъ старухъ цѣлыми возами и бросаютъ ихъ въ молодящее озеро; на другомъ берегу тѣ же старухи, но помоложеяныя, пируютъ и веселятся, только уже не со своими стариками-мужьями, а съ добрыми молодцами.

*) Въ то время всѣмъ было приказано вечеромъ ходить съ фонаремъ.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ сохранилось множество интермедій полныхъ, т. е. съ полнымъ текстомъ — что слѣдуетъ говорить каждой персонѣ, — и перечневыхъ, гдѣ указана одна программа разговора и дѣйствія, самое же развитіе ихъ предоставлено экспромпту актеровъ. Къ числу перечневыхъ интермедій можно отнести достаточное число народныхъ картинокъ, какъ, напримѣръ: разговоръ Фарноса и Пигасыи съ цѣловальникомъ «Ермакомъ;» разговоры — пьющаго съ непьющимъ, крестьянина съ философомъ, мальчика съ книжникомъ, жениха съ свахою; похождения и потасовки разныхъ Вавилъ, Данилъ, Еремъ, Парамошекъ; роспись приданому и выборъ невѣсты. Вирши всѣхъ этихъ картинокъ такъ типичны и народны, что знатоки нашей народной археологіи, Даль и Снегиревъ, дословно выписывали изъ нихъ свои народные пословицы, а Мельниковъ и Островскій цѣлкомъ включали ихъ въ разговоры своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Олеарій слишкомъ строго въ своихъ сужденіяхъ о Россіи, огульно обвиняя русскихъ въ распущенности и развратѣ; онъ забылъ, что въ то время, когда у насъ скромныя

представленія разыгрывались въ кукольной комедіи, — въ Италіи и во Франціи такія же пинтермедіи, но въ гораздо болѣе грязной формѣ, разыгрывались цѣлой

289. Голландскій лікаръ, помолаживающій старухъ
(интермедія).

труппой бродячихъ комедіантовъ. Стоитъ взглянуть на извѣстные «Balli di Sfessania» Калло и на костюмы Кукуру, Кокodrильо и Скарамучіа, съ огромными genitalia и въ самыхъ скабрзныхъ позахъ, чтобы убѣдиться въ необыкновенной наивности тогдашнихъ нравовъ Западной Европы.

XI.

Шутовство и шуты.—При Иванѣ Грозномъ.—При Петрѣ I. Самоѣдскій король. Капитанъ Ушаковъ; шутъ Шанскій. Шуты: Голицыны, Салтыковъ, Зотовъ и Бутурлинъ. Шутовство пополамъ съ пыткой. Петръ—врагъ сатиры; его необыкновенная жестокость. Всешутѣйшій соборъ и посвященіе изъ простыхъ чумаковъ въ цѣловальники.—Иностранные шуты: Лакоста, Педрило и Тремеръ.—Указъ Анны Леопольдовны объ упраздненіи шутовъ.—Шуты: Гонось и Петруха Фарнось.—Разные дураки и дуры; Тарасъ плѣшивый. Тома съ Еремой—типы русскаго всезнайки. Пономарь Парамошка и другія шутовскія персоны.—Карлы и карлицы.

Шутовство и паясничество шли у насъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и на Западѣ и, точно такъ, какъ и на Западѣ, шуты наши дѣлились на дураковъ придворныхъ (Hofnarr) и дураковъ народныхъ (Volksnarr, — Grässe, 198).

Чрезвычайно любопытны для исторіи этого художества фресковыя изображенія разныхъ скомороховъ, находящіяся на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. Въ XVI вѣкѣ, Италия, отечество скарамушей и паясовъ, доставила намъ, вмѣстѣ съ своими художниками, не малое число и скоморошьяго матеріала. При Грозномъ разные блаженные—шуты особаго сорта—имѣли привилегію безнаказанно говорить звѣрообразному владыкѣ всякія дерзости. Грозный часто обѣдывалъ самъ—другъ съ дуракомъ, шутилъ съ нимъ разныя шутки и разъ какъ-то, ради потѣхи, даже все-милостивѣйше приказалъ налить ему за пазуху кипятку (Flögel, 408). Англіійскій путешественникъ Коллинсъ рассказываетъ по части шутовскаго элемента въ Грозномъ разныя сказки—о томъ, какъ Грозный посылалъ въ Вологду за мѣховымъ колпакомъ и наложилъ пеню за то, что колпакъ пришелся не по мѣркѣ; какъ онъ обмѣнялся своей шапкой съ воромъ; какъ онъ придумалъ комическую казнь дьяку взяточнику, принявшему въ посулъ гуся, наполненнаго червонцами; какъ онъ сжегъ деревню, въ которую его не пустили но-

чевать, и какъ приказалъ боярамъ своимъ закупать дорогой цѣной лапти*). Въ другой разъ, по словамъ Коллинса, Грозный приказалъ, будто бы, прибить гвоздями шляпу на голову французскому послу**). Анекдотъ его съ Тарасомъ Плещеевымъ разсказанъ въ примѣчаніи къ № 187: «Р. Н. К.» IV, 294, перваго изд. 1881 г.

Въ расходной книгѣ царя Михаила Ѳеодоровича упоминаются царскіе шуты Макарка и Ивашка Андреевы, которымъ, въ 1638 году, были построены дурацкіе костюмы: куртка и штаны изъ краснаго сукна, и малиновыя ермолки; изъ дураковъ устраивались въ то время потѣшныя побоища (Петровъ, Для немногихъ. Спб. 1871, 33—40). Изъ расходныхъ книгъ Оружейной Палаты видно, что въ XVII в. (1633 г.) при царскомъ дворѣ находилось достаточное число потѣшниковъ—слѣпыхъ,—по всей вѣроятности пѣвцовъ, и

*) Какіе-то крестьяне поднесли Грозному рѣпу и лапти; это такъ поправилось ему, что онъ приказалъ своимъ боярамъ закупить себѣ у тѣхъ крестьянъ лаптей дорогою цѣною; крестьяне разбогатѣли и вышли впоследствии въ бояре Лапотскіе. Коллинсъ добавляетъ, что показываютъ еще то дерево, у котораго стояли прежніе дома этихъ бояръ; прохожіе бросаютъ въ него старые лапти, въ память разсказаннаго происшествія (Буслаевъ, Очерки, I. 513).

**) Если это и неправда, то хорошо выдуманно; очевидно, что Коллинсъ, прохаживаясь насчетъ Грознаго, позаимствовался изъ исторіи Мунтянскаго Дракулы, который не только Грознаго превзошелъ, но еще особаго рода мѣховую пытку изобрѣлъ: «женскій срамъ сдиралъ».

дѣвокъ дурукъ; тамъ же упомянута шутиха слѣпая, жонка Манка, и на ряду съ ними уродивый Елисей и богомолецъ Исай. Всѣмъ этимъ потѣшникамъ шились костюмы съ шутовскимъ приборомъ: потѣшнику слѣпому, на примѣръ, — однорядка изъ зеленого сукна, съ лазоревыми выпушками и обшлагами изъ золотнаго атласа, — на однорядкѣ 12 серебряныхъ пуговицъ; шапка красная, сапоги желтые. Другому слѣпому сшиты: шапка вишневая, штаны зеленые, ожерелье бархатное съ мишурой. Шутихѣ Манкѣ былъ устроенъ сарафанъ изъ лазоревой крашенины, — верхъ изъ краснаго сукна, пуговицы оловянные. Уродивый былъ одѣтъ очень живописно: въ бѣлое сукно на лазоревой подкладкѣ; богомолецъ Исай — въ зеленое съ краснымъ, при чемъ костюмъ его былъ снабженъ 25-ю серебряными пуговицами и дорогой шапкой, обшитою соболемъ. Дѣвкамъ дуркамъ устроены были красныя и желтыя шапки.

Но никогда шутовство не доходило до такихъ уродливыхъ размѣровъ, какъ при Петрѣ Первомъ. При дворѣ этого государя было до ста дураковъ, раздѣленныхъ на разряды, и, кромѣ того, множество карликовъ и карлицъ. Были дураки титулованные, какъ, на примѣръ: самоѣдскій король — полякъ, получавшій по 10 рублей жалованья въ мѣсяцъ, кромѣ готоваго содержанія *).

Въ числѣ официальныхъ дураковъ при Петрѣ былъ «многочуточный шутъ

*) Онъ умеръ 1 декабря 1714 г. и погребенъ въ католической церкви „со многими церемоніями“. Онъ былъ коронованъ въ Москвѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, для этого торжества, было нарочно приведено въ Петербургъ множество оленей и 24 самоѣда, которые присягали королю на вѣрность (*Das Veränd. Russland*, I. 20. 29). Однажды даже, этому шуту вздумалось, не въ шутку, просить руки вдовы Лефорта (Пекарскій, I. 476). Самоѣды пользовались особеннымъ „комическимъ“ расположеніемъ Петра: онъ набиралъ ихъ не только для своей домашней забавы, но и посылалъ въ подарокъ, наравнѣ съ солдатами-великанами, въ другія земли; сохранился слѣдующій его приказъ архангельскому вице-губернатору, изъ Амстердама, отъ 11-го января 1717 года: „по полученіи сего указа, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бы были дурные роженъ и смѣшныя, лѣтами отъ 15 до 18-ти, въ ихъ платьѣ и уборахъ, какъ они ходятъ по обыкновенію, — которыхъ надо послать въ подарокъ Грандукъ Флоранскому; какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше писмо объявитъ. Петръ“ (Арханг. Губ. Вѣд. 1876, № 4).

и смѣхотворецъ остроумнолюбящий» Теофилактъ Шанскій, свадьбу котораго Петръ праздновалъ съ большимъ торжествомъ, въ домѣ Лефорта, въ 1702 году, съ участіемъ всешутѣйшаго собора. Свадьба эта была отпразднована на двухъ половинахъ — мужской и женской; сохранились и изображенія этого торжества, на двухъ листахъ, гравированныхъ тогда же граверомъ Адрианомъ Шхонебекомъ.

Дураками одѣвали людей разнаго чина и званія, надѣлавшихъ какія-либо дурачества, или такихъ, наконецъ, которыхъ царь хотѣлъ осмѣять за ихъ дерзость или проступки. Капитанъ Ушаковъ былъ посланъ курьеромъ изъ Смоленска въ Кіевъ, съ важными донесеніями; подтѣхалъ онъ къ крѣпости вечеромъ, видитъ ворота заперты, — онъ, не говоря ни слова, повернулъ свою лошадь, да назадъ въ Смоленскъ и пріѣхалъ. Его приговорили было за это къ разстрѣлянію; но Петръ, не утвердивъ приговора, приказалъ привести Ушакова ко двору и съ первыхъ словъ нашелъ въ немъ такого капитальнаго дурака, что не только отмѣнилъ бесполезное разстрѣляніе, но еще опредѣлилъ его въ придворные дураки и выдалъ ему патентъ собственнаго измышленія на чинъ дурака-шутика **). Были дураки и подневольные, какъ, на примѣръ: несчастный князь Голицынъ, котораго Анна Ивановна сажала на яйца, заставляя кудахтать насѣдкой; за то много было и такихъ придворныхъ шутовъ, которые сами добивались этой почетной, а главное выгодной придворной должности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находимъ: придворную шутиху, княгиню Наталью Петровну Голицыну, дочь боярина Прозоровскаго, которую Екатерина I-я почасту жаловала за непомѣрное пьянство (Русск. Стар., II. 470); шута генерала Салтыкова (Русск. Стар. 1875, Декабрь); шутовскихъ папъ

**) „Потентъ любезнѣйшему і близнейшему свойственнику по отцѣ, матери, женѣ і по прочимъ сродникамъ і свойственникамъ сво, яко неупрямому роду по обѣмъ поламъ, господину господину думному дворянину, Прокопію Ушакову черниному, мумричку, дурачнику-чку. Вѣдомо чинимъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобы опого называли неупрямой фамиліи веселенькой шутикъ или дурачкѣ-чокъ; а кто его назоветъ: дуракомъ... и т. д.“

Зотова и Бутурлина, и множество других шутовъ и шутихъ изъ громкихъ и родовитыхъ фамилій.

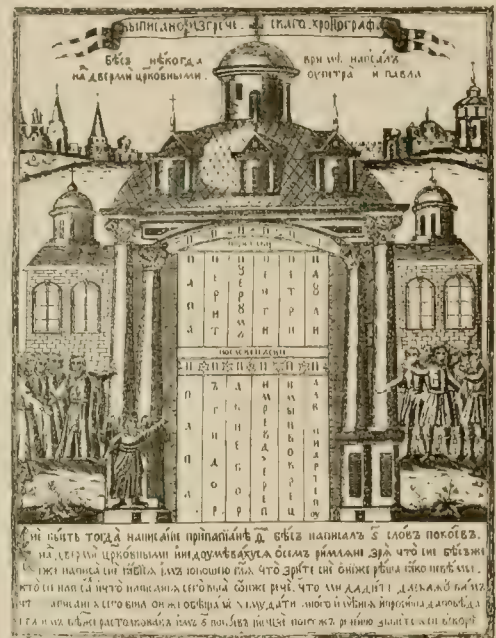
Но нигдѣ склонность къ шутовству не выразилась съ такимъ безшабашнымъ разгуломъ и грязнымъ цинизмомъ, какъ въ уставахъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора и въ смѣхотворныхъ процессіяхъ, устраивавшихся по случаю выбора папы и женитьбы патріарха. Нашелъ, напримѣръ, Петръ въ старинной латинской книгѣ, что сидѣла въ Римѣ на палствѣ папесса Іоанна, выдававшая себя за мужскую персону, что родила она во время крестнаго хода ребенка, и что съ той поры было установлено свидѣлствовать вновь избраннаго папу,—есть ли у него *genitalia*,—и вотъ онъ сочинилъ для избранія своего князя-папы такую же церемонію: устроилъ особыя прорѣзныя сѣдалища, на которыя сажали папскихъ кандидатовъ. Къ этимъ кандидатамъ подходили по очереди члены собора и, «ощупавъ крѣпко ихъ естество, громогласно восклицали: «габеть форумень! габеть!! габеть!!!»*), и затѣмъ продѣлывали цѣлую серію всякаго шутовства, уже собственнаго Петровскаго изобрѣтенія.

И что это было за ужасное шутовство всешутѣйшаго собора: нечаянно, напри- мѣръ, уронять человѣка въ воду, въ холодное осеннее время; насильно опоять до смерти; въ шутку, этакъ, зашибуть до увѣчья; зубы здоровые повыдергають,— шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, безпросыпно-пьяное.

Самый шутѣйшій изъ всѣхъ членовъ

*) Эпизодъ о папессѣ Іоаннѣ попалъ въ одну изъ пародическихъ картинокъ, гравированную однакоже гораздо позднѣе: «Бѣсъ пѣкогда въ Римѣ написалъ надъ дверьми церковными у Петра и Павла: Папа родитъ ребенка» (№ 290). Преданіе говоритъ, что дѣйствительно папесса Іоанна родила во время крестнаго хода, и что въ Римѣ была ея статуя, которая по приказанію папы Сикста V брошена въ рѣку. Въ папскомъ соборѣ тоже стоялъ ея бюстъ на ряду съ бюстами папъ. Обрядъ ощупыванія «*genitalia*» у вновь избраннаго папы, дѣйствительно, производился и описанъ въ рѣдкомъ сочиненіи о правилахъ, соблюдаемыхъ при избраніи папы. Въ собраніи М. И. Семеваго находился одинъ изъ листовъ оного, на которомъ было изображено прорѣзное кресло для совершенія этого обряда; самое кресло хранилось въ часовнѣ Латеранскаго собора. Несмотря на всѣ эти свидѣтельства, нѣкоторые писатели (въ томъ числѣ и Мюллеръ) отвергаютъ самое существованіе папессы Іоанны.

всепьянѣйшаго собора былъ, конечно, самъ державный смѣхотворецъ «Петръ прото-діаконъ»*), и какъ ужасно перемѣшивались его забавы и шутки съ кнутомъ и виской: сегодня подымаетъ онъ на дыбу и бьетъ кнутомъ, безъ всякой надобности, шестнадцатилѣтнихъ фрейлинъ; завтра пишетъ уставъ всешутѣйшаго собора, по

290. Бѣсъ пѣкогда написалъ въ Римѣ надъ дверьми.

три—по четыре раза собственноручно исправляетъ и пополняетъ его,—въ промежуткахъ пытается родного сына, а тамъ

*) Или «Пертъ», какъ онъ шутовски подписывался въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ (Письма русскихъ государей. М. 1861, № 96, и мой Словарь русск. гравиров. портретовъ. Спб. 1872 г., XI. I). Шутовская павность въ этихъ письмахъ доведена до высокой степени. Изъ Спа, напри- мѣръ, Петръ пишетъ Екатеринѣ (въ 1717 г.) такое письмо: «Понеже во время пштія водъ домашней забавы дохтуры употребляютъ запрещаютъ, того ради я метрессу свою отпустилъ къ вамъ, пбо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была»; какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Екатеринѣ, у этой метрессы оказалась любовственная болѣзнь (Письма русск. госуд., ч. I); переписка въ этомъ родѣ Екатеринѣ съ дѣвцами Арсеньевыми и свѣтлѣйшимъ кн. Меншиковымъ, напечатанная въ Сборникѣ Есипова, представляетъ еще болѣе ликантности. «Только эта женщина», какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, «и могла быть женою такого человѣка, который, не обращая ни на кого вниманія, считалъ себя дозволеннымъ дѣлать все, что ему ли приходило въ голову, и развлекаться всѣмъ, къ чему ни повлекла бы его необузданная чувственность. Петръ хотѣлъ, чтобы всѣ около него признавали хорошимъ все, что онъ ли дѣлаетъ. Такъ Екатерина и отписалась къ Петру,—это была ея первая добродѣтель» (Древняя и Нов. Россія. 1877, II. 144).

опять выборы новаго папы, крѣпкое оцупываніе, опять пьянство, опять насилія. Говорятъ, такое ужъ тогда было время! Ну и слава Богу, что оно прошло, наконецъ, и не вернется болѣе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить то, что писалъ о Петрѣ старѣй генералъ-маіоръ Іорданъ въ рапортѣ своемъ къ Саксонскому королю: «Ich meines Ort bin froh dass man einen so kostbaren Gast bald wieder los worden» — «съ своей стороны я радъ, что мы скоро избавимся отъ такого дорогого гостя» (Archiv für Sachs-Gesch., Leipzig 1873, XI. 337).

Упражняясь въ шутовствѣ, Петръ не терпѣлъ, однакоже, ни настоящей сатиры, ни сколько-нибудь свободнаго слова по этой части. Случилось какъ-то ему увидѣть у книжнаго торговца сатиры Ювенала,—онъ тотчасъ же заявилъ свое неодобреніе книгѣ, замѣтивъ, что сатира въ его государствѣ запрещена и что составитель сатиры будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ. Въ Лондонѣ особенно не понравился ему свободорѣчивые адвокаты: «есть и у меня этотъ товаръ»,—замѣтилъ онъ,—«пріѣду, всѣхъ перевѣшаю». Петръ не только не терпѣлъ противорѣчія себѣ, онъ не выносилъ даже самаго сдержаннаго и не высказываемаго прямо неодобренія своихъ поступковъ *). «Петръ дѣйствовалъ на Россію», говоритъ Фридрихъ Великій, «какъ крѣпкая водка на желѣзо». Впрочемъ тогда было, говорятъ, время на Руси такое: всѣ смотрѣли назадъ и думали глупо,—одинъ Петръ видѣлъ впередъ и думалъ за всѣхъ. Хорошо еще, что онъ все время былъ занятъ войной, да домашней неурядицей и всешутѣйшими соборами,—ну, а если бы не это, да вздумалось бы ему привести въ исполненіе изображенный имъ всеужаснѣйшій проектъ переселенія русскаго народа изъ окраинъ въ центральныя области?!

Да не подумаютъ, что этими словами мы хотимъ набросить тѣнь на великаго преобразователя,—имя его стоитъ слишкомъ высоко для этого: онъ такъ много сдѣлалъ для славы и могущества своего государства, что никакія пятна не могутъ помрачить его солнца; мы взглянули на него только со стороны народной картинки, а съ этой стороны, надо говорить правду,—заслоняетъ его отталкивающая жестокость и неразборчивое расходованіе на жизнь и мясо своихъ подданныхъ, не оправдываемыя даже ни тогдашнимъ временемъ, ни тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ, по словамъ Фридриха Великаго, такъ же дѣйствовалъ на Россію, какъ крѣпкая водка на желѣзо*). Что же касается до исторической точки зрѣнія, то всѣ, конечно, будутъ согласны съ тѣмъ, что если, въ извѣстные періоды народнаго развитія, необходимъ деспотъ, то пусть это будетъ такой великій и полезный деспотъ, какъ Петръ,—первый человѣкъ въ своемъ государствѣ и первый слуга своему народу. Шутовство составляло для него необходимый рѣздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія.

Шутовскія затѣи Петра Великаго отозвались и въ народныхъ картинкахъ. Первая изъ нихъ представляетъ, до нѣкоторой степени, пародію на поставленіе властей всепьянѣйшаго собора. На этомъ постановленіи пьяный архиерей рукополагалъ нетрезваго члена, «во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, винъ, бочекъ, чарокъ, ендовъ, ковшей и плошекъ; канарейки, сніицы, жаворонка, снігиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла,

*) Huyssen, Ausführliche Beobachtung, 1705; Weber, Das Veränderte Russland, II. 23; Пекарскій, Наука и Литература, I. 99. Не рѣдко, подвергаясь гнѣву, Петръ приходилъ въ умоизступленіе; все бѣжало тогда отъ него, какъ отъ дикаго звѣря, и только одна Екатерина, по врожденной женской способности, сумѣла подмѣнить и усвоить такіе приемы, которыми было возможно успокоить его въ это время.

*) И если указами Петръ запрещалъ своимъ подданнымъ называться униженными именами Ивашекъ и Митекъ, то ли одинъ изъ его предшественниковъ не производилъ этихъ Ивашекъ и Митекъ до той абсолютной безличности, въ которой они были зачислены въ Петровское время (Указъ 30-го декабря 1701 года).

великаго корабля и кита, носящаго ихъ». Затѣмъ архиерець производилъ кощунственное винопомазаніе съ такими приговорками: «такъ да будутъ дрожать рудѣ твои... такъ да будетъ кружиться умъ твой... сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ... да не познаеши десницы своей ниже шуйцы твоей во пьянствѣ», послѣ чего пѣлось «аксіось».

Въ подражаніе этому чину, на нашей картинкѣ представлено: «посвященіе изъ простыхъ въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники» (№ 291). Двѣнадцать чумаковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, ведутъ новопоставляемаго въ кабацкій покой, въ которомъ стоитъ бочка и на ней сидитъ Бахусъ, имѣющій рябинную кисть въ одной рукѣ и штофъ съ рюмкой въ другой. Тутъ же стоятъ двѣ обрюзглыя отъ пьянства бабы, въ панданъ всешутѣйшимъ игуменьямъ, присутствовавшимъ при избраніи князя-папы, по уставу всепьянѣйшаго собора *).

Должность архиереца занимаетъ въ народной картинкѣ хозяинъ кабака, который рукополагаетъ новопоставляемаго такими словами: «остави ты мірскія заботы и прилепись къ винной мѣрѣ, приучай пьяныхъ подъ свою стойку, растворяй скупыхъ карманы и привлекай ихъ складывать кафтаны»; напоследокъ онъ садится на мѣрникъ и велитъ трубить въ винныя и пивныя воронки, и поютъ всѣ предстоящіе самую лучшую кабацкую пѣсню, то-есть: сурьямъ, тумрякъ. По окончаніи сего изъ топлющечныхъ дверей выходитъ хозяйка въ коноватой фатѣ, въ престрашномъ кокошникѣ, выкладенномъ бисеромъ, и въ камчатномъ сарафанѣ, подпоясанная широкою покровкою и держа въ рукѣ отъ мѣрника гвоздь, привязанный на гашникѣ; хозяинъ, взявъ сулейку отъемной водки и наливъ рюмку, окачиваетъ новопоставленнаго съ головы до ногъ, вручаетъ ему мѣрникъ, мѣру, воронку и ливерь, и отпускаетъ его въ уготованный ему домъ, что называется кабакомъ.

*) Должно быть, одну изъ нихъ встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ Кирши Данилова подъ именемъ Чурилей игуменъ.

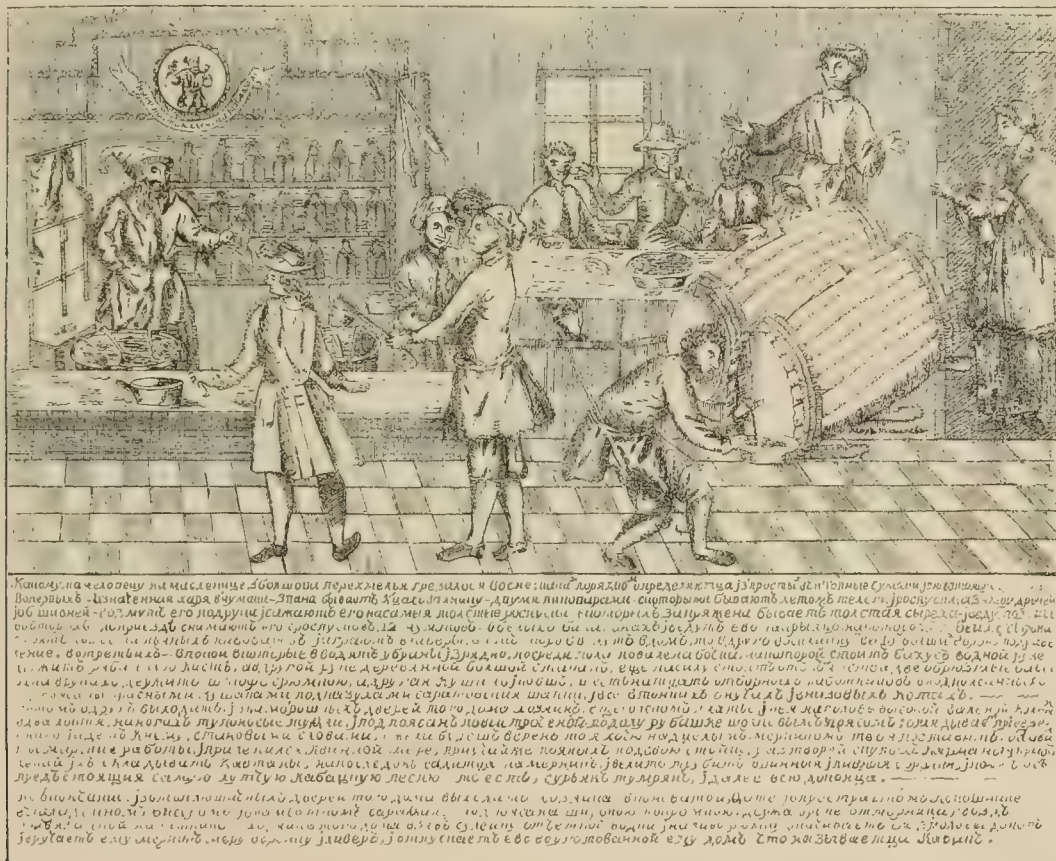
Придворные шуты долго еще держались при русскомъ дворѣ и послѣ Петра Перваго; при Аннѣ Ивановнѣ оберъ-дураками числились: кавалеръ ордена св. Бенедикта, италіянецъ Педрилло, и еще другой шутъ Лакоста, старѣйшій изъ всѣхъ, носившій титулъ самоѣдскаго короля. Изъ титулованныхъ шутовъ, — князь Волконскій состоялъ въ нянькахъ при собачкѣ Анны Ивановны, а Квасникъ князь Голицынъ, какъ уже сказано выше, исправлялъ должность насѣдки; Анна Ивановна женила его на Калмычкѣ Бу-жениновой, приказавъ построить для торжества ихъ бракосочетанія знаменитый ледяной домъ и выписать разныхъ ино-родцевъ, въ томъ числѣ — камчадаловъ, которые ѣхали въ процессіи на своихъ собакахъ *).

Пріѣзжалъ въ это время въ Петербургъ нѣмецъ-французъ (Deutsch François) Тремеръ искать хлѣбнаго мѣстечка; написалъ онъ нѣсколько виршевыхъ посланій покровителю своему Миниху, самой Императрицѣ и шуту Педрилло, и получилъ за то разные подарки. Въ числѣ разныхъ сочиненій этого Тремера есть ругательное поздравленіе съ новымъ годомъ шуту Педрилло, съ прекуріозной картинкой (№ 292). Впередѣ этого посланія прописанъ полный титулъ Педрилло: «претендентъ на самоѣдское королевство, оленій вице-губернаторъ, тотчасскій комендантъ Гохланда, экспектантъ зодіакальнаго козерога, русскій первый дуракъ,... извѣстный скрипачъ... и славный трусъ ордена св. Бенедикта». Изъ виршъ видно, что Педрилло пробрался въ Петербургъ черезъ Вѣну, въ качествѣ скрипача, а потомъ нашель болѣе выгоднымъ поступить въ дураки. Въ этой должности Педрилло получилъ прекрасно меблированную квар-

*) Описаніе этого дома было издано тогда же на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ картинками. Шуты на этотъ же манеръ, хотя и попроще, и русскіе бояре того времени. Напримѣръ, Астраханскій губернаторъ Артемій Петровичъ Волыинскій мичмана князя Мещерскаго (который у Матюшкина дуракомъ служилъ) посадилъ на два часа на деревянную кобылу, рядомъ съ своимъ собственнымъ дуракомъ Кузьминимъ, при чемъ приказалъ привязать къ ногамъ его пудовыя гири, да по собакѣ за заднія ноги, а потомъ, насыпавъ льду съ солью, снялъ съ него штаны и посадилъ на ледъ голой задницей, продержавъ въ такомъ положеніи дурака два часа (Русская Старина. 1872, V. 951).

тиру, съ залой, на стѣнахъ которой были написаны портреты бывшихъ до него пятидесяти дураковъ, карету съ парой лошадей и столовое серебро. Въ виршахъ упоминается и о томъ, что Педрилло, еще будучи въ Италіи, женился на очень хорошенькой женщинѣ, которая, впрочемъ, скоро ушла отъ него съ испанскимъ капитаномъ, взявшимся исполнять при ней обязанности вице-мужа; бѣдному Педрил-

въ одной изъ нихъ на постелѣ, подъ одѣяломъ, лежитъ жена Педрилло съ своимъ капитаномъ, а около нихъ положена капитанская шпага. Педрилло, украшенный огромными рогами и со свѣчкой въ рукахъ, вытѣзаетъ изъ-подъ кровати; сильно хотѣлось бы ему побеспокоить счастливыхъ любовниковъ, но капитанская шпага останавливаетъ его предпріятія. Педриллина любовница, бѣлая

291. Посвященіе изъ простыхъ въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники.

ло было запрещено въ Петербургѣ куртизанить съ женщинами, и онъ, поневолѣ, долженъ былъ взять себѣ въ любовницы «бѣлую козу». На эту тему сдѣлана и приложенная къ поздравленію картинка (№ 293): на ней представлено, какъ жена Педрилло ѣдетъ въ саняхъ съ своимъ вице-мужемъ; въ саняхъ запряжена коза, на которой сидитъ верхомъ самъ Педрилло и играетъ на скрипкѣ. Вдали виденъ маякъ острова Гохланда; изъ окошка выглядываетъ Лакоста; онъ кричитъ Педриллѣ: «*podì protsch* (поди прочъ) *senza testa*». Съ боку представлены двѣ палатки:

коза, тутъ же свѣтитъ фонаремъ. Рядомъ, въ другой палаткѣ, стоитъ круглый столъ, за которымъ, на стульяхъ, сидятъ: справа Педрилло, играющій на скрипкѣ, а слѣва его коза съ блюдечкомъ въ ногѣ — она пьетъ кофе. За палаткой стоятъ на часахъ два оленя. Книга Тремера имѣла въ свое время множество изданій: въ моемъ собраніи ихъ имѣется шесть разныхъ (Jean Chretien Toucemont, des Deutsch Francos Schrifften.... Leipzig bey dem Auteur und ock bey Johann Christian Troemer).

Посланіе написано съ большою желчью; изъ всего видно, что Тремеръ самъ приѣз-

жалъ ко двору съ тѣмъ, чтобы добыть мѣсто перваго дурака, но такъ какъ Педрилло крѣпко сидѣлъ на немъ, то Тремеру пришлось уѣхать назадъ, не достигнувъ цѣли.

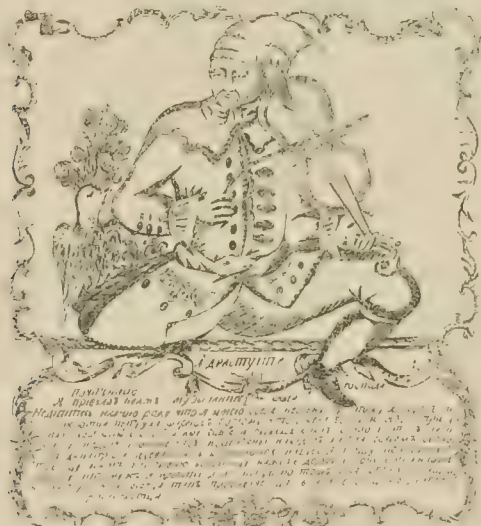
Принцесса Анна Леопольдовна, вступивъ въ регентство, однимъ указомъ уничтожила всѣ дурацкія должности и распустила придворныхъ дураковъ по бѣлу свѣту; но и послѣ нея шутъ и дуракъ еще долгое время цѣплялись за дворъ: шутъ необходимъ для деспота; онъ настолько низокъ въ жизненной лѣстницѣ, что можетъ быть его другомъ, равнѣ съ собакою. Такіе шуты были даже до конца прошедшаго столѣтія *); и не только цари, но и простые дворяне держали при себѣ цѣлыя стаи шутовъ, дураковъ и дурь **).

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ официальные придворные шуты носятъ имена Гоноса и Фарноса — красного носа; впрочемъ эти господа: Гонось, Фарнось, и представляютъ уже переходъ отъ при-

дворнаго шута (Hofnarr) къ шуту народному (Volksnarr) и заимствованы, вмѣстѣ

293. Педрилло везетъ въ саняхъ свою жену съ ея любовникомъ.

292. Шутъ Педрилло.

*) Даже у Екатерины II была дурка Матрена Данилова, которую всѣ боялись: самъ оберъ-полицеймейстеръ Рыльевъ посылалъ ей къ праздникамъ подарки, чтобы не паговорила на него (Рассказы Мельникова, 144).

**) Покойный М. Окуловъ рассказывалъ, что богатый Сериуховскій помѣщикъ Нащокинъ, въ числѣ разныхъ

забавъ, устроилъ въ имѣніи своемъ театръ и крѣпостной балетъ, и завѣлъ цѣлую коллекцію дураковъ и дурь, которыхъ онъ возилъ за собою цѣлыми партиями, въ фурахъ. Однажды, во время охоты, Нащокинъ увидалъ около лѣса какого-то полуодѣятаго человѣка, размахивавшаго руками по воздуху, — «это должно быть дуракъ», закричалъ онъ своимъ псарямъ, «поймать его». На неизвѣстнаго сдѣлали облаву и поймали; на самомъ дѣлѣ оказался дуракъ кубическій, — выгнанный изъ семинаріи поповичъ, который говорилъ безъ умолку, пересылая рѣчи свои греческими и латинскими цитатами и текстами изъ св. Писанія. Нащокинъ очень полюбилъ его и всюду таскалъ за собою; узнавъ какъ-то объ этомъ дуракѣ императоръ Павелъ и приказалъ представить его къ себѣ, — и здѣсь дуракъ заслужилъ одобреніе. Если вѣрить тому, что рассказывалъ Окуловъ, дуракъ этотъ помѣщался въ кабинетѣ императора, въ кампѣ (конечно, отопленномъ) и часто сопровождалъ его въ прогулкахъ по городу. Разъ какъ-то, во время парада, дуракъ, подкравшись сзади къ царской лошади, пачалъ выбирать у нея изъ-подъ копытъ щелки; лошадь взвилась на дыбы и Павелъ тутъ было не свалился съ лошади: «сослать его въ Сибирь», закричалъ онъ въ припадкѣ гнѣва. «Зачѣмъ въ Сибирь», — замѣтилъ ему дуракъ хладнокровно, — «мнѣ и здѣсь хорошо». Отвѣтъ этотъ разсмѣнилъ Павла и дуракъ остался при прежней милости. При вступленіи на престолъ Александра Павловича, дуракъ лишился своей должности; встрѣтивъ государя на улицѣ, онъ сказалъ ему какую-то шутовскую дерзость и былъ за это высланъ къ прежнему своему благодѣтелю Нащокину.

съ своими нарядами, прямо изъ Итальянской пантомимы: Гонось «верхомъ на палочномъ конькѣ, брада у него власами, аки лѣсъ, густая, а голова мозгомъ, что дуло пустая», а Фарносъ «верхомъ на виноходной свиньѣ»,—оба въ дурацкихъ полосатыхъ кафтанахъ и колпакахъ съ бубенчиками *).

По мнѣнію одного археолога, картинки Гоноса и Фарноса должны изображать шутовъ Лакосту и Педрилло; названіе послѣдняго Петрухой музыкантомъ и скрыпачемъ на картинкѣ (№ 292) до нѣкоторой степени подтверждаетъ это предположеніе **). Оба они наполнены «внутреннимъ порохомъ», который «легко стрѣляетъ, а отъ пуль его никто раненъ не бываетъ», и имѣютъ назади дурацкій «символь — ворону, отъ комаровъ оборону», и т. д.

Фарносъ пользовался особенною любовью составителя народнѣхъ картинокъ: въ нихъ онъ—то пляшетъ трепака, то наигрываетъ на волынкѣ, или на скрыпкѣ, то подсматриваетъ за шаловливыми любовниками, то вмѣстѣ съ женой своей Пигасьей, такой же шутихой, какъ и онъ самъ, переговариваетъ съ цѣловальникомъ Ермакомъ. Этотъ же самый Фарносъ съ незапамятныхъ временъ поступилъ и на кукольную сцену, подъ уменьшительнымъ именемъ Петрушки. Кромѣ Петрушки-Фарноса, изъ иностранныхъ шутовъ перешли въ наши картинки дурацкія персоны: Карпа и Лари (№ 294, 295); рейтара на пѣтухѣ и рейтарши на курицѣ; еще два дурака, подъ названіемъ: «трое насъ съ тобою» (т. е. съ тѣмъ, кто смотритъ на картинку) — «блажныхъ, шальныхъ дураковъ» (№ 296); воръ на яблонѣ; дурацкія персоны, скопированныя изъ Каллотовскихъ «Balli di Sfessania e di Cu-

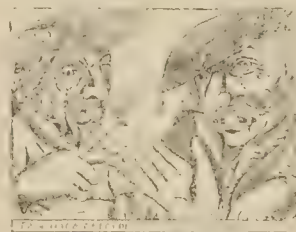
gusi», при чемъ итальянка Ricciolina преобразилась въ русскую даму Арину, а Пульчинелль въ «голку Степку», и наконецъ персона Тараса плѣшиваго, которому три молодыя жены предлагали рецептъ, «какъ вырастить власы на плѣши», съ его остроумнымъ отвѣтомъ

294—295. Шуты Карпъ и Ларя.

молодухамъ, который можно прочесть подъ одной картинкой (см. «Р. Н. К.», изд. 1881 г. I. 425).

Старинныя скоморошныя персоны дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема — пакольникъ, который на масляной вылѣзаетъ на балаганный балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и невпопадъ, но только всегда въ римѣу, глотаетъ за жженную паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошачьимъ ублюдкомъ — шуткомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и прозваннымъ замазкой: это итальянскій Gian Farina, т. е. Иванъ мука (Callot, Balli di Sfessania, № 17). Въ послѣднее время эти типы почти совсѣмъ выродились.

296. Два дурака втроемъ.

*) Шуты Гонось и Фарносъ одѣты въ шутовскіе придворные костюмы того времени.

**) Фарносъ и Дурносъ находятся и въ числѣ действующихъ лицъ въ макароническихъ трагедіяхъ Баркова.

Рядомъ съ шутами, позаимствованными у образованной Европы, съ давняго времени появляются у насъ шуты и своего собственного изобрѣтенія; впереди всѣхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, стоятъ Оома и Ерема, древнѣйшіе типы повѣйшаго русскаго Митрофана, этого аракчеевскаго всезнайки *), который, безъ всякой подготовки, готовъ на всѣ мѣста и должности. Станетъ такой молодець рѣчи говорить, ну кажется куда дѣлецъ, — совсѣмъ Максимъ, и шапка съ нимъ; а какъ возьмется за дѣло, — ну и выйдетъ Ерема, да еще какой!

Бываетъ, да и часто бываетъ, впрочемъ, что такого молодца лихая тройка, съ авоськой въ корню, вывозить тоже на большую дорогу; но нашихъ Оому съ Еремой, «крестьянскую сволочь», она только въ воду вывезла. За чтò они ни схватятся, всякое дѣло у нихъ изъ рукъ вываливается: собирались было они и зайцевъ травить, и рыбу ловить, — нѣтъ имъ удачи, и кончили они тѣмъ, что оба на дно пошли; «оба упрямы», заканчиваетъ повѣсть, «со дна нейдутъ, — по Еремѣ блины, по Оомѣ пироги, а начинку выклевали воробы» **). Впрочемъ и нашимъ героямъ надоѣло повидимому на днѣ сидѣть, и вышли они на свѣтъ Божій въ новой картинкѣ, въ видѣ скомороховъ Оомушки музыканта и Еремы поплюханта.

Очень типично описаніе Оомы и Еремы по рукописной повѣсти XVII вѣка: у обоихъ у нихъ носы поклѣпы, бороды какъ бороны, а усы какъ кнуты; оба они брюхаты и пузаты и умомъ оба равны; при этомъ Ерема былъ кривъ, а Оома шелудивъ; въ такомъ шутовскомъ видѣ они и представлены на картинкѣ (№ 297), съ надписью: «Ерема, сидѣлъ бы ты дома, строгалъ бы женѣ своей веретена, а жена бы питки пряла, да въ плетюху клала». На картинкѣ (№ 299), изображающей

*) «У меня умелъ и ученъ не тотъ, кто учится, а кому приказу быть учелымъ» (Русск. Стар. 1877, II. 242), — говаривала эта шутливая персона; въ наше время слова эти возбуждаютъ нѣкоторое веселіе, — точно такъ, какъ и «пороховыя впрши» Фарпоса въ его куцей курточкѣ и остромъ колпачкѣ съ бубенчиками; но каково было слушать рѣчи этого Фарпоса его современникамъ?

**) Такіе пироги въ монастыряхъ зовутъ: «съ молитвой», а въ міру: «съ пустяками».

рядъ неудавшихся предпріятій нашихъ героевъ, кромѣ Оомы и Еремы, представленъ лихой пономарь Парамошка, который подчуеъ ихъ пинками и топками. Этотъ Парамошка — образчикъ блаженной памяти семинариста, неудачно скитавшагося по дебрямъ богословія и элоквенціи и вынесшаго, благодаря атлетической натурѣ своей, несчетныя истязанія за свою ту-пость къ наукѣ и прожорливую наклонность. Въ молодости это смѣлый кулачный боець, который дерется со старымъ знакомымъ своимъ, Кадыкомъ Ермакомъ. Въ старости мы уже видимъ его съ ко-

297. Шутливыя персоны Оома и Ерема.

сичкой на затылкѣ и въ большихъ очкахъ на носу; въ этомъ уборѣ денно и нощно играетъ въ кабацѣ съ пьяницей Савоськой въ карты, въ носки и въ трынку (№ 298). Въ молодости своей Ерема является еще въ двухъ мѣстахъ: на одной, крайне нелѣпой, картинкѣ: «Мужикъ Пашка поѣлъ кашки, испилъ бражки» и началъ, ни съ того ни съ сего, пороть ножемъ козла, а братъ его Ермошка помогаетъ ему въ этомъ, но не совсѣмъ удачно (№ 300 *); на другой: Еремушка шутитъ непригодныя шутки съ бабушкой, которая пришла полѣчигъ ему брюшко горшками.

За Оомой и Еремой слѣдуютъ дурацкія

*) Цѣловальники поголовно прозывались Ермаками (т. е. Еремками, I. 334); подъ этимъ названіемъ они участвуютъ въ котовомъ погребеніи: «мыши ермаки, надѣвши валены колпаки» (I. 395). Еремкой, въ словарѣ всешутѣйшаго Петровскаго собора, звалось распутство (Русск. Старина, VIII, 848).

персоны, изобрѣтенныя во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и притомъ

слѣдній сидитъ въ крошнѣ, съ подписью: «Филатъ тому и радъ, хотя въ крошнѣ спать, не хочетъ работать, охот-

298. Парамошка обыгрываетъ въ карты Савоску.

300. Мужикъ Пашка да брать его Ермошка.

299. Шуты Савоська и Парамошка.

301. Шутливыя персоны Вавило и Данило.

весьма неостроумной породы: Вавила да Данила (№ 301), Тока Андронычъ и Сысой Сазонычъ (№ 302), Софронка и Хавронья (№ 303), Прохоръ да Борисъ поссорились, подрались, за носы взялись (№ 304); Ера-лашъ съ молодежи, которой онъ «сулить два гроши, чтобъ перебила у него въ бородѣ всѣ воши» (№ 305), и наконецъ совсѣмъ безсвязная картинка — Захаръ, Пантюха и Филатъ, изъ которыхъ по-

никъ голубей гонять» (№ 306). Затѣмъ еще: Плясунья шутиха (№ 307) и Дуракъ и Дура нянчаютъ котенка (№ 308).

Въ Москвѣ шутовство было еще въ полномъ ходу до послѣдняго времени въ лицѣ смышленнаго дурака Ивана Савельича, всенародно бѣгавшаго на гулянь въ Подновинскомъ, съ декольте, въ шитомъ красномъ мундирѣ, въ женской юбкѣ и въ женской шляпѣ задомъ на-

передъ (№ 309 **), -- и нѣсколькихъ
другихъ, менѣе извѣстныхъ шутовъ.

302. Шутливые персонаы: Тока Андропычъ и Сысой Сазолычъ.

303. Софронка и Хавропья.

**) Московскій путь Иваиз Савельичъ—любимецъ старухи К. П. Толстой, которую онъ звалъ заироща «Пер...вой»,—и многихъ Московскихъ баръ и барынь 1820—40 годовъ; онъ занимался развозкою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ вътридорога; всякій покупалъ у него охотно, за его прибаутки и приказы. Онъ отличался особен-

Кромѣ шутовъ, при дворѣ и у зажиточныхъ дворянъ заведены были карлики и карлицы. По росписи 1710 г. ихъ числилось въ одномъ Санкт-петербургѣ — 72 человекъ; въ томъ году Петръ устроилъ торжественное и смѣхотворное бракосочетаніе своего любимаго карлы Екима Волкова, которое и было выгравировано въ слѣдующемъ году на мѣдной доскѣ мастеромъ Оружейной Палаты Алексѣемъ Зубовымъ. Карловъ одѣвали въ франтовскіе шитые кафтаны, а карлицъ въ роброны съ фишбейнами и богатые уборы; во время обѣда они ходили по столу и разливали гостямъ вино, медъ и пиво. Веберъ рассказываетъ, что на одномъ ужинѣ у кн. Меншикова подали Петру большой пастетъ, изъ котораго, когда сняли верхнюю корку, выскочили на столъ двѣ карлицы.

304. Шутливыя персоны Прохоръ да Борисъ.

На нашихъ картинкахъ представлены разодѣтые карлы времяъ Елизаветы Петровны и Екатерины II (№ 310): они ве-

нымъ искусствомъ по части легкаго пороха и испол-
нѣнъ при его посредствѣ марши и цѣлыя пѣсни.
«Сыпанъ», разсказывалъ онъ, «хотѣлъ я пустить по
своей дорогѣ, выгодно, право; да вѣтъ, глупъ оказался,
въ гражданскую пустился». О другихъ подобныхъ пер-
сонахъ см. книгу: Наши чудотѣи, СПб. 1875.

305. Ералашъ.

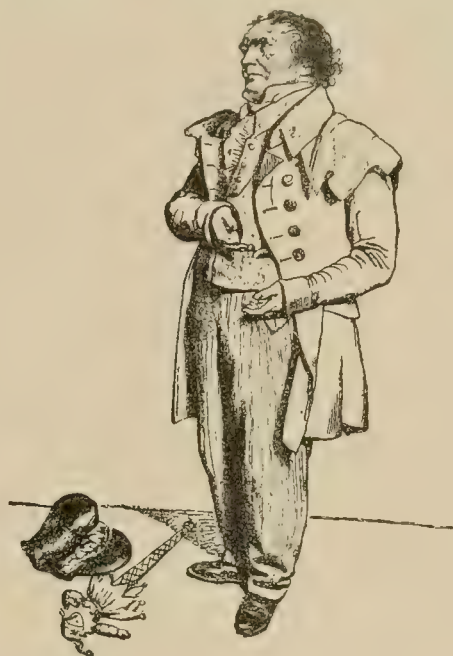
306. Фплатъ тому и радъ, что можетъ спать въ крошкѣ.

307. Плясунья-шутиха.

308. Дуракъ и дура пяпчатъ котенка.

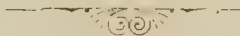
309. Московскій шутъ Иванъ Савельичъ.

310. Карлъ и карлица.

дутъ между собой амурные разговоры. На одной изъ нихъ карла пристаётъ къ карлицѣ: «слушай, душа моя, уже я подлѣ твоихъ воротъ трусь, а на дворъ идти—хозяина твоего боюсь, а теперь станемъ мы съ тобою жартвовать и другъ друга цѣловать»; разряженная и облѣпленная

мушками карлица отвѣчаетъ: «вижу, мой свѣтъ, что ты меня любишь и правду говоришь, а не шутишь»; внизу картинки сдѣлана на тарабарскій манеръ подпись: «чего ты розиня смотришь?» —подпись, очевидно относящаяся къ тому, кто слишкомъ внимательно станетъ разсматривать картинку.

ХІІ.

Шутовскіе листы на иностранцевъ. Нѣмецъ, Нѣмка, Польскій панъ Трыкъ и Херсоня. - Карикатуры на французовъ въ 1812 году. Изгнаніе изъ Москвы французскихъ торговокъ и артистовъ. Взятіе Москвы. Наполеонъ въ Кремлѣ. Московскіе пожары. Французская кухня. Грабежи. Бѣгство Наполеона изъ Москвы. Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ; Долбилы, Гвоздили и Кузминичны. Вавила морозъ; холодъ и голодъ. Ростопчинскіе листки и афиши. Конечное истребленіе великой арміи. Наполеонъ въ Парижѣ. Русскіе морозы. Похождение о Носѣ и о сильномъ Морозѣ.

За дурацкими персонами слѣдуютъ шутовскіе листы на иностранцевъ, впрочемъ лишенные всякаго остроумія: Молодая нѣмка кормитъ старика нѣмца соской (№ 311); Нѣмецъ и батракъ; Нѣмка вер-

№ 311. Молодая нѣмка кормитъ старика нѣмца соской.

хомъ на старикѣ — картинка съ политическимъ оттѣнкомъ; Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ (№ 211), и Обезьяны-шарманщики. Все это не бо-

лѣе, какъ безсвязная насмѣшка оскорбленныхъ школьниковъ надъ своимъ строгимъ гувернеромъ, какимъ является у насъ нѣмецъ за послѣднія двѣсти лѣтъ, — какой-либо серьезной, затаенной злобы въ нихъ и намека нѣтъ. Какъ клопъ вѣлся нѣмецъ въ русскую жизнь: куда ни оглянись, — вездѣ онъ, вверху и внизу, сидитъ и работаетъ; въ семью русскую, да не только боярскую, а и въ простую, вошелъ онъ, слился съ нею: въ иныхъ мѣстахъ больше иного русскаго русскимъ сдѣлался... за что же станеть его народъ корить? Нѣмца бить — значить себя по щекѣ ударить; ну, а потрунить надъ Иванъ Ивановичемъ, нельзя не потрунить: «хитерь, дескать, нѣмецъ, — обезьяну выдумалъ».

Жида въ Москвѣ въ прежнее время во все и слышно не было; нѣтъ поэтому на него и шутовскихъ картинокъ (ср. только № 312); а надъ полякомъ посмѣялся русскій человекъ только насчетъ его хвостовства: «Панъ Трыкъ — полна пазуха лыкъ, три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряеть» (или, по другой присказкѣ: «щеголь, хвостъ веретеномъ, дома щи безъ крупъ, а въ людяхъ шапка въ рубль»), да надъ гулливорствомъ прекрасныхъ полекъ, въ лицѣ дамской персоны Херсоня, которая по ночамъ не усыпаетъ, къ услугѣ всѣмъ Трыкамъ: «идемъ въ поле (говорить она), та буде намъ вѣле» (№ 313).

Что же касается до англичанъ, то эта образованная и свободолюбивая нація пользовалась у насъ изстари отъѣннымъ уваженіемъ, хотя въ народѣ и ходили на нее карикатуры иностраннаго производства. Петръ благоволилъ къ англичанамъ; англичанъ уважалъ—даже никого не уважавшій генераль-маіоръ Измайловъ, который безнаказанно заводилъ у себя гаремы, истязалъ крестьянъ и жегъ крестьянскія избы, но хорошо помнилъ, что нельзя съ такою же беззаконностію оскорбить самомалѣйшаго члена этой странной націи—

Жидъ Лейба, работы кievскаго гравера Гошмексаго.

312. Жидъ Лейба, работы кievскаго гравера Гошмексаго.

какого-нибудь директора завода и даже простого мастера.

Француза русскій народъ издавна любилъ за его почти русскую безпечность и незлобіе: «французикъ веселая голова, — живетъ спустя рукава; дымомъ грѣтся, — шиломъ брѣтся; сытъ крупицей, — пьянъ водицей». Сегодня клянется въ любви и дружбѣ, а завтра, смотришь, ни съ того, ни съ сего, во вчерашняго друга бомбу пустить. Впрочемъ, французъ пользовался въ народѣ до 1812 года не слишкомъ большою извѣстностью. Только въ этомъ году

пошли на него карикатуры, которыя не смѣхъ, а скорѣе ужасъ возбуждаютъ.

Другое дѣло въ высшемъ кругу, — здѣсь французъ является полнымъ хозяиномъ съ половины XVIII вѣка. Въ «Мысляхъ не вслухъ на Красномъ крыльцѣ» Ефремовскаго старосвѣтскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева, — гр. Ростопчинъ говоритъ: «Спаси Господи! чему дѣтей нынче учать! — выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову... Русскихъ они считаютъ за медвѣдей... всему у нихъ свое названіе: «холопъ — mon ami, Москва — ridicule; Россія — il done». Господи помилуй! только и видимъ, что молодежь одѣтую, обутую по-французски. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное — Парижъ. Старухи и молодья сошли съ ума. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо

313. Панъ Трыкъ п Херсоня.

мясного ряду... Это лѣтъ ужъ тридцать у насъ завелось» (Соч. Ростопчина, изд. Смирд., стр. 10).

Въ письмѣ къ Богатыреву, другого Ростопчинскаго философа Правдина, Ростопчинъ языкомъ Правдина говоритъ, что въ Россіи только и видишь молодежь, во всѣхъ отношеніяхъ французскую (324). Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ, лучший аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу мадамъ? — она и пе

Н. п. и Русских во бань

УТОЦЕНІЕ НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССИИ

XXXVII-XL. ВЪЕЗДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ АРТИСТОВЪ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ 1812 ГОДУ, РАБОТЫ ВЕНЕЦИАНОВА, И ТРИ КАРИКАТУРЫ, РАБОТЫ И. ТЕРЕБЕНЕВА.

кись о дочеряхъ монахъ... А какія мадамы то!.. я самъ знаю нѣкоторыхъ, которыя нѣсколько мѣсяцевъ были мадамами, а теперь сидятъ у модницъ, шьютъ тряпки (327)... Войдешь въ знатный домъ—только и слышишь по-русски: чловѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ... Пойдешь и не къ знати даже—къ купцамъ, то же, да то же (Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго въ СПБ., или посланіе Силы Сидоровича Правдина къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, стр. 327).

1812 годъ также памятенъ для Россіи, какъ и годъ Мамаева нашествія, и всякое новое свѣдѣніе, всякій незначительный рассказъ очевидца о тогдашнемъ времени, несмотря на цѣлые 83 года, которые насъ отъ него отдѣляютъ, все еще читаются съ живымъ и кровнымъ интересомъ. Ни одно событіе не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галлерей нашей, начиная отъ истинно-художественныхъ карикатуръ талантливыхъ мастеровъ Теребенева и Иванова и кончая копѣчными Долбилами и Гвоздилами Ростопчинскаго измышленія; около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, лицевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за день: геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволь, Наполеоновы неудачи и бѣгство и конечное истребленіе его арміи.

При извѣстїи о нашествїи Наполеона, — рассказываетъ А. Пушкинъ, — Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина, — народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли, дамы струхнули. Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный перевѣсъ, и гостиныя наполнились патріотами: кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюръ; кто отказался отъ лафита и принялся за кислящ. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни (Соч. А. Пушкина, 1869 г., IV, 138). Первые картинки,

слѣдующаго хронологическому порядку, представляютъ въ лицахъ вредъ французскаго воспитанія: гувернеръ надуваетъ мальчику въ голову безстыдство, эгоизмъ и вольнодумство; усыпляетъ на розахъ госпожу, отравляетъ ея сердце и разрушаетъ обязанности супруги; въ магазинахъ у французенки происходятъ ухаживанія за мастерицами и назначаются любовныя свиданія. Далѣе идетъ высылка французовъ изъ Москвы, по распоряженію Ростопчина: учителя и артисты французскіе, — поварь, кучеръ, виноторговецъ и музыкантъ, — «оставляютъ Москву»; бѣгутъ изъ Москвы толстыя модныя торговки — «ихъ нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали»; за дрогами, наполненными всякимъ бутафорскимъ хламомъ, идутъ въ ногу три драматическія актрисы въ бѣлыхъ платьяхъ и цвѣточныхъ гирляндахъ. Затѣмъ слѣдуютъ картинки изъ пребыванія Наполеона въ Москвѣ, такъ живо описаннаго въ статьяхъ А. Н. Попова (въ Русск. Архивѣ за 1876 годъ). Наполеонъ увидѣлъ Москву въ первый разъ съ Поклонной горы 2-го сентября; было около двухъ часовъ пополудни; тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ, войсками овладѣла радость: «Москва! Москва!» — закричали они и, прибавивъ шагу, двинулись впередъ; всѣ перенесенныя трудности были забыты въ эту минуту (C-te Ségur, Hist. de Nap., II. 33 — 35). Наполеонъ, подѣхавъ къ Камеръ-Колежскому валу у Дорогомиловской заставы, подозвалъ къ себѣ своего генераль-адъютанта гр. Дюронѣ, далъ ему такое порученіе: «Поѣзжайте въ городъ, генераль, устройте порядокъ службы и составьте депутацію, которая должна поднести ключи», — и затѣмъ сталъ спокойно ходить взадъ и впередъ. Но ключей въ городъ не оказалось *). Нѣсколько французовъ, оставшихся въ Москвѣ, были приведены къ Наполеону, и объяснили ему, что Москва

*) Въ Бабушкиныхъ разсказахъ (Русск. Вѣстн., т. 136, стр. 737) говорится о томъ, что Кремлевскіе ключи (?) были поднесены Наполеону какою-то Загряжскою, за что ей было подарено Наполеономъ имѣніе Кузьминки; по свѣдѣнію это нигдѣ болѣе не подтверждается.

оставлена жителями. «Какое невѣроятное событіе!» — вскричалъ Наполеонъ — «надо обдумать его; приведите мнѣ бояръ; здѣсь, вѣрно, не знаютъ, какъ сдаваться» (Поповъ, Р. А. 1876, II. 238). Извѣстіе, что Москва пуста, что въ ней нѣтъ ни арміи, ни жителей, привело въ уныніе войска и поразило самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. «Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и беспорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ её, и это повторяется нѣсколько разъ. Въ этомъ положеніи проходитъ битый часъ; окружающіе его генералы стоятъ — не шелохнутся» (Поповъ, 248; Корбелецкій, Кратк. повѣсть, 27—28).

Нѣсколько успокоившись, Наполеонъ сѣлъ на лошадь; проѣхавъ Дорогомиловскую слободу, онъ снова слѣзъ и началъ ходить взадъ и впередъ по берегу; а ключей все не несутъ, бояръ тоже налицо не оказалось, — «эффектъ торжественной минуты», до котораго Наполеонъ былъ такой охотникъ, былъ потерянъ безвозвратно. А между тѣмъ, съ другой стороны Москвы, по дорогамъ на Рязань и Владимиръ, выходили русскія войска, и за ними толпы Москвичей со своими пожитками. Мертвая тишина воцарилась съ выходомъ ихъ; только тамъ и здѣсь ходили буйныя толпы, разбивая кабаки, и тамъ-сямъ начинался грабежъ. Наполеонъ ночевалъ въ этотъ день въ трактирѣ, что въ Дорогомиловской слободѣ; въ этотъ же день къ вечеру занялся пожаръ на Солянкѣ, а на другой день, когда Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Кремль, — запылалъ городъ (по-петербургски Гостиный дворъ) и балчугъ. Четыре ночи затѣмъ не зажигали свѣчей по ночамъ — такъ было свѣтло отъ помыя. Горѣло все Замоскворѣчье, — видъ былъ великолѣпный, но только не для Наполеона, ко-

торый былъ раздраженъ до нѣльзя; положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ, и побѣдитель, пробираясь переулками сквозь сплошныя массы горящихъ строеній, едва-едва выбрался къ Дорогомиловскому мосту, и поселился съ небольшою свитою своею въ Петровскомъ загородномъ дворцѣ (Поповъ, I. 330).

На этотъ случай Теребневымъ издана была картинка, представляющая Наполеона, окруженнаго Московскимъ пожарнымъ, съ виршами внизу:

«Всѣ треснули теперь предположенны
планы,
Всѣ угрожаютъ мнѣ, мной покоренны
страны,
Все взяло ходъ иной, все стало из-
мѣнять;
Тиранить все меня; пропалъ я, — что
начать?»

Озлобленный Наполеонъ приказалъ наказать зажигателей; изловили нѣсколько десятковъ русскихъ мужиковъ и мѣщанъ, обвинили ихъ въ поджогахъ и «для примѣра» разстрѣляли, — тѣмъ правосудіе и кончилось, а Москва все-таки сгорѣла.

Вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву, — разрѣшенъ А. Поповымъ весьма просто и основательно: сожгли её сами Москвичи (Рус. Арх. 1876 г., Май). Первые пожары были произведены 2-го сентября, по приказанію Ростопчина, полицейскимъ чиновникомъ Вороненкой, — для прикрытія выходившихъ изъ Москвы войскъ и жителей; купцы и мастеровые, еще до пожара, прямо говорили Ростопчину, что лучше сжечь Москву, чѣмъ отдать ее въ руки непріятеля. Жители Московскіе и сами послѣ того хвалились, что сожгли дома свои, — не доставайся только французу. Жгли Москву арестанты, вышущенные изъ острога гр. Ростопчинымъ, жгли ее свои грабители, жгли и союзныя войска, которыхъ водили на грабежъ по очереди *). Занимался грабежомъ и самъ Наполеонъ: въ Успенскомъ соборѣ были устроены плавильные горны, а, вмѣсто

*) Въ Каретномъ ряду, напримѣръ, французскіе офицеры отобрали себѣ экипажи и замѣтили ихъ своими именами; тотчасъ же по уходѣ ихъ, хозяйка зажгла свои лавки (Поповъ, 213)..

паникадилъ, были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали серебро и золото, выплавленное изъ церковныхъ вещей; на иконостасѣ даже остались слѣды цифръ: «325 пудъ серебра и 18 пудъ золота» (Поповъ, Р. А. 1876, I. 442). На картинкѣ, представляющей это «истинное происшествіе», — «Наполеонъ сидитъ за столомъ и взвѣшиваетъ награбленные вещи; передъ нимъ лежитъ бюллетень, въ которомъ онъ извѣщаетъ своихъ подданныхъ, что участь Россіи кончена. Удлинно, побѣжденный и раненый, стоитъ на деревяшкѣ передъ великимъ героемъ и, держа въ рукахъ женскую парчевую юбку, спрашиваетъ: «куда ее дѣть?» — «Хороша для выжиги», отвѣчаетъ Наполеонъ. Мюратъ стоитъ у очага, и держитъ на огнѣ кастрюлю съ выжигю; Евгенийъ поддуваетъ мѣхомъ; Ней подкладываетъ уголья, а Даву, изъ разбросанныхъ на полу церковной утвари и другихъ вещей, выбираетъ лучшее для Наполеонова мундиреума».

Пожаръ Москвы возбудилъ противъ Наполеона непримиримую ненависть со стороны народа. «Уже слышенъ къ намъ гласъ Всеавгустѣйшаго Монарха, который вызываетъ: «потушите кровію непріятельской пожаръ Московскій» (Русск. Стар. 1877, II. 278), — писалъ въ приказѣ дѣдушка Кутузовъ. «Огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость Наполеона и славу Россіи. Дотолѣ не положу оружія моего, доколѣ не сотру съ лица земли Русской врага, дерзнувшего войти въ ея предѣлы. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина! На начинающаго Бога!» — говорилъ знаменитый манифестъ благословеннаго Александра (ср. № 314).

О томъ, какъ отзывались на этотъ манифестъ Пожарскіе и Палицыны, можно читать въ исторіяхъ 1812 года, — въ наши картинки они не попали. Здѣсь дѣйствуютъ все лица, не положенныя въ приказѣ, — простота, да голь: бабушка Кузминична, да бабушка Спиридоновна, старостиха Василиса съ дочерью, да тетюшка Терентьевна, русскіе мужики Долбила, да Гвоздила, Сила Богатыревъ, Па-

велъ Прохоровъ да Карнюшка Чихиринъ... и понялъ Наполеонъ, что взять тутъ, значитъ, нечего, — приходится убираться домой, несолоно хлебавши, и побѣждалъ онъ, родимый, безъ шапки и безъ оглядки: «прощай, братъ! кланяйся своимъ, да не забывай и нашихъ!» — кричитъ ему вслѣдъ русскій ратникъ съ вилами.

На другихъ картинкахъ Наполеонъ представленъ скачущимъ, то на санкахъ по шею въ боченкѣ, то въ лубочномъ ящикѣ, то въ одиночку на дровняхъ, то въ одноконной польской кибиткѣ. Особенно забавны карикатуры Теребенева.

314. Императоръ Александръ I съ гр. Платовымъ и прочими сподвижниками 1812 г.

На одной, «Французскій вояжеръ 1812-го года», Наполеонъ въ огромныхъ валенкахъ и, скорчившись отъ холода, ѣдетъ, въ салазкахъ, на свинѣ въ одиночку; волосы у него стали дыбомъ, какъ у ежа; онъ говоритъ: «на Парижъ прохладно, на Москвѣ очень жарко»; свинья отвѣчаетъ ему: «уій, уій, уій, Мосіе». На другой изображенъ: «обратный путь, или дѣйствіе слабительнаго порошка»: крестьянинъ напяливаетъ на Наполеона его треугольную шляпу, а казакъ подстегиваетъ его нагайкой, и оба приговариваютъ: казакъ — «ступай, неси скорѣе по старой до-

рогѣ домоѣ, и скажи всѣмъ своимъ, что насилу могъ донести собранную съ Русскихъ контрибуцію», крестьянинъ — «а чего въ штанахъ не унесешь, такъ ни въ шляпу покладешь»; Наполеонъ поправляетъ штаны, въ которые онъ сильно наложилъ русской контрибуціи. Типичная фигура Наполеона передана на обѣихъ картинкахъ превосходно.

Очень хороши и забавны карикатуры Теребенева, представляющія угощеніе Наполеона въ Россіи передъ его отѣздомъ. На одной изъ нихъ Наполеонъ пляшетъ въ присядку, вдвоемъ съ маршаломъ, подъ музыку: «ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ»; крестьянинъ подстегиваетъ его кнутомъ *).

На другой—представлена баня: Наполеонъ кричитъ: «этакова мученья я съ роду не терпѣлъ,—меня скоблютъ и жарятъ, какъ въ аду»; ратникъ поддаетъ пару, солдатъ паритъ Наполеона вѣникомъ,

*) Въ 1812 году была сочинена пѣсня самимъ Ростопчинымъ, которая и вдохновила составителя этой картинки. Наполеону захотѣлось потанцовать: сперва онъ прошелъ Англезу, потомъ Эжосезу и Польскій; скоро, однакоже, Польскій ему наскучилъ, музыкантовъ (Сарматовъ) перемучилъ:

Сѣмъ на Русь пойду,
Тамъ я Барыню пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся
Пляску заведу!..
Знавши вывертки французски
Заграть велѣлъ по-Русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по-свойски—
Мы не знаемъ по-заморски—
Нутка козачка!
Чуть прослышалъ Коренканецъ:
Провались треклятый тапецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка.
Видно, хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
Нѣтъ, братъ, погоди!
Захотѣлъ плясать по-Русски.
Присядай-ко по-французски
Ты, Наполеонъ!
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать «пардонъ».
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ пзвиваться,
Дрогнула нога.
Его музыкѣ не стало,
Скряпокъ будто не бывало:
Пляска дорога!
Моргнулъ онъ Коленкуру:
Сѣмъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

(Вѣстникъ Европы, 1813 г., I. 147).

а казакъ брѣжетъ, схвативъ пальцами за носъ,—всѣ съ приличными прибаутками.

На третьей—представлено угощеніе Наполеону: онъ провалился въ кадку съ Калужскимъ тѣстомъ; на головѣ его вѣнокъ изъ калачей, напизанныхъ на веревочкѣ; солдатъ засовываетъ ему въ ротъ огромный Вяземскій пряникъ, а ратникъ наливаетъ въ стаканъ сбитень, вскипяченный на Московскомъ пожарищѣ; внизу вирши:

«Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось:
Вотъ сласти русскія! поѣшь, не по-
давишь,
Вотъ съ перцемъ сбитень, попей не
обожгись».

Вслѣдъ за Наполеономъ поскакали его маршалы, и плохо пришлось тѣмъ, кто не успѣлъ во-время выбраться: образовались летучіе отряды партизановъ Фигнера, Давыдова и Сеславина; появились отдѣльныя казачкія шайки, истреблявшія мелкіе непріятельскіе отряды; голодъ, плохая одежда и страшный Вавила морозъ ошеломляли самыхъ выносливыхъ, а кто оставался еще на ногахъ, — того угомоняли Еремы, Гвоздили, Долбины, да старостики Василисы съ бабушкой Спиридоновной.

Еще въ октябрѣ 1812 г. Кутузовъ писалъ: Москва очищена, непріятель гибнетъ тысячами отъ недостатка продовольствія. Да и въ Москвѣ, на кухнѣ главной квартиры, столъ готовился не очень сытный, судя по слѣдующему меню, который дошелъ до насъ на картинкѣ: 1. Soupe aux Corbeaux, 2. Compote d'Anguilles, 3. Petits patés aux Grenouilles, 4. Fricassé de Cheval aux pommes de terre. 5. Boef à la mode (comme il manque de Boef, on se servira du Cheval, 6. Un chat et une douzaine de Grenouilles roties, 7. Gigot de Cheval, 8. Dessert du fromage avec des Grenouilles fumées, 9. Des Gâteaux à la crème aux Souris». Стряпня на картинкѣ въ полномъ ходу: одинъ поваръ жаритъ на вертелѣ кошку,—вертелъ вертитъ гвардеецъ; другой поваръ жаритъ лягушку; третій мѣситъ тѣсто съ крысами, воронами и лягушками: вверху — приглашеніе всѣхъ добрыхъ гражданъ приносить на генеральную квар-

тиру кошек и лягушек; за 100 лягушек назначена награда — крестъ почетнаго легіона.

Картинки свидѣлствуютъ о томъ, что французы за недостаткомъ провизіи ѣли кобылятину, которую называли «*du canias*». Всѣхъ воронъ и галокъ въ Москвѣ перестрѣляли, — жарили ихъ и варили въ супѣ; на этотъ случай Крыловъ написалъ извѣстную басню: «Вороны», которая была тогда же напечатана въ «Сынѣ Отечества» (1812 г., № VIII); ѣли французы и человѣчину, и нисколько не скрывали этого, говоря тѣмъ, которые ихъ въ томъ упрекали: «*Mais, Monsieur,—ça vaut mieux que de la charogne* (падалъ)», — очевидцы рассказывали, что они вырѣзали для этого лучшія части изъ павшихъ товарищей.

Непріятель занялъ Москву въ сентябрѣ; въ этомъ мѣсяцѣ начинаются уже хорошіе утренники, которые достигаютъ иногда до 4 и 5 градусовъ мороза. Непривычному французику, который, по народной присказкѣ «веселая голова, живетъ спустя рукава, шиломъ брѣтся, дымомъ грѣтся, сытъ крупницей, пьянъ водицей», да еще въ легкомъ костюмѣ его, — пришлось жутко. Форменная одежда обносилась, шинели истерлись, сапоги на ногахъ истлѣли, и стали они закутываться въ разное отребье, въ женскія юбки, рогожки, поповскія ризы; вмѣсто шапокъ, — на головахъ ихъ были наверхены мундиры, ноги обмотаны сукномъ, старыми шляпами и кожею, — картина на этотъ предметъ сдѣлана было множество. Но, вотъ, подоспѣлъ въ октябрѣ и настоящій русскій Вавила морозъ, и пошелъ мести широкой метлой своей по союзнымъ головамъ.

«Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?» — спрашиваетъ себя грозный партизанъ нашъ Денисъ Давыдовъ (Сочин. его, 4-е изд., М. 1820), и отвѣчаетъ, что ссылка Наполеона на морозъ несправедлива: морозы-де были не большіе, не выше 12 и 17 градусовъ, и три четверти арміи было въ полномъ разстройствѣ еще до наступленія морозовъ (стр. 16). На это замѣчу, что 12 и 17 градусовъ мороза скрутятъ не только дымогрѣйнаго француза, завернутаго въ поповскую

рясу и безъ сапогъ, но и коренного русскаго солдата въ тепломъ полушубкѣ. Не только 17-ти градусовъ, — довольно четырехъ, пяти градусовъ съ вѣтромъ, чтобы окоченѣть въ открытомъ полѣ; конечно, при этомъ не малую роль игралъ и голодъ. Вчера было голодно, холодно, сегодня еще голоднѣе и холоднѣе, завтра морозъ, да вѣтеръ, да ѣсть нечего, — упадетъ духомъ и самый крѣпкій человѣкъ, заснуть не долго. «Въ концѣ октября», — писалъ Кутузовъ, — «начались морозы и выюги. Непріятель сбить съ дороги и расыпался по полю, гдѣ довольно одной холодной ночи, и безъ преслѣдованій, для его гибели» (Поповъ, Русск. Стар., 1877, II. 296). Французы замерзали тысячами. Каждый привалъ ихъ походилъ на поле сраженія: цѣлыя массы замерзшихъ тѣлъ оставались у костровъ; французы даже выкладывали изъ нихъ палатки для защиты себя отъ холода. Падала ли лошадь, — ее тотчасъ же «разрывали» на мясо; падалъ отъ изнеможенія солдатъ, — товарищи раздѣвали его, чтобъ прикрыться его отребьями отъ холода. Больныхъ, отсталыхъ и мародеровъ — не было числа; ихъ ждала та же участь — общее избиеніе.

По слову дѣдушки Кутузова: «потушите пожаръ Московской въ крови непріятельской», — составились партизанскіе отряды и мелкія шайки истребителей. «Смерть врагамъ!» — писалъ Ермоловъ партизану Фигнеру. «Я не стану обременять плѣнными», — лаконически отвѣчалъ послѣдній (Соч. Давыдова, I. 76). «Цѣль партизанской партіи», — говоритъ Денисъ Давыдовъ, — «убить, да уйти» (42); поэтому и дозволилъ онъ своимъ казакамъ «не брать плѣнныхъ, а катить головнею по дорогѣ». «Скины мои не требовали подтвержденія», — замѣчаетъ онъ, — «это было истребленіе безпорядочно отступавшей арміи, рѣзня». «Въ другой разъ», — рассказываетъ онъ, — «приказалъ я сжечь сарай: исчадье Чингисхановъ сожгло сарай вмѣстѣ съ забившеюся въ него сотнею французовъ» (I. 81). Еще рѣшительнѣе распоряжался другой партизанъ Фигнеръ*).

*) Денисъ Давыдовъ говоритъ о немъ, какъ объ павсѣ, который ставилъ въ рядъ по 100 обезоруженныхъ плѣнныхъ и самъ, своей рукой, убивалъ ихъ изъ пи-

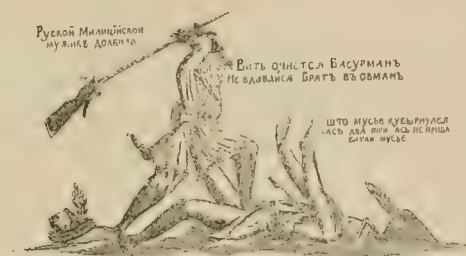
Кромѣ партизанскихъ отрядовъ, разбѣжали по деревнямъ мелкія шайки казаковъ, которыя были мародеровъ, грабили чужихъ и своихъ. Эти Давыдовскіе скины были особенно ненавистны союзникамъ, — одно появленіе ихъ наводило паническій страхъ на французовъ. Въ одной картинкѣ, которая очень раздражала французское самолюбіе, представлено «истинное происшествіе», какъ пятеро французскихъ мародеровъ перепугались на смерть отъ словъ старухи. Они спрашивали ее: кто кричитъ на дворѣ?—она отвѣтила имъ, что «коза», а имъ со страху послышалось «казакъ», — ну и давай Богъ ноги. Казацкій страхъ зародился, впрочемъ, въ Европѣ еще гораздо раньше, и неустрашимый Фридрихъ Великій не столько боялся численности русскихъ войскъ, сколько толпы казаковъ и татаръ, которые выжигаютъ цѣлыя области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ и опустошаютъ страну, наводяемую ими. 1815-й годъ, однако, доказалъ, что и эти «потомки Чингисъ-Хана», въ ежовыхъ рукавицахъ и при строгой дисциплинѣ, могутъ преобразиться въ благопорядочное европейское войско.

Крестьяне, защищая свое имущество, истребляли мародеровъ въ одиночку и цѣлыми отрядами. Денисъ Давыдовъ лично давалъ имъ наставленія: «принимайте мародеровъ, опаивайте ихъ, а потомъ совершите, что Богъ повелѣваетъ совершать съ врагами Христовой церкви» (I. 22). Большинство картинокъ 1812 года представляютъ подвиги такого истребленія, описанные со словъ журнала «Сынъ Отечества».

Рядъ этихъ картинокъ, распускавшихся Ростопчинымъ (сумасшедшимъ Ѳедькой, какъ его звала Екатерина), вмѣстѣ съ его хвастливыми афишками, начинается ратникомъ Гвоздилой и милицейскимъ Долбилой, въ разныхъ видахъ (№ 315 и 316), и Корнюшкой Чихпринымъ (№ 317). Этотъ

столеца, одного за другимъ; неоднократно истреблялъ онъ 300 и 400 плѣнныхъ и своеручно убивалъ плѣнныхъ офицеровъ. «Бывъ самъ партизаномъ, прибавляетъ Давыдовъ, я знаю, что можно паходиться въ обстоятельствахъ, пепозволяющихъ забирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно и не послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось (Русск. Стар. 1877, Декабрь, 696).

послѣдній гаерскимъ языкомъ Петрушки приглашалъ французовъ въ Москву: «хоть на святки, хоть на масляницу», обѣщая, что ихъ русскія дѣвки «жгутами такъ припопоятъ, что спина вздуется горой; отъ капусты-де ихъ раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а въ крещенскіе морозы перемерзнутъ». Есть

315—316. Ратникъ Гвоздило и милицейскій Долбило.

еще картинка «казакъ удить французовъ» (№ 318).

Затѣмъ слѣдуютъ подвиги Владиміръцевъ, Сычевцевъ съ ихъ прославившимся старостою-Геркулесомъ, нехитрые подвиги Кириловца, Бронницкаго крестьянина Силы Богатырева, ратника Храброва, Павла Прохорова (№ 319) и Бронницкаго крестьянина Силы, который «тѣмъ себя прославилъ», что француза мародера въ рѣку столкнулъ. Нисколько не уступаетъ этимъ героямъ и женскій полъ: «бабы бьютъ французскихъ мародеровъ ухватами и кочергами»; «русская героиня, дочь старостихи Василисы, колетъ вилами упавшаго француза»; такого же «безпардоннаго француза» — «Терентьевна доколачиваетъ бапшакомъ» (№ 320); бабушка Кузминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами — горшкомъ въ голову. Далѣе слѣдуютъ: французскіе гвардейцы подъ коновоемъ бабушки Спиридоновны и очень забавная картинка — «французы, голодныя крысы, въ командѣ у старостихи Васи-

лисы»; старостиха сидитъ верхомъ на клячѣ, въ одной рукѣ у нея коса, другою же она грозитъ на трехъ мародеровъ, которыхъ привела къ ней, на веревочкѣ

гоняютъ и кулакомъ провожаютъ» (Баба провожаетъ пинкомъ крайняго изъ мародеровъ).

Съ такими героинями, воззваніе залить Московскій пожаръ непріятельскою кровью—было исполнено и скоро, и въ точности: въ одной Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ продолженіе только шести недѣль, перебито около 30,000 французовъ (Отеч. Зап. 1826, XXVI. 72, 50); гусарь Самусь съ компаніей перебилъ въ Смоленской губерніи болѣе 3000 человекъ, — однихъ труповъ было сожжено тамъ до 70,000 (О. З. 1826, XXV. 71. 398; XXVI. 72. 86); въ губерніяхъ Московской, Витебской и Могилевской поднято 253,000 тѣлъ; въ городѣ Вильнѣ и его окрестностяхъ, всего на двѣ версты, насчитано ихъ 53,000 (Сынъ Отеч. 1813, XI. 298). Какъ

Московской губерніи въ разныя времена, въ Москвѣ, въ окрестностяхъ, въ Вильнѣ и его окрестностяхъ, всего на двѣ версты, насчитано ихъ 53,000 (Сынъ Отеч. 1813, XI. 298). Какъ просто и добродушно дѣлались отдѣльныя избіенія, — можно видѣть изъ рассказовъ объ этомъ очевидцевъ: приходятъ, на примѣръ, два оборванные и голодные француза въ деревню, — поѣсть просить. Староста повелѣ ихъ — къ себѣ въ избу и накормилъ. Покуда они у него были, собрались мужички и стали галдѣть: «убить ихъ, они-де другихъ на нашу деревню наведутъ». Такъ и порѣшили: «сытыхъ французовъ прямо изъ избы да въ лѣсъ, да тамъ и покончили сердечныхъ». Какъ начали ихъ потомъ осматривать, — все тѣло у нихъ и ноги все платками разными обвязаны, а въ худенькихъ шинелькахъ, за каждой заплатой по червонцу зашито! Ну, и поживились отъ нихъ добрые мужики (Сѣв. Арх. 1817. VI. 215).

Не менѣе типиченъ рассказъ другого очевидца: «иду я», — говоритъ онъ, — «раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю; хотѣлъ тамъ поискать, не попадетъ ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что теперь Мальцева, вышелъ человекъ изъ воротъ дома купца Барыкова, — по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: але. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы онъ меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ: але,

317. Корнюшко Чяхиринъ.

(въ отсутствіи старосты), другая пожилая баба. Передній изъ мародеровъ, полякъ въ конфедераткѣ, стоитъ на колѣнахъ, — фигура очень типичная; Василисина собаба лаеетъ на него изо всей мочи. Сзади Василисы ея свита: три дѣвки съ ухватами и парень съ косой, — онъ кажетъ французамъ лягушку. Внизу, справа, пѣтухъ клюетъ золотого Наполеонова орла. Надпись вверху картинки:

«Знать, вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали.
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ».

Надъ мародерами: — «Добрыхъ людей, да званыхъ гостей, съ честію у насъ встрѣчаютъ, а незваныхъ нахаловъ, грабителей бусурмановъ, съ безчестіемъ про-

а нашъ ему: але, и манить его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ

Какъ такъ пепленъ вокругъ шей
французъ удить какъ ершей

И лелющую сию скотину
Кладутъ въ корзину

318. Казакъ удить французъ.

они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ побѣжалъ къ колодезю и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками, да и сбросилъ его въ колодезь. Ну, значитъ, и дѣлу конецъ». И такихъ примѣровъ можно изъ тогдашнихъ рассказовъ цѣлыя сотни понабрать.

Забавны картинки двѣнадцатаго года, особенно Терebeneвскія, да почему и не посмѣяться надъ французскимъ вояжеромъ, который, ни съ того ни сего, какъ древній рыцарь, во имя военной славы*), заломился въ нашу благодатную степь, и самъ—деспотъ до мозга костей—вздумалъ предлагать намъ свободу и цивилизаціонныя услуги? Почему и не потрунить надъ заслуженною неудачею великаго побѣдителя? Но смѣхъ этотъ у добраго человѣка кончается вмѣстѣ съ бѣгствомъ великаго

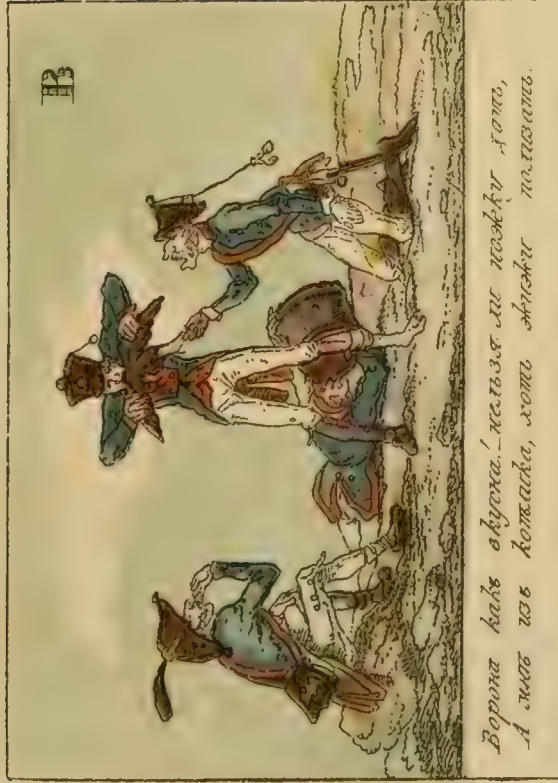
побѣдителя отъ своей арміи, которую онъ оставилъ на вѣрную гибель. Жутко и страшно становится смотрѣть на этихъ полуодѣтыхъ и перемороженныхъ солдатъ, подъ командой разныхъ Василей, когда подумаешь, что имъ нѣтъ другого выхода, кромѣ смерти. Имъ даже нельзя повторить словъ Вологодскаго ратника: «спдѣлъ бы ты дома, такъ не доконалъ бы тебя Ерема!» Не сами шли они, — насильно велъ ихъ на бойню великій человѣкъ; ему честь и слава на вѣки вѣковъ! Ну, а нашимъ что же было дѣлать? Жгутъ, грабятъ, дѣтей душатъ, женщинъ насилуютъ, въ церквахъ лошадей ставятъ, иконы, утварь переплавляютъ*), — смотрѣть, что ли, на это, сложа руки? Пришлось съ честью принять незваныхъ гостей, стать за свое пепелище, за свою семью, за свое добро... въ такомъ дѣлѣ разбирать, кто кого убилъ, и были ли соблюдены при этомъ гуман-

ныя правила Брюссельской конференціи,—не приходится; хоть и не золь нашъ народъ, а начнешь его бить да жечь,—скажется; а какъ изъ себя выйдетъ,—каждый звѣремъ оборотится. Ну, и не прогнѣвайтесь на насъ, господа, что много вашихъ костей на нашей землѣ осталось: вѣдь, вы сами пришли, мы васъ въ гости не звали,—потому и провизіи припасти про васъ не успѣли. Вѣрьте намъ, если и еще разъ кто вздумаетъ пожаловать непрошенымъ гостемъ въ Москву,—то же хлѣбосольство найдетъ въ ней: все сожжемъ, до чиста выметемъ, а если Валила Морозъ съ краснымъ пѣтухомъ не помогутъ,—кровью своею незваныхъ гостей затопимъ.

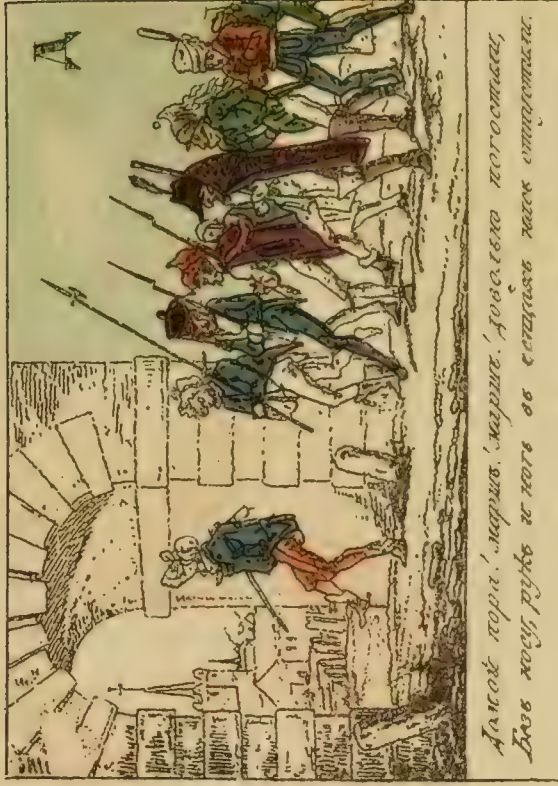
Талантливый Терebeneвъ продолжалъ издавать карикатуры и послѣ 1812 года. Изъ этихъ карикатуръ особенно забавны

*) Доморощенный нашъ Вольтеръ, Кургановъ остроумно замѣчаетъ, что подобная война—тотъ же разбой, и приводитъ анекдотъ, какъ одинъ пиратъ сказалъ Александру Македонскому: «я такой же разбойникъ, какъ и ты, только меньшаго размѣра,—у тебя цѣлый флотъ, а у меня одинъ корабль».

*) Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, про добраго союзника нашего англичанина: англійскій комиссаръ, состоявшій за это время при нашей главной квартирѣ, собиралъ точныя справки о томъ, гдѣ именно, въ районѣ дѣйствій, расположены наши фабрики, и давалъ о томъ знать французскимъ мародерамъ! А вѣдь другомъ нашимъ въ то время назывался, и нашими руками себѣ жаръ загребалъ.

Ворона калѣ вѣуна. Мать-звѣз не можѣтъ хото,
А мого изъ котайка, хото анѣти патисато.

Амоя пори, мариш, марше, дорасого погосотаси,
Быве погу, ружо и ного сѣ стараша такъ отпирати.

Ей, ей не опушѣ, не заплаку я пекю;
Снопри, ступай скорѣй битѣ разалъ пригешего.

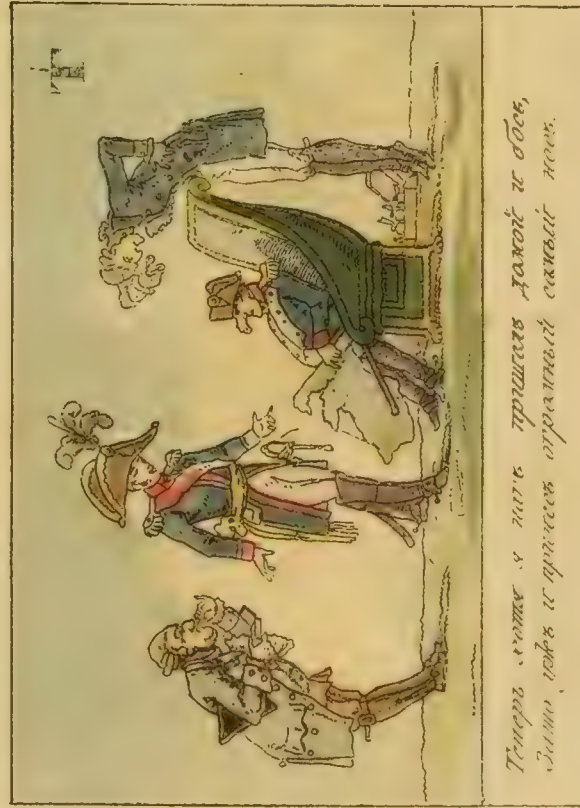
Жалко нисѣ вѣшѣлѣтѣ, ты на сово погушѣ
Ано хото, нѣсѣлѣтѣ, пѣшѣкѣ пѣлѣ нѣшѣ дѣлѣ

И-1 Ребятунки Напирное зное какъ много.
Сыно Власево, держи на привязи изъ сорого.

А-1 Лизу, о крабры Галль, впротый насъ охъ пормелюны
Спустивъ все охъ руки, ступи на паюкы въ верьхъ.

Т-1 Теперь едемъ охъ нитъ, пришевъ дакой охъ обсе,
Замы, нитъ охъ нитъ, охъ нитъ, охъ нитъ.

У-1 Что хухать, охъ нитъ, пришевъ дакой охъ обсе,
Замы, нитъ охъ нитъ, охъ нитъ, охъ нитъ.

XIV-XLVIII. ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ ИЗЪ АЗБУКИ 1812 ГОДА, ДЛЯ ДѢТЕЙ, РАБОТЫ ИВАНА ТЕРЕБЕНЕВА.

и типичны: «Носъ (съ огромными бородавками), который Наполеонъ привезъ изъ Россіи домой»,—докторъ совѣтуетъ отрѣзать его, но Бертъе рѣшаетъ: носъ оставить на своемъ мѣстѣ, а народу объявить, что онъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и

319. Павелъ Прохоровъ.

гололедицы. Далѣе: «Наполеонъ, въ намѣреніи своемъ уничтожить Пруссію, силится съѣсть громадный грибъ»; Наполеонъ спускаетъ пузыри, на которыхъ поставлены надписи: «порабощеніе Англіи, взятіе Петербурга, завоеваніе всѣхъ четырехъ частей свѣта»,—последній пузырь виситъ еще у него на соломинкѣ; Наполеонъ спускаетъ змѣя, продаетъ награбленные антики, учитъ бѣгать сына по-заячьи, убаюкиваетъ Францію, говоритъ рѣчь арміи, нарисованной на бумагѣ, и показываетъ на масляницѣ народу разные фокусы. На этой послѣдней картинкѣ Наполеонъ, одѣтый арлекиномъ, зазываетъ народъ въ свой балаганъ; на стѣнѣ балагана вывѣшены двѣ картины: на одной изъ нихъ представленъ Наполеонъ, показывающій фокусы «съ французскими государственными финансами», на другой изображена гимнастическая группа: Бертъе держитъ на плечахъ Наполеона, который, въ свою очередь, держитъ на каждой рукѣ по два маршала, головами внизъ. Далѣе,—нѣсколько картинокъ, представляющихъ разрушеніе всемірной монархіи; гибель Наполеоновой славы, у которой казакъ охлесталъ нагайкой всѣ лавровые вѣнцы, а Вавила Морозъ трубу заткнулъ снѣгомъ; торжественные входы его въ храмъ славы, и торжественный вѣздъ его въ Парижъ (№ 321). Эта послѣдняя

320. Терентьевна доколачиваетъ башмакомъ басурмана (раб. В. Лаппа).

картинка очень замысловата: шествіе начинается съ русскаго мужика, верхомъ на клячѣ, которую ведетъ церемоніймейстеръ; у мужика на плечѣ, на палкѣ, и въ рукѣ—Московскіе калачи; за нимъ два околѣченные офицера несутъ, на подушкахъ, двухъ конекъ. Далѣе слѣдуютъ, посреди двухъ трубачей, камеръ-фурьеръ, съ орломъ на палкѣ, на которой повѣшена: «La Culotte de Charles XII»; тамбуръ-мажоръ съ трубкой въ рукѣ; два гусара съ бунчуками; четыре околѣченные гренадера несутъ, на носилькахъ, замороженнаго товарища своего; у покойнаго, на брюхѣ—треуголка, а на палкѣ—билетъ, съ надписью: «Grenadier gélé parfaitement conservé». Далѣе кибитки парой; два музыканта—флейщикъ и барабанщикъ; еще какой-то экипажъ парой. Все это шествіе проходитъ сквозь триумфальныя ворота, надъ которыми побѣда трубить въ двѣ трубы; на воротахъ надпись: «Arc de Triomphe erigé à la gr.» Справа видна арка, увѣнчанная орломъ и побѣдой, съ надписью: «S. P. Q. G.» (Senat. popul. que Gal.). Вдали видна третья арка, а справа—большой трехъэтажный домъ, съ вывѣской: «Au Grand Conquérant». На улицѣ, по которой проходитъ процессія,—множество зѣвакъ; но устроенныя для зрителей мѣста, «banes à louer («10 s., 5 s., 2 s., 1 s.»), почти пусты,—на нихъ размѣщено нѣсколько оркестровъ музыки. На домахъ развѣшены вывѣски: «Cosmetiques—Aux Artistes réunis—Ici on decrotte à 5 sous—Nouveautés Variétés. M. de M.—Peintre de Portraits (на самой крышкѣ)—Ici l'on fait des Vers (тоже)—Poète (тамъ же)—Mr. Gigot apprend à danser et à faire des sauts—Nouvelle Restor: Boudins. Pat. Cottelet. Bouillon à (надпись вывѣски приходится надъ трофеемъ «La culotte de Charles XII»). Po-made Poudre à la Ganboje. Boudins frais de tout genre.—Artiste Oculiste Peruquier Dentiste». Внизу прибитъ неизмѣнный: «bulletin».

Кромѣ всѣхъ этихъ большихъ картинокъ, въ 1815 году, была издана Азбука для дѣтей, въ 34-хъ картинкахъ, въ которыхъ Теребеневъ повторилъ, въ уменьшенномъ видѣ, прежнія карикатуры свои,—

эта азбука очень рѣдка, особенно въ полныхъ экземплярахъ *) (см. № 322).

Прощаясь съ двѣнадцатымъ годомъ, который послужилъ обновленіемъ для Россіи, хотя и не въ той степени какъ Севастопольскій погромъ, считаю уместнымъ сказать еще нѣсколько словъ о вѣрномъ союзникѣ нашемъ на это время—Вавилкѣ Морозѣ, «съ его дѣтьми и внучатками», въ удѣлъ которымъ отдана судьбою бѣдная сторона Русская.

диль въ Петербургѣ до 37.8° Ц. (30.2° Реом.), 39° въ Москвѣ и 44° въ Вологдѣ! Въ Либавѣ въ это же время (8 декабря) былъ восточный вѣтеръ, обратившійся въ штормъ, при 20 градусахъ мороза!

Но это еще зимніе морозы,—большого вреда они не приносятъ. Бываютъ ранніе осенніе морозы и поздніе весенніе, которые убиваютъ деревья, овощи и хлѣбъ на корню. Бѣдствія, причиняемые этими морозами, такъ велики, что даже заноси-

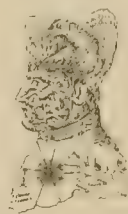

Торжественный пѣздъ въ Парижъ неповадимой Французской Арміи.

№ 321.

По поводу русскихъ морозовъ, въ одномъ хронографѣ 1696 года (Поповъ, III. 509), записано: «имуть же нѣкія страны (въ Россіи) и мразы великіе и нестерпимые, обаче человѣкомъ тѣ страны здравѣйши, и болѣзней имѣютъ мало, яко мразомъ изводящу отъ нихъ телесную мокроту». О томъ же, какъ жестоки бываютъ эти морозы,—ходить недалеко: въ недавнемъ 1868-мъ году ртуть опускалась въ Петербургѣ до 38.4° Цельзія, въ Кронштадтѣ и Москвѣ до 41.2° , въ Кеминиже 53.7° , а въ Богословскѣ 56.1° !! Еще ближе, въ 1876 году, холодъ дохо-

лисъ на вѣчную память въ лѣтописи, (Веселовскій, О климатѣ Россіи, 124). Много у насъ такихъ мѣстъ, и не на

322. Портретъ Наполеона, составленный изъ труповъ; награвированъ Теребневымъ вмѣстѣ съ Азбукой 1812 года для дѣтей.

дальнемъ сѣверѣ, авъ Саратовской, напрімѣръ, губерніи, гдѣ самый поздній весенній морозъ бываетъ 9-го іюля, а самый ранній осенній—24-го іюля. Даже въ средней полосѣ нашей заморозки и, такъ называемые, утренники случаются въ половинѣ августа; а съ

сентября уже начинается непрерывный рядъ разныхъ морозовъ, сперва сносныхъ, а потомъ,—поближе къ Спиридону Солоно-

*) Въ продолженіе всего этого времени (1812—1815) издавались во множествѣ лубочные портреты императора Александра, Кутузова, Платова, Витгенштейна, Багратиона, Тормасова, Милорадовича, гр. Орлова-Денисова и другихъ героев. Въ 1839 году портреты эти были соединены въ одну коллекцію, въ числѣ 16-ти, съ прибавленіемъ къ нимъ перусскихъ портретовъ: императора Франца, кн. Шварценберга и кн. Блюхера, и изданы въ металлографіи Сергѣевой. Особенною популярностію пользовались портреты Кутузова, Платова и партизана Дениса Давыдова.

вороту, когда солнце, по народному календарю, поворачивается на лѣто, а зима на морозъ,—подходятъ Никола съ гвоздемъ, трескучіе морозы Рождественскіе, Крещенскіе, Аванасьевскіе, Срѣтенскіе, Власьевскіе и т. д.—Однихъ весеннихъ морозовъ, меньшей важности, насчитывается до пятнадцати. А тамъ, по тому же народному календарю, съ Петра Аѳонскаго, т. е. съ 12 іюня, солнце опять начинаетъ поворачивать на зиму. При такомъ зубастомъ климатѣ поневолѣ со-

хвалится табачный носъ красный, что о морозѣ-де «слухъ пропущенъ напрасный, и я-де отъ него никогда не хоронюся, и приди онъ,—еще съ нимъ побранюся». Морозъ на него прежде покосился: «смотри, братъ, ежели самъ себя не пожалѣешь,—небось, скоро побѣлѣешь». Однакоже—носъ и тутъ не струсилъ, «но скоро его морозъ укусилъ»; и пошелъ изъ носу табакъ, и бросился носъ въ кабакъ; но вышедъ оттуда, отважился онъ опять сказать: «я еще себя хочу показать». Мо-

ПОХОЖДЕНИЕ ОНОСЕ

[illegible]

II ОСНОВНОМЪ МОРОЗЕ

[illegible]

323. Похождение о Носѣ и сильномъ Морозѣ.

ставилась и такая пословица, что «до Святаго Духа не снимай кожуха, — да и по святомъ Духѣ ходи въ кожухѣ».

И терпитъ-же отъ мороза русскій чело­вѣкъ: не вѣрьте его хвастовству, что де «русскому морозъ здоровъ, а только онъ нѣмцу, да французу солонъ; на лету, дескать, птицу бьетъ, желѣзо рветъ, а нашему брату жару поддаетъ». Только отъ этого жара у нашего брата и носы, и щеки, и уши зимой почти сплошь от­морожены. Задаетъ себя знать на долгое время этотъ русскій жаръ. На такое хва-

ство и картинка (№ 323) составлена: розъ очень осердился, что носъ предъ нимъ возгордился, сдѣлалъ такое награжденіе, носу его прибавленіе: великая вдругъ на носу сдѣлалась шишка, какъ большая пышка; притомъ обратился носъ въ алый цвѣтъ, какихъ у индейскихъ пѣтуховъ нѣтъ; пересталъ носъ съ морозомъ драться, сталъ въ тепло убираться; отъ того и сдѣлался носъ гнѣтъ,—а хозяину не миль; отъ чего хозяинъ печаль получилъ, а носъ гусинымъ садомъ лечилъ.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра: мо-

розъ доставляетъ намъ возможность перевозить изъ далекихъ странъ и запасать на долгое время свѣжую и роскошную провизию, о которой объѣдалы западной

Европы и во снѣ вздыхаютъ; а Вавила Морозъ сослужилъ отечеству своему въ двѣнадцатомъ году такую службу, которая и во вѣки въ народѣ не забудется.

*Красное крыльцо и Гран-
виталя палата*

*Vue du grand Escalier et
du pavillon nommé Grand
vitaля Plato au Kremlin*

324. Красное крыльцо въ Москвѣ, гдѣ раздавались
Ростопчинскія афиши (грав. Ил. Стрижева).

ХІІІ.

Народное богомолье. Паломничество въ Іерусалимъ. Греческіе монахи и приносимыя ими святыни. Древніе паломники. Пріемъ странниковъ въ Іерусалимъ и обирание ихъ тамошними монахами. Путь земли, адова щель и еще другая щель; схождение св. огня. Святыя мѣста около Іерусалима. Апокрифическіе рассказы. Русскія святыя мѣста. Троицкая Сергіева Лавра. Кіевскія святыни. Соловецкій монастырь. Виды монастырей и духовныя картинки, раздаваемыя въ монастыряхъ.

Въ обиходъ русской жизни одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ странствованія по святымъ мѣстамъ. Въ древнія времена самымъ почтеннымъ и вѣстѣ самымъ отважнымъ изъ такихъ странствованій считалось паломническое странствованіе въ Іерусалимъ*). Самыя раннія западныя извѣстія о такихъ странствованіяхъ встрѣчаются у писателей конца XI-го вѣка: въ то время путешествія эти были въ такомъ ходу, что св. Григорій Нисскій уже считалъ нужнымъ останавливать рвеніе паломниковъ и доказывать имъ, что спастись можно и безъ Іерусалима.

Хожденія въ Іерусалимъ русскихъ паломниковъ начинаются со времени принятія Россіей христіанской вѣры. Уже въ XII вѣкѣ русскіе давали обѣщанія на паломничество въ святую землю и Новгородскій епископъ Нифонтъ († 1156) прямо говоритъ, что «та рота губить землю русскую»; современникъ его, іеромонахъ Кирикъ, осуждая паломниковъ, какъ бродягъ, говоритъ о себѣ: въ «Іерусалимъ не велю идти, сдѣ велю доброму ему быти». Съ другой стороны охоту къ паломничеству подогрѣвали своими чудесными рассказами греческіе монахи, при-

ходившіе въ Россію милостыни ради *) и приносившіе, въ замѣнъ получаемаго золота и серебра, разную іерусалимскую святыню: кусочки отъ гроба и креста Господня; камни отъ горы Голгофы, отъ гроба Богородицы; кусочки отъ ризы Спасителя, Виолеемскихъ младенцевъ и т. д. **).

*) Такимъ образомъ въ 1371 году пріѣзжалъ изъ Іерусалима въ Москву „милостыни ради“ митрополитъ Германъ; въ 1376 г.—архимандритъ Нифонтъ, который столько набралъ этой милостыни, что купилъ на нее себѣ Іерусалимское патриаршество; въ 1464 г. за тѣмъ же и туда же отправился патриархъ Іоакимъ и братаничъ его Іосифъ „пже много собравъ милостыни иде, но не доиде своея земли“. Въ 1518 г. съ Аѳонской горы приходили старцы и митрополитъ изъ Цареграда „о ищеть поможение милостыни ради“ (Николов. Лѣтописъ: II. С. II., VI. 212). Около 1582 года приходила въ Москву, просить милостыни, женская греческая персона, игуменія Макрина. У С. Пономарева перечислены разнородные и богатые дары золотомъ и серебромъ, посылавшіеся нашими царями греческому и іерусалимскому духовенству, а равно и ничего не стоящіе дары, присылавшіеся отъ спехъ послѣднихъ и заключавшіеся въ плохоописанныхъ образахъ и разной святынь (Записки Академіи Наукъ, XXX). Особенно много являлось этихъ проходивцевъ къ благочестивымъ царямъ нашимъ въ XVII вѣкѣ.

**) Іерусалимскіе монахи умудрились даже обмануть Екатерину I: въ отсутствіе Петра они продали ей за 1000 руб. несгораемый платокъ изъ аміанта, выдавая его за великую святыню. Петръ объяснилъ Екатеринѣ обманъ и рассказалъ при этомъ, какъ много онъ видѣлъ подобной святыни въ католическихъ монастыряхъ, въ томъ числѣ въ Ахенѣ: разные гвозди и куски отъ креста Спасителя (Анекдоты Нартова, Москвитинныя 1842 г., кн. IV. 337, § 103). Петровскіе посланцы съ особенною подробностію отмѣчали все, что случалось имъ видѣть за границей по этой части. Въ Венеціи, напримѣръ, имъ были показаны слѣдующія святыни: кровь Христа, молоко и волосы Богоро-

*) Паломникъ или палемникъ, т. е. пальмоносецъ,—странникъ, принесшій изъ Іерусалима пальмовую вѣтвь (Palmarium, palmatus.—Евгеній, Слов. духовн. писат., I. 111).

паломничества оставилъ намъ игуменъ Даниилъ, ходившій въ святую землю около 1115 года, когда Іерусалимомъ владѣли крестоносцы, подъ управленіемъ короля Балдуина, брата Готфрида Бульонскаго. Въ Іерусалимѣ Даниилъ засталъ Новгородцевъ и Кіевлянъ: Седеслава Иванковича, Городислава Михайловича, двухъ Кашкичей и другихъ многихъ русскихкихъ, которые пришли туда, для поклоненія, еще до него. За Данииломъ слѣдуютъ паломники: Стефанъ Новгородецъ (1349 г.), кн. Ефросинія Полоцкая, іеродіаконъ Зосима (1420), московскій гость Василій (1466 г.), московскій купецъ Трифонъ Коробейниковъ (1582 г.) и рядъ паломниковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ*).

Паломничество въ Іерусалимъ, въ виду длиннаго странствованія и соединенныхъ съ нимъ опасностей со стороны турокъ,

лицы; ножъ, которымъ апостолъ Петръ отрѣзалъ ухо Малху; часть животворящаго креста; часть стола, на которомъ мученъ Христосъ; камень, которымъ убитъ архидіаконъ Стефанъ; часть терноваго вѣнца; гвоздь желѣзный, которымъ былъ пригвожденъ ко кресту Христосъ, и нога св. Георгія. Въ Лоретто: сосуды, чашечка и блюдечко, изъ которыхъ сама Богородица и Спаситель питались; окно, гдѣ было Благовѣщеніе, и кошель или труба, гдѣ Богородица огонь клала и варила яствія. Въ Римѣ, въ соборѣ Петра и Павла: копіе, которымъ прободенъ былъ Спаситель на крестѣ; перукотворный образъ на платѣ, поднесенномъ Спасителю св. Вероникой; въ другихъ церквахъ: части ризы Богородицы, Ея головной платокъ; лѣстница, по которой вели Спасителя отъ Каіафы къ Пилату на осужденіе (*scala sancta*) и на которой видна была Его кровь; образъ Христа, писанный евангелистомъ Лукою; ковчегъ съ мощами, въ числѣ коихъ находились и Внолеемскіе младенцы; одежда и ризы апостоловъ, части башмаковъ ихъ, части хлѣба и двѣнадцать чечевичныхъ зеренъ отъ тайной вечери; часть губки, которой напоенъ былъ Христосъ на крестѣ; доска, на которой сплѣлъ Господь, умывая ученикамъ своимъ ноги; кровь св. Януарія кипѣла при нихъ въ сосудѣ, во время литургіи. Въ Кельѣ: кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворялъ воду въ вино; жезлъ апостола Петра; деревянная колыбель Спасителя; столъ, на которомъ Христосъ сотворилъ тайную вечерю; жезлъ Аарона и жезлъ Моисея и пр. Въ числѣ святынь, находящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, упоминаются: волосы, кровь, риза Спасителя, древо, губа, трость, копіе, вѣнецъ терновый и Внолеемскіе младенцы.

*) Извѣстія о русскихъ паломникахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ, начинаются (подложнымъ) письмомъ медика вел. князя Владиміра, Іоанна Смеры, бѣдншаго въ Іерусалимѣ для паблуденія вѣры и правоты (Попомаревъ, XI). Подробная бібліографія всего, что было издано о святой землѣ, напечатана пѣмцемъ Тоблеромъ (*Bibliographia geographica Palaestinae*, 1867); В. И. Хитрово издалъ первый выпускъ бібліографическихъ дополненій къ Тоблеру, въ которыхъ перечислены всѣ русскія книги, брошюры и журнальныя статьи по этому предмету (Зап. Акад. Наукъ, Спб. 1876, VI. 153); такой же бібліографическій списокъ напечатанъ въ 1877 г. С. Попомаревымъ (Зап. Акад. Наукъ, XXX).

совершалось не въ одиночку, а цѣлыми дружинами. Въ этомъ отношеніи, наши паломники или калки представляютъ полное сходство съ западными пилигримами*). Точно такъ, какъ и на Западѣ, калки наши крутятся въ круту каличью человекъ въ сорокъ, выбираютъ себѣ атамана и кладутъ заповѣдь, за своими руками, подчиняться ему во всемъ; «а кто дорогой украдетъ или солжетъ, али кто пустится на женскій блудъ, да не скажетъ про то атаману, — того казнить: закопать по плечи въ сыру землю» (Кирша Даниловъ, 226). Одежда ихъ тоже напоминаетъ одежду западныхъ пилигримовъ**): тѣ же клюки — по-

*) Самое имя каликъ произошло, очевидно, отъ слова *caliga*, *caligae* — сацалин (обувь въ родѣ подвязныхъ восточныхъ *fraumen*), въ которыхъ обувались западные странники, отправлявшіеся въ Іерусалимъ (И. Срезневскій, Калки, 201), — о нихъ упоминаетъ и Даниилъ паломникъ (Θ. Вуслаевъ, Христоматія, 251). Выпѣшіе калѣки переходящіе — искалѣченные бѣдники, нищие, переходящіе отъ одного святаго мѣста въ другое, ради милостыни. Въ народѣ калѣкой называютъ преимущественно хромого: въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, слово это употреблено въ древнихъ документахъ. Въ 1330 году, напримѣръ, Григорій калѣйка былъ избранъ въ Новгородскіе архіепископы; въ договорной грамотѣ кн. Михаила Тверскаго съ Новгородцами въ 1316 г. упоминается калѣка Юрій, пачальникъ тальщиковъ; въ 1341 году Псковичи, подъ предводительствомъ калѣки Карпа Даниловича, побили итѣмцевъ; калѣка Іоаннъ былъ въ XIV вѣкѣ Константинопольскимъ патріархомъ (Псковская Лѣтопись 6849 г.; И. Срезневскій, Русскіе калки: Зап. Акад. Наукъ 1862, I, кн. II. 187). Но во всѣхъ этихъ документахъ говорится о калѣкахъ и калѣйкахъ, а не о калѣкахъ; названіе калки является въ первый разъ въ „Странникѣ“ Даниила Паломника (въ 1114 г.), для обозначенія странниковъ-богомольцевъ; въ этомъ же смыслѣ калки упомянуты и у Стефана Новгородца (въ 1341 г.), а равно и въ нашихъ былинахъ, гдѣ калками переряжаются наши богатыри: Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и Путькъ Михайловъ, — какъ для того, чтобы не быть узнаваемыми, такъ и потому, что калѣкѣ-страннику вездѣ открытъ доступъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ Данилова Странника, калка называется паломникомъ, т. е. человекомъ, принесшимъ изъ Іерусалима палмѣ; паломники встрѣчаются и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1283 годомъ (Полное Собр. Лѣтоп., I. 206), и въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, гдѣ они причислены къ митрополичьимъ людямъ, паравнѣ съ калѣками, слѣбными и хромыми (Лѣтопись Переславская Сузд., изд. кн. Оболенскимъ, 34, — Востоковъ, Описание Румянцевск. Музея, 328). Уже въ вопросахъ Кирика говорится, что между паломниками къ святымъ мѣстамъ были и промышлявшие бродяжествомъ (Памят. Росс. Слов. XII в., 203. — Θ. Вуслаевъ, Очерки, I. 505): это обстоятельство послужило, вѣроятно, къ раннему смѣшенію названій убогаго калѣки-нищаго съ названіемъ калки-странника.

**) Слово пилигримъ (*pilgrim*) встрѣчается у насъ неоднократно въ былинахъ и въ сказкѣ о Вовѣ королевичѣ (см. алфавитный указатель). У насъ оно сильно исковеркано: пилигримше, блпогремлише, подугрюмъ и просто угрюмъ (И. Срезневскій, Калки, 216).

сохи *), плащи — гунь**), шляпы коло-
коломъ земли греческой ***) и сумочки.

Какъ и наши теперешніе странники,
калики кормились дорогой святою ми-
лостынею; только выпрашивали они ее
самымъ наглымъ образомъ: завидѣли, на-
примѣръ, калики Касьяновой круты князя
Владимира и

«Становилися они во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Кричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля...
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали».

(Кирша Даниловъ, 228).

Это уже прямые разбойники, на подобіе
тѣхъ, о которыхъ говоритъ Стоглавъ,
что они «по дальнимъ странамъ ходятъ
(скоморохи), совокупляясь ватагами, по
шестидесяти, семидесяти и до ста чело-
вѣкъ, и по деревнямъ крестьянъ насиліемъ
объѣдаютъ и опиваютъ, изъ клѣтей жи-
воты грабятъ, а по дорогамъ людей раз-
биваютъ».

По стихамъ, составленнымъ нашими
калѣками-слѣпцами, на основаніи Голу-
биной книги и бесѣды трехъ святителей,
Іерусалимъ городъ—больше всѣхъ горо-
довъ и прежде всѣхъ городовъ сотворенъ;
всѣмъ городамъ онъ отецъ, потому что
въ немъ находится пупъ земли; точно
также и церковь Іерусалимская всѣмъ
церквамъ мати, Өаворъ гора—всѣмъ го-
рамъ мати, а Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ
мати, и идутъ туда калики:

«Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Въ Ерданъ рѣкѣ искупатися,
Негнѣнной ризой утеретися».

(Кирша Даниловъ, 226) ****).

*) Клюка—посохъ съ загнутымъ концомъ. На клюку
старуха упирается; клюкой задѣветъ кого и за руку,
если позвать нужно. Калики, воткнувъ клюки въ землю,
вѣшали на ихъ закрючины свои сумочки.

**) Гуня—мѣховой плащъ, бурка,—отъ средне-
латинскаго Guppa, средне греческ. γούρα; въ Венгріи
до сихъ поръ носятъ гунь (Н. Срезневскій, Калики, 200).

***) Такую шляпу или колпакъ носили наши князья
и цари: вел. кн. Василій Ивановичъ изображенъ въ
такомъ колпакѣ у Герберштейна и у Ловія.

****) Стихи на католическомъ Западѣ слогались, точно
также, какъ и у насъ, слѣпцами и каликами-перехо-
жками. „Въ 1065 году (разсказывается въ жизнеописа-

Въ Іерусалимѣ принимали греческіе
монахи нашихъ богомольцевъ съ боль-
шимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, и
затѣмъ обирали ихъ карманы до чиста.
Такъ велось съ глубокой древности до
половины нынѣшняго столѣтія, безъ вся-
кихъ переменъ. Вотъ какъ описываютъ
пріемъ свой братья Вишняковы, посѣтив-
шіе Іерусалимъ въ началѣ нынѣшняго
столѣтія: «Мы вѣхали въ Іерусалимъ
3-го февраля, въ 3 часа пополудни, ве-
ликими воротами Давидовыми, находящи-
мися близъ дома Давидова, преобращен-
наго за нѣсколько вѣковъ въ арсеналъ;
внутри воротъ Давидовыхъ стояло много
караульныхъ Арабовъ, на стѣнахъ же ви-
сѣло ихъ разное воинское оружіе. Про-
ѣхавъ двѣ улицы между каменными до-
мами, приблизились къ патріаршему съ
правой стороны монастырю, ворота коего
были отворены; во внутренности мона-
стырскихъ оныхъ воротъ сидѣли многіе
изъ магометанъ Арабы, одѣтые въ народ-
ное зеленое платье; ихъ называютъ
«есакчи», т. е. караульные, которые
охраняютъ домъ патріаршій и содержатъ-
ся на коштѣ и жалованьи патріарха
Іерусалимскаго; сверхъ того онъ муфтію
и муселиму, т. е. коменданту, даетъ за
сохраненіе сумму не малую денегъ».

«Въ монастырѣ встрѣтилъ насъ мер-
хаджи—монахъ, разумѣющій многіе языки,
опредѣленный для встрѣчи путешествен-
никовъ; поздравлялъ съ благополучнымъ
прибытіемъ и краснорѣчиво привѣтство-
валъ на разныхъ языкахъ. Извозчики

нія блаженнаго Альтмана), когда многіе ждали втораго
пришествія и потому отправлялись въ Іерусалимъ ко
гробу Господню, было много знатныхъ людей, которые
оставляли жену, дѣтей и всѣ блага міра, чтобы идти
во слѣдъ Христу. Таковъ былъ епископъ Бамбергскій
Гюптеръ; съ нимъ отправилось въ путь много духов-
ныхъ и мірянъ; между ними былъ и Эццо Схоластикъ—
человѣкъ, одаренный всякою мудростію и краснорѣчи-
емъ; онъ, во время пути, сочинилъ на народномъ
языкѣ превосходную пѣснь о чудесахъ Христа“
(Hoffmann von Fallersleben, Geschichte des deutschen
Kirchenbildes, I. 27). Георгъ († 1169) замѣчаетъ, что
вся земля возноситъ хвалу Христу на народномъ
языкѣ (per cantilenas linguas vulgaris), преимуще-
ственно у пѣмцевъ, языкъ которыхъ особенно спосо-
бенъ къ пѣснямъ (ibid. 41). Слѣпцы на католическомъ
Западѣ были поспѣтелями народныхъ стиховъ и геро-
ическихъ сказаній (Тихомировъ, 33-е присужд. Демид.
пагр., 197). „Не хочу“, говоритъ Hermann von Fritzlar
(1393—49), „передавать чудеса святителя Николая: ими
росписаны стѣны, и слѣпые поютъ о нихъ на
улицахъ“ (Grimm, Deutsche Heldensagen, 173).

наши, Арабы, отвязали отъ сѣдель наше дорожное имущество, а послушники монастырскіе, забравъ оное, понесли въ палату, продолговатую, устланную коврами и подушками, раскладенными около стѣнъ, въ коей размѣстились мы для своего пребыванія; послѣ сего поднесли намъ по чаркѣ водки и разныхъ, на закуску, сушеныхъ плодовъ, потомъ кофе. По наступленіи въ скорости вечера и зажженіи свѣчъ, позвалъ насъ тотъ же престарѣлый мерхаджи въ трапезу къ ужину. Здѣсь на столахъ мраморныхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, и безъ скатертей, поставлено уже было довольно пищи, состоявшей большею частію изъ сарачинскаго пшена съ коровьимъ масломъ, яицъ, сыровъ и плодовъ; мяса же и рыбы не было. На руки всѣмъ подали полотенца; посуда вся изъ красной мѣди, кругомъ вся полуженная. Водку и старыя крѣпкія вина подносили серебряными ковшичками безпрестанно. Во время ужина входили въ трапезу также и архіереи и привѣтствовали: ористерхаджи,—т. е. извольте, пожалуйста, богомольцы,—потчивали и угощали изобильно» *).

«По окончаніи ужина возвращались мы въ свое мѣсто и легли спать; сонъ нашъ не продолжался болѣе трехъ часовъ, потому что въ 1-мъ часу пополудни начали бить въ доску; мерхаджи пришелъ, разбудилъ насъ и объявилъ, чтобы мы шли въ патріаршую церковь Царя Константина и матери его Елены, слушать утреню».... «По окончаніи утрени и прикладыванія потомъ поклонниковъ къ св. иконамъ, роздали греческіе монахи всѣмъ намъ по немалой свѣчѣ изъ бѣлаго воска и водили насъ по другимъ церквамъ патріаршаго дома; наконецъ, ввели въ просторную палату, въ которой разставлены многія скамьи съ подушками и покрытыя зеленымъ сукномъ. Здѣсь всѣхъ мужчинъ, женщинъ и малолѣтнихъ посадили; послѣ чего пришедшіе, епископъ и архіереи, возсѣли на особенныхъ диванахъ по старшинству епархій, въ присутствіи коихъ угощали насъ водкою и кофеемъ съ сухарями; по угощеніи и отведеніи потомъ

женщинъ и малолѣтнихъ въ назначенную для пребыванія нашего палату, началось омовеніе ногъ путешествующихъ: около шести человѣкъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ принесли кувшины мѣдные съ теплою водою, тазъ, мыло и полотенце. Мы разулись; и они омывали и отирали ноги поклонникамъ, которымъ предлежало цѣловать ихъ головы, покрытыя камилавками. Таковое духовныхъ лицъ смиреніе произвело въ насъ умиленные чувствованія» *).

«По окончаніи сего церемональнаго обряда пошли деспоты или владыки въ особенный залъ, въ коемъ бываютъ ихъ засѣданія; послѣ сего позвали къ намъ и женщинъ, а потомъ призывали поклонниковъ по одному и по два къ засѣдавшимъ владыкамъ, гдѣ спрашивали объ ихъ именахъ и ихъ родителей, живыхъ и умершихъ, и записывали въ синодикъ. За каждое записанное имя должно было платить на искупленіе Божія гроба отъ магометанъ по 50 піастровъ, т. е. 30 рублей, или по крайней мѣрѣ по 30 піастровъ. Богатые, по соизволенію своему, записывали многія живыхъ и усопшихъ имена, и давали по 500, по 1000 и болѣе піастровъ. А поклонникъ, отзывавшійся немѣющимъ денегъ, подвергался передъ симъ собраніемъ выговорамъ и упрекамъ, представляя, что патріаршій монастырь долженъ муфтію и прочимъ магометанамъ за него платить опредѣленную съ хаджей дань въ немаломъ количествѣ, поелику ни единая душа младенца не можетъ обойтись безъ сего. Въ противномъ случаѣ, если епитропъ за кого-нибудь откажется платить,—такового тотчасъ выгоняютъ изъ Іерусалима; но патріархи Іерусалимскіе, по челоуѣколюбію, до сего поклонниковъ не допускаютъ; немущихъ же, по обыкновенію, 30 піастровъ заплатить за квартиру и содержать себя пищею, помѣщаютъ особенно, или въ Іерусалимскихъ или въ окрестныхъ принадлежащихъ патріарху монастыряхъ, даютъ ему хлѣбъ, обыкновенно пшеничный, въ довольномъ числѣ, и манжу, родъ кашки изъ пшеничныхъ крупъ, а иногда изъ сарачинскаго пшена, уваренную съ мас-

*) Конечно, все дѣло дѣлалось въ виду тугопабитой мощны братьевъ Вишняковыхъ.

*) Этого обряда, съ учрежденіемъ русскаго пріюта, болѣе не практикуется.

ломъ коровымъ или деревяннымъ и другою приправою, а въ воскресные дни сыръ и прочее, за что долженъ исправлять послушаніе».

«На другой день по прибытіи нашемъ, февраля 4-го числа, присланы были по полудни отъ муфтія въ патріархію чиновные Арабы, которые брали съ каждого поклонника мужескаго и женскаго пола по 22 піастра, а съ малолѣтнихъ половиною меньше, и давали тескере, т. е. билеты съ чернильными печатями, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, для пропуска въ храмъ Гроба Божія; мы показали имъ свой фирманъ, — они, прочитавъ его, назадъ возвратили, и съ насъ ничего не требовали, но записали имена, для того, чтобъ взыскать съ монастыря деньги противъ прочихъ хаджей».

«На 5 число февраля, въ два часа по полуночи, Греческіе иноки начали бить въ деревянную доску, Армяне зазвучали мѣдными тарелками, а потомъ, какъ у сихъ, такъ и у Римлянъ, Коптовъ и Сиріянъ, началась утренняя служба, и у всѣхъ на своихъ престолахъ. Поутру рано, пришедшіе Арабы отперли и отворили великія ворота; тогда собралось къ литургіи множество народа разныхъ исповѣданій, по окончаніи коей позвали насъ въ патріархію, гдѣ послѣ трапезы намъ объявили, чтобы мы избрали для себя квартиры въ другихъ монастыряхъ, принадлежащихъ Греческому патріарху, въ самомъ Іерусалимѣ, коихъ считается 11 мужскихъ и 2 женскихъ. Игумену монастыря долженъ каждый человѣкъ заплатить, какъ выше сказано, 30 піастровъ (18 руб. ассигнов. по тогдашнему курсу), сколько бы, впрочемъ, онъ времени ни прожилъ. Между епитропомъ, муфтіемъ и муселимомъ постановлено, чтобы поклонникамъ не позволять жить нигдѣ, кромѣ однихъ монастырей, отдаваемыхъ отъ епитропа на откупъ тѣмъ изъ іеромонаховъ, кто больше обяжется вносить въ патріархію денегъ». «Послѣ сего разошлись поклонники для присканія для себя въ монастыряхъ жилища. Іерусалимскіе монастыри весьма просторны: по триста и болѣе человѣкъ съ женами и дѣтьми въ одномъ помѣщеніи».

Этимъ я закончу выписку изъ путешествія братьевъ Вешняковыхъ; всѣ остальные мытарства съ поклонниками происходятъ и въ настоящее время точно такъ, какъ они происходили двѣсти и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Хожденіе по святынямъ производится обыкновенно отдѣльными кучками, подъ предводительствомъ греческихъ монаховъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, а также и разныхъ странниковъ и странницъ, долго жившихъ въ Іерусалимѣ. Главное любопытство вѣрующихъ при этомъ сосредоточивается на слѣдующихъ предметахъ, поименованныхъ и въ нашемъ описаніи Іерусалима: пупъ земли, адова щель, юдоль плачевная, изъ которой въ день страшнаго суда потечетъ рѣка огненная, другая щель у главы Адамовой, священный огонь и гробъ Господень.

Пупъ земли древніе указывали то въ Вавилонѣ, то въ Аопнахъ и Дельоахъ (Буслаевъ, Очерки, IV. 596); въ средніе вѣка перевели его въ Іерусалимъ, гдѣ его тамъ и видѣлъ въ XII вѣкѣ нашъ Даніиль Паломникъ *). Этотъ пупъ есть ни что иное, какъ каменный столбикъ аршина полтора вышиною; поклонники прикладываются къ нему съ большимъ благоговѣніемъ, особенно же беременныя бабы, которыя ждуть отъ того облегченія въ родахъ. Про адову щель дворянинъ Полозовъ, бывшій въ Іерусалимѣ въ концѣ XVII вѣка, рассказываетъ, что величиною она «какъ можно человѣку бокомъ пролѣзть» **). Въ 1873 году, въ

*) Впрочемъ, пупъ этотъ признается и признавался въ XVII вѣкѣ настоящимъ земнымъ пупомъ только греками, какъ это значится въ обстоятельномъ описаніи Іерусалима, съ подробными планами и фасадами зданий, — изданномъ отцомъ Бернардиномъ въ 1622 г., съ гравюрами знаменитаго Калло. На одной изъ этихъ гравюръ обозначено въ храмѣ мѣсто (№ 32): «dove dicono i Greci esser il mezzo della terra».

**) Дворянинъ Вас. Вас. Полозовъ, въ челобитной къ царю Федору Алексѣевичу, описывая странствованіе свое въ Іерусалимѣ, рассказываетъ, что, приложившись къ гробу Господню, ходилъ онъ «смотрѣти пупа земнаго. А пупъ земной отъ гроба Господня три сажени. Тутъ же и щель Адова; а величиною та щель, какъ человѣку можно бокомъ пролѣзть. А водилъ меня и указывалъ Армянинъ. А оттолѣ ходилъ смотрѣть темницу, гдѣ Господь Богъ сплѣлъ и гдѣ былъ привязанъ; и тутъ учиненъ камень, яко ступа, и гдѣ Господню ризу раздраша. А оттолѣ ходилъ на Галговеу. А Галговеа отъ гроба Господня семьдесятъ ступней. И видѣлъ, гдѣ кровь Господня укапула на главу Адамову, и тутъ щель на полнади. А въ великую субботу сходитъ огонь

бытность мою въ Иерусалимѣ, щель эта была значительно позамазана; но монахи, по прежнему, прикладывали къ ней ухо вѣрующихъ и рассказывали имъ: «что изъ щели слышно де какъ грѣшныя души въ аду мучаются и взываютъ!» Другая щель, подлѣ главы Адамовой, та самая, въ которую ушла потопная вода внутрь земли—еще меньше.

Что касается до священнаго огня, который сходитъ въ великую субботу, то вопросъ о прекращеніи этой церемоніи, представляющей самый грубый обманъ и оканчивающейся постоянно кровавою дракой,—взбуждался неоднократно; не рѣшались же отмѣнить ее собственно изъ боязни, чтобъ христіане-Арабы, особенно уважающіе эту церемонію, «не стали, послѣ такой отмѣны, отщепляться отъ греческой церкви».

Схожденіе св. огня происходило въ 1873 году точно такъ же, какъ описываетъ это дѣйствіе г. Благовѣщенскій въ превосходной и правдивой книгѣ своей: «Среди богомольцевъ». Храмъ былъ биткомъ набитъ народомъ: хоры, особо устроенные подмости, всѣ карнизы, все это было облѣплено поклонниками, — однихъ русскихъ стеклось на это торжество до 1000 человекъ, всей же публики насчитывали до 10.000. «Въ храмѣ нѣтъ ни одного огонька, но у каждого богомольца въ рукахъ наготовѣ пучъ изъ 33-хъ восковыхъ свѣчей или фитилей, въ память 33-хъ лѣтъней жизни Спасителя. Народъ шумитъ и толкается; стража бьетъ кнутами направо и налѣво, и въ этой давкѣ вдругъ Арабы начинаютъ свои священные пляски вокругъ часовни св. гроба, съ хоругвями и крестами. Неистово хлещетъ ихъ

стража, бьютъ ихъ сбитые съ ногъ богомольцы, но подъ градомъ ударовъ, съ дикими воплями, ломаются Арабы по головамъ толпы, опрокидывая встѣчныхъ, и ничто не въ состояніи остановить этихъ плясокъ, безъ которыхъ, по словамъ Арабовъ, св. огонь не сойдетъ на землю. Измученные, избитые, съ пѣною у рта, они тогда только умолкаютъ, когда патріаршій намѣстникъ двинется съ процессією къ часовнѣ. А на дверяхъ часовни лежитъ 7 печатей; подлѣ нея сильная мусульманская стража. Трижды обходитъ намѣстникъ часовню, потомъ приближается къ дверямъ; сламываетъ печати и входитъ внутрь, одинъ съ своимъ послушникомъ, который несетъ за нимъ незажженную лампу и пучъ ваты. На минуту толпа стихаетъ; всѣ ждутъ. . . . И вотъ показывается огонь въ боковыхъ отверстіяхъ часовни, нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли, и съ крикомъ привѣтствуетъ народъ огонь. Всѣ рвутся впередъ, чтобы зажечь свои свѣчи изъ первыхъ рукъ; въ то же мгновеніе ударяютъ въ колокола и била чугунныя. Громъ раздается въ воздухѣ. Огонь быстро разливается по всему храму, на нитяхъ поднимается въ верхніе слои народа; зажигаютъ лампы, свѣчи и паникадила; въ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ массу пламени, — и тутъ-то начинается невиданная картина: Арабы, съ неистовыми криками, снова начинаютъ свои пляски, махая пучками пылающихъ свѣчей. Всѣ приходятъ въ религіозный экстазъ: цѣлуютъ огонь, глотаютъ огонь, жгутъ себя этимъ огнемъ, вѣря, что онъ не жжется, а предохраняетъ отъ болѣзней. Я видѣлъ молодую Арабку: она медленно водила огнемъ по обнаженной груди, и изъ глазъ ея, поднятыхъ къ небу, текли слезы. Видѣлъ, какъ многіе жгли себѣ шею, руки, водили огнемъ вокругъ головы, пока не начинали дымиться волосы. . . . Всѣ обнимались, цѣловались въ плечи, — и потомъ опять пляска, бѣшеная пляска съ факелами, съ криками, пѣнями, кривляньями».

«По народному повѣрью, св. огонь нельзя задувать или заливать, какъ обыкновенный, а надо тушить его объ свое тѣло. Этотъ обрядъ Арабы, и даже нѣкоторые

съ небеси къ гробу Господню всякими разными цвѣтами, за два часа до вечера. А которой камень паваленъ былъ на гробъ Господень, и у того камня спясть три патріарха: Греческой, Фряжской и Армянской». «А отъ того огня Греческой патріархъ засвѣтилъ свѣчу и по брадѣ своей повелъ, и огонь браны его не сжегъ. И то видя страшное чудо, Турекъ ихъ великой дыякъ сталъ христіанинъ». — Таковую же продолжку дѣлалъ патріархъ и передъ Рязанскимъ купцомъ Василиемъ Гагарою, ходившимъ въ Иерусалимъ въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича: Патріархъ три раза напилъ свою бороду, и «не одинъ волосъ не сгорѣлъ»; послѣ чего Гагара просилъ у патріарха прощенія, что прежде тому огню не вѣрилъ, думая, что составляютъ его Греки своимъ умышленіемъ (Русскій Архивъ 1865 г., примѣч. Шугурова, стр. 22).

поклонники, исполняютъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ударяютъ всей мас-сой огня въ лобъ, въ щеку или въ грудь, и такимъ образомъ тушатъ его. Иные даже весь пукъ огня впихиваютъ въ ротъ и проглатываютъ огонь. Многіе выносятъ огонь съ собою по домамъ и зажигаютъ имъ свои лампы и очаги, а наши поклонницы стараются даже довести его до Россіи» (Н. А. Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ, С.-Петербургъ 1872, стр. 288).

Получить на церемонію св. огня безопасное мѣсто, если не имѣешь протекціи,—стоитъ большихъ денегъ; да и каждый шагъ въ этой странѣ стоитъ денегъ, и большихъ денегъ. И, несмотря на это, зданія храма и всѣхъ святынь, благодаря постоянной усобицѣ между представителями христіанскихъ религій, находятся въ крайне безобразномъ, нечистомъ и вонючемъ видѣ; турки трунятъ, да пожалуй и справедливо, что, если съ богомольцами въ храмъ не запереть вооруженную стражу, то къ утру отъ нихъ останутся одни зубы.

Что касается до посѣщеній гроба Господня и прочихъ святынь Іерусалимскихъ, то въ этомъ отношеніи особенною живописностію изъ нихъ отличается шествіе богомольцевъ на Іорданъ, въ громадномъ числѣ, превышающемъ иногда тысячу человекъ, и самое крещеніе ихъ въ полночь, краснорѣчиво описанное г. Благовѣщенскимъ. Затѣмъ богомольцы посѣщаютъ: Масличную гору, Виоелемъ и разные монастыри и ѣздятъ въ Марсабу, т. е. монастырь св. Саввы, выстроенный въ дикой мѣстности, далѣе въ Хевронъ, гдѣ находится библейскій Мамврійскій дубъ, и на Мертвое море, по берегу котораго они собираютъ камешки, исцѣляющіе отъ запоя *). Болѣе усердные богомольцы про-

*) Это путешествіе удобнѣе всего соединяется съ путешествіемъ на Іорданъ; мы сдѣлали его въ такомъ видѣ: въ 1-й день пріѣхали къ полудню въ Виоелемъ, а къ ночи въ Марсабу; на другой день утромъ были на Мертвомъ морѣ; отсюда, выкупавшись въ горько-соленой водѣ, въ которой человекъ плаваетъ, какъ огурецъ въ разсолѣ, къ полудню прибыли на Іорданъ, гдѣ окунались въ святыя воды при ружейныхъ выстрѣлахъ, а къ ночи перебрались, усталые и измученные, въ Іерихонтъ. Здѣсь мы смотрѣли на пляску голыхъ бедуиновъ, которые вертели и махали своими острыми саблями и ножами у насъ надъ головами и перелъ носомъ, а затѣмъ спали на голой землѣ, пестяемые

бираются отсюда далѣе, черезъ Назаретъ, на Оаворъ, Монкармель и Акру.

Въ Іерусалимѣ особеннымъ вниманіемъ странниковъ пользуется еще монастырь св. Георгія, въ которомъ находится чудотворный образъ этого святого *).

Лѣтъ двадцать тому назадъ для русскихъ богомольцевъ построенъ нашимъ правительствомъ обширный пріютъ, въ которомъ они получаютъ помѣщеніе безденежно, и такимъ образомъ избавляются отъ безсовѣстныхъ поборовъ греческаго духовенства; самое путешествіе въ Іерусалимъ на пароходѣ изъ Одессы до Яффы производится—и скоро (12 дней), и необыкновенно дешево (3 руб. съ богомольца 3-го класса). За то и собираются теперь русскіе богомольцы въ Іерусалимъ цѣлыми тысячами **).

Что касается до свѣдѣній, которыя почерпаются нашими богомольцами въ святой землѣ, то, какъ замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ, въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватываетъ длинная цѣпь христіанскихъ преданій изъ апокрифическихъ евангелій, и преимущественно перваго евангелія Іакова Апостола. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ Странники Даниїла и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ: іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коро-

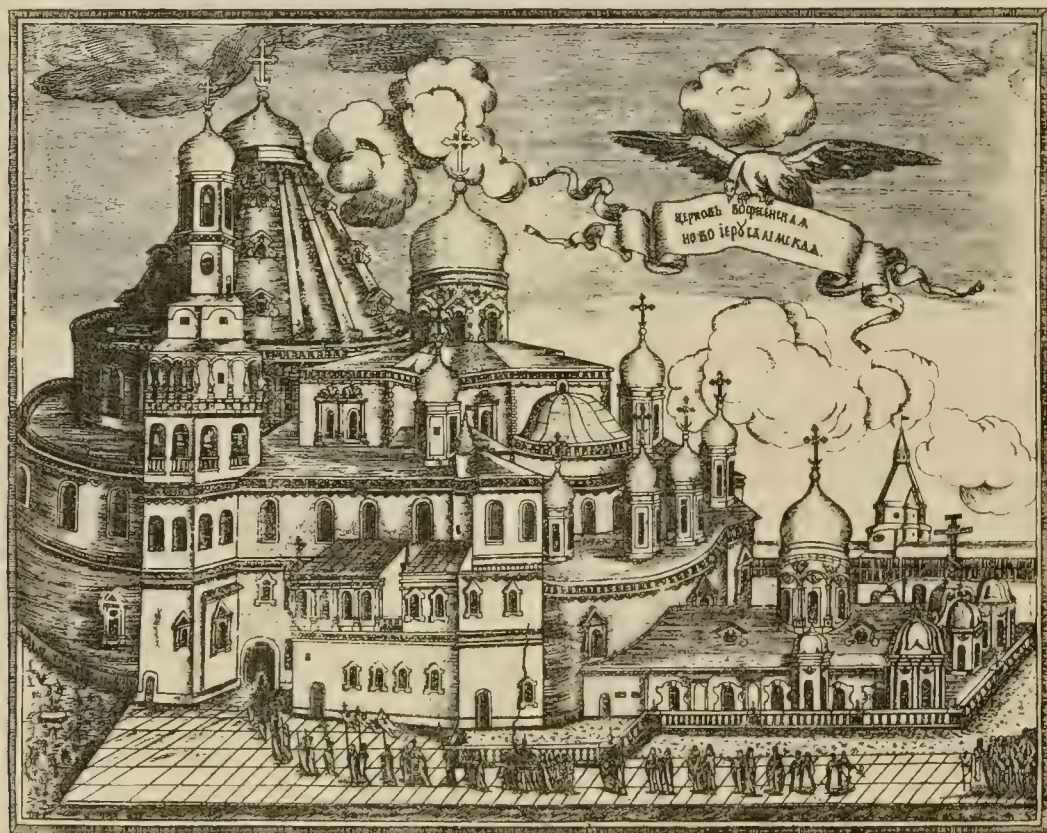
знаменитыми Іерихонскими блохами. На 3-й день мы ѣздили на могилу Моисея, гдѣ въ то время, въ мечети, происходило необыкновенное празднество, при живописномъ стеченіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народа и песнѣннаго члена мусульманскихъ монаховъ, факторовъ и дальняго духовенства. Къ ночи мы добрались до Іерусалима.

*) Чудеса здѣсь до-нельзя папвы и разсчитаны на африканскую простоту нашихъ богомольцевъ. Жертвуете вы, наприкладъ, образу св. великомуч. Георгія (въ монастырѣ его имени) монету; игуменъ беретъ ее въ горсть, читаетъ надъ нею молитву и затѣмъ прикладываетъ къ образу: если монета приставетъ къ образу, т. е. достаточно нагрѣта игуменскимъ дыханіемъ, и прилипаетъ къ олифѣ, которою сильно намазанъ образъ,—то значитъ даръ вашъ угоденъ святому; въ противномъ случаѣ монета падаетъ внизъ, въ лщикъ (что происходитъ обыкновенно съ мѣдными деньгами, которыми, по ихъ тяжести, трудно держаться на олифѣ), и вамъ приходится вынимать новую монету. Это чудо я видѣлъ въ монастырѣ св. Георгія лично, въ 1873 году.

**) Ихъ обязываютъ брать къ путешествію и обратный билетъ (всего въ оба конца за 6 руб.); это распоряженіе сдѣлано съ того времени, какъ въ Іерусалимѣ накопилось значительное количество Оеклушъ (народное названіе богомолокъ), которыхъ наше консульство не знало, на какія средства выпроводить изъ Іерусалима: теперь возвратный билетъ есть,—прокормится Оеклуша въ дорогѣ и милостыней. Такъ было въ 1881 году.

бейникова. Тѣ же апокрифы повторяются и въ стихахъ каликъ перехожихъ, хотя надо замѣтить, что нашими странниками, въ особенности же странницами, овладѣваетъ въ Іерусалимѣ очень скоро полное разочарованіе: они слышали чудесные рассказы о томъ, какъ гробъ Господень виситъ на воздухѣ, а между тѣмъ гроба никакого нѣтъ, а есть одна каменная плита; ожидали видѣть обѣтованную привольную землю, а видятъ одну голую, бесплодную каменистую пустыню,—нигдѣ нѣтъ ни чудесъ, ни великолѣпія, ни брат-

въ Іерусалимѣ нашими царями; Іерусалимская святыня и духовенство издавна пользовались особеннымъ ихъ вниманіемъ,—и если на Западѣ въ XII вѣкѣ вѣрующіе собирались въ крестовые походы для освобожденія Іерусалима, то и у насъ на Руси, почти черезъ пятьсотъ лѣтъ, у Лжедмитрія зарождалась мысль объ освобожденіи Іерусалима (Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс., XI. 139, 126, пр. 113, 377); царь Димитрій, прозванный первымъ самозванцемъ, а за нимъ и Петръ Первый проектировали вывезти

325. Воскресенскій монастырь или Новый Іерусалимъ, построенный Никономъ.

ской любви, ни даже простого обиходнаго порядка. Это не мѣшаетъ имъ, однакоже, по возвращеніи въ отечество, повторять разные апокрифическіе рассказы о чудесахъ и выдавать все слышанное за самолично видѣнное, дѣлая при этомъ совершенно безсмысленныя прибавки, которыя искажаютъ первоначальный смыслъ поэтическихъ апокрифовъ.

Выше говорено было о богатыхъ дарахъ и милостыняхъ, которые посылались

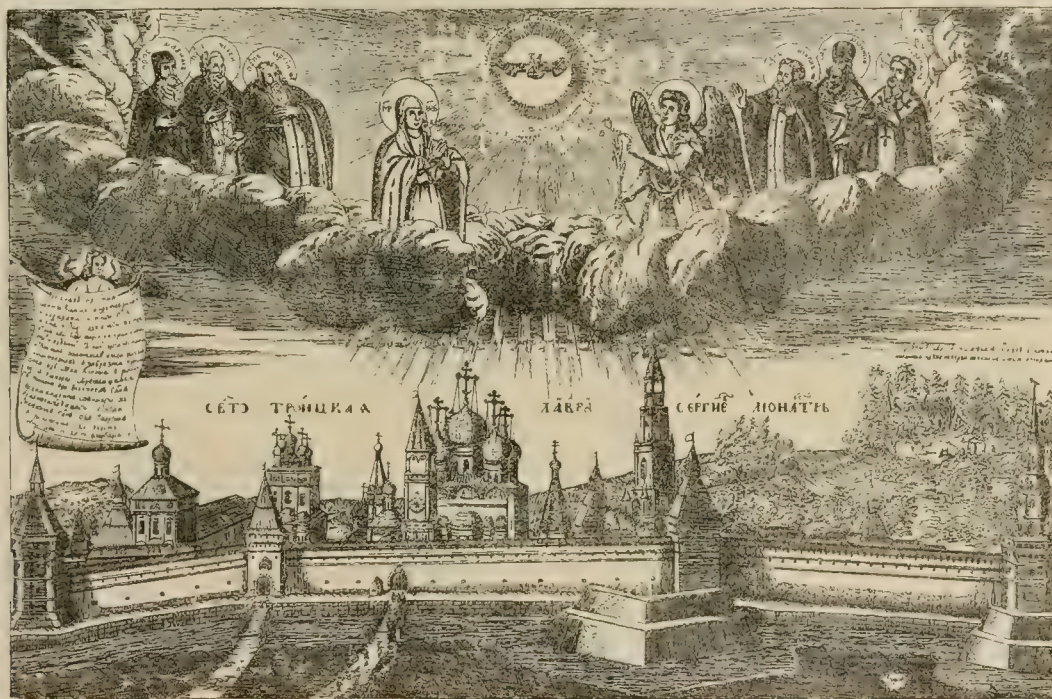
оттуда плиту отъ гроба Господня, а Никонъ патріархъ устроилъ въ 46 верстахъ отъ Москвы, въ Воскресенскомъ монастырѣ, подобіе Іерусалимскаго храма, настолько вѣрное, что, послѣ паденія Іерусалимскаго купола и послѣдней перестройки его, воскресенская Ново-Іерусалимская церковь Никона болѣе напоминаетъ древній Іерусалимъ, чѣмъ обновленный оригиналъ его (см. № 325).

Путешествіе въ Іерусалимъ, совершае-

мое въ настоящее время по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, скоро и удобно, въ прежнее же время сопряжено было съ большими опасностями: не всякій рѣшался перенести ихъ, да и не у всякаго хватало средствъ на долгую и цѣнную дорогу и на утоленіе турецкой жадности греческихъ монаховъ. А странствовать народу необходимо, и при этомъ странствовать съ цѣлью; поэтому съ давняго времени, кромѣ паломничества въ Іерусалимъ, ввелось въ обычай совершать болѣе легкія странствованія—въ свои святыя мѣста: въ Кіевъ—къ пещерскимъ чудотворцамъ, подѣ Москву—въ Троицкую

реннаго обычая своихъ предковъ; вслѣдъ за ними двигались къ Троицѣ и громаднаыя массы богомольцевъ, приходившія поклониться преподобному Сергію, а также и многочисленнымъ Московскимъ святынямъ.

Странствованіе къ Кіевскимъ святынямъ производилось тоже съ глубокой древности: народъ особенно уважаетъ Кіевскія пещерныя церкви, съ ихъ длинными коридорами, уставленными съ обѣихъ сторонъ страшно изуродованными нищими и слѣпыми калѣками, выпѣвающими лавра, — а также и Кіевскія пещеры, съ ихъ схимниками и отшельниками и лаби-

326. Троице-Сергiевская лавра подѣ Москвою.

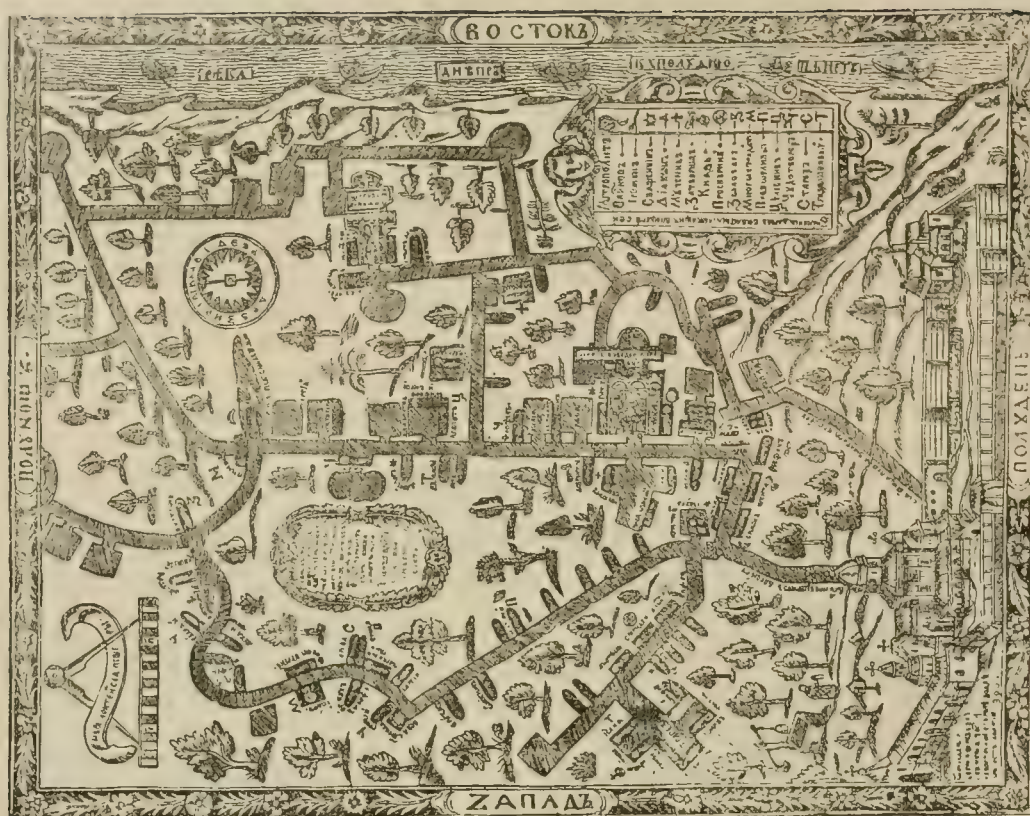
Сергіеву Лавру, и въ знаменитые Соловки—на Бѣлое море.

Первое мѣсто, по числу богомольцевъ, занимаетъ Троицко-Сергiевская Лавра, устроенная преподобнымъ Сергіемъ (№ 326). Туда ходилъ на благословеніе кн. Дмитрій Ивановичъ Донской передъ битвой съ Мамаемъ, какъ это значитъ и на нашей картинкѣ; въ XVII вѣкѣ наши цари считали за долгъ дѣлать походъ къ Троицѣ почти ежегодно; даже наши царицы XVIII вѣка, и тѣ дѣлали неоднократно такіе походы, не рѣшаясь отступить отъ ко-

ринтомъ темныхъ и тѣсныхъ переходовъ, загроможденныхъ гробницами и наводящихъ на простаго человѣка чувство религіознаго страха*) (см. № 327—328).

Что касается до Соловецкихъ богомольцевъ, то онѣ составляютъ совершенно отдѣльный типъ отъ прочихъ богомольцевъ: это, по большей части, поморы, прибрежные жители Бѣлаго моря, изъ

*) Не разъ отвлекало правительство массы поклонниковъ въ Ростовъ, Воронежъ и Задонскъ; по новымъ мѣстамъ не могли замѣнить древней исторической святыни и измѣнить паторешные народными воспоминаніями паломническіе пути.

326—327. Киевскія пещеры; гравирована монахомъ Ильей въ 1661 году.

Олонецкой и Архангельской губерній. Каждый годъ, въ июнь—июль мѣсяцахъ, совершаютъ они свое странствованіе черезъ дремучіе лѣса, озера и порожистыя рѣчки, отъ Повѣнца на Сумы и Кемь, или же, другимъ путемъ, на Онегу. Изъ Онеги и Сумъ они переправляются въ Соловки по морю на поморскихъ судахъ; многіе дѣлаютъ этотъ переѣздъ и изъ

329. Заголовокъ изъ «Богородичнаго канона», раб. Аѳанасія К. 1677 г.

Кеми, на простыхъ гребныхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками. Этотъ, не всегда безопасный путь, напоминающій до нѣкоторой степени древнее Іерусалимское паломничество, представляетъ еще до сихъ поръ много прелести для русскаго богомольца, хотя въ послѣднее время, съ устройствомъ прямого пароходства изъ Архангельска въ Соловки, ватаги Сумскихъ и Онежскихъ богомольцевъ годъ отъ году уменьшаются и большинство богомольцевъ направляется въ Соловки прямо изъ Архангельска. Петербургскія святыни: Валаамскій монастырь и Коневецъ, въ послѣднее время, стали тоже отвлекать не малое число богомольцевъ.

Въ народныхъ картинкахъ всѣ эти хожденія на святые мѣста русскія оставили слѣды свои въ многочисленныхъ

320. Заголовокъ, раб. Киевскаго монаха Иринея, XVIII в.

331. Преподобные Зосима и Савватій съ видомъ Соловецкаго монастыря.

видахъ монастырей *) и мелкихъ картинокъ съ духовными сюжетами **), которыя продавались богомольцамъ вмѣстѣ съ образками, деревяннымъ масломъ изъ надгробныхъ лампадъ и другими святынями,

тароватому купечеству, съ такими напри-
мѣръ надписями: «не благоугодно ли что
либо пожертвовать на украшеніе обите-
ли»,—или: «Господи! Источи изъ очей
моихъ неизсякаемый источникъ слезъ о

332. Сербскіе святые и сербская Успенская Студийская лавра, гравюра русской работы XVIII вѣка.

служившими воспоминаніемъ о долгомъ странствованіи.

Виды монастырей служили въ то же время и рекламами для сбора на монастырское строеніе и посылались въ подарокъ отъ архимандрита или строителя

моемъ окаянствѣ!... да искуплю добромъ грѣхъ мой! 5 рублефъ—грацкая голова и первопъ... (заперто) перва гилди куп. Немрофъ* (находится въ моемъ собраніи) *).

*) Изъ числа такихъ видовъ любопытны виды: Болгарской Терпловской обители, Сербской Успенской Студийской лавры (№ 332), общежительнаго монастыря Шва, въ Герцеговинѣ, и Почаевской Лавры.

**) Къ числу такихъ картинокъ принадлежатъ цѣлая тетрадка съ Кіево-Печерскими преподобными (См. 329—330).

*) Многіе виды монастырей, дѣланные съ этою же цѣлю, помѣщены на изображеніяхъ разныхъ святыхъ. напримѣръ: видъ Александро-Невскаго монастыря—на изображеніи св. Александра Невскаго, Соловецкой обители—на иконѣ св. Зосима и Савватія (№ 331). Такия же изображенія монастырей помѣщены на иконахъ Ѳеодосія Тотемскаго, Нила Столбенскаго, Сергія Радонежскаго, св. Германа и Филиппа, Аѳанасія Афонскаго и т. д.

XIV.

Картинки, изданныя по распоряженію правительства. Убійство Жуковыхъ въ 1754 году. Всенародное покаяніе Жуковыхъ.— Указъ о пыткѣ въ 1767 году и опасеніи тогдашнихъ кнутофиловъ. Указъ о томъ же 1801 года. Кнутъ, плети и шипсрутены. Двѣнадцать тысячъ безъ медика. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній.— Наши темницы и тюрьмы. Пугачевская клѣтка. Говардъ. Клоновники и Аскольдова Могила. Тюремное томленіе. Непрактичность тюрьмы въ лѣтніцѣ русскихъ наказаній.— Оспа. Димсдаль, прививающій оспу Екатеринѣ II и Павлу Петровичу. Празднество по этому случаю и чрезмѣрныя награды Димсдалю. Ивокулаторъ Димсдаль устраиваетъ на русскія деньги торговую контору. Коровья оспа. Указы по этой части нашего правительства и народныя картинки, выщущенныя по его распоряженію.

Правительство наше рѣдко пользовалось народной картинкой для объясненія народу своихъ дѣйствій и намѣреній или для подготовленія его къ какимъ либо преобразованіямъ; объяснить такое странное обстоятельство можно развѣ тѣмъ крайнимъ презрѣніемъ, которое питало къ народу и къ обществу высшее чиновничество: «чего ихъ спрашивать, — прикажутъ, такъ и сдѣлаютъ, а не то и заставятъ сдѣлать, а то станешь заранѣе спрашивать, такъ, пожалуй, заберутъ себѣ въ голову, что безъ нихъ и дѣло не обойдется». «Вы чего себѣ притащились?» — кричалъ министръ полиціи Балашевъ на дворянскую депутацію, которая, въ минуту народнаго бѣдствія, пріѣхала въ Петербургъ, «положить къ стопамъ Государя свои животы» и все прочее, по случаю нашествія Наполеона, — «кто это вамъ позволилъ, господа?»

Картинокъ, изданныхъ правительствомъ въ назиданіе народа, насчитывается всего одиннадцать. Первая изъ нихъ — «раскольникъ и цирульникъ», неудачно составленная въ посмѣяніе раскольниковъ, нехотѣвшихъ брить бороды, и «просьба монаховъ Калязинскаго монастыря», изданная для осмѣянія монашества, по приказанію Ека-

терины II, съ тѣмъ, чтобы подготовить народъ къ задуманному ею отобранію церковныхъ имуществъ, — отнесены къ разряду сатирическихъ листовъ и описаны въ XII главѣ; здѣсь остается упомянуть о девяти остальныхъ картинкахъ. Изъ числа ихъ, одна представляетъ обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ и составлена по приказанію Екатерины II, а восемь другихъ, представляющихъ ужасы наносной оспы, были назначены для распространенія въ крестьянской средѣ въ царствованіе императора Александра Павловича.

Убійство Жуковыхъ, старухи матери и 14-ти лѣтней ея дочери, совершено въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1754 г. у большого Вознесенья, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Мещериновой. Главными дѣйствующими лицами въ этомъ преступленіи оказались: каптенармусъ Преображенскаго полка Алексѣй Жуковъ, жена его Варвара и мать этой послѣдней, поручица Наталья Полтева. По ихъ подговору, дворовыя дѣвки старухи Жуковой, Катерина и Авдотья, впустили въ спальную своей барыни дворника, калмыка Александра, и крѣпостного лакея Полтевой, Михайлу Григорьева, которые и задумали

шили Жукову и дочь ея, при чемъ дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Затѣмъ преступники, набравъ себѣ разныхъ вещей, вынули изъ подъ кровати сундучекъ съ деньгами, главную цѣль убійства, и принесли его молодымъ Жуковымъ. Въ сундучкѣ оказалось 563 руб. 20 коп.

Обѣ дѣвки были разысканы вскорѣ послѣ совершения убійства, и на первомъ же допросѣ во всемъ сознались; съ пытокъ

пѣмъ ихъ прежде того всенародному покаянiю.

Это то всенародное покаянiе и изображено на нашей картинкѣ (№ 333). Преступники, мужъ и жена, одѣтые въ посконныя свиты, сопровождаемые стражею и народомъ, проходятъ мимо Ивана Великаго,—они несутъ зажженные восковыя свѣчи; босыя ноги ихъ закованы въ кандалы, лицо Жуковой закрыто спущенными внизъ волосами; при каждомъ изъ нихъ по священнику. Въ текстѣ картинки пропечатано высочайшее повелѣнiе, какимъ порядкомъ водить Жуковыхъ на всенародное покаянiе, по четыремъ церквамъ, и въ какiе (4) дни. Въ каждой изъ назначенныхъ церквей Жуковыхъ приводили на паперть, потомъ читался манифестъ; преступники становились на колѣна, читали особо на этотъ случай сочиненную молитву, и обязаны были обращаться ко всѣмъ со словами покаянiя (тоже по формѣ). Сочинена была также особая ектенiя для дьякона и особая проповѣдь, которую говорилъ протопопъ Николы Гостунскаго Постниковъ (сочинялъ ее митрополитъ Платонъ). По всему видно, что Екатерина съ особенною любовью занималась всѣми подробностями этого дѣла, тѣмъ болѣе, что оно доставило ей возможность высказать новыя взгляды свои на преступленiе и наказанiе. Въ то время для нея была составлена слѣдующая справка подъ названiемъ:

«Обрядъ како обвиненный пытается».

«Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особое мѣсто, называемое застѣнокъ; огороженъ

палисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь, и для записки пыточныхъ речей подьячей; і въ силу указа 1742-го года велено, записавъ пыточные речи, крѣпить судьямъ, не выходя изъ застенка.

«Въ застенке-жъ для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны въ землю, а третьей сверху, поперегъ. І когда пазначено бутеть для пытки время, то катъ или палачъ явиться долженъ въ застенокъ с своими инструмен-

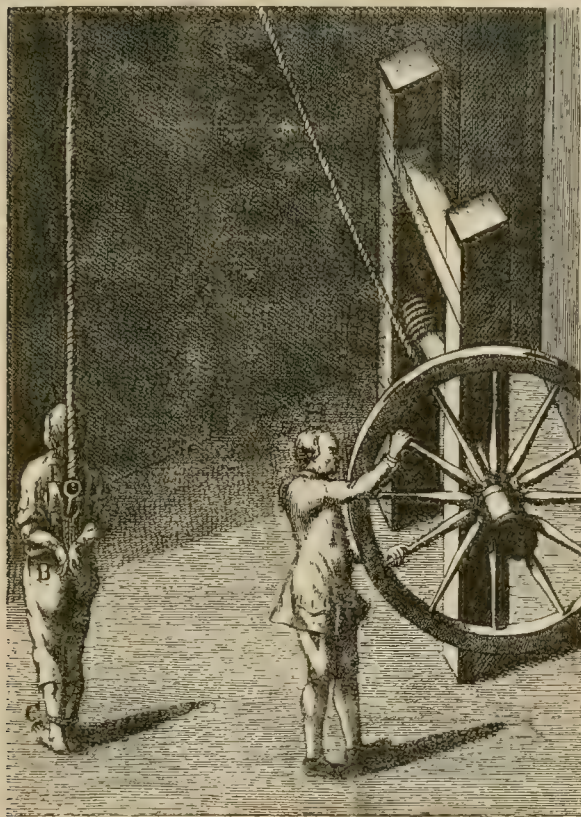

333. Всенародное покаянiе убійцъ Жуковыхъ.

появились и прочiе виновные,—всѣ они были приговорены къ смертной казни, за исключенiемъ тѣхъ, которые померли вслѣдъ за пыткой. Докладъ по дѣлу былъ представленъ 25 октября 1754 года на утверждениe Императрицы,—но дѣло оставалось безъ движенiя до 1766 года, и только въ томъ году вышелъ многогѣлчiвый манифестъ Екатерины II, осуждавшiй Жуковыхъ на двадцатилѣтнее заточенiе: Алексѣя въ Соловецкiй монастырь, а жену его Варвару — въ Долматскiй, съ преда-

тами, а оные есть: хомутъ шестяной, хоторому пришита веревка долгая; кнутъ и ремень, которымъ пытаемому ноги связываютъ.

«По приходе судей въ застенки і по разсужденіи, въ чемъ подлежащаго к пыткамъ

334. Картинка изъ кодекса Маріи Терезіи: палачъ, заворотивъ руки подсудимаго назадъ, и вложивъ ихъ въ хомутъ, готовится, посредствомъ колеса, поднимать пытаемаго вверхъ.

спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пыткамъ, руки назадъ заворотитъ, і положи ихъ вхомутъ (№ 334), чрезъ приставленныхъ для того людей втягиаетъ, дабы пытанной на земле не стоялъ,—у котораго руки и выворотитъ со всемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і растянувши симъ образомъ бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станетъ.

«Естьли-жъ ісподлежащихъ к пыткамъ такой случитца, которой изобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е Тиски здѣланныя изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами (№ 337—339), в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножные два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е Наложу на голову веревку і просунавъ кляпъ *) і вертятъ такъ, что оный

Der Knecht Meister
Maître de la torture.

von Martin Schwaner, Aug. 1802

Ein Knecht befohnt die Knecht
im Russen als tortur.

von Martin Schwaner, Aug. 1802

335—336. У пытаннаго на висѣхъ руки выворотило совсѣмъ назадъ и онъ на нихъ виситъ; палачъ связываетъ ему ремнемъ ноги, просовываетъ между ними бревно и, ставъ на оное, «для большей боли», бьетъ пытаемаго кнутомъ.

изумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, отъ чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е При пыткахъ, во время

*) Кляпъ кромѣ того вкладывали въ ротъ подсудимому, чтобы не позволить ему говорить съ народомъ, когда везли его на казнь; отсюда угрозная поговорка: «кляпъ тебѣ въ ротъ»,—которая только въ новѣйшее время получила какое то, не принадлежащее ей, срамное значеніе. Особенно характеристичны еще пыточные пословицы: «изъ три погибели согнуть», и «въ утку свернуть».—человѣку привязывали голову къ ногамъ, просовывали шею и вертѣли (надъ огнемъ), подтягивъ голову къ самымъ пяткамъ (Снегиревъ, Русск. въ послов. III. 181); при чемъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ стибался «въ три погибели». Другая пословица: «выпытать всю подноготную», напоминаетъ о забиваніи ногтей деревянныхъ спицъ (Карамз., II. Рос. Рос. VII. 204).

таково-жъ запираательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно и на оное палачъ становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть сво, дабы болѣе істязанія чувствовалъ (№ 335—336). Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытаннаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

«Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытанной во второй іли на третьей пытке рѣчи перемѣнить, то еще трижды пытается. И если переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ

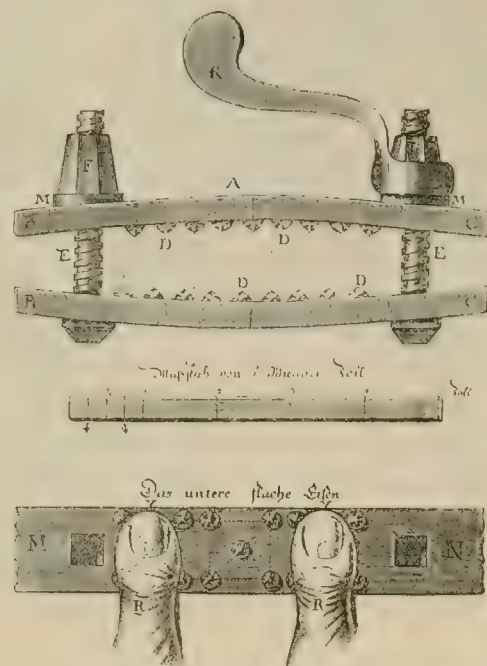

337—389. Тиски, въ которыя зажимаются пальцы пытаемаго «до тѣхъ поръ, пока не можно больше жать перстовъ и впшть не будетъ дѣйствовать». Рисунокъ изъ кодекса М. Терезіи.

поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкомъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли вчемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачъ отвязавъ привязанныя ноги отъ столба, висячего на дыбѣ растянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ водить по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго (№ 331).

Когда пытки окончатся, і пыганой подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырезаются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ

смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезаются. І сверхъ того особливими присланными штемпелями на лбу и на щекахъ кладутся знаки (вор); въ техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острия спицы словами, і ими палачъ бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і отъ того слова видимы бываютъ» (Русская Старина 1873 года, Іюль, 58).

Такой же порядокъ выпытыванія собственного сознанія существовалъ во всей средней Европѣ во время слѣдственнаго процесса; только тамъ онъ былъ установленъ съ большею важностію и съ большимъ стараніемъ оградить обвиняемаго отъ произвола судьи. Въ Австрійскомъ кодексѣ императрицы Маріи Терезіи съ нѣмецкою пунктуальностію и мельчайшими подробностями преподаны правила, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ пытать заподозрѣннаго; множество рисунковъ изображаютъ обряды самой пытки. Представленъ, напримѣръ, человекъ поднятый «посредствомъ особаго механизма на дыбу», съ вывернутыми руками, съ подвѣшенными къ ногамъ чугунными гирями; предста-

влять и испанскій сапогъ, утыканный тупыми желѣзными шипами внутри, который надѣвался на ногу заподозрѣннаго и завинчивался ключемъ. На особой картинкѣ изображено, какъ забинтовываютъ руки тонкой бичевкой, стягивая логги вмѣстѣ; какъ защемяютъ пальцы тисками (изъ нихъ нѣкоторые приведены здѣсь подлѣ № 337—339), и, наконецъ, какъ жгутъ заподозрѣннаго огнемъ: для этого палачъ растягивалъ его на лѣстницѣ, бралъ пучекъ свѣчъ, зажигалъ ихъ и жегъ ему бока повыше пояса (у насъ должность свѣчъ исправляли простые вѣники).

Но, кромѣ указанныхъ въ уставѣ пытокъ, судьи не задумались дѣлать къ нимъ и свои собственныя прибавки и дополненія.

До какихъ предѣловъ разыгрывалась при этомъ дьявольская изобрѣтательность западныхъ судей, видно изъ счета, поданнаго палачемъ по дѣлу объ одной колдуньѣ. Во время допроса, пишетъ онъ, 14 разъ подымалъ на дыбу; 2 раза надѣвалъ испанскій сапогъ; 4 раза поролъ шпичрутенами; 4 раза каталъ на шпигованой кровати; 2 раза жегъ сѣрой, смолой и спиртомъ, — всего 26 вопросовъ, по 20 крейцеровъ за вопросъ, слѣдуетъ 8 флор. 40 крейц. Да во время казни билъ шпичрутенами, рвалъ мясо калеными щипцами, вспрыскивалъ растопленной смолой, и сѣрой (Schmerzen Tropfen); вымазалъ всю смолой и спиртомъ и сжегъ. За все уплачено ему съ помощниками 20 флориновъ. И все это продѣлано было надъ колдуньей, обвинявшейся въ несуществующемъ преступленіи! Сколько холодной злобы надобно предположить въ судьяхъ, прописывавшихъ такіе рецепты, а судьи эти были подѣ часть люди ученые,—какъ, напримеръ, Саксонскій королевскій совѣтникъ Карпцовъ въ Лейпцигѣ, «знаменитый правовѣдъ», который въ продолженіе

13 лѣтъ, въ маленькой своей провинціи, подписалъ 20.000 смертныхъ приговоровъ, и все по большей части за колдовство.

Замѣчательно, сколько злобнаго юмора въ самыхъ названіяхъ пыточныхъ инструментовъ, встрѣчающихся не въ народной рѣчи, а въ официальныхъ актахъ: Нюрнбергская дѣвица, шпигованный заяцъ, польскій козелъ, испанскіе сапожки, дѣтская колыбелька, шпигованная кровать, и т. д. Такая же злая насмѣшка проглядываетъ и въ самой пыточной инструкціи: отдавая обвиняемого

340. Рисунокъ изъ Терезіаны: палачъ подпалпваетъ подсудимому бока цѣлыми пучками салныхъ свѣчъ.

въ безотчетное распоряженіе судьи, который могъ запытать его,—если бы ему это вздумалось, — на смерть, вмѣстѣ съ тѣмъ инструкция эта іезуитски рекомендуетъ, чтобы пытку произвести надъ пациентомъ рано утромъ, на тощій желудокъ, чтобы не повредить его здоровью. У насъ такое звѣрское шутовство рѣдко встрѣчает-

ся; рѣдко случаются и такіе смотрители, которые, какъ у Достоевскаго, въ Мертвомъ домѣ, сироту-арестанта—розгами засѣкали.

Но еще изобрѣтательнѣе въ дѣлѣ пытки были духовныя особы и впереди всѣхъ Члены великой Инквизиціи, которые жгли и рѣзали народъ цѣлыми тысячами, и все это продѣлывали съ нахальнымъ смиреніемъ, во имя Милосерднаго Бога и въ огражденіе чистоты своей іезуитской вѣры.

Большинство иностранныхъ пытокъ повторены и у насъ, хотя и въ болѣе упрощенной формѣ.

При Петрѣ, въ дѣлѣ царевича Алексѣя, упоминается какой-то медвѣдевъ ящикъ со инструментами, которые привозились въ застѣнокъ для пытокъ. Преданіе говоритъ, что въ немъ была желѣзная лапа, которою царапали человѣка по брюху, да мѣховая шапка съ желѣзными спицами, въ видѣ медвѣжьей головы. Коллекція пыточныхъ инструментовъ въ то время находилась въ приказѣ, что у церкви Петра и Павла, отчего и взялась поговорка «живетъ правда у Петра и Павла».

Для личнаго врага своего, Глѣбова, Петръ придумалъ подушку съ гвоздями, на которой тотъ трое сутокъ мучился, а затѣмъ былъ посаженъ на колѣ*). Вообще же говоря, хотя наши пытки были проще противъ чужеземныхъ, но за то и жесточе: запытать человѣка на допросѣ ничего не значило; по дѣлу Жуковыхъ большая часть подсудимыхъ перемерли на другой день послѣ пытки. Отъ судей при этомъ не требовалось даже простого канцелярскаго объясненія.

Официально пытки уничтожены манифестомъ императора Петра III, закрывшаго Тайную уголовныхъ дѣлъ канцелярію; на дѣлѣ же онѣ оставались по прежнему: и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ убійствахъ, пытали всѣхъ, даже малолѣтнихъ*).

*) Глѣбовъ получилъ 34 удара кнутомъ, былъ пытанъ горячими угольями и раскаленнымъ желѣзомъ; на колѣ Глѣбовъ оставался живымъ цѣлыя сутки, послѣ чего отрубили ему голову. Черезъ три года Петръ опять вспомнилъ о Глѣбовѣ и приказалъ Синоду предать его «анаемствованію», въ пещеру православія.

**) Въ 1739 году шесть разъ пытали и жгли огнемъ малолѣтнюю дѣвочку, подозрѣвавшуюся въ поджогѣ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не сгорѣло. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что пытать ее, за малолѣтствомъ, не слѣдовало; но затѣмъ рѣшеніе свое все таки основалъ на признаніи дѣвочки, данномъ съ пытки.

Въ 1767 году, подписанъ секретный указъ губернаторамъ впредь подсудимыхъ по дѣламъ не пытать. Тогдашніе кнутафилы, рассказываетъ Сиверсъ, сенаторы и министры, были очень недовольны этимъ распоряженіемъ и громко жаловались: «что-де теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели, не будетъ безопасности отъ злодѣевъ!»

Несмотря на этотъ указъ, пытки и такъ называемые допросы съ пристрастіемъ были все таки въ ходу въ нашей уголовной практикѣ и при самой Екатеринѣ, и при Павлѣ I, и при Александрѣ Благословенномъ, несмотря на его краснорѣчивый указъ 27 сентября 1801 года, которымъ повелѣвалось: «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» *). Пытки продолжались и послѣ Александра, въ крѣпостномъ мірѣ—помѣщикамъ, которые безнаказанно пытали людей своихъ и дѣвокъ, надѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки отъ 2-хъ до 15 фунтовъ и болѣе; заключали ихъ въ кандалы, приковывая тяжелыми желѣзными цѣпями къ стѣнѣ и колодамъ, и засѣкали ихъ плетью и розгами **).

*) До такихъ трескучихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина; всѣмъ извѣстны слова ея: «лучше есть 10 виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить». Замѣчательно, что въ первый разъ эта уголовная прибаутка была сказана Петромъ I (въ воцѣскомъ уставѣ 1716 года: Полн. Собран. Закон., № 3006; см. Заруднаго, Печкарій, С.-Петербургъ—1879, стр. 174. № 921), который никогда не задумывался запытать десять виновныхъ, если у него было малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что въ числѣ ихъ могъ находиться одинъ виновный. Въ наше гуманное время эти мпlostивныя слова, отъ частаго употребленія ихъ, значительно поистерлись, и не мѣшаютъ повѣйшимъ уголовнымъ судьямъ смотрѣть на преступника, даже на самаго обиходнаго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, забывая при этомъ, какъ легко, при необычайной щепетильности нашего уложенія, попасть въ разрядъ подсудимыхъ.

**) Кормленіе соленымъ сѣлѣдемъ «не въ видѣ пытки» составляло самый обыкновенный приемъ нашихъ полицейскихъ слѣдователей, а въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ частныхъ приставовъ даже судился за то, что, выворотивъ руки одному заподозрѣнному въ грабежѣ, связалъ ихъ бичевкою и вѣшалъ на перекосякъ (та же виска), отчего этотъ послѣдній потерялъ рукъ. Такое долгое гражданство пытки въ дѣлѣ уголовного обвиненія составляло неминуемую принадлежность слѣдственнаго процесса, при которомъ «лучшимъ доказательствомъ въ мірѣ» считалось собственное признаніе, и слѣдователю нечего было разыскивать улики и доказательства, а приходилось вести слѣдствія, сидя на мѣстѣ, въ застѣнкѣ,—пытать,

Кромѣ пытокъ, которымъ подвергались обвиняемые при слѣдствіи, — у насъ, долгое время, существовали еще жестокия тѣлесныя наказанія въ видѣ кнута и шпицрутеновъ, которыя представляли не только добавочную пытку уже при исполненіи судебного приговора, но во многихъ случаяхъ имѣли значеніе такъ называемой квалифицированной смертной казни *). Еще кнутъ мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а въ послѣдствіи и вовсе разбѣненъ на плети (), которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвошены, и наконецъ, со спины спущены на болѣе мягкія части. Для публичнаго наказанія плетью и кнутомъ были врыты на площадяхъ тяжелыя колоды (козла), около аршина вышины, клиномъ кверху: наказываемаго ставили на колѣни и привязывали за руки къ ввинченному внизу колоды (на другой сторонѣ ея) кольцу. Такія колоды существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка: одна изъ нихъ представлена на рисункѣ въ «Казняхъ» Гейслера (Chatiment, Leipzig 17). Это называлось пороть на козлѣ. Въ прежнее время козла зачастую замѣняли живымъ человѣкомъ, какъ это изображено на картинкѣ № 341; любопытно, что эту картинку аббатъ Шаппъ скопировалъ у себя въ «Путешествіи въ Сибирь» и окрестилъ ее въ «Казнь Лопухиной», которая, впрочемъ, тоже была наказана на такомъ же живомъ козлѣ.

Впослѣдствіи, когда дѣло Уголовнаго производства стало принимать болѣе формальный видъ (упорядочиваться), козель былъ замѣненъ подвижною кобылою, — широкой доской, къ которой притягивали преступника за ноги, за руки и за шею ремнями, а затѣмъ палачъ положивалъ его кнутомъ или билъ плетью.

подымать на дыбу, бить кнутомъ, жечь огнемъ и опять бить, до тѣхъ поръ, пока заподозрѣнный сознается въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ.

*) Это точно такъ, какъ въ Китаѣ: въ Кантонѣ, напримѣръ, судья-магистръ съ двумя шарками съ торжественной улыбкой объявилъ мнѣ, что у нихъ давно уже никого не приговаривали къ смертной казни; да и къ чему было приговаривать къ ней, когда виновну обвиняемыхъ запытывали на смерть во время суда, а другую сажали на три года въ такую тюрьму, въ которой въ теченіе двухъ лѣтъ непремѣнно слѣдовало потерять сперва здоровье, а потомъ и жизнь.

Отсюда произошла и народная пословица: «ты, братъ, видно, кобылу пиналъ». Такое выраженіе было употреблено Пушкинымъ въ его «Борисѣ Годуновѣ», и было вычеркнуто Николаемъ Павловичемъ, такъ какъ онъ принялъ ее въ другомъ смыслѣ.

При наказаніи розгами и плетью въ видѣ исправительной мѣры, — наказываемаго, растянувъ на землѣ, привязывали за руки къ длинной жерди; одинъ сѣкуторъ держалъ его за ноги, а двое другихъ пороли въ двѣ плети. Въ частныхъ домахъ, для болѣе удобнаго производства такой порки, были ввинчены въ полу же — мѣдныя кольца, къ которымъ и привязывали пациента за руки и за ноги, сперва для пристрастія, а потомъ и для порки взаимно.

А шпицрутены, — это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, въ самомъ дѣлѣ «стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», — шпицрутены не только оставались и послѣ человѣчнаго указа 1801 года, но еще прославились за это благословенное время изобрѣтеніемъ новой Аракчеевской манеры битья, такъ и названной по имени знаменитаго государственнаго дѣятеля того времени. Съ этой манерой «проводка сквозь строй, въ гарнизонѣ», свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору: въ Москвѣ, напримѣръ, въ пятидесятыхъ годахъ «гарнизонные» гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію); ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третьи сутки. А что сказать о шпицрутенахъ «сквозь тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика»? — надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстроивается ты-

340.Козла зачастую замѣняли живой человѣкъ.

сяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ — шпичрутенъ; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и покачивается въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженного до пояса и привязанного за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы каждый шпичрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровавыя брызги... «Братцы, пощадите!»... прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить — значитъ самому тутъ же быть пороту, ... и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями, — и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпичрутеновъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалить, да трещать зловѣщіе барабаны *)

*) Послѣдствія наказанія шпичрутепами и другихъ тѣлесныхъ наказаній превосходно описаны Достоевскимъ въ его Мертвомъ домѣ. Удары кнута, независимо отъ страшнаго сотрясенія сердца и всѣхъ внутреннихъ, пересѣкали подреберныя мышцы и вели къ медленной чахоткѣ. Наказаніе плетью возбуждало кожу и мясо на спину и дѣйствовало въ родѣ обжога: старая кожа сходила почти на чистое. Для слабыхъ натуръ и это наказаніе грозило тоже чахоткою. Наказаніе розгами, при безчеловѣчныхъ исполнителяхъ и продолжительномъ сѣченіи, представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе жестокое наказаніе, нежели самое наказаніе плетью: съ пѣкоторою пастойчивостію и умѣньемъ не трудно засѣчь и до смерти. Въ доброе старое время «сѣкуціи» производились въ Частныхъ домахъ по утрамъ: части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славилась своими исполнителями; пороли

съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпичрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія», — сознавайся, не сознавайся, а если виноватъ передъ обществомъ, обвиненъ все-таки будешь, — а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпичрутены, несмотря на то, что кнутафилы, 1863 года точно также, какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню: «что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели, не будетъ безопасности отъ злодѣевъ», — и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпичрутеновъ рушится *); «все смятошася и воотще прорѣкоша!» — Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постелѣ, спать даже стали больше и крѣпче прежняго **);

всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею, за то, что не накормилъ во время барыни собаку, — всыпать сотню, и расфранченной барышней камердипершѣ, за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки, — и той всыпать сотню, — барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ, — прислаивъ поучить, значитъ и виноватъ, пу и дери кожу. Хорошее было время: стоишь и крики стояли въ воздухѣ кругомъ, часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, — да не одна, а цѣлые десятки.

*) Одинъ маститый Московскій архипастырь сталъ грудью за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, подкрѣпляя мнѣніе свое текстами изъ священнаго писанія на манеръ авторовъ Пчелы: «ты побѣдился его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти» (Притч. XXIII. 14); доказывалъ, что Моисей установилъ виновному наказаніе: «числомъ чотырнадцать ранъ», и даже привелъ невѣрную справку о томъ, что англійское правительство не рѣшилось отмѣнить тѣлесное наказаніе въ военномъ званіи: «ибо безъ сего трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ воинскихъ чинахъ» (Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ, стр. 37).

**) Такіе консерваторы, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, — извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра. «Всякому свой вѣкъ не правенъ», говоритъ о нихъ св. Димитрій Ростовскій, повторяя впрочемъ слова Авзонія, — «мимомеднѣи лѣта ублажаемъ» (Сочинен. его, Москва 1805, I. 4).

дисциплина тоже не пострадала *). Кнутъ и шпичрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебного міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ; и самое названіе пытки, «стыдъ и укоризну челоуѣчеству наносящее», на этотъ разъ, должно было, на самомъ дѣлѣ, навсегда изгладиться изъ русскаго обихода.

И не забудетъ народъ этого кроваваго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя. Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ небитое стало.

Но все это относится только до тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, а въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ по прежнему. Впрочемъ не далеко то время, когда, съ уничтоженіемъ личной подати съ татарской круговой порукой, перестанутъ дѣйствовать и административныя розги; а то куріозно смотрѣть, какъ на судѣ какойнибудь «аблакатъ» изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему «кліенту» мѣсяць-другой ареста. А за стѣнами же суда распорядительный становой тому же кліенту, за податную недоимку, ни по чемъ сотни три соленыхъ розогъ всыпнуть, — только не самъ, а «по приговору общества или волостныхъ судей», которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ. Такія сѣкуціи солеными розгами производились даже очень недавно.

Помѣщенная на стр. 65—66 подъ № 87 картинка, скопирована изъ путешествія Олеарія; она представляетъ Красную площадь, передъ Спасскими воротами.

Тамъ производятся разныя казни: на первомъ планѣ, слѣва, палачъ бьетъ виноватаго кнутомъ «на живомъ козлѣ»; справа два пристава бьютъ батогами должника; позади ихъ представлено наказаніе плетъ-

ми; всрединѣ палачъ поднимаетъ преступника на дыбу, а полѣвѣе происходитъ правезъ.

Смертная казнь въ Москвѣ производилась на болотѣ, въ другихъ мѣстахъ на площадяхъ, всегда публично. По уложенію царя Алексѣя Михайловича фальшивымъ монетчикамъ заливали горло оловомъ; убійцъ и разбойниковъ вѣшали, колесовали и четвертовали, рубили имъ головы; колдуновъ жгли, — всѣ эти казни существовали и на Западѣ.

Кромѣ того, въ специальныхъ случаяхъ замуровывали людей въ стѣну, закапывали живьемъ въ землю, заливали водой на морозѣ и иногда сдирали съ живыхъ кожу.

При Петрѣ, по воинскому уставу, преступникамъ полагалось: растрѣпаніе, мечъ, висѣлица, четвертованіе, колесованіе и огонь. Довольно часто сажали и на колъ, — обычай чисто татарскій.

При повѣшеніи, преступнику рукъ не связывали. Датскій посланникъ Юнь рассказываетъ, что въ 1710 году былъ пожаръ въ С.-Петербургѣ, на которомъ поймали воровъ съ наличнымъ: 8 солдатъ и одного крестьянина. Всѣ они были приговорены къ повѣшенію. Привезли ихъ на мѣсто казни безъ священника «и ни одного духовнаго лица при нихъ не было». Перваго повѣсили крестьянина. Передъ тѣмъ какъ лѣзть на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, онъ обернулся въ сторону церкви и трижды перекрестился, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ; потомъ три раза перекрестился, когда влѣзалъ на лѣстницу, и когда его съ нея сбрасывали. Замѣчательно, что, уже будучи сброшенъ и вися въ воздухѣ, онъ еще разъ осѣнилъ себя крестомъ (ибо здѣсь преступникамъ при повѣшеніи рукъ не связывали). Затѣмъ онъ поднялъ было руку для новаго крестнаго знаменія, но она, наконецъ безсильно упала. — Четвертовать значило отрубить преступнику руки и ноги, а потомъ и голову; иногда въ видѣ облегченія казни отрубали голову впередъ. Для колесованія преступника растягивали на покатѣ; подкладывали ему подъ руки и подъ ноги полѣнья; били по нимъ

*) Напротивъ того, въ послѣднюю восточную войну, по словамъ даже исконныхъ враговъ нашихъ, никогда еще ни одна изъ европейскихъ армій не вела себя лучше русскою, — при занятіи ею Болгаріи она выказала такія качества, которыя не всегда встрѣчаются даже въ англійскомъ и французскомъ лагерьхъ. «О народѣ слѣдуетъ судить не по его генераламъ, а по солдатамъ, — и мы снова повторяемъ это (говоритъ англійскій корреспондентъ), что русскій солдатъ заслужилъ величайшихъ похвалъ за свои гражданскія добродѣтели» (Northern Echo 1879, 17 ноября).

колесомъ и ломали кости. Въ нѣкоторыхъ приговорахъ, вмѣсто колесовать, писалось: переломать руки и ноги. Колесо для такой ломки есть въ уголовномъ музеѣ С.-Петербургскаго университета (изъ Остзейск. губерній). Въ Нюренбергѣ хранится готовая машина для производства такой казни; вѣроятно такую же машину показывали Джону Говарду.

Для отягченія смертной казни, по словамъ Котошихина, инымъ преступникамъ, разжегши желѣзные клещи нарасно, ломали ребра (Гл. VI. 34).

Но возвратимся къ Жуковымъ; припомнимъ, что дѣло ихъ началось въ сентябрѣ 1754 года, а приговоръ объявили имъ въ 1766 году, т. е. чрезъ 12 лѣтъ. Все это время они содержались въ темницѣ.

Въ одной народной картинкѣ первой половины XVIII вѣка сохранилось изображеніе одной изъ такихъ темницъ. Представлена рубленая изба. Въ ней сидятъ два колодника: у одного изъ нихъ руки въ колодкахъ, ноги прикованы цѣпью къ стулу; у другаго въ колодкѣ ноги, а на рукахъ наручники. На дворѣ темницы еще колодникъ, прикованный цѣпью за ноги къ стулу; два милостивца подаютъ милостыню,—первый узнику, сидящему на дворѣ «на руки», а второй тремъ другимъ, черезъ окно темницы. Къ такимъ точно стульямъ, или деревяннымъ колодамъ, пуда по полтора вѣсомъ, прикованы были и Жуковы, мужъ и жена, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; ключи отъ цѣпей находились въ рукахъ караульнаго. Конечно, при деньгахъ, цѣпи часто снимались съ нихъ; жена Жукова даже разъ, перерядившись въ платье караульнаго солдата, ходила на свиданіе къ мужу, но была поймана.

Для предупрежденія отъ побѣговъ, противъ сидѣльцевъ принимались и другія мѣры: важныхъ преступниковъ, какъ на примѣръ Пугачева, приковывали цѣпью прямо къ стѣнѣ (см. № 342 *). Впо-

*) Для него-же сочтена была лисичка—толстый желѣзный прутъ, къ концамъ котораго прикрѣплялись поппы и ручныя кандалы. Для того же Пугачева сдѣлана была особая желѣзная клѣтка, въ которой его показывали народу, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ (гдѣ помѣщался послѣ 2-й департаментъ Московскаго уѣзднаго суда).

Темницы (отъ слова темно) устраивались встарину

слѣдствіи, въ видѣ предупредительной мѣры, колодникамъ (мужчинамъ) брили полъ головы, точно такъ, какъ рекрутамъ брили лбы. Въ европейскихъ тюрьмахъ предупредительныя мѣры отъ побѣга колодниковъ отличались несравненно большею жестокостію. Здѣсь прилагается для примѣра гравюра Гизи Мыстуонскаго, извѣстная подъ названіемъ «плѣнники Юлія Кесаря»: на ней наглядно представлены всѣ мѣры, употреблявшіяся

Yemelya Pugatschew
Rebelle in Rußland unter dem angenommenen Namen Sjaar Peter des dritten im Orenburgischen Souverainement, sieng an am Ende des Jahres 1773, ward gefangen am Ende des Jahres 1774, und im ein fernem Käfig nach Moskau gebracht

© Nach dem Original von Peter 1779

341. Пугачевъ въ желѣзной клѣткѣ.

по этой части въ Италіи въ XVI вѣкѣ (№ 343). Мнѣ пришлось видѣть довольно полную коллекцію этихъ инструментовъ въ Парижѣ у одного частнаго собирателя.

Удобствомъ наши темницы не отличались: было въ нихъ и тѣсно, и душно, точно такъ же, какъ тѣсно и душно въ курной избѣ бѣдняка крестьянина; но при каждой темницѣ былъ непременно дворъ, окруженный частоколомъ,—на этомъ

подземный и просто въ ямахъ, по восточному. Такая темница правдиво изображена на одной изъ картинъ Берещагина. Указомъ Грознаго (1560 г.) такое подземное устройство ихъ было запрещено, по крайней мѣрѣ на словахъ.

дворѣ заключенные проводили большую часть дня. Знаменитый Говардъ, осмотрѣвшій тюрьмы чуть не всего свѣта, отзывался о московской тюрьмѣ очень сочувственно: лица у арестантовъ, по его словамъ, были полныя и здоровыя, и не было и въ поминѣ признаковъ такъ называемой тюремной лихорадки, которая распространена въ западныхъ тюрьмахъ,—эта ужасная болѣзнь часто опустошала цѣлыя тюрьмы. Но бывали случаи, что и Говарду не показывали, чего не слѣдовало: не видалъ онъ, напримѣръ, та-

Вопросъ объ улучшеніи нашихъ темницъ, тюремъ (Thurm), былъ поднятъ впервые Екатериной II, которая по этому предмету написала въ 1787 году энциклопедически-либеральный проектъ и построила нѣсколько каменныхъ тюремныхъ замковъ. Но главное зло—полный произволъ при заключеніи въ тюрьму и необычайная медленность въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ—осталось и при ней, и послѣ нея, безъ исправленія.

Изъ одного указа императрицы Анны Иоанновны видно, что въ 1737 г. было

342. Темница, такъ называемая—«Плѣшпикъ Юлія Кесаря».

кихъ тюремъ, которыя существовали еще въ пятидесятыхъ годахъ, какъ, напримѣръ клоповники при городскомъ частномъ домѣ и знаменитыя могилы—семь совершенно темныхъ подваловъ, настоящихъ темницъ, подъ зданіемъ Басманнаго частного дома, куда Басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, не сознававшихся въ своихъ преступленіяхъ *).

*) Что за Калужской заставой; у него приложенъ и рисунокъ фасада этой тюрьмы, съ каменными кубышечными колопками у входа, стѣлы времени Алексѣя Михайловича. Одинъ изъ такихъ подсудимыхъ, почетный гражданинъ Соповъ, по выходѣ изъ одной изъ Басмановыхъ могилъ (называвшейся у арестантовъ Аскольдовой) на свѣтъ Божій, совершенно ослѣпъ.

освобождено «по многимъ держаніи» болѣе 420 колодниковъ, которые забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и безцѣльныхъ корыстей». Тоже дѣлалось и въ послѣдующее время. Во второй четверти нынѣшняго вѣка, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 чело-вѣкъ и болѣе въ солдаты и на другія наказанія,—безъ суда, сокращеннымъ порядкомъ *).

*) При этомъ произошла однажды прекуріозная штука: въ росписъ мужичи ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской

Не вправѣ-ли былъ народъ, при такомъ положеніи дѣла, считать колодниковъ (часто подслѣдственныхъ и безвинныхъ) несчастными, и щедро нести голоднымъ и холоднымъ братьямъ своимъ посильныя подаванія (ср. 344). Поймали Оому на воровствѣ,—стало быть Оома и виноватъ, ну и суди его и накажи; да за что-же сидитъ онъ, сложа руки, по пустому, годъ, другой, десятокъ лѣтъ пожалуй,—самъ не работаетъ, да еще мірской хлѣбъ продаетъ. Да и самъ Оома просится: отошлите лучше де на поселеніе, и тамъ

343. Темница на лубочной картинкѣ.

земля есть, и тамъ кормиться можно, только не держите по пусту безъ дѣла. Подаванія милостивцевъ ведутся и въ настоящее время,—только они идутъ на улучшеніе арестантской пищи; въ прежнее же время лишь такимъ подаваніемъ и жили арестованные. Все равно, какъ въ Китаѣ въ наше время,—у насъ встарину колодниковъ каждый день посылали на связкахъ, за карауломъ, собирать подаванія по улицамъ и площадямъ; при чемъ питанные, для возбужденія состра-

Елизаветъ Воробей, и ее закрестила всерѣшающая рука въ арестантскія роты. При исполненіи ошибка оказалась, по пикто не смѣлъ доложить о пей кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и выпдѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, „только за песпособностію ся къ арестантскимъ ротамъ“, въ рабочемъ домѣ.

данія, ходили въ рубашкахъ, испачканныхъ кровью, и показывали народу свои раны.

Съ новымъ судопроизводствомъ, дѣла пошли скорѣе и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче. Кажется, все убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его все бояться,—ну возьмете-ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы, дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту,—онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Проворовался мальчикъ,—отдайте его на выучку къ строгому фабриканту или заводчику, а не забавляйтесь исправленіемъ его въ колоніяхъ, въ которыхъ онъ обучится одной праздности и на всю жизнь потеряетъ способность къ труду. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа—военная служба; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, на особыхъ конечно условіяхъ, въ среду общесловнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго,—спросите объ этомъ brave солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такіа исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни. А сколько пушечнаго мяса, столь дорогаго въ наше время, прибавится въ арміи; сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала, пропадающаго даромъ, пойдетъ въ дѣло. «За битаго двухъ небитыхъ даютъ», говоритъ пословица. «У насъ штрафные—лучшій народъ во флотѣ», слыхалъ я отъ дѣльнаго и очень хорошаго русскаго моряка

капитана. Дайте-же провинившемуся собрату настоящую возможность исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ сами вы увѣрены въ этомъ, никто еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, 27 и 30 процентовъ въ годъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа умираетъ. Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ; но много еще остается сдѣлать, чтобы народъ не вправѣ былъ смотрѣть на заключеннаго, какъ на несчастнаго.

Этимъ закончимъ мы нашу замѣтку о пыткахъ, кнутѣ и колодникахъ, — она заняла у насъ болѣе 12-ти страницъ; но всѣ эти предметы такъ тѣсно и кровно связаны съ жизнью простаго народа въ XVII — XIX столѣтіяхъ и составляютъ такую обиходную иллюстрацію этой жизни, что, право, нельзя было не остановиться на нихъ безъ особеннаго вниманія.

Перейдемъ къ оспѣ. Прививаніе предохранительной оспы, для избавленія дѣтей отъ оспы наносной, — болѣзни опасной и смертельной, наводившей появленіемъ своимъ ужасъ на европейское народонаселеніе, — извѣстно въ глубокой древности. Въ Россіи оно практиковалось тоже давно, — по крайней мѣрѣ путешественники Гмелинъ, Санхецъ и Бахерахъ упоминаютъ о прививкѣ оспы въ Воронежской, Казанской и другихъ губерніяхъ.

Первые опыты правительственнаго оспопрививанія были дѣлаемы въ царствованіе Елизаветы Петровны; затѣмъ Екатерина II, списавшись предварительно по этому предмету съ Вольтеромъ и Кандаминомъ, написала въ 1768 году въ Петербургъ извѣстнаго англійскаго инокулятора Димсдаля, которому и было поручено привить человѣчью оспу самой Императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу. Димсдаль подробно описываетъ всю эту исторію въ своихъ: «Tracts on inoculation»

(Lond. 1781). За поѣздку и за работу свою онъ получилъ наслѣдственный титулъ русскаго барона, званіе лейбъ-медика, пожизненную пенсію въ 500 фунтовъ, 10000 ф. единовременнаго награжденія, 2000 ф. на дорогу и множество дорогихъ подарковъ *); мальчикъ, съ котораго была позанимствована оспенная матерія для высочайшей прививки, получилъ дворянскую грамоту и фамилію Оспеннаго (документы его хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ).

По поводу этой эксцентричной инокуляціи Сенатъ преподнесъ Екатеринѣ высокаторжественное поздравленіе, въ которомъ объявлялось всенародно, что «не прошло еще семи лѣтъ, какъ Всевышній промыселъ, благословляя Россію, благоволилъ скипетръ ея правленія вручить великой Екатеринѣ, а уже отечество наше на такой степени блаженства возведено, каковаго и во многіе годы ожидать намъ едва было возможно, ... что она, не смотря на зрѣлось своихъ лѣтъ, предпріяла, изъ любви къ отечеству, и для примѣра своимъ подданнымъ, не токмо собственную особу опыту новоизобрѣтеннаго прививанія оспы мужественно вдать, но симъ своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и всепобезнѣйшаго своего сына». Въ заключеніе всего Сенатъ просилъ установить, чтобы выздоровленіе отъ оспы Ея Величества ежегодно праздновалось повсемѣстно 21-го ноября. На это послѣдовалъ тотъ же согласительный отвѣтъ, въ которомъ, въ томъ же стилѣ, объяснялось: «что сдѣлано было то дѣло для примѣра, чтобы спасти отъ смерти многочисленныхъ подданныхъ, ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы»... и т. д. **).

*) Тогда же былъ выгравированъ и большой портретъ Димсдаля съ его новымъ титуломъ (см. Словарь русск. портретовъ. СПб. 1872. стр. 34. № 1).

**) У И. Е. Забѣлина можно найти подробное описаніе праздниковъ и торжествъ, дававшихся по этому случаю во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Впрочемъ, Екатерининское время, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же высокоуважаемый авторъ, отличалось особеннымъ камеръ-фурьернымъ стремленіемъ всякое событіе, даже совсѣмъ заурядное, въ родѣ царскихъ годовыхъ дней, украшать чрезвычайно роскошными празднествами и пирами (Опыты изученія. М. 1873, стр. 192).

Новоиспеченный оспенный баронъ Димсдаль, на обратномъ пути своемъ, былъ въ Потсдамѣ у короля Фридриха, который принялъ его радушно, но оспы себѣ не привилъ и другими подарками англійскаго инокулятора не снабдилъ. Въ 1781 г. Димсдаль былъ вызываемъ въ Россію вторично, для привитія оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и, послѣ этихъ двухъ удачныхъ поѣздокъ, устроилъ себѣ въ Корнхиллѣ банкирскую контору. Съ 1768 года начали учреждаться оспопрививательныя заведенія, сперва въ Петербургѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ Россіи; но въ 1797 году англичанинъ Дженнеръ, послѣдователь Джозефа Адамса (1785), открылъ предохранительное прививаніе посредствомъ коровьей оспы или вакцинаціи *), которое быстро распространилось по всей Европѣ. Въ Россіи первые опыты привитія коровьей оспы были произведены въ 1801 году, въ Московскомъ воспитательномъ домѣ, профессоромъ Мухинымъ, надъ мальчикомъ Антономъ Петровымъ, который вслѣдствіе этого событія переименованъ въ Антона Вакцинова.

Съ 1802 года начинается рядъ указовъ о повсемѣстномъ прививаніи коровьей оспы; въ апрѣлѣ 1802 года отправился путешествовать съ этою цѣлью по Россіи нѣмецкій докторъ Буттацъ; въ октябрѣ 1802 года разосланъ указъ по духовному вѣдомству, о томъ, чтобы священники объясняли прихожанамъ своимъ пользу оспопрививанія; а въ 1810 г. напечатана болтливая записка о томъ же предметѣ министра полиціи; устроены оспенные комитеты, заведены нескончаемыя вѣдомости съ отмѣтками, гдѣ и кому привита оспа и какимъ лекаремъ, и съ разными подробными, такъ называемыми статистическими, въ сущности же ни къ чему не ведущими, свѣдѣніями.

Народъ отнесся къ новому изобрѣтенію не совсѣмъ довѣрчиво; привитіе оспы считали грѣхомъ и наложеніемъ печати антихриста; у народа составилось даже повѣрье, что кто умретъ отъ оспы, — тотъ

*) За это онъ получилъ при жизни награду въ 30,000 фунтовъ, по смерти же ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

будетъ на томъ свѣтѣ ходить въ золотыхъ ризахъ (Буслаевъ, Очерки, I. 217) *).

Наши народныя картинки относятся ко времени послѣднихъ правительственныхъ мѣропріятій по поводу коровьей оспы и, вѣроятно, сдѣланы по заказу господина министра полиціи. На одной изъ нихъ парень балагуритъ съ красивой дѣвкой, а дѣвка дразнитъ его, посылая къ своей подругѣ Улитѣ, у которой «отъ наносной оспы и носъ къ губамъ приросъ и глаза коробомъ свело»; парень, конечно, отпѣкивается и читаетъ нравоученіе про Улиту:

«Когда бы ея отецъ и мать умнѣе
были.

Да воспу ей привить коровью до-
пустили,

Такъ и она бѣ была

Какъ ты бѣла, румяна и мила».

На другой картинкѣ представлены: съ одной стороны — здоровая семья оспенныхъ, съ другой — «рябой отецъ и мать и бабушка грызунья, рябая какъ она старинныхъ бредней врунья»; несутъ они на кладбище истыканнаго оспою ребенка. Вирши тоже заканчиваются наставленіемъ:

«Возмитесь за умъ, не бойтесь
коровъ:

Кто воспу ихъ привьетъ, тотъ
живъ, цѣлъ и здоровъ **).

*) Въ Воронежской губерніи, напримѣръ, крестьяне огульно отказались подчиниться этой мѣрѣ; въ остальной Россіи въ 1807 и 1808 годахъ привита оспа всего одному изъ пятнадцати вновь родившихся младенцевъ. Слава Богу, что еще министръ полиціи въ оспенномъ рвеніи своемъ ограничился вѣдомостями и комитетами и не предложилъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ въ родѣ тѣхъ, которыя привели черезъ полсотни лѣтъ къ картофельнымъ возмущеніямъ.

**) Въ моемъ собраніи есть картинка такого же содержания, пзданная, въ видѣ наставленія о прививаніи оспы, отъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома: на ней также наглядно представлено вредъ оспы, какъ и на 1-й картинкѣ; затѣмъ представлены и „спасительныя дѣйствія прививной оспы: красота, здоровье, долготѣ, жизнь“, олицетворенныя въ видѣ дѣтскаго хоровода и парня съ дѣвкой, откалывающихъ тренака. Во французской карикатурѣ пасмѣшники сыпался на оборотъ на тѣхъ, кто прививалъ себѣ оспу: на одной изъ картинокъ, вышедшихъ въ 1800 году, представлена пожилая толстая гражданка декольте; уступаая желанію избавиться безобразія рябинъ, она рѣшилась привить себѣ оспу; справа чопорный докторъ извлекаетъ оспенную матерію изъ руки мальчика. Если бы на картинкѣ не стояло 1800 годъ, то ее смѣло можно бы счесть за карикатуру на Димсдалевскую прививку 1768 года (Jaime, Musée de caricature, I. 85. i).

Далѣ слѣдуютъ: назидательные разгово-
ры между рябою дѣвкой Акулиной и
пригожей дѣвкой Сте-
панидой, рябою Ое-
клой и пригожей
Гурьевной (№ 345—
346); такой же раз-
говоръ двухъ отцовъ
съ ребятишками; кар-
тинка, представляю-
щая чистыхъ маль-
чишекъ, бѣгущихъ
опрометью отъ двухъ
рябыхъ товарищей
(№ 347), отъ кото-
рыхъ, какъ сказано
въ текстѣ картинки:

345. Разговоръ Акулины
съ Степанидой.

«Всѣ дѣвки убѣгаютъ,
Въ хоробы не пускаютъ».

Полна фелы пустамелитъ,
и молюсь славы не веритьъ,
Вторыхъ твою кепуритъ,
коровы огу прививатьъ.
Съ позавидѣлъ мнѣ
тѣмъ тѣмъ славы обидѣ дѣтей

Виджу ермаша ермаша,
коровы огу прививать.
Уидъ пришелъ теперь рѣшится,
чтобы въпередъ въ мнѣ кепуритъ мнѣ
Небуря былъ вѣнчикъ фронтъ
коровы огу прививать.

346. Разговоръ рябой Оеклы съ пригожей Гурьевной.

Умильное заигрываніе рябого Филатки
съ пригожими дѣвками, которыя обхаи-
ваютъ его оспенными виршами, и, нако-
нецъ, хвастливый парень, который ругаетъ-
ся передъ рябымъ дѣтиной (№ 348):

«Куда хорошъ дѣтина
Горбать и кривоносъ и косъ!
Отъ ногъ до головы весь пѣгой!
Недаромъ дѣвки всѣ зовутъ прочь бѣгай.

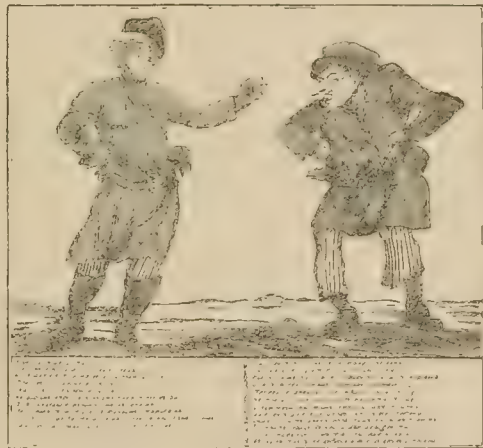
А я, благодаря разумнымъ лѣкарямъ,
Да батькѣ съ матерью, сговорнымъ ста-
рикамъ,
Какъ видишь, чистъ лицомъ, кровь съ
молокомъ, здоровъ;
Мнѣ воспа привита безвредная съ ко-
ровъ».

Славны ребята и дѣтки
Что за чистыи тѣмъ зѣвать,
Мо антимъ и дѣтки
Всѣ бѣи какъ снѣги хлѣтъ
Ихъ отъ лѣтъ зѣвать,
Въ хоробы не пускаютъ

Чѣмъ чистѣе тѣмъ мнѣ насъ
Били бѣи не тѣмъ насъ,
Насъ отъ насъ тѣмъ насъ,
Коровы огу прививать,
Насъ насъ насъ насъ
Насъ и рѣи насъ насъ насъ

347. Чистые мальчишки, бѣгущіе отъ своихъ
рябыхъ товарищей.

348. Хвастливый парень ругается передъ рябымъ
дѣтиной.

Заканчивая XIV главу, а вмѣстѣ съ
тѣмъ и самое «заключеніе»,— считаю не-
обходимымъ еще разъ обратить вниманіе
читателей на оговорку, сдѣланную мною
въ I-й книгѣ прежняго изданія 1881 г.

(на VII стр.) относительно компилятивнаго характера, какъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ IV-й книгѣ, такъ и самаго заключенія. Я старался занести въ нихъ все то, что случилось мнѣ найти по этой части въ просмотрѣнных мною книгахъ и рукописяхъ, а также и то, что было извѣстно мнѣ изъ устныхъ преданій многихъ Московскихъ старожиловъ, — держаться строгой системы при такой работѣ было почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше; поэтому и самыя примѣчанія въ нѣкоторыхъ статьяхъ вышли очень краткія, въ другихъ, напротивъ того, особенно подробныя. Прошу гг. читателей обратить особенное вниманіе на эти послѣднія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ замѣчанія эти представляютъ кровный интересъ для народнаго обихода и не введены цѣликомъ въ заключеніе единственно съ тою цѣлю, чтобъ не увеличить его объема и избѣжать длинныхъ повтореній.

Представляю перечень такихъ примѣчаній въ 1-мъ изд. «Русск Народ.

Карт.» 1881 г.: Сводъ свѣдѣній о трехъ русскихъ богатыряхъ — Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, по сказкамъ, былинамъ, сагамъ и лѣтописямъ (IV. I — 113), — и небольшое изслѣдованіе о происхожденіи и составѣ русскихъ былинъ и сдѣланныхъ въ нихъ позимствованіяхъ изъ книжной литературы. Замѣтки о Шемякиномъ судѣ. Пространное изслѣдованіе о картинкѣ Мыши Кота погребаютъ. Космографія. Статья о календаряхъ. Приданыя росписи. О розгѣ. Пьянство. Кулачные бои въ Москвѣ. О русскомъ крѣпкословіи и легкомъ порохѣ. О сложеніи перстовъ. Объясненія апокрифическихъ картинокъ изъ Пален и Страстей Христовыхъ. Перечень Богородичныхъ иконъ. Печать Царя Соломона. Дѣло объ убійствѣ Жуковыхъ съ подробными замѣтками о пыткѣ и разнаго рода казняхъ. Систематическій перечень гравированныхъ антиминсовъ.

Этой главой и заканчиваемъ мы замѣтки о народномъ обиходѣ по оригинальнымъ народнымъ картинамъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ труду Д. А. РОВИНСКАГО:

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ.

Составила М. Ф. Федорова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Р. Голике
1901.

А.

Ааронъ, ветхозавѣтный пророкъ, его жезлъ въ Кельнѣ 467.

Аблакатъ, народное прозвище адвоката 505.

Аблесимовъ, Александръ Анисимовичъ, писатель. Изъ его сочиненія заимствованъ текстъ картинки о женатомъ волокитѣ 97, 179.

Абросимовъ, мужъ Фетиньи, въ сказкѣ объ уткѣ съ золотыми яичками 219.

Авгаръ, царь. Его эпистола ко Христу 308—309.

Августинъ блаженный, его мнѣнiе объ апокрифахъ 125.

Авдотья, дама, бѣлыя бѣлила, въ реестрѣ дамъ 104.

Авель, сынъ Адама. Его погребенiе 125, 293.

Авзонiй, римскiй писатель; его изрѣченiе въ переводѣ Димитрія Ростовскаго 504.

Авивъ, св., 112.

Авраамiй Смоленскiй, преподобный, написалъ икону страшнаго суда 290.

Авраамъ, праотецъ и пророкъ; онъ наставляетъ Лота, какъ выростить изъ головни дерево 307. Апокрифическое откровенiе Авраамово 123.

Ага-Паша, турецкiй богатырь 159.

Агаряне, на иконѣ Страшнаго суда 292.

Агафонъ, священникъ, составитель мiротворнаго круга 166.

Аглинское королевство и аглинскiй народъ въ Космографiи 127.

Адамсъ, изобрѣтатель прививанiя коровьей оспы 515.

Адамъ, праотецъ, первый человекъ на землѣ. Сотворенiе его и пакости, которыя дѣлалъ ему при этомъ сатана 330. Грѣхопаденiе Адама, онъ прельщенъ женою 87; погребенiе Авеля 125; о смерти Адамовой 124; сказанiе о главѣ Адамовой по проросшемъ изъ нея крестномъ дрѣвѣ 124, 125, 306—307. Адамова щель въ Иерусалимскомъ храмѣ 475. Изображенiе Адама и Евы на иконѣ Страшнаго суда 292.

Адамъ царевичъ, сынъ царя Хатея, въ сказкѣ о «Силѣ Царевичѣ» 218.

Адвокаты, Петръ ненавидѣлъ ихъ и общалъ всѣхъ перевѣщать 417.

Адмиралтейская сторона, гдѣ происходили кулачные бои 350.

Адова щель, въ Иерусалимскомъ храмѣ 474—475.

Адолевскiй, живописецъ, обучался гравированiю черной или тушевалъной манерой у Адриана Шхонебека 59.

Адольфъ, принцъ Лапландскiй. Содержанiе сказки о немъ 214.

Адоръ царь, въ сказкѣ о семп Симеонахъ 212—213.

Адресъ невѣсты 240.

Адрианъ, пмп. Римскiй. Онъ казнитъ в.-м. Евстафiя Плакиду 323.

Адрианъ, патриархъ Константинопольскiй, его зеркало упом. 179.

Адрианъ, патриархъ Всероссiйскiй. Его слово о бородахъ 275; его библия Пискатора 45.

Адъ 336.

Азбука 1812 г., работы И. Тереминева, табл. ХLI—XLVIII,—(8-мъ картинокъ въ краскахъ).

Азовъ, крѣпость. Ваятiе Азова, грав. Шхонебекомъ 144.

Азовъ, представленный на Ходынскомъ полѣ въ 1775 г. 147.

Азь есмь хмѣль 371; картинка: № 274, стр. 373—374.

Академiя Наукъ имѣла привилегiю на изданiе календарей 170.

Акафистъ, Кiевъ 1614 г., карт. изъ него: № 90, стр. 67; Кiевъ 1674 г., карт. изъ него, раб. мастера I. G: № 92, стр. 68.

Акилина мученица 309.

Акилина Федоровна, препод., ея изображенiе Кiевск. раб. № 6, стр. 7.

Акра, городъ, упомн. въ Иерусалимскомъ паломничествѣ 478.

Аксаковъ, Сергѣй Тим., его сочиненiя упом. 232.

Акты Археогр. Экспед. 301, 380.

Акулина рябая, въ оспенныхъ картинкахъ 517.

Алабрысъ или брысъ, прозванiе коту 104, 260—264, 266, 268—271.

Александри́я, гор. 201.

Александръ Македонскiй, бой его съ Поромъ 46. 132—133; замазалъ сугилитомъ днѣиныхъ людей 129, 130. Его жизнеописанiе упом. 88. Персона Александра Македонскаго въ комедiяхъ 407.

Александръ Невскiй. Изображенiе монастыря на его иконѣ 488.

Александръ Павловичъ, императоръ. Ему Екатерина прививаетъ оспу 515; онъ уничтожаетъ пытки 500; его кучеръ Илья силачъ упом. 356; его портреты 151; его манифесты 445; онъ потерпѣлъ шутовъ 424; народныя картинки его времени 490.

Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ; фряжскiе листы, находившiеся въ его покояхъ 71.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Взяточныя книги его времени 243; держалъ при себѣ столѣтнихъ старцевъ 182; его уложенiе наказанiй курильщикамъ 269; ему принесенъ въ даръ Вифлеемскiй младенецъ 384; любилъ соколиную охоту 369; календарь Фохта, посвященный ему 165; положенiе колодезниковъ его времени 506; по его приказанiю переведено съ польскаго языка Велпкое зеркало 179; пляска въ его время 396; упом. 260.

Алексѣй Тишайшiй, выборъ имъ невѣсты изъ 200 дѣвушекъ 98.

Алексѣй Петровичъ, сынъ Петра I. Акафистъ Алексѣю человеку Божию, гдѣ онъ представленъ на колѣняхъ передъ Петромъ I, грав. Тепчегорскимъ 73; арпеметика, листъ, грав. Вас. Киприановымъ, посвящ. ему и Петру I-му 122; принадлежавшая ему потѣшная лицевая книжка о Бовѣ Королевичѣ 192;

Алексѣй, человекъ Божiй. Житiе его 29; акафистъ ему, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу и грав. Тепчегорскимъ 73.

Алеша Поповичъ, русскiй богатырь, временъ в. кн. Владимiра 184, 189; сводничаетъ атаману Касьяна в. кн. Апраксѣвичъ 89; переряжается калвкой 468; карт. № 176, стр. 189.

Алимпiй, Кiево-Печерскiй преподобный, иконописецъ. Ему помогали писать ангелы 314.

Альбигойцы, секта, упом. 330.

Алконостъ, райская птица, вмѣстѣ съ Сириньомъ, легенда объ Алконостѣ 227, 230; карт. № 208, стр. 230.
 Альманахъ—первый, въ Парижѣ въ 1493 г. 165.
 Альтманъ, блаженный, упом. 470.
 Амартола, упом. 126.
 Амбонъ, 399.
 Америка, кулачные бои въ Америкѣ 359.
 Амиръ, князь 317.
 Амуратъ, сильный богатырь 159; карт. № 166, стр. 160.
 Ананія, живописецъ, посланный царемъ Авгаремъ для написанія портрета съ Христа 308.
 Ананія, Азарія и Мисаилъ въ видѣ пещного дѣйства для народа 399.
 Анастасія Вахрамѣевна, жена Еруслана Лазаревича (см. Милена) 206.
 Ангель-хранитель, хранить человѣка постоянно 327, 383.
 Ангелы 292, 302, 314.
 Англичане, ихъ уважалъ даже генералъ Измаиловъ 439.
 Англійскіе повѣренныя указывали въ 1812 г. французамъ русскія фабрики (жечь) 456.
 Англійскій корреспондентъ хвалитъ русскую армию 505.
 Англійскій парламентъ, въ немъ было предложено клеймить новобранцевъ 274.
 Англійское королевство въ Космографіи, см. Англичское 127.
 Англія въ каррикатурѣ 68. Кулачные бои въ Англіи 359. Пьянство въ ней 371.
 Андалузія 183.
 Андреевъ, Василій, граверъ-серебряникъ Моск. Оружейной палаты, учен. Афанасія Трухменскаго 17, 18.
 Андреевы, Ивашка и Макарка, придворные шуты XVII в. 412.
 Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, князь. Онъ уносятъ изъ Кіева во Владиміръ икону Владимірской Богородицы 315.
 Андрей Первозванный о Новгор. банѣ 381—382.
 Андрей Юродивый, Цареградскій, его нехитрое житіе 321—322.
 Андронице, богатырь Новгор. 191.
 Андроничъ, Фока, дурацкая персона 429.
 Анжоліни, балетмейстеръ, поставившій первый русскій балетъ въ 1767 г. 396—397.
 Аника-воинъ и смерть. Картинка и легенда 296—297—300; табл. XXIV, интермедія 408.
 Аника, разбойникъ, и его могила 300.
 Аникіевскій лѣсъ, упом. 299.
 Анна Ивановна, императрица, ея портреты 151; велikanъ при ней 141; изображена въ зеркалѣ грѣшного 297; танцы при ней 397; шуты и шутство при ней 420; ея указъ о колодникахъ 510.
 Анна Леопольдовна, правительница, уничтожила придворныхъ шутовъ 423.
 Анна, св., ея рука упом. 48.
 Аносъ, упом. 251.
 Анофревна, старуха, упом. 364.
 Антиминсы 9—10; карт. Моск. раб. на олов. доскѣ: № 9, стр. 7.
 Антипій, священномученикъ, которому молятся отъ зубной боли 383; привѣски къ его образу 383.
 Антихристъ; сказанія о немъ 290; см. соч. Новоструева и Веселовскаго 294 (цѣлая литература о немъ); «отъ Христа паденіе антихриста» 271—272, 293, карт. № 223, стр. 272. Антихристомъ звали Петра I-го 271, 294; папу, Магомета, Лютера и Кальвина 293; число его «666» 294.
 Антоній Великій. Бѣсы соблазняютъ его 329.
 Антоній, Іоаннъ и Евстафій, пострадавшіе въ Вилнѣ за брадобритіе 275—276.
 Антоній Препод. и Павелъ Ѳпвейскій. Сатпры и Инокештавръ, раб. Л. М. 1626 г.: № 8, стр. 9.
 Анеолоніонъ Кіевскій 1619 г.: 11.
 Апокалипсисъ: 1, 11, 291.
 Апокалипсисъ Прокопія 1644—62 г.: 40, 291. Четыре картинки изъ него: № 10—13, стр. 9. Пятая кар-

тинка изъ него и «Отче Нашъ» іерея Прокопія 1646—1662: № 14—15, стр. 11—12.

Апокалипсисъ, раб. Кореня 1696 г. 291; карт. № 19, стр. 14.

Апокрифы, по-гречески «сокровенное», ихъ переводы въ Россіи 123, 124; см. Тихонравовъ «Отреченныя книги» 123, 125, 166, 306, 309, 311, 386, 478, 479.

Апология муч. Іустина 330.

Апостолы. Мученія ихъ, карт. XVII в.: 45—46; свящ. останки отъ нихъ 467.

Апостолъ, I-й, изданный въ Москвѣ въ 1564 г. съ 1-й гравюрой на деревѣ 4.

Апостольскія Писанія 305.

Апраксинъ, гр., сзади его дома происходили кулачные бои 350.

Апраксѣвна, жена в. к. Владиміра, зарится на Чурилу Пленковича 89; съ Тугариномъ Змѣвичемъ публично любитъ 340; старается, но безуспѣшно, соблазнить молодого Касьяна 340.

Аптека духовная 340, 341.

Аптека цѣлительная съ похмелья 375, 376, 382; карт. № 275, стр. 375.

Аптекарьскій Островъ, гдѣ происходили кулачные бои, 350.

Арабы въ Іерусалимѣ 470—476.

Аравитяне, въ повѣсти о препод. Герасимѣ 322.

Аракчеевъ, графъ, ненавидимый народу. Его ма-
 нера бить шинцрутелами 502, 503.

Арапки, тапцующія въ Петрушкиной комедіи 364.

Арашъ, конь Еруслановъ 204.

Арзомій, дивій родъ, который былъ загнанъ Александромъ Македонскимъ въ горы (см. Гогъ) 131.

Арина, дама, «взглянеть—утѣшить» 104; другая дама Арина, передѣланная изъ «Viciuina» Каллота 398.

Арина править животъ 109.

Аринка,мышь въ котловомъ погребѣ 264.

Аристоль, упом. (см. Гогъ) 131.

Аристотелевы врата, книга, по которой, развернувъ ее, гадали 171.

Аристотель, мудрецъ, осѣдланый Филлою 87—89.

Аришта, индѣйскій отшельникъ, который выпилъ море 222.

Арифметика, картинка 1703 г. 122.

Арій, зашутенный Николаемъ Чудотворцъ, упом. 373.

Арлекинъ, въ народныхъ картинкахъ 398.

Арменское Царство 192.

Армены, мѣсто заточенія Іоанна Златоуста 87.

Армія, русская, выхваляемая англійскимъ корреспондентомъ 505.

Арсенъевы, дѣвцы; скоромная переписка ихъ съ кн. Меншиковымъ 416.

Артемій Веркольскій, чудотв. его нехитрое житіе 319.

Артемьевъ, Михаилъ, имѣлъ во второй половинѣ 18 столѣтія подъ Москвою фабрику, на которой гравировались картинки черною или тушевалъною манерою 59, 60.

Артлебенъ, его замѣчанія о пещи, находящейся въ Новгор. Софійскомъ соборѣ 393.

Артуръ, король, и его круглый столъ, въ который была вдѣлана св. чаша 308.

Арфа, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 387.

Архангельскій соборъ въ Москвѣ. Мощи св. Дмитрія Царевича 320.

Архангельскія, губ. Вѣдомости о самоубійдахъ 413.

Архангельскъ, городъ 270; тамъ еще въ ходу привѣски къ образамъ 383; изъ Архангельска прямой переѣздъ на пароходѣ въ Соловецкій монастырь 485.

Архивъ, *Ar hiv für Sächsische Geschichte, Leipzig*. 1873 г., упом., 417.

Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ 381.

Архидей, царь въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ 207.

Архиерецъ, во Всепыятышемъ соборѣ 418, 419.

Архипычъ, юродивый, о ненависти русскихъ другъ къ другу 233.

Асигнать, 131.

Асиръ царевичъ, сынъ царя Хателъ, въ сказкѣ о Силѣ царевичѣ 218.

Аскольдова могила, темница въ Басманномъ частномъ домѣ въ Москвѣ 509.

Асмодей, одинъ изъ трехъ главныхъ бѣсовъ, котораго Соломонъ, въ числѣ прочихъ, закупорилъ въ бутылку 175.

Астрикія, монахиня 312.

Астрономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ 160—164.

Астрология 166.

Афетъ, сынъ Ноя; его изображеніе на Зерцалѣ грѣшнаго 296.

Афимья, дама «вища испить», въ реестрѣ не-вѣсты 104.

Афиша о представленіи англійской компаніи ско-мороховъ: № 152, стр. 141.

Афронъ, царь, въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и жаръ-птицѣ 210.

Афросинья, дама «толста да проста» 103.

Афросинья, просвирня Калязинскаго мужскаго монастыря 238.

Ахенъ, городъ, тамошнія святыни 466.

Ахметьевъ, Илья Яковлевъ, его фабрика народ-ныхъ картинокъ подлѣ Москвы, упом. 33, 34, 73, 141, 148, 167, 238.

«Ахъ ты, отставной козы барабаникъ», поговорка, ея происхожденіе 367.

Ацисъ и Галатея, балетъ, въ которомъ высту-палъ имп. Павелъ Петровичъ 396.

Аѳанасій Великій Аѳонскій 488.

Аѳанасьевъ, Ал-дръ Нпк., его «Народныя Рус-скія сказки» 231, 377; «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу» 231.

Аѳанасьевъ, Аѳанасій, грав. пунктиромъ,—его ра-боты: 133.

Аѳимья вища испить 104.

Аѳины, городъ Греціи, тамъ въ древности указы-вали пупъ земли 474.

Аѳонская и Синайская горы, откуда перенесены въ Москву иконы Богородицы: Иверской, Троеручицы и мн. др. 316—317.

Аѳонскіе монахи приносили къ намъ апокрифиче-скія книги 124.

Б.

Баба-яга въ сказкѣ о Иванѣ царевичѣ 208; хо-тѣла выпить море 222; помогаетъ богатырямъ 224; пляшетъ съ плѣшивымъ старикомъ,—это Екатерина I: 273; драка ея съ крокодиломъ 55; карт.: № 224, стр. 273, и № 225, стр. 274.

Бабище Курьяжище 376.

Бабушки лекарки 282.

Багратионъ, князь, герой 1812 г., его конный порт-ретъ 459; стихи ему 152, 156; какъ помощникъ Су-ворова 156.

Базиле (Giambatista Basile), Неаполитанскій писа-тель; его книга: «Der Pentamerone» (Breslau 1846, пе-реводъ Либрехта съ Итал. ориг. половины XVI в., съ предисловіемъ и примѣчаніями Я. Гримма), гдѣ помѣ-щено 50 рассказовъ, напоминающихъ во многихъ от-пошеніяхъ наши сказки 209.

Балалайка и ея описаніе 265.

Балашевъ, министръ полиціи, вытолкавшій дво-рянскую депутацію въ 1812 г. въ С.-Петербургѣ 489.

Балдуинъ, король Иерусалимскій 467.

Балетъ италіанскій 398.

Балканы, упом. 154.

Balli di Steffania, передѣлка изъ нихъ народныхъ картинокъ съ танцами 398, 410, 425.

Баня. Картинка, изображающая женскую баню 108, 109, 281. Баня, какъ лекарство 381. Баня, предло-женная древлѣнамъ, пріѣхавшимъ сватать Ольгу 382.

Барабанъ, см. Бубень, 263.

Барашевская слобода, гдѣ продавались народныя картинки 65.

Барберини, Венеціанскій посолъ, предлагавшій въ 1565 г. въ Москвѣ фряжскіе лѣсты 68.

Барковъ, макароническій писатель 425; пренебре-галь народнымъ картинками 284.

Барсовъ, Е. В., пзвѣстный собиратель расколь-ничьихъ рукописей, а также пѣсенъ и причитаній 293—294, 303; его рассказъ о Юрикѣ-Новоселѣ 377—378; его сборникъ сказаній 377.

Басковая игра въ кабаки 376.

Басманная часть, съ ея подземами темницами 509.

Басня о больномъ львѣ 3. Басни Езопа 225.

Батракъ у нѣмца, образецъ работы гравера В. Чуваева: № 41, стр. 32.

Батый, татарскій ханъ, его нашествіе на Рос-сію 187.

Бахари или сказочники 181, 182.

Бахерахтъ, путешественникъ по Россіи; объ оспо-прививаніи въ Россіи 513.

Башмаки, нѣмецкіе, приказано было носить всѣмъ русскимъ зимою указомъ Петра I. 274.

Беглербея Турецкаго посла въѣздъ въ Москву въ 1775 г. 147.

Бедуины и ихъ пляска 475—476.

Безбородко, канцлеръ, упомн. 147.

Бездѣльниковъ, Романъ, одинъ изъ подписавшихся шутовскую челобитную Калязинскихъ монаховъ 238.

Безминъ, Иванъ, псковписецъ XVI в.; у него была куплена Лицевая библія 45—46.

Безмѣстный дворъ, упом. 240.

Бехсоновъ, П. В., пріобрѣлъ заслуженную извѣст-ность изданіемъ пѣсенъ собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, съ обширными примѣчаніями и под-робнымъ алфавитнымъ указателемъ къ нимъ; кромѣ того издалъ книги: о Георгіѣ Побѣдоносцѣ и о помп-новеніи умершихъ 303.

Безстыдный въ трактирѣ 282—283: карт.: № 84, стр. 179.

Белевъ, бѣсъ, заключенный Соломономъ въ бу-тылку 175.

Беліаръ, бѣсъ изъ того же разряда 175.

Бенаресъ, городъ, упом. по поводу картинокъ, купленныхъ тамъ авторомъ 259.

Бендеръ крѣпости взятіе, картинка 147.

Бенедикта, св., шутовской орденъ упом. 420.

Бернардъ, тридцатипудовый англійскій мясникъ, показывавшійся за деньги 141; карт.: № 153, стр. 142.

Берлинскій музей; находящаяся тамъ камѣя съ изображ. кошки 259.

Берлинъ, тамошній обычай украшать березками въ Семикъ 349.

Бертье, маршалъ Наполеона на каррикатурѣ 1812 г. 457.

Береа, прекрасная, жена Евдоны, карт.: № 192, стр. 221.

Бестарій, книга о животныхъ 125.

Бесѣда трехъ святителей 123, 126.

Бесѣды «Іоанна Златоустаго», М. 1664, карт., раб. мастера А. Р. 89; № 96, стр. 69; раб. мастеровъ И. З.—А. Р. № 97, стр. 70.

Бешаръ, лошадь, данная Адольфу Лапландійскому 214.

Библія лицевая, Ильи монаха 60—61. Голланд-ская 30. Пискатора 37—40, 48, 291; маленькая XVIII в., раб. Григорія съ польск. выраженіями 43; Кельн-ская 1, 11, 23; раб. Кореня 1696 г., карт.: № 18, стр. 13; четыре картинки въ краскахъ изъ нея же: № I—IV. Скорпская Библія 1519 г., карт. изъ нея: № 89, стр. 66.

Била и клепапа въ монастыряхъ и расколь-ничьихъ скитахъ 387.

Биронъ, изображенный вмѣстѣ съ Анпой Іоан-повной на Зерцалѣ грѣшнаго 297.

Битяговскій, Данило, убійца цѣревича Димитрія 320.

Благовѣщенскій, Н. А., писатель; изъ его книги «Среди богомолцевъ», рассказъ о снисхожденіи св. огня въ Иерусалимскомъ храмѣ 475—477.

Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ. 39.

Блинница, 90—91, 281, въ краскахъ: № XXIII.

Блудницы русскія 89—93.
 Блудный сынъ 91, карт. № 111.
 Блюхеръ, прусскій фельдмаршалъ; его изображеніе 459.
 Бобелина, греческая богатырша 159—160.
 Бова Королевичъ, содержаніе сказки 180, 184, 191, 192, 195—199. 284, 468; Славный витязь: № 180, стр. 196; Храбрый витязь: № 181, стр. 195—196; въ красках: № XI.
 Богатыревъ, Сила Андреевичъ, картинка 440, 446, 452.
 Богатыри, свѣдѣнія ооъ ихъ ростѣ, апетитѣ и обычаяхъ, оружіяхъ и волшебствахъ, умные и глупые 221—225.
 Богдановка, деревня, гдѣ паход. типографъ народныхъ картинокъ Сорокинъ 34.
 Боголюбскій, Андрей, князь, унесшій пкону Богородицы изъ Вышгорода во Владиміръ 315.
 Богомолье русское и его святѣи 465—488.
 Богородица, Ея изображенія 314—317; хожденіе Ея по мукамъ 123, 124, 126, 291, 293; сонъ Богородицы 309; молитвы Ея о помилуваніи грѣшниковъ 312; легенды о Богородицѣ 309—314, 334; Богородица управляетъ Спасителя помиловать беззаконника, который имѣлъ обычай каждадневно ей молиться,—легенда изъ «Руна орошеннаго»: № 248, стр. 312.
 Богословскъ, городъ, морозы въ немъ достигали 56°/о: 459.
 Боденееръ, Аугсбургск. граверъ, 59.
 Боевые глаголы 116—118.
 Бой кулачные 350—360.
 Бокаччио, заимствованія изъ его Декамерона 97, 180, 279.
 Боксъ англійскій 359.
 Болгарія, упом. 123.
 Болгарская литература, вліяніе ея на русскую; завіты патриарховъ; басни 123.
 Болгарская Терновская обитель 487.
 Болгары уподоблены Содомянамъ у Кирилла-философа 289—290.
 Бомбей въ Индіи; о народныхъ картинкахъ, печатаемыхъ въ немъ 61, 259.
 Бомелій, Елисей, докторъ, считался лютымъ волхвомъ 386.
 «Bonhomme misère», французскій оригиналъ, послужившій образцомъ нашей картинкѣ. (Champfleury, Imagerie populaire) стр. 52; карт.: № 82, стр. 57.
 Борисъ Годуновъ, царь 133.
 Борисъ съ Прохоромъ подрались 429.
 Боричевскій, И., его книга. «Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени». (Слб. 1840—44 г. 3 части): Черноголорди любить испить вина 371.
 Борода, исторія ея бритья 274—278; возвращеніе ея на русскіе подбородки изъ-за границы 278.
 Букварь, составленный мастеромъ Каріономъ Истоминнымъ для царевича Алексѣя Петровича и грав. мастеромъ Серебрян. палаты Леоптіемъ Булпнымъ 1692—94 г.: 17, 121, 122, 322, 387—388; картинка: № 29, стр. 20; еще четыре картинки: № 135—138, стр. 119—120.
 Борцы и борьба; борьба въ схватку и не въ схватку, на бедро, съ подкашиваніемъ посковъ 349—359.
 Борьба жизни со смертію 293—295.
 Ботинъ, приказный, извѣстный кулачный боецъ 355, 356.
 Бочка—пятеро изъ бочки, въ сказкѣ о смирномъ мужикѣ 224.
 Бражники, понавшій въ рай, легенда 372—374.
 Брикнеръ, ученый; его статья о Елисаветѣ Петровнѣ, упом. 128.
 Брудня—старая мышъ въ котловомъ погребеніи 270.
 Брюссельская конференція, упом. 456.
 Брюсъ, Як. Вил., генер. фельдцейхмейстеръ; подъ его надзоромъ издавъ календаръ шестилетовый 29, 33, 164, 167, 168; причины популярности его календаря 169, 170, 171; его смерть и оживленіе 168.
 Брянское намѣстничество 128.
 Бубень, т. е. барабанъ, въ котовой процессіи 265.

Бугригоръ, царь, и его три дочери, съ которыми Ерусланъ блудилъ 204.
 Буженниновой свадьба съ кн. Голицынымъ въ ледяномъ домѣ 420.
 Букефаль, конь Александра Македонскаго 132.
 Будать молодецъ, сказка 217—218.
 Булгаръ, Евгений, издав. имъ портретъ Екатерины II съ греческ. подписями 145.
 Бунинъ, Леонтій, граверъ-серебренникъ Москв. Оруж. палаты, биограф. замѣтки о немъ 17, 32. Онъ имѣлъ у себя собственный печати. станокъ 32; Синодикъ и Страсти 32; Страсти Господни 306; грав. имъ букварь Кар. Истомина 121.
 Бунинъ, Петръ, граверъ на мѣди, ученикъ Шхонебека 24, 25, 28.
 Буржацкій король въ сказкѣ о трехъ королевнахъ 215.
 Бурцевъ и его букварь 115.
 Буслаевъ, Буслай или Богуслай, Новгородскій посадникъ, богатырь 189, 190, 191.
 Буслаевъ, Васька, его сынъ; сказка о немъ 189, 190, 191.
 Буслаевъ, Фед. Ив., его «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства» (Москва 1861 г. 2 части, 4^о), упом. 182, 289, 369, 413, 468, 515; о Страшномъ судѣ 66; о Богородицѣ 66, 310; звѣзда пресвѣтлая 66, 314; о боярахъ Лапотскихъ 412; о земномъ пупѣ 474; о примѣси католическаго направленія къ византийскому въ русскихъ народныхъ книгахъ и гравюрахъ XVII в. 317, 319.
 Буслай Буслаевичъ, богатырь 189; карт.: № 177, стр. 190.
 Буттацъ, нѣмецкій медикъ, развозившій по Россіи оспу 515.
 Бутурлинъ, князь-папа 415.
 Буффъ, народный, въ картинкахъ 279, 283.
 Буянъ, островъ, въ заговорахъ 385.
 Буше, франц. живописецъ, картинки, заимствованныя съ его оригиналовъ 56.
 Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ,—замысловатая картинка 227, 239—240, 241, 242.
 Былины, происхожденіе ихъ: почему онѣ удержались на сѣверѣ 181, 182.
 Вытіе, картина изъ него, попавшая въ Палею, рѣзан. грав. Корнемъ 124, 330.
 Бычекъ или трепакъ 393.
 Вѣлевичъ-Загорскій, онъ же Тугарипъ-Змѣевичъ 188, 340.
 Вѣлое море 482.
 Вѣлозерскіе князья, въ Мамаевомъ побойцѣ 135, 136.
 Вѣлуга, въ сказкѣ о Ершѣ 247.
 Вѣлскаго хронографъ, о дивахъ 131, 184.
 Вѣльскій, Мартинъ, его хроника 126.
 Вѣсъ соблазняетъ князя, картинка 328; бѣсъ мхпчатый съ красными цвѣтами па страшномъ судѣ 293; бѣсъ боробрющій, па которомъ Іоаннъ, архіепископъ Новгород., ѣздилъ въ Іерусалимъ 320. 329—330; бѣсъ съ будочникомъ въ пнтермедіи 407; Вѣсъ пѣкогда папсалъ въ Римѣ надъ дверьми: № 290, стр. 416; Вѣсы искушаютъ св. Антонія, картинка XVIII в.: № 257, стр. 334; Вѣсы покупаютъ челоѣческія души 330; бѣсы водяные въ повѣсти о Соломонѣ 333; смѣшеніе ихъ съ жепцинами 330; легенды о бѣсахъ 175, 324—335, 395, 415.

В.

Вавила и Давила, дурацкія персоны 429.
 Вавила морозъ, 448, 449, 459, 464.
 Вавила, шутъ 409.
 Вавилонское плѣненіе 291.
 Вавилонское царство изображено па страшномъ судѣ 292.
 Вавилонъ, страна, тамъ показывали пупъ земли 474.
 Важскій воевода, упом. въ Шемякинѣ судѣ 243.

Валаамскій Сласо-Преображенскій монастырь 485.
Вальтеръ Скоттъ, англ. романистъ 302, 381.
Варвара великомученица избавляетъ отъ внезапной смерти 383.
Варвара, пѣкая жена, видѣла Андрея Юродиваго въ видѣ огненнаго столпа 321.
Варвара, св., гравир. мастер. Софроніемъ XVIII в.: № 98, стр. 70.
Варлаамъ, пустынный, и Іосифъ Царевичъ, Клипповская гравюра XVIII в.: № 24, стр. 16.
Варлаамъ, Св., Притча о немъ 336—337.
Варты, народъ 239.
Варюшка, пѣвѣста кукольнаго петрушки 361, 363.
Василиса, старостиха 445, 452—453.
Василиски, змѣи съ человѣческими лицами 129.
Василіевъ, мѣщанинъ гонимый сквозь строй 502.
Василій и Максимъ блаженные, ихъ изображенія 319.
Василій-Блаженный, его житіе 319.
Василій Великій, его слово о злыхъ женахъ 85.
Василій, гость московскій въ Іерусалимѣ 467.
Василій Новый, препод., его житіе 291.
Василій Ивановичъ, вел. кн., посылалъ въ Корелы за плодородіемъ 385; носилъ греческій колпакъ 469.
Василій Темный, вел. кн., ослѣпленный Дмитріемъ Шемякою, княземъ Галицкимъ 243.
Василій Царевичъ, сынъ Всеслава Андроновича 209, 211; въ сказкѣ о золотомъ горѣ 216.
Вахрамѣй Вахрамѣевичъ, сказочный царь, его царство и его дочь Вахрамѣевна 205, 206, 207.
Веберъ (Weber, Neuveränd. Russland) 417.
Веделъ, прусскій фельдмаршалъ. Разговоръ его съ прусскимъ королемъ, картинка 143.
Везувій, гора 139.
Вейсенбургское явленіе на небѣ 1765 г. 137.
Великаны, люди 128; первый великанъ показывался при Петрѣ I. 141.
Велико-Устюжскій монастырь 39.
Венеціанъ Францель, рыцарь, его изображеніе 220.
Веніаминъ, братъ Іосифа, сходство его съ Касьяномъ 340.
Веретенниковъ, Ѳока, монахъ, рукоприкладчикъ подъ Калашниковой просьбой 238.
Верещагинская правда 135, 508.
Вероника, св., получившая убрусъ отъ Спасителя 309.
Вертоградъ, на картинкѣ 343.
Веселовскій, Конст. Степ., академикъ, онъ принималъ живое участіе въ изданіи «Р. Н. К.» 1881 г.: его книга о климатѣ Россіи 460.
Вешняковъ, послѣ Заруднева, наблюдавшій за Царск. портретами въ народн. картинкахъ 76.
Видало, котъ въ Индійск. нар. сказаньяхъ 259.
Видъ села Измайлова 28.
Видѣніе нѣкоего монаха 37.
Видѣніе нѣкоего святого 36—37, 336.
Византія 315; ея вліяніе на славянскую рукописную литературу 125.
Визиръ великій, въ войнѣ съ Кобургомъ 154.
Викуловъ, Андрей, раскольникъ 160.
Виленская Богородица 314.
Виленскій Букварь 117.
Вильгельмъ, или Вилимъ, король Англіискій 71.
Вильна завалена была трупами въ 1812 г. 454; въ Вильнѣ Евстафій и другіе пострадали за свои бороды 375.
Виргилій въ картинкѣ 87; его книги и гаданіе въ него 171.
Вирши на Сагайдачнаго, К. 1622 г.: № 159—161, стр. 148.
Виска, въ пыткахъ 495.
Витгенштейнъ, фельдмаршалъ въ 1812 г., его портреты 459.
Вишняковы, братья, ихъ путешествіе въ Іерусалимъ 470—474.

Виелеемскіе младенцы, имъ молятся для легкихъ родовъ 384.
Виелеема видъ 477.
Вій, повѣсть Гоголя, упом. 328.
Владиміровъ, Іосифъ, Москов. пконописецъ въ 1663 г., написалъ копию съ Римскаго убруса 309.
Владиміровъ-циклъ сказокъ 192.
Владимірская Богородица, изобр. Ея 315, написаніе Ея св. Лукой 314; привѣски съ Нея сняты по указу Петра I. 383.
Владиміръ, богатыри 1812 г. 452.
Владиміръ, городъ, упом. 443.
Владиміръ, Вел. Кн. Кіевскій, упом. въ былинахъ 90, 185, 187, 189, 289; не рѣшился принять магометанскую вѣру, потому что въ ней запрещено пить вино 370; Его уставъ 468; его наложницы, проживавшія въ Бѣлгородѣ, осажденномъ печенегами 134; упом. 135, 469.
Власьевскіе морозы, упом. 461.
Влюбленные, карт.: № 235, стр. 282.
Водяной звѣрь, въ сказкѣ 209.
Военная служба, лучшая исправительная школа для провинившагося 512.
Вожакъ-медвѣдь и коза 364—368.
Вождь по жизни (рукопись) 375.
Возрастъ человѣческой 296; картинка: № 240, стр. 297.
Война русскихъ съ турками у раешника 147.
Волга, кулачные бои на ней 356—359.
Волковъ, Екимъ, карликъ Петра I, его свадьба 432.
Волковъ, Сергій, переводчикъ Монархическаго колосса 133.
Вологда, городъ, упом. 299, 411; въ ея соборѣ находится Халдейская пещь 399.
Волокиты гривну даетъ Налимъ пристава, чтобъ только не идти на судъ 248.
Волхванъ, князь, отецъ Петра Златые ключи 201.
Волхонскій, князь, въ нянькахъ при собачкѣ Анны Ивановны 420.
Волшебная бочка, въ сказкѣ о смѣрпомъ мужикѣ 213.
Волшебная коробочка, тамъ же 213.
Волшебницы помогаютъ богатырямъ 224.
Волшебный гусь, въ сказкѣ о купцѣ и женѣ 215.
Волынецъ, Дмитрій Бобровъ, на Мамаевомъ побоищѣ 135; его полкъ, выйдя изъ засады, рѣшаетъ исходъ битвы 136.
Волынка, въ котловомъ погребеніи 265.
Волынский, Артемій Петровичъ, о пословцѣ Архиппыча 233; его шутки надъ дураками 420.
Вольные дома 263.
Вольтеръ, Екатерина II приглашаетъ его къ себѣ въ Константинополь въ гости 145; переписка съ нимъ на счетъ оспы 513; Вольтеръ русскій доморощенный (Кургановъ) 455.
Вольфгангъ, Іоаннъ, его хропографъ о двухъ 136—137.
Ворона—символь дурака, басня Крылова на этотъ случай 449.
Вороненко, полицейскій, который дѣлалъ поджоги въ 1812 г., по приказанію Ростопчина 444.
Воронезъ, 482.
Воронцовское поле, Московское Урочище, упом. 240.
Воронъ Вороновичъ упом. 232.
Воръ и бурая корова (сказка) 179, 214—215, 425; воръ пришелъ на дворъ 51.
Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь, карт.: № 325, стр. 479—480.
Воскресенскія ворота, у которыхъ находится часовня Иверской Богородицы 316.
Востокъ, его: Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музея 468; о гадательныхъ книгахъ 171.
Временникъ Истор. Общества 71.
Вретанія 127.
Всеволодъ Михайловичъ, князь 369.

Всенародное покаяніе убійць Жуковыхъ, карт.: № 333, стр. 491.

Всеславъ, князь Полоцкій, происходить по легендѣ отъ злого духа 330—331.

Вутерсъ, голландецъ, писалъ Петру I о томъ, что русскія книги не раскупаются 121.

Вшивая горка, упом. въ фабулѣ о безмѣстномъ дворѣ 240.

Выговская пустынь п Выговцы: споры п отвѣты ихъ по вопросу о перстосложеніи 341—342.

Выправщики, упом. 342.

Высокій хмѣль, карт. 380.

Высокія прически 280.

Выславъ Андроновичъ, царь 209, 210, 211.

Вышгородъ 315.

Выѣздъ французскихъ артистовъ изъ Москвы въ 1812 году, работы Венеціанова, табл. XXXVII—XL.

Вьюнъ—писарь, въ сказкѣ о Ершѣ 250.

Вѣна, въ пей гравировано описаніе Іерусалима; тамъ же срисована икона Римскаго убруса 309; св. Анны рука 48; въ картинкѣ Судъ надъ Христомъ 305.

Вѣники, употребляемые для пытки 467.

Вѣнская Богородица 314.

Вѣтеръ, въ сказкѣ о Смирномъ мужикѣ 213.

Вятская баталія 239; забавная картинка: № 212, стр. 239—240.

Г.

Гавріилъ, Архимандритъ Калязньскаго монастыря, на него написана стихотворная челобитная 235—238.

Гагара, русскій купецъ, увѣровавшій въ чудесное схождение св. огня въ Іерусалимѣ 475.

Гаданье, см. Аристотелевы врата, Виргилій, Вольтеръ; Коло, Рафлп, Случаевъ описаніе 171.

Гадательная картинка царя Соломона: № 171, стр. 175.

Гадательный способъ для увеселенія; черезъ-чуръ скоромная книжка 283.

Гадди, Аньоло, итал. живописецъ; его фрески съ легендою о крестномъ древе 308.

Гайка, Венцеславъ, его чешская хроника 256.

Галаховскій, Даниель, граверъ на мѣди XVIII в. 18; его аллегорич. картинка, посвященная Мазепѣ отъ Кіевской Духовной Академіи въ 1717 г. 75.

Галенкуръ, д-ръ русскаго придворнаго оркестра въ 1675 г., 387.

Галицкій князь Димитрій Шемяка 243—247.

Галатовскій, ректоръ Кіево-Печерской Академіи 310.

Гансвурстъ, нѣмецкій шутъ 406.

Гаргантюа, Рабле, оригиналь французской каррикатуры: 47—48, Спм.: № 69, стр. 49—50.

Гариванса (Harivansa ou l'histoire de la famille de Hari; ouvrage formant un appendice du Mahabharata; trad. par Langlois, Paris—Londres, 1834) о концѣ міра 291.

Гарнизонная Аракчеевская манера битъ пинц-рутенами 502—503.

Гарпіа, чудовище 227, 229.

Гаутмана жена, родившая трехъ чертей 331.

Гвидонъ, король, въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ 191—192; карт.: № 184, стр. 198.

Гвоздила, Иванъ, русскій ратникъ 1812 г. 441, 445, 448, 451.

Гвоздь Господень въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, ему молитва отъ неплодіа 384.

Гейдеке, его статья о Богородицѣ 310.

Гейденштейнъ, о выборѣ певѣсты изъ числа 2000 Иваномъ Грознымъ 98.

Генералъ-губернаторы—новые, хотя и страшны, но не такъ, какъ древніе восводы 243.

Гейслеръ, «Казни» 501.

Genitalia 415.

Геннадій, архіепископъ Новгородскій, составилъ Пасхалию, его слово о гаданіяхъ 171.

Генте (F. W. Genthe, Jungfrau Maria, Halle 1852) 310.

Генуэзцы, владѣютъ многими святынями: чашей Спасителя 308; убрусомъ 309.

Генуя 309.

Георгій Побѣдоносецъ, бой его съ чудовищемъ 324; освобожденіе царевны Олесафії 324; его пзображенія 323, 324; его образъ, къ которому прилипаютъ монеты 478; его нога въ Венеціи 467; на Егорья выгоняютъ скотину въ 1-й разъ въ поле 324.

Георгій, св. великомученикъ, работы грав. се-ребренника Афанасія Трухменскаго: № 26, стр. 18.

Георгія, св. монастырь въ Іерусалимѣ 478.

Георгъ, † 1169 г. 470.

Герасимъ, препод., его пзображеніе п содержаніе его легенды 322.

Герасимъ Ярославецъ, кулачный боецъ 356.

Герберштейнъ, его сочиненіе о Россіи 469; изъ него выписки въ Космографіи 128.

Гербъ имп. Елисаветы Петровны, вырѣзанный по поводу войны съ пруссаками: № 158, стр. 141.

Германъ, митрополитъ 466.

Германъ п Филиппъ, препод. 488.

Гермелина, дьяволь-женщина, жившая въ совокупленіи съ мошахомъ 331.

Гетруда, монахиня, жившая въ сообщеніи съ сатапою 331.

Гизель, Иннокентій, его Синописъ (Кіевъ 1674, 78, 80 гг.)—былъ единственнымъ учебникомъ по части русской исторіи до лѣтописца Ломоносова 133, 134.

Гиза Мыстуонскій, грав. 508.

Гильдебрандтъ, археологъ, его статьи: о страшномъ судѣ 167, 291; о Халдейской пенци 400.

Гильфердингъ, А. Ѳ., его Опежскія былины 376.

Гисторія о витязѣ Бовѣ Королевичѣ, въ 8 картинкахъ, краткая: № 178, стр. 193—194.

Гитара у цыганъ 389.

Глаголы боевые 116—118.

Глаголическая рукопись 1468 г., 123.

Глѣбовъ, личный врагъ Петра I, замученный на пыткѣ 499.

Гмелинъ, академикъ; о привитіи оспы въ Россіи 513.

Говардъ, Джонъ; его описаніе московскихъ тюремъ 507, 510.

Говнось или Гонось, шутъ 284, 423—425.

Гоголь, Н. В., его повѣсть Вій 328.

Гогъ п Магогъ, а съ ними еще 14 дивъ: Арзомій, Аристоль, Голѣядъ, Дафафоль, Дефкомъ, Дипъ, Инофаазъ, Нафаръ, Сатиррій, Хартинъ, Хохомъ п Оароомія 131.

Годуновъ, Борисъ, царь; отравилъ Ѳедора Ивановича, убилъ Димитрія Царевича 133, 320.

Голгофа, гора, на которой распяты Спасители; она образовалась изъ камней, которыми была закидана, по приказанію Соломона, голова Адамова 474; камешки съ Голгофы 466.

Голландскій лекаръ, помолаживающій старухъ (пнтермедія), карт.: № 289, стр. 410.

Голенищевъ-Кутузовъ, фельдмаршалъ въ 1812 г., его портретъ 459; его приказъ по случаю Московскаго пожара 445; о французяхъ 448; его замѣтка о русскомъ морозѣ 450.

Голи, латинскія, упом. въ былинахъ о Ильѣ Муромцѣ; кабацкія голи—кабашные завсегдатаи 376.

Голиковъ; его дѣянія Петра Великаго 267.

Голицына, княг., Наталья Петр., любимая шутиха Екатерины I. 414.

Голицынъ, князь, Вас. Вас. упом. 264; картины у него въ домѣ 71.

Голицынъ-Квасникъ, кн., исправлялъ должность пасѣдки у Анны Ивановны 414, 420.

Голландская Библия 1674 г., 30.

Голландскій лекаръ и добрый аптекаръ; 408, 437; картинка № 289, стр. 410.

Голландцы, по увѣренію Курганова, породъ глу-пый 128.

Головинъ, Ѳед., посолъ, принимаетъ на службу гравера Шхонебека 22, 23.

Голосъ, ежедневная газета, упом. 378.

Голубиная Книга 162.

Голишевъ, Ив. Ив., археол. и производитель народных картинокъ; изъ его сочиненій упоминаются: лубочныя старинныя картинки—о производствѣ и раскрашиваніи ихъ 61, 62, 63; объ истребленіи старыхъ мѣдныхъ досокъ 31, 83; надписи на печатныхъ пряникахъ 72.

Гольбейнъ, нѣмецкій живописецъ; его Пляска смерти 3, 294—295.

Гомбровіуса романъ—Полеоксандра и Юный Альцидѣанъ 178.

Гонось, шутъ 284, 423—425.

Гордецъ, — картинка, представляющая гордеца, который, ходя журавлемъ, щиплетъ самъ себя за носъ: № 210, стр. 234.

Горе-горюшко въ кабацѣ 376.

Городиславъ Михайловичъ, паломникъ въ Іерусалимъ 467.

Горюетъ дѣвушка, скоромная картинка 295, 281; изображ.: № 235, стр. 282.

Готфридъ Бульонскій, упом. 467.

Гохландъ, островъ, упом. 421.

Гошемскій, Адамъ (А. G.), Почаевскій граверъ второй половины XVIII в.; его работы: Страсти Христовы 18, 306; апостолы Петръ и Павелъ съ Почаевской обителью въ рукахъ: № 33, стр. 24.

Гошемскій, Іосифъ (I. G.), Почаевскій граверъ того же времени 18.

Граверы-серебряники 33, 57, 58, 59, 60.

Гравированіе на деревѣ; начало его въ Европѣ и у насъ съ 1564 г. 1, 3, 4, 10, 11, 40.

Гравированіе на мѣди; исторія его 1, 12—26, 31.

Гравированіе, книжный манеръ 10.

Гравировать, гридировать, тушевать, штыковать, куперштыковать; объ этихъ терминахъ и разныхъ способахъ гравированія 59, (см. т. V текста Русск. Нар. Кар. изд. 1881 г., стр.) 337—340; графировать, см. тамъ же, стр. 338.

Градь, Св. Чаша, въ которую была собрана кровь Христова 308.

Градье, Урбанъ, рыцарь, заключившій договоръ съ чертями 176.

Гребешокъ, дарившійся невѣстѣ въ банѣ 109; волшебный 224.

Гребневская Богородица въ селѣ Гребнѣ 65.

Гренка съ Дона—мышь въ котловомъ погребеніи 263, 267, 270.

Грессе (Grässe, Sagenkreise) о Св. Чашѣ 308; о шутахъ 411.

Греческій пошибъ или стиль 54.

Григорій иконописецъ, дѣлавшій рисунки для блблн Кореня 43, 44, 124, 291.

Григорій мастеръ, его рисунки для Апокалипсиса, 11, 40, 256.

Григорій Калѣйка, Новгород. архіеписк. 468.

Григорій Мнихъ, ученикъ Василія Новаго 291.

Григорій Нисскій, объ Іерусалимскихъ паломникахъ 465.

Григоровичъ, В. И., проф., его собраніе рукописей упом. 162; Болгарск. сборн. 163.

Гридеровать, градировать, отъ Radiren—травить, или гравировать крѣпкой (водкой, Radiernadel (иглолка для офорта), Radierfirnis (лакъ), Radiermesser (ножикъ), Radierkunst, Radierung (гравированіе, гравюра крѣпкой водкой), Grat, Grattoire,—см. текстъ изданія Р. Н. К. 1881, стр. 337—340.

Гриммъ (Grimm); его Deutsche Heldensagen 470.

Грипусы, солнечныя птицы, грифы 161.

Гришка—мышь въ котловомъ погребеніи 270.

Гробъ Господень въ Іерусалимѣ 323, 330, 477.

Грудцынъ, Савва, русская повѣсть 330.

Губернскія учрежденія Екатерины II и поговорка о свиныхъ съ поросятами 243.

Губная изба или губной староста, въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ 250.

Гудокъ, первообразъ скрипки; описаніе его 389.

Гудочникъ при кукольной комедіи, у Олеарія 360.

Гулянье на масляницѣ, карт.: № 264, стр. 358; табл. XXXIII.

Гулянье въ семникъ: № 265, стр. 358; табл. XXXII.

Гулянье веселое на мыцахъ, картина новѣйшаго замышленія, неимѣющая никакого отношенія къ котову погребенію: № 222, стр. 272.

Гуны—цѣлый народъ, который произошелъ отъ злыхъ духовъ 331.

Гуны—плащъ страпниковъ 467, 468.

Гурій, Самонъ и Авивъ, нмъ молятся жены отъ несправедливой злобы мужей 112, 383.

Гурьевна, гладкая и чистая баба въ осенней картинкѣ 517.

Гусекъ, игра, допускавшаяся въ кабакахъ 376.

Гусли, струнный инструментъ,—описаніе ихъ 387. Есть школа для игры на гусляхъ Кушенова-Дмитріевского.

Гусли самогуды, въ сказкахъ 224.

Гусляръ, на картинкѣ у Олеарія при кукольной комедіи 360.

Гутовскій, органистъ 1677 г., сдѣлалъ станокъ для печатанія мѣдныхъ досокъ 32.

Гюнтеръ, епископъ Бамбергскій 470.

Д.

Давидъ, Эмерикъ; его Histoire de la peinture au Moyen âge (иконы, писанныя Евангелистомъ Лукой) упом. 314.

Давидъ, царь и пророкъ 296; соблазненъ Вирсавіей 87. Притча о немъ въ царскихъ хоромъ 45—46. Давидовы врата въ Іерусалимѣ 470. Упрекъ ему отъ бражника 373.

Даву, маршалъ Наполеона въ 1812 г., занимается выжпгою 445.

Давыдовъ, Деянъ, партизанъ 1812 г., истреблявшій французовъ 448—452; его мнѣніе о томъ: морозъ ли истребилъ въ 1812 г. французскую армію 449—450; его портреты 459.

Дадонъ, король, отецъ Бовы, онъ же—Додонъ, Дудод-ди-Маганца 192, 198, 199.

Далила, предавшая Самсона 87.

Далматъ, царь, въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ 205, 210.

Даль, Вл. Ив., его собраніе народныхъ картинокъ; заимствованіе пословицъ изъ текста народныхъ картинокъ 148, 409.

Дандоло, дожъ Венец., ему былъ подаренъ убръ 309.

Данила, бѣлый царь 251; въ сказкѣ о Ерусланѣ 205, 206.

Данила и Вавила, шутливыя персоны 429.

Данилова, путиха Екатерины II. 423.

Даниловъ, Карпъ, калѣйка 468.

Даниловъ, Кирша, казакъ, собранныя въ 1750 г. его пѣсни въ изданіяхъ 1802 и 1818 г. 222, 285, 419, 467, 469.

Данилъ, игуменъ, его описаніе паломничества въ Іерусалимъ 466—468.

Данилъ Пророкъ, его ученіе о концѣ міра 291.

Два дурака втроемъ, карт.: № 296, стр. 426.

Дворянинъ, въ сказкѣ «смирный мужикъ» 213—214.

Дворянинъ съ крестьяниномъ, судъ между ними 242, 251.

Двѣ молодки на одного молодца; скоромная картинка 95, 281; изображ.: № 118, стр. 96.

Двѣнадцатый годъ (1812): 441—459. Разказы о немъ очевидцевъ 454—455.

Дебране, кулачные бои ихъ на Сулянь 359.

Де-Ворагине, Іаковъ, его Legenda augea, изъ которой въ наши картинки заимствованы легенды: золотая легенда о пѣкоемъ дворянинѣ 179, 313—314; житіе Маріи Египетской 324.

Дельфы, тамъ указывали путь земли 474.

Демидъ, въ сказкѣ о Ершѣ 251.

Демоны, 330.

Денежный дьяволъ, французская народная картинка изъ Champ fleury l'Imagerie populaire, P. 1869, 208.

Позднѣйшій переводъ этого сюжета: 48; № 72, стр. 52;

скопированъ съ французской гравюры 1776 года, какъ сказано въ самомъ текстѣ. № 73, стр. 51—52.

Дербѣ, г. 206.

Дешевыя игральныя карты 3. Дешевыя сатирическія сочиненія 3.

Дешовка, новое названіе вина послѣ уничтоженія откуповъ 376.

Дженнеръ, англійскій врачъ, изобрѣтатель прививки коровьей оспы 515.

Дивная птица, которая прилетала въ Парижъ 6 апрѣля 1776 г. 51; карт.: № 144, стр. 138.

Диво-дивное, сказка 214—215.

Димитрій Ивановичъ Донской, на Мамаевомъ побоищѣ 135, 481—482.

Димитрій, іерей, отецъ бѣсноватой жены Соломоніи 333.

Димитрій, митрополитъ Ростовскій, перечисленіе его сочиненій: Руно орошенное, чудеса Ильинской Черниговской Богородицы 310; книга противъ защитниковъ бороды 276, 277; слово о хулителяхъ вѣка 504. Открытіе его мощей 321. Запрещеніе продавать его образа 78.

Димитрій Шемяка, князь Галицкій 243—247.

Димитрій, сынъ Выслава Андроновича 209, 211.

Димитрій царевичъ, святой; убіеніе его 133, 320.

Димсдаль, Тома, докторъ оспопрививатель, прививаетъ оспу Екатерины II, Павлу Петровичу, Александру и Константину Павловичамъ и убѣждаетъ обогащенный въ Англію 513—514, 515. Его портретъ 514.

Димитріевъ-Мамоновъ, русскій Митрофанъ-Астрономъ 156—157.

Димитріевъ-Петковичъ, Обзоръ Афонскихъ древностей 124.

Добрый пастырь, поздравительная картинка, поднесенная А. Зубовымъ епископу Тверскому Митрофану Слотовинскому въ 1741 году: № 104, стр. 75.

Добрые молодцы, кулачные бойцы: карт.: № 270, 363.

Добрыня Никитичъ, русскій богатырь 184, 185, 188, 189, 191, 468.

Додонъ, царь, въ сказкахъ 192, 198, 199.

Доктора считались въ старину колдунами 386.

Докторъ въ петрушкиной комедіи 362.

Долбила, безграмотный попъ съ Покровки, цѣлблennyй калязинскими монахами 238, 445, 451.

Долбила русскій милицейскій мужикъ, герой 1812 г. 441, 448.

Домицелла, разбойникъ 312.

Домострой, см. Голохвастовъ и Некрасовъ 112, 368, 369, 372.

Домра, см. «Балалайка» 265.

Донской монастырь, въ немъ была устроена духовная цензура 81.

Дорогомилевская слобода, гдѣ останавливался Наполеонъ въ 1812 г. 442—443.

Доротея, Гамбургская вольподумка 160.

Дорошка—мышь, въ котловомъ погребеніи 270.

Достоевскій, о разныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ 499, 503.

Драгунъ—боецъ; драгуны прусскіе боялись русскихъ казаковъ 144.

Драка, карт.: № 267, стр. 358.

Дракула Мутяпскій, его пытки и звѣрства 431.

Древляне, пріѣзжавшіе сватать в. к. Ольгу 382.

Древняя и Новая Россія 1877 г. 398, 416.

Дробницы, или металлическія клейма 38.

Дробницъ, серебряныхъ, десять съ гравир. изображеніями святыхъ, наколоченныхъ на окладѣ Евангелія 1393 г. (въ Троице-Сергіевской лаврѣ): № 45—54, стр. 37—40.

Дроздовъ, Антонъ, одинъ изъ рукоприкладчиковъ подъ челобитной калязинскихъ монаховъ 238; упом. въ фавулѣ о безмѣстномъ дворѣ 240.

Дружининъ, Петръ, граверъ черной маперой на Артемьевской фабрикѣ 60.

Дружневна, жена Бовы королевича 180, 191, 192, 195, 196, 198, 199; королевна: № 179, стр. 195; въ краскахъ: табл. XII.

Друзіана, мать Пуликапа 197.

Дунлопъ, (I. Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen . . . übers, von Liebrecht, Berlin 1851) объ Александрѣ Македонскомъ и дивахъ 137; о Соломоновой бутылкѣ съ чертями 175; о характерѣ западныхъ сказокъ и романовъ 220, 222 (ихъ только и читали въ XVIII вѣкѣ); о Гуннахъ 331; о Богородицѣ 313; объ изображеніи бѣса 334.

Дураки умные, въ русскихъ сказкахъ 224; раздѣленіе дураковъ на придворныхъ и народныхъ 413.

Дуракъ и дура нянчатъ котенка 430; карт.: № 308, стр. 431.

Дурачество и шутство; исторія ихъ 411—436.

Дурносозъ, герой Барковскихъ драмъ 425.

Духовные листы иконнаго разряда 35.

Духовный Эблемать, книжка 305.

Дыба; ея устройство для пытки 492.

Дьяволъ; отдѣлы легендъ о немъ 304, 324—335; денежный дьяволъ 48.

Дѣвичье поле въ Москвѣ, гдѣ справляется масляница 348; гдѣ бывали кулачные бои у гр. А. П. Орлова 356.

Дѣдушкины прогулки, Спб. 1790 г., упом. 179.

Дѣйства—представленія изъ св. писанія для народа 399.

Дѣло, журналъ 1877 г., т. XI, 380.

Дѣло о побѣдѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкинской улицы отъ своихъ куръ 242.

Дѣтская колыбелька, орудіе пытки 498.

Дюкъ Степановичъ—пѣснь о немъ 266.

Дюреръ, Альбертъ; съ его оригиналовъ копировалъ П. Бушнъ апостоловъ Варфоломея и Іоанна Богослова, упом. 3.

Дюроне, адъют. Наполеона, котораго тотъ послалъ въ 1812 г. устроить сдачу Москвы 442.

Дядька, въ сказкѣ о Булатѣ-молодцѣ 217—218.

Е.

Евангеліе 305.

Евва, жена Адама, ее соблазняетъ дьяволъ 324.

Евва, въ кукольной комедіи 364.

Евгеній, маршалъ Наполеона, упом. 445.

Евгеній митрополитъ, Словарь свѣтскихъ писателей, упом. о Синописѣ Ісидора 133.

Евдокія, царица, заточила Іоанна Златоуста въ Армены 87.

Евдонъ, храбрый рыцарь, съ Берфой, своей подругой; Евдопъ и Берфа, комедія 220.

Евдонъ и Берфа, карт.: № 193, стр. 221.

Евдонъ, рыцарь, карт.: № 191, 194, стр. 221, 222.

Евино древо, райское, см. крестное древо 306, 307.

Евлесъ—Едесъ 298.

Евреи—ихъ ученіе о концѣ міра 291.

Евстафій, пострадавшій за брадобритіе 275.

Евстафій Плакида, великомученикъ (содержаіе легенды о немъ) 323.

Евтропій, въ легендѣ о мученикѣ Минѣ 322.

Евфравдизій, египетскій царь, владѣтель св. Убруса 308.

Египетъ 324.

Егорій храбрый, опъ охраняетъ скотъ отъ звѣря (см. Георгій, великомученикъ) 383.

Едесъ, городъ, въ немъ хранится Убусъ 298, 309.

Ежовые портки въ пыткахъ 240.

Ездры, пророка, колядникъ 166.

Езопъ житіе и басни 180, 225, 231.

Екатерина, великомученица; она помогаетъ въ родахъ 383.

Екатерина I, ея портреты съ ориг. К. Моора 28, 273; съ А. Зубова 151; поднесенный отъ св. Синода въ 1725 г. 75; была хорошею женою Петру I-му 416; любила шутить 414; о томъ, какъ монахи обманули ее аміантовымъ платкомъ 466; сатирическія картинки на нее: Баба-яга съ крокодиломъ и съ мужикомъ 273; пѣмка верхомъ на старикѣ 88, 93, 273—274; упоминается въ котловомъ погребеніи (Маланья вдова) 255, 263, 271.

Екатерина II, ея портреты 151; она прививала себя оспу; празднества по этому случаю и громадные деньги, выданные английскому оспопрививателю 513—514; плащ отобранный у монастырей их имущества 237; по ея заказу гравированы картинки: просьба калязвских монаховъ 238, 489, 490, и казнь убійцы Жуковыхъ 490—492; ея указы: о тюрьмахъ 510; уничтожаетъ пытки, только не совсемъ 500; учреждаетъ губерскія мѣста 243; прекращаетъ преслѣдованія противъ раскольниковъ 278; провѣтъ покоренія Коптаинополя 145; моды въ ея время 108; она любила плясать 396; держала при себѣ шутиху Данилову 423; ея мнѣніе о значеніи Суворова 153.

Елена, царица Серебрянаго государства, похищаемая Иваномъ Царевичемъ 210—212; похищаемая для царя Адора Симеономъ 212—213.

Елеси—мышь, въ «кововомъ погребеніи» 265.

Елизавета, английская королева; письмо къ ней отъ Спизмунда о Московск. Государѣ 128.

Елизавета Петровна, императрица: ея безобразный портретъ, раб. Конона Тимофеева, запрещенный въ продажѣ 75, 76, 151; № 105, стр. 77; продолжала преслѣдовать раскольниковъ 277; любила танцевать въ мужскомъ платьѣ 396—397; первые опыты оспопрививанія начались при ней 513; выписывала ученыхъ медвѣдей 368; любила слушать сказки 182; упом. 128; провѣтъ присоединенія Пруссіи къ Россіи, подписанный ею 142.

Елизаветъ Воробей, татарская баба, принятая за мушкетера 510—511.

Елизаръ въ сказкѣ о Ершѣ 251; староста въ реестрѣ о приданомъ 107.

Елисей, юродивый 413.

Емелька-попъ, мышъ въ котовомъ погребеніи 270.

Емельянь дурачекъ, сказка,— ея содержаніе 180, 220.

Еммануиль, Спасъ 308.

Епанча, въ сказкѣ 214.

Епископъ Едесскій, скрывшій Нерукотворенный Спасъ 309.

Епистимія, мать Еруслана Еруслановича 203.

Ералашъ, карт. № 305, стр. 433.

Ералашъ, дурацкая персона, съ молодницею 429, 95. табл. XIII (въ краскахъ).

Ерема мыльникъ, въ фабулѣ о безмѣстномъ дворѣ 240.

Ерема пакольникъ, въ масляничныхъ балаганахъ 426 (см. Ермакъ).

Ерема съ Богомъ 427 (картинка), они же съ Парамошкой 360, 428.

Еремка—это названіе означало на языкѣ всепьянѣйшаго собора распутство 428.

Еремюшка и бабушка, скандальная картинка: 281, 382, 408, 428. № 278, стр. 282.

Ермаки-мышь, въ котовомъ погребеніи 265, 428.

Ермакъ (Ерема), цѣловальникъ 376, 377, 409; ермаками, вообще, прозывались всѣ цѣловальники 376, 428.

Ермакъ, фабричный кулачный боецъ, съ Парамошкой пономаремъ 360, 428.

Ермилъ, посадскимъ бабамъ милъ 377.

Ерминьонъ, король 197.

Ермоловъ, Алексій Петровичъ; его приказъ партизану Фигнеру 450.

Ермошка, дурацкая персона 360, 428.

Ерофѣевна, бабушка въ медвѣжьей приауткѣ 365.

Ерошка—мышь въ котовомъ погребеніи 270.

Ерусланъ Еруслановичъ, сынъ Еруслана Лазаревича 206; бой его съ отцомъ 207.

Ерусланъ Лазаревичъ, сказка 184, (заимствована изъ персидскаго Шахъ-Наме); содержаніе ея 203—207; сильный богатырь 232; карт. № 189, стр. 203; бой его съ морскимъ змѣемъ: № 190, стр. 208.

Ершъ Ершовичъ, сынъ Щетяниковъ, повѣсть 227—242, 247—251; замѣтка Кантемира объ этой повѣсти 284.

Есиповъ, «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ» 416.

Есфирь, комедія, игранная въ 1672 г. 406.

Ефратъ, рѣка 230.

Ефремовъ, П. А., его Авбука 1812 г. 61.

Ефросинія, кп. Полоцкая, жена Александра Невского, ходила на поклоненіе въ Іерусалимъ 467.

Ееіопы въ Космографіи; они совокупляются съ дѣвками Мазическаго царства 128.

Ж.

Жабный камень хранился въ семьѣ Вальтеръ-Скота 384.

Жалоба противъ смерти 3.

Жаръ-птица, въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ 179, 210.

Желайка, дудка (желейка) 387.

Жена лукавая 279.

Жена нѣмецкаго краля 211.

Женатый волокита 279.

Женевьева, легенда о ней 215.

Женитьба дьявола 332.

Женихъ и сваха въ шутовскихъ костюмахъ 103, карт.: № 121 и № 122, стр. 102.

Женская баня 108, 109, 281; карт.: № 127, стр. 109—110; въ краскахъ: № XX.

Женская разсѣянность 96, 279.

Женщины въ сказкахъ пользуются свободой—богатырствуютъ 223; женщины дома 34.

Животное, найденное въ Испаніи въ 1775 г. 139.

Жиго, французъ, учитель танцованія 458.

Жидове на иконѣ Страшнаго суда 292.

Жидъ Лейба, работы кievскаго гравера Гошемскаго: № 312, стр. 439.

Жида въ Россіи 438; на иконѣ Страшнаго суда 292.

Житіе св. Ольги 382.

Жихаревъ, «Записки современника съ 1805 по 1819 г.» 356; ч. I. Дневникъ студента, о цыганской пляскѣ 392.

Жуковы—убійцы, Алексій и жена его Варвара; обрядъ ихъ покаянія 490—492, 507; картинка, рѣз. Чуваемъ упом. 238.

Жулія, графиня английская, въ романѣ 220.

Жураховскій, Продионъ, архимандритъ Межигорской обители; посвящ. ему картинка 73.

Журжа, крѣпость, взятіе ея въ 1771 г. 147.

З.

Забѣлннъ, Ив. Егоровъ, изслѣдователь русской жизни: «Бытъ царей» 71, 121, 231; о гравюрахъ 32; о живописи XVII в. 45—46; картинки во дворцахъ 71; о послѣ Барберини 68; «Опыты», ч. I. 114—115, 121, 406, 407, 514; ученіе въ старину 115 121; о Домостроѣ 112—114; о театрѣ 407; объ оспѣ 514; его собраніе рукописей, изъ которыхъ многія были сообщаемы автору при составленіи настоящаго изслѣдованія 86.

Завистливость русскихъ другъ къ другу 233—234.

Заганъ, Іоаннъ; изъ его сочиненій составленъ Брюсовъ календарь 167.

Заголовки изъ книгъ: «Богородичнаго капопа», работы Аѳанасія К. 1677 г.: № 329, стр. 485; Московской Библии, раб. старца Зосимы: № 247, стр. 307; Кіевск. изданія, раб. молаха Прилея XVIII в.: № 330, стр. 486.

Загряжская приписитъ Наполеону Кремлевскіе ключи 442.

Задонскъ, городъ; богомолье, направляющееся туда 482.

Закревскій, Московск. гел.-губ., уничтожившій мѣдныя доски съ народными картинками 83.

Залазаръ Залазаревичъ, или Зальзеръ, Зальзаровъ сынъ (прототипъ Еруслана Лазаревича) 203.

Заливская, московская купчиха, почитательница Ивана Яковлевича 158.

Зальзеръ, см. Залазаръ 203.

Замки-калита, бѣсъ 327.
 Замоскворѣе 443.
 Заоникѣвская пустынь въ Вологодской губ. 299.
 Запала Путятична (Забава), племянница вел. кн. Владимира, выходитъ за Соловья Вудимировича 90.
 Зарудневъ, суперъ-питедантъ; ему поручено Петромъ I наблюдать за благолѣіемъ царскихъ портретовъ 75—76.
 Зарудный, Серг. Пв., сенаторъ; его образцовый переводъ Беккарія 500.
 Застѣнокъ, гдѣ обвиняемый пытался 492.
 Захаръ, Паптюха и Филать, дурацкія персоны 429.
 Звѣзда пресвѣтлая, рукопись о чудесахъ Богородицы, принадлежащая Буслаеву 314.
 Звѣзда, царица, дочь царя Архидея 207—209.
 Звѣревъ, Афанасій, рѣзецъ въ 1680 г.; рѣзалъ фряжскіе листы 32.
 Зелейники или лечебники 386.
 Зеленая улица изъ шницрутеновъ 503.
 Зелѣ черное и забыдушее, въ сказкѣ о Бовѣ 224.
 Зензевей Андонорвичъ, король Арменскаго царства (Армниопъ) 192, 195.
 Зереферъ, бѣсъ, хотѣвшій обмануть пустыльника (Антонія Великаго),—содержаніе легенды о немъ 329; карт. № 256, стр. 331—332.
 Зеркало челоуѣческаго спасенія (ars moriendi) 3.
 Зеркальце волшебное 224.
 Зерна чечевичныя, оставшіяся отъ Тайной вечери 467.
 Зернь, игра 402.
 Зерцало Велікое, переведено на русскій языкъ въ 1669 г.; изъ него заимствованы многія легенды 179, 301, 312, 327, 328, 335.
 Зерцало грѣшнаго, карт. 296.
 Зерцало грѣшника, какъ образецъ работы Нехорошевскаго: № 40, стр. 31.
 Зефиръ, богъ вѣтровъ, упом. въ сказкѣ объ Адольфѣ Лапландіскомъ, 214.
 Зеееоусъ, бѣсъ, упом. 329.
 Змѣй 12-тиглавы 209.
 Змѣй Казанскій, изгнанный волхвомъ 133.
 Змѣй кнѣзій, сирѣчь самовѣръ 291.
 Змѣй шестиглавый 219.
 Змѣй Θεодуль 204.
 Змѣй Еву соблазнилъ 324.
 Змѣй въ кукольной комедіи 364.
 Змѣй на Страшномъ судѣ 292.
 Змѣй сторожитъ царскія сокровища 322.
 Знакъ объ уплатѣ пошлины за бороду, карт.: № 226, стр. 275.
 Знаменіе подъ городомъ Шлопскимъ 1736 г., карт.: № 143, 137.
 Знахарь и знахарки въ деревняхъ, упом. 381.
 Золотая гора, сказка 216.
 Золотая легенда 313—314, 324.
 Зосима, іеродиаконъ 467, 478.
 Зосима и Марія Египетская 324.
 Зосима и Савватій, образъ съ видомъ Соловецкаго монастыря 488; карт. № 431, стр. 486.
 Зотовъ, учитель Петра I. 71, въ послѣдствіи шутъ—князь-папа 269—270, 415.
 Zubovъ, Алексій, граверъ на мѣди, ученикъ Адриана Шхонебека, который обучаетъ его гравированію черной маперой 24, 25, 26, 27, его работы: Сошествіе Св. Духа 31, 56; свадьба карлы Волкова 432; подиосный портретъ Екатерины I (отъ Сипода) 75; портреты: Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны 151; печатастъ подиосные листы съ вѣршами на шелковыхъ матеріяхъ 75; образчики его работъ: картинка изъ Соломоновыхъ «Пѣснѣхъ пѣсней», скопированная изъ «Вѣблѣн» Пискара, — № 35, стр. 25—26; «Терновская митрополія» — № 36, стр. 27; Село Измайлово — № 37, стр. 27—28.
 Zubovъ, Иванъ (J. Z.), граверъ на мѣди, ученикъ Адриана Шхонебека 28, 30; образецъ его работы: Петръ I и Екатерина, копія съ Хубракена 273.
 Зурна или сурна, музык. INSTR. упом. 387.

И.

Иванище Катѣчище 185.
 Иванковъ, Седелавъ, котораго засталъ въ Іерусалимѣ Давидъ Паломникъ, упом. 467.
 Ивановъ, Иванъ Ивановъ, граверъ на мѣди; его работы каррикатуры 1812 г. упом. 441.
 Иванушка, сынъ Абросима, въ сказкѣ объ Уткѣ съ золотыми яйцами 219.
 Иванъ богатырь, крестьянскій сынъ, сказка 216; бѣтаетъ съ Еруслапомъ 204.
 Иванъ Васильевичъ III, великій князь Московскій; книги, привезенныя во время его царствованія греками 124; кабацкая откупная система при немъ 380; музыка при немъ 387.
 Иванъ Васильевичъ IV, Грозный, царь русскій и собиратель русской земли, упом. 319; 2000 невѣстъ собрано для его выбора 98; запрещаетъ совмѣстное жителство монаховъ съ монахинями 236; запрещаетъ подземныя тюрьмы 508, казнить дѣла за взяточничество 243, 412; любилъ шутовъ, рассказы Колинза о немъ 412—413; откупная кабацкая система при немъ 380; первый кабакъ, построенный при немъ 376; покупалъ дорогою цѣною лапти 413; устанавливаетъ субботы для поминковъ умершихъ 301; предположеніе Макарова, что грав. «Котово погребеніе» — на него 256.
 Иванъ Ивановичъ, русское прозвище пѣмцевъ 438.
 Иванъ, Индійскій царь; посланіе его къ греческому имп. Мануилу о людяхъ дивныхъ 131.
 Иванъ Мука или Gian farina 426.
 Иванъ постыный въ кармаѣ, поговорка 377.
 Иванъ Савельичъ, Московскій дуракъ 430.
 Иванъ Тимофеевичъ, отецъ Ильи Муромца 184.
 Иванъ Царевичъ, въ сказкахъ о трехъ государствахъ и о золотой горѣ 216.
 Иванъ Царевичъ, Жаръ-птица и Сѣрый волкъ, сказка 307; содержаніе ея 209—212.
 Иванъ Царевичъ и Царь-Дѣвица, сказка 179—180; содержаніе ея 207—209.
 Иванъ Царевичъ, сынъ царя Ходора, въ сказкѣ о Булатѣ-молодцѣ 217—218.
 Иванъ Яренскій и Логгиль, св., 321.
 Ивашка бѣлая епанча, или Иванъ бѣлая епанча, бѣлая поляница 204—205.
 Ивашка бѣлая рубашка, въ сказкѣ о Силѣ-Царевичѣ, стр. 218—219.
 Иверсепъ, Юлій Богд., его незадачныя, рѣдкія русскія медали (Спб. 1874) упом. по поводу медали на взятіе Константинополя 145.
 Иверская Богородица, ея популярность 316.
 Игуменья беременная, у которой Богородица принимаетъ ребенка, легенда 313.
 Идолище 185, 187; грѣбеть руки за пазухой у Апраксѣвны 89, 185.
 Избушка на курьихъ ножкахъ 207.
 Извѣстіе о двухъ чудахъ 136, 138.
 Извѣстіе о пойманіи кита въ Вѣломъ морѣ 139.
 Извѣстіе о рожденіи уродѣ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1730 г. 136, 139; карт. № 149, стр. 140.
 Извѣстія Имп. Археологическаго Общ. (III) 399.
 Измайлово, село; тамошніе серебрянники 33; въ немъ происходили печатаніе и раскраска пародныхъ картинокъ; видъ его, раб. Zubova. № 37, стр. 27—28.
 Измайловъ, генералъ-маіоръ, уважали только англичанъ 439.
 Измаиловъ, А. Е., писатель 283; его Свѣтлый ребенокъ 179, 280; его замѣтка о бойцѣ Трещалѣ 355—356.
 Измаиль, штурмъ его 154, 155.
 Изображенія: Испанскаго мужика 138; кометы 137; Кіево-Печерскихъ святыхъ 10; Пьянствеппой страсти: № 277, стр. 379.
 Икона Владимірскаго Богородицы, написанія Ев. Луки, гравироваль Нехорошевскій: № 251, стр. 316.
 Икона, писана Ев. Луки, гравироваль Г. Телчегорскій: № 250, стр. 315.
 Изуграфская палата учреждена въ Москвѣ Петромъ I, для цѣлзурованія пародныхъ картинъ 78.

Иларіонъ Детесовичъ Мигура, пругмель Батуринскаго монастыря, гравировалъ разные сюжеты съ священными изображеніями и посвящалъ ихъ высокопоставленнымъ лицамъ: Мазепѣ, Кочубею, Скаргѣ, Одорскому, Ломиковскому, Жураховскому и Яворскому 73.

Иліа монахъ, плодовитый Кіевскій граверъ на деревѣ XVII в.; его монограммы 10, 40, 54.

Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ, карт.: № 174, стр. 188; сказка объ Ильѣ Муромцѣ въ 8 картинкахъ: № 173, стр. 185—186.

Илья Муромскій, препод., гравюра Ильи для Печерскаго Патерика 1661 г.: № 17, стр. 12.

Иліа пророкъ посылаетъ ведро 383.

Илья Муромецъ, сказки о немъ—содержаніе ихъ 184, 185, 191, 216, 232; сходство Ильи Муромца съ Ерусланомъ 203; перерягается Калпкой 468; его рука, сложенная для крестнаго знаменія 341—342; его изображеніе 10.

Илья силачъ, деньщикъ Мукипа, потомъ былъ кучеромъ Имп. Александра I. 356.

Императоръ Александръ I съ граф. Платовымъ и прочими сподвижниками 1812 г.: № 314, стр. 446.

Индексъ апокрифическихъ книгъ 124.

Индикоплавъ, Косма 123, 126.

Индиктионъ великій, индиктъ 166, 291.

Индія богатая, сказаніе о ней 183.

Индійское царство, въ сказкахъ 204.

Иностранная имена, передѣланныя на русскія, въ сказкахъ 203.

Интерлюдіи и Интермедіи: полныя и пространныя 406; о Моричѣ 299.

Ипатіево мученіе, апокрифическое 123.

Ипатій, чудотвор. 322.

Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ, его синодикъ 39, 301.

Ипполитъ рыцарь 220, карт.: № 195, стр. 222.

Ипполитъ, св., его слово, см. Невоструевъ 294.

Ираклій, царь, собравшій громникъ 166.

Иродіада просила голову Іоанна Крестителя 87.

Исай Богомолецъ, въ числѣ придворныхъ шутовъ XVII в. 413.

Искупитель распятый 296.

Истоминъ, Каріонъ, монахъ, составитель Букваря 17, 121, 122, 387—388; его книга сказокъ 184.

Исторія Маріи Египетской въ 12 картинкахъ XVIII в.: № 252, стр. 326.

Исторія о прекрасномъ Іосифѣ (четыре картинки въ краскахъ), табл. XXVIII—XXXI.

Исторія о пѣкомъ пемилостивомъ чловѣкѣ 36.

Италія снабжаетъ насъ шутами и паяцами 411.

Италянскіе опера и балетъ 408; похабныя интермедіи 409, 410.

И то и сѣ, сатирическій журналъ на 1769 г.; о перепискѣ сказокъ, которой занимались подьячіе 184.

I.

Іаковъ Алеевъ, его апокрифическое евангеліе 478.

Іаковъ преподобный, убиваетъ блудницу 222.

Іезуиты 499.

Іеремія, его вопросы о Богородицѣ 124.

Іеремія, полъ Болгарскій, изъ секты Богомилловъ; его слово о трясавицахъ 124.

Іерихонъ, и тамошнія блохи 477—478.

Іерофей, еписк. Аонскій 270.

Іерусалимская бесѣда о землѣ 162.

Іерусалимское паломничество 465.

Іерусалимскій свитокъ 291.

Іерусалимъ 292, 298, упом. 323, 324; описаніе его: 48 и 469—470; Іоаннъ архіепископъ ѣздилъ туда верхомъ на бѣсѣ 320, 329—330.

Іисусъ Сираховъ 305.

Іисусъ Христосъ, см. Христосъ; какъ Іисусъ плугомъ оралъ и какъ его въ попы ставили 124.

Іоакимъ, патріархъ греческій 466.

Іоакимъ, патріархъ русскій; запрещеніе его про-
давать пѣмецкіе духовные листы 76—77.

Іоанна, панесса подъ именемъ папы Іоанна VIII;
ея роды и смерть 415.

Іоанникій Гатяттовскій, его сочиненіе—Прпбавле-
нія къ Ключу разумѣнія 310.

Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, ѣздилъ вер-
хомъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ 320, 329—330.

Іоаннъ Богословъ, упом. 373.

Іоаннъ Дамаскинъ 316—317.

Іоаннъ Златоустъ, его слово о злыхъ женахъ упом.
85, 87.

Іоаннъ Калѣйка, упом. 468.

Іоаннъ Креститель, грав. Θ. Стржлбицкаго 87;
карт. № 34, стр. 24.

Іоаннъ Палеологъ, греческій императоръ, пода-
рилъ св. Убрусь дожу Монтальто 309.

Іоаннъ, пострадавшій за бранобртіе 275.

Іоаннъ Предтеча 292; ему молятся отъ головной
боли 383.

Іоанны, сыновья князя Брабантскаго 336.

Іовій, Павелъ, о портретѣ в. кн. Василія Ива-
новича 469.

Іововы злословія 305.

Іовъ, его книга 305.

Іона, паломникъ Іерусалимскій 478.

Іона, пророкъ, кнѣ держалъ его 3 дня во чревѣ,
а женщина погубила 87.

Іорданъ, генераль-майоръ прусскій, незнавшій какъ
избавиться отъ любезностей Петра I. 417.

Іорданъ, рѣка, составлена изъ притоковъ Іора и
Дана 322, 324, 469; крещеніе богомольцевъ на Іор-
данѣ 477.

Іорнандъ, писатель, упом. 331.

Іосафъ, прпчта о немъ 337.

Іосифовичъ, епископъ суздальскій 346.

Іосифъ, Аримафскій, собираетъ кровь Спаси-
теля въ ту чашу, изъ которой совершенно было приоб-
щеніе апостоловъ 308.

Іосифъ, братаничъ Іоанна, патріарха греческаго
466.

Іосифъ, іеромонахъ, грав. 1678 г., 4.

Іосифъ многоболѣзненный, Кіево-Печерскій пре-
подобный; его рука сложена для крестнаго знаменія
341, 342.

Іосифъ I, сдѣлавшій Суворова графомъ Римской
Имперіи 154.

Іосифъ прекрасный, его исторія 340; въ калпчпхъ
пѣсняхъ 181; жена хотѣла его погубить 87, 89.

Іосифъ Флавій, о Соломонѣ и его печати 174—175.

Іуда, предатель 37, 292.

Іуліанъ, Тарсянинъ, на память его установлено Ива-
номъ IV поминать всѣхъ правотѣрныхъ христіанъ 301.

Іустинъ, мученикъ, о смѣшеніи ангеловъ съ же-
нами 330.

К.

Кабакъ, или цѣлительная аптека, упом. 377—
380; начало кабаковъ 376.

Кавылинъ, Ілья, учредитель Преображенской бо-
гадѣльни въ Москвѣ; его портретъ 160.

Казанская Богородица исцѣляетъ отъ глазной
боли 383.

Казанскіе коты 271.

Казанъ, городъ; его основаніе 133.

Казакъ удитъ французовъ, карт.: № 318, стр. 455.

Казни и ихъ разповѣдности 506—507.

Казнь лхонмца, сочиненіе заимствовано съ цер-
ковной панерти въ Симоновомъ монастырѣ 336; карт.:
№ 43, стр. 36—37.

Казнь разбойника Домпцелла, который вездѣ позд-
равлялъ Богородицу, карт.: № 249, стр. 313.

Кайлюсь, графъ, антикварій, его замѣтка о рома-
нахъ въ его время 178.

Каннъ, наущенный Сатаной, убиваетъ Авеля
324, упом. 425.

Каирскій музей, видѣнный тамъ авторомъ Р. Н. К. папирусь 259.
 Каиафа, осудившій Христа, упом. 467.
 Какимъ святымъ отъ чего молиться 383—384.
 Какъ быкъ не захотѣлъ быть быкомъ 235, 239; карт. № 214, стр. 212.
 Калачевъ, Н. В., объ астрономич. свѣдѣніяхъ 163; Архивъ его 163.
 Калачи, или колачи, изображены въ числѣ трофеевъ на вѣстивѣ русскихъ въ Парижѣ 458.
 Калекы переходже (см. Безсоновъ), упомин. 181, 468.
 Калена стрѣла 217.
 Календаръ; исторія его появленія на свѣтъ 165; календарь-альманахи на Западѣ 165; Московскій и С.-Петербургскій 166, 167.
 Календаръ, Народный, рѣзанный на деревѣ (1750), 1-й днеисходный: № 168, стр. 169.
 Калиги, обувь Іерусалимскихъ паломниковъ 468.
 Калики, или калекы—богомольцы, Іерусалимскіе паломники 468, ихъ пѣсни 181.
 Калиновыи мостъ, въ сказкѣ 209.
 Калининъ, царь 187.
 Калкунъ-бормотунъ 227, 229; карт. № 202, стр. 228.
 Калло, фантастическое изображеніе бѣсовъ 333; описаніе Іерусалима, упом. 474.
 Каллотъ, грав. 398.
 Каллотовскіе шуты въ Вятской баталіи 239, 393; его черти, перешедшіе въ русское пѣтушеніе св. Антонія 333; упом. 410, 426.
 Калужская застава въ Москвѣ, и у ней замокъ тюремный 509.
 Калужскіе борцы 349.
 Кальвинъ, еретики; онъ исправляетъ должность антихриста у католиковъ 294; кальвинъ и лютеры 77.
 Калькутта, городъ; народныя картинки, производимыя тамъ 64, 259.
 Кальпренедъ, его романы 178.
 Калынинскій монастырь 236.
 Калынинцы 234—238.
 Камиліаксы, мѣстечко, гдѣ былъ домъ муч. Акиліаны 309.
 Камчадалки 398.
 «Каналія, сойди съ древа», передѣлано изъ французскаго «bonhomme-misère»: № 81, стр. 56.
 Кандалы арестантскія 507.
 Кандаминъ, писатель 513.
 Кандаула Θεοδουловна, царица, жена русскаго богатыря Івана 204.
 Кантеміръ, сатирикъ, его мнѣніе о гнусности народныхъ картинокъ 284.
 Кантонъ, судопроизводство въ немъ 218.
 Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. 386, 494.
 Карась, доводчикъ въ сказкѣ о «Ершѣ» 247.
 Карачаево, или Карачарово, село, родина Ильи Муромца, упом. 184.
 Каргополь, городъ 128.
 Кардони, (Cardoni Capitano) 398.
 Карлейль, его свидѣтельство о страсти русскихъ къ табаку 269.
 Карлики и карлицы 432—436; кн. Меньшикова 432.
 Карлъ и карлица, карт.: № 310, стр. 434.
 Карлъ XII, шведскій король; его носилки на картинкѣ 1812 г., колѣца и туфли 458.
 Кармартенъ—первый, начавшій ввозить въ Россію табакъ и принадлежности къ нему 269.
 Карповскій, Михаилъ, гравёръ на мѣди первой четверти XVIII-го столѣтія; состоялъ при Московскомъ типографскомъ дворѣ знаменщикомъ 29.
 Карповъ, келейникъ преосвященнаго Θεοδοσία, обучалъ медвѣдей танцованію 368.
 Карпцовъ, Сакс. королев. совѣтникъ, его рецепты пытокъ 497, 498.
 Карпъ Даниловъ, калѣка 468.
 Карпъ и Ларя, карт. 425.
 Картаусъ, царь 204, 205, 206.

Кодексъ Маріи Терези; картинка изъ него; палящъ, заворотивъ руки подсудимаго назадъ, и вложивъ ихъ въ хомутъ, готовится, посредствомъ колеса, поднять пытаемаго вверхъ: № 334, стр. 493.
 Каррикатуры 1812 г. 442.
 Карты, игра запрещенная, см. также «Блудный сынъ» 402.
 Кассандра, царица Троянская, романъ Кальпренеда 178.
 Касьянъ, калчій атаманъ 89, 340, 469.
 Каталани, пѣвица, о цыганскомъ пѣвѣ 390.
 Катарры, секта 330.
 Катерина, королева 215.
 Катерина Прекрасная, жена Пермь 89.
 Каяшукъ, кабатчикъ 376.
 Качаловъ, Никита, убійца Димитрія царевича 320.
 Кашкичи, братья, въ Іерусалимѣ 467.
 Кегли на масляницѣ 1663 г.: кегельная игра въ кабацѣ 376.
 Кедринъ, византийскій писатель, его свѣдѣнія о св. Убрусь 309.
 Кей Каусъ, упом., онъ же Киркоусъ 203.
 Кельнъ, городъ, его святыни 467.
 Кемъ, городъ, и тамошнія неустрашимыя кемлячки, которыя перевозятъ богомольцевъ по Бѣлому морю 485; морозы въ Кемѣ доходили до 53° 181, 460.
 Кенигсбергъ, городъ, въ 1760 г. былъ обращенъ въ русскій губернской городъ 142.
 Керчь, крѣпость; изображеніе ея на Ходынскомъ полѣ въ 1775 г. 147.
 Кесарь Юлій 154.
 Кильбургеръ, «Краткое извѣстіе о русской торговлѣ въ 1674 г.», Спб. 1820 г., о печатаніи летучихъ картинокъ въ Киевской и Московской типографіяхъ 9—10.
 Кинбурнъ, крѣпость; взятіе ея; оно было изображено на Ходынскомъ полѣ на праздники 1775 г. 147.
 Киприановъ, Василій, бібліотекарь, начальникъ типогр., гравёръ и издатель множества книгъ и гравюръ, изъ коихъ упоминаются: арпаметка 29, 32, 122; календари 167, 168, 170.
 Киприанъ, митрополитъ сербскій, поставленъ Киевск. митроп. въ 1376 г.; біографич. замѣтки о немъ 123; его вліяніе на обученіе грамотѣ въ Россіи 123.
 Киріакъ, іеромонахъ 465; вопросы Киріаки 468.
 Кирилловъ, Бѣлозерскій монастырь; тамошняя бібліотека 385.
 Кириллъ Туровскій, писатель XII в. 339.
 Кириловецъ, герой 1812 г. картинка 452.
 Кириловская рукопись 1520 г. 123.
 Кирѣвскій, Пѣсни, собранныя имъ 265, 270, 298, 299; о борьбѣ Мамстрюка 350.
 Кисель, освободитель Бѣлграда отъ Печенѣговъ 134.
 Китайскій судъ, въ которомъ некого казнить 501.
 Китайскія картинки 64.
 Китайское царство, въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ 216, 217.
 Китоврасъ 176.
 Кіевляне въ Іерусалимѣ 467.
 Кіево-Калекскіи, такъ называются плачевныя стихи, распеваемые Кіевскими калеками 181.
 Кіево-Печерская Лавра 34, 181; въ 1799 г. назначенъ въ нее духовный цензоръ 81.
 Кіево-Печерскихъ Святыхъ соборъ 487.
 Кіево-Софійскій Соборъ, его фрески 411; изображ. охоту князей 369.
 Кіевскія пещеры: 482; тамъ находятся мощи Віолеемскаго младенца 384; гравированы монахомъ Ильей въ 1661 году: № 326—327, стр. 483—484.
 Кіевскій лимонарь, книга 322.
 Кіевъ, городъ, упом. въ былинахъ и сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрыѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ 184, 185; на картѣ съ планами городовъ 128.
 Клеймо антихристово 273, 278—279.
 Клеопатра, романъ Кальпренеда 178.
 Клепало, тоже было, 387.
 Кликуши 334, 335.
 Клинецовскій подлинникъ, упом. 308.
 Клирикъ, явленіе ему Богородицы 311.

Клоповники, Московскія тюрьмы 509.
Клѣтка, желѣзная, Пугачева 507.
Клюка, палка, загнута кверху крючкомъ у ка-
 ликъ 468, 469.
Ключевскій, ученый упом. 321.
Ключи Московскіе, которыхъ такъ неуспѣшно
 добивался Наполеонъ въ 1812 г. 442.
Книга о восьми путешествіяхъ 3.
Книга о ратномъ строѣ, заглавный листъ ея
 (М. 1647 г.), грав. въ Голландіи съ рис. иконописца
 Благушина: № 25, стр. 16.
Книгопечатаніе, его начало 3.
Кнутъ, описаніе его 501; отѣла его 504—505.
Князь-Папа во всешутѣйшемъ соборѣ 72, 269.
Кобза, музык. инструментъ 265.
Кобзарь 265.
Кобургъ, полководецъ 154.
Коверъ-самолетъ, въ сказкѣ о Иванѣ Царе-
 вичѣ 224.
Кожухъ, или тулупъ, въ реестрѣ приданого, упом.
 105—107.
Коза, ея пляска 366—368.
Козаки, Фридрихъ Великій ненавидѣлъ ихъ 144;
 французы особенно боялись ихъ 451.
Козла въ пыткахъ зачастую замѣняли жпвой че-
 ловѣкъ, карт.: № 340, стр. 502.
Козачковскій, Аверкій Симоновичъ, граверъ на
 мѣди; его работы: царь Давидъ. Впрсавія. Самуилъ
 является Давиду. Распятіе (черп. маперой). Крестъ.
 Богородица оплакиваетъ Спасителя 59.
Кокодрилло, Калитовскій паяцъ, упом. 410.
Колеандръ, Людовикъ, цесаревичъ греческій 221.
Лиза и Коленъ, французская картинка, передѣ-
 ланная въ русскія народныя картинки, съ неподходя-
 щей къ сюжету подписью: стр. 52, № 80, 55.
Коллинсъ, Самуилъ, англичанинъ, бывший 8 лѣтъ
 врачомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 1658—1666,
 напечаталъ свои записки о Россіи: «The present state
 of Russia» 1671, которыя переведены въ Читеніяхъ М.
 Общ. Истор. 1846 г. 412—413; его анекдоты про Ивана
 Грознаго 411—412; видѣлъ въ Москвѣ карикатуры на
 Англію въ половинѣ XVII в. 68.
Коло, гадательное колесо: 171; № 169, стр. 172.
Колода, на которой производилась порка; она на-
 зывалась также козелъ 501.
Колодки на сидящихъ въ темницахъ колодникахъ
 507.
Колодники 511—513.
Колокольчики, см. ложки, музык. INSTR. упом. 387.
Колотила, безграмотный попъ, пзлюбленный мо-
 нахами Калязинскаго монастыря 238.
Колязинцы свинью за бобра купили 234.
Комаровскій, гр., его замѣтка о сплачѣ Лукницъ
 355, 356.
«Комедія притчи о блудномъ сынѣ», копія съ
 голландской гравюры 91, 92; карт.: № 68, стр. 48; изоб-
 раженіе стариннаго театра 401; № 287, стр. 403—404.
Компанія пирующихъ любовниковъ 94, 95; карт.:
 № 116, стр. 94.
Кондаминъ; переписка съ нимъ Екатерины II
 относительно оспы 513.
Коневскій Рождественскій монастырь на Ла-
 дожскомъ озерѣ 485.
Конечное истребленіе турецкаго флота при
 Чесмѣ 147.
Константинополь (Царь-Градъ); о желаніи Ека-
 терины II покорить его 145.
Константинъ и Елена; ихъ церковь въ Иеруса-
 лимѣ 471.
Константинъ Ковалинъ, греческій царь, уста-
 новившій брадобритіе 275.
Константинъ, сынъ Константина Великаго 322.
Константинъ Павловичъ, В. К.; его прочили въ
 греческіе императоры 145; ему прививали оспу 515.
Константинъ философъ, братъ Меодія Морав-
 скаго, у в. кн. Владиміра 289.
Конь златогривый 210—212; вообще о коняхъ въ
 сказкахъ 223, 232.

Копіевскій, Илья Фед., издавалъ русскія книги
 въ амстердамской типографіи Тессинга, а послѣ, по
 порученію Петра I, издавалъ ихъ за свой счетъ въ
 своей собственной типографіи—около 1707 г. онъ на-
 ходился въ Россіи при Я. В. Брюссѣ. (Пекарскій, «На-
 ука и литература», I, 13—18); по Сопикову и митроп.
 Евгенію, Копіевскій умеръ въ 1701 г.; его 1-й русскій
 календарь 167.
Копье, которымъ прободенъ Христосъ, легенда 467.
Корабль, знаменующій церковь, воинствующую
 противъ еретиковъ 345—346; карт.: № 261, стр. 343—344.
Корбелецкій, Краткое повѣствованіе о 1812 г. 443.
Корвинъ-Квасовскій, его календарь 168.
Корелка—мышь въ котловомъ погребеніи 264.
Корелы, откуда вызывали кудесниковъ 385.
Корень, Василій, граверъ на деревѣ XVII в., вы-
 рѣзалъ Библію и Апокалипсисъ 124, 324; о раскраскѣ
 его Библии и Апокалипсиса (1698 г.) 11, 40, 54, 60, 61;
 сходство работъ гравюры котово погребеніе и картинъ
 Кореня, по словамъ В. Стасова 255.
Корниловичъ, Захарія, ему посвящена картинка
 въ 1705 г. 73.
Корнхиль, мѣстечко, гдѣ оспенный баронъ Димс-
 даль завелъ себѣ на русскія деньги контору 515.
Корнюшко Чихринъ, карт.: № 317, стр. 453.
Коробейниковъ, Трифонъ, Иерусалимскій палом-
 никъ 467, 478.
Королевства разныя въ Космографіи 126, 128.
Коронованіе Богородицы 317.
Корсунская Торопецкая Богородица въ гор.
 Корсунѣ 315.
Косма и Даміанъ, безсребренники, преподобные;
 ихъ церковь во Флоренціи, гдѣ находится Благовѣще-
 ніе, писанное ангелами 314.
Косма Индикопловъ 126.
Космографія—народная картинка, составленная
 въ XVIII в. по редакціи сборниковъ XVII в. 71, 126,
 371; № 139, стр. 129—130.
Космографія лицевая 126.
Коссовъ, Спльвестръ, митрополитъ, Оршанскій
 игуменъ; его патерикъ 123.
Костомаровъ, его статья о Петрѣ I въ Древней
 и Новой Россіи 416.
Кострома, городъ; о тамошнихъ кулачныхъ бо-
 яхъ 359; о тамошнихъ пожарахъ, и острая замѣтка о
 нихъ рашеника 370.
Косцевъ, Филиппъ, старообрядч. пачетникъ 160.
Котляревскій, ученый, упом. 181, 299.
Котлы мѣдные, въ числѣ музыкальныхъ инстру-
 ментовъ 387.
Котофей Ивановичъ, почетное названіе кота
 Васильи 232.
Котошихинъ, о казняхъ 507; о русскіхъ крече-
 тахъ 369; о русскіхъ дѣвкахъ 98.
Коть Алабрысъ, карт.: № 221, стр. 263.
Коть, картинка съ его изображеніями 255; см. Ко-
 тофей Ивановичъ.
Коты казанскіе 271.
Кочубей, Вас., генеральный судья Запорожскаго
 войска; ему посвящена картинка на повый 1707 годъ
 отъ Милуры 73.
Кошка ручная, въ сказкѣ о семъ Симеонахъ
 212—213.
Кранахъ, Лука, жпвот. 408.
Красная площадь въ Москвѣ 166—167.
Красное крыльцо въ Москвѣ, гдѣ раздавались
 Ростопчинскія афиши (грав. Ил. Стрижева): № 324,
 стр. 463—464.
Красный драконъ и черная курица, или книга,
 какъ повелѣвать духами 176.
Крейтербухъ, упом. 386, 505.
Крестное древо, изъ котораго были сдѣланы
 кресты для Спасителя и для разбойниковъ,—оно было
 посажено въ раю Сатаналомъ, исторія его 125, 306;
 фрески Аньоло Гадди въ церкви Св. Креста во Фло-
 ренціи, съ изображеніемъ исторіи его 308.
«Крестное знаменіе узломъ положися» 305; карт.:
 № 246, стр. 306.

Кронштадтъ, крѣпость 459.
 Круговая порука съ общественной поркой 377, 505.
 Кружало—кабакъ 376.
 Кружечные дворы 376.
 Крусса, Магдалина, игуменья, бывшая въ связи съ дьяволомъ 331.
 Крута каличья, упом. 469.
 Кручина за печкой, въ сказкѣ объ уткѣ съ золотымъ янчкамъ 219.
 Крыловъ, его басня «Ворона», написанная на французовъ въ 1812 г. 449.
 Крымъ, упом. 145.
 Крючекъ, вишняя мѣра 376.
 Кудесникъ—волхвъ, въ Стоглавѣ упом. «кудесники нача кудесь бити». Владиміровъ полагаетъ, что кудесь есть пиструментъ въ родѣ шаманскаго бубна. (Нѣсколько данныхъ для изученія Сѣверно-велико-русскаго нарѣчія) Казань 1878 г. 38, 386.
 Кузминична, героиня 1812 г. 445, 452.
 Кузминка, село кн. Голицына, упом. 442.
 Кузминъ, дуракъ у кн. Волынскаго, упом. 420.
 Кузнецкій мостъ въ Москвѣ съ французскими магазинами, упом. 441.
 Кукольная комедія съ петрушкой 360; описаніе Моск. куколки. комедіи съ петрушкиной свадьбой 360—364; карт. пѣз путешествія Олеарія въ Москву: № 271, стр. 365—366.
 Кукуй, нѣмецкая часть города Москвы: Зотовъ носилъ названіе патриарха Заязубы и всего Кукуя 71.
 Кулачные бои 350—360; у гр. Орлова 355; см. сцѣплялка—свалка 355, 359.
 Кунсткамера, собранные въ ней монстры 139.
 Кунсты корабельные и садовые 25.
 Купецъ и жена, сказка 215.
 Купецъ, шутъ и трактирщикъ, карт. 179.
 Купина Неопалимая, ей молиться отъ пожаровъ 383.
 Купидончики 214.
 Купцова жена и приказчикъ, сказка 97, 98, 179, 280.
 Курбскій, князь; его записки упом. 124, 385; о пьянствѣ у поляковъ 471.
 Буракинъ, кн., его Архивъ о загородныхъ мѣстахъ Москвы 348.
 Кургановъ, проф., и его писемовникъ 283; макаропическій элементъ въ его писемовникѣ 283; о голландской глупости 128; замѣчанія его о войнѣ 1812 г. 455.
 Курейша, Иванъ Яковлевичъ, студентъ хладныхъ водъ Московскаго сумасшедшаго дома; біографич. зам. о немъ 157—159, 172; карт.: № 165, стр. 157.
 Куре добродѣльное; 227, карт.: № 205, стр. 229.
 Куропатка—пѣтухъ, падеъ которымъ былъ наряженъ судъ за его амуръ съ чужими курами 251—252.
 Бурочка хохлушка, карт.: № 204, стр. 229.
 Куруку, Каллотовскій паяцъ 410.
 Курцій русскій, картинка 1812 г. 441.
 Куръ и лисица, повѣсть 179.
 Бутія 301.
 Кутузовъ, гр., герой 1812 г. 445.
 Кучукъ-Кайнарджи, миръ, заключенный въ этомъ мѣстечкѣ 1461—47.
 Кумелевъ-Безбородко, гр.; его Памятники старинной русской литературы, изданные подъ редакціей Костомарова и Пыпина, Спб. 1860—1862 гг. 101, 162, 163, 291, 320, 331, 374; о похотливомъ старикѣ 101; объ астрономическихъ свѣдѣніяхъ нашихъ предковъ 160—164; о Соломонѣ 332; о бражникахъ 372—374; о зеленыхъ 386.

Л.

Лаврентьевская лѣтопись, упом. 468.
 Лавръ и Флоръ, св. 383.
 Ладога—свидѣтель, въ сказкѣ о Ершѣ 248.
 Лазарецкая мышь, въ котловѣ погребеніи 267.
 Лазарь Лазаревичъ, отецъ Еруслана Лазаревича 204, 205, 206.

Лазарь убогій и богатый, притча 302; каличьи пѣсеніи о Лазарѣ 181.
 Лакоста, шутъ Анны Ивановны 420, 425.
 Ланде, балетмейстеръ, его мнѣніе о танцахъ при дворѣ Елисаветы Петровны 397.
 Ландыотъ, рыцарь, побѣжденный Петромъ Златые ключи 200.
 Ланкре, франц. живописецъ, русскія копіи съ его произведеній 56.
 Лаота, дочь Китайскаго царя 217.
 Лапинъ, Василій, его грав.: Терентьевна № 320, стр. 457; торжественное шествіе Наполеона въ Парижъ 457—458; № 321, стр. 459—460.
 Лапландійскій, Адольфъ, повѣсть о немъ 180.
 Лапти и бояре Лапотскіе при Іоаннѣ Грозномъ 413; въ погребеніи кота лапти упом. много разъ 265, 268, 271.
 Лапша березовая, ременное масло 117.
 Ларнессенъ, франц. грав., гравироваль для Петра I его баталіи 29.
 Латеранскій соборъ; кресло, хранившееся тамъ 415.
 Лебедевъ, Филиппъ, грав. черной маверой 60.
 Левъ, звѣрь, въ легендѣ препод. Герасима 322—323; погребаетъ Марію Египетскую 324.
 Легенды, раздѣленіе ихъ на разряды 289.
 Легія, дочь царя Бургигора, въ сказкѣ объ Еруслаѣ Лазаревичѣ 203, 204, 205.
 Легкій порошокъ, упом. въ Вятской баталіи 239, и во многихъ другихъ мѣстахъ 260.
 Лежачаго не быють, поговорка 355.
 Лекарства отъ задумчивости 179.
 Ленницкій, Варлаамъ, еписк. Суздальскій 346.
 Ленсбергъ, Матве, составитель альманаховъ и предсказаній 165.
 Лермонтовъ, отыскиваетъ образцы русской поэзіи въ древнихъ сказкахъ и пѣсняхъ 284.
 Лефортъ, любимецъ Петра I; изображеніе его на акафистѣ Алексѣю челоуѣку Божию 73; его похороны съ музыкою 266; его вдова 413.
 Лещъ, въ сказкѣ о Ершѣ 247—251.
 Лежедмитрій, или Дмитрій Самозванецъ, Грешка растряга,—хотѣлъ завоевать Іерусалимъ 480.
 Либава, городъ, морозы сильные тамъ 460.
 Либрехтъ, его примѣчанія въ книгѣ Дуплона 178.
 Либштадтская битва 148.
 Лиза и Коленъ, упом. 52.
 Лилить, 1-я жена Адама по Талмуду, бѣжитъ отъ Адама 330.
 Лимонарь Кіевскій, книга 322.
 Лисица и виноградъ, басня: № 197, стр. 225.
 Лисичка, пруть для Пугачевскихъ кандаловъ 507.
 Листъ, музыкантъ, восхищался пѣніемъ цыганъ 390.
 Листы духовные 319.
 Литавры 387.
 Литва 128; изображена на иконѣ Страшнаго суда 292.
 Личарда (Ричардо), слуга Милитрисы, въ сказкѣ о Бовѣ 192, сынъ Бовы Королевича 198.
 Ловъ, охота царская 369.
 Логиновъ, Ив., его типографія лубочныхъ картинокъ, упом. въ докладѣ графа Блудова 34.
 Логинъ, препод., см. Иванъ 321.
 Ложи, гравиров. 72; музык. пиструм. 387.
 Ломиковскій, Іоаннъ, ему посвящена Мигурью картинка 73.
 Ломово урочище, упом. въ реестрѣ о приданомъ 107.
 Ломоносовъ, его лѣтописецъ русскій 133.
 Лондонскіе адвокаты 417.
 Лондонскіе кулачные бои 359.
 Лондонскій музей, видѣнный тамъ авторомъ книги папирусъ 259.
 Лопатинскій, Теофилактъ, его обличенія раскольниковъ 342.
 Лоретто, городъ, его святыня 467.
 Лорецкая (Лоретская) Богородица въ гор. Лоретто въ Италіи 314.

Лотъ съ его дочерью, карт. (Легенда о головняхъ) 307—308.

Лоудонъ, побѣда, одержанная имъ при рѣкѣ Одерѣ, совмѣстно съ гр. Салтыковымъ 143.

Людвикъ XII, Генуэзцы показываютъ ему чашу Спасителя 308.

Лудовикъ XIV, его прозекъ изгнанія турокъ изъ Европы 145.

Лудовикъ XV, переговоры съ нимъ Елпсаветы Петровны о Пруссіи 143.

Лудовикъ XVI, въ видѣ обжоры Гаргантюа, скопированъ въ пашу картинку: славный объѣдало 47—48.

Лука, Евангелистъ, упрекъ ему отъ бражника 373; имъ написаны иконы Богородицы 314; имъ же написанъ образъ Спасителя, что въ Римѣ 467; его изображенія 3, 4, изъ первопечатнаго Московскаго Апостола 1564 г.: № 2, стр. 4; изъ Львовскаго Апостола 1574 г.: № 3, стр. 5; изъ Виленскаго Апостола 1591 г.: № 4, стр. 6.

Лука, живописецъ, котораго Авгарь посылалъ для написанія портрета Христа 308—309.

Лука, живописецъ XII в. 314.

Лукава жена, карт. 97, 280.

Лукаперъ, богатырь, сынъ Салтана Салтановича 192, 195.

Лукинъ, морякъ, необыкновенный силачъ 356.

Лукьянъ, пьяный пѣвчій, упоминаемый въ просьбѣ Калазинскихъ монаховъ 238.

Луна, дочь царя Архидея, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ и Царь-дѣвкѣ 207—209.

Лусидариусъ, отреченная книга, упом. 125.

Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или пастоящая русская сказка З. С. И., (1-е изд. Спб. 1786 г. 16°, 2-е изд. 1815 г. 16°), о семи Спмеонахъ 179.

Лѣсковъ (Стеблицкій), романистъ, его Мелочи архіер. жизни 118.

Лѣтопись Лаврентьевская 468.

Лѣтопись Никоновская 369.

Лѣтопись Новгородская 369.

Лѣтопись Переяславская и Суздальская, изд. кн. Оболенскимъ 468.

Лѣтопись Псковская 468.

Лѣшіе, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ, который падуваетъ ихъ 207—208.

Любаша, цыганка, извѣстная пѣвица 391.

Любецкій, Иванъ К., граверъ на мѣди XVIII в.; въ 1721 г. находился въ гражданской типографіи, гдѣ работалъ подъ надзоромъ Шкара 25, 28, 56; его работы Емблематъ Духовный 305.

Любовная компанія, картинка 94—95.

Любодѣйцы въ пряткѣ о блудномъ сынѣ 92, 402—403.

Люди дивіе, найденные Александромъ Македонскимъ 129, 130; карт.: № 141, стр. 131.

Лютеръ, реформаторъ, упом. 137, 331; онъ исправляетъ должность антихриста у католиковъ 294; легенда о томъ, какъ онъ укололъ мечемъ икону Сабавдѣйской Богородицы 314.

Лютеры, еретики, упом. въ указѣ Патріарха Іоакима 77.

Лютдельбургеръ, граверъ на деревѣ, награвировавъ пляску смерти съ Гольбейна 294—295.

Люциферъ; о томъ, какъ дѣлать съ нимъ договоръ 176.

Ляхи на Страшномъ судѣ 292.

М.

Маврикіево Царство 230.

Магиlena, жена кн. Петра Златые ключи 200—203.

Магиlena, королевна (два рпс.): № 187, стр. 199.

Магометане, проповѣдники у в. кн. Владиміра 370; въ процессіи (см. Коранъ) 146—147.

Магометъ 146, 264; сперва шелъ у жидовъ за Мессію, а потомъ сдѣлался у нихъ Антихристомъ 294.

Мазепа, гетманъ, посвящ. ему Мигурою карт. 73; поднесенная ему гравюра Галаховскаго 74—75.

Мазическое Царство, дѣвичье, въ космографіи 128.

Маймистекій заходъ 271.

Макарій Египетскій и бѣсъ въ тыквахъ 329; разговоръ Макарія съ сухимъ лбомъ 303.

Макарій, митрополитъ,—составилъ Пасхалію 166, 320.

Макаровъ, археологъ, его изысканія о позвиповеніи гравюры Котова погребеніе 256.

Макарокъ 8-мъ, изъ Рязани, въ сказкѣ о котѣ 255, 264, 268.

Макароническіе сюжеты и тексты въ народныхъ картинкахъ 279—284.

Макрина, греческая игуменья, приходившая въ 1585 г. въ Москву за милостынею 466.

Максимовичъ, Іоаннъ, архіепископъ Черниговскій, его книга: Богородице Дѣво 310.

Максимъ, или Антипій Максимъ, въ пословицѣ 427.

Малала, твореніе его въ славянской рукописи 126.

Маланья вдова, чухонка; отъ нея везутъ на поминки коту возъ аладьевъ,—сочинитель разумѣлъ здѣсь Екатерину I. 255, 263, 271.

Маланья, дама, въ реестрѣ невѣстъ 104.

Малоферъ или Олоферъ 299.

Малхъ, нанесшій ударъ Спасителю 305—306.

Мальта и Мальтійскіе рыцари, которые прибѣгли къ покровительству Павла I. 315.

Малюта Скуратовъ травилъ медвѣдями людей 368.

Мамаево побоище 133—136, 142, 441.

Мамай, онъ же въ былинахъ Батый 187.

Мамврійскій дубъ въ Хевронѣ упом. 477.

Манихейскій складъ 330.

Манка, женка, шутиха при дворѣ 413.

Мануиль, или Греческ., посланіе ему отъ Индѣйскаго царя о людяхъ дивныхъ 131.

Маргариты, дочери князя Брабантскаго 336.

Марина—накормитъ, въ реестрѣ невѣстъ 104.

Маринка (Маршшка), въ былинахъ о Добрынь Никитичѣ 189.

Маринка Мнишекъ, упом. 189.

Маршшка—мышь въ котловомъ погребеніи 270.

Марія Египетская, ея житіе 324.

Марія Терезія, или Австрійская 143; ея уголовное уложеніе съ изображ. пытокъ 496; ея переговоры съ Елпсаветою Петровною о Пруссіи 143.

Маркобрунъ, король, въ повѣсти о Бовѣ-королевичѣ (онъ же Макабрунъ) 192, 195, 196, 197.

Марковиль, I. (de Marcoville, de la bonté et mauvaisté des femmes, Lyon 1571) 112.

Марко Поло, о дѣвахъ 131.

Марсаба (монастырь св. Саввы) подъ Іерусалимомъ 477.

Мартимьянъ, св.; ему молиться объ избавленіи отъ блудныхъ страсти 383.

Мартолой или астрология 166.

Мартыновъ, извѣстный археологъ и издатель по части церковной архитектуры; его статьи о кабакахъ, въ Сѣверномъ Архивѣ, упом. 376.

Мартынъ, попъ, въ медвѣжьей прибауткѣ 365.

Маршалка, въ пинтермедіи царя Соломона 406.

Марына рожа; гулянье въ ней 348, 349, 389.

Марья—дама «хвостъ поднять», въ реестрѣ невѣстъ 104.

Марья Ивановна—медвѣдица 368.

Марья Ильинишна, царица 236.

Марья Максимовна, сказочница 183.

Марфутка—пазваніе кабака 376.

Масличная гора въ Іерусалимѣ 477.

Масляница и Семпкъ, карт. 349; о томъ, какъ справлялась въ старину масляница 347—349.

Мастеровой, продавшійся бѣсу 330.

Мастрюкъ Темрюковичъ, шуринъ царя Ивана, борьба его 350.

Матвѣвъ, Артам. Сергѣевъ, бояринъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, сосланъ въ 1676 г. въ Пустозерскій острогъ; по возвращеніи отсюда 10 мая 1682 г., убитъ стрѣльцами; его исторія напечатана Новиковымъ, М. 1785 г. (Строевъ, «Выходы царей», Алфав. 52), въ палатахъ Матвѣва вѣсли гравюры 71.

Матвѣевъ, Степанъ, грав. на мѣди XVIII в.; въ 1721 г. былъ ученикомъ при гражданской типографіи 25, 28, 56.

Матрадуръ, тапецъ 398.

Матрена, дурка имп. Екатерины II. 423.

Матрена—съ молодцами погулять 104.

Матрешка, старая цыганка 392.

Матеей, мужъ бѣсноватой жены Соломопіи 333.

Махаевъ, Михаилъ, гравёръ ландкартного дѣла; его работы: Монархическій колоссъ 133.

Махаться (вѣеромъ), во время Екатерины II значило амуриться, а у простого народа распутничать 108.

Машка—домашняя коза 232.

Машкерады (маскарады Петра I) 398—399.

Медали на право ношенія бороды: № 227—230, стр. 276.

Медвѣдь и баба, карт.: № 273, стр. 368.

Медвѣдь съ козою прокладываются, изображ.: № 272, стр. 367; на карт. у Олеарія 360; приходъ медвѣди съ козою въ деревню, прибаутки вожака, пляска козы, борьба вожака съ медвѣдемъ 360, 364—368; разные свѣдѣнія объ ученыхъ медвѣдяхъ 368—369; медвѣдь лѣзетъ на бабу 227, 281, 368.

Медвѣдь, мужъ царевны-Луны 208.

Медуза, морское чудовище (не Медузна) 227—229; карт.: № 206, стр. 229.

Мейнъ. (St. Mein) 384.

Мекка, гор. 264.

Мелинта, вѣтреная молочница изъ басни Лафонтена 179.

Мелиссино, знаменитый фейерверкеръ временъ Екатерины II, устраивалъ фейерверкъ на Ходыньскомъ полѣ въ 1775 г. 148.

Мелласъ, австр. генералъ 155.

Мельниковъ, его рассказы 423; романъ: «Въ лѣсахъ», о народныхъ танцахъ 398; въ ром. «На горахъ» онъ заимствовалъ цѣлые разговоры изъ народныхъ картинокъ 409.

Мельниковъ, Кирилла, рукоприкладчикъ подлѣ челобитной монаховъ Калязинскаго монастыря 238.

Менія, Венеціанская; карт. изъ нея: № 88, стр. 65.

Менуэтъ—танецъ 399.

Меньшиковъ, кн. Александръ Данил., на акаѳистѣ Алексѣю человеку Божію 73; его карлики 432.

Меньшиковъ, кн. А. С., его замѣтка о новомъ устройствѣ крестьянскаго быта 243.

Меню обѣда французовъ 1812 г. въ Москвѣ 448.

Меркатора Космографія 126.

Мерлинъ, его легенда о чашѣ 308.

Мертвое море и его камушки 477.

Мерхаджи, толмачъ греческій 470.

Металлографія 34.

«Мечъ Духовный», Черниговъ 1666, заглавный листъ изъ книги этого названія: № 23, стр. 15.

Мещерскій, князь-шутъ 420.

Меѳодій Моравскій показывается вел. кн. Владиміру образъ Страшнаго суда 289.

Меѳодій Татарскій, сказаніе о дѣвахъ 123; о землѣ и морѣ 162.

Мигура, Иларіонъ, посвящалъ листы гетману Мазепѣ, Вас. Кочубею, Симеону Скаргѣ, есаулу Ломиковскому, архим. Журавлевскому и отцу Корнилову 73.

Мидійское царство изображено на иконѣ Страшнаго суда 292.

Милена, жена Еруслана Лазаревича 180; см. Анастасія Вахрамѣвна 206.

Милитриса Кирбитъевна, мать Бовы Королевича (Meretrix и Blandia) 192.

Милле, трактирщикъ 263.

Милорадовичъ, былъ посланъ Петромъ I подбить черногогорцевъ къ возстанію противъ турокъ 459.

Мильчигрія, королевна 195, 199.

Мина, въ сказкѣ о Ершѣ 251; великомуч., легенды о немъ 322.

Миней Четвъ 382.

Мининъ, Козьма, упом. въ манифестѣ имп. Александра I. 441, 445.

Минихъ, фельдмаршалъ, упом. 420.

Митрофанъ, русскій всезнайка 427.

Михайло Ивановичъ—Ярославскій медвѣдь-плясунъ 232, 364—368.

Михайловичъ Горюхиславъ, упом. 467.

Михайловъ, Пахомъ, протоіакоу Всешутѣйшаго собора 266.

Михаилъ Александровичъ, Тверск. князь, получаетъ въ подарокъ отъ Константинопольскаго патріарха икону Страшнаго суда 290; упом. 467.

Михаилъ Архангелъ, его изобр. на образѣ св. Сисиніи съ лихорадкамп., стр. 37—38, 383; народная картинка конца XVII в.: № 21, стр. 15.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, любилъ слушать сказочниковъ (бахарей) 182; держалъ шутовъ и дураковъ 412; пляска и музыка при немъ 387; кабацкіе доходы при немъ 380; упом. его указы 269, 321.

Миша-Мишенька, названіе ученаго медвѣдя 365—367.

Мишель (Francisque Michel, Le roman du St.-Grael, Bordeaux 1841) 308.

Могила-темяшцы въ Басманной части въ Москвѣ 507—509.

Моды, см. высокія прически, картинка модъ; ода о модѣ 108.

Мозанческое царство въ Космографіи 128.

Мозговъ, Фока (онъ же Ѳома Мозговъ), въ фаволѣ о безмѣстномъ дворѣ 238, 240.

Моисей, его жезлъ въ Кельѣхъ 467; его могила близъ Іерусалима 477; упом. 504.

Молвіаникъ, отреченная книга 166.

Молодая пѣмка кормитъ стараго пѣмца соской, карт.: № 311, стр. 437.

Молоферъ (Олофернъ) 299.

Молочницы, народная картинка, заимствованная съ французскаго оригинала 48, 179; № 71, стр. 51.

Молошниковъ, Г. Г., московскій собиратель и знатокъ по части иконописи; его рассказы о бородахъ и о Петровыхъ реформахъ 278.

Монархическій колоссъ, гравюра Махаева 133.

Монахи греческіе обманули Екатерину I аміаповымъ платкомъ 466.

Монахъ и птицы 336.

Монашеская чистота, сочиненіе этой гравюры заимствовано съ церковной паперти Соловецкаго монастыря, или обратно 305; карт.: № 44, стр. 37—38.

Монетный дворъ 145.

Монстры, предписаніе отсылать ихъ въ Спб. Кунсткамеру 139.

Монтальто, венеціанскій дожъ, ему былъ подаренъ св. Убрусъ 309.

Монтевилла, путешественника, рассказы о дѣвахъ 131.

Морицъ, рыцарь, его разговоръ съ Анной-воиномъ 299.

Моро, французскій полководецъ, упом. 156.

Моровая язва 1654 г. 236.

Морозовъ, печатникъ народ. картинокъ, упом. 83. Морозы, бывшіе въ 1812 г. 449—450; разные сорта русскихъ морозовъ 459—464; морозы сильныя и ихъ дѣйствіе 461—464.

Москали 234.

Москва, огромный видъ ея 26, 128.

Москва-рѣка, куда были переведены масляничныя горы 348.

Московскіе святые, блаженные Василій и Максимъ, изображ.: № 253, стр. 327.

Московскіе шуты и дураки 430, 431.

Московский Архангельскій соборъ 320.

Московский способъ борьбы 350.

Московский шутъ Иванъ Савельевичъ; изображ.: № 309, стр. 434.

Московскія Вѣдомости, упом. 146, 147.

Мстера, село Владимірской губерніи, гдѣ производились лубочныя картинки и иконы, которыя тамъ и раскрашивались 34, 63.

Мужикъ Пашика да братъ его Ермоника, карт.: № 300 стр. 430.

Мужикъ съ птичьей головой, пойманный въ лѣсу въ 1721 г., и Чудо морское, пойманное въ 1739 г., оба въ Испани: № 145—146, стр. 138. Борода à la moujik 278.

Мужъ жену плеткой бьетъ, карт.: № 132, стр. 112.

Мужъ и жена, карт.: № 234, стр. 281.

Мужъ лапти плететъ, а жена нитки прядетъ, обогатѣть хотятъ, огня не гасятъ, карт.: № 128, 129, 130, стр. 111.

Музыка и пѣніе сладкое изъ «Букваря» Каріона Истомина, карт. 388.

Музыкальные инструменты 387—390; въ Котомѣ погребеніи 265.

Музыкальныя произведенія, ихъ цензура 81.

Мулъ, Иосифъ, составитель альманаховъ 165.

Муралей-ага, турецкій герой 159.

Муромскій и Рязанскій митрополитъ: указъ его о возрастѣ брачующихся 98, 101.

Муромъ, гор. 184.

Мустафа, султанъ турецкій 146.

Мухинъ, докторъ Московскаго воспитательнаго дома, сдѣлалъ въ 1801 г. первую прививку коровьей оспы 515.

Мученикъ Христофоръ, карт.: № 254, стр. 328.

Мушекъ значеніе, карт.: № 125, стр. 108.

Мушки; реестръ имъ и что значить какаѣ мушка, на какомъ мѣстѣ 108.

Мысли вѣтренныя, притча; изображ.: № 198, стр. 226.

Мысли не вслухъ у дворца Петра Великаго, или посланіе С. С. Правдица къ С. А. Богатыреву 440, 441.

Мышецкій, князь, Андрей Денисовъ, раскольникъ, портр. его 160.

Мыши kota погребаютъ, картинка на деревѣ 255; на мѣдн 255; двухлистовая 255; замнее погребеніе 255, 266; лѣтнее, трехъ-листовое, полное погребеніе, разные переводы и объясненіе картинокъ 227, 256, 259, 260—272, 279.—Изображенія погребенія: зпмоу—трехлистовое, самое полное изданіе XVIII вѣка: № 219, стр. 257—258; лѣтнее,—двухлистовое изданіе: № 220, стр. 261—262; двухлистовая картинка, рѣзанная на деревѣ: № XVIII (въ краскахъ),

Мышка-понукайка въ котомѣ погребенія 183.

Мышь-палена въ котомѣ погребенія 270.

Мѣдныя гравированныя доски для накалыванія ихъ на церковныя двери 38.

Мюллеръ, писатель 415.

Мюратъ, маршалъ Наполеона, занимается выжигомъ золота 445.

Мякишевъ, Иванъ, граверъ на мѣдн, ученикъ голландца Пикара 25, 28.

Муръ: наставленіе, какъ имъ лѣчиться 385.

Н.

На безмѣстномъ дворѣ, карт.: № 213, стр. 241.

На всѣхъ не угодишь,—карт., переименованная съ орг. Ганса Сакса 179.

Назаретъ, городъ близъ Новаго Иерусалима 478.

Назарія, въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ 203, 206.

Назаръ, въ сказкѣ о Ершѣ 251.

Накры—литавры, упом. 387.

Налимъ, свидѣтель въ сказкѣ о «Ершѣ» 249.

Наполеонъ, каррикатуры 1812 г., сдѣланныя на него 446—448, 449, 455—459; и замѣтки о немъ 441—445; занимается въ Москвѣ выжигомъ вмѣстѣ съ принцами и Мюратомъ 444—445; о генуэзскомъ Убрусѣ 309; о Суворовѣ 153—151, 155, упом. 145; у русскихъ въ банѣ, обратный путь, угощеніе ему въ Россіи, три карт., раб. П. Теребенева: табл. XXXVII—XL; его портретъ, составленный изъ труповъ, гравированъ Теребеневымъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ «Азбукой для дѣтей»: № 322, стр. 460; клеймо для рекрутъ 214.

Нартовъ, Александръ; анекдоты о Петрѣ I—въ Москвитянинѣ 1842 г. 466.

Народныя картинки, подраздѣленіе ихъ на шесть отдѣловъ и описаніе ихъ 53—59; народныя картинки 1812 г. 63—64; цѣны на ихъ раскраску 63—66; подраздѣленіе ихъ на простонародныя и барскія 83—84.

Наручники для арестантовъ 507.

Наталія Алексѣевна, сестра Петра I; объ ея театральныя представленія 405.

«Наука и литература при Петрѣ I», Пекарскаго 401.

Наумъ Простота 224.

Наши чудодѣи. Спб. 1875 г. 432.

Нашекинъ, любитель шутовъ и дураковъ 423—424.

Неаполитанскій король, въ сказкѣ «Петръ Златыя ключи» 200.

Небо Новое, легенды о Богородицѣ изъ него 310, 312.

Небылица въ лицахъ, подписъ на гравюрѣ котово погребенія 271.

Невоструевъ, «Слово св. Ипполита» 294.

Невскій монастырь 368.

Невстанишній корень и дѣло о немъ 385.

Невѣрная жена 280; карт. № 119, стр. 96.

Невѣсты выборъ, карт.: № 123, стр. 104.

Неглинная, гдѣ справлялась въ старину масляница 348.

Незнайка въ сказкѣ объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ 216—217. 225.

Ней, маршалъ Наполеона, упом. 445.

Некрасовъ, И. С., его «Домострой» 115.

Не любо не слушай 240; см.: Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ 240—241.

Ненила въ сказкѣ о Ершѣ 251.

Неонилда, Трапезондская цесаревна 221.

Неофитъ, іеромонахъ, посланный къ выговцамъ для пренія по части перстосложенія и друг. духовн. вопросовъ 341. 342.

Не поминай имени дьявола, карт. 324—327.

«Нескучное», дача гр. А. Г. Орлова, гдѣ производились кулачные бои 356.

Несообразности разныя 240.

Несторъ лѣтописецъ, преп., въ числѣ Кіево-Печерскихъ святыхъ 133; о видѣ и о вел. ки. Владиміръ 370; картинка изъ «Патерики Печерскаго», раб. Л. Тарасевича 1702 г.: № 31, стр. 20.

Нехорошевскій, Мартынь, граверъ на мѣдн второй половины XVIII в.: 32, 33, 56; его работы: Притча житія человѣческаго 296; Страсти Христовы 306.

Нижній-Новгородъ, въ Космографіи 128.

Низаръ (Nisard, Histoire des livres populaires ou de la literature du colportage, Paris 1864), упом. объ альманахахъ 165, 176; о книгѣ, какъ повелѣвать чертями 175—176; наставленія, какъ имъ святымъ отъ чего молиться 384.

Никаноръ, архимандритъ; его слово объ иконѣ Богородицы Троеручницы 317.

Никель, мастеръ, въ шутов. комедіи 406.

Никита, великомученикъ, ему молиться отъ родимца 383.

Никита, простолюдинъ, который перевелъ «Звѣзду Пресвѣтлую» 314.

Никитинъ, Ѳеодоръ, граверъ XVIII в., ученикъ Киприянова 32, 56.

Никодимъ, его апокрифическое евангеліе 124; онъ написалъ икону Богородицы 314.

Николай Чудотворецъ; упрекъ ему отъ бражника 373; ему молиться отъ всѣхъ бѣдъ и напастей 382—383.

Никола на Пупынахъ, упом. въ медвѣжьей прибауткѣ 366.

Никольскій Проломъ въ Москвѣ, гдѣ продавались картинки 65.

Никольское, село подъ Москвой, гдѣ раскрашивались народныя картинки 62, 63.

Никонъ, патриархъ, строитель Новаго Иерусалима 480; 270 фряжскихъ листовъ, принадл. ему 71; по его просьбѣ присланъ въ Россію снимокъ съ иконы Иверской Богородицы 316; ему же принесена икона Богородицы Троеручницы 316; его лѣтопись 382. 466; преслѣдовалъ раскольниковъ 268; новизны его оуждаются Выговцами 341.

Ниль, Столбенскій, преподобн.; его изображение 488.

Нифонтъ, архимандритъ греческій 466.
Нифонтъ, епископъ Новгородскій 465.
Новгородская вѣчность, въ сказкѣ о Васыкѣ Бу-
славѣ 189.

Новгородскій уродъ 136.
Новгородскія мыши, въ котлов. погребеніи 264.
Новгородское подворье въ Барашевской слободѣ,
гдѣ продавались лубочныя картинки 65.
Новгородцы 190, 191, 467; съ Юрпкомъ. Новоси-
ломъ 378.

Новгородъ, въ космографіи 127.
Новиковъ; его «Древняя Россійская Вѣлююнка»
о театрѣ 406.

Новинское (см. Подновинское),—тамъ справлялась
масляница 348.

Ново-Дѣвичій монастырь Московскій 291.
Ново-Іерусалимскій монастырь (см. Воскресен-
скій) 480.

Ной, первый упившійся отъ вина человекъ, отъ
жены квасомъ хмѣльнымъ напоенъ 87.

Нострадамусъ, сочинитель альманаховъ съ пред-
сказаніями 165.

Ноты, линейныя и крюковыя 399.

Нѣмецкіе башмаки, камзолы и прочее платье,
приказано было носить всѣмъ русскимъ зимою ука-
зомъ Петра I. 274.

Нѣмецкіе потѣшные листы 67—68, 437.

Нѣмецъ, губернёръ русскаго, сатирическаго кар-
тинки на Ивана Ивановича 437—438.

Нѣмка дѣтъ на старикѣ 88, 93, 273—274, 437;
изображ.: № 106, стр. 88.

Нѣмка п приданая ея дѣвка стараго нѣмца пи-
тали 280, 437.

Нѣмцы; изображение ихъ какъ еретиковъ на об-
разѣ Страшнаго суда 292; въ народѣ они считались
большими пьяницами 371.

Нюренбергская дѣвпца, орудіе пытки 498.
Нюренбергская хроника, см. Шедель 131.

О.

Обезьяны-органисты 227, 437.
Оболенскій, Мих. Андр., директоръ Московскаго
Архива Иностр. дѣлъ 468.

Образцовъ, Андрей, знаменитый цѣловальникъ,
опавшій питуховъ 380.

Общество любителей русской словесности, на
счетъ напечатанія статьи Снегирева о лубочныхъ
картинкахъ 285—286.

Общество покровительства животнымъ уничтожа-
етъ медвѣжью травлю 369.

Обѣдало славный 48; карт.: № 70, стр. 50.

Овидій—Воудій; отвратительныя гравюры къ Ови-
дію, сдѣланныя учениками Пикара 28.

Овощный рядъ, въ Москвѣ, гдѣ продавались на-
родныя картинки 65.

Огонь священный; схождение его въ Іерусалим-
скомъ храмѣ 474—475; огонь въ пыткѣ 497.

Одербъ; битва при этой рѣкѣ съ пруссаками 143.

Одноколка въ котловомъ погребеніи 271.
О женѣ князя Брабантскаго, которая родила 364
ребенка; карт.: № 258, стр. 336.

Ока, рѣка; кулачные бои на ней 356—359.
Окулова рассказы о шутахъ 423—424.

Окунь, приставъ, въ сказкѣ о Ершѣ 247, 248.
Олеарій; его путешествіе по Россіи 266, 360, 381;
о музыкѣ и пляскѣ при дворѣ Мхавла Θεодоровича
387; о распущенности русскихъ вправовъ 90, 91, 409; о
пьянствѣ 370.

Олень въ легендѣ о св. Евстафій Плакидѣ 323.
Олесафія, царица, освобожденная в.-муч. Георгі-
емъ 324.

Олонецъ, градъ, упом. 485.
Олонка—мышь въ котловомъ погребеніи 264.

Олофернъ—Молоферъ 299.

Олеуфьевъ, Ад. Вас., составитель собранія на-
родныхъ картинокъ 60, 148.

Ольгердовичи 135.
Ольгердъ, литовскій князь, замучилъ Антонія,
Іоанна и Евстафія за то, что они не хотѣли сбрить
бороды 275—276.

Омовеніе ногъ, мистерія 401.
Онега, гор., упом. въ Соловецкомъ богомольѣ 181,
485.

Опера итальянская, упом. 406.
Описаніе торжества процессіи, бывшей въ Тур-
ціи въ 1770 г. 146—147.

О преніи живота со смертію, карт.: № 239, стр.
295.

Опыты изученія, Забѣлина, 1873 г. 514.
Органы—лпы: «На вербяхъ обѣсхонъ органы
паша», упом. 387.

Орефьевъ, Климентъ, бахарь царя Мхавла Θεодо-
ровича 182.

Оригентъ; его соч. объ апокрифахъ 125.
Оринка—мышь татарская, въ котловомъ погребе-
ніи 270.

Орловъ, графъ, А. Г., герой Чесменской битвы;
у него бывали кулачные бои 355—356; сынъ его уча-
ствовалъ въ бояхъ 355.

Орловъ-Денисовъ, графъ, его портреты 459.
Орлопъ, армянскій король; названъ по ошибкѣ
этимъ племенемъ—дворецкій въ нашей сказкѣ о Бовѣ
королевичѣ 199.

Оружейная палата въ Москвѣ, ея мастеровые,
знаменщики и граверы 14, 23, 24, 32, 45—46, 56, 182, 412.

Осада Вѣлграда Печенѣгами 133—134.
Осетръ—бояринъ въ сказкѣ о Ершѣ 247.

Оспы коровьей польза, картинка 490, № XLIX—L
(въ краскахъ) привііе натуральной оспы Екатерины II.
513—514; указы и празднества по этому случаю 514;
старанія правительства о привііи оспы народу 514.

Островскій; заимствованіе имъ изъ парод. карт.
цѣлыхъ разговоровъ 409.

Островъ вѣчнаго веселія 214.
Острогъ, гор.; языкъ «Острожской Вѣбли» въ ко-
медіяхъ 406.

«Отдай мнѣ ведра» 90; карт.: № 109, стр. 92.
«Отдай пѣтуха», русская народная картинка съ
нѣмецкаго образа: № 78, стр. 55.

Отецъ съ сыномъ въ мукахъ, карт. 302.
Отрепьевъ, Гришка, самозванецъ 189.

Отреченныя книги, см. Тихонравовъ: 123, 125,
166, 309, 311, 386.

Отче Нашъ, лицевой (1646—1662 г.), іерея Про-
конія 40.

Офени, разношники народныхъ картинокъ въ лу-
бочныхъ коробахъ 72.

Охота за зайцами 369; на кабана 369.
Охотникъ и пастушка 280; карт.: № 114, стр. 93.

Охотникъ медвѣдя колеть 369.
Охтенки—мышы въ сказкѣ о погребеніи кота
255, 264, 267.

Очакова взятіе, карт. 148.

П.

Павелъ, апостолъ; крещеніе отъ него французовъ
126; упрекъ ему отъ бражника 372.—Павла Обращеніе,
изъ «Вѣбли» монаха Ильи: № 16, стр. 11.

Павелъ Петровичъ; какъ императору, ему под-
несли Мальтійскіе рыцари гротмейстерство, икону Фа-
лермской Богоматери и другія святыни 315; держалъ
шута 424; танцовалъ въ балетѣ Адвсъ и Галатея 396.

Павликіане, секта, упом. 330.
Палачъ, по старинному катъ и заплечный ма-
стеръ; о томъ, какъ онъ долженъ пытать 492—497;
счетъ, подаваемый палачемъ 497; подпалываетъ подсу-
димому бока цѣлыми пучками сальныхъ свѣчъ, рису-
нокъ изъ Терезіаны: № 340, стр. 498.

Палермо, гор., упом. въ райкѣ 370.

Палея лицевая, см. Корень; Палея толковая 123, 124, 321.

Палица въ 40 пуд. Ивана царевича 209.

Палицынъ, Авраамій, упом. въ манифестъ Александра I. 445.

Палладій, Мпихъ, его слово о второмъ пришествіи 291.

Паломничество въ Иерусалимъ и паломники (или палемники) 465—473.

Пальцигская побѣда надъ пруссаками 143.

Памятники русской словесности 301.

Памятники старин. русск. литерат. изъ сборника «Кирпловской библіотеки» 385, 396.

Память рѣшенія судебнаго, въ новѣсти о Ершѣ 250.

Панагія, серебр., раб. мастера Арппа 1463 г.: № 56, стр. 41—42.

Панихиды и разные роды ихъ 301—303.

Пантуй, царь, въ сказкѣ Вулатъ-молодецъ 217—218.

Пантюха и Захарка, дурацкія персоны 429.

Панъ Трыкъ и Херсона 92—93, 438; карт.: № 313, стр. 440.

Панюржъ у Рабле, собирающійся жениться 103.

Папа; о томъ, какъ папа обрилъ себѣ бороду 275; коронуешь икону Почаевской Богородицы 317; считается у протестантовъ антихристомъ 294.

Паперти монастырей: Симонова 36, Соловецкаго 37, 38, и Чудова 37, 38; собора въ г. Суздаль 38; стѣппосы ихъ перешла въ пародныя картинки 35—36.

Параклито, знамя въ крюковыхъ нотахъ 399.

Парамошка—пономарь играетъ въ карты съ Савоськой 377, 428, карт.: № 298, стр. 429; бьетъ Ерему съ Оомой 360, 428.

Парамошка, казначей, въ реестрѣ о приданомъ 107.

Паранькинъ день 366.

Парижская библіотека—наход. тамъ картинка «Война мышей съ кошками» 260.

Парижъ, гор.; торжественное вшествіе въ него Наполеона 457—458.

Пастухъ и Пастушка, съ оригинала Буше 52; карт.: № 79, стр. 56.

Пастуховъ, граверъ 33, 56.

Патарскій, Меѳодій, его слово 130.

Патентъ на дурака, выданный Петромъ I Ушакову 414.

Патерикъ Печерскій, гравированный Ильей 10, 314.

Патріархъ Зялузя и всего Кукуя 71.

Паша турецкій 201.

Пашка, мужикъ, дурацкая картинка 428.

Педрилло, шутъ при дворѣ Анны Ивановны; его исторія съ женой и съ бѣлой козой 420—422, 425; посланіе къ нему другого шута Тремера 420—422; везетъ въ савяхъ свою жену съ ея любовникомъ: № 293, стр. 424.

Певарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», Спб. 1862 г. 270, 401, 405—406, 417; о граверахъ Петровскаго времени 30; ученіе въ старое время 116, 121; о Брюсѣ и его смерти 168; о бородахъ и старинномъ платьѣ 275; о музыкѣ и танцахъ 387; о самодѣльномъ королѣ 413; о театральныхъ представленіяхъ при Петрѣ 406.

Пелагея, жена озлобленнаго супруга 86.

Пентамероне, Вазили, заимствованія изъ него 180.

Пентефрій, его жена 340.

Переводы пародныхъ картинокъ, откуда заимствованы 45—57.

Перекопская крѣпость, взятіе ея 147.

Пересвѣтъ, монахъ-богатырь; его дубинка 135.

Переславская лѣтопись 468.

Периге—монастырь, гдѣ находятся скульптурныя изображенія походовъ Виргилія и Аристотеля 87—89.

Персиваль, рыцарь, разыскавшій чашу Снаспителя 308.

Персидское царство, на иконѣ Страшнаго суда 292.

Перъ, или Пертъ, протоіакоу 416.

Перша, крестьянинъ 251.

Петербургъ огромный видъ 1727 г. 26.

Петровское время 18.

Петровский дворецъ въ Москвѣ, упом. 444.

Петровъ, Антонъ, первый мальчикъ, которому была привита коровья оспа въ Москвѣ и который называлъ Вакциновымъ 515.

Петровъ, Марко, ученикъ гравернаго дѣла, гравировалъ съ Никитинымъ арпометку 122.

Петровъ, Петръ Николаевичъ, извѣстный археологъ и литераторъ, его книга: «Для немногихъ» 412.

Петрушка и Медвѣдь въ кукольной комедіи 360, 361, 362; петрушкина свадьба 363—364.

Петръ Алексѣевичъ I, Великій. Адвокаты общаеъ перевѣшать 417; посвящ. ему листъ, грав. Вас. Киприановымъ 122; арпометкѣ заставляеъ всѣхъ учиться, безъ чего запрещаетъ вступать въ бракъ 122, 123; бороды брить приказываетъ всѣмъ и устанавлиеъ пошлину съ бороды 273—274, 275—278; Брюса, фельдцейхмейстера, запрещаетъ оживлять 168; взяточниковъ колотить собственноручно 243; всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ, учрежденный имъ, гдѣ онъ имѣлъ титулъ Іеродиакона Петра Пахомова 234, 266—269, 270, 376, 416; гравюру на мѣди поддерживаетъ и приглашаетъ голландскихъ граверовъ Пикара и Шхонбека 21—23; положеніе гравюры въ его время 18, 21; грав. Штеллинъ 24; Езоповы басни пропагандируетъ 225; Екатерина была ему во всемъ сподручна 416, 417; объясняетъ ей обманъ монаховъ 466; жениху съ невѣстой приказываетъ до брака видѣться 101; женщину черезъ край эманципируетъ 90; завычаніе его о Константинополѣ подложное 145; пугтрафскую палату учреждаетъ въ Москвѣ для цензурованія пародныхъ картинокъ 78; Иордана, генераль-майора, отзываетъ о Петрѣ I. 417; карлы, находившіеся при его дворѣ 413, 432; картинки, по которымъ училъ его Зотовъ 71; клеимо для рекрутъ выдумываетъ 274; клеветъ Авкии, подаренный имъ въ Кунсткамеру 300; масляничное празднество переводитъ на Разгуляй 348; новый годъ устанавливаетъ съ 1-го января 1699 г. 166, 167; на него картинка объѣдалы 260; остроуміе его довольно тупоумное 234; откупная система при немъ 380; платье приказываетъ всѣмъ русскимъ носить пѣмное и французское 274; переписка его съ Екатериною изъ Спб. 416; плиту изъ храма Господня хотѣлъ вывезти изъ Иерусалима 480; подати съ народа, какъ платили при немъ и съ живой души и съ мертвой 278; портреты его: царемъ, раб. Артемьева и Зубова, 151; Пикара 28, 151; планъ уничтоженія монастырей 236; привѣски съ образа Владимирской Богородицы велитъ снять 383; пытки и пыточные инструменты его,—онъ всѣхъ пытается безъ разбору 499, 506; раешника замѣтки о Петрѣ I. 370; раскольниковъ притѣсняетъ 266—267, 273—274, 276—279; сатирическія картинки на Петра I: 235, отъ Христа паденіе автихриста 271—272, 293, 294, посвященіе въ чиповные чумаки 419, и Екатерину I: Баба-Яга съ крокодиломъ 273, 279; и съ плѣшнымъ мужикомъ 273; нѣмка верхомъ на старикѣ 88, 93, 274; сатирическія картинки на смерть Петра I: погребеніе kota мышами 255—260—271; сатиры самъ Петръ не терпѣлъ 232, 417; свирѣпый правъ Петра 417; служители С.-Петербургской типографіи подносятъ ему картинку въ 1717 г. (гравюру) 75; танцы при немъ 397; театръ при немъ 406; уголовная прибаутка Петра о 10 невинныхъ 500; указы его: объ уничтоженіи монастырей 236—237, о изготовленіи юфты 268; Ушакову выдаетъ собственноручный патентъ на дурака 414; шутство и шуты при немъ 413; Шхонбека, гравера голландскаго, приглашаетъ на службу 21; юмористическое направленіе въ Петровскихъ потѣхахъ 415—419.

Петръ Алексѣевичъ II, императоръ; его портреты 151.

Петръ, Апостолъ 309; его изображенія, посярамленныя отъ бражника 372; отсѣкъ ухо Малху 305—306; жезлъ его 467.

Петръ Афонскій, содержаніе нехитраго житія его 322; морозы на Петра Афонскаго 461.

Петръ Златые ключи, храбрый рыцарь, карт., № 186—188, стр. 200; сказка, ея содержаніе 179, 192, 199—203; презрительная замѣтка о ней сатирика Кантемира 284.

Петръ мытарь, нехитрое житіе его 323.
 Петръ Ѳеодоровичъ ІІІ, императоръ, упом. о его постыдномъ для Россіи мирѣ съ Пруссіимъ королемъ 143; указъ объ уничтоженіи безобразно-сдѣланнаго его портрета 76; скопцы считаютъ его своимъ послѣдователемъ 160, 345—346; его портретъ и картинка, гдѣ представлено исхожденіе его изъ гроба къ Павлу Петровичу 160; уничтожаетъ официальнымъ манифестомъ пытки 499.
 Печать царя Соломона, карт.: № 172, стр. 176.
 Печерскій монастырь, 34.
 Печерскій, А., его повѣсть «На горахъ» 343.
 Пеше Шиширь, богатырь турецкій 159.
 Пива, монастырь въ Герцеговинѣ 487.
 Пигасья съ Ѳарносомъ въ кабаки (карт.) 377.
 409, 425.
 Пигнета, чортъ женскаго пола, совокуплявшійся съ монахомъ 331.
 Пикарь, Петръ, гравёръ; его работы 21, 24, 25, 30, 31; портр. Петра І. 28; Екатерины І, съ орг. Моора 28; его ученики 24, 28, 29, 31; перышность его работы, упом. 26, 56.
 Пикельгерингъ, пѣмецкій шутъ, упом. 406.
 Пикъ-де-Мирандола, о сообщеніи монаховъ съ чертами 331.
 Пилать, упом. 467.
 Пилигримище, былинное старчище 192.
 Пилигримъ Іерусалимскій, полугрюмъ, угрюмъ 468.
 Пирогъ съ молитвою и съ пустяками 427.
 Пирушка, передъ которой, по старинному обычаю, хозяйка подноситъ гостямъ вино и цѣлуется съ ними, карт.: № 266, стр. 357.
 Пирушка по старинѣ, когда на столъ поставятъ ѣсть (въ краскахъ): № XVII.
 Пирушка съ музыкой, карт.: № 283, стр. 393.
 Пискаревъ, «Древнія грамоты». Спб. 1855 г. (опредѣленіе лѣтъ для вступающихъ въ бракъ) 101.
 Пискарева Библия 37—40, 45, 54, 291; второе ея изданіе, ввезенное въ Россію въ большомъ количествѣ 44, 45, 46. Апокалипсисъ Кореня 30, 40, 54.
 Письма русскихъ государей, упом. 416.
 Питейные дома, или кабаки 376.
 Питухи кабацкіе спивались ради приумноженія государевыхъ доходовъ 380.
 Плакида, Евстафій 326.
 Пламенный Щитъ, царь, въ сказкѣ объ Ерусаланѣ Лазаревичѣ 205—206.
 Платовъ, гр., атаманъ казачій, его портретъ 459.
 Платонъ, митрополитъ, сочинилъ проповѣдь, говоренную во время обряда покаянія, совершеннаго убійцами Жуковыми 492.
 Плачь грѣшника, изъ Сноподика 1702 г., образчикъ работы гравера серебрянника Л. Бунина: № 30, стр. 19.
 Плащъ у паломниковъ въ Іерусалимѣ 469.
 Плетѣ, наказаніе ими 501—502.
 Плетка-живалка волшебная 224.
 Плетъ шелковая у Ильи Муромца 187.
 Плещеевъ, Тарасъ, анекдотъ о немъ, рассказанный Коллинсомъ 412.
 Пляска 393; приказъ Петра всѣмъ плясать 396; пляска русская 393 — 394, 397 — 398; замствование ея у восточныхъ народовъ 396; камчадалская 398; камаринская и цыганская 389 — 393; бычекъ или трепакъ Спиря 393, 395; придворные и благородные танцы: мамимаска, матрадуръ, менуэтъ и проч. 398.
 Пляска бычка подъ волюшку, карт.: № 285, стр. 395.
 Пляска смерти, Гольбейнова и въ паннихъ картинкахъ 3.
 Плясуныя шутяха, карт.: № 307, стр. 443.
 Побойще славное, царя Александра Македонскаго съ Нормомъ, царемъ Индійскимъ: карт. № XV (въ краск.).
 Побѣдоносцевъ, К. П., его: Историческія изслѣдованія и статьи, Спб. 1876 г., откуда заимствованы свѣдѣнія о дѣлѣ Жуковыхъ 490—492.
 Повѣнецъ, гор. 485.
 Повѣсть Іакова де-Ворагине, о дворянѣ и крестьянинѣ 251; о любителѣ вѣка сего 336; о шутѣ и трактирщикѣ 179.

Повѣсть забавная о купцовой женѣ и прикащикѣ въ 8 картинкахъ 97, 98, 179, 280; изобраз.: № 120, стр. 99—100.
 Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ 227—242, 247—251, 284; карт.: № 216, стр. 249—250.
 Повѣсть о Петрѣ Златыхъ ключахъ: № 185, стр. 201—202.
 Повѣсть о лѣтухѣ и лиснѣ 225—226; № 199, стр. 227—228.
 Подлый—подлымъ прозывали въ XVIII в. служилые люди простой народъ 284, 389; ему было запрещено и веселиться вмѣстѣ съ благородными 406.
 Подносная картинка царевичу Алексѣю Петровичу отъ гравера Тепчегорскаго: № 103, стр. 73.
 Подносные листы; цѣлый отдѣлъ ихъ 72—75.
 Подъ Новинскимъ гулянье 348, 389, 430.
 Подъ-силки, выраженіе въ борьбѣ 350.
 Подъячіе переписывали сказки въ XVII и XVIII в. 184.
 Подъячій и смерть 242, 251.
 Пожарскій, кл. Дмитрій Мих., упом. въ манифестѣ 1812 г. 441, 446.
 Пожаръ Москвы въ 1812 г. и вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву 442—443.
 Поздравительные листы—картинки, подписанные въ дни тезоименитствъ 72.
 Позорскій, богатырь 159.
 Покаяніе благовременное, карт. 342—343.
 Поклоненіе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей поворожденному Спасителю, работы Захарія Самуиловича 149; карт.: № 162, стр. 149—150.
 Покровское село, гдѣ справляется масляница 348.
 Поликаръ, царица солнечнаго града, въ сказкѣ объ Ерусаланѣ Лазаревичѣ 203, 206.
 Полишинели Каллота, скопированные въ русской народной картинкѣ: № 281—282, стр. 391—392.
 Полканъ, богатырь, 198; въ сказкѣ объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ 217; въ видѣ Смерти 298.
 Полное собраніе русскихъ законовъ 355, 377; о гравюрахъ 21; объ арифметикѣ 123.
 Полное собраніе русскихъ лѣтописей 369, 468.
 Положеніе во гробѣ, см. Антипинъ 9, 10.
 Полозовъ, его рассказы объ Іерусалимскихъ святыхъ 474.
 Полотенце, волшебное (рѣка) 224.
 Полотна, въ сказкѣ о Золотой горѣ 216.
 Полоцкій, Симеонъ, ему посвященъ букварь К. Истомина 122.
 Полтевъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и Полтева, убійцы Жуковыхъ 490.
 Полусорочки—панниха въ 20-й день послѣ смерти покойника 302—303.
 Польскій козелъ, орудіе пытки 498.
 Польскій, танецъ 396—397.
 Поляки любятъ попить вина 371; сатирическія картинки на поляковъ и полекъ 127.
 Поминошеніе умершихъ 301—303.
 Поминъ смерть, изъ Сноподика 1702 г.: № 243, стр. 302.
 Поморскіе отвѣты 321, 341, 342, 343, 344; въ рукоисп. отдѣл. Румянц. муз. № 503—оттуда о перестроженіи 341.
 Поморы, былины ихъ 181.
 Помѣха въ любви, карт.: 95; № 236—237, стр. 281—282.
 Пономаревъ, его статья объ Іерусалимѣ въ Запискахъ Акад. Наукъ 466.
 Понукалки 183.
 Поповъ, А. Н.; его статья о 1812 г. въ Русск. Архивѣ 442, 443, 444, 445, 450; о русскихъ морозахъ 459. Сокола и кресты царя Алексѣя Михайловича (Рус. Бес. 1856 г.) 369.
 Поповъ, Андрей; его Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Москва 1866 г. 126; и приложение къ оному, подъ заглавіемъ Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, Москва 1869 г. 127; Космография 126, 128.

Попугай, птица, или Папугаль 227; карт.: № 200, стр. 227—228.

Попъ, пьяный, крестилъ Соломонію, отъ чего она и стала бѣсноватою 332.

Порохъ—виш 324.

Порта, вражда съ ней 144—145.

Порфирьевъ, И., его соч.: Индексъ апокрифическихъ книгъ 125.

Портъ, царь Индійскій, бой его съ Александромъ Македонскимъ, 46, 132—133; карт.: № 142, стр. 132.

Посвященіе въ чумаки 419.

Посвященіе изъ простыхъ въ чпновныя чумаки и въ настоящіе цѣловальники: № 291, стр. 421—422.

Посохъ, у паломниковъ 469.

Постниковъ, протоіерей, говорившій проповѣдь при обрядѣ покаянія убійцъ Жуковыхъ 492.

Посулы, лихоимныя, упом. въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ 248.

Потаня, хромой 190.

Потемкинъ, свѣтл. кн. 148.

Потсдамъ, упом. 515.

Потыкъ, Ивановъ, богатырь (Михайловъ) 468.

Похвалы розгѣ, картинка 2-й половины XVII в.: № 134, стр. 118.

Походъ славнаго рыцаря Колеандра Лодвика, карт.: № XVI.

Похождение о Носѣ и сильномъ Морозѣ, карт.: № 323, стр. 461—462.

Похоронныя обряды 301, 303.

Почаевская Богородица, она увѣщана ко-роною 317.

Почаевская лавра 487.

Почаевскій монастырь 34.

Почаевской работы гравюры, упом. 34.

Пошехонцы, рассказы поморскіе о ихъ глу-пости 234.

Пошибъ, или стиль, картинки или иконы 54.

Правдинъ, о вліяніи французовъ на русскихъ 440.

Прага, гор. 337.

Пратель, походъ въ Альпахъ 156.

Праксперъ, 156.

Прасковья Федоровна, царца, уважала юроди-ваго Архипыча 233.

Предложеніе о лѣкомъ немилосердномъ госпо-динѣ въ Прагѣ 337—338.

Прелюбодѣицы проговяютъ блуднаго сына, карт.: № 112, стр. 92.

Преображенское село 272.

Преподобные Зосима и Савватій, съ видомъ Соловецкаго монастыря: № 313, стр. 486.

Преподобный Макарій и бѣсъ: № 255, стр. 329.

Прибавленіе къ ключу «Разумѣнія», книга рек-тора Галатовскаго 310.

Привѣски на образахъ—на Владимірской Бого-родницѣ 383.

Принужденное терпѣніе, карт. 96—97.

Притчи св. Варлаама 336—337; о грѣшпой ма-тери изъ Синодика 303; о дѣвницѣ, умершей въ блуд-номъ грѣхѣ 303; о двухъ юношахъ 336; житія челове-ческаго—картинка, прямо переведенная съ иностран-наго образца, какъ это сказано въ ея текстѣ: № 67, стр. 47; зеркала страшна и ужасна: № 245, стр. 303—304; о блудницѣ, изъ кн. «Вѣнецъ Христовъ», К. 1688, раб. маст. Іоанна: № 93, стр. 68; о богатомъ и убо-гомъ Лазарѣ, табл. XXV и XXVI (двѣ картинки въ краскахъ); о бѣсѣ Зереферѣ, картинка XVII в. (двѣ картинки): № 256, стр. 331—332; о завистливомъ: № 209, стр. 233; о немилостивомъ господинѣ: № 260, стр. 339; о пустыникѣ Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ въ 17 карт. XVIII вѣка, 336—337; № 259, стр. 338; о трехъ отрокахъ въ печи: № 286, стр. 400; о человекѣ, не хотѣвшемъ ходить въ церковь, раб. А. Трухменскаго 335, карт.: № 27, стр. 22; о жепѣ прелюбодѣицѣ 303; о священникѣ и дьяволѣ 335; о волнѣ, простившемъ убійцу своего брата 335.

Притчи царя Давида и Соломона на стѣпахъ дворца царца на стр. 45—46.

Провъ, какъ Христа братомъ назвалъ; сказаніе 124.

Продажа картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ овощномъ ряду и въ другихъ мѣстахъ 64—65.

Продора, дочь царя Бугригора, въ сказкѣ о Еру-слапѣ Лазаревичѣ 203—204, 205.

Прозоровскій, бояринъ; его дочь, кн. Голицына, была шутихой 413.

Прокопій, діакопъ, послѣ священникъ, граверъ на деревѣ 1/2 XVII в.; его работы Апокалипсисъ 54; въ тетради Кіево-Печерскихъ святыхъ имъ гравиро-ваны листы: 4, 10, 40.

Прокопій, св. Устюжскій, избавляетъ молитвою бѣсноватую Соломонію 334—335.

Просьба Калязинскихъ монаховъ 489—490.

Прохоровъ, Павелъ, крестьянинъ 446—452; кар-тинка 1812 г.: № 319, стр. 457.

Прохоръ да Борисъ, карт. 429.

Пруссія, въ Космографіи 127.

Прусская кампанія въ 1759 г. 142.

Пруссскій драгунъ, 1759 г. 144; карт.: № 154, стр. 143.

Прѣсенскій (съ Прѣсни), скоморохъ въ кабацѣ 277.

Пряники, старинныя, печатныя, назпачепныя для подарковъ: № 100, 101, 102, стр. 73, 74.

Псаломъ 103, въ 32 карт., съ изображеніемъ пла-нетной системы, работы Андрея Тихомирова: № 176, стр. 161—162.

Псковичи, упом. 468.

Псковская лѣтопись 468.

Птица, прилетающая въ Парпжъ въ 1776 г. 137.

Птоломея Космографія, древняя, упом. 3.

Птоломеева система, планетная, изображена на картинкѣ: 164.

Пугачевъ, въ желѣзной клѣткѣ: 507: № 341, стр. 508.

Пуликанъ, въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ; бой его съ Бовою 180, 191, 192, 197, 198.

Пульчинель, италіанскій, обряженный въ рус-скаго Голку Стенку 426.

Путь земли, показывается въ Іерусалимскомъ храмѣ 469. 474; его пазначали и въ другихъ мѣстахъ 474.

Путятинъ, богатырь 182.

Пушкарская улица, въ сказкѣ о пѣтухѣ и ку-рахъ 251.

Пушкинъ, А. С., его мнѣніе о пародныхъ картинкахъ 284—285; нападки критиковъ на него за его сказку Русланъ и Людмила 285; его куплетъ о русскомъ испи-ваніи 374; его замѣтка о 1812 г. 441.

Пчела, сборникъ словъ 85, 86, 89, 111, 375.

Пыпинъ, А. Н., «Очерки литературы старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» 177; о Космографіи 126.

Пытка въ Преображенскомъ приказѣ 272; описа-ніе ея 492—496.

Пьянство на Руси и у другихъ народовъ 370—380.

Пѣніе и пляска—шуты скопированы съ полиши-нелей Каллота: № 280, стр. 391—392.

Пѣніе русское 390—392.

Пѣтухи, ихъ изображенія 227.

Пѣтухъ и куры, сказка въ видѣ судебного дѣла 227, 251—252.

Пѣтухъ топтунъ 227—228, карт.: № 203, стр. 228.

Р.

Рабле, франц. сатирикъ, его разсужденіе о же-пывѣбѣ 103.

Рагузинскій, Савва, въ видѣ мыши Савки въ ко-товомъ погребеніи 270.

Радивиловъ—игравшій на баталайкѣ въ 50-хъ годахъ 265.

Ракъ и раешникъ 369—370.

Разговоръ Акулины съ Степанидою: № 345, стр. 517; Св. Дмитрія Ростовскаго съ раскольниками о брадахъ: № 232, стр. 277; жепиха со свахою 98—102; мужа съ женой 95—96; рябой Ѳеклы съ приго-жей Гурьевной: № 346, стр. 517; шута Фарисеа и его жены Пягасы съ цѣловальникомъ Ермакомъ 409; карт.: № 276, стр. 278.

Разгуляй въ Москвѣ, куда Петръ перевелъ мас-
ляничныя гулянья 348.
Разстанн, кабаки на распутьяхъ 380.
Разумовскій, его книга о музыкѣ 387.
Райская птица 336.
Райскій ключъ; замѣтованіе пзъ него подроб-
ностей страстей Христовыхъ 306.
Ракшъ, конь Рустема въ поэмѣ Шахъ-Наме 203.
Ракъ—печатаетъ грамату клешнею, въ сказкѣ о
Ершѣ 250.
Раскольникъ и цирюльникъ, карт. 273, 276. 489.
Раскольники сочинили на Петра I и Екатерину I
сатпири. картинки 271—272.
Раскраска лубочныхъ картинокъ 63—66.
Распятіе и Евангелисты съ оклада Евангелія
1343 г. (въ Троице-Сергіевской Лаврѣ): № 55, стр. 39—40.
Ратникъ Гвоздило и мплицейскій Долбилло: № 315—
316, стр. 452.
Рафли, гадательная тетрадь 171 (см. тоже Коло).
Real di Francia, упом. 180.
Реестръ о дамахъ 103—104.
Рейс-Ефенди, турецкій посолъ, упом. 147.
Рейтарша на курицѣ, карт. 97, и Рейтаръ на
пѣтухѣ стр. 51, 280; оригинальныя нѣмецкія доски, на
которыхъ нѣмецкія подписи счищены и замѣнены рус-
скими 97; № 74—75, стр. 53.
Рембрантъ упоминается какъ богъ живописи 232.
Рехбергъ, о русской банѣ 381.
Римское царство, на иконѣ Страшнаго суда 292.
Римъ, городъ, — въ немъ находится св. Убрусь
и другія святыни 466; Римъ возобновитъ антихристъ
294; упом. 292, 323, 415; видъ Рима, одна изъ самыхъ
древнихъ западныхъ гравюръ 3.
Ричіудина, обращенная въ даму Арину 398, 426.
Робертъ, Нормандскій, произошелъ отъ діавола
331.
Ровинскій, Д. А.; его сочиненія «Русскіе граверы
и ихъ произведенія», Москва 1870, упом. 32; «Словарь
русскихъ гравированныхъ портретовъ» 345, 416.
Рогожская застава въ Москвѣ, за которой про-
изводилась медвѣжья трава 369.
«Рожденіе тятеньки», поздравительная картинка:
№ 99, стр. 72.
Рожекъ, музыкальный инструментъ 389.
Розга, похвала ей 116—117; розги судебныя и
розги административныя 116, 502.
Ромейнъ де Хогхе (R), гравертъ, учитель Шхоне-
бека 25.
Ромодановскаго медвѣди 25, 368.
Росланей Прохоровичъ, богатырь, въ сказкѣ объ
Ерусалѣ Мазаревичѣ 205, 206.
Росписъ приданому 104—108; карт.: № 124, стр.
105—106.
Ростовская лѣтопись 381.
Ростовскіе князья, въ повѣсть о Ершѣ 247.
Ростовъ, гор. 482.
Ростовцевъ, Алексѣй, гравертъ пачала XVIII в.;
его біографія 25, 29, 58; его работы—стѣпной кален-
дарь 158.
Ростопчинъ, гр., Московскій генералъ-губерна-
торъ въ 1812 г., съжегъ Москву 444; сочинилъ лѣсію
на Наполеона 447; афиши и сочиненія его въ 1812 г.;
гаерскій языкъ ихъ 440, онъ училъ дратся на кулач-
кахъ у англичанъ 355.
Рота, обѣтъ или клятва идти въ Іерусалимъ 465.
Рука св. Анны 48.
Румянцевскій музей, Востокова 468.
Румянцевскій Сборникъ опримиѣтъ при встрѣтѣ
съ медвѣдемъ 368.
Румянцевъ, грав. 32.
Румянцевъ, фельдмаршалъ, его побѣды 148.
Русланъ и Людмила, поэма Пушкина, надѣлав-
шая переполохъ въ литературѣ 285.
Русская Старина, 1875, II: 414, 420, 427, 428, 446,
451; 1873: 496.
Русская Истор. Библ., Тимоѣева III, 399.
Русскіе гренадеры 1759 г., карт.: № 156—157, стр.
145—146.

Русскій Архивъ (1865 г.) 475; (1864) 299; (1875) 377.
Русскій Вѣстникъ, 1876 г. июль, о кулачныхъ
бояхъ 359; о пожарахъ Москвы 1812 г. 444.
Русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгунъ, карт.:
№ 155, стр. 144.
Русскій Музей Имп. Александра III, находящаяся
тамъ Халдейская пещь 400.
Русскій народъ, по свѣдѣніямъ Космографіи
127—128.
Русскій царъ, по свѣдѣніямъ космографіи, всегда
воюетъ съ сосѣдями и не терпитъ свободы 128.
Руссо, Ж. Ж., о романахъ, которые читался въ
его время 178.
Русь, на образѣ Страшнаго суда, представлена въ
адѣ 292.
Русскія Народныя Картины 1881 г. IV т.: 311
(отреченныя рукописи, Соль Богородицы).
Рыбниковымъ собраныя лѣсни, Москва 1861 г.
и слѣд., (4 книги), упом. 266, 298—299.
Рыле (Leuer), музыкальный инструментъ 387.
Рылѣвъ, С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ,
боялся шутихи Дашковой 423.
Рымникская битва 154.
Рыцари Круглаго стола 308.
Рязань, гор., упом. 443.

С.

Саваоѣ, Господь 292.
Савва Грудцынъ, повѣсть 330.
Савва, муч.: Саввы освященнаго церковь въ
Москвѣ, гдѣ на сѣверныхъ дверяхъ алтаря находится
изображеніе препод. Іакова, убивающаго соблазнившую
его женщину 85.
Саввантовъ, П. П., писатель 104.
Савельичъ, московскій шутъ нашего столѣтія 430.
Савва—мышь въ котловомъ погребеніи 270.
Савоська, игрокъ, играетъ въ карты съ Парамон-
кой 377; его рветъ винцомъ 376.
Савоська, Еремка и Парамонка: табл. XXXIV,
(въ краскахъ).
Садко, повгородскій купецъ, пляшетъ трепакъ у
водяного царя 394.
Садлеры, граверы, гравировавшие біблію Писка-
тора; ихъ манера переята граверами серебрянни-
ками 17.
Сазонычъ, Сысой, дурацкая персона 429.
Сайнъ, Татарскій царь, основатель Казапи 133.
Саксонское верхнее платье приказано было отъ
Петра I носить зимою всѣмъ русскимъ 274.
Саксъ, Гансъ, нѣмецкій народный писатель XVI в.
біографич. свѣдѣнія о немъ и его сочиненіяхъ (Hans
Sachs im Gewande seiner Zeit Gotha 1821, fol.), съ
отпечатками старинныхъ досокъ 64, 179; сходство его
картинокъ съ русскими картинками 64.
Салтановъ, живописецъ XVII в., учился по нѣ-
мецкой бібліи 45—46.
Салтанъ, царь, карт.: № 182, стр. 197.
Салтанъ Салтановичъ, царь 180, 191, 192, 195,
196, 199, карт. 183, стр. 197.
Салтыковъ, гр., побѣда, одержанная имъ при р.
Одерѣ 143.
Салтыковъ, генералъ, шутъ 414.
Самонъ, св. 112.
Самоедскій король въ числѣ шутъ Петра I; онъ
хотѣлъ не въ шутку жениться на вдовѣ Нефорта 413, 420.
Самоеды; Петръ I выписываетъ ихъ для подарка
Флорентинскому грандукѣ 413.
Самсонъ, преданный Дашковой 87.
Самсонъ Михайловичъ, богатырь (одно лицо съ
Колывановичемъ), крестный отецъ Ильи Муромца 299.
Самойловичъ, Захарія (Z. S.), Киевскій гравертъ на
мѣдѣ XVII в. 18, 149.
Самусъ, гусаръ, дравшійся съ французами въ
1812 г. 454.
Санктпетербургъ въ Космографіи 128; его мо-
розы 459.

Сапхеза замѣтка относительно прививанія оспы въ Россіи 513.
 Сапоги-самоходы въ сказкѣ 207.
 Саратовскія деревни, въ которыя удалялись помѣщики въ 1812 г. 441.
 Саратовъ, городъ, морозы тамоншіе въ 1812 г. 460.
 Саргъ, царь, въ сказкѣ о семи Симеонахъ 213.
 Сарматы—музыканты 447.
 Сатана; его паденіе 125; напикопъ Страшнаго суда 292,—см. бѣсъ, дьяволъ, чортъ.
 Сатира; невозможность ея въ Россіи, гдѣ она по необходимости обратилась въ доносъ и клевету 233.
 Сатиры и сатирическія сочиненія въ Россіи 232—234.
 Сатирическіе листки и персоны въ картинкахъ 234—235.
 Сатиръ, котораго показывали въ Испаніи въ 1760 г. 138—139; карт.: № 147, стр. 139.
 Сахаровъ, И. П. въ Русскомъ Архивѣ за 1873 г. перечислены его многочисленные изданія; изъ числа ихъ: Сказанія русскаго народа 181, 359; Русскія народныя сказки 247, 249.
 Сваха 101—104.
 Свеборга взятіе 148.
 Свинынь, орусской Катадани, цыганкѣ Ошѣ 390.
 Сводъ мѣшій и замѣчаній объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній 504.
 Свирыль, свирѣлка, въ котомомъ погребеніи 265.
 Святгоръ, богатырь, упом. 180, 187, 299.
 Святорусскій богатырь Илья Муромецъ 184—188.
 Святославъ Ярославичъ, князь; Святославовъ сборникъ 124, 165; о разныхъ средствахъ противъ болѣзней 385—386.
 Святцы (12 листовъ) 29.
 Святцы, показываемыя по разнымъ городамъ въ церквахъ 466—467.
 Севрюга—рыба большая, исполнитель приговора въ сказкѣ о Ершѣ 250.
 Сегюръ, гр.; его исторія о входѣ Наполеона въ Москву 442.
 Седелавъ Ивановичъ, русскій паломникъ въ Иерусалимъ 467.
 Сельдь, свидѣтель въ сказкѣ о Ершѣ 248, 249.
 Сельдь соленая «не видѣ пытки» 500.
 Семевскій, М. И.; его изданіе о Прусской войнѣ, о военномъ вранѣ, упом. его собраніе 415.
 Семихъ и масляница въ 27 картинкахъ 349; № 262, стр. 351—354, и № 263, стр. 357.
 Сентябровскій годъ послѣдній—въ 1699 г.; празднества по случаю новаго январскаго года 166—167.
 Сербія; вліяніе ея на славянскую литературу 123, 124.
 Сербскіе святые и сербская Успенская Студническая лавра, гравюра русской раб. XVIII вѣка: № 332, стр. 487—488.
 Сербскія рукописи 123.
 Сербы любятъ понить вина 371.
 Сергій Радонежскій, преподобный 482; изображеніе его 488.
 Сергѣевой металлографія 459.
 Серебренники, граверы, въ Москов. Оруж. Палатѣ 14—18.
 Серебрянная Палата 14.
 Сеславинъ, генер.-маіоръ, партизанъ 1812 г. 448.
 Сибирь; былины въ ней 181.
 Сива—мышь съ Рязани въ котомъ погребеніи 265, 270.
 Сиверсъ, Новгородскій губернаторъ, упростилъ Екатерину II уничтожить пытки 500.
 Сивиллы (12-ть) 39; девять изъ числа 12-ти, раб. М. Нехорошевскаго: № 57—65, стр. 41—46; пять сивиллъ изъ числа 12-ти, работы Нехорошевскаго (въ краскахъ): № VI—X.
 Сивка-бурка, названіе богатырскаго коня 223.
 Сивуха—вино 376.
 Сигизмундъ, король польскій; его письмо къ Елизаветѣ англійской о томъ, что московскіе царь—враги свободы 128.

Сигъ—свидѣтель въ сказкѣ о Ершѣ 248.
 Сикстъ V, папа 294, 415.
 Сила Богатыревъ. карт. 1812 г. 452.
 Сила царевичъ и Ивашка Бѣлая рубашка, сказка 218—219.
 Силуанъ, пьяный попъ съ Покровки, въ челобитной Калазинскихъ монаховъ 238.
 Симбалда, дядька у Бовы королевича 198, 199; сытъ у Бовы 198.
 Симбирскъ, городъ, и Симбирское намѣстничество 128.
 Симеоновъ семь, сказка; содержаніе ся 180, 207, 212—213.
 Симеонъ, архіепископъ тверской; къ нему просьба Калазинскихъ монаховъ 235.
 Симеонъ Ситіаповичъ Полотскій, авторъ комедіи о «Блудномъ сынѣ»; ему посвященъ букварь Истомина 122.
 Симеонъ, царь Болгарскій, упом. 124.
 Симоновъ монастырь; видъ его; на паперти его написаны притчи о немилостивомъ человѣкѣ 336.
 Симонъ, органистъ придворный въ 1675 г. 387.
 Симвъ, сынъ Ноя, на картинкѣ «Зерцало грѣшнаго» 296.
 Синодикъ или помянникъ 301; притчи изъ него 296, 312, конца XVIII в., картинки его 296; Иерусалимскій съ добровольной запиской въ него умершихъ 472.
 Синодъ подноситъ Екатеринѣ I портретъ въ 1725 г. 75; распоряженіе о цензурѣ картинокъ 76, 77, 78; запрещеніе продавать изображенія Дмитрія Ростовскаго съ неапробованными его чудесами 78, 321.
 Сирахъ; его мѣшій о жепяхъ, изъ его книги выбранныя, 305; о вишѣ 372.
 Сиринъ, райская птица; легенда о ней 227, 229, 230, 231; райская птица: № 207, стр. 230.
 Сисиній, преподобный; ему нужно молиться отъ лихорадки 382.
 Снѣгъ, сывъ Адама и Евы, онъ приносить болѣному Адаму вѣтъ изъ рая 125, 307.
 Скажи, о чемъ ты смѣялся, картинка 180, 226, 227.
 Сказаніе о 12-ти пятницахъ, упом. 123, 124.
 Сказатели былины 181, 182.
 Сказка о пѣтухѣ и о курахъ, карт.: № 218, стр. 253—254.
 Сказки 179—225.
 Скарамуччія, Калитовскій шутъ 410.
 Скартъ, Симеону, генеральному писарю войска Запорожскаго, посвящена картинка 73.
 Скатерть-самобранка въ сказкѣ 207.
 Скины—такъ называли партизанъ Давыдовъ своихъ казаковъ 450—451.
 Складное зеркало, изд. голландцемъ Ив. Тессингомъ при Петрѣ I, карт.: № 241, стр. 298.
 Скобелкинъ, Дмитрій, граверъ на мѣди XVIII в. 33.
 Сковородникъ въ сказкѣ о кушѣ и жепѣ 215.
 Скорпъ—названіе женщины 86.
 Скрипачъ, упом. 387.
 Скуратовъ, Малюта; его медвѣди 368.
 Славный объѣдало 48; картинка, скопированная съ французскаго Гаргантюа: № 70, стр. 49—50.
 Славянофилы, упом. 285.
 Словаковича календарь на 1696 г. 165.
 Словарь митрополита Евгенія, упом. 123.
 Слово о полку Игоревѣ, упом. какъ прототипъ. Мамаева побойца 134.
 Слонъ персидскій, приводимый дважды въ Москву въ 1688 г. 139—140; присланный изъ Персіи въ 1796 г., карт.: № 150, стр. 140; сильный звѣрь, карт.: № 151, стр. 141.
 Случаевъ описаніе и дѣйствіе сказаніе, гадательный листъ 171; карт.: № 170, стр. 173—174.
 Слѣпцы составляютъ пѣсни у насъ, какъ и на Западѣ 469.
 Смера, Іоаннъ, докторъ князя Владиміра; его допесеніе о вѣрахъ 467.
 Смерть Анапія и Сапфیری изъ «Бесѣды І. Златоустаго». К. 1614 г., раб. Т. П. (Тимоѣ. Петровича): № 91, стр. 67.

Смерть грѣшника изъ «Синодика» 1702 г.: № 242, стр. 300.

Смерть на блѣдномъ кофѣ, Кіевской работы: № 7, стр. 8.

Смерть; пляска ея и пренія съ животомъ 292—295.

Смирный мужикъ и драчливая жена, сказка 207, 213—214.

Смоленскій походъ 236.

Снегиревъ, И. М., собиратель русскихъ народныхъ картинокъ и первый описатель ихъ 182; его статьи и книги по этой части 285—286, 381, 401; Лубочныя картинки русского народа въ московскомъ мірѣ, Москва 1861 г. 8°, (подробный разборъ этой книги сдѣланъ Буслаевымъ въ «Отеч. Зап.» 68, 182, 285—286; о продажѣ картинокъ 65; о цензурѣ ихъ 78; о Ершѣ Ершовичѣ 227, 251; объ антихристѣ 290, 291; охъ заимствовалъ много пословицъ изъ текстовъ народныхъ картинокъ 409; мнѣніе его о картинкѣ «Котомо погребеніе» 260, 264, 268. 271.

Снѣжный ребенокъ, повѣсть Измайлова въ народной картинкѣ 280.

Соборъ въ гор. Суздаль, его стѣнописи 38—39.

Современныя Извѣстія о пьянствѣ (1879 годъ, № 172) 379.

Содомитяне (Болгары) 290.

Соколикъ, кулачный боецъ 355.

Соколовъ, Илья, атаманъ цыганскаго табора 390—391.

Сокольники, сосновый лѣсъ подъ Московской, гдѣ происходить гулянья и поютъ цыгане 389.

Солдатская пѣсня на походы 1807 и слѣдующихъ годовъ, карт.: № 164, стр. 152.

Солдатчина въ прежнее время 371.

Солдатъ приглашаетъ франтиху, карт.: № 113, стр. 93.

Солнечный градъ 206.

Солнце съ зодіакомъ, написанное на плафонѣ (подволоку) Коломенскаго дворца 46; № V въ (краскахъ).

Соловей Будимировичъ, былина о немъ и о Запавѣ Путятинѣ 90.

Соловей-разбойникъ, сильный богатырь, 183; бой его съ Ильєю Муромцемъ 185, 187; карт.: № 175, стр. 188.

Соловецкій монастырь 31, или Соловки 181, 482; виды его: доски мѣдныя, гравированныя, находящіяся въ казначейской палатѣ 34; о стѣнописи на его перти упол. 37—38; Соловки отстаивали свою независимость въ половинѣ XVII в. 278; странствование на богомолье въ Соловки и разные пути туда 482—485.

Соловецкій сборникъ и рукописи, упол. 161.

Соломонида—въ реестрѣ пѣвствъ 104.

Соломонія, бѣсповатая жена и ея связь съ бѣсомъ 332—335.

Соломонъ, царь и пророкъ 305, 373; онъ отъ жены и погибъ 87; Соломонъ въ шутовской интермедіи 406—407; его судъ надъ вельможей и пицци 176; притчи 46; гадательная книжка или Соломонова голова 171, 174, 176; печ. тѣ царя Соломона или перстень, 176; Соломонова ключница волшебная 175, 176.

Соломъ, царь, отецъ Труды въ сказкѣ о Сплѣ царевичѣ 218.

Солтыковъ, генералъ, служившій шутомъ при дворѣ 414.

Солянка, упол. 443.

Сомъ—воевода въ сказкѣ о Ершѣ 247, 248.

Сонъ Богородицы, упол. 311.

Соповъ, лишившійся зрѣнія отъ содержанія въ темной тюрьмѣ 509.

Сопотовъ, Петрушка, царскій бахарь, упол. 182.

Сопѣль—труба, на которой играетъ мышь Чурилка—сурвачъ на котовыхъ похоронахъ 264, 265.

Сорока-воровка 232.

Сорокинъ, Игнатій Акимовъ, офеня, имѣлъ свою собственную типографію для производства народныхъ картинокъ 34.

Сорокоусты по покойникѣ, упол. 303.

Сорочины, см. Сорокоусты 302—303.

Сотвореніе свѣта и жизни первыхъ человѣкъ, въ 20 картинкахъ: № 86, стр. 61—62.

Софійскій Временникъ, упол. 290.

Софійскій соборъ, Новгородскій, сохранившійся тамъ Халдейская пещь отъ дѣйства трехъ отроковъ 399; карт. наход. въ ея компатахъ.

Софія Алексѣевна, царевна, ея портретъ 18.

Софія Фоминична, греческая царица, жена Ивана III, упол. 124.

Софоновича хроника, упол. 133.

Софронка и Хавронья, 429, карт.: № 303, стр. 431.

Софья Палеологъ, 124.

Спа, городъ, упол. 416.

Спаситель 305, 306, 307, 308, 310, 311.

Спасскія ворота (и мостъ)—пародный толкушій клубъ, гдѣ продавались и народные картинки 65—66, 184; а также нанимались для службы поны безъ мѣстъ 65; видъ, замѣтованный изъ путешествія Олсари XVII в.: № 87, стр. 65—66, о казняхъ, изображенныхъ на картинкѣ, подробно говорится въ главѣ XIV-й.

Спасъ Вседержитель, образчикъ работы живописца гравера XVII в. Ив. Стеклова: № 39, стр. 30.

Спасъ; разные переводы его изображеній 308.

Спасъ Нерукотворенный, упол. стр. 48, 308—309.

Спиридоновна, бабушка, героиня, 1812 г. 445, 452.

Спиридонъ Солоповоротъ, упол. 311, 460—461.

Спира, кабацкій пахабный тавецъ 395.

Срезневскій, И. И., о калпкахъ 468—469.

Срѣтенскіе морозы 461.

Ссылный приказъ 272.

Стапокъ для печатанія гравюръ на мѣди 1680 г. 32; Буныя фигурные стапки 32.

Старикъ на колѣняхъ у молодой, карт. 280.

Старикъ и смерть, басня: № 196, стр. 225.

Старая крыса съ Арбата, въ котомъ погребеніи 270.

Стасовъ, Вл. Вас., о граверахъ Петровскаго времени, 255, 256, 259; объ его послѣдованіи о сказкѣ Ерусланъ Назаревичъ 179; о карт. Гаргантюа 47—48.

Стекловскій, Иванъ, граверъ на мѣди и живописецъ ландшафтовъ 29.

Степанида Гладкая, героиня въ оспенныхъ картинкахъ 517.

Степанова, Любовь, монахиня, которой Каріонъ Истоминъ подарилъ сборникъ сказокъ 184.

Стефанъ Новгородецъ, паломникъ Іерусалимскій 467—468.

Стефанъ первоначальный, камень, которымъ онъ былъ убитъ, упол. 372.

Стефанъ Яворскій, митрополитъ, упол. въ карт. о погребеніи кота 270.

Стеша, цыганка, русская Каталиа 390.

Стоглавъ, 275.

Стоглавыи соборъ, упол. 171.

Страмецъ, духъ, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ 209.

Странникъ 1865 г., о цензурѣ лубочныхъ картинокъ 78.

Страсти Господни 289; легенды о нихъ 305—308.

Страшный судъ 289; слухи о концѣ міра и пѣль ихъ 300—303; картинка XVIII в.: № 238, стр. 264.

Стрѣлбицкій, Иванъ („I. S.“), Кіевскій граверъ на мѣди начала XVIII в. 18.

Стрижевъ, Ил., грав. 464.

Строгановскаго иконопного письма распятіе 308.

Строгановъ, гр. Серг. Григ.; принадлежащій ему Клипповскій подлинникъ, упол. 289, 308.

Строевъ, П. М., о паннихдахъ 303.

Строй изъ шипирутеповъ или зеленая улица 502—505.

Стрѣла-калена, въ сказкахъ 207.

Студеное кушанье, въ котомъ погребеніи 269—270.

Стуль, арестантскій, обрубокъ дерева 507; см. Жукowychъ.

Стыдъ и укоризна челоуѣчеству—пытка 502, 505.
 Стѣна на стѣну, въ кулачномъ бою 350—356.
 Суббота родительская, см. Иванъ IV. 301.
 Суворовъ, князь, какъ военачальникъ 151—156;
 Суворовъ и Ваграціонъ 156, карт.: № 163, стр. 152.
 Судахъ, выборный мужикъ въ сказкѣ о Ершѣ 247.
 Судъ дворянина съ мужикомъ 242, карт.: № 217, стр. 252.
 Судъ Іудеевъ надъ Іисусомъ Христомъ 305.
 Судъ царя Соломона надъ богатымъ и нищимъ карт.: № 288, стр. 407.
 Судъ Шемякинъ 242, 243—247.
 Суздальскій соборъ, гдѣ написана легенда о возденіи Богородицею сына разбойника 39.
 Суздальскія иконы—этимъ именемъ назывались пародныя картинки 383.
 Султанъ Турецкій, упом. 201.
 Суляне на кулачныхъ бояхъ съ Дебрянами 359.
 Сумароковъ, Павелъ, писатель; его вирши для макароническихъ картинокъ 283; онъ гнушался народными картинками 284.
 Суминъ, гор. 198.
 Сумы, посадъ на пути въ Соловки 181, 485.
 Сурна (Зурна) или труба (дудка), упом. 264.
 Сурначъ, мышъ въ котлов. погребеніи 264, 265.
 Сусакимъ, солдатъ, шутивая персона въ пинтермедіи 406.
 Сусила, безграмотный попъ, излюбленный монахамъ Калязинскаго монастыря 238.
 Сухарева башня, упом. 168.
 Сухомлиновъ, О древней русской лѣтописи 381.
 Спеволъ русскій, карт. 1812 г. 441.
 Сцѣплялка-свалка въ кулачныхъ бояхъ 355, 359.
 Счастливые любовники 92—93.
 Сынъ Отечества, журналъ 1812 г., упом. 449.
 Сысой Сазонычъ, дурацкая персона 429.
 Сѣверный Архивъ, 1817 г. 454.
 Съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, скоромная карт. 280.
 Сѣрый волкъ, 232; служить Ивану царевичу 210, 211.
 Синодикъ, грав. А. Буннымъ, стр. 17, 32; заглавный листъ къ неху, образчикъ работы гравера серебряника В. Андреева: № 28, стр. 19.

Т.

Табакъ курить мышъ въ котловомъ погребеніи 269.
 Таборъ, цыганскій 390, 392.
 Таганрога изображеніе на Ходынкѣ 147.
 Таммезъ; фабричные его фабрики играли пинтермедію 406.
 Танджеръ, индійскій городъ; пародныя картинки въ немъ 64, 259.
 Танька—кабакъ 376.
 Танюшка и Ванюшка 90; карт.: № 107, стр. 91.
 Тарасевичъ, Левъ, граверъ по мѣди, учен. Киліановъ 18.
 Тарасъ плѣшивый 282, 426, № XXI (въ краскахъ).
 Татарская страна 133.
 Татарскіе послы у в. к. Владиміра 370.
 Татарскія мышы въ котловомъ погребеніи 255, 264.
 Татары 128, 144.
 Татищевъ, его объясненія сказки о Ершѣ 247.
 Твардовскій панъ, колдунъ 330.
 Театръ русскій (см. ком. о Блудномъ сынѣ) 401, 405.
 Темница, см. Тюрьма 507—510.
 «Темница святыхъ осужденныхъ», отдѣльная гравюра Кіевской работы 1629 г.: № 5, стр. 6; на лубочной картинѣ: № 343, стр. 511; такъ называемая—Плѣнники Юлія Кесаря 508, карт.: № 342, стр. 509—510.
 Тензера, голланд. живописца, черт. переведенные въ народную картинку: искушенія св. Антонія 333.
 Тенчегорскій, Григорій, онъ же Григорій Гридеръ, его манера сходна съ Пикаровой 29, 57—58; его гравюра съ изображ. Алексѣя челоуѣка Божія, подписанная царевичу Алексѣю Петровичу 73.

Теребенева, Иванъ, скульпторъ и живописецъ 1812 г. 441; перечисленіе награвированныхъ имъ картинокъ 63, 64, 446—448, 455—458.
 Терентьевна доколачиваетъ башмакомъ басурмана, раб. П. Лапина 445, 452; карт.: № 320, стр. 457.
 Терентьичъ, старый блудникъ, подбирающійся къ снохѣ 366.
 Терешка, цыганъ 391.
 Терещенко, Бытъ русскаго народа; о музыкѣ 387.
 Терновская митрополія, видъ ея 487; раб. А. Зубова: № 36, стр. 27.
 Терпѣливый отецъ 96, 110; карт.: № 233, стр. 280.
 Тертуліанъ, его мнѣніе объ апокрифахъ 125.
 Тессингъ, Иванъ, Амстердамскій купецъ, типографъ и граверъ на мѣди; его Зерцало 48, 72, 296, 297.
 Тибубрига, дочь царя Бугригора въ сказкѣ о «Ерусалѣ Лазаревитѣ» 204, 205.
 Тимпаны, музыкальный инструментъ 387.
 Типографія верхняя придворная 32; Кіевская 9, 10; Московская 9—10, 24, 30; Петербургская 29, 30.
 Тиски, желѣзные для пытки 494; тиски, въ которые зажимаются пальцы пытаемаго до тѣхъ поръ пока не можно больше жать перстовъ и вить не будетъ дѣйствовать,—рисунокъ изъ кодекса М. Терезіи: № 337—339, стр. 495.
 Тить, въ сказкѣ о Ершѣ 251.
 Тихвинка, рѣка 315.
 Тихвинская Богородица 315, 383.
 Тихомировъ, Андрей, граверъ на мѣди XVIII в. 33, 56.
 Тихоновъ, Ѳеодоръ, граверъ черной манерой, работалъ на Артемьевской фабрикѣ 60.
 Тихоновъ, Н. С.; его собраніе рукописей и книгъ 309, 478; слово Меодія Патарскаго 123, 126, 131; Лѣтописи I: 161; Лусидаріусъ 125; разборъ Калликъ Безсонова (въ отчетѣ о 33 присужденіи Демидовскихъ наградъ), упом. 286, 470; первое пятидесятилѣтіе русскаго театра (рѣчь), Москва 1873 г. 406; отреченная литература 386.
 Тоблера библиографія сочиненій объ Іерусалимѣ 467.
 Толковое бытіе 123.
 Толстая, гр. К. П., покровительница Ивана Савельича 431.
 Толстова, Козьмы, урочище, упом. 107.
 Толстовское собраніе рукописей 301.
 Толстой, графъ А. К., изъ его поэмы Садко, Новгородскій купецъ, описаніе трепака 394.
 Томиловъ, Василій, граверъ на мѣди XVIII в., уч. Шхонебека 24, 28; образчикъ его работы—копія съ иностранной гравюры; № 38, стр. 29.
 Торбанъ—музыкальный инструментъ 388.
 Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой французской арміи, карт.: № 321, стр. 459—460.
 Тормасовъ, генералъ отъ кавалеріи; его конное изображеніе 1812 г. 459.
 Точильщикъ носовъ 281, 408; русская народная картинка и пѣмекій оригиналъ ея, прототипомъ которому послужила англійская карикатура, изображающая пресвитеріанскаго епископа, обрѣзывающаго носъ Карлу II: № 76—77, стр. 53—54.
 Травля медвѣжья, запрещеніе ея 369.
 Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ, карт.: табл. XXVII.
 Тремеръ, пѣмекій шутъ, пріѣзжавшій ко двору Анны Ивановны; его посланіе къ шуту Педрилло 420—422.
 Тренка—мышъ, въ котловомъ погребеніи 263—267, см. Гренка.
 Трепакъ, танецъ 393—395.
 Третины по покойникѣ 302.
 Третіаковскій, писатель, признававшій народныя картинки гнусными и негодными 284.
 Трещало, Семель, фабричный, кулачный боецъ, любимецъ гр. Орлова 355.
 Три королевы, сказка, содержаніе ея 215.
 Триперстное сложеніе 341—342.

Трихинаполи, пидѣйскій городъ; тамошнія народныя картинки 259.

Трое насъ съ тобою 425.

«Триодъ Цвѣтная», М. 1664 г.; карт. изъ нея: № 94—95, стр. 69.

Троеручица, икона Богородицы, находящаяся въ Хиландарскомъ Афонскомъ монастырѣ, и что означаютъ три руки 316—317.

Тронца, Св. 292; образчикъ работы царскаго иконописца Симона Ушакова 1666 г.: № 25в., стр. 17; церковь, гдѣ продавались картинки 65.

Троицкіе походы нашихъ царей на богомолье 481—482.

Троицко-Сергіевская лавра, видъ ея: № 326, стр. 481—482; богомолье къ Тронцѣ 481.

Троицынъ день 482.

Трошауеръ (Hansen Troschauer, Das ist der teutsch Kalender mit den Figuren, Gedruckt zu Augsburg 1510, 4°), упом. 170.

Труба—музыкальный инструментъ 387.

Труда, паревна, въ сказкѣ о «Силѣ Царевичѣ»—Гертруда 218, 219.

Труды I-го Археологическаго съѣзда 387; Московскаго Общества Исторіи и Древностей, упом. 301. Трухменскій, Афанасій, гравёръ-серебряникъ Оружейной Палаты 17, 18; его работы Коло: 171.

Трыкъ, панъ, и Херсоня 280—281.

Трясавица, старшая изъ сестеръ лихорадокъ 383.

Тугаринъ Змѣвичъ, онъ же Бѣлевичъ Загорскій (и Змѣице Горышнице); онъ же съ Апраксѣвной. 188, 340.

Турки 144.

Турниръ 200.

Туровскій, Кириллъ, писатель XII в. 339.

Турція,—проекты ея покоренія 145.

Турцы, на иконѣ Страшнаго суда 292.

Тысяча и одна ночь, арабскія сказки; заимствование изъ нихъ 180, 339; о Хромцѣ и Слѣпцѣ 339—340; о Соломоновой печати 174—175.

Тысяча двѣнадцать разъ безъ медика шпидруетъ 502.

Тысяча восемьсотъ двѣнадцать тысячъ 441.

Тюрьмы въ Россіи; краткія извѣстія о нихъ 507—510.

Тяжба человека со смертью 3.

У.

Убогіе дома, при которыхъ хорошили бѣдныхъ и неизвѣстныхъ людей, упом. 301.

Уваръ, будильщикъ въ Челобитной Калязинскихъ монаховъ 238.

Угличане по пословицѣ замѣсили толокномъ Волгу 234.

Угличъ, гор. 320.

Угощеніе яблоками, 281, карт.: № XXII (въ краск.).

Узель, знатный бѣсъ; какъ дѣлать съ нимъ договоры 176.

Указы, относящіе къ оспопрививанію 515; до цензуры 321.

Уколово, урочище, упом. въ реестрѣ о приданомъ 107.

Украинскія мыши въ котловѣ погребеніи 264.

Улита, истыканная натуральной оспой 516; мать бѣсноватой Соломоніи 333.

Ундольскаго, В. М., собраніе рукописей 342; его статьи объ альманахахъ и календаряхъ 184; о русскомъ церковномъ пѣніи 399; сборникъ 184, 342.

Управа благочинія Московская, производившая цензурование лубочныхъ картинокъ 81.

Упытаннаго на вискѣ руки выворотило совсѣмъ назадъ и онъ на нихъ вѣситъ; палачъ связываетъ ему ремнемъ ноги, просовываетъ между лямъ бревно и, ставъ на оное, «для болышей боли», бьетъ пытаемаго кнутомъ: № 335—336, стр. 494.

Урій, мужъ Вирсавіи, слуга Давида 372—373.

Уродъ Нижегородскій 1730 г. 136.

Уроды вообще 136—137.

Успенскій соборъ въ Москвѣ, описаніе находящихся въ немъ образовъ и мощей 123, 291; со стѣнъ собора заимствованы нѣкоторыя народныя картинки 38, 39; икона Владимірской Божіей Матери, перенесенная изъ Владиміра 315; Халдейская пещь, находящаяся тамъ 399.

Успеніе Богородицы, афонской работы XVIII в., помѣщенное для сравненія съ картинками русской работы: № 42, стр. 35; изъ Кіевского «Апоологіона» 1613 г.: № 22, стр. 14.

Уставы цензурные 82.

Устинъ, въ сказкѣ о Ершѣ 251.

Устюжскіе чудотворцы Прокопій и Іоаннъ, исцѣлившіе Соломоноу 334—335.

Усы котскіе у Петра I. 271.

Утка съ золотыми яичками, сказка 179, 219.

Уфимскія земли 384.

Ученіе въ старину 121; о Ратномъ стросеніи, главный листъ, гравированный на мѣди въ 1647 г. 13, 14.

Ушаковъ, капитанъ, и патентъ, выданный ему Петромъ I на дурачество 414.

Ушаковъ, Симонъ, въ ивочествѣ Пиментъ Ѳедоровъ, царскій иконописецъ Оружейной Палаты и гравёръ 17.

Ф.

Фалалей, изъ челобитной Каляз. монаховъ 238.

Фарнось—красный носъ 281, 283, 423—425, 427.

Фарнось и Петруха, дурачкія персоны 281, 283, 425; съ Пиласей въ кабакѣ 377, 409, 425.

Фатальный офицеръ въ Петрушкиной комедіи 362.

Фетерлейнъ, бібліотечаръ Имп. Публ. Библ. 260.

Фетинья, жена Абросима, зажарившая золотую утку 219; Фетинья—«ни туда ни сюда», въ реестрѣ невѣсть 104.

Фигнеръ, партизанъ, собирався убить Наполеона; его жестокость противъ плѣнныхъ 248, 450, 451.

Фигурная фабрика въ Москвѣ у Спаса на Спасской, 33.

Фигурный цилиндрическій станокъ (1708 г.) 32.

Филаретъ Никитичъ или Добрыня Никитичъ 189.

Филатка рябой, въ оспенной картинкѣ 518.

Филатъ, дурацкая фигура 429; тому и радъ, что можетъ спать въ крошкѣ 430; карт.: № 306, стр. 433.

Филермская икона Богородицы 315.

Филида, любовница Александра Македонскаго, похожденія ея съ Аристотелемъ 88.

Филиппъ Македонскій, отецъ Александра Македонскаго 88.

Филиа, кудесникъ изъ корель, котораго вызывали къ себѣ вел. кн. Василій Ивановичъ 385.

Финляндская война 148.

Флавій, Іосифъ, упом. 124.

Флоранскій грабдука, упом. 413.

Флоренція, гор. 314.

Флоръ и Лавръ, спасаютъ отъ козскихъ падежей 383.

Фоллерслебенъ (Hoffmann von Vollersleben, Geschichte des deutschen Kirchenbildes) 470.

Форъ (St. Forl) ему молиться отъ слабости 384.

Фосбейна календаръ на 1705 г. 167.

Фотинія, святая 383.

Фохта календаръ на 1696 г. 165.

Франтъ изъ Шуи и продажная франтиха, карт.: № 115, стр. 94.

Франція и французы 127, 439; скоромныя интермедіи во Франціи 410; французы въ Россіи 440—454; французъ пьянъ, какъ сапожникъ, по мнѣнію русскихъ 371; французское платье приказано было носить лѣтомъ, русскимъ крестьянамъ, по указу Петра I. 274.

Францъ, Австр. импер., его портретъ 45.

Францъ, Венеціанъ, рыцарь, карт.: № XIV, (въ краскахъ).

Фригія, страна: 323.

Фридрихъ Великій, его мѣніе о значеніи Петра для русскихъ 417, 418.
 Фридрихъ II, король прусскій, другъ Петра III 143; боится русскихъ казаковъ 451.
 Фрицларъ, Германъ, писатель, упом. 470.
 Фроська, старая безголовая цыганка 391.
 Фряжскіе потѣшныя листы, помѣщаются въ царскихъ хоромахъ въ видѣ украшенія 67—68, 71.
 Фряжскій живописный пошибъ 53—54; въ противоположность иконописному пошибу 54.
 Фряжскій станъ 31.

Х.

Хаджи, мусульманскіе богомольцы 264.
 Хайгольдъ (Haigold), его замѣтка о театрѣ 405.
 Халдейская печь 399—400 (см. о ней «Искусство и Художественная Промышленность» 1901, № 1).
 Хамелеонъ, звѣрь 227; карт.: № 201, стр. 223.
 Хамъ, сынъ Ноя; изображеніе его на «Зерцалѣ грѣшного» 296.
 Хвалынское море въ сказкѣ о Ершѣ 247.
 Хвастливый паренъ ругается передъ рябымъ дѣтиной, карт.: № 348, стр. 518.
 Хевронъ подѣ Иерусалимомъ, гдѣ находится Мамврійскій дубъ 447.
 Херсоня, публичная дама 281.
 Хиромантія 3.
 Хлудовъ, Алекс. Ив.; его богатое собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; у него находились акафистъ Алексѣю, челоуѣку Божию, работы Тепчегорскаго, и цѣлый отдѣлъ объ Антихристѣ 293.
 Хлыстовскія ликованиеванія и радѣнія 342—343.
 Хмѣль-высокая голова 232.
 Хоботила, пьяный дьяконъ, излюбленный Калязинскими монахами 238.
 Ходоръ, царь, отецъ Ивана-царевича 217.
 Ходынское поле подѣ Москвою въ праздникъ, по случаю мира съ турками въ 1775 г. 147.
 Ходячія или бродячія комедіи у Олеарія 224.
 Хоздрей, персидскій царь, объ Убрусѣ 309.
 Хозяинъ и работникъ, сказка; содержаніе ея 215.
 Холстинный гудокъ 240.
 Холуй, село Влад. губ.; ярмарка въ немъ, на которой производится продажа народныхъ картинокъ 65.
 Хоръ московскихъ цыганъ подѣ управленіемъ Ильи Соколова, оригинальная литографія кн. Г. Г. Гагарина (нынѣ знамен. художника): № 279, стр. 389—390.
 Хотей, царь, въ сказкѣ о Силѣ царевичѣ 218.
 Хотъ старецъ, да съ деньгами млениекъ, карт.: № 117, стр. 95.
 Храбровъ, Спб-скій ратникъ, карт. 1812 г. 452.
 Храбрые молодцы—удалые борцы № 268—269, 361—362.
 Христосъ 290—294, 305, 308, 309, 311, 339, 342; Его колыбель, столъ и чечевичныя зерна отъ Тайной Вечери и другія святыни 467; судъ надъ нимъ Иудеевъ 305.
 Христофоръ, св. муч., съ волчьей головой 323; онъ переноситъ Христа черезъ рѣку 1; старинная картинка 1423 года: № 1, 1; № 254, стр. 328.
 Хронографъ греческій и друг., упом. 126.
 Худое домоправительство 110, карт.: 131, стр. 111.
 Хюйсенъ (Huyssen, Ausführliche Beobachtung 1705) 417.

Ц.

Царство мѣдное, серебряное и золотое 216.
 Царьградъ, см. Константинополь 315.
 Царь-дѣвица въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ 209.
 Цвѣтовъ значеніе, карт.: № 126, стр. 109—110.
 Цензура музыкальных произведеній 81; народныхъ картинокъ 75, 76, 78, 81, 82, 232, 270.
 Цензурное чудо претворенія жемчужной улитки въ розовую воду 282.

Церія, царевна, дочь царя Паптуя, въ сказкѣ о Булатѣ-молодцѣ 218.
 Церковныя паперти 35, 36.
 Церковь Вознесенія въ Костромѣ: птица Сиринъ на ея паперти 231; церковь Словущаго Воскресенія въ Москвѣ 39; Св. Креста во Флоренціи 308.
 Цыгане московскіе, ихъ пѣніе и пляска 389—392.
 Цыганъ въ Петрушкиной комедіи 361.
 Цырюльникъ стрижетъ раскольникъ бороду 273, 276; карт.: № 231, стр. 277.
 Цѣвницы, музык. инструментъ 387.
 Цѣлительница Богородица 311.
 Цѣловальники въ кабакахъ 380.
 Цѣна народнымъ картинкамъ 65, 66.

Ч.

Частные дома, гдѣ производилась порка 503—504.
 Чаша, изъ которой причащались апостолы на Тайной Вечерѣ; въ нее собиравъ кровь Іосифъ; западная легенда о ней 308.
 Челобитная Калязинскихъ монаховъ 235—238; карт.: № 211, стр. 235.
 Человѣкоядцы, люди (въ Космографіи) 449.
 Человѣчину ѣлъ французъ въ 1812 г. 449.
 Челубея бой съ Пересвѣтомъ 135.
 Челяевъ устроилъ знаменитый фейерверкъ на Ходынкѣ въ 1775 г. 148.
 Ченстоховская икона Богородицы 71. 315.
 Черкесскіе кафтаны запрещено указомъ Петра I носить и продавать 274—275.
 Чернавка-дѣвка, въ сказкѣ 192.
 Черная книга, замурованная въ Сухаревой башнѣ 168.
 Черная манера гравированія 59.
 Черниговскіе граверы 18.
 Черногорцы любятъ испить вина 371.
 Черный глазъ, полюби хоть разъ 90.
 Черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ, карт.: № 110, стр. 91—92.
 Черти въ интермедіи 407.
 Чесменская баталія 1770 г. 147.
 Чечевичны 12 зеренъ, оставшихся отъ Тайной Вечери 467.
 Чижовъ, о картинкѣ «Котово погребеніе» 256.
 Чингизъ-Хана псчадіемъ—называвъ партизанъ Давыдовъ своихъ казаковъ 450, 451.
 «Чистота душевная» 46. Чистота яко дѣвица преукрашена, карт.: № 66, стр. 47.
 Чистые мальчишки, бѣгущіе отъ своихъ рябыхъ товарищей, карт.: № 347, стр. 518.
 Чихиринъ, Корюшка, краснобай 1812 г. 446; его рѣчи у кабака 451—452.
 Чуваевъ, Петръ Николаевъ (П. Н. Ч.), граверъ на мѣди, работавшій на Ахметьевской фабрикѣ 33; копировалъ скоромныя французскія картинки 53, 56; его работы: просьба или челобитная Калязинскихъ монаховъ 238; покаяніе Жуковыхъ 238, 492; три картинки: «Хитрый лакомка», «Безстыдный въ трактирѣ зашелъ», «Добрый молодецъ, купи съ меня чепецъ», «Семь бабъ про штаны дерутся». всѣ съ иностран. оригиналовъ: № 83, 84, 85, и 85 bis, стр. 57—59.
 Чудовъ монастырь въ Москвѣ, на паперти его былъ написанъ Михаилъ архангелъ, перенесенный въ народную картинку 336; карт. «Мученіе апостоловъ» 45—46; тамъ погребенъ юродивый Архиппъ 233.
 Чулковъ, писатель 188.
 Чурило-Пленковичъ, бабій потаскунъ и соблазнитель; исторія его съ Катериной прекрасной 89; на него зарылся сама Апраксина 89.
 Чурилья, пугмеля Чуриловской породы 419.
 Чухломской рукосуй 234.
 Чухонка, вдова Маланья, въ котловомъ погребеніи 255 (это Екатерина I).

Ш.

- Шавочка въ кукольной комедіи 363.
 Шакловитый, Федоръ 18; въ образѣ великомученика Стратилата, работы М. Тарасевича, карт.: № 32, стр. 23.
 Шанскій, шутъ Петра I; его свадьба 414.
 Шанфлеры (Champfleury, Histoire de la caricature au moyen age, Paris); денежный дьяволъ 48—52; розга 116.
 Шапка-невидимка, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ 208.
 Шапъ, аббатъ, его путешествіе по Сибиріи 501.
 Шахтуровъ, посланный за камчадалками 398.
 Шахъ-Наме, персидская поэма 203.
 Шахъ персидскій—свидѣтель англійскаго бокса въ Лондонѣ 359.
 Шварценбергъ, полководецъ 1812 г., его портретъ 459.
 Шеделя, Нюрнбергская хроника о дѣвахъ 131, 136.
 Шейбле (Scheible) о договорѣ съ чертами 175, 331; о чистилищѣ 302; о Робертѣ 331; о духахъ 331.
 Шелкатей, блинникъ, упом. въ фаволѣ о безмѣстномъ дворѣ 240.
 Шемякинъ судъ, сказка 180; въ 12 картинкахъ: № 215, стр. 245—246.
 Шерамыга, на шерамышку, т. е. на чужой счетъ, на счетъ дорогихъ друзей (cher ami) 277.
 Шестіе на ослѣхъ, мистерія 400—401.
 Шестова, московская кудриха-красавица у Ивана Яковлевича Курейши 159.
 Шинковъ, мип. народн. просвѣщенія и его цепзурный уставъ 81—82.
 Шкаликъ (шалпкъ), вѣнная мѣра 376.
 Школа, пзъ „букваря“ Поликарпова, Москва 1701 г. 116; карт.: № 183, стр. 117.
 Шлонское знаменіе 1726 г., 137.
 Шотландское повѣрье о душѣ покойника 302.
 Шпанскіе сапожки, орудіе пытки 498.
 Шпигованная кроватка и шпигованный заяцъ—орудія пытки 498.
 Шпицрутены и Аракчеевская метода гонки ими 502.
 Шпыни, живые пророки 159.
 Штелинь, Яковъ, акад., проф. аллегорій; его собраніе народн. картинъ, купленныхъ имъ у Спаскихъ воротъ въ 1766 г., 50; хорошій способъ раскраски на собр. имъ картинкахъ 61; его замѣтка о народ. карт. 398; о Пикарѣ 24; о Павлѣ Петровичѣ 396; о театрѣ 405; о русскомъ танцѣ 396—398; его любопытныя и достопамятныя сказанія о Петрѣ Великомъ 267, 268.
 Штенглинъ, граверъ, биографъ, замѣтка о немъ 59—60; вызванъ въ 1741 въ Петерб. Акад. Наукъ, уч. Боденера 59—60.
 Штофъ, вѣнная мѣра 376.
 Шубинскій, С. Н. о завѣщаніи Петра I, 145.
 Шугуровъ, его замѣтка о схожденіи св. огня въ Иерусалимскомъ храмѣ 475.
 Шуйскій-Скопинъ, Михаилъ 236.
 Шумахеръ, директоръ Акад. наукъ, выжившій оттуда гравера Штенглина 60.
 Шutowство, извѣстія о ходѣ этого художества въ Россіи 411—436.
 Шутъ и трактирщикъ, повѣсть 179; шутъ Педрилло, карт.: № 292, стр. 423.
 Шуты Каршъ и Ларя, карт.: № 294—295; стр. 426; Савоська и Парамонка. № 299, стр. 429; Фарисей и Гонимъ (двѣ картинки въ краскахъ): табл. XXXV и XXXVI.
 Шутливая персона пляшетъ подѣ музыку, карт.: № 284, стр. 394.
 Шутливыя персоны: Вавило и Давило. № 301, стр. 430; Прохоръ да Борисъ. № 304, стр. 432; Оока Андровичъ и Сысой Савопычъ. № 302, стр. 431; Оома и Ерема: № 297, стр. 428.
 Шущера пзъ Шлюшпа—мышь въ котловомъ погребеніи 255, 264, 267.

Шхонебекъ, Адрианъ, голланд. граверъ, ученикъ Ромейна-де-Хогхе: былъ выписанъ Петромъ I. 21; его собственная рекомендація 22, 23; подражаніе ему Пикара 30; библия Пискатора, привез. имъ 31, 45; жалованье ему 600 ефимковъ 24; его ученики: 58, 59, 60; онъ былъ учителемъ А. Зубова, Пв. Зубова, Петра Бунина, Томилова 24; обучилъ гравированію черной мане-А. Зубова и Адольскаго 59; его работы: взятіе Азова 144; свадьба шута Шапскаго 414; гравировалъ плохо и неряшливо 25—26.

Щ.

- Щановъ, Русскій расколъ, его замѣтка о бойцахъ 360.
 Щеголенковъ, сказатель быллинъ 378; его былина о Юрикѣ Новоселѣ 378.
 Щербаковъ, Вас. Фед., московскій старожилъ, его замѣтки 356, 406.
 Щербининскіе аттестаты семинаристамъ 340.
 Щирскій, Иннокентій, монахъ, граверъ на мѣди начала XVIII в. 18, его работы: Михаилъ Архангелъ и Варвара великомученица 18.
 Щука, волшебная, и щучье велѣнье, въ сказкѣ о Емелѣ дурачкѣ 220; выборный мужикъ въ сказкѣ о «Ершѣ» 247.

Э.

- Эмблематъ духовный, книжка 121, 305.
 Энгельсъ, Петръ, расписывавшій стѣны дворца въ Москвѣ, 45—46.
 Эпоха, книга, упом. 125, 291.
 Эццо, схоластикъ, сочинитель пѣсни о чудесахъ Спасителя 470.

Ю.

- Ювенала сатиры въ рукахъ Петра I, 417.
 Юдоль плачевная, пзъ которой потечетъ рѣка огненная для грѣшниковъ 474.
 Юнь, датскій посланникъ, о казняхъ въ Спб. 506.
 Юрикъ Новосель, разказъ Щеголенкова 378.
 Юрій Калека, упом. 468.

Я.

- Яблоня, съ золотыми яблоками 210.
 Ява, островъ; о тамошнихъ народныхъ картинкахъ 64.
 Явленіе Богородицы пѣкоему священнику и клприку 311; на небѣ, бывшее въ Турціи въ 1768 г. 137—138, 146; бывшее въ Гяшпаии въ 1776 г., карт.: № 148, стр. 139; препод. пгумениі Аванасіи монахинямъ, карт. пзъ «Синодика» 1702 г.: № 244, стр. 304.
 Ягичъ, имъ напечатано большое число апокрифическихъ книгъ 123.
 Язь, понятой, въ сказкѣ о «Ершѣ» 248, 250.
 Яковъ въ сказкѣ о Ершѣ, 251; кучеръ съ кухаркою 90, карт.: № 108, стр. 91.
 Якушка-измѣнникъ, его казнь, гравюра Шхонебека 144.
 Ямское урочище въ Москвѣ 348.
 Январскій годъ съ 1699 г.; устроенный на этотъ случай праздникъ 166—167.
 Януарія святого кровь 467.
 Янычарскій бунтъ въ 1770 г. 147.
 Японія, о тамошнихъ народныхъ картинкахъ 64.
 Яренскіе, Иванъ и Логинъ, ихъ чудеса 320—321.
 Ярославецъ, Герасимъ, кулачный боецъ 356.
 Ярославка дѣвка у водяныхъ чертей, въ повѣсти о Соломонѣ 333—334.
 Ярославскіе святые: князь Феодоръ, Давидъ и Константины, образчикъ народныхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ въ концѣ XVII в.: № 20, стр. 13.

Ярославцы—бѣлотѣльцы 234.

Ярославъ, вел. кн., приказалъ переводить греческія книги на славянскій языкъ 124.

Яффа, гор. на пути въ Іерусалимъ 478.

Ө.

Өаворъ гора, въ Новомъ Іерусалимѣ—всѣмъ горамъ мать 469, 478.

Өарнось—мышь въ котомъ погребеніи 270.

Өедька сумасшедшій — такъ называла Екатерина II Ростопчина 451.

Өекла рябая, въ оспенной картинкѣ 517.

Өеклуши—такъ называются Іерусалимскія богомолки-сплетницы 478.

Өеодора, святая 300; хожденіе ея по мытарствамъ 37—38, 291, 293; явленіе ея бѣсповатой жепѣ Соломонѣ 334.

Өеодоръ Алексѣевичъ, царь, прошеніе, подавленное ему Полозовымъ 474.

Өеодоръ Ивановичъ, царь; отравленъ Годуновымъ 133.

Өеодоръ Стратилать, в-мученикъ; его житіе 322.

Өеодоръ царевичъ, въ сказкѣ о Золотой горѣ 216.

Өеодосій Тотемскій, чудотворецъ 488.

Өеодосія, игуменья, является послѣ смерти монахинямъ своего монастыря 303.

Өеодуль, змій, царь; битва его съ Ерусламомъ 204.

Өеофанъ Прокоповичъ, упом. 236.

Өеофилактъ Лопатинскій, преподоб., его книга: обличеніе неправды раскольнической, Москва 1745 г. 342.

Өерапонтъ, сподвижникъ св. Кирилла Бѣлозерскаго; какъ записывался его чудеса 320.

Өока Андронычъ 429.

Өома, апостолъ, получилъ отъ Богородицы поясъ и св. убрусъ 309.

Өома, архіепископъ Кантуарійскій, которому явилась Богородица и научила его читать Ей похвалу 310.

Өома да Ерема, дурацкія персоны 360, 427.

Өома, ременикъ 190.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I и II тома.

Глава I.

Стр.

Народныя картинки, рѣзанныя деревѣ. Начало этого способа гравированія въ Европѣ; дешевыя картинки для народа: апокалипсисы, библіи для бѣдныхъ, космографіи. Начало гравированія на деревѣ въ Россіи въ 1564 г.; первыя летучія картинки: «темница святыхъ осужденныхъ» 1629 г. и преподобная Акилина; цѣлыя гравированныя изданія: библія и картинки павъ Печерскаго патерика, монаха Ильи (1646—61 г.г.), библія и апокалипсисъ іерея Прокопія (1646—62), апокалипсисъ Кореня 1696 г., картинки большаго размѣра. Гравированіе на мѣди — въ Европѣ и у насъ Граверы-серебряники: Трухменскій, Андреевъ и М. Бунинъ. Иконописецъ Симонъ Ушаковъ (1663 г.). Букварь Каріона Истомнина. Кіевскіе граверы. Гравюра при Петрѣ I. Голландскіе мастера: Адриалъ Шхопбекъ и Петръ Пикаръ; ученики ихъ: Алексѣй и Иванъ Зубовы, Матвѣевъ, Мякишевъ, Любецкій, Ростовцевъ; бібліотекаръ Василій Кипріяновъ. Уничтоженіе Петербургской типографіи; русскіе граверы обращаются къ производству народныхъ картинокъ, ради хлѣба. Мартынь Нехорошевскій, Скобелкинъ, Тихоміровъ и Пастуховъ, работавшіе въ половинѣ XVIII вѣка; мастеръ Чуваевъ. Ахметьевская фабрика народныхъ картинокъ; фабрики Логинава и другихъ мелкихъ торговцевъ; фабрика Голышева. Картинки, печатавшіяся въ Почаевѣ, Кіевѣ и Соловецкомъ монастырѣ 1

Глава II.

Откуда наши граверы заимствовали переводы (сочиненія) для своихъ картинокъ. Церковныя иконы и стѣнописи; церковныя паперти. Голландская «библія» Пискагора. Картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, передѣланныя на русскіе нравы *). — Народныя картинки, гравированныя черной манерой: фабрика Михайлы Артемьева; граверы Штенглицъ, Тихановъ, Дружининъ и Лебедевъ. — Пошибъ или стиль рисунка и сочиненія въ народныхъ картинкахъ: сперва фряжскій — у граверовъ-серебряниковъ, потомъ голландскій — живописный и, наконецъ, иконный — въ XIX-мъ вѣкѣ. — Раскраска старинныхъ народныхъ картинокъ была весьма тщательная: «Библія» Кореня, Штенглицовскія картинки. Новѣйшая раскраска по-посамъ, по описанію Голышева. Раскраска картинъ 1812 года. — Замѣтки о народныхъ картинкахъ на Западѣ и у народовъ восточныхъ: въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ 35

Глава III.

Продажа народныхъ картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ Овощномъ ряду и въ другихъ мѣстахъ; офени; цѣна картинокъ. — Назначеніе и употребленіе ихъ: картинки, вклеиваемыя въ рукописи вмѣсто рисунковъ; бумажные образа и святцы въ церквахъ; картинки, какъ украшеніе во дворцахъ, у бояръ и въ простыхъ пизбахъ. — Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ и цензура ихъ: запретительный указъ патріарха Іоакима 1674 г.; запрещеніе Синода (1766 г.) продавать картинки духовнаго содержанія, гравированныя на деревѣ; учрежденіе Изуграфской Палаты при Петрѣ I; представленіе картинокъ на разрѣшеніе архіереевъ, секвестрованіе «неиспробованныхъ» чудесъ св. Димитрія Ростовскаго въ 1760 году; полицейская цензура для народныхъ картинокъ въ концѣ XVIII-го столѣтія; назначеніе особаго цензора при Управѣ Благочинія въ 1790 году; учрежденіе духовныхъ цензоровъ въ 1799 году; Шишковскій цензурный уставъ 1826 года. Народныя картинки продолжаютъ выходить безъ просмотра цензуры. Вутурлинъ и 1311 статья Уложенія о наказаніяхъ. Истребленіе старыхъ мѣдныхъ досокъ въ Москвѣ, по приказу гр. Закревскаго въ 1851 году, и окончательное уничтоженіе оригинальнаго народнаго буффа. — Цензура царскихъ портретовъ при Петрѣ I; указъ суперъ-интенданту Зарудневу 1721 года. Безобразныя портреты императрицы Елизаветы Петровны и вел. кн. Петра Осодоровича; указы, вышедшіе по этому случаю въ 1742 и 1745 годахъ. Позднѣйшія распоряженія 65

*) (1) нѣ всегдашнемъ заимствованіи русскихъ картинокъ съ иностранныхъ образцовъ, см. написанный В. В. Стасовымъ разборъ 1-го изданія труда Д. Ровинскаго въ «Собраніи Сочиненій» 1894 г., т. II, отд. I.

Глава IV.

Женщина по взглядамъ. Ищелы и духовныхъ бесѣдъ. Жепскія злобы. Виргилій и Аристотель. Завава Путятична и Анпраксѣвна. Пьяная баба всякому жена. Картинки, представляющія любовное волокитство за женщинами и ихъ пѣвѣрность. Повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Дамскія персоны легкаго поведенія: Херсоны, пастушки, продажныя пѣмки; помѣха въ любви. **Женитьба.** Разговоръ дѣвицы съ похотливымъ старикомъ. Женихъ и сваха. Разсужденіе о жепитьбѣ и о невѣстахъ. Роспись приданому. Невѣста въ бапѣ. Доброе и худое домоправительство. Мужъ жену бьетъ, зачѣмъ негодная дома не живетъ. Разжепитьбы пѣтъ 85

Глава V.

Стр.

Ученъе въ старые годы. Строгость учителя, всегда вооруженнаго розгой. Похвала розгѣ. Боевое свойство русскаго языка. Чему учились наши прадѣды. Буквари и арифметика 1703 года. Отреченныя книги. Библия Кореня. — Лицевая космографія. Космографическія извѣстія о разныхъ пародахъ; о Россіи и Русскихъ. Александръ Македонскій и люди дивні. Битва его съ Поромъ. — Картинки изъ Русской исторіи: Осада Бѣлгорода и Мамаево побоище. — Лицевыя объявленія изъ газетъ о разныхъ чудахъ; о прибытіи слона. — Военныя извѣстія. Наши побѣды въ Пруссіи въ 1759 — 60 гг. Русскіе казаки. Войны съ Турками. Побѣды гр. Румянцева. Ходынскій праздникъ. Взятіе Очакова. Война съ Финляндіей. — Портреты царей и историческихъ людей. Дмитріевъ-Мамоновъ. Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша. Портреты иностранныхъ личностей. — Астрономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ 115

Глава VI.

Календари и альманахи. Новый 1699 годъ. Календаръ Фосбейна 1706 года. Пятилпстовой Брюсовъ календаръ и его предсказанія. Монополія на календари въ пользу Академіи Наукъ. — Гадательныя книжки: Рафли, Коло и Соломонова голова; печать царя Соломона 165

Глава VII.

Легкое чтеніе; переводные романы; Великое Зерцало. Наши заимствованія изъ западной и юго-славянской литературы и съ Востока; своеобразная обработка ихъ. — Устная литература. Сказатели былины; обработка и искаженіе былинь. Сказки и сказочники. Переписка сказокъ; сказки печатныя и лицевыя. Кіевскіе Калики. — Русскіе богатыри въ народныхъ картинкахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Добрыня Никитичъ. Изображенія другихъ богатырей. — Сказки переводныя: Бова, Петръ Златые ключи, Ерусланъ Лазаревичъ; сходство ихъ съ былинами. Другія сказки, составленныя изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, заимствованныхъ изъ произведений повѣстей. Отдѣльныя лица изъ западныхъ романовъ. Сходство героевъ нашихъ сказокъ и всей обстановки въ нихъ съ западными повѣстями. Богатырь, его конь и оружіе. Волшебницы и волшебныя вещи. Умные и дураки. — Повѣсти изъ животнаго эпоса. Коллекція звѣрей и птицъ. Птицы: Сиринъ и Алконостъ. Житіе баснописца Эзопа. — Сатирическія повѣсти и картинки. Просьба монаховъ Калязинскаго монастыря. Вятская баталія. Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ. Повѣсть о пѣтухѣ и о курахъ. Сатиры на Петра I: Мыши кота погребаютъ — оригинальная народная картинка, пародія на погребальную процессію Петра I. Ее сочинили раскольники. Составъ похороннаго поѣзда: мыши представительницы повопкоренныхъ Петромъ областей; вдова чухонка Маланья; Стефанъ Яворскій; Савва Рагузинскій; Рязанскіе Макарки. — Другіе сатирическіе листы того же времени: Баба-Яга дерется съ крокодиломъ и пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Нѣмка верхомъ на старикѣ. Паденіе антихриста. Цирюльникъ и раскольникъ. О томъ, какъ Петръ I донималъ старообрядцевъ. Пошлина съ бороды и записка раскольниковъ въ двойной окладъ. Увѣщаніе о бородѣ св. Дмитрія Ростовскаго. Указъ 20 Января 1763 года и возвращеніе русскои бороды изъ-за границы. Прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ. — Разсказы скоромнаго содержанія. Повѣсти и забавныя листы. Сатиры на стариковъ: Тарасъ плѣшвыи, Херсоны и Пастушки. Гадательная книжка и пр. Письмовникъ профессора Курганова, какъ сборникъ макароническихъ произведеній 177

Отъ редактора 287

Глава VIII.

Легенды. Страшный судъ и адскія мученія. — Сказанія о борьбѣ жизни съ смертію: зеркало грѣшника; возрастъ человѣческій; борьба жизни съ смертію. — Синодики и поминанье мертвыхъ. — Страсти Господни; крестное древо. — Образъ нерукотвореннаго Спаса. — Легенды о Богородицѣ. Иконы различныхъ явленій ея: Троеручица, Иверская и нѣк. др. — Житія святыхъ. Крайняя простота и краткость ихъ. Чудеса. Легенды о св. Герасимѣ, Петрѣ Афонскомъ, Мнѣ мученикѣ, Петрѣ мытарѣ, Евстафѣ Плакидѣ и Маріи Египетской. — Сказанія о дьяволѣ. Покаяніе пѣкаго князя въ церкви. О бѣсѣ Зереферѣ. Совокупленіе бѣсовъ съ женщинами. Повѣсть о бѣсоватой женѣ Соломоніи. — Легенды разнаго содержанія 289

Глава IX.

Народныя увеселенія: Масляница и Семикъ. Народныя увеселенія на Масляницѣ. — Борцы и кулачные бойцы. Кулачные бои у гр. А. Г. Орлова. Бой одинъ на одинъ. Борцы Сѣвильянка-свалка. Трендадо и Ботинъ. Кадикъ Ермакъ съ Парамошкой. Кукольная комедія во времена Олеарія. Петрушка, цыганъ, докторъ и «фатальный офицеръ». Собачка. Варюшка и Петрушкина свадьба. Устройство куколь. Понукалка. Раекъ. Медвѣдь съ козою. Медвѣжья пляска. Медвѣди, заводимые для потѣхи. Медвѣжья травля. Запрещеніе медвѣдямъ танцовать. **Пьянство.** Вино есть веселіе Руса, да и у другихъ народовъ оно составляетъ такое же веселіе. Горькое положеніе русскаго человѣка. Хмѣль высокая голова. Совѣты Домостроя. Бражникъ въ раю. О числѣ испиваемыхъ чарокъ. Аптека цѣлительная съ похмѣлья, спрѣчь кабакъ. **Болѣзни и лекарства противъ нихъ.** Лихорадки, зубная боль. Зеленишки. Бани и горшки. Какимъ святымъ отъ чего молиться

347

Глава X.

Стр.

Музыка и пляска. Музыкальные инструменты. Цыганское пѣнье и пляска. Бычскъ или тренакъ. Спиря. Петровскіе машкерады. — Театральныя представленія въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Пасторъ Грегори и Артаксерксово дѣйство. Комедія притчи о блудномъ сынѣ, Симеона Палестскаго. Народныя представленія при Петрѣ I. Интерлюдіи. Соломонъ и Маршалка, будочникъ и чортъ. — Пузырные звуки. Точильщикъ носовъ. Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ. Еремушка. Интерлюдіи и разговоры: женка съ свахою, Фарноса съ Пигасей и разныхъ Вавилъ и Даниль. Безстыдство въ интерлюдіяхъ и представленіяхъ у западныхъ народовъ въ XVII вѣкѣ

387

Глава XI.

Шутовство и шуты: при Иванѣ Грозномъ; при Петрѣ I. Самоѣдскій король. Капитанъ Ушаковъ; шутъ Шапскій. Шуты: Голлицы, Салтыковъ, Зотовъ и Бутурлинъ. Шутовство пополамъ съ пыткой. Петръ — врагъ сатиры; его необыкновенная жестокость. Всешутѣйшій соборъ и посвященіе изъ простыхъ чумаковъ въ цѣловальники. — Иностранные шуты: Лакоста, Педрило и Тремеръ. — Указъ Анны Леопольдовны объ упраздненіи шутовъ. — Шуты: Гонось и Фарнось Петруха. — Разные дураки и дуры; Тарасъ плышвый. Ома съ Еремой — типы русскаго всезнайки. Пономарь Парамошка и другія шутовскія персоны. — Карлы и карлицы

411

Глава XII.

Шутовскіе листы на иностранцевъ. Нѣмецъ, Нѣмка, Польскій папъ Трыкъ и Херсоня. — Карикатуры на французовъ въ 1812 году. Изгнаніе изъ Москвы французскихъ торговцевъ и артистовъ. Взятіе Москвы. Наполеонъ въ Кремлѣ. Московскіе пожары. Французская кухня. Грабежи. Бѣгство Наполеона изъ Москвы. Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ; Долбилы, Гвоздилы и Кузминичины. Вавила морозъ; холодъ и голодъ. Ростовчискіе листки и афиши. Конечное истребленіе великой арміи. Наполеонъ въ Парижѣ. Русскіе морозы. Похожденіе о Носѣ и о сильномъ Морозѣ

437

Глава XIII.

Народное богомолье. Паломничество въ Иерусалимъ. Греческіе монахи и приносимыя имъ святыни. Древніе паломники. Пріемъ странниковъ въ Иерусалимѣ и обдѣленіе ихъ таможными монахами. Путь земли, адава щель и еще другая щель; сходженіе св. огня. Святыя мѣста около Иерусалима. Апокрифическіе рассказы. Русскія святыя мѣста. Троцко-Сергіева Лавра. Кіевскія святыни. Соловецкій монастырь. Виды монастырей и духовныя картинки, раздаваемые въ монастыряхъ

465

Глава XIV.

Картинки, изданныя по распоряженію правительства. Убіеніе Жуковыхъ въ 1754 году. Всеобщее покаяніе Жуковыхъ. — Указъ о пыткѣ въ 1767 году и опасенія тогдашнихъ кнутафиловъ. Указъ о томъ же 1801 года. Кнутъ, плети и шпирутены. Двѣнадцать тысячъ безъ медика. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній. — Наши темницы и тюрьмы. Пугачевская кѣтка. Говардъ. Клоповники и Аскольдова Могилка. Тюремное томленіе. Непрактичность тюрьмы въ лѣстницѣ русскихъ наказаній. — Оспа. Димсдаль, прививающій оспу Екатеринѣ II и Павлу Петровичу. Празднество по этому случаю и чрезвычайныя награды Димсдалю. Инкуляторъ Димсдаль устриваетъ на русскія деньги торговую контору. Коровья оспа. Указы по этой части нашего правительства и народныя картинки, выпущенныя по его распоряженію

189

Алфавитный указатель

I

